Сергей Семанов, Владислав Кардашов

ИОСИФ СТАЛИН: ЖИЗНЬ И НАСЛЕДИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
Глава первая
Глава вторая
Глава третья
Глава четвёртая
Глава пятая
Глава шестая
Глава седьмая
Глава восьмая
Глава девятая
Глава десятая
ЧАСТЬ ВТОРАЯ
Глава одиннадцатая
Глава двенадцатая
Глава тринадцатая
Глава четырнадцатая
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
Глава петнадцатая
Глава шестнадцатая
Глава семнадцатая
Глава восемнадцатая
Глава девятнадцатая
ДОКУМЕНТЫ
Письма И.В. Сталина матери - Е. Г. Джугашвили
Переписка И.В. Сталина и М. А. Шолохова о раскулачивании
Беседа т. Сталина с Роменом Ролланом
Наши цели
"Окружили мя тельцы мнози тучны"
Октябрьская революция и национальная политика русских коммунистов
Выступление И.В. Сталина по радио 3 июля 1941 года
Речь И.В. Сталина на параде Красной Армии 7 ноября 1941 года на Красной площади в Москве
Приказ народного комиссара обороны Союза ССР № 227 28 июля 1942года
Обращение И.В. Сталина к народу 9 мая 1945 года
Выступление И.В. Сталина на приеме в Кремле в честь командующих войсками Красной Армии 24 мая 1945 года
Обращение И.В. Сталина к народу 2 сентября 1945 года
Речь И.В. Сталина на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа г. Москвы 9 февраля 1946 года
Речь И.В. Сталина на XIX съезде партии 14 октября 1952 года
Юрий Смирнов. Сталин и атомная бомба
Об авторах этой книги

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая

Над городом — знойное небо. Старинная крепость венчает гору. На склонах — церкви, дома, утопающие в зелени садов. Поблизости сливаются Кура и Лиахва, а вдали, в облаках, виднеются величественные вершины Кавказа. Это — сердце Карталинии, это — Гори.

Затерялось в глубине веков начало истории города. Несчетное число раз стояли иноземные полчища под стенами Горис-Цихе. Арабы и турки, татаро-монголы и персы осаждали ее. Иногда город удавалось отстоять, но чаще захватчики были многочисленнее и сильнее, и тогда поднимались пожары, на месте домов оставались развалины и пепелища...

Только после присоединения Грузии к России, только с начала XIX века покой пришел в этот край.

Уездный городок Гори в семидесятых годах прошлого столетия жил мирно и тихо. Он невелик: по переписи 1873 года насчитывалось в Гори около 6 000 жителей. Национальный состав горожан смешанный — 3 495 армян, 2 250 грузин и 254 русских. Преобладание армян не было чем-то особенным, так как в ту пору во многих городах Грузии они составляли весьма существенную долю населения.

Все лучшие дома находились на главных улицах — Царской и Тифлисской. Остальные — кривые переулки, разбросанные без всякого плана и порядка. На одной из таких улочек, взбегавших по склону горы, пыльных в сухое время и грязных в дождливое, стоял домик на кирпичном фундаменте с деревянными стена-

ми. Девятого декабря 1879 года в домике царило радостное оживление: родился мальчик.

Отец новорожденного, Виссарион Иванович Джугашвили, по профессии сапожник, был выходцем из крестьян села Диди-Лило Тифлисской губернии. В поисках заработка он переехал в Гори и здесь женился на дочери бывшего крепостного крестьянина из села Гамбареули Горийского уезда Екатерине Георгиевне Геладзе. Было ей тогда около пятнадцати лет.

Когда появился на свет Сосо (так у грузин сокращают имя Иосиф), матери едва исполнилось двадцать. До этого в семье Джугашвили было уже трое детей, но они умерли вскоре после рождения. Естественно, что отец и мать не чаяли души в единственном сыночке.

Сосо оказался крепким мальчиком. В возрасте шести-семи лет он перенес оспу. О прививках в ту пору в Гори мало кто слышал, и на лице у Сосо на всю жизнь остались легкие отметины. Чуть позже он ушиб левую руку. От ушиба началось нагноение. Сосо был при смерти.

— Не знаю, — вспоминал он, — что мне тогда помогло, крепкий организм или мазь знахарки, но я поправился...

И все же левая рука мальчика с тех пор и на всю жизнь плохо сгибалась в локте.

Жить семье Джугашвили было нелегко. Виссарион Иванович трудился не покладая рук, но его сапожническое ремесло не приносило достатка. Заработка не хватало, и спустя некоторое время после рождения сына Виссарион Иванович уехал в Тифлис. Там он поступил на работу к крупному обувному предпринимателю Адельханову в надежде поднакопить деньжат.

Этого не произошло, и позже сын Виссариона Ивановича в работе "Анархизм или социализм" имел возможность привести наглядный пример того, как возникает пролетарское сознание: "Представьте себе

сапожника, который имел крохотную мастерскую, но не выдержал конкуренции с крупными хозяевами, прикрыл мастерскую и, скажем, нанялся на обувную фабрику в Тифлисе к Адельханову. Он поступил на фабрику Адельханова, но не для того, чтобы превратиться в постоянного наемного рабочего, а с целью накопить денег, сколотить капиталец, а затем вновь открыть свою мастерскую... Работает пролетаризированный сапожник и видит, что скопить деньги — дело очень трудное, так как заработка едва хватает даже на существование..."[1]

Вряд ли можно сомневаться, о каком именно сапожнике идет речь.

Говоря о Виссарионе Джугашвили, нельзя не упомянуть об одном печальном обстоятельстве: пристрастии его к спиртному. Не зря, видимо, у многих народов существуют присловия, по-

[1] Сталин И.В. Соч. Т.I. С.314 - 315.

добные русскому, — "пьян, как сапожник". Сведения о том сохранились смутно, но так было. В 1890 году Джугашвили — отец скончался. Это произошло, когда сыну еще не исполнилось одиннадцати лет. К тому же последние годы отец жил отдельно от семьи, покинув Гори. Сын никогда ничего не говорил о своем рано ушедшем отце, но с большим основанием можно предполагать, что влияние Виссариона Джугашвили на характер юного Сосо было весьма небольшим.

Другое дело — мать. Екатерина Георгиевна, на которую пала основная тяжесть воспитания сына, работала поденщицей у более состоятельных горожан: без устали шила, стирала, пекла хлеб. Жили теперь Джугашвили в комнатенке площадью в десяток квадратных аршин, рядом с кухней. Вход — прямо со двора, без всякой ступеньки. Пол выложен кирпичом. Обстановка предельно скромная: маленький стол, табуретки, широкая тахта, покрытая соломенной циновкой — "чилони". Но за эту конуру надо было платить полтора рубля в месяц, и очень-очень не просто удавалось скопить даже такие деньги.

Несмотря на бедность, родители, в особенности мать, хотели, чтобы их единственный сыночек учился. Екатерина Георгиевна была неграмотной, не знала русского языка, но твердо решила дать образование сыну, тем более что восприимчивость и память его с малолетства бросались в глаза окружающим. Еще до поступления Сосо в школу сосед Котэ Чарквиани по просьбе матери обучил его грузинской азбуке. Екатерина Георгиевна молчаливо радовалась и гордилась способностями сына, но довольствоваться столь малым не хотела.

Гори того времени был важным центром народного образования в Закавказье. С 1876 года здесь действовала учительская семинария, при которой имелись четыре начальных училища: грузинское, армянское, русское и татарское. Кроме того, в городе находились уездное училище, православное и армяно-григорианское духовные училища, женская прогимназия и армянская женская начальная школа.

Екатерине Георгиевне очень хотелось, чтобы ее Сосело когда-нибудь стал православным священником — ведь это так почетно! Она добилась, чтобы в сентябре 1888 года, на девятом году жизни, Сосо поступил в приготовительный класс духовного училища. Достичь этого было куда как нелегко, ибо в училище определяли своих детей в первую очередь лица духовного звания. Решающую роль тут сыграли недюжинные способности мальчика. Итак, сын сапожника и поденной работницы стал на духовную стезю.

Воспоминания товарищей Сосо дают нам представление о том, каким он был в ту пору. Среднего роста, худощавый, крепкий мальчик имел веселый нрав. Взгляд — живой, но по временам очень пристальный. Движения быстрые, походка уверенная. Одет Сосо был бедно, но всегда опрятно. Зимой наде-

вал синее пальто, сапоги, войлочную шляпу, широкий красный шарф -и серые вязаные рукавицы. Книги и тетради носил в красной ситцевой сумке, перекинутой через плечо.

Преподавание в училище велось на русском языке, лишь два раза в неделю были уроки грузинского языка. Это, естественно, создавало дополнительные трудности для некоторых мальчиков-грузин, но не для Сосо Джугашвили, который очень быстро и хорошо освоил русскую речь.

С первых же недель учебы и преподаватели, и сверстники заметили, насколько способен этот мальчуган. Ни один предмет не был для него труден, с одинаковым интересом и успехом усваивал он языки и математику, историю Православной Церкви и географию. За что бы он ни брался, все прочно оставалось у него в памяти. Внимательный на уроках, Сосо благодаря своей исключительной памяти не нуждался в повторении. На вопросы учителей отвечал не торопясь, всегда обдумывая и взвешивая свои слова. Эта неспешность решений и ответов сохранилась за ним на всю жизнь.

Мальчик, несомненно, был очень талантлив. В училище не преподавали тогда рисование, но товарищи Сосо помнят, как хорошо он рисовал. Будущих священнослужителей, конечно, учили пению. Сосо, обладая хорошим голосом и слухом, пел в училищном хоре. Голос его, обычно глуховатый, во время пения становился красивым и звучным. На всю жизнь сохранил он любовь к песням. Поначалу то были многоголосые грузинские песни. Придет время, и не менее полюбит Иосиф Джугашвили русские народные...

Успехи Сосо были так велики, что училищное начальство, зная трудное материальное положение семьи Джугашвили и не желая терять столь способного ученика, исхлопотало ему ежемесячное пособие. Это было редчайшим исключением.

Хотя Сосо явно выделялся среди товарищей, он никогда не старался стать над ними, не кичился своими успехами, помогал сверстникам готовить уроки, решать задачи, рисовать карты. Товарищ его, Д.Гогохья, писал много позже: " Я, будучи уроженцем Мегрелии, произносил грузинские слова с акцентом. Это давало повод ученикам смеяться надо мною. Иосиф же, наоборот, пришел мне на помощь. Скромный и чуткий, он предложил мне:

— Ну давай, я буду учиться у тебя мегрельскому языку, а ты у меня грузинскому..."

В характере Сосо рано стали проявляться столь свойственные ему в зрелые годы решительность, уверенность в своих силах. К примеру, в третьем классе на уроке арифметики преподаватель Илуридзе при объяснении задачи запутался и не смог вывести правильного ответа.

Будучи этим весьма смущен, преподаватель объявил задачу неправильно составленной, а потому неразрешимой. Ученики

заметили его ошибку, но молчали. Однако Сосо, спросив разрешения, вышел к доске и быстро решил задачу.

Мальчик был не по возрасту серьезен. Шалостей и озорства он явно избегал, но тем не менее всегда был окружен товарищами. Особенно любил он играть со сверстниками в лапту. Умело подбирая игроков в свою команду, Сосо чаще всего выигрывал.

Главным и основным его занятием в свободное от уроков время было чтение книг. В училище имелась неплохая библиотека, но подбор книг вскоре перестал удовлетворять Сосо. Он жаловался товарищам, что не может найти хороших, интересных книг. Ученик старшего класса Ладо (Владимир) Кацховели рассказал ему о частной библиотеке Арсена Каландадзе.

Каландадзе имел в Гори типографию, книжный магазин и библиотеку, в доме у него собиралась местная интеллигенция. Пристрастившийся к чтению Сосо Джугашвили к концу своего пребывания в училище перечитал почти все книги, имевшиеся у Каландадзе. В первую очередь это были сочинения грузинских писателей — Ильи Чавчавадзе, Акакия Церетели, Игнатия Ниношвили и других. С товарищами он часто обсуждал наиболее понравившиеся ему, взволновавшие его книги. По воспоминанию П.

Кананадзе, большое впечатление на Сосо произвел рассказ И. Ниношвили "Гогия Упшвили", в котором описывалось угнетенное и бесправное положение грузинских крестьян.

Знание родной литературы, любовь к ней, несомненно, сказались на формировании характера Сосо. В это же время он стал читать произведения гигантов русской литературы — Пушкина, Гоголя, Толстого, — и столь же несомненно, что достаточно раннее знакомство с русской культурой — прежде всего с литературой и историей — имело решающее значение для формирования взглядов и настроений грузинского мальчика.

По мере того как ребенок превращался в юношу, росли его симпатии к угнетенным и сочувствие к тем, кто так или иначе проявлял свой протест против гнета. В Грузии, как и вообще в Закавказье, простой народ склонен был с симпатией относиться к тем, кто по каким-либо причинам вступал в конфликт с властью, даже если этот конфликт перерастал в обыкновенный разбой.

В 1892 году Сосо был свидетелем казни двух таких романтических разбойников. Преподаватели училища считали, что зрелище казни на площади в Гори поможет внушить молодежи чувство страха перед существующим порядком. Может быть, это и произошло с другими учениками, но Сосо был подавлен зрелищем публичной казни двух крестьян.

В июне 1894 года Сосо закончил училище. Вот текст выданного ему "свидетельства":

15

"Воспитанник Горийского духовного училища Джугашвили Иосиф... поступил в сентябре 1889 года в первый класс училища и при отличном поведении (5) оказал успехи:

По Священной истории Ветхого Завета- (5)

По Священной истории Нового Завета- (5)

По Православному катехизису- (5)

Изъяснению богослужения с церковным уставом - - (5)

русскому с церковнославянским- (5)

Языкам-греческому- (4) очень хорошо

грузинскому- (5) отлично

Арифметике- (4) очень хорошо

Географии-(5)

Чистописанию-(5)

Церковному пению русскому-(5)

и грузинскому(5)

По окончании полного курса учения в духовном училище в июне 1894 года причислен училищным правлением к первому разряду училищных воспитанников с преимуществами, присвоенными окончившим полный курс учения в духовном училище..."

"Преимущества", полученные Иосифом, состояли в том, что он мог продолжать обучение в духовной семинарии. Поскольку у матери не было средств содержать сына, его обещали взять на казенный счет.

И вот в августе 1894 года вместе с несколькими товарищами он приезжает в Тифлис и успешно сдает вступительные экзамены. Теперь он — семинарист.

Непривычно было мальчику из тихого и маленького уездного городка очутиться в большом и шумном Тифлисе. К тому времени то был уже многолюдный город: по переписи 1897 года в нем насчитывалось свыше 160 тысяч жителей. Тифлис поражал своими контрастами. Наряду с улицами вполне европейскими — богатые здания современной архитектуры, великолепные магазины, конно-железная дорога (новинка для того времени), тут же по соседству, — лабиринт узеньких, искривленных и грязных переулков, тесных площадей, базаров, обрамленных открытыми, на восточный манер, лавчонками, мастерскими, кофейнями, цирюльнями... Улицы эти и базары наполняла шумная разноязыкая толпа носильщиков, водовозов, разносчиков, всадников, вереницы вьючных ослов и мулов, караваны верблюдов. Национальный состав населения города очень пестрый: армян было 38,1%, грузин 26,3%, русских 24,8%, поляков 3,4%, персов 3,2%, татар 1,7%...

Главной улицей Тифлиса справедливо считался Головинский проспект, проложенный параллельно реке Куре, одной из красивейших была Пушкинская улица. Ее украшал бюст А.С. Пушкина и мемориальная доска, напоминавшая о том, что в 1829

году поэт побывал здесь. На Пушкинской же улице, в четырехэтажном доме № 4, помещалась Тифлисская духовная семинария. В первом этаже размещались столовая и гардеробная; второй и третий были отведены под классы, а в верхнем — спальные комнаты, по 20 — 30 человек в каждой. В здании находилась небольшая церковь.

Распорядок дня был построен так, чтобы жизнь в семинарии текла однообразно и монотонно. Вставали семинаристы в семь часов. После молитвы шли пить чай, затем в классы. Здесь дежурный ученик вновь читал молитву, и занятия продолжались, с перерывом, до двух часов дня. В три часа — обед, в пять часов перекличка, после которой категорически запрещалось покидать здание семинарии. Затем следовала вечерняя молитва, в восемь часов семинаристы опять пили чай, расходились по классам готовить уроки, а в десять часов раздавался звонок — пора спать.

В дополнение к внешнему распорядку семинарское начальство установило строжайший надзор за внутренним душевным миром семинаристов. Им запрещалось чтение художественной литературы. Особенно пресекался интерес к естественным наукам. Семинаристам не разрешалось посещать театры, публичные лекции, вообще выходить из здания семинарии без соответствующего позволения. Пропуск церковной службы, разумеется, считался крупнейшим проступком. Воспитательные "мероприятия" семинарского начальства завершались доносами и обысками, без стеснения применяемыми ректором, инспектором и большинством преподавателей.

Тифлисская духовная семинария на протяжении последних десятилетий XIX века оставалась рассадником вольнодумия в Закавказье. В семинарских событиях, как в зеркале, отражались противоречия общественной жизни этого. многонационального края. Немалая часть семинаристов, происходивших из малоимущих слоев населения, чутко воспринимала социальный гнет, жадно тянулась к знаниям и была склонна усваивать революционные идеи. Достаточно лишь назвать знаменитые имена будущих видных социал-демократов - М. Цхакая, Ф. Махарадзе, Л. Кецховели, И. Джугашвили.

По-видимому, еще в начале пребывания в доме на Пушкинской улице Сосо понял, что прижиться здесь будет трудно.

Уже на первом году семинарской жизни Сосо совершал поступки, строго осуждаемые и наказуемые начальством: он писал мирские стихи.

Четырнадцатого июня 1895 года на первой странице газеты "Иверия", редактировал которую известный грузинский писатель князь И. Чавчавадзе, было напечатано стихотворение, начинавшееся словами "Распустился бутон роз", за подписью И. Джугашвили.

Видимо, стихотворения молодого семинариста вполне удовлетворяли редактора "Иверии", так как они стали одно за другим появляться в газете: 22 сентября 1895 года было опублико-

вано "Когда на небе ясная луна", 11 октября — "Месяцу", 29 октября — "Рафаэлу Эристани", 25 декабря — "Бродил по миру словно призрак...". Все они были подписаны "Сосело". В июле 1896 года опубликовал стихотворение того же автора "Старик Ниника" журнал "Квали" ("Борозда").

Успех шестнадцатилетнего стихотворца несомненен. Стихи Сосо Джугашвили были написаны с большим литературным вкусом, образным народным языком.

...И этою надеждою томимый,

Я радуюсь душой, и сердце бьется

с силой:

Ужель надежда эта исполнима,

Что мне в тот мир, прекрасная,

явилась.

Не чужд был автор и социальных мотивов, насколько это было возможно в подцензурной газете:

И знай - кто пал, как прах, на землю,

Кто был когда-то угнетен,

Тот встанет выше гор великих,

Надеждой яркой окрылен.

Примечательна судьба стихотворений Сосело. Первое из них (июнь 1895 года) под названием "Утро", что вполне соответствует его содержанию, выдающийся грузинский педагог Я. Гогебашвили поместил в свой учебник для начальных школ "Деда Эна" ("Родное слово"). С этой книги начинало свое воспитание каждое новое поколение дореволюционной Грузии.

Стихотворение "Р. Эристави" в 1899 году было включено в юбилейный сборник Р. Эристави наряду с речами, поздравлениями, стихотворениями и посвящениями таких грузинских общественных деятелей, как И. Чавчавадзе, А. Церетели и др. В 1907 году М. Келенджеридзе, не зная автора, поместил это стихотворение в "Грузинской хрестоматии, или Сборнике лучших образцов грузинской словесности".

Тот же М. Келенджеридзе еще в 1899 году издал книгу "Теория словесности с разбором примерных литературных образцов". Здесь были приведены и разобраны лучшие образцы из произведений классиков грузинской поэзии: Ш. Руставели, И. Чавчавадзе, А. Церетели, Г. Орбелиани, Н. Бараташвили, А. Казбеги. Здесь же, на страницах 93 - 94, были помещены два стихотворения Сосело.

Поэтический успех, повторяем, был несомненен. Но... На семнадцатом году жизни его сердце и голову переполняли совсем другие чувства и мысли.

Убедившись, что семинарские науки не могут дать ответа на мучившие его вопросы, Сосо перестает уделять им то внимание, которое уделял раньше. Теперь он учится без напряжения — лишь бы сдать экзамены. Впрочем, были предметы, по которым у него всегда стояли отличные оценки: это русский язык, гражданская история и логика. Что же, впоследствии знания эти очень пригодились Иосифу Джугашвили на его длинном и сложном жизненном пути...

Всю свою энергию Сосо обращает на "светскую" литературу. Книги трудно достать, и его снабжают ими ученики старших классов. Поначалу это вполне благопристойная, подцензурная литература, затем в руки Сосо попадают книги, которые запрещены к чтению не только в стенах семинарии, но и вообще в пределах Российской империи.

В 1932 году, спустя почти сорок лет, Иосиф Виссарионович Сталин вел продолжительную беседу с немецким писателем Эмилем Людвигом. Выяснилось, что Людвиг имеет типичное для буржуа представление о том, почему тот или иной человек стал революционером:

"Людвиг. Разрешите задать Вам несколько вопросов из Вашей биографии. Когда я был у Масарика, то он мне заявил, что осознал себя социалистом уже с 6-летнего возраста. Что и когда сделало Вас социалистом?

Сталин. Я не могу утверждать, что у меня с 6 лет была тяга к социализму. И даже не с 10 или 12 лет. В революционное движение я вступил с 15-летнего возраста, когда я связался с подпольными группами русских марксистов, проживавших тогда в Закавказье. Эти группы имели на меня большое влияние и привили мне вкус к подпольной марксистской литературе".

Не удовлетворившись достаточно точным ответом, Э. Людвиг вновь вопрошает:

'Что Вас толкнуло на оппозиционность? Быть может, плохое обращение со стороны родителей?

Сталин. Нет. Мои родители были необразованными людьми, но обращались они со мной совсем не плохо. Другое дело православная духовная семинария, где я учился тогда. Из протеста против издевательского режима и иезуитских методов, которые имелись в семинарии, я готов был стать и действительно стал революционером, сторонником марксизма, как действительно революционного учения.

Людвиг. Но разве Вы не признаете положительных качеств иезуитов?

Сталин. Да, у них есть систематичность, настойчивость в работе для осуществления дурных целей. Но основной их метод — это слежка, шпионаж, залезание в душу, издевательство, — что может быть в этом положительного? Например, слежка в пансионате: в 9 часов звонок к чаю, уходим в столовую, а когда возвращаемся к себе в комнаты, оказывается, что уже за это время

обыскали и перепотрошили все наши вещевые ящики...Что может быть в этом положительного ?" [1]

Сохранился Кондуитный журнал духовной семинарии, и он буквально пестрит замечаниями и донесениями о поведении семинариста Джугашвили, на него градом сыплются предупреждения, выговоры, наказания. Поначалу это назойливые, раздражающие придирки по пустячным поводам: "Давидов и Джугашвили... продолжали разговаривать, несмотря на неоднократные мои замечания не разговаривать..."; "Джугашвили, придя в столовую к утреннему чаю, снял фуражку в самой уже столовой..."; "На утреннюю молитву явился с опозданием... Джугашвили"; "На вечернюю с акафистом опоздал Джугашвили..." и т. д. и т. п. Тут же следуют резолюции: "Обедать после других"; "Стоять в столовой".

Друзья, знавшие Сосо еще в Гори, отмечали, что в семинарии характер его заметно переменился. Оставаясь по-прежнему хорошим товарищем, он стал теперь гораздо сдержаннее в выражениях чувств, даже несколько скрытен. И немудрено — ему было что и от кого скрывать.

Уже на первом году обучения в семинарии Сосо вступает в литературный кружок, разумеется, нелегальный, хотя и не политический, а чисто просветительский. Семинаристы читали и разбирали лучшие произведения мировой, русской и грузинской литературы. Следили и за сообщениями и дискуссиями на страницах “Квали". Страстно обсуждали они воззрения языковеда Н. Марра о несамостоятельном характере происхождения грузинского языка. Положения теории Марра глубоко западут в память Сосо Джугашвили, но лишь полвека спустя он недвусмысленно выскажет свое отношение к ним...

Здесь следует ответить на немаловажный вопрос: сохранил ли воспитанник православной семинарии Сосо, православное вероучение в душе своей до зрелых дней, став во главе великого Советского Союза?

Скажем сразу, что ни одного свидетельства на этот счет, исходивших от самого Сталина, нам найти не удалось. Нет и никаких достоверных свидетельств очевидцев. Все это так. Но можно бесспорно предположить, что оставался он в душе человеком православным. Доказательства?

Да, при жизни Сталина был взорван храм Христа Спасителя, считающийся символом богоборческой деятельности коммунистов. И многие иные. Добавим: все это так. Но Сталин в 1931-м был совсем не всевластным в высшем ареопаге партии, хотя наши и зарубежные щелкоперы твердят обратное. Лишь к концу тридцатых он стал на Руси всевластным вождем. И тогда многое, лежавшее на политической поверхности, круто измени-

[1] С т а л и н И.В.Соч.-Т .13.- С113 - 114. 20

лось. Русская православная Церковь чудесным образом была поднята из бездны. Но об этом — в свое время...

Познакомился Сосо в семинарии, конечно, и с представителями марксистски настроенной интеллигенции Тифлиса. С начала 1893 года здесь существовала "Месаме даси" ("Третья группа"), в которую входили М. Цхакая, Э. Ниношвили, Н. Жордания, С. Джибладзе, И. Рамишвили, Н. Чхеидзе и другие. Печатным органом "Месаме даси" стала с 1897 года газета "Квали" (ранее это был журнал, где в июне 1896 года Сосело и опубликовал одно из своих стихотворений).

С самого начала "Месаме даси" не была однородной: большинство ее участников, возглавляемое Ноем Жордания, выступало против марксистского понимания классовой борьбы, проповедовало буржуазный национализм. Эти люди впоследствии составили ядро, основу грузинского меньшевизма. Почти все они были старше Сосо и умели хорошо излагать свои мысли, умели красиво и высокопарно говорить, прибегая к штампованным ораторским приемам, а паренек из Гори этого не умел да и не захотел обучаться ничему подобному. Посещая редакцию "Квали" (туда его привел Ладо Кецховели), Сосо внимательно слушал красноречивые излияния будущих меньшевиков, но что-то ему в этих речах не нравилось. Он стал задавать ехидные вопросы, возражать...

Познакомившись с подпольными марксистскими кружками, Сосо убедился в необходимости изменить характер занятий в кружке своих товарищей по семинарии, но сразу же натолкнулся на противодействие некоторых из них. Тогда на одном собрании он предложил дополнить программу занятий экономическими и социалистическими науками, изучать теорию социализма и историю рабочего движения. Большинство товарищей согласились с ним, и к весне 1896 года в семинарии выделилась отдельная группа, руководимая Сосо. Была собрана нелегальная библиотека, стал выходить рукописный журнал на грузинском языке, где трактовались спорные вопросы, обсуждаемые на страницах "Квали". Так как собираться в семинарии и хранить там запрещенные книги из-за слежки начальства было невозможно, участники кружка за пять рублей в месяц сняли комнату в районе

Мтацминда, где и собирались один-два раза в неделю, в послеобеденные часы, до переклички. Сюда же была перенесена и библиотечка.

Результат работы Сосо скоро сказался: в семинарии сложилась устойчивая, сплоченная группа, участники которой в литературных диспутах, беседах с товарищами легко разбивали оппонентов, проповедовавших националистические, народнические, легально-марксистские взгляды. Осенью 1897 года возник еще один марксистский кружок, и им также руководил Сосо.

Сосо знакомится с "Коммунистическим манифестом" и другими доступными российскому читателю произведениями Мар-

кса и Энгельса, читает Плеханова. Чуть позднее, в конце 90-х годов, к нему попадают работы Тулина (В.И. Ленина), направленные против народничества, "легального марксизма" и "экономизма". То, что он узнает из чтения этих книг, настолько соответствует его собственным мыслям, его личному опыту, что возникает страстное желание познакомиться с этим человеком, мыслящим столь логично и всесокрушающе.

— Я во что бы то ни стало должен увидеть его, — сказал Сосо тогда товарищу.

Читал Сосо и художественную литературу, брал ее в так называемой "дешевой" библиотеке, открывшейся в 1888 году в Тифлисе. Покупать книги он не мог — не было денег, а в дореволюционной России книги, особенно научные, стоили недешево. В букинистических же магазинах было так много интересного! Выручала память: часами простаивал семинарист в букинистических лавках, выхватывая интересующие его места, закрепляя их в памяти.

Семинарское начальство, конечно, не могло не заметить, что ученики что-то потаенно читают, оживленно спорят. В семинарии появились доносчики. Записи в Кондуитном журнале приобретают теперь иной характер.

Ноябрь 1896 года: "Джугашвили, оказалось, имеет абонементный листок из Дешевой библиотеки, книгами которой он пользуется. Сегодня я конфисковал у него сочинение В. Гюго 'Труженики моря", где нашел и названный листок”. На донесении пометка: "Наказать продолжительным карцером. Мною был уже предупрежден по поводу посторонней книги — "93-й год" В. Гюго".

Март 1897 года: "В 11 часов вечера мною отобрана у Джугашвили Иосифа... книга "Литературное развитие народных рас" Летурно, взятая им из "дешевой библиотеки"; в книге оказался и абонементный листок. Читал названную книгу Джугашвили на церковной лестнице. В чтении книг из "дешевой библиотеки" названный ученик замечается уже в 3-й раз. Книга представлена мною о. инспектору". Резолюция: "По распоряжению о. Ректора — продолжительный карцер и строгое предупреждение".

...В начале 1898 года молодой пропагандист Сосо Джугашвили пришел в кружок рабочих Главных железнодорожных мастерских Тифлиса. Вот что он говорил об этом впоследствии: "Я вспоминаю 1898 год, когда я впервые получил кружок из рабочих железнодорожных мастерских. Это было 28 лет тому назад. Я вспоминаю, как я на квартире у товарища Стуруа в присутствии Сильвестра Джибладзе (он был тогда тоже одним из моих учителей), Закро Чодришвили, Чхеидзе, Михо Богоридзе, Ни-нуа и других передовых рабочих Тифлиса получил первые уроки практической работы. В сравнении с этими товарищами я был тогда молодым человеком. Может быть, я был тогда немного больше начитан, чем многие из этих товарищей. Но, как практический работник, я был тогда, безусловно, начинающим.

Здесь, в кругу этих товарищей, я получил тогда первое свое боевое революционное крещение. Здесь, в кругу этих товарищей, я стал тогда учеником от революции. Как видите, моими первыми учителями были тифлисские рабочие..."

Квартира Вано Стуруа находилась на бывшей Елизаветинской улице в доме, где рабочие железнодорожных мастерских снимали группами по нескольку человек комнаты. Квартира была удобна в конспиративном отношении: она имела выход не только на улицу, но и во двор; выйдя во двор, можно было легко скрыться в садах, раскинувшихся за домами.

Несмотря на неопытность молодого пропагандиста, первые же его выступления в кружках запомнились рабочим. Впрочем, совсем неопытным Сосо тогда считать было нельзя: в семинарском кружке он уже кое-чему научился. Воспоминания слушателей Сосо позволяют нам представить методы его работы в кружке. Более всего занятия походили на товарищескую беседу. К каждому выступлению пропагандист тщательно готовился: перед ним лежала записная книжка или листки мелко исписанной бумаги. Речь его была насыщена примерами. Задавая рабочим много вопросов, Сосо старался тщательно отвечать на все встречные вопросы и не переходил к новой теме, пока не убеждался, что его поняли. Отвечать не торопился, слова свои обдумывал. В конце занятий подводил итоги. (Уже виден будущий Сталин.)

Занятия Сосо вел в нескольких рабочих кружках. Всего в Тифлисе их тогда насчитывалось около двадцати; они были связаны между собой, имели общие планы занятий. В том же 1898 году Джугашвили, стремясь сделать свои собеседования понятными и интересными для рабочих, составляет Программу занятий в марксистских рабочих кружках. К сожалению, текст этой программы не обнаружен до сих пор, и мы не можем судить о ней, но сам тот факт, что девятнадцатилетний семинарист берет на себя смелость составить программу для рабочих кружков и что программа эта не просто просветительно-образовательная, а именно марксистская, должен соответствующим образом характеризовать ее автора. На протяжении нескольких лет Иосиф Джугашвили наблюдал за деятельностью "Месаме даси", познакомился со многими ее руководителями. В августе 1898 года он вступает в "Месаме даси".

Как уже упоминалось, эта грузинская марксистская организация была крайне неоднородной. Ее оппортунистическое, склонное к национализму большинство возглавлял Н. Жордания. Есть основания считать, что уже в 1898 году Сосо резко критиковал Жордания. Его товарищ по семинарии П. Кананадзе вспоминал, что однажды утром, после чая, был свидетелем оживленной дискуссии между Сосо и группой учеников в Пушкинском сквере. Особенно поражала спорящих резкая оценка их товарищем статей Н. Жордания, который сумел к

тому времени составить себе определенный политический капитал, имя среди грузинской интеллигенции.

Молодой пропагандист не стеснялся критиковать Жордания и в рабочих кружках. Один из его слушателей сообщил об этом руководителям "Месаме даси". Отношение их к Джугашвили сразу же стало настороженным, а позднее — и враждебным. Так начинался многолетний спор Иосифа Джугашвили с грузинскими меньшевиками, перешедший в длительную ожесточенную борьбу словом, пером и делом.

Активность Джугашвили и его товарищей — Л. Кецховели, А. Цулукадзе — была тем досаднее для оппортунистов из "Месаме даси", что эти молодые революционеры в своих пропагандистских, агитаторских, организационных устремлениях явно следовали примеру ленинского Союза борьбы за освобождение рабочего класса.

Одной из таких демонстраций, показателем роста политической сознательности тифлисских рабочих, была первая нелегальная маевка 1899 года. Она состоялась 19 апреля за городом, в пустынной местности Грма-Геле. В подготовке ее участвовал Сосо Джугашвили.

Собрать удалось около семидесяти рабочих. Могло бы быть и больше, но маевка совпала с пасхальными праздниками, и многие рабочие уехали в родные деревни — к семьям. На холме водрузили красное знамя. Около него говорили о значении праздника 1 Мая, о роли пролетариата в революционной борьбе. Решено было и впредь праздновать 1 Мая.

Тем временем семинарское начальство стало догадываться, что Джугашвили ведет какую-то весьма опасную работу. Записи в Кондуитном журнале начинают приобретать угрожающий характер:

28 сентября 1898 года: "В 9 часов вечера, в столовой инспектором была усмотрена группа воспитанников, столпившихся вокруг воспитанника Джугашвили, что-то читавшего им... Оказалось, что Джугашвили читал посторонние, не одобренные начальством семинарии книги, составлял особые заметки по поводу прочитанных им статей, с которыми и знакомил воспитанников..."

После этого администрация устроила обыск в спальнях воспитанников. Была вынесена резолюция: "Иметь суждение о Джугашвили в правлении семинарии".

16 декабря 1898 года: "Джугашвили Иосиф во время совершения членами инспекции обыска у некоторых учащихся V-го класса несколько раз пускался в объяснения с членами инспекции, выражал в своих заявлениях недовольство производящимися время от времени обысками среди учеников семинарии и заявил при этом, что-де ни в одной семинарии подобных обысков не производится. Ученик Джугашвили вообще непочтителен и груб в обращении с

начальствующими лицами, систематически не кланяется одному из преподавателей..."

Помета из донесения: "Сделан был выговор. Посажен в карцер, по распоряжению о. инспектора, на 5 часов. Иеромонах Дмитрий".

Этот самый инспектор Дмитрий Абашидзе был главным врагом Сосо в семинарии. Он вел постоянную слежку за подозрительным семинаристом, он и настоял на том, чтобы Сосо вывели двойку по поведению. Хотя весной 1899 года Иосиф с легкостью сдал экзамены и перешел в следующий класс, Абашидзе вновь поднял вопрос о Джугашвили на заседании правления семинарии, подчеркивая его главенствующую роль в недопустимых диспутах. Настойчивость инспектора принесла наконец плоды: 29 мая 1899 года Иосиф Джугашвили из семинарии был исключен.

Глава вторая

На двадцатом году Иосиф Джугашвили расстался с последним в своей жизни образовательным учреждением. С каким же запасом знаний он ушел из семинарии? Думается, что, несмотря на удушающую тамошнюю атмосферу, кое-что из преподаваемых в определенной системе предметов пригодилось ему в последующем. В первую очередь это было хорошее знание русского языка. На всю жизнь Сосо сохранил сильный акцент уроженца Закавказья, но говорил он по-русски совершенно правильно, писал свободно и без малейших ошибок. Хорошо знал Иосиф историю и логику, которые преподавали в семинарии, но, разумеется, гораздо больше он почерпнул, занимаясь самостоятельно над социально-экономическими проблемами. Однако здесь ему предстояло еще многое углубить.

Прекратить революционную деятельность, хотя бы на время отстраниться от нее, не приходило ему в голову. Надо было только решить: что делать, как жить? Некоторое время Иосиф перебивался уроками, не упуская и здесь случая преподнести своим ученикам кое-что "сверх программы".

В числе его учеников, к примеру, был Семен, также уроженец Гори. Он намеревался избрать военную карьеру, и репетитор должен был готовить его к экзамену по русскому языку: тут Семен был не слишком-то силен. Но знакомство с Сосо имело для него неожиданные результаты — вместо офицера он стал революционером. Так Сосо, можно сказать, оказался "крестным отцом" Семена Аршаковича Тер-Петросяна — известного в революционном движении под именем "Камо". Кличку эту, только несколько позднее, придумал также Иосиф. Друзья постоянно поддразнивали Семена из-за его некоторых неправильностей

русского языка. Однажды, собираясь исполнять какое-то поручение, Семен спросил:

— Камо отнести? (Вместо — кому).

— Эх ты, камо, камо, — рассмеялся Сосо.Кличка прижилась...

В Тифлисской физической обсерватории с середины ноября

1899года в должности наблюдателя работал товарищ Сосо по Горийскому духовному училищу и семинарии Вано Кецховели— младший брат Ладо Кецховели. Ему дали при обсерватории жилую комнату. Безработный и бездомный Иосиф Джугашвили часто приходил ночевать к Вано, а затем и вовсе там поселился.В конце декабря в обсерватории освободилось место наблюдателя, и в "Отчете Николаевской главной физической обсерватории за 1899 год" значится: "С 28-го декабря поступил на службу по вольному найму обучавшийся в Тифлисской духовной семинарии И.В. Джугашвили".

Комната, которую теперь Сосо делил с Вано Кецховели, была огромной — метров сорок, одно из окон выходило на улицу. Обстановка была простой: две кровати, круглый стол, на котором по вечерам горела маленькая лампочка, несколько стульев и книги: на столе, на подоконниках, на кроватях... В начале

1900 года Сосо и Вано, к которым присоединился В. Бердзеншвили, также бывший семинарист, дали квартиру из двух комнат в нижнем этаже флигеля в саду, окружавшем обсерваторию.Сюда же приехала мать Сосо — Екатерина Георгиевна.

Слушатели рабочих кружков — благодарная аудитория, но в то же время каждая встреча с ними требовала от пропагандиста многого. Премудрости Марксовой политической экономии далеко не сразу усваивались рабочими. Как чуткий к людям человек, Иосиф не мог не почувствовать этого доверия рабочих к простоте изложения. С той поры и усвоил Джугашвили-Сталин похвальную манеру говорить и писать о сложнейших вещах логично, ясно, просто.

За рабочим районом Надзаладеви (или Нахаловка), километрах в пяти, находилось тогда небольшое Соленое озеро. Невысокие зеленые холмы окружали котловину, на дне которой поблескивала вода. В пасхальное воскресенье 23 апреля по дороге, извивавшейся среди полей и лугов, шли группы рабочих. У многих — узелки с продуктами. В условленном месте их встречали пикеты и направляли к месту маевки, которое было известно только организаторам.

Сосо, Стуруа и Закро Чодришвили выбрали место для проведения маевки. На квартире Стуруа было заготовлено красное знамя. Художник-самоучка изобразил на нем портреты Маркса и Энгельса. Были написаны лозунги и, подчеркнем это особо, исполнены были эти лозунги на трех языках: грузинском, армянском и русском. Здесь, на многонациональной окраине

Российской империи, социал-демократы непрестанно заботились о единстве своих рядов.

На маевку собралось 400 — 500 рабочих — сверх самых радужных ожиданий организаторов. На возвышении развернули красное знамя, и Чодришвили открыл митинг. Среди прочих выступал и Сосо. На его долгом пути политического деятеля то было первое появление перед большим собранием людей.

В том же году Сосо Джугашвили принял участие в подготовке и проведении крупного выступления тифлисских рабочих: августовской стачке в Главных железнодорожных мастерских. К лету 1900 года здесь сложилась очень напряженное положение: железнодорожникам была снижена заработная плата, сверхурочные работы стали системой.

Но железнодорожники не желали уступать своих прав без борьбы. В организации их сопротивления видное место занимали русские рабочие-революционеры: М.И. Калинин, С.Я. Аллилуев, а также М. Богоридзе, А. Окуашвили, В. Стуруа. Оппортунистическое большинство "Месаме даси" и в этом случае очень неохотно шло на стачку: она, видите ли, могла "рассердить" правительство! Тем не менее 1 августа железнодорожники забастовали, к ним присоединились пролетарии других предприятий Тифлиса — всего до четырех тысяч человек. Это был невиданный для Тифлиса, да и для всего Закавказья, размах. Стачка продолжалась до 15 августа, но все же рабочие не смогли победить. Более пятисот забастовщиков были арестованы.

Понесли большие потери и социал-демократы Тифлиса. Сосо, одному из руководителей стачки, удалось уцелеть — он к тому времени уже сделался незаурядным конспиратором.

В качестве "предупредительной меры" в марте — апреле 1901 года полиция арестовала ряд социал-демократов. В ночь на 22 марта в отсутствие Сосо на его квартире был произведен обыск. Жандармский ротмистр Рунич доносил 23 марта: "...Принимая во внимание, что... служащий наблюдателем в физической обсерватории Иосиф Джугашвили ведет сношения с рабочими, принадлежит, весьма возможно, к социал-демократам... постановил привлечь названного Иосифа Джугашвили и допросить обвиняемым по производимому мною... исследованию степени политической неблагонадежности лиц, составивших социал-демократический кружок интеллигентов в г. Тифлисе".

Но "допросить обвиняемым" Иосифа Джугашвили не удалось: он бросил работу и перешел на нелегальное положение. Так с конца марта 1901 года, на долгие шестнадцать лет, вплоть до февральской революции, он сделался революционером-подпольщиком. Теперь у него не будет ни постоянной работы, ни собственного жилья, ни настоящих документов, ни подлинного имени. Его ждут слежки и обыски, аресты, тюрьмы, ссылки. Единственным содержанием жизни Сосо станет борьба за дело трудящихся,и ничто не сможет свернуть его с избранного пути.

27

Удары, нанесенные охранкой, не привели тифлисских социал-демократов к бездействию. Те из них, кто, как Сосо, избежали ареста, продолжали подготовку к первомайской демонстрации. Она была перенесена на воскресенье 22 апреля, чтобы привлечь больше участников.

К 10 часам утра к Солдатскому базару под видом покупателей стали стекаться демонстранты. Вместе с М. Богоридзе, З. Чодришвили, Г. Телия здесь был и Иосиф. Всего собралось более трех тысяч рабочих. Ждали сигнала — им должен послужить красный шар, запущенный в полдень в небо после сигнального орудийного выстрела, производившегося тогда из здания Арсенала ровно в 12 часов дня.

Демонстрация началась точно по сигналу. Но как только в центре толпы водрузили красный флаг, как только М. Богоридзе начал речь, со всех сторон на демонстрантов бросились солдаты, казаки и полиция. Рукопашная схватка продолжалась без малого час.

Кецховели наладил в 1901 году в Баку прекрасную типографию, известную в конспиративной переписке под названием "Нина", и в первых числах сентября 1901 года начал печатание нелегальной газеты "Брдзола" ("Борьба"). Передовая первого номера нелегальной газеты, озаглавленная "От редакции", принадлежала двадцатидвухлетнему Сосо.

Это первое известное нам политическое произведение И.В. Джугашвили-Сталина. Для того, кто знаком с его последующими статьями и речами, очевидна особенность его стиля, проявившаяся и в этой, самой ранней его статье:

"Уверенные в том, что для сознательных читателей-грузин свободное периодическое издание является насущным вопросом; уверенные, что сегодня этот вопрос должен быть разрешен и дальнейшее промедление нанесет только ущерб общему делу; уверенные, что каждый сознательный читатель с удовлетворением встретит такого рода издание и с своей стороны окажем ему всяческую помощь, — мы, одна группа грузинских революционных социал-демократов, идем навстречу этой потребности, стремясь по мере наших сил удовлетворить желание читателей"[1] .

Уже в этом заглавном абзаце бросается в глаза, что "Брдзолу" издает именно "группа грузинских социал-демократов" и что группа эта "революционная". В статье мы находим и другие отголоски борьбы с оппортунистами, возглавляемыми Н. Жордания, с их легальной газетой "Квали".

"К сведению некоторых неискушенных читателей, — продолжает автор, — считаем необходимым сказать несколько слов о легальной газете. Мы сочли бы за большую ошибку, если бы кто-либо из рабочих считал легальную газету, в каких бы усло-

[1] Сталин И:В.Соч.-Т .1.- С.3

виях она ни выходила, какого бы направления она ни была, выразительницей его, рабочего, интересов..."[1].

Обращает на себя внимание обнаруженное автором понимание единства интересов грузинских социал-демократов и социал-демократов России, понимание, свойственное в ту пору, да и позднее, отнюдь не всем: "Грузинское социал-демократическое движение не представляет собой обособленного, только лишь грузинского рабочего движения с собственной программой, оно идет рука об руку со всем российским движением и, стало быть, подчиняется Российской социал-демократической партии..." По мнению автора, "Брдзола" должна связывать и объединять борющихся русских и грузинских рабочих, "должна быть представителем Российской социал-демократической партии и своевременно сообщать читателю о всех тех тактических взглядах, которых придерживается российская революционная социал-демократия".

Столь же четкое и определенное понимание своих задач мы находим и во второй статье Иосифа Джугашвили — "Российская социал-демократическая партия и ее ближайшие задачи". Она была помещена в № 2 — 3 "Брдзолы", вышедшем в ноябре — декабре 1901 года.

В воскресенье 11 ноября состоялась первая конференция Тифлисской организации РСДРП. 25 делегатов, представлявшие почти все тифлисские социал-демократические кружки, рассмотрели несколько вопросов и избрали Тифлисский комитет РСДРП. В состав комитета вошел и Иосиф. Вскоре, в конце ноября 1901 года, он отправляется в Батум. Есть основание полагать, что отъезду из Тифлиса предшествовало резкое столкновение с С. Джибладзе: они разошлись в оценке революционных методов борьбы. Во всяком случае направление Иосифа в Батум было важным поручением, и Тифлисское жандармское управление впоследствии отмечало: "Иосиф Джугашвили, по агентурным данным, осенью 1901 года был избран в состав Тифлисского комитета РСДРП и в конце 1901 года был командирован в качестве пропагандиста в г. Баку..."

Батум был тогда третьим после Тифлиса и Баку промышленным центром Закавказья. Через Батум вывозили нефтяные продукты из России. Ко времени появления Сосо Джугашвили в городе при населении в 30 тысяч человек было около 10 тысяч рабочих: грузины, армяне, русские, аджарцы, абхазцы, турки, греки и представители других народов своим тяжелым трудом создавали богатые прибыли для господ Нобилей, Ротшильдов, Манташевых, Хачатурянцев...

Жили рабочие в грязных предместьях: Барцхане, Городке. Особенно "колоритным" был поселок "Чаоба" — от слова "бо-

[1] Там же.- С.5.

лото". На топкой земле были разбросаны кое-как построенные домики. В дождливое время, по колено в грязи, с трудом добирались хозяева до своих жалких лачуг.

По приезде Иосиф нашел сплоченную группу рабочих: Сильвестр Тодрия, Константин Канделаки, братья Илларион и Дарсинан Дарахвелидзе, Герасим Каладзе и другие уже прошли немалую

жизненную школу, были знакомы с социал-демократическими идеями, стремились к решительной борьбе за свои права. И все же Иосиф остался ими недоволен.

На первом же собрании Иосиф сказал своим слушателям:

—Товарищи, я прислан к вам тифлисскими рабочими. Вы, наверное, знаете, что тифлисские рабочие проснулись ото сна и встали на борьбу. Батумские же рабочие, можно сказать, еще не проснулись. Я призываю вас последовать примеру ваших тифлисских собратьев по классу...

В своем стремлении "разбудить" батумских пролетариев Иосиф Джугашвили, однако, натолкнулся на противодействие: И. Рамишвили и Н. Чхеидзе, представители правого, оппортунистического крыла "Месаме даси", считали нецелесообразным, даже невозможным вести в Батуме, "где все видно как на ладони", среди "незрелых" рабочих, активную социал-демократическую пропаганду.

Сильвестр Тодрия, несколько лет читавший журнал "Квали"и полтора года посещавший воскресную школу "Месаме даси",вспоминал о таком разговоре:

"Джугашвили спросил меня:

—Чему учат вас в воскресной школе?И когда я ответил, что там объясняют, как движется солнце,он с улыбкой сказал:

—Слушай! Солнце, не бойся, не собьется с пути. А вот ты учись, как должно двигаться революционное дело, и помоги мне устроить маленькую нелегальную типографию..."

Отношения Иосифа с И. Рамишвили и Н. Чхеидзе, будущими столпами грузинского меньшевизма, сразу же стали враждебными. Не смущаясь этим, Сосо вместе с наиболее активными рабочими подготавливает оформление батумской общегородской организации революционных социал-демократов. На этом пути его ждал успех. В конце 1901 года в городе действовало по крайней мере 11 кружков, в которых объединялись рабочие разных национальностей.

В Гурии с давних пор была традиция встречи нового года -"каланда". Вечером 31 декабря 1901 года на глухой окраине Батума, на квартире С. Ломджария за праздничным столом собрались необычные гости. Под видом новогоднего праздника 25 — 30 батумских рабочих встретились на социал-демократическом собрании.

Все было как водится: и вино, и снедь, и тамада — Миха Табуния, только речи резко отличались от обычных для такого

рода застолий. Иосиф говорил несколько раз: об организации подпольной работы, стачек и демонстраций, о методах борьбы... Когда в комнату стал проникать свет зари, Иосиф позволил себе лирическое отступление:

— Вот уже и рассвет... Скоро встанет солнце... Так же светло будет нам, товарищи, в будущем, когда мы добьемся победы. Солнце будет светить для нас!

Итогом этой необычной новогодней встречи было создание социал-демократической группы, впоследствии оформившейся в Батумский комитет РСДРП.

В наступившем 1902 году одним из первых дел социал-демократов Батуми была организация нелегальной типографии. Дело это было очень трудным. Кое за чем из типографского хозяйства Иосиф и помогавший ему Камо должны были съездить в Тифлис. Остальные части станка изготовил и вывез с завода на мусорной телеге Коте Каландаров.

Типографская техника была, конечно, убогой. Наборной кассы не имелось, вместо нее Иосиф использовал несколько десятков спичечных и папиросных коробков: буквы были разложены по отдельным коробкам, которые во время набора расставлялись в определенном порядке на столе. Подготовка набора оказалась весьма кропотливым делом, но еще сложнее было печатать. Чтобы получить достаточно четкий оттиск, следовало смазать набор краской, положить на него лист бумаги и вращать ручку пресса до тех пор, пока он не начнет прижимать бумагу к набору. Рукоятку пресса приходилось вращать с большим усилием, поэтому работники типографии, в том числе Иосиф, печатали по очереди, сменяясь как можно чаще.

Деятельность Иосифа и тем более типографии привлекали внимание посторонних. Типографию перенесли в дом крестьянина-абхазца Хашима Смирбы в село Махмудиа Энынче Чантиади в семи километрах от Батума. Там же поселился и Иосиф.

Дом Смирбы стали часто посещать подпольщики — незнакомые сельчанам люди, там шла какая-то непонятная для крестьян работа. Немудрено, что однажды они пришли к незнакомцу — им оказался Иосиф — и поинтересовались, когда же он пустит в ход фальшивые деньги, которые изготовляет. Немалого труда стоило ему убедить крестьян, что он не фальшивомонетчики объяснить, чем же все-таки занимается. Надо полагать, что Сосо этого достиг, так как тайна типографии не была раскрыта.

Плоды работы Сосо и его товарищей обнаружились на предприятиях Батума уже в начале 1902 года и в первую очередь— в успехах забастовок. 26 февраля на заводе Ротшильда было вывешено объявление о расчете с 12 марта 389 рабочих. На следующий день забастовали все, требуя никого не увольнять.

Иосифа Джугашвили в Батуме в этот день не было. За десять дней до того, 17 февраля 1902 года, охранка арестовала почти

всех членов Тифлисского комитета, и он поехал в Тифлис, чтобы выяснить обстановку и приобрести типографский материал. За "учителем" срочно был послан гонец, и он немедленно возвратился.

Сосо и его товарищи вывели на манифестацию не только рабочих, но и их жен и детей. Через центр города манифестация направилась к тюрьме, но здесь полиция при помощи войск задержала более трехсот рабочих.

С утра у пересыльных казарм, где содержались все арестованные, собралась многотысячная толпа — рабочие, их друзья, жены, дети. Открыто были подняты красные знамена, раздавались революционные песни.

Не лишне будет подчеркнуть, что социал-демократы организовывали подчеркнуто мирную демонстрацию. Рабочие сознательно пришли без оружия (хотя некоторое количество револьверов имелось тогда в распоряжении комитета) и не думали о нападении на солдат. Руководители демонстрации (и в том числе Иосиф, одетый в рабочую блузу) находились тут же, в толпе.

Тем не менее власти применили оружие. Полковник Дрягин, выслушав требование рабочих об освобождении арестованных, приказал собравшимся разойтись. Рабочие не подчинились, и тогда был открыт огонь. Толпа обратилась в бегство; на месте остались 14 убитых и 54 раненых. Подобной расправы еще не случалось в Закавказье. С начала века это было второе в России кровопролитие подобного размера (первое — событие на Обуховском заводе за год до того).

Иосиф Джугашвили во время стрельбы находился в толпе: жандармские документы утверждают, что его видел там пристав 4-го участка Батума. Из воспоминаний рабочих известно также, что Иосиф вывел из толпы и доставил на квартиру раненого Геронтия Каландадзе.

Кровавое побоище произвело страшное впечатление на рабочих, но забастовка продолжалась. На следующий день, 10 марта, социал-демократы выпустили листовку, посвященную тем событиям. В день

похорон, 12 марта, распространялась вторая. Вероятнее всего, что обе они принадлежали перу молодого Джугашвили.

"Настало время, — говорилось в первой прокламации, — поднять знамя с девизом: "Долой царское правительство!"

Несмотря на суровые кары властей (350 рабочих были по этапу высланы из города), забастовка не прекращалась. Социал-демократы по-прежнему действовали энергично, в особенности Иосиф. Вместе с К. Канделаки он ездил 24 марта в Тифлис за нелегальной литературой, 28 марта в городе вновь были распространены прокламации, и рабочие, по сведениям жандармов, говорили: "Их привезли Канделаки и Джугашвили".

Полиция наконец сумела нанести ощутимый урон батумским социал-демократам: 5 апреля 1902 года на квартире И. Дарах-

велидзе в "Лиман-Мелье" были арестованы И. Джугашвили, К. Канделаки, Д. Дарахвелидзе и член нелегального гимназического кружка Вано Рамишвили. При обыске, однако, ничего особенного полиции найти не удалось (обстоятельство, свойственное всем последующим арестам И. Джугашвили-Сталина и свидетельствующее о его искусной конспирации), и товарищи Иосифа были вскоре выпущены. Самого же его засадили в тюрьму надолго.

Власти хорошо понимали, кто именно очутился у них в руках. В жандармском документе отмечалось, что Джугашвили "являлся главным руководителем беспорядков, произведенных батумскими рабочими... Руководя делом, Джугашвили держал себя в стороне, и потому не все рабочие знали о нем, с рабочими же постоянно соприкасался Канделаки, известный в рабочей среде за "помощника учителя".

Бесспорных улик против Иосифа Джугашвили было, однако, не так уж много. Поэтому он попытался создать себе алиби. В одном из жандармских документов сообщалось: "8-го сего апреля при свидании арестантов с посетителями одним из арестантов были выброшены на тюремный двор 2 записки, из коих в одной автор просит неизвестного адресата "передать в Гори, что Сосо Джугашвили арестован", а также "сейчас же сообщить об этом матери на тот конец, что если жандармы спросят ее: "когда твой сын выехал из Гори", то сказала бы: "все лето и зиму до 15 марта находился здесь (в Гори)...", а во второй записке просят какого-то Иллариона: "если приехал посланный в Тифлис человек, то скажи, чтобы он привез Георгия Елисабедова и вместе с ним пусть направил бы дело".

Поскольку записки попали к жандармам, они смогли арестовать их адресатов: учителя Сосо Иремадзе в Гори и Георгия Елисабедашвили в Тифлисе. Правда, ничего отягчающего вину И. Джугашвили от этих арестованных жандармы не добились и вынуждены были вскоре отпустить их. Безрезультатным был и обыск в Гори, допрос матери.

Следственная рутина тянулась обычным путем: допросы, очные ставки, запросы в другие города и учреждения. Лишь 17 июля 1902 года жандармы составляют описания своего узника: "Рост 2 аршина, 4,5 вершка (165 — 166 см). Телосложение среднее. Возраст — 23. Особые приметы: 2 и 3 пальцы на левой ноге срослись. Наружность: обыкновенная. Волосы: темно-коричневые. Борода и усы: коричневые. Нос: прямой и длинный. Лоб: прямой, но низкий. Лицо: длинное, смуглое и рябое".

В тюрьме он, чтобы не раскиснуть, с первых же дней установил для себя строгий распорядок: с раннего утра — гимнастика, затем изучение иностранного языка и, главное — чтение, чтение, чтение... Режим в тюрьме был не слишком строгим: она была заполнена битком, и администрация не всегда могла пресечь попытки арестантов к общению с волей. Иосиф сумел до-

вольно быстро снестись с оставшимися на свободе товарищами, получал от них сведения о происходившем и даже писал листовки.

Ему грозила суровая кара за преступления, предусмотренная статьей 251-й "Уложения о наказаниях". Кроме дела о батумской демонстрации, проводившегося Кутаисским жандармским управлением, Джугашвили привлекался в качестве обвиняемого по делу Тифлисского жандармского управления "О Тифлисском кружке РСДРП"". И в этом деле он числился одним из организаторов.

Следователи не торопились; более года просидел Иосиф Джугашвили в батумском тюремном замке. Поскольку администрации было известно, что он успешно поддерживает контакт с товарищами, оставшимися на воле, 19 апреля 1903 года его и группу других арестованных переводят в Кутаисскую тюрьму.

Когда заключенные с убогими своими пожитками собрались на тюремном дворе, произошла заминка: Иосиф, поддержанный товарищами, потребовал, чтобы для вещей администрация наняла подводу, а для заключенной женщины — Натальи Киртадзе-Сихарулидзе — извозчика. Требования арестантов пришлось удовлетворить. В Кутаиси, по выходе из вагона, Джугашвили закричал:

— Пропустите Наташу вперед, пусть все видят, что и женщины борются!

Иосифа поместили в так называемый "первый секрет" Большой тюрьмы. Кутаисская тюрьма славилась своим суровым режимом даже среди других узилищ России. Но и эти строгости не изменили поведения Иосифа. Еще в Батуме его характер был хорошо знаком тюремщикам, не раз и не два они имели возможность убедиться в твердости и настойчивости этого заключенного: Сосо неизменно во главе всех протестов против попыток ущемления прав и достоинств политических заключенных.

Не замедлил он проявить себя и в Кутаисской тюрьме. Вскоре по прибытии, 16 июля, Сосо организует забастовку заключенных. Волнения были настолько серьезными, что в тюрьму пожаловали губернатор и прокурор. Вызванный к начальству организатор выступления стоял на своем, и требования были в основном удовлетворены: политических заключенных перевели в общую камеру отдельно от уголовников; каждому разрешили, чтобы не спать на цементном полу, приобрести за свой счет тахту и т. д.

Наталью Киртадзе в Кутаисском замке поместили в отдельную камеру. Тоска одолела ее, и заключенная подолгу плакала. Но вскоре она получила записку: "Что означают, орлица, твои слезы? Неужели тюрьма надломила тебя?" Написана она была рукой Иосифа.

Тем временем улитка царского правосудия все же медленно продвигалась. Главное тюремное управление Министерства юсти-

ции 17 августа 1903 года сообщало губернатору Батумской области: "На основании высочайшего повеления, последовавшего 9 июля 1903 года по всеподданнейшему докладу министра юстиции, крестьянин Иосиф Виссарионович Джугашвили за государственное преступление подлежит высылке в Восточную Сибирь под гласный надзор полиции сроком на три года".

Вновь его переводят в Батум, где он ожидает этапа. Удивительнее всего, что на протяжении полутора лет пребывания в тюрьмах он ухитрялся не только поддерживать связи с товарищами на воле, но и быть в курсе событий, происходивших в партии.

Тем временем этап собрался. К тюремному зданию пришли родственники и друзья высланных. У Иосифа не было в Батуме родных” но зато товарищей по борьбе — многие сотни. Ссыльные, окруженные конвойными солдатами, вышли из ворот. Этап направился к пристани, откуда через несколько часов должен был отойти товарно-пассажирский пароход на Новороссийск.

Для Иосифа Джугашвили начиналась первая ссылка.

Глава третья

Путь был неблизкий: Новороссийск, Ростов, Царицын, Самара и далее по бесконечной Транссибирской магистрали... Для Иосифа то было первое, хоть и подневольное, путешествие по России, он еще не знал и не представлял, насколько отличается от родного ему Закавказья, к примеру, Восточная Сибирь, куда его забросила судьба.

Село Новая Уда, Балачанского уезда Иркутской губернии, назначенное Иосифу местом проживания, затерялось в глухой тайге на знаменитом Жигаловском тракте, по которому перегоняли этапы заключенных. Этапу приходилось пробираться сквозь таежные сопки, переправляться много раз через реки и болота, чтобы добраться до Новой Уды от железной дороги. Легче было доехать зимой, по санному пути.

Село делилось на две части. В верхней — основные "достопримечательности": окруженное высоким частоколом здание острога, церковь, две купеческие лавки, пять кабаков. Нижняя— десяток-другой домишек, по-местному — Заболотье.

Иосиф Джугашвили прибыл в Новую Уду 27 ноября 1903 года. Поселился он в Заболотье у крестьянки Марфы Ивановны Ливинцевой, в доме на краю болота. Большая перегороженная комната с огромной русской печью, в переднем углу — стол, у перегородки — топчан. В такой обстановке должен был жить ссыльный Джугашвили.

Единственным важным событием за время проживания в первой ссылке было получение им письма из далекой Германии.

"...Будучи уже в ссылке в Сибири, — это было в конце 1903 года, — я получил восторженный ответ от моего друга и простое, но глубоко содержательное письмо Ленина, которого, как оказалось, познакомил мой друг с моим письмом. Письмецо Ленина было сравнительно небольшое, но оно давало смелую, бесстрашную критику практики нашей партии и замечательно ясное и сжатое изложение всего плана работы партии на ближайший период. Только Ленин умел писать о самых запутанных вещах так просто и ясно, сжато и смело, — когда каждая фраза не говорит, а стреляет. Это простое и смелое письмецо еще больше укрепило меня в том, что мы имеем в лице Ленина горного орла нашей партии. Не могу себе простить, что это письмо Ленина, как и многие другие письма, по привычке старого подпольщика, я предал сожжению"[1] .

Содержание письма так и осталось неизвестным. Есть, однако, свидетельство, что В.И. Ленин называл своего корреспондента в письме "пламенным колхидцем".

Задерживаться в ссылке Иосиф не намеревался и времени даром не терял: он успел осмотреться, подготовиться к побегу. Первая попытка не увенчалась успехом: путник по неопытности не принял в расчет суровость сибирской зимы, замерз и даже слегка обморозил лицо. Пришлось возвратиться, запастись одеждой потеплее и снова — в побег. Исправник Балачанского уезда сообщал в Иркутск 6 января 1904 года: "Новоудинское волостное правление донесло, что административный Иосиф Джугашвили 5 января бежал, приняты меры, телеграфировано в Красноярск..." Но задержать его не удалось. Крестьянин-ямщик довез беглеца до станции Зима, там он благополучно сел в поезд и спустя некоторое время был уже в Закавказье.

Приехал он не в Гори, где жила мать, и не в Тифлис, — он поспешил в Батум — там ждали его товарищи по борьбе.

Далеко за полночь в окошко дома Натальи Киртадзе постучали.

— Кто там? — спросила хозяйка.

— Это я, открой, — голос вроде бы и знаком, голос Сосо, но откуда ему взяться здесь?

— Кто ты? — переспросила Киртадзе. И тогда Сосо ответил старым паролем:

— Да здравствует тысячу раз!

Теперь в Батуме Иосиф Джугашвили носил другую кличку: нет больше Сосо, теперь он — Коба.

В приморском городе Коба пробыл недолго и уехал в Тифлис. Здесь он вновь вошел в курс дел, их состояние не могло обрадовать Джугашвили.

[1] Сталин И.В.Соч.-Т .6.- С.53 - 54.

Почти за два прошедших года, в течение которых он был оторван от работы в социал-демократическом движении Закавказья, произошли немалые перемены. Раскол, имевший место на II съезде РСДРП, где четко определялись большевистско-революционное и меньшевистско-оппортунистическое направления в партии, разумеется, давал себя знать и в Закавказье. Вернувшиеся со съезда меньшевики сразу же повели раскольническую деятельность.

Внешняя причина раскола известна. Однако за внешними — и что бы ни говорили противники — малозначащими партийными обрядами стояло нечто весьма судьбоносное в дальнейшем пути России. Меньшевики почти сплошь состояли из евреев (украинских, польских, литовских, немецких). Следуя букве марксистского космополитического учения, они совершенно пренебрегали традициями исторической России, ее рабочими и крестьянами, всеми созидателями и собирателями. Напротив, Ленин, Сталин и большинство их сторонников исходили из российских интересов, оставаясь, разумеется, интернационалистами. Вот почему Ленин, а не Мартов (Цедербаум) стал у руля России в 1917-м, вот почему Сталин, а не Троцкий (Бронштейн) начал строить великое Советское государство.

Вот в такой момент Коба и возвратился в Тифлис. Требовалось какое-то время, чтобы разобраться в происходящем, определить свою позицию и встать на чью-то сторону. Коба не колебался: его симпатии на стороне большевиков. Был усилен и Кавказский союзный комитет РСДРП. Наряду с В.С. Бобровским и С.Г. Шаумяном в состав комитета был кооптирован и Коба.

Еще на первом своем съезде в марте 1903 года Кавказский союзный комитет выделил одного работника-профессионала, который должен был объезжать организации, ежемесячно бывать в каждой из них, помогать в постановке пропагандистской, агитационной и организационной работы, подбирать корреспондентов и собирать материал для газеты "Борьба пролетариата".

Эту работу разъездного пропагандиста и организатора доверили Кобе после его бегства из ссылки.

Некоторое время весной 1904 года Коба провел в Гори, у матери. Почти двухлетнее пребывание в тюрьме и ссылке отразилось на его здоровье. По свидетельству В. Кецховели, навестившего Кобу в апреле этого года, он похудел и выглядел утомленным.

Известные нам обстоятельства из личной жизни И.В. Джугашвили-Сталина того периода очень скудны, воспоминаний почти не сохранилось. Можно лишь упомянуть, что в том же 1904 году он женился на Екатерине Семеновне Сванидзе.

Хорошо известно, что семейная жизнь русских революционеров всегда и везде подчинялась интересам дела, тем более у такого человека, как Коба. В Гори он не задержался, а отправился в Баку. Дело в том, что в мае 1904 года руководство Бакинским комитетом РСДРП захватили меньшевики, и Кавказский союзный комитет принял меры к тому, чтобы исправить положение.

37

Баку и обстановка в нем накануне первой русской революции были исключительными, а роль этого рабочего города в тогдашних революционных событиях в высшей степени примечательна. Город, раскинувшийся амфитеатром на берегу моря, стремительно рос. Нефть, главное его богатство, неудержимо влекла не только российских, но и заграничных капиталистов. Баку являл собой такой узел классовых, политических, национальных, религиозных противоречий, что вести пропаганду социал-демократам здесь было нелегко. Однако можно было с уверенностью предсказать, что в случае обострения революционной борьбы Баку станет одним из ее стратегических центров. Поэтому В.И. Ленин и закавказские большевики постарались отстоять и упрочить свое влияние в городе нефтяников. Кавказский союзный комитет направил в бакинские организации своих представителей. Вместе с В.С. Бобровским, ПА Джапаридзе, А.М. Стопани сюда в июне 1904 года приехал и Коба.

Тогда же, 4 июня, Союзный комитет принял решение о роспуске меньшевистского бакинского комитета, а 7 июня решение это было одобрено активом бакинской организации.

На этот раз Коба в Баку долго не оставался. Ему поручили другие важные и сложные задания; все лето 1904 года он провел в разъездах по Закавказью, выступал на дискуссиях против меньшевиков, анархистов.

Разоблачению их была посвящена статья Кобы "Как понимает социал-демократия национальный вопрос", опубликованная в № 7 нелегальной газеты "Пролетариатис Брдзола" ("Борьба пролетариата") в сентябре 1904 года.

Основным содержанием статьи была полемика с газетой заграничной группы грузинских националистов "Сакартвело" ("Грузия"). Эта группа стала ядром буржуазно-националистической партии. Коба убедительно доказал вредность создания "национальных партий" для общего революционного дела. Он писал: "Для победы пролетариата необходимо объединение всех рабочих без различия национальностей. Ясно, что разрушение национальных перегородок и тесное сплочение русских, грузинских, армянских, польских и проч. пролетариев является необходимым условием победы российского пролетариата". Статья стала началом многолетней полемики Кобы с грузинскими, а также всеми прочими националистами.

К примеру, в августе 1904 года, когда меньшевистская линия возобладала в Имеретино-Мингрельском комитете, Кавказский союзный комитет послал Кобу в Кутаиси. Он действовал решительно: ознакомившись на месте с обстановкой, собрал заседание комитета с участием руководителей партийных организаций и коренным образом изменил положение. Меньшевиков изгнали из комитета; был создан Имеретино-Мингрельский большевистский комитет.

38

Живя в Кутаиси, Коба переписывался с М. Давиташвили, который по-прежнему находился в Лейпциге. Сохранились два письма Кобы от сентября-октября 1904 года. В первом из них, касаясь внутрипартийных разногласий, Коба вновь восторженно отзывался о В.И. Ленине. Упрекая М.С. Ольминского за шутливость его брошюры "Долой бонапартизм", Коба писал: "Человек, стоящий на нашей позиции, должен говорить голосом твердым и непреклонным. В этом отношении Ленин — настоящий горный орел". Далее Коба присоединяется к ленинской постановке вопроса о стихийности и сознательности в рабочем движении и утверждает: "Ленин установил теоретический базис, на котором и строится этот практический вывод. Стоит только принять эту теоретическую предпосылку, и никакой оппортунизм не подступит к тебе близко".

Во втором письме Коба сообщал о принятии Бакинским и Имеретино-Мингрельским комитетами резолюций о немедленном созыве съезда. Тут же он весьма красноречиво отзывался о письме Кострова (псевдоним Н. Жордания), а самого автора обозвал "ишаком". Этот эпитет в применении к лидеру меньшевиков станет для Кобы постоянным.

Заканчивался 1904 год. Неудачная для России война с Японией усугубила революционное брожение в стране.

В Закавказье либерально-буржуазные и дворянские группы также включились в эту "банкетную кампанию". Закавказские меньшевики предлагали рабочим принимать участие в банкетах либералов и выступать там с заявлениями о поддержке их конституционных пожеланий.

На одном из таких собраний в Тифлисе выступал Коба. Банкет состоялся в зале Артистического общества. Готовились к нему долго, и собралось более 700 человек. "Цвет" тифлисской интеллигенции и буржуазии, заполнив концертный зал и примыкающие помещения, намеревался продемонстрировать "свою политическую зрелость".

Готовились и большевики. Петр Монтин, бывший ученик Кобы по кружку, сколотил надежную группу рабочих-железнодорожников. Заранее добыли гостевые билеты. Придя поодиночке на банкет, рабочие сгруппировались вокруг Кобы и Монтина, до поры до времени делая вид, что не знакомы друг с другом.

С самого начала банкета стало ясно, кто и с какими целями организовал его. Присутствующим была роздана подготовленная резолюция. Председатель собрания и его товарищи были определены без голосования, и это вызвало недоумение тех, кто не был посвящен в механику происходившего.

Председатель сразу же объявил, что ораторы не должны выходить из отведенных заранее рамок и завершиться собрание должно принятием выработанной резолюции. Это вызвало протест: в противовес навязанной резолюции большевики передали в президиум

свою. Прочитав ее, председатель побелел и категорически отказался огласить. В зале поднялся шум, послышались крики:

—Цензура не нужна!

Слово попросил Коба и, разумеется, его не получил. Тогда по знаку Монтина рабочие окружили Кобу, он поднялся на стул, и, несмотря на крики, произнес краткую речь, завершив ее призывом:

—Долой самодержавие!

Лозунг тотчас подхватили рабочие и некоторая часть публики. Это произвело на всех остальных громадное впечатление. Все смешалось, часть испуганных либералов бросилась к выходу, другие стали теснить рабочую группу. Монтин подал сигнал, после чего большевики выбрались из зала и с предосторожностями, по одному, разошлись.

В декабре 1904 года Коба участвовал в организации одного из самых крупных рабочих выступлений того времени. В Баку положение осложнилось. Нефтяные промыслы сокращали добычу, рабочих то и дело рассчитывали, росла безработица, возникали столкновения на предприятиях.

...Стачка началась 13 декабря. На следующий день она стала всеобщей.

Был создан стачечный комитет, в который из большевиков вошли П. А. Джапаридзе, А. М. Стопани, И. Т. Фиолетов. В городе не прекращались митинги и демонстрации. Перед тысячными аудиториями много раз выступал и Коба. Власти пускали в ход оружие, появились убитые и раненые.

Первая русская революция началась с событий 9 января в Петербурге. Совпадение, конечно, случайное, но 8 января в нелегальной авлабарской типографии Кавказского союзного комитета была отпечатана листовка "Рабочие Кавказа, пора отомстить!". Написал ее Коба. "Русская революция неизбежна. Она так же неизбежна, как неизбежен восход солнца!.. Пора разрушить царское правительство! И мы разрушим его!"

Напряжение в Закавказье, как и во всей стране, стремительно нарастало. В Батуме 17 января забастовали портовые рабочие и железнодорожники. Спустя сутки началась политическая стачка в Тифлисе, к 20 января она стала всеобщей. В тот же день началась забастовка в Кутаиси. Бастовали рабочие в Сухуми, Поти, Чиатурах... В Баку 6 — 9 февраля произошли кровавые вооруженные столкновения между армянским и азербайджанским населением.

Коба в это время трудится с величайшим напряжением: 13 февраля он пишет листовку "Да здравствует международная солидарность!" — о событиях в Баку, 15 февраля — листовку "К гражданам" — о многолюдной демонстрации в Тифлисе. Коба все время в разъездах: он организует, наставляет, доказывает, спорит... Одной из самых ожесточенных схваток с меньшевиками стала для Кобы дискуссия в Батуме против И. Рамишвили,

Р. Ареенидзе в апреле 1905 года. Ненависть оппортунистов к Кобе беспредельна.

Большевики Закавказья, проводя в жизнь выработанную на III съезде тактику, столкнулись с немалыми трудностями. О них-то и сообщал в письме от 8 мая 1905 года "Вано" — Иосиф Джугашвили. "Я опоздал с письмом, товарищ, — писал он. — Не было ни времени, ни охоты писать. Пришлось все время разъезжать по Кавказу, выступать на дискуссии, ободрять товарищей и т. д. Поход был повсеместный со стороны меньшевиков, и надо было дать отпор. Людей у нас почти не было (и теперь очень мало, в 2 — 3 раза меньше, чем у меньш.), и приходилось работать за троих... Теперь я немного свободен и спешу поделиться впечатлениями — лучше поздно, чем никогда".

Далее Вано, очень хорошо осведомленный о состоянии партийных дел в Закавказье, характеризовал обстановку в социал-демократических организациях: "Положение дел у нас таково. Тифлис почти целиком в руках меньшее. Половина Баку и Батума тоже у меньшевиков. Другая половина, часть Тифлиса, весь Елизаветполь, весь Кутаисский район с Чиатурами (марганце-промыш. район — 9 — 10 000 раб.) и половина Батуми у большинства. Гурия в руках у примиренцев, которые решили перейти к меньшевикам. Курс меньшевиков все еще подымается. Хотя зоркий взгляд подметит и обратную тенденцию, все более обнаруживающуюся в Тифлисе и Батуме".

В мае 1905 года появилась брошюра Кобы "Коротко о партийных разногласиях". В этой брошюре была дана резкая и хорошо мотивированная отповедь злобным нападкам кавказских меньшевиков, прежде всего Жордания, на Ленина в меньшевистской газете "Социал-Демократ".

Позиция Кобы была выражена в четких и строгих формулировках, понятных и доступных читателям-рабочим. Вот что писал он о назначении российской социал-демократии: "Наша обязанность, обязанность социал-демократии, — совлечь стихийное движение рабочих с тред-юнионистского пути и поставить его на путь социал-демократический. Наша обязанность — внести в это движение социалистическое сознание и объединить передовые силы рабочего класса в одну централизованную партию. Наша задача — идти всегда во главе движения и неутомимо бороться со всеми — будь то враг или "друг", — кто будет мешать осуществлению этих задач".

Литературная работа, как она ни была важна, не отнимала всего времени Иосифа. Он и в ту пору уже сочетал практическую работу с теоретической. Все лето 1905 года он по-прежнему в разъездах.

Революция в стране нарастала. Забастовки и демонстрации одна за другой следовали в городах Грузии. В деревнях устраивались собрания и митинги, начались вооруженные выступле-

ния против помещиков и царских чиновников. Влияние революционных партий росло.

В октябре всю страну охватывает политическая стачка. В Тифлисе она стала всеобщей 15-го числа. Остановились предприятия и городской транспорт, прекратили подачу энергии электростанции,

закрыты почта и телеграф, магазины, лавки. Прекратились занятия в школах, перестали выходить газеты...

Николай II 17 октября 1905 года подписал манифест, в котором обещал даровать свободу совести, собраний и союзов...

Весть о царском манифесте пришла в Тифлис в ночь на 18 октября. С утра на Головинском проспекте у редакции газет собрались толпы народа. В 11 часов утра был опубликован бюллетень Петербургского телеграфного агентства. Толпа расхватывала его. Настроение в городе становилось все более приподнятым...

На митинге в Надзаладеви (она же Нахаловка) верховодили меньшевики. Начало положили Н. Жордания и И. Рамишвили. Последний торжественно возглашал:

—Отныне самодержавия нет, самодержавие умерло! Россия входит в ряды конституционных государств!

Затем последовали лозунги, призванные запутать рабочий класс:

—Мы не хотим оружия, долой оружие!

Настроение огромного митинга было благодушным: как же, бескровная победа, зачем еще и оружие! Но большевики, не смущаясь этим, стали рассеивать конституционные иллюзии собравшихся.

Выступил и Коба.

—У вас одна плохая привычка, — заявил он, — о чем я должен вам прямо сказать: кто бы ни вышел и что бы ни сказал,вы встречаете с радостью и аплодисментами. Вам говорят: "Да здравствует революция!" — вы аплодируете. "Да здравствует свобода!" — вы аплодируете, это хорошо. Но когда говорят: "Долой оружие!", вы и этому аплодируете. Какая революция может победить без оружия и кто тот революционер, который говорит:долой оружие? Оратор, который это говорит, наверное толстовец, а не революционер, и кто бы он ни был, он враг революции, свободы и народа!

В толпе послышались голоса: — Кто это такой? Кто говорит? А Коба продолжал:

—Что нужно, чтобы действительно победить? Для этого нужны три вещи, хорошо поймите и запомните: первое, что

нам нужно, — вооружение, второе — вооружение, третье — еще и еще раз вооружение!

Раздались громкие аплодисменты...

В листовке "Граждане!", напечатанной в октябрьские дни 1905 года, Коба писал: "Час восстания близок! Необходимо,

чтобы мы встретили его во всеоружии! Только в таком случае, только при помощи всеобщего, повсеместного и одновременного вооруженного восстания мы сможем победить нашего гнусного врага -проклятое царское самодержавие..."

Воспользовавшись относительной свободой слова (правительство просто не в состоянии было контролировать печать по-прежнему), большевики с 20 ноября 1905 года стали выпускать легальный "Кавказский рабочий листок". В начавшейся газетной работе Коба — один из самых деятельных. В первом номере газеты в качестве передовой помещена статья Кобы, в которой он вновь призывал к вооруженному восстанию.

Коба мог считать себя бывалым человеком. Семь — восемь лет революционной борьбы, двадцать месяцев тюрьмы, ссылка в Сибирь — все это чего-нибудь да стоило.

Надвигался декабрь 1905 года — наивысшая точка революции. Провести его Кобе суждено было вдали от Грузии. С мандатом от Кавказского союзного и Тифлисского комитетов он уехал на IV съезд РСДРП. Вместе с ним ехал Г. Тевия.

К 10 декабря в Петербург съехалась только часть делегатов: декабрьская всеобщая забастовка и вооруженное восстание сделали невозможным приезд остальных. Было решено провести вместо съезда большевистскую конференцию. Она проходила с 12 по 17 декабря в Таммерфорсе (Финляндия). Здесь Коба впервые увидел Ленина. Об этом он рассказывал так:

"Я надеялся увидеть горного орла нашей партии, великого человека, великого не только политически, но, если угодно, и физически, ибо Ленин рисовался в моем воображении в виде великана, статного и представительного. Каково же было мое разочарование, когда я увидел самого обыкновенного человека, ниже среднего роста, ничем, буквально ничем не отличающегося от обыкновенных смертных..."

В этих словах, сказанных Сталиным в январе 1924 года, когда Ленина уже не было в живых, после того как сам он за двадцать лет повидал немало и по-настоящему незаурядных, и выспренне "великих" деятелей, все еще звучит наивная уверенность не потерявшего романтизма молодого человека. Кроме того, родился этот молодой человек на отдаленной азиатской окраине России, где понятия о величии не всегда соответствовали европейским...

Слова эти хорошо известны всему миру, их толкуют по-разному. Злопыхатели глумятся. Однако при спокойно-объективном восприятии видно, как точно Сталин передал свои молодые чувства, такое может сделать только тот, кто обладает литературным дарованием.

Тут же следует договорить до конца. Всю жизнь — и при работе непосредственно с Лениным, и тридцать лет после него — Сталин отзывался о нем с величайшим уважением. Как талантливый политик, он прекрасно понимал, что ему не след хоть

как-то бросать тень на человека, чье дело он унаследовал. (Полной противоположностью у нас был болтливый шут Никита Хрущев, да и разве он один!) Но сохранились смутные свидетельства, что в глубине души Сталину отнюдь не все нравилось в ленинском понимании вещей. Безусловно, это так. Не тревожа образа усопшего вождя, он — и в теории, но особенно в практике — осторожно изменял кое-что из ленинского наследия. Об этом будет рассказано в соответствующих главах.

* * *

...Стенограмм на конференции не велось, а краткие протокольные записи, как и записи ораторами своих речей, утеряны. Поэтому происходившее на конференции очень трудно восстановить в подробностях. Председательствовал на заседаниях Ленин. Началась конференция с отчетов делегатов. Коба докладывал о работе Закавказской организации, а затем выступил с речью в защиту тактики активного бойкота Государственной думы.

Центральными на конференции были, конечно, две речи Ленина — о текущем моменте и об аграрной революции. Вот впечатления Кобы: "Это были вдохновенные речи, приведшие в бурный восторг всю конференцию. Необычайная сила убеждения, простота и ясность аргументации, короткие и всем понятные фразы, отсутствие рисовки, отсутствие головокружительных жестов и эффектных фраз, бьющих на впечатление, — все это выгодно отличало речи Ленина от речей обычных "парламентских" ораторов.

Но меня пленила тогда не эта сторона речей Ленина. Меня пленила та непреодолимая сила логики в речах Ленина, которая несколько сухо, но зато основательно овладевает аудиторией, постепенно

электризует ее и потом берет в плен, как говорят, без остатка. Я помню, как говорили тогда многие из делегатов: "Логика в речах Ленина — это какие-то всесильные щупальца, которые охватывают тебя со всех сторон клещами и из объятий которых нет мочи вырваться: либо сдавайся, либо решайся на полный провал".

Конференция в Таммерфорсе прошла с подъемом: в России повсеместно шли вооруженные выступления, делегаты готовились к бою. В перерывах они учились стрелять. По предложению Ленина конференция спешно завершила работу, и делегаты разъехались, торопясь поспеть к самым главным событиям.

В Закавказье вооруженные нападения на полицию и войска, покушения на чиновников продолжались еще с лета 1905 года, умножаясь с каждым месяцем. К декабрю ряд районов окраины империи практически находился в руках восставших, и правительство вынуждено было ввести крупные военные силы, чтобы вновь добиться контроля над положением.

В такой обстановке от социал-демократов требовалось сплочение рядов. Подготовка к IV съезду в Грузии с начала 1906 года шла в ожесточенной борьбе. В силу ряда причин возобладала оппортунистическая линия: из одиннадцати делегатов, посланных Тифлисом на съезд, большевиком был только один — Коба.

Вновь с юга на север пересекает он Россию. В Петербурге выясняется, что, несмотря на объявленные царским манифестом свободы, провести в России съезд такой революционной партии, как РСДРП, нет возможности. Поэтому предстоит поездка в Швецию.

Первое в своей жизни путешествие за границу Коба совершил без особых приключений. Организаторы съезда не располагали обильными денежными средствами, и делегатов размещали на жительство по два-три человека вместе. Кобу поместили в небольшой комнатке на втором этаже; внизу шумели посетители питейного заведения — не то бара, не то ресторана. В комнатке уже находился другой жилец. Вот что писал он о встрече с Кобой (он называл себя Ивановичем) спустя многие десятилетия: "В эту же комнату вскоре поселили еще одного делегата съезда, по фамилии Иванович. Это был коренастый, невысокого роста человек, примерно моих лет, со смуглым лицом, на котором едва заметно выступали рябинки — следы, должно быть, перенесенной в детстве оспы. У него были удивительно лучистые глаза, и весь он был сгустком энергии, веселым и жизнерадостным. Из разговоров с ним я убедился в его обширных знаниях марксистской литературы и художественных произведений, он мог на память цитировать полюбившиеся ему отрывки политического текста, художественной прозы, знал много стихов и песен, любил шутку. Мы подружились..."

Поскольку до начала съезда еще оставалось время, делегаты Володин (Климент Ефремович Ворошилов) и Иванович (Коба) вместе бродили по городу, не слишком удаляясь от дома, так как не знали шведского языка. Все им было внове — и природа, и архитектура, и люди: все хотелось посмотреть, везде побывать.

Повестка дня съезда была чрезвычайно напряженной. Делегатам предстояло высказать свое мнение: 1) о пересмотре аграрной программы; 2) об оценке текущего момента и классовых задач пролетариата; 3) об отношении к Государственной думе; 4) о вооруженном восстании; 5) о партизанских выступлениях; 6) о профессиональных союзах; 7) об объединении с национальными социал-демократическими организациями; 8) об уставе партии. По каждому из этих вопросов на съезде шла оживленная, вернее — ожесточенная, дискуссия, мнения выступающих были самые разные, порой противоположные, ораторы не Щадили ни себя, ни своих идейных противников.

Сразу же выяснилось, что перевес сил на съезде — у меньшевиков: против 46 большевистских голосов они располагали

62-мя. Это наложило отпечаток на ход съезда и предопределило характер основных принятых решений.

На этом съезде Коба во второй раз увидел В. И. Ленина и впервые — в роли побежденного.

Делегат Иванович был очень активен на съезде. Он трижды выступал, неоднократно делал заявления и разъяснения. Знакомство с протоколами съезда, с результатами многочисленных голосований показывает, что Иванович всегда придерживался ленинских позиций. Но было одно исключение, и о нем надо сказать.

Жаркие споры на съезде вызвало обсуждение аграрной программы. С докладом от большевиков выступал Ленин, защищавший требование конфискации помещичьих земель и программу национализации всей земли. Меньшевик Маслов отстаивал программу муниципализации земли. Среди большевиков в этом вопросе не было единства. Многие из них настаивали на разделе помещичьих земель и передаче их в частную собственность крестьян, этой точки зрения придерживался и Иванович. Спустя сорок лет он так объяснял свою точку зрения: "Мы, практики, не вникали в это дело и не понимали его великого значения ввиду нашей недостаточной теоретической подготовленности, а также ввиду свойственной практикам беззаботности насчет теоретических вопросов..."

Весьма темпераментным было выступление Ивановича при обсуждении оценки текущего момента. Очень четко он охарактеризовал основу разногласий между большевиками и меньшевиками:

— Или гегемония пролетариата, или гегемония демократической буржуазии — вот какой вопрос стоит в партии, вот в чем наши разногласия.

Возвратившись в Грузию, Коба продолжает борьбу с меньшевиками. В Тифлисе на грузинском языке в 1906- 1907 годах, издавалось (последовательно, по мере закрытия их властями) несколько большевистских газет: "Ахами Цховреба" ("Новая жизнь"), "Ахами Дрсеба" ("Новое время"), "Чвени Цховреба" ("Наша жизнь"), "Дро" ("Время"). Коба организует выпуск газет, редактирует их, пишет статьи, чаще всего — очень резкие по содержанию. Так, из-за статьи Кобы "Международная контрреволюция" в двадцатом номере "Ахами Цховреба" от 14 июля 1906 года газета была закрыта местными властями.

В этой же газете Коба начал печатать один из главных своих дореволюционных теоретических трудов — "Анархизм или социализм?" Группа анархистов, возглавляемая В. Черкезишвили, в условиях отступления революции вела ожесточенную кампанию против социал-демократов и достигла определенных успехов среди мелкобуржуазных и деклассированных элементов населения Грузии. Коба подверг в серии статей уничтожающей критике анархизм. В доступной и популярной форме он разъяснил грузинским читателям, что такое материализм и диалек-

тика, что такое исторический материализм. Особо надо отметить совершенно необходимую в данном случае популярность изложения:

"Эта партия должна быть революционной партией, — и это потому, что освобождение рабочих возможно только революционным путем, при помощи социалистической революции.

Эта партия должна быть интернациональной партией, двери партии должны быть открыты для каждого сознательного пролетария, — и это потому, что освобождение рабочих — это не национальный, а социальный вопрос, имеющий одинаковое значение как для пролетария-грузина, так и для русского пролетария и для пролетариев других наций.

Отсюда ясно, что чем теснее сплотятся пролетарии различных наций, чем основательнее разрушатся воздвигнутые между ними перегородки, тем сильнее будет партия пролетариата..."

На межрайонном собрании Тифлисских организаций РСДРП, состоявшемся 6—7 июня 1906 года, обсуждался порядок дня предстоящего съезда представителей кавказских партийных организаций.

Большевистская газета "Кайц", выходившая на армянском языке, так излагала происшедшее на собрании: "Сам порядок дня в целом не дал повода к отдельным разногласиям и спорам, хотя на некоторых пунктах и останавливались подолгу, но такой важный и злободневный вопрос, как национальный, не получил окончательного решения, так что пришлось перенести его на следующее собрание для более подробного обсуждения. Докладывавший по этому вопросу тов. Со (это был Коба), разбирая кавказский национальный вопрос с пролетарской точки зрения, решительно возражал против любой автономии, доказав, что все эти лозунги чисто буржуазные и в конечном счете ведут к защите интересов помещиков и капиталистов. Он указал, что мы не должны создавать национальные перегородки между борющимися пролетариями отдельных национальностей Кавказа, воспитывавшимися в течение стольких лет в духе классовой международной солидарности... Таким образом, товарищ полностью стоял на почве нашей программы, принятой II съездом партии".

Начало 1907 года было для него периодом напряженной литературной работы. Чтобы представить ее размах, достаточно лишь перечислить его статьи, напечатанные в это время в газетах, где он деятельно сотрудничал.

1 января 1907 года вышел № 1 газеты "Мнатоби" ("Светоч"), в издании которой Коба активно участвовал.

Тогда же в № 8 газеты "Ахами Дрсеба" напечатано продолжение работы Кобы "Анархизм или социализм?".

10 февраля он пишет предисловие к грузинскому изданию брошюры К. Каутского "Движущие силы и перспективы русской революции".

18 февраля выходит № 1 газеты "Чвени Цховреба" со статьей Кобы "Избирательная борьба в Петербурге и меньшевики". Издание газеты во многом явилось плодом усилий Кобы.

21 — 28 февраля в этой газете печатается продолжение работы "Анархизм или социализм?".

11 марта опубликован № 1 газеты "Дро". Коба — среди ее организаторов и издателей.

13 марта в "Дро" напечатана его статья "Самодержавие кадетов или самодержавие народа?".

17 марта в № 6 "Дро" опубликована статья Кобы "Памяти тов. Г. Телия".

4 — 6 и 10 апреля в "Дро" печатается продолжение работы "Анархизм или социализм?".

8 апреля там же — передовая статья "Передовой пролетариат и пятый съезд партии".

10 апреля там же — статья "Неразбериха"...

13 апреля там же — статья "Наши кавказские клоуны"...

В середине апреля Коба поехал на V съезд РСДРП. Этому предшествовала жаркая схватка с меньшевиками. Кобу-делегата отстояли рядовые члены партии.

О том, чтобы провести съезд в России, и думать не приходилось, но оказалось, что в Европе не так-то уж много мест, где могли бы собраться без помех российские социал-демократы. Как и в прошлый раз, путь лежал через Финляндию. Затем — пароход на Стокгольм. Делегатов съезда на нем собралось несколько десятков. Сразу же по выходе в море они отбросили конспирацию, начали беседовать, затем

спорить... В самый короткий срок палуба парохода заполнилась смеющимися и даже дурачащимися пассажирами третьего класса. Капитан, не понимая, что происходит, глядел на все это в изумлении...

Из Стокгольма отправились в Данию. Но здешнее правительство распорядилось, чтобы нежеланные гости немедленно оставили страну. Возвратились в Швецию, однако шведская полиция заявила, что через три дня делегаты должны покинуть страну, таково решение правительства. Отказались допустить съезд к себе и норвежские власти. С большим трудом удалось договориться о транзитном проезде через Данию и оттуда — пароходом в Англию.

Переход через Немецкое море прошел без помех. Публика на пароходе ехала респектабельная, и потертые пиджаки, залатанные ботинки многих делегатов, как и почти полное отсутствие багажа, возбуждали подозрение у команды и пассажиров. Для западноевропейского буржуа скверно одетый человек — всегда подозрителен, а тут их целая толпа, да они еще русские революционеры! Особенно "живописно" выглядели некоторые делегаты с Кавказа — побоявшись ехать налегке, кое-кто из южан путешествовал в папахах и бурках.

48

V съезд, заседавший с 30 апреля по 19 мая 1907 года в Лондоне, был очень представительным (303 человека с решающим голосом и 39 с совещательным от 150 тысяч членов партии). Большевики на съезде имели перевес: революция, отступавшая в России, многому научила социал-демократов, подтвердила правильность большевистской тактики.

Вновь, во второй раз, наблюдал Коба, как умело, выдержанно и в то же время темпераментно ведет борьбу со своими идейными противниками В. И. Ленин. "Я впервые видел тогда Ленина в роли победителя, — вспоминал позже Коба-Сталин. — Обычно победа кружит голову иным вождям, делает их заносчивыми и кичливыми. Чаще всего в таких случаях начинают торжествовать победу, почивать на лаврах. Но Ленин ни на йоту не походил на таких вождей. Наоборот, именно после победы становился он особенно бдительным и настороженным".

В работе съезда Коба участвовал с совещательным голосом, полномочия его и М. Цхакая яростно оспаривались меньшевиками в мандатной комиссии. В этот раз Коба на съезде не выступал, и в протоколах имеется лишь заявление делегатов Ивановича, Сурена и Борчалинского (Кобы, Шаумяна и Кахояна), в котором опровергались утверждения кавказских меньшевиков о якобы пролетарском составе их организаций, пославших на съезд так много делегатов-оппортунистов. "Заявления т. Церетели, — говорилось в опровержении, — о пролетарском характере кавказских организаций и о том, что кавказский пролетариат одобряет деятельность думской фракции, заключают в себе маленькое "уклонение от истины". Кавказские меньшевистские организации состоят почти сплошь из городской и сельской мелкой буржуазии. Из 18 тысяч членов партии на Кавказе, представленных здесь на съезде, можно насчитать не более 6 000 пролетариев. <...> Мы утверждаем, что кавказский пролетариат даже не знаком в достаточной мере с деятельностью фракции". Как видно, опровержение совершенно безусловное, и немудрено, что на авторов обрушился гнев кавказских меньшевиков.

Очевидно, Коба вел тщательные записи, так как в июне — июле 1907 года в "Бакинском пролетарии" он опубликовал пространные "Записки делегата — "Лондонский съезд РСДРП". Характеризуя значение съезда, Коба писал: "Фактическое объединение передовых рабочих всей России в единую всероссийскую партию под знаменем **революционной** социал-демократии — таков смысл Лондонского съезда, таков его общий характер".

Коба проанализировал состав съезда и пришел к интересным выводам. Определив, что среди делегатов-меньшевиков процент рабочих гораздо ниже, чем у большевиков, Коба обращался к читателям: "Мы все были "изумлены" этой статистикой. Как? Меньшевики так много кричали об интеллигентском составе нашей партии, они день и ночь ругали большевиков интеллигентами, они грозили прогнать всех интеллигентов из партии, они все время

третировали профессиональных революционеров — и вдруг у них во фракции оказалось гораздо меньше рабочих, чем у "интеллигентов"-большевиков! У них оказалось гораздо больше профессиональных революционеров, чем у большевиков!.."

С цифрами в руках Коба доказал, что большевистские делегаты на съезд посылались от крупных промышленных районов, а меньшевистские — от ремесленных и крестьянских, и заключал: "Очевидно, тактика большевиков является тактикой тех районов, где классовые противоречия особенно ясны и классовая борьба особенно резка. Большевизм — это тактика настоящих пролетариев".

К подобному же выводу Коба пришел и при анализе национального состава делегатов: "Статистика показала, что большинство меньшевистской фракции составляют евреи (не считая, конечно, бундовцев), далее идут грузины, потом русские. Зато громадное большинство большевистской фракции составляют русские, далее идут евреи (не считая, конечно, поляков и латышей), затем грузины. По этому поводу кто-то из большевиков заметил шутя (кажется, тов. Алексинский), что меньшевики — еврейская фракция, большевики — истинно русская, стало быть, не мешало бы нам, большевикам, устроить в партии погром".

На съезде Коба встретился и познакомился с А. С. Бубновым, К.Е. Ворошиловым, В. П. Ногиным, К. Н. Самойловым и другими. С этими людьми Кобе еще не раз придется встречаться и работать вместе: и в подполье, и в ссылке, и на гражданской войне... Но были и неприятные встречи. На съезде, к примеру, присутствовал Л. Д. Троцкий-Бронштейн, безуспешно пытавшийся сколотить свою центристскую группировку и неизменно скатывавшийся к поддержке меньшевизма. На съезде, по словам Кобы, "Троцкий оказался "красивой ненужностью". С этим "позером", как характеризовал Троцкого Ленин, Коба еще не раз столкнется...

Возвращение Кобы в Тифлис было нерадостным: меньшевики продолжали господствовать в социал-демократических организациях, их лидеры, конечно, не гнушались никакими средствами, чтобы выжить из Тифлиса такого твердокаменного борца, как Коба. Он не прекращает борьбы: выступает с докладами об итогах съезда на собраниях социал-демократов Тифлиса и Западной Грузии.

В июне 1907 года Коба переезжает в Баку, дабы выбить меньшевиков из пролетарского центра Закавказья. Здесь ему удалось быстро и надежно устроиться. Знакомых было много, и среди них — семья Аллилуевых. Сергей Яковлевич Аллилуев, передовой русский рабочий, впервые увидел Сосо на маевке 1900 года. Были после этого и другие встречи. Летом 1907 года преследования полиции вынудили С. Аллилуева уехать в Петербург. Вот что он вспоминал:

"В конце июля по совету товарищей я направился к Кобе. Коба с женой жил в небольшом одноэтажном домике. Я застал его за книгой. Он оторвался от книги, встал со стула и приветливо сказал:

—Пожалуйста, заходи.

Я сказал Кобе о своем решении выехать в Питер и об обстоятельствах, вынуждающих меня предпринять этот шаг.

—Да, надо ехать, — произнес Коба. — Житья тебе Шубинский (бакинский градоначальник) не даст.

Внезапно Коба вышел в другую комнату. Через минуту-две он вернулся и протянул мне деньги. Видя мою растерянность, он улыбнулся:

—Бери, бери, — произнес он, — попадешь в новый город,знакомых почти нет. Пригодятся... Да и семья у тебя большая.

Потом, пожимая мне руку, Коба добавил:

—Счастливого пути, Сергей!"

Положение, сложившееся к тому времени в Баку, было сложным и своеобразным. В самом деле — к середине 1907 года во всей России революция потерпела поражение, но в Баку правительство еще многие месяцы не переходило в решительное наступление, и в обзоре, составленном ЦК РСДРП весной 1908 года, сообщалось, что "Баку является единственным городом России, где еще существуют сравнительно свободные условия для деятельности организации профессиональных союзов".

Одной из основных причин к тому было особое положение нефтяной промышленности в системе хозяйства страны. Правительство не без основания опасалось повторения событий 1905 года, когда во время армяно-татарской резни сильно пострадали нефтяные промыслы. За тот год добыча нефти в Бакинском районе сократилась на треть, а продукт был крайне необходим.

В Баку в 1907 году собралось немало видных большевиков. Достаточно назвать М. А. Азизбекова, К. Е. Ворошилова, П. А. Джапаридзе, Г. К. Орджоникидзе, С. С. Спандарьяна, И. Т. Фиолетова, С. Г. Шаумяна, С. М. Эфендиева, чтобы представить, с какими сильными товарищами предстояло работать Кобе. Такая когорта обязана была добиться успеха. Меньшевики почувствовали это очень скоро. Большевики взялись за дело с укрепления своего влияния в низовых и районных организациях. В течение лета и осени 1907 года районные партийные конференции Баку одна за другой принимают решения, в которых выражается недоверие меньшевистскому Бакинскому комитету. Коба выступает на собраниях в районах Баку, разоблачая махинации меньшевиков. На делегатском собрании районных социал-демократических организаций Кобу избирают членом комиссии по созыву предстоящей общегородской конференции.

Предчувствуя поражение, меньшевики тоже решили направить в Баку дополнительные силы. Сюда прибыли Ю. Ларин (М. А. Лурье), С. Ванштейн, Б. Гинзбург, С. Цедербаум, П. Мельситов-

Вольский и другие. Не подчиняясь решениям оргкомиссии, они добивались раскола Бакинской организации и готовили свою меньшевистскую конференцию.

Но обстановка изменилась. Осенью 1907 года перевес сил в Баку был уже на стороне большевиков: примерно две трети из 2 500 членов партии поддерживало их линию. Ночью 25 октября 1907 года на заводе Хатисова в Черном городе была проведена общегородская конференция. Более 70 делегатов собрались с соблюдением всех правил конспирации: охранка знала, что готовится конференция, и можно было ожидать ареста делегатов. Но все прошло благополучно. Собравшиеся выслушали С. Г. Шаумяна, С. С. Спандарьяна, В. Ф. Ефимова, И. Ф. Стуруа; выступал и Коба. Единодушно осудив действия меньшевиков, конференция избрала новый, большевистский Бакинский комитет. Коба вошел в его состав.

Местные богатеи все больше беспокоились о собственной безопасности. Это и немудрено при той крайней степени ненависти, которую они возбуждали у рабочих. Вот свидетельство очевидца: "С непривычки странно было видеть на главных улицах экипаж, в котором рядом с каким-нибудь нефтепромышленником или инженером торжественно восседал, а то и стоял на подножке сбоку рослый, смуглый, страшного вида человек, вооруженный до зубов, — то были телохранители, так называемые "кочи", без которых не обходился ни один видный бакинский воротила. Оригинальное зрелище представляла Городская дума в дни заседаний. Один за другим подъезжали экипажи, из которых вылезали местные тузы, а сопровождавшие их живописные телохранители оставались в ожидании внизу, в вестибюле, чтобы сопровождать их по окончании заседания домой. Та же картина — у подъезда театров и других публичных мест".

Однако главным назначением "кочи" была расправа с непокорными на промыслах, и тут они, стремясь запугать рабочих, заставить их подчиниться хозяевам, не стеснялись применять оружие. Случаи расправ с передовыми рабочими были не единичными явлениями. Так, в сентябре 1907 года в Биби-Эйбатском районе был убит Ханлар Сафаралиев.

Большевики Биби-Эйбата выпустили воззвание по поводу убийства своего товарища и организовали двухдневную забастовку. Инициатором ее был Коба. Он же стал одним из устроителей похорон. Полиция запретила сопровождать похоронную процессию музыкой, и тогда Коба предложил одному из своих товарищей, И. Вацеку:

— Разошли ребят по заводам, пусть, начиная от электрической станции, на заводах во время похоронной процессии дают гудки. Пусть гудят, пока виден будет гроб...

В похоронах 29 сентября приняло участие до 20 тысяч рабочих. В траурном молчании, под тревожные гудки заводов, демонстрировали бакинские пролетарии свое единство. Коба

шел во главе процессии. На кладбище он выступил с речью. Утешая приехавшего из деревни отца Ханлара, Коба сказал:

— Не плачь, старик, ты — отец благородного сына...

Похороны Ханлара были одной из самых мощных демонстраций в Баку той поры.

По-прежнему много времени Коба отводил литературной работе. В Баку весьма пригодилось его умение налаживать выпуск газет. 20 июня 1907 года, спустя совсем немного времени после появления Кобы в Баку, вышел первый номер нелегальной большевистской газеты "Бакинский пролетарий". В ней — две статьи Кобы: передовая "Разгон Думы и задачи пролетариата" и начало "Записок делегата". В номере втором от 10 июля "Записки" были продолжены.

С 12 августа в Баку стала выходить легальная еженедельная большевистская газета "Гудок". Коба наряду с С. Шаумяном, А. Джапаридзе, С. Спандарьяном — в числе авторов. Он подписывается "Коба", "Коба Иванович", "Ко...", "К. Като". Деятельное участие Кобы в издании "Гудка" отмечено в жандармских документах. Важно отметить, что с этого времени, с бакинского периода своей жизни, он пишет только на русском языке.

Партия стремилась использовать любые легальные возможности: думскую трибуну и профсоюзы, кооперативы и культурно-просветительские общества, печать. В использовании этих средств бакинские большевики обнаруживали большую изобретательность. Коба и его товарищи активно участвовали в кампании по выборам в III Государственную думу и добились успеха. Собранием уполномоченных от рабочей курии 22 сентября 1907 года были избраны большевистские выборщики и принят написанный Кобой "Наказ рабочему депутату".

Одним из основных вопросов, занимавших умы социал-демократов Баку в конце 1907 — начале 1908 года, было совещание с нефтепромышленниками и выборы совета уполномоченных для ведения переговоров с ними. Поначалу большевики придерживались тактики бойкота совещания и получили в этом поддержку двух третей бакинских пролетариев. В ноябре 1907 года бакинские большевики выдвинули лозунг: "Совещание с гарантиями или никакого совещания!" Примечательны условия, на которые рабочие соглашались вести переговоры: активное участие в совещательной кампании профессиональных союзов, широкое обсуждение требований рабочих, свободный созыв будущего совета уполномоченных и выбор момента открытия совещания самими рабочими.

"Я вспоминаю, — рассказывал он восемнадцать лет спустя, — далее 1907 — 1909 годы, когда я по воле партии был переброшен на работу в Баку. Три года революционной работы среди рабочих нефтяной промышленности закалили меня как практического борца и одного из практических местных руководителей. В общении с такими передовыми рабочими Баку, как Вацек,

Саратовец, Фиолетов и др., с одной стороны, и в буре глубочайших конфликтов между рабочими и нефтепромышленниками—с другой стороны, я впервые узнал, что значит руководить большими массами рабочих. Там, в Баку, я получил, таким образом, второе свое боевое революционное крещение. Там я стал подмастерьем от революции".

Глава четвертая

...Баиловская тюрьма, где Кобе предстояло провести немало месяцев, была весьма своеобразным узилищем. Администрация еще не успела достаточно ужесточить режим, как это произошло во всех тюрьмах России после поражения революции, да и трудно было сделать это, так как тюрьма оказалась переполненной: рассчитанная на 400 человек, она вмещала тогда 1 500. Кобу поместили в камеру № 3, где уже содержалось немало знакомых ему товарищей, в том числе и Серго Орджоникидзе. Камера эта считалась большевистской, вокруг нее объединялись все большевики, содержавшиеся в этой тюрьме, да и другие политические заключенные. Жили товарищи по камере коммуной: пища, чай, полученные с воли продукты — все было общим.

Камеру убирали по очереди, так же мыли посуду. Извне заключенные получали литературу, письма; даже письма из-за границы доходили к ним. На общих собраниях заключенные решали вопросы взаимоотношений с администрацией, снабжения, получения легальных журналов и газет, отношений с уголовниками (что было весьма важно, так как "блатные" все время стремились вторгнуться к политическим и навязать им свои "порядки"). Старостой коммуны одно время был Серго Орджоникидзе. Тюремная обстановка накладывает отпечаток на людей, особенно на молодых, берущих пример со старших. Баиловская тюрьма имела огромное влияние на тех, кто попал сюда впервые. Многие молодые рабочие, до того не искушенные в политике, выходили из тюрьмы профессиональными революционерами. По сути дела, тюрьма была пропагандистской и боевой революционной школой. Здесь все время шли споры по самым различным вопросам революционного движения. Как правило, Коба был либо докладчиком, либо оппонентом.

Спустя двадцать лет в газете "Дни", издававшейся в Праге мигрантами-эсерами, были опубликованы воспоминания Семена Верещака, сидевшего в тюрьме вместе с Кобой. Воспоминания пронизаны злобой как вообще к большевикам, так и в особенности к Кобе.

И все-таки процитируем здесь несколько мест из них.

"Однажды в камере большевиков появился новичок... И когда я спросил, кто этот товарищ, мне таинственно сообщили:

"Это — Коба"... Среди руководителей собраний и кружков выделялся как марксист и Коба. В синей сатиновой косоворотке, с открытым воротом, без пояса и головного убора, с перекинутым через плечо башлыком, всегда с книжкой..."

Эсера Верещака поражала убежденность Кобы, его обширные познания марксистской теории: "Марксизм был его стихией, в нем он был непобедим. Не было такой силы, которая бы выбила его из раз занятого положения. Под всякое явление он умел подвести соответствующую формулу по Марксу. На не просвещенных в политике молодых партийцев такой человек производил сильное впечатление. Вообще же в Закавказье Коба слыл как второй Ленин. Он считался "лучшим знатоком марксизма".

По свидетельству Верещака, Коба был одним из инициаторов стычек с тюремной администрацией: "Он всегда активно поддерживал зачинщиков... Это делало его в глазах тюремной публики хорошим товарищем. Когда в 1909 году, на первый день Пасхи, 1-я рота Сальянского полка пропускала через строй, избивая, весь политический корпус, Коба шел, не сгибая головы под ударами прикладов, с

книжкой в руках". Верещак ошибается в дате этого события — весной 1909 года Кобы не было в Баиловской тюрьме; речь, видимо, о весне 1910 года.

...Коба ждал решения своей судьбы. Жандармы долго разбирались, кто же попал им в руки. Наконец 4 августа начальник Бакинского жандармского управления постановил: "25 марта сего года членами Бакинской сыскной полиции был задержан неизвестный, назвавшийся жителем села Маглаки Кутаисской губернии и уезда Каносом Нижарадзе, у которого при обыске была найдена переписка партийного содержания. Произведенной по сему делу перепиской в порядке охраны выяснено, что Нижарадзе крестьянин Дидо-Лиловского сельского общества Иосиф Виссарионов Джугашвили... был выслан под гласный надзор полиции на три года в Восточную Сибирь, откуда скрылся... Полагал бы Иосифа Виссарионова Джугашвили водворить под надзор полиции в Восточную же Сибирь сроком на три года".

Но высшее начальство было более "милостиво" к Джугашвили: 26 сентября состоялось постановление "особого совещания" о высылке его в Вологодскую губернию под гласный надзор полиции на два года. Это постановление было утверждено министром внутренних дел 29 сентября, но только 4 ноября бакинский градоначальник отдает приказ о высылке.

9 ноября из ворот Баиловской тюрьмы вышел этап. Товарищи, зная, что у Кобы нет ни зимней одежды, ни обуви (он оставался все в той же сатиновой рубашке и мягких тапочках), передали ему полушубок, сапоги, кое-что еще из вещей. Не в первый раз Кобе идти по этапу, и далеко не в последний, но тяжелее, чем в этот раз, ему никогда не было. Революция потерпела поражение, это ясно, и хотя он уверен в конечной победе, но кто знает, когда революция разразится вновь и какие

испытания суждено ему перенести до той поры? Угнетало его и другое: Екатерина Семеновна умерла, оставив сына, крошечного Яшу. Семья Сванидзе взяла мальчика к себе, но что с ним будет? Нет, никогда в жизни ему не было так тяжело!

Жизнь революционера, тем паче — подпольщика просто — напросто не оставляла никаких возможностей для радостей семейной жизни. А Коба, выросший в семье, где он был окружен заботой родителей, особенно матери, семейный быт любил и ценил. Но не довелось ему, иной жребий избрал он. О его отношениях с первой женой Екатериной неизвестно ровным счетом ничего достоверного, поэтому не станем заниматься гаданиями.

Своего старшего сына Яшу ему почти не приходилось видеть. По сути, мальчик рос без отца, а мать он потерял во младенчестве, почти не помнил ее. Тяжела сиротская доля... Виноватых нет, ибо отец не бражничал и не гулял, а боролся за счастливую судьбу не только своего сыночка, но и всех больших и маленьких в России — всех, кто честно трудился. Вот почему Яков мало знал своего отца и горячей любви к нему не питал. . К тому же нрав у него оказался неважный, позже отцу с ним пришлось немало помучиться.

Якова взяли в семью Александра (Алеши) Сванидзе, брата покойной Екатерины, тот был уже членом большевистской партии. Семья нашла средства, и ему довелось учиться в знаменитом Йенском университете, что "в Германии туманной". Сложный он оказался человек. Но о Якове заботились хорошо...

...Путь в Вологду — один из самых коротких: Москва — Бутырка, Ярославская тюрьма, знаменитая среди прочего своими толстыми тюремными решетками, дарованными купцом Демидовым, и — вот она, Вологда, с ее далекими уездами, разбросанными на сотни верст! В губернском городе Кобе не было места — 27 ноября 1909 года пунктом его ссылки был определен Сольвычегодск.

Для свободных людей путь туда не так уж и далек и неприятен: летом — на пароходе от самой Вологды, зимой — по санному пути... Но в том-то и дело, что для этапа этот путь не годился, — ибо такое препровождение ссыльных казалось начальству слишком уж благопристойным. Поэтому и был

употреблен кружной путь, насчитывавший более 800 верст, через Вятку. Наиболее утомителен последний перегон: от Котласа, пешком.

В пути Коба заболел возвратным тифом, из Вятской тюрьмы его 8 февраля перевели в губернскую земскую больницу. Чуть поправился — и в путь. С 20 февраля он снова находился в тюрьме.

Позади почти четырехмесячный этап: тысячи верст тряской дороги в арестантском вагоне, томительное ожидание в пересыльных тюрьмах. Неприветлив Север — ветер кружит на дороге колючую снежную пыль, тусклое солнце в хмуром, серо —сизом небе... Как оно не похоже на небо Грузии! Что ожидает ссыльного в этом краю?

56

Прежде всего ожидала встреча с уездным исправником Цивилевым, по прозвищу Береговой Петушок. "...27 февраля 1909года административно-ссыльный Иосиф Виссарионов Джугашвили, — доносил он вологодскому губернатору, — прибыл в гор. Сольвычегодск, где и водворен на жительство с учреждением за ним надзора полиции".

Разговор с Цивилевым был краток. Исправник объявил Кобе уже известные государственные правила о поднадзорных, дополнив их своими собственными.

Ссыльным воспрещалось появляться после десяти вечера на улице.

Ссыльным воспрещалось входить в городской сад и появляться на пристани.

Ссыльным воспрещалось водить знакомства с местным населением, участвовать в любительских спектаклях и появляться на них. Ссыльным воспрещалось собираться больше чем пятерым... В завершение исправник (он считал себя незаурядным сыщиком) испытующе оглядел Кобу и добавил:

— У меня церемонии отменены: за первый же проступок будете высланы в глухую деревню. А сейчас вы свободны!

Заранее можно сказать, что запреты Цивилева Коба, как и большинство ссыльных, не исполнял: жить было бы попросту невозможно, если бы придерживаться всех полицейских правил. Сольвычегодск был маленьким захолустным городком. На отшибе, вдали от железной дороги, в глуши лесов, он казался властям надежным местом для ссылки: после поражения революции на 1 700 жителей здесь временами скапливалось до 500 ссыльных, и вся жизнь городка была пронизана полицейским духом. В лучшем здании — особняка купца Пьянкова постройки XVIII века, двухэтажном, с красивой колоннадой, — находились присутственные места: казначейство, почта, канцелярия Цивилева, тюрьма. Сотни три домишек, дюжина церквей — вот и весь Сольвычегодск.

Первая ссылка Кобы в Сольвычегодске длилась 116 дней, долгих и теплых летних дней. Видимо, он отдыхал от этапа, перенесенных болезней и только поджидал подходящего момента для побега. За этот срок Коба успел "отличиться", попасть на заметку к Цивилеву.

Полицейский надзиратель Колотов доносил по начальству: "...Политические ссыльные, состоящие под гласным надзором полиции в г. Сольвычегодске, — .далее следовали фамилии и среди них — Джугашвили, — 11 сего июня около 12 часов ночи имели намерение устроить собрание, имевшее место в лесу близ р. Вычегды в расстоянии от гор. Сольвычегодска в 4 верстах, но достичь желанной ими цели не представилось возможности, так как замеченное их это движение тотчас же полицейскими стражниками было остановлено..."

57

Усердным стражникам не удалось остановить Кобу, когда он предпринял побег. Не прошло и двух недель, как уже сам Цивилев оправдывался: "...Крестьянин Тифлисской губернии и уезда села

Тидивиди (исправник от огорчения переврал название села) Иосиф Виссарионов Джугашвили скрылся из места водворения г. Сольвычегодска 24 июня 1909 года".

... Вечером в конце июня Сергей Аллилуев шел с работы домой. К неописуемому изумлению, вдруг — навстречу Коба. Радость, объятия, объяснения. Коба знал адрес Аллилуева в Петербурге, но на квартире никого не застал — вся семья была в деревне. Не найдя Сергея Яковлевича и на работе, стал поджидать его на улице и уже изнемогал от усталости.

Устроил Аллилуев Кобу в очень надежном месте — у Кузьмы Савченко, служившего дворником в кавалергардском полку по Захарьинской улице, напротив Таврического сада. Здесь беглец чуть отдохнул, повидался кое с кем из членов большевистской фракции III Думы, а затем двинулся дальше на юг.

Точной даты возвращения Кобы в Закавказье мы не знаем. Но в сводке Кавказского охранного отделения по городу Баку зафиксированы сведения от 12 июля 1909 года: "...Приехал социал-демократ, известный в организации под кличкой Коба, имя Сосо, работает в настоящее время в Тифлисе". Через 5 дней, 17 июля, в агентурных сведениях Бакинского охранного отделения занесено: "В Баку приехал Коба, известный на Кавказе деятель социал-демократической партии. Приехал он из Сибири, откуда, вероятно, бежал, так как он был выслан в 1908 году... Здесь, конечно, он займет центральное положение и сейчас же приступит к работе".

В середине июля он вернулся в Баку, а 27 июля агент сообщал в бакинскую охранку: "К типографии имеют отношение... Коба, Шаумян, Джапаридзе". Первого же августа 1909 года после годичного перерыва, вышел 6-й номер газеты "Бакинский пролетарий", и в нем — передовая Кобы "Партийный кризис и наши задачи". 27 августа выходит 7-й сразу с тремя статьями Кобы...

В начале сентября Коба отправился в Тифлис, где дела шли далеко не блестяще. 12 сентября его появление отметило и Тифлисское охранное отделение: "Известный социал-демократический работник Коба (Сосо) приехал в Тифлис и возобновил работу в партии. Выясняется личность Кобы". (Выяснить личность Кобы охранке не удается...)

Возвратясь в Баку, он продолжает поединок с охранкой, проведавшей, где находится нелегальная типография. Жандармы выжидали наиболее удобного момента, но просчитались. Вот что сообщалось в агентурной сводке за 27 сентября: "Кобе стало известно, что жандармское управление собирается арестовать весь Бакинский комитет вместе с типографией, как только в ней будет приступлено к печатанию следующего номера "Пролетариата". После этих слухов типографию решили пе-

реместить, и тогда же ее разобрали ночью и перенесли через крышу в соседний дом. Затем шрифт был частями перевезен в разные места..."

Коба не только спас типографию, но и сумел разоблачить провокаторов и издать листовку, в которой сообщались их имена и приметы.

Слежка продолжалась, провокаторы доносили: "10 октября Алеша (П. Джапаридзе) приехал. Ночевал с Кобой в четверг 8 октября в Балаханах, на промысле Московского товарищества. Коба на днях уезжает в Тифлис на общетифлисскую конференцию... И октября. Сегодня или завтра Коба едет в Тифлис для переговоров о технике. Типография остается в разобранном виде в Балаханах. Рабочие интересуются, когда выйдет следующий номер, 8-й, "Пролетария"..."

Охранке очень хотелось установить, кто же такой Коба, где он живет, установить за ним наблюдение. В неуемном рвении сыщики допускали срывы. В том же донесении под 11 октября читаем: "На днях в помещение Союза нефтепромышленных рабочих явился какой-то человек, сказал, что он работает на Биби-Эйбате, но должен был оттуда уйти и теперь ищет работы в Балаханах, что он партийный товарищ и хорошо знает Кобу, его друга, который должен помочь найти работу. Рассказав все это, мнимый

рабочий обратился к Кобе, находившемуся тут же, и спросил его, где он может найти Кобу, где Коба живет теперь. Коба ответил: "не знаю" и ушел".

Несмотря на то что охранка знала о намерении Кобы отправиться в Тифлис и установила пост наблюдения на вокзале, ему удалось обмануть бдительных сыщиков. 18 октября он выехал в Тифлис без "хвоста". Теперь уже тифлисские жандармы из кожи вон лезли, чтобы найти Кобу или хотя бы установить, кто он такой. Они знали, что Коба в Тифлисе, что он должен прочесть реферат на тему "История социал-демократической партии", что он вел переговоры об издании "Тифлисского пролетария" — и только. Даже настоящей фамилии Кобы установить им не удалось. 24 октября начальник Тифлисского жандармского управления доносил: "Бежавший из Сибири Сосо, кличка в организации Коба, является по установке жителем гор. Тифлиса Оганесом Вартановичем Тотомянцем, на каковое имя он имеет паспорт, выданный тифлисским полицмейстером..." Однако где проживает "Оганес Тотомянц", с кем встречается, охранка так и не проведала.

В течение месяца Коба, соблюдая все правила конспирации, жил на квартире бывшего своего товарища Г.Паркадзе на самом краю города, у начала Военно-Грузинской дороги. Перед окнами раскинулись лужайки, поляны, прорезанные глубоким оврагом. Дальше — поля и холмы, предгорья Кавказского хребта.

Днем Коба из дома не выходил. С утра до вечера просиживал он за столом: читал, делал выписки, писал. Никто на кон-

спиративную квартиру не приходил. Покидал дом Коба только затемно и возвращался глубокой ночью.

Основной целью приезда Кобы была подготовка конференции тифлисских большевиков. Цели этой Коба добился: в начале ноября 1909 года в пригороде Тифлиса — Надировке на квартире одного из рабочих конференция состоялась. Принятые на ней решения носили большевистский характер.

Налажен был и выпуск "Тифлисского пролетария" — 5 января 1910 года на грузинском и русском языках вышел первый номер газеты.

Покинул Тифлис Коба так же незаметно, как и приехал. В донесении Тифлисской охранки от 23 ноября читаем: "Выяснить личность Кобы (Сосо) не удалось. Выезд его из Тифлиса также не замечен".

Бакинские жандармы работали более тонко, у них имелись хорошо замаскированные агенты. Поэтому агентурные сводки из Баку более содержательны:

"12 ноября. Коба на днях приехал из Тифлиса. Относительно постановки работы здесь еще не высказался... Внутреннее наблюдение продолжается...

15 ноября. Коба приехал из Тифлиса и поселился в городе, в Крепости...

24 ноября. В Тифлисе должна выйти собственная газета... под названием "Тифлисский пролетарий"...

29 ноября. Интеллигенты отходят от дела, работников мало... Главными деятелями остались: 1. Коба, взявший на себя работу в Железнодорожном районе, Черногородском, Городском и среди моряков...

11 декабря. Теперь в Балаханах происходит разборка шрифта... Коба каждый день ездит в Балаханы и наблюдает за работой; он написал несколько статей — видимо, готовится к печатанию. Однако квартира еще не снята и станок не собран. Внутреннее наблюдение продолжается. За Кобой — Молочным вновь установлено наружное наблюдение..."

Теперь шпик ходил по пятам за Кобой, и избавиться от него было нелегко. Справедливо сообщение агента о том, что Коба много пишет: в "Социал-демократе" были опубликованы его "Письма с Кавказа". Первое письмо — в № 11 от 13 февраля 1910 года.

С полным знанием обстановки описывал Коба положение на Кавказе, состояние рабочих организаций, партийные дела — в Баку и в Тифлисе. Во втором "Письме", датированном декабрем 1909 года, Коба давал сокрушительную критику выступлений главы меньшевиков-ликвидаторов на Кавказе — все того же Н. Жордания (псевдоним Ан). Разумеется, Жордания выступил с ответом, назвав второе "Письмо" Кобы пасквилем.

...Меж тем поединок между Кобой и жандармами продолжался. Наступала весна, а Кобу, по странной случайности, аре

стовывали чаще всего весной... 24 марта начальник Бакинского охранного отделения доносил: "Упоминаемый в сводках наружного наблюдения под кличкой Молочный, известный в организации под кличкой Коба — член Бакинского комитета РСДРП, являвшийся самым деятельным партийным работником, занявшим руководящую роль... задержан по моему распоряжению... 23 сего марта".

Далее следовали весьма любопытные детали: "К необходимости задержания Молочного побуждала совершенная невозможность дальнейшего за ним наблюдения, так как все филеры стали ему известны и даже назначенные вновь, приезжающие из Тифлиса, немедленно проваливались, причем Молочный успевал каждый раз обмануть наблюдение, указывал на него и встречавшимся с ним товарищам, чем, конечно, уже явно вредил делу".

Охранка за восемь месяцев слежки так и не узнала, кто скрывался под кличкой Коба. "Проживая всюду без прописки, Молочный имел в минувшем году паспорт на имя Оганеса Вартанова Тотомянца, при задержании его при нем был обнаружен документ (паспортная книжка) на имя жителя сел. Батан Елизаветинской губ. и уезда Закара Крикорьяна Меликьянца, относительно которого он заявил, что документ этот ему не принадлежит и был им куплен в г. Баку. Наконец, задержанный по доставлении в 7 полицейский участок назвался жителем сел. Диди-Лило губ. и уезда Иосифом Виссарионовым Джугашвили..."

И вот снова Баиловская тюрьма, снова долгие месяцы ожидания... Бакинские жандармы, разозленные Молочным, намерены были отправить его из Баку как можно дальше и на максимальный срок. "Что же касается Джугашвили, - писал ротмистр Гелимбатовский, — то ввиду его упорного участия, несмотря на все административного характера взыскания, в деятельности революционных партий, в коих он занимал всегда весьма видное положение, и ввиду двукратного его побега из места административной высылки, благодаря чему он ни одного из принятых в отношении его административных взысканий не отбыл, я полагал бы принять высшую меру взыскания — высылку в самые отдаленные места Сибири на пять лет".

23 сентября Коба этапным порядком отправлен в Сольвычегодск, где и "водворен" 29 октября..

Вновь перед ним знакомые места: посеревшие от ненастья, низкие крыши городка, тусклая поверхность озера... Улица, на которой он поселился (звалась она Миллионной), одним концом упиралась в центр городка, другим — выходила на окраину. Застроена улица небольшими деревянными домами, вдоль которых, по северному русскому обычаю, мостовые из толстых досок.

В комнате — крепкие, местного изготовления диван и кресло, кровать, несколько круглых столиков, стулья в простенках,

кадки с растениями в углах, печь голландская, вот и все убранство.

Жить ссыльному было нелегко. Поднадзорным, безусловно, воспрещалась служба в казенных и общественных учреждениях, учительская деятельность (частные уроки, школы и прочее), врачебная и адвокатская деятельность и так далее. Разрешались все виды физического труда, служба частная, письменные и торговые занятия. Но где их взять в захолустном Сольвычегодске?

Позже хозяйка так вспоминала о жильце:

"Он был аккуратный, вежливый. Пригляделась я к нему, — очень у него изнуренный вид. Это и понятно. До того он сидел в тюрьме и маялся по этапу. И в ссылке не на что было поправиться... Питался очень скудно. Брал у меня крынку молока в пять стаканов — это ему хватало на два дня. К молоку покупал булку. Обедать уходил куда-то к товарищам..."

Коба больше сидел дома: читал, писал, часто до глубокой ночи. Хозяйка слышала, как скрипят половицы у постояльца в комнате: время от времени он ходил из угла в угол и размышлял. Видимо, в ссылке у него сложилась привычка работать по ночам.

У хозяйки было много детей. По временам, когда дети расшалятся, расшумятся, в дверях комнаты появлялся постоялец, останавливался у притолоки и смотрел улыбаясь. Все, кто видел Кобу в подобных случаях, отмечали: он был неизменно ласков с детьми. Немудрено — они напоминали ему, что где-то очень далеко, может быть, так же играет его маленький Яша...

Ссыльный Джугашвили знакомится с товарищами по ссылке, обсуждает с ними положение в стране, переписывается с "волей". И, конечно, думает о побеге. Ему нужен совет, и в канун новогоднего праздника, 31 декабря 1910 года, он пишет в ЦК. Оригинал письма не найден, и содержание его известно по перлюстрационной копии, обнаруженной в делах Вологодского губернского жандармского управления. Письмо это настолько характерно для Кобы, настолько четко определяет его взгляды на положение в партии и настолько ясно свидетельствует о его непреклонной решимости продолжать борьбу, что заслуживает цитирования.

Недвусмысленно определив свое место в борьбе партийных фракций за рубежом, Коба переходит к делам внутри России:

"Главное — организация работы в России. История нашей партии показывает, что вопросы разногласий разрешаются не в прениях, а главным образом в ходе работы, в ходе применения принципов. Поэтому задача дня — организация русской работы вокруг строго определенного принципа... По-моему, для нас очередной задачей, не терпящей отлагательства, является организация центральной (русской группы), объединяющей нелегальную, полулегальную и легальную работу на первых порах в

главных центрах (Питер, Москва, Урал, Юг). Назовите ее как хотите — русской частью Цека или вспомогательной группой при ЦК — это безразлично. Но такая группа нужна как воздух, как хлеб. Теперь на местах среди работников царит неизвестность, одиночество, оторванность, у всех руки опускаются. Группа же эта могла бы оживить работу, внести ясность..."

О своем собственном положении Коба писал коротко: 'Теперь о себе. Мне остается шесть месяцев. По окончании срока я весь к услугам. Если нужда в работниках в самом деле острая, то я могу сняться немедленно... В ссылке имеется порядочная публика, и было бы очень хорошо снабжать ее периодическими нелегальными изданиями..."

Поскольку письмо было перехвачено, жандармам стало известно: в Сольвычегодске образовалась группа социал-демократов, они читают нелегальную литературу и по крайней мере один из них собирается "сняться". К несчастью для охранки, письмо было подписано инициалами К.С., и потребовалась длительная и оживленная переписка, чтобы выяснить, кто же за ними скрывается.

16 февраля 1910 года Вологодское жандармское управление потребовало от исправника Цивилева "усилить наблюдение за Джугашвили и принять меры к воспрепятствованию ему побега...".

Цивилев рад был стараться. Он и до того "присматривал" за ссыльным, теперь же его рвению не было границ, но не было и ощутимых результатов. В пять часов утра 18 марта исправник в сопровождении понятых пожаловал к Кобе с обыском. Рылись в книгах, изучали каждый бумажный клочок, смотрели под кроватью и диваном, в кадках с цветами и в Печке... Прислонясь к "голландке" и усмехаясь, наблюдал Коба за возней сыщиков. В протоколе обыска зафиксировано: "В помещении, занимаемом Джугашвили, ничего противоправительственного не обнаружено".

Столь же малоутешительным для Цивилева был и обыск 29 апреля...

Коба хоть и жаловался, что ему "душно без дела", вовсе не бездействовал. Еще в декабре 1910 года он установил связь с Яренской группой ссыльных социал-демократов; к весне 1911 года в Сольвычегодске вместе с И. М. Голубевым и другими товарищами сколотил социал-демократический кружок.

12 мая 1911 года вологодские жандармы доносили в Петербург: "Иосиф Виссарионов Джугашвили (и ссыльные социал-демократы) решили между собой организовать с.-д. группу и устраивать собрания по нескольку человек в квартирах Голубева, Джугашвили, Шура, а иногда и у Петрова. На собраниях читаются рефераты и обсуждаются вопросы о текущем политическом моменте, о работе Государственной думы... Цель этих

собраний — подготовка опытных пропагандистов среди ссыльных..."

Срок ссылки заканчивался, и напоследок Цивилев устроил поднадзорному "прощальный сюрприз": после очередного доноса об участии в незаконных "сборищах" Кобу посадили под арест. 23 июня в три часа дня его отвели в полицейский участок, где он просидел ровно сутки.

А на следующий день, 24 июня, Кобе было выдано "проходное свидетельство" на свободный проезд в Вологду. В приложенном маршрутном листе указывалось, что обладатель свидетельства обязан следовать прямо до Вологды на пароходе и под страхом немедленного возвращения в Сольвычегодск "не имеет права уклоняться от маршрута и останавливаться где бы то ни было". 6 июля Коба навсегда оставил Сольвычегодск.

Ссылка окончена, но куда же ехать? На Кавказе жить воспрещено, в обеих столицах и рабочих центрах — тоже. Прибыв в Вологду, Коба 16 июля подает прошение разрешить ему временно остаться тут. Сделано это было не без умысла: отсюда совсем недалеко до Петербурга. Надо осмотреться, снестись с заграницей.

Охранка установила слежку за Кобой через неделю после его приезда в Вологду. У ворот дома Бобровой по Мало-Козленской улице, где он поселился, с раннего утра до позднего вечера торчал филер и доносил о каждом шаге Кавказца — так вологодские сыщики стали именовать Кобу.

В архивах сохранились своеобразные "дневники", в которых отмечен почти каждый шаг Кобы в эти месяцы, но которые не вскрывают и не могут вскрыть внутреннего значения встреч и отношений Кобы с людьми. Приведем все же хотя бы одно донесение:

"1 августа. Начато наблюдение с 8 ч. 40 м. утра. Окончено в 10 ч. 40 м. вечера.

В 8 ч. 50 м. наблюдаемый из квартиры вышел вместе с неизвестным человеком, по-видимому, живущим в том же доме Новожилова, и, дойдя до булочной Синицына на Московской ул., неизвестный зашел в булочную, а Кавказец пошел в гастрономический магазин Мазалева на Гостинодворской площади, где купил колбасы, и пошел домой, а неизвестный, оставшийся в булочной Синицына, по-видимому,

занимается в Банке для внешней торговли. В 3 ч. 20 м. дня Кавказец из квартиры вышел и пошел, имея при себе книгу, в библиотеку, где пробыл 10 м. ..."

И так — изо дня в день...

...Поздно вечером 8 сентября Сергей Аллилуев, зайдя во двор дома № 16 по Сампсониевскому проспекту, где он жил, сразу же заприметил двух субъектов в котелках — обычном головном уборе сыщиков того времени. Первая мысль: "Ну, видно, начинают следить за мной!" Но на квартире у себя он нашел старых

знакомых — Кобу и Сильвестра Тодрия. Обменявшись приветствиями, хозяин дома поспешил поделиться тревогой:

—Вы, товарищи, видимо, пришли с "хвостом"! Шпики во дворе.

Коба поначалу посмеивался:

—Черт знает что такое! Наши товарищи становятся пугливее обывателей. Как только зайдешь к кому-нибудь, сразу начинают выглядывать в окно и шепотом спрашивают: "А вы не привели с собой шпиков?"

Но Аллилуев все же предложил посмотреть в окно. Посмотрели: шпик бродил по панели напротив квартиры, второй остался во дворе. Стали обсуждать, как это могло получиться.

Выяснилось, что, приехав в город, Коба, не зная точных адресов, вынужден был бродить по улицам (на вокзале филеры упустили его из виду). Поздним вечером на Невском он встретил старого знакомого Сильвестра Тодрия, возвращавшегося с работы в типографии домой. Тодрия жил неподалеку, но устроить Кобу на ночлег не мог: все ворота и парадные в Петербурге запирались на ночь и бдительно охранялись дворниками, состоявшими непременно в осведомителях охранки. Поэтому отправились в меблированные комнаты "России" на Гончарной улице. Предварительно на вокзале забрали оставленные Кобой вещи. Вот здесь-то их снова и взяли под наблюдение филеры.

В гостинице дело пошло тоже не гладко. Началось с того, что номерной спросил, глядя на Тодрию:

А вы, господин, не из евреев будете?

Нет, я грузин, — ответствовал Тодрия, — а мой товарищ русский, только что из провинции.

Коба действительно предъявил паспорт на имя Петра Алексеевича Чижикова (паспорт этот он взял у луганского рабочего-революционера, с которым близко сошелся в Вологде).

Подозрительность номерного объяснялась просто: 1 сентября Д. Богров, по национальности еврей, смертельно ранил в Киеве председателя Совета министров П.А.Столыпина. Были приняты экстраординарные меры к поимке сообщников Богрова, и всем домовладельцам, содержателям гостиниц были даны указания сообщать о всех подозрительных, в особенности если они смахивают на евреев. Номерной в "России" сообщил о приезде "Чижикова", и с утра 8 сентября наблюдение продолжалось. Видимо, петербургские шпики были опытнее бакинских и вологодских: Коба и Тодрия, поехавшие на квартиру к Аллилуеву, не заметили слежки.

Аллилуев сумел договориться с одним из товарищей — Забелиным, который повел преследуемых в дачное место — в Лесное. В глухой, темной аллее им удалось избавиться от "хвоста" — шпики вынуждены были отстать. Переночевав у Забелина, Коба ушел в город. Но в гостинице его ждали. Вечером 9 сен-

тября 1911 года он находился уже в петербургском доме предварительного заключения.

Охранка достаточно хорошо знала на этот раз, с кем имеет дело, но обыск, как и во время других арестов, не дал улик. Все же намерение Кобы отправиться за границу было подтверждено: "По обыску у него взята записная книжка, в которой оказались записки, озаглавленные: "Вопросы политической экономии", "Заметки по социологии", "Капитал 1-й том", "Русская история" (заметки) и, между прочим, сборник разговорных фраз на немецком языке, что может служить подтверждением правильности агентурных сведений о намерении Джугашвили отправиться за границу..."

Вновь тюрьма, но на этот раз не закавказская, а изощренно-суровая петербургская. Более трех месяцев ожидал Коба решения. Определение было: выслать Джугашвили на три года в избранное им место жительства, кроме столиц и столичных губерний. Коба избрал Вологду, и уже 25 декабря 1911 года он был там.

Потянулись дни ссылки. Торчали филеры у дома, где жил Коба, а в архиве копились донесения: "8 января. Наблюдение начато 10 ч. утра, окончено 8 ч. 40 м. веч. В 11 ч. 20 м. дня Кавказец из дома вышел и..." И так далее, изо дня в день...

Большевики готовили общепартийную конференцию. Еще в июне 1911 года на совещании социал-демократов в Париже Коба заочно был назначен кандидатом в члены Российской организационной комиссии по созыву конференции. Но ему не пришлось подготавливать конференцию — арест в Петербурге помешал тому.

VI (Пражская) Всероссийская конференция РСДРП состоялась в январе 1912 года. В ЦК вошли: В. И. Ленин, Ф. И. Голощекин, Г. Е. Зиновьев, Г. К. Орджоникидзе, С. С. Спандарьян, Д. М. Шварцман, Р. В. Малиновский. На пленуме, состоявшемся после конференции, в состав ЦК были кооптированы И. С. Белостоцкий и Коба. Он стал членом Центрального Комитета большевистской партии и оставался им с тех пор непрерывно более сорока лет.

Тогда же для практического руководства партийной работой в России было создано Русское бюро ЦК. Вместе с Г. К. Орджоникидзе, С. С. Спандарьяном, Ф. И. Голощекиным, Е. Д. Стасовой в него вошел Коба.

29 февраля Коба из Вологды исчез "неизвестно куда". Жандармы предполагали, что в "одну из столиц", но ошиблись — он направился в Закавказье.

Здесь же находились в то время Спандарьян и Орджоникидзе. Три члена ЦК объезжали партийные организации, делали доклады, разъясняли решения Пражской конференции. 29 марта в Баку (в Балаханах) Коба провел совещание руководящих работников-большевиков. Была принята резолюция, одобряв-

шая решения Пражской конференции и резко критиковавшая меньшевистский Закавказский областной комитет.

1 апреля Коба выехал на север.

С середины декабря 1911 года в Петербурге (сначала еженедельно, а потом два и три раза в неделю) выходила большевистская газета "Звезда", которую издавал член III Государственной думы, рабочий-большевик Николай Гурьевич Полетаев. Его квартира, как думского депутата, была неприкосновенна для полиции. Вот здесь-то, в своеобразном убежище, и засел Коба. Одна за другой в "Звезде" появляются его статьи: 15 апреля, в № 30 — "Новая полоса", "Либеральные фарисеи", "Беспартийные чудаки", "Жизнь побеждает"; 16 апреля, № 31 — "Они хорошо работают!"; 19 апреля, № 32 —

"Тронулась!", "Как они готовятся к выборам"; 22 апреля, № 33 — "Выводы". Статьи подписаны: К. С, К. Салин, К. Солин. До Кобы-Сталина остался один шаг.

Квартира Полетаева, по сути дела, была явочным центром большевиков. Сюда можно было приходить сравнительно безопасно. Коба, встречаясь с петербургскими большевиками, обсуждал состояние рабочего движения, подготовку к первомайской демонстрации. Но главное — издание массовой ежедневной газеты.

22 апреля (5 мая) 1912 года в свет вышел первый номер "Правды". Он открывался редакционной статьей "Наши цели", написанной Кобой. "Вступая в работу, мы знаем, что путь наш усеян терниями. Достаточно вспомнить "Звезду", перенесшую кучу конфискаций и "при влечений". Но тернии не страшны, если сочувствие рабочих, окружающее теперь "Правду", будет продолжаться и впредь. В этом сочувствии будет черпать она энергию для борьбы!,.. Итак, дружнее за работу!"

Днем 22 апреля, когда экземпляры "Правды" поступили в продажу, Коба был арестован на улице. "При аресте он заявил, что определенного места жительства в гор. С.-Петербурге не имеет. При личном обыске у Джугашвили ничего преступного не обнаружено".

На этот раз ждать решения Департамента полиции в петербургской тюрьме пришлось сравнительно недолго: 14 июня последовало распоряжение: "Выслать Иосифа Джугашвили в пределы Нарымского края, Томской губернии... под гласный надзор полиции на три года..." 2 июля Коба был отправлен в Нарымский край.

Путь не близок: через Самару, Новониколаевск, Томск. Не впервой Кобе ехать в ссылку, все то же: теснота, духота, грязь. Но в глаза бросается, что отношение конвойных к ссыльным по сравнению с 1908 — 1910 годами изменилось. Они охотно заводили беседы с "политическими", прислушивались к спорам, неизбежно возникавшим в вагонах. Даже это указывало: пора реакции прошла.

От станции Тайга до Томска — в арестантском вагоне, два-три дня в томской тюрьме, и 18 июля Коба в сопровождении стражника плывет по Оби на пароходе "Колпашевец" (одном из первых пароходов, курсировавших между Томском и Нарымом). Ехали в третьем классе, стражник не очень следил за Кобой: куда он денется с парохода? А ссыльный приглядывался, присматривался — каков будет обратный путь.

В летнюю пору единственный путь по Нарымскому краю — реки. Здесь они широки, с быстрым течением, текут по болотистой равнине, образуя излучины и петли. С борта парохода смотрит Коба на приволье, просторы Сибири: в этот раз, в отличие от 1904 года, он видел ее летом. Могучая сибирская река катит воды, желтеют песчаные отмели, за ними камыши, осока, блестит вдалеке бутовое озеро. С другого борта — темная зелень тайги, подступившая прямо к обрыву. Дух захватывает, как хорошо! Но еще лучше, конечно, если едешь тут по своей воле...

В Нарыме Коба быстро познакомился с товарищами, огляделся, разузнал, как можно бежать, и не стал мешкать.

1 сентября Коба ухитрился сесть на пароход "Тюмень", и 2 сентября полицейский надзиратель Титков доносил: "Проверяя по обыкновению каждый день свой участок административно-ссыльных в городе Нарыме, сего числа я зашел в дом Алексеевой, где квартирует Джугашвили Иосиф и Надеждин Михаил, из них первого не оказалось дома. Спрошенная мною хозяйка квартиры Алексеева заявила, что Джугашвили сегодняшнюю ночь не ночевал дома и куда отлучился не знает".

12 сентября 1912 года Коба — вновь в столице.

Возвратился он в Петербург в самый разгар избирательной кампании в IV Государственную думу. К выборам готовились в центральных районах города и на рабочих окраинах. 16 сентября должны были состояться выборы уполномоченных на предприятиях.

Коба сразу же по приезде стал заниматься избирательной кампанией. На этот раз ему на несколько недель удалось скрыться от внимания сыщиков и основательно поработать, 4 октября он участвовал в заседании Исполнительной комиссии Петербургского комитета РСДРП, на котором было решено провести однодневную забастовку в связи с отменой выборов уполномоченных на крупнейших заводах города.

Вечером поодиночке, по двое собрались подпольщики за Нарвской заставой, в доме № 5 по Сапожникову переулку, на квартире В. Савинова. Точно в назначенный срок пришел представитель Петербургского комитета, а с ним незнакомец, отрекомендовавшийся Василием. Не вмешиваясь в ход собрания, выслушивал он прения. А были они и горячими, и довольно путаными.

Наконец Василий (то был Коба) взял слово. Он говорил спокойно, медленно, но логично и понятно. Вот что вспоминал

68

В.Савинов: "Мы были буквально пленены простотой и глубиной сталинской речи, ясностью и четкостью его слов. И вместе с тем мы получили блестящий урок партийности, когда Сталин говорил о том, что в вопросе о кандидате не следует поддаваться настроению и первому чувству, а нужно трезво и серьезно обдумать кандидатуру. И уже если высший орган партии в Петербурге — Петербургский комитет — остановится на определенном лице как на будущем делегате Думы, то эту кандидатуру надо всеми силами поддерживать, обеспечить ей победу..."

Собрание кончилось поздно. Коба остался у Савинова ночевать. Хозяин приготовил ему постель, а сам собрался ложиться на полу.

— Вам на работу завтра, — запротестовал гость, — а потому ложитесь на кровати, а мне и на полу будет хорошо. Кроме того, — добавил он, — мне еще надо поработать.

Почти всю ночь "товарищ Василий" просидел за столом, а утром В. Савинову первому Коба прочел "Наказ петербургских рабочих своему рабочему депутату".

"Наказ" был хорошо принят рабочими, и в середине октября 1912 года, посылая Ленину в редакцию "Социал-демократа" текст "Наказа", Коба писал: "Вот вам проект наказа, уже принятый Невским Судостроительным (при выборах уполномоченных), Путиловским (несколько тысяч), Палем и т. д. Мы его составили применительно к легальной прессе, куда он по расчету должен был обязательно попасть...

Ну-с, мы здравствуем и верим в победу!"

Коба, как и весной 1912 года, много работает для "Правды": легальная газета — важнейшее оружие в борьбе с миром капитала. 19 октября в "Правде" напечатана его передовая статья "Воля уполномоченных", 24 октября — "К итогам выборов по рабочей курии Петербурга", 25 октября — "Сегодня выборы"...

Большевики на выборах в Думу одержали победу: во всех шести промышленных губерниях депутатами стали их кандидаты. В конце октября, после выборов, Коба на несколько дней уезжает в Москву. Но здесь он немедленно попадает "под наблюдение", так как Р. Малиновский, избранный в Думу от Москвы, продолжал свою иудину работу. 29 октября начальник Московского охранного отделения сообщал своему коллеге в Петербург: "Коба Джугашвили бежал из Нарымского края, был в Москве, откуда направился в Питер. Близко связан с избранным в Государственную думу рабочим Бадаевым, с коим намерен отправиться к Ленину на совещание. В случае обнаружения наблюдением просьба

задержать не сразу, лучше перед отъездом за границу. Указаний и ссылок на Москву не делать ни в коем случае".

Однако арестовать Кобу по его возвращении в Петербург полиции не удалось: он был очень опытным и сильным противником. 9 ноября Петербургское охранное отделение оправдыва-

лось перед Департаментом полиции: "Упомянутый в телеграмме... от 23 октября... Коба... прибыл в Петербург 29 минувшего октября, в 1 час 40 минут дня, и был встречен филерами вверенного мне отделения. Посетив непосредственно с вокзала студента С.-Петербургского университета, проживавшего по Пушкинской ул., пообедав с ним в ресторане, Джугашвили на извозчике отправился на Финляндский вокзал и там был утерян..."

Поскольку пребывание Кобы в Петербурге в сентябре — октябре 1912 года явно положительно сказывалось на ходе дела, поскольку ряд вопросов (в частности о финансовом положении "Правды") можно было разрешить только при личной встрече, 21 октября Крупская по поручению Ленина написала письма в Петербург о необходимости приезда Кобы в Краков.

Паспорта у него не было, но это не слишком смущало подпольщика: многолетний опыт подскажет, как действовать на месте. Чувствовал себя Коба уверенно. В поезде с ним произошел характерный случай. Двое соседей по купе вслух читали и обсуждали статьи из какой-то газеты крайне правого толка. Долго терпел Коба, наконец ему надоело, он не выдержал и сказал:

—Зачем такую чепуху читаете? Другие газеты надо читать!Сказано это было так, что соседи замолчали, испуганно переглянулись, встали разом и ушли из купе...

Переход границы не представил большой трудности для опытного и предприимчивого человека: надо было только знать, что делать и к кому обратиться.

—Очень немногие из тех, — говорил Сталин позднее, — которые оставались в России, были так тесно связаны с русской действительностью, с рабочим движением внутри страны, как Ленин, хотя он находился долго за границей. Всегда, когда я к нему приезжал за границу — в 1906, 1907, 1912, 1913 годах, я видел у него груды писем от практиков в России, и всегда Ленин знал больше, чем те, которые оставались в России. Он всегда считал свое пребывание за границей бременем для себя.

В конце ноября 1912 года Коба возвратился в Петербург.

Но в конце декабря Коба опять уезжает в Краков. Перейти границу на этот раз помог рабочий-сапожник в пограничной деревушке. Все обошлось благополучно.

С 26 декабря 1912 года по 1 января 1913 года Ленин провел в Кракове совещание ЦК РСДРП с партийными работниками. Он выступил с докладом "Революционный подъем, стачки и задачи партии"; были приняты соответствующие решения. Совещание дало партии программу деятельности в условиях подъема революционной борьбы.

Некоторое время после окончания совещания Коба оставался в Кракове, а затем уехал в Вену. Дело в том, что по предло-

жению Ленина он решил написать большую теоретическую статью.

Национальный вопрос, насущный для многих европейских государств, был одним из главных для России той поры.

В январе 1913 года Коба едет в Вену, чтобы поработать в тамошних библиотеках. Затем он возвращается в Краков. Ленин внимательно следил за его работой и писал в феврале М. Горькому: "Насчет национализма вполне с Вами согласен, что надо этим заняться посурьезнее. У нас один чудесный грузин засел и пишет для "Просвещения" большую статью, собрав все австрийские и пр. материалы. Мы на это наляжем... У нас и на Кавказе с.-д. грузины + армяне + татары + русские работали вместе, в единой с.-д. организации больше десяти лет...."

Статья Кобы "Национальный вопрос и социал-демократия" была напечатана за подписью "К. Сталин" в № 3 — 5 журнала "Просвещение". Ленин позаботился, чтобы она увидела свет, и, узнав, что статью предлагали объявить дискуссионной, возражал: "Конечно, мы абсолютно против. Статья очень хороша... Вопрос боевой, и мы не сдадим ни на йоту принципиальной позиции против бундовской сволочи".

Теоретическая работа Кобы была очень обстоятельной, видно было, что автор много перечитал, использовал все, что имелось в марксистской литературе по этой теме, помогло тут и знание немецкого языка. Коба дал глубоко научное и развернутое определение понятия "нация".

Тщательно рассмотрев постановку вопроса в литературе, Коба особенно тщательно разобрал тезис австрийских социал-демократов о так называемой "культурно-национальной автономии", доказал, что на деле эта автономия "есть утонченный вид национализма", и со всей силой своего сарказма обрушился на сторонников этой автономии в России — бундовцев и кавказских националистов.

Убедительнейшим образом разобрав теоретические посылки и практические дела Бунда, Коба заключал: "Дезорганизация рабочего движения, деморализация в рядах социал-демократов — вот куда приведет бундовский федерализм". То есть — национализм еврейский.

В середине февраля 1913 года Коба возвращается в Россию. Кончилось его наиболее длительное — шесть недель — пребывание за рубежом. Спустя двадцать лет Эмиль Людвиг спросит у Сталина, не считает ли он своим недостатком незнакомство с европейской жизнью. Сталин ответит: "Что касается знакомства с Европой, изучения Европы, то, конечно, те, которые хотели изучать Европу, имели больше возможности сделать это, находясь в Европе. И в этом смысле те из нас, которые не жили Долго за границей, кое-что потеряли. Но пребывание за границей вовсе не имеет решающего значения для изучения европейской экономики, техники, кадров рабочего движения, литерату-

ры всякого рода, беллетристической или научной. При прочих равных условиях, конечно, легче изучить Европу, побывав там. Но тут минус, который получается у людей, не живших в Европе, не имеет большого значения. Наоборот, я знаю многих товарищей, которые прожили по 20 лет за границей, жили где-нибудь в Шарлоттенбурге или в Латинском квартале, сидели в кафе годами, пили пиво и все же не сумели изучить Европу и не поняли ее".

Эти слова дорогого стоят. С присущей ему тонкостью Сталин подчеркнул глубокую разницу между теми, кто изучал заграницу в Латинском квартале и там "сидели годами в кафе", и намекнул, что в России имелись другие революционеры, всем этим совсем не избалованные. Придется тут остановиться.

Сторонники Сталина сплотились вокруг него еще при жизни Ленина. Назовем лишь членов ЦК до 1923 года включительно, вот они все поименно, перечисляем их по времени вхождения в "ленинский ЦК": Дзержинский, Орджоникидзе, Калинин, Андреев, Молотов, Ворошилов, Киров, Куйбышев, Микоян, Каганович. Все они отличались изрядной жизненной закалкой, происхождения были самого простого, выросли в семьях, где копейка была на счету, приучены к труду. Даже Куйбышев, родившийся в семье среднего офицера, перепробовал до революции множество занятий, был и рабочим, жил в нужде, и не только в ссылках. Примерно то же можно сказать и о Дзержинском. А уж Андреев, Каганович, Ворошилов, Калинин с детства знали, почем фунт трудового лиха.

Тут есть еще одна примета — пребывание в эмиграции. Из сталинских сподвижников только Дзержинский провел около двух лет за границей да Орджоникидзе перебивался полгода в Германии после очередного побега. И все. Ни они, ни сам Сталин в Латинском квартале не отдыхали. А у Троцкого и его присных — как тут дела?

Радек и Раковский вообще были иностранными подданными и в России объявились после Октября. Сын богатого торговца Иоффе долго жил в эмиграции, а сын богатого промышленника Пятаков еще молодым и без всяких революционных заслуг с началом войны махнул через Японию в Швейцарию, прихватив с собой пожилую супругу Бош (или она его прихватила?). Там супруги мирно пережили мировую бойню, а потом вернулись в Россию устанавливать "диктатуру пролетариата". Ну, а сам Троцкий вообще большую часть жизни провел за границей.

Подчеркнем, что Сталин сделал свой тонкий намек, когда Троцкий был жив и здоров и всячески интриговал против него. Жили-поживали, и неплохо, Радек, Пятаков, Раковский, иные, а также "вечные эмигранты" Бухарин и Зиновьев. Был ли сталинский намек им и другим понятен? Наверняка. Но они не написали об этом.

72

...Еще в Москве он заметил слежку. На вокзале в Петербурге за ним шел тот же сыщик. Он неотступно следовал за Кобой по улицам, часами стоял в подъездах, когда тот заходил куда-либо.

Близился вечер. Коба продолжал бродить по людным улицам, по Невскому, надеясь, что в толпе филер потеряет его. Но тщетно. Тогда Коба зашел в ресторан Федорова, на Екатерининской улице, довольно долго просидел там. Но, когда около 10 часов вечера он вышел из ресторана, шпик по-прежнему был тут как тут. Теперь Коба быстро шел, почти бежал, по обезлюдевшим улицам и переулкам. Сыщик вроде бы отстал. Коба сел на извозчика и тут же увидел, что на другом лихаче за ним следует филер.

Можно было полагать, что и его извозчик тоже агент охранки: это было заурядным делом. Велев ехать побыстрее, Коба стал выжидать удобного момента. Только на углу Муринского проспекта ему удалось, вывалившись из саней на повороте, зарыться в сугроб. Мимо, вслед за пустыми санями, пронесся лихач с сыщиком...

Немногим более недели провел Коба в Петербурге на этот раз. Пришлось ему очень нелегко.

...Большевики устроили концерт, весь сбор от которого должен был поступить в фонд газеты "Правда". Рабочие охотно посещали такие концерты. Ходили сюда и подпольщики, в шумной толпе легко затеряться, встретиться с товарищами, поговорить о делах. Пошел на концерт и Коба. Малиновский предупредил об этом охранку. Коба, сидя за столиком, разговаривал с Бадаевым, когда к нему подошли агенты охранного отделения...

"По личному обыску у арестованного ничего преступного не обнаружено. Квартиру свою указать не пожелал, а равно и на допросе в отделении от дачи показаний отказался..." Все же одна "улика" у охранки была: "При личном же обыске у него был обнаружен самоучитель по немецкому языку, купленный в г. С.-Петербурге в книжном магазине Ясного и озаглавленный "Русский в Германии", в котором были подчеркнуты необходимые в путешествии фразы для разговора и сделаны рукой Джугашвили неразборчивые заметки, касающиеся фракции меньшевиков-ликвидаторов упомянутой партии..."

Арест Кобы был тяжелым ударом для большевиков. "Дорогие Друзья, — писала Н. К. Крупская в Петербург 1 марта 1913 года по получении известия об аресте Кобы. — Только что получили письмо с печальной вестью. Положение таково, что требуется большая твердость и еще большая солидарность". В конце марта Ленин пишет: "У нас аресты тяжкие. Коба взят".

Коба же тем временем сидит в Крестах, а жандармы ведут следствие. Выяснять есть что: на счету Кобы немало революционных дел, а потому и кара должна быть соответствующей. 18 июня 1913 года следует предписание: "Выслать Иосифа Джуга-

швили в Туруханский край под гласный надзор полиции на четыре года".

2 июля его по этапу отправили в ссылку. То была его последняя ссылка,

Глава пятая

Огромен Туруханский край. Начинается он в 400 верстах от Енисейска и тянется вдоль Енисея до Северного Ледовитого океана. Край огромен, а населен крайне скудно: на расстоянии двадцать — сорок верст друг от друга по берегам реки приютились деревни (по-местному — станки) по двадцать-тридцать дворов в верховьях края, а к северу и в два-три двора.

Дика и сурова природа Туруханки. Непроходимая, бескрайняя тайга, севернее — тундра, да болота, болота, болота... Долгая полярная зима, когда мороз в сорок градусов — обыкновение, когда неделями бушует пурга, наметая саженные сугробы.

Единственный путь — Енисей. Летом на пароходе и в лодке, зимой — на оленях, лошадях и собаках. Расстояние сто пятьдесят — двести верст не считалось там большим, путь недальний, можно и в гости съездить!

Вот в такой край и угодил Коба. Впрочем, теперь он — Сталин: этот псевдоним, как известно, появился именно весной 1913 года.

Департамент полиции, отправляя Сталина в ссылку, позаботился о том, чтобы заслать его в такую глушь, из которой нельзя было бы убежать. Начальнику Енисейского губернского жандармского управления предписывалось: "Водворить Джугашвили, по его прибытии, в одном из отдаленных пунктов Туруханского края".

В Красноярскую пересыльную тюрьму Сталин прибыл 11 июля и через четыре дня был отправлен в Туруханск. Весь путь в село Монастырское (тогдашний центр края), протяженностью ни много ни мало полторы тысячи верст, Сталин проплыл в небольшой утлой лодчонке. О своем опыте тут он еще вспомнит...

Сразу же по прибытии в Туруханский край он пишет в Краков шифрованное письмо Крупской: "Я, как видите, в Туруханске. Получили ли письмо с дороги? Пришлите деньги. Если моя помощь нужна, напишите, приеду немедля. Пришлите книжек Штрассера, Паннекука и Каутского. Напишите адрес; мой адрес: Киев, Тарасовская, девять, сорок три, Анна Абрамовна Розенкранц, для Эсфири Финкельштейн. Это будет внутри. От них получу".

Крупская в ответном письме, пересланном через Киев, сообщала, что сразу же были посланы деньги, подобраны книги

по национальному вопросу, сделан запрос о дороге из ссылки. Тут же Крупская информировала члена ЦК о последних внутрипартийных новостях.

Сталин пишет в Петербург, Аллилуеву, просит сходить к Бадаеву и поторопить его отправить пересланные из Кракова деньги. В письме Сталин объяснял, что деньги нужны спешно: близится зима,

и надо закупить продукты, керосин, пока не начались морозы. Бадаев обещал немедленно отправить деньги. Со своей стороны, Аллилуев тоже послал Сталину небольшую сумму.

Деньги требовались Сталину, видимо, не только для зимовки. Там же, в Туруханском крае, в Селиванихе, находился и еще один член ЦК — Свердлов. 27 сентября 1913 года он писал, что "Васька" — Сталин — гостил в Селиванихе неделю. Видимо, сговаривались о побеге: "Если у тебя будут деньги для меня или Васьки (могут прислать), то посылай..." Следовал адрес.

Но это письмо Свердлов написал... Малиновскому, и, разумеется, о нем тут же стало известно охранке. Провокатор известил Департамент полиции о решениях Поронинского совещания ЦК РСДРП в сентябре-октябре 1913 года. На узком заседании ЦК 1 октября среди прочего рассматривался вопрос об организации побега Сталина и Свердлова (Андрея). Этот пункт, девятый по счету, вошел лишь в наиболее секретные записки особого отдела: охранка опасалась разоблачения своего столь ценного агента.

Меры к подготовке побега были приняты. В записной книжке приходов и расходов ЦК в декабре 1913 года значится: "Ан(дрею) и Коб(е) 100". Деньги посылал и Бадаев из Петербурга.

Телеграммы, уведомления, докладные записки летят, спешат из Петербурга и Москвы в Красноярск, в Енисейск, в Монастырское и обратно. Во всех — предупредить побег! 18 декабря сам директор Департамента полиции С.Белецкий требует от енисейского губернатора: "Яков Свердлов, Иосиф Джугашвили намереваются бежать из ссылки. Благоволите принять меры к предупреждению побега".

Действительно, должные меры были приняты: в середине марта Сталина и Свердлова переводят в станок Курейка, ниже Монастырского по Енисею верст на сто восемьдесят и на восемьдесят верст севернее Полярного круга. О побеге отсюда невозможно даже и думать. За короткое северное лето в Курейку заходил лишь один пароход: три месяца в году, весной и осенью, не было вообще никакой связи. Путь вверх по Енисею строго контролировался кордонами. Свердлов писал сестре: "Только двое будет на станке, и при нас два стражника. Надзор усилили, от почты оторвали. Последняя раз в месяц через ходока", кот. часто запаздывает. Практически не более 8 — 9 почт в год... Джугашвили за получение денег лишен пособия на

4 месяца. Деньги необходимы и мне и ему. Но на наше имя посылать нельзя..."

В станке Курейка насчитывалось тогда всего десять дворов, и восемь из них заселяли Тарасеевы. Жителей в Курейке — тридцать восемь мужчин и двадцать восемь женщин. Грамотных — ни одного.

Река Курейка впадает здесь в Енисей с востока. Станок — группа старинных изб, разбросанных на бугорках среди поляны

находился на левом берегу Енисея, на крутом обрыве. В половодье станок со всех сторон окружала вода. Курейка — одно из последних поселений на севере Туруханского края. Отсюда один путь — вверх по Енисею, на юг. На все остальные стороны

тайга, тайга... Два с половиной года предстояло прожить здесь Сталину.

Вот как Свердлов описывал знакомой весну 1914 года в тех местах:

"Вы, вероятно, думаете, что за Полярным крутом и весны не бывает? Ошибаетесь, милый человек. Бывает, да еще какая весна-то! Одно вскрытие такой мощной реки, как Енисей, чего стоит. С треском ломается лед, раскалывается на огромные глыбы, гонит их водой друг на друга, они лезут на берега, а вода все поднимается, поднимается. Не хочется и с берега уходить. Чуть-чуть потеплело, полетели на дальний Север стаи гусей. Иные летят низко-низко, сворачивая в сторону у самой деревни..."

Сталин был человеком иного склада и столь пространных описаний полярной весны, насколько известно, не оставил. Однако можно с уверенностью утверждать, что он приспособился к жизни в Курейке лучше Свердлова. Более того, он полюбил этот суровый и своеобразный край. Полюбил и его людей.

Жили ссыльные поначалу вместе, и это оказалось не совсем удобным. Комната примыкала к хозяйской и не имела отдельного входа. У хозяев — много детей, и, разумеется, они часами пропадали у постояльцев. Приходили и взрослые. Придут, посидят, посмотрят на незнакомых и очень интересных им людей, помолчат с полчаса, потом поднимаются:

— Ну, надо идти, бывайте здоровы!..

Такие посещения раздражали Свердлова, поскольку чаще всего приходились они на вечер, время, наиболее привычное для чтения и письма обоим ссыльным. Впрочем, в первые месяцы читать вечером им мало приходилось: не было керосина. Вскоре ссыльные стали жить на разных квартирах. Личные отношения Сталина и Свердлова не сложились: сказывалась разница характеров. Уже в марте 1914 года Свердлов писал знакомой: "Нас двое. Со мною грузин Джугашвили, старый знакомый, с которым мы уже встречались в другой ссылке. Парень хороший, но слишком большой индивидуалист в обыденной

жизни. Я же сторонник минимального порядка. На этой почве нервничаю иногда".

Характер Сталина вполне сложился к тридцати пяти годам жизни, он вообще-то никогда не был слишком уж общительным и говорливым, а в Туруханской ссылке, в тяжелейшей обстановке одиночества и отсутствия общественной деятельности, что он так любил, характер его, несомненно, приобрел некоторые черты замкнутости. Свердлов, который, по его собственному признанию в письме той поры, обладал обширными "талантами разговорными", не хотел да и не мог понять товарища. В письме конца мая 1914 года Свердлов писал жене: "Со своим товарищем мы не сошлись "характером" и почти не видимся, не ходим друг к другу..."

Ну а потом на долгие два с лишним года Иосиф Сталин остался в Курейке один. Но сказать "совсем один" было бы неверно. У него был двойник. Иван Лалетин, большой, рыжебородый стражник, ходил всегда в форме — револьвер в желтой кобуре на одном боку, шашка на другом — и относился к своим обязанностям чрезвычайно серьезно.

Столкновения со стражником у Сталина начались сразу же. По инструкции Лалетин должен был посещать ссыльного два раза в день, в девять утра и вечером. Выполнял эту обязанность Лалетин бесцеремонно.

Весной 1914 года, к вечеру, население станка было свидетелем невиданной сцены: стражник пятился от избы, где жил Сталин, к Енисею, размахивая перед собой обнаженной шашкой, а ссыльный, необычайно возбужденный, со сжатыми кулаками, наступал на него, теснил к обрыву. В тот день Сталин не выходил из дома: то ли приболел, то ли работал. Лалетину это показалось подозрительным, он решил проверить и без стука ввалился в комнату ссыльного. Тогда Сталин схватил его за шиворот и вывел на улицу...

После многократных и настойчивых протестов Сталина туруханский пристав сменил стражника. Новый, Михаил Мерзляков, рассказывал позднее: "Меня обмундировали, оклад положили 50 рублей в месяц, дали гребцов, и я на лодке отправился в Курейку. Перед отъездом снабдили инструкциями и строго-настрого наказали, чтобы следить за административно-ссыльным Джугашвили, не пускать его со станка Курейки, не позволять ходить на пароход, не давать читать журналы, газеты, не допускать сборищ, запрещать игры с молодежью и прогулки на лодке. Особенно строго было наказано следить за ссыльным Джугашвили в отношении огнестрельного оружия".

Спустя много лет Мерзлякова исключили из колхоза за то, что он был когда-то стражником. Тогда Мерзляков написал письмо Генеральному секретарю ЦК ВКП(б) с просьбой удостоверить, что отношения между ними были дружескими и что

он, Мерзляков, не был профессиональным стражником. Вот что ответил Сталин:

"Сельсовету дер. Емельяново, Красноярского района и округа, и Михаилу Мерзлякову.

Мерзлякова припоминаю по месту моей ссылки в селе Курейка (Турух. края), где он был в 1914 — 1916 году стражником. У него было тогда одно-единственное задание от пристава — наблюдать за мной (других ссыльных не было тогда в Курейке). Понятно поэтому, что в "дружеских отношениях" с Мих. Мерз ляковым я не мог быть. Тем не менее я должен засвидетельствовать, что если мои отношения с ним не были "дружеские", то они не были враждебными, какими обычно бывали отношения между ссыльными и стражниками. Объясняется это, мне кажется, тем, что Мих. Мерзляков относился к заданию пристава формально, без обычного полицейского рвения, не шпионил за мной, не травил, не придирался, сквозь пальцы смотрел на мои частые отлучки и нередко поругивал пристава за его надоедливые "указания" и "предписания". Все это я считаю своим долгом засвидетельствовать перед вами.

Так обстояло дело в 1914 — 1916 гг., когда М. Мерзляков, будучи стражником, выгодно отличался от других полицейских.

Чем стал потом М. Мерзляков, как он вел себя в период Колчака и прихода Советской власти, каков он теперь, — я, конечно, не знаю.

С коммунистическим приветом И. Сталин. Москва, 27.II. — 1930 г.".

Поладив со стражником, Сталин сумел устроить и свой быт. Конечно, это была суровая жизнь, но точно так же, и даже хуже, жили рядом со Сталиным местные жители, простые труженики, которые навсегда сохранили добрую память о ссыльном революционере. В этом проявилась важнейшая черта зрелого Сталина — его скромность, отсутствие заносчивости и высокомерия, его глубочайший демократизм, искренняя, подлинная народность.

Делал все по хозяйству он сам, готовил обед, пек хлеб. Прожить на одно пособие было невозможно, деньги приходилось тратить на покупку керосина, соли, табака, спичек. Надо было искать дополнительных способов пропитания, и тут на помощь приходили охота и рыболовство, благо рыба, птица и зверь водились тут в изобилии.

Сталин научился мастерить рыболовецкие снасти, ходил на ловлю сначала с местными рыбаками, а потом приобрел собственную лодку. Летом на Половинских опечках (островах) он делал шалаш и промышлял, заготовляя рыбу впрок, солил икру.

Охотился Сталин и на песца, также применяя самодельные снасти. Охота с ружьем ему воспрещалась. Поэтому он пускался на хитрости: соседи шли в лес, оставляли там ружье в услов-

ленном месте, а Сталин забирал его. Стрелял больше всего куропаток, но бил и гусей, и уток.

На рыбной ловле и охоте Сталин не раз попадал в положения, грозившие несчастьем. Рассказывать о них впоследствии он не любил, но все же о нескольких нам известно. Выступая в апреле 1929 года на Пленуме ЦК с докладом "О правом уклоне в ВКП(б)" , Сталин, характеризуя бухаринскую группу, вдруг обратился к слушателям:

—Видали ли вы рыбаков перед бурей на большой реке вроде Енисея? Я их видал не раз. Бывает, что одна группа рыбаков перед лицом наступившей бури мобилизует все свои силы, воодушевляет своих людей и смело ведет лодку навстречу буре:"Держись, ребята, крепче за руль, режь волны, наша возьмет!"

Но бывает и другой сорт рыбаков, которые, чуя бурю, падают духом, начинают хныкать и деморализуют свои же собственные ряды: "Вот беда, буря наступает, ложись, ребята, на дно лодки, закрой глаза, авось как-нибудь вынесет на берег!"

Общий смех был ответом оратору. Он вспомнил, конечно, свои собственные переживания, и не приходится сомневаться, что сам он был в первой группе рыбаков.

Один раз, зимой, Сталин чуть не погиб. Рыбу промышляли, спуская снасти в проруби; дорога к ним отмечалась вешками. Отправившись в очередной раз с соседями за несколько верст, Сталин отделился от них и пошел к своим снастям. Улов был богатый и, перекинув через плечо большую связку рыбы, он направился в обратный путь. Но вскоре завьюжило, поднялась пурга, вешек не стало видно.

В лицо бил ветер, глубокий снег не позволял идти быстро, тяжелая ноша мешала, но бросить ее нельзя: дома продовольствия нет. Упорно, не обращая внимания на ветер и усталость, Сталин шел вперед.

Но уверенности, что он идет правильно, не было, жилье не встречалось, хотя пора бы и быть деревне. И тут — впереди смутно различимые сквозь пургу фигуры, голоса.

—Го-го-го! — закричал Сталин. — Подождите!

Голоса тотчас смолкли, и фигуры пропали. И вновь один бредет Сталин, остановиться — значит погибнуть. Тело коченеет от холода, силы кончаются... Вдруг — лай собаки, затем запах дыма! Жилье!

Войдя в избу, Сталин без сил опустился на лавку.

— Осип, это ты? — хозяин был явно испуган.

—Конечно, я. Не лешак же! Вы что, не видите, что это ваш жилец?

Выяснилось, что рыбаки видели Сталина, но его обледеневшую, занесенную фигуру приняли за водяного.

[1] Сталин И.В. Соч. Т. 12. С. 17 - 18.

Восемнадцать часов проспал Сталин после этой рыбалки...

Он так наловчился промышлять рыбу, что соседи стали говорить, глядя на его добычу:

—Ты, Осип, верно, слово какое знаешь!

С жителями станка отношения у ссыльного были хорошими. По вечерам то один, то другой заходил к нему, сидел молча и следил, как "Осип" что-то пишет за столом. Затем они курили трубки, иногда вместе ужинали, подкрепляясь мороженой рыбой. Хвост и голову получал Тишка — пес, которого подарили хозяева.

Тишку Сталин вспоминал и годы спустя. В долгие зимние вечера чаще всего лишь пес был его собеседником. Сидит ссыльный за столом, пишет или читает (если есть керосин), а Тишка прибежит с мороза, жмется к ногам, урчит, просит есть. Наклоняется хозяин, треплет его за уши:

—Что, Тишка, намерз? Ну, грейся, грейся!

Однажды Тишка нашкодил. Из Монастырского Сталин привез кусок говядины — редкость для Курейки. Стал его варить, положил в чугунок (да не накрыл) и куда-то вышел. Возвращается — чугунок опрокинут, а Тишка за столом притаился, мясо жрет. Остался хозяин голодным до следующего дня — до нового улова. Долго он потом учил Тишку:

—Взять! Нельзя! Принеси!..

Не уклонялся Сталин и от участия в скромных празднествах жителей станка. У хозяев часто собирались соседи. Тогда открывалась дверь и появлялся постоялец. Пел песни, даже плясал. Чаще всего, конечно, пелись русские народные песни, революционных здесь не знали, и Сталин учил им соседей. Сам же учился народным песням. Только иногда, видимо, в особо тяжелые дни, начинал он петь на родном языке, и с удовольствием глядели на него хозяйские дети, пораженные звуками чужой речи. В Курейке, как обычно, Сталин был очень ласков с детишками. Хозяйка его, Анфиса Степановна Тарасеева, вспоминала, как ездила верхом на постояльце, вцепившись ручонками в его густые волосы, маленькая ее дочурка Дашутка:

—Ты., дядя, кричи по-конячьи!..

Оторванность от остального мира, конечно, ощущалась постоянно. Но нельзя сказать, что эта оторванность была полной. Во-первых, хоть и редко, бывала почта, приходили газеты, письма. Во-вторых, Сталин ухитрялся поддерживать связи и со своими товарищами по ссылке в Туруханском крае, и в России, и даже за границей.

Вопрос о возможности устройства побега Сталину и Свердлову обсуждался на заседании ЦК РСДРП 2 — 4 апреля 1914 года. В повестке дня, написанной Лениным, имелся и этот пункт. В агентурных сведениях охранки сообщалось: "Помимо сего в определенной форме поднят вопрос о побеге в самом непродолжительном времени "Андрея" (Свердлова) и "Кобы",

кои по оставлении ссылки сохранят свои полномочия членов ЦК".

О подготовке побега было, видимо, известно и Сталину, так как в письме в думскую фракцию большевиков от 20 марта 1914 года он просил сообщить, как обстоит дело с его "переездом в Петербург", и писал, что он еще не получил на этот счет точных данных.

Подготовка побега была сложным делом, она тянулась до лета 1914 года, а тут началась мировая война, и все обстоятельства до чрезвычайности осложнились.

Мир раскололся на две противоборствующие стороны, землю перепоясали траншеи и ряды колючей проволоки, шовинистический угар охватил широкие круги трудящихся, и одетые в шинели рабочие и крестьяне разных наций сошлись в кровавой схватке ради интересов империалистических шейлоков.

Известия о начале войны в Курейку пришли не скоро, противоречили друг другу. Еще позднее дошли в Туруханский край сведения о позиции, занятой Лениным в начале войны: только глубокой осенью 1914 года Крупская прислала в Красноярск на явочную квартиру тезисы Ленина об отношении к войне. В Туруханскую ссылку эти тезисы доставил В. Л. Швецер. Сталин в тот момент гостил у С. Спандарьяна в Монастырском.

Навещал Монастырское Сталин в зимнее время сравнительно часто — 180 верст в Сибири не расстояние. 19 марта 1915 года Спандарьян писал домой: "Посылаю еще раз мою фотографию. Более удачная. Со мной стоит наш общий приятель. Мама его знает. Он приезжал ко мне на днях погостить, и вот надумал сняться. Особенно эффектно вышел мой пиджак из арестантского халата. Совсем как английского министра. Оба мы перед этим снятием смеялись и дразнили нашего фотографа, а потому в последний момент вышли улыбающимися". Действительно, на фотографии Спандарьян и Сталин выглядят очень веселыми.

Спандарьян описывал, как они с товарищем, сопровождаемые воем волков, промчались на собачьей упряжке по Енисею:

"Нашему неожиданному приезду т. Сталин был необычайно рад и проявил большую заботливость о "полярных путешественниках". Чтобы угостить нас получше, он первым делом побежал к Енисею, к проруби, в которую был погружен его "самолов" (веревка с большим крючком для ловли рыбы). Через несколько минут мы увидели т. Сталина с огромным осетром на плече. Под руководством "опытного рыболова" мы быстро расправились с осетром, приготовили икру и сварили уху. И тут же, во время дружной работы, шла наша беседа о партийных Делах. В самой обстановке комнаты чувствовалось, как напряженно работали мысли Сталина, нисколько в то же время не отрываясь от реальных условий окружающей жизни. Стол был завален книгами и большими пачками газет, а в углу на веревке

висели разные снасти, рыболовные и охотничьи, собственного изделия".

Большевики в Туруханской ссылке не чувствовали себя полностью оторванными от дел партии, от событий в стране. Но, конечно, в северном станке за Полярным кругом революционеру, привыкшему за полтора десятилетия находиться в сердце событий, в гуще людей, не всегда было легко и приятно. В таких условиях, чтобы не затосковать, не распуститься, не потерять себя (а подобные случаи в ссылках бывали), имеется одно, самое верное средство — работа, упорная работа. И Сталин трудится. Он стремится улучшить свои познания в языках. В письме в Заграничный комитет просит прислать ему книги на немецком языке; в письме в Париж — французско-русский словарь и несколько номеров английской газеты. Но главным его занятием в ссылке оставалась углубленная разработка марксистской теории. Шли месяц за месяцем. Огромная страна, истомленная войной, находилась накануне великих событий. Но в станке Курейка близость этих потрясений ощущалась слабо. Все так же привычной чередой тянулась житейская рутина: рыбная ловля, стряпня, книги, газеты, если они были. Несомненно, что годы Туруханской ссылки не могли не сказаться на характере Сталина, он сделался несколько замкнутым и очень сдержанным в общении с людьми.

Друзей поблизости у него не оставалось. В июне 1916 года Спандарьяна перевели в Енисейск, а в сентябре этот наиболее близкий Сталину в ссылке человек скончался в Красноярске. О судьбе его Сталин некоторое время не знал ничего определенного.

Оживленной переписки Сталин не вел. Но было семейство в Петрограде, куда он писал охотно, и в письмах его мы встречаем, казалось бы, весьма необычные для него выражения и настроения. Это семья Аллилуевых. Вот письмо от 15 ноября 1915 года, одно из очень немногих писем этого отнюдь не сентиментального человека:

"Для Ольги Евгеньевны.

Очень-очень Вам благодарен, глубокоуважаемая Ольга Евгеньевна, за ваши добрые и чистые чувства ко мне. Никогда не забуду Вашего заботливого отношения ко мне! Жду момента, когда я освобожусь от ссылки и, приехав в Петербург, лично поблагодарю Вас, а также Сергея, за все. Ведь мне остается всего-навсего два года.

Посылку получил. Благодарю. Прошу только об одном — не тратиться больше на меня: Вам деньги самим нужны. Я буду доволен и тем, если время от времени будете присылать открытые письма с видами природы и прочее. В этом проклятом крае природа скудна до безобразия, — летом река, зимой снег, это все, что дает здесь природа, — и я до глупости истосковался по видам природы, хотя бы на бумаге.

Мой привет ребятам к девицам. Желаю им всего-всего хорошего.

Я живу, как раньше. Чувствую себя хорошо. Здоров вполне,— должно быть, привык к здешней природе. А природа у нас суровая: недели три назад мороз дошел до 45 градусов.

До следующего письма.

Уважающий Вас Иосиф"

Война между тем протянула свои страшные лапы и к административно-ссыльным: весной 1916 года была объявлена мобилизация их в армию. Туруханский пристав получил указание направить Сталина на призывной пункт в Красноярск. 14 декабря 1916 года Сталин, разумеется, в сопровождении стражника, навсегда отбыл из Курейки. Долго бежал за санями верный Тишка, а хозяин гнал его:

— Назад, Тишка, назад! Домой!

Туруханская ссылка кончалась.,..

В Монастырском немного задержались. Сталин встретился со Свердловым, они долго беседовали. Затем вся колонна ссыльных собралась на Енисее провожать отъезжающих.

На небе стояли страшные тучи — надвигалась пурга. За Енисеем — чернеющий лес. Около саней, окружив отбывающих, толпятся ссыльные. Уезжало девять человек, но большевиков только трое — Сталин, И. Фиолетов, В. Иванов — остальные меньшевики и эсеры. Сталин был одет в меховую шубу и меховой же малахай. Впоследствии на многие годы — это его обычный зимний наряд.

До Красноярска добирались долго — жестокие морозы заставляли пережидать. Около недели пробыли в Верхне-Имбатском. Состоялось собрание ссыльных. На вечеринке, по свидетельству В. Иванова, Сталин был одним из наиболее веселых, пел и плясал. В Красноярске Сталин прожил несколько недель и за это время успел установить связи с местными большевиками, написать две листовки: "О войне" и "К солдатам". В начале февраля 1917 года призывная комиссия признала Сталина негодным к военной службе из-за плохо сгибавшейся с детства в локте левой руки.

Срок ссылки кончался 7 июня 1917 года. Отправлять ссыльного назад в Курейку казалось нелепым. Сталин направил прошение енисейскому губернатору о желании остаться отбывать ссылку в Ачинске, где у него появилась возможность получить работу. 17 февраля разрешение было получено, и через три дня он уехал в Ачинск.

Через неделю, уже в этом городке, Сталин узнал о февральской революции. Не стало больше административно-ссыльного Иосифа Виссарионовича Джугашвили, он же Сосо, он же Иванович, он же Василий... Был гражданин Джугашвили-Сталин. 8 марта он выехал в Петроград.

Глава шестая

Воскресенье 12 марта 1917 года было ясным и солнечным такие дни нередки в городе на Неве ранней весной. Уже на Знаменской площади приезжим бросилось в глаза, как изменилась столица. Чиновный, казенный Санкт-Петербург, каким он некогда запомнился Сталину, канул в небытие.

Невский заполнен шумной, говорливой толпой. Во всех направлениях движутся грузовики с солдатами и вооруженными штатскими — рабочими, студентами. На всех перекрестках — толпы людей; достаточно остановиться и заспорить двоим, как вокруг начинает собираться народ — и вот уже кипит митинг. В руках у спорящих и слушающих — газеты, листовки, их продают шныряющие всюду мальчишки. Спорят долго, пока не устанут, не охрипнут. Разойдутся в одном месте — и тотчас же сходятся в другом. И так — до темноты...

Куда идти революционеру, вернувшемуся из ссылки, в этом взбудораженном городе? Конечно, в Таврический дворец, там Петросовет, там центр революции. Побывав в Таврическом, Сталин едет в ЦК РСДРП(б); он разместился в особняке, еще недавно принадлежащем балерине Кшесинской, поблизости от Петропавловской крепости. Солдаты броне дивизиона заняли особняк и согласились поделиться просторным помещением с большевиками.

Бывшие покои балерины имели своеобразный вид. Роскошная мебель и остальное имущество были снесены в несколько нижних залов, запечатаны и охранялись. Изысканные плафоны соседствовали с канцелярскими стульями, столами и скамьями, собранными сюда для деловых надобностей. Остатки прежней роскоши — дорогие цветы в кадках, великолепные кресла — мелькали то в одном, то в другом углу.

Незамедлительно по приезде Сталин включается в партийную работу. В протоколе заседания Бюро ЦК от 12 марта 1917 года значится: "Бюро приглашает в свой состав ценных теоретических работников, а затем уже распределяет между ними работу... Далее решался вопрос о тов. Муранове, Сталине и Каменеве. Первый приглашен единогласно. Относительно Сталина было доложено, что он состоял агентом ЦК в 1912 году[1] и поэтому являлся бы желательным в составе Бюро ЦК, но ввиду некоторых личных черт, присущих ему, Бюро ЦК высказалось в том смысле, чтобы пригласить его с совещательным голосом". О каких "личных чертах" Сталина шла речь, можно только гадать. О Каменеве протокол содержит гораздо более точные формулировки: "Что касается Каменева, то ввиду его поведения на про-

[1] Это неточно: уполномоченным (агентом) ЦК Сталин был с 1910 года. В члены ЦК он был кооптирован на Пражской конференции. — *Авт.*

цессе и тех резолюций, которые были вынесены относительно него большевиками, как в Сибири, так и в России, решено принять его в число сотрудников "Правды", если он предложит свои услуги, но потребовать от него объяснения его поведения. Статьи его принимать как материал, но за его подписью не выпускать".

Итак, Сталин вновь вошел в состав ЦК — с совещательным голосом. Вероятно, в тот же день он побывал у Аллилуевых. Долго, пыхтя и громыхая, тащил паровичок вагончики вдоль Невы: Аллилуевы жили теперь за Невской заставой, у фабрики Торнтона. Постарели и изменились Сергей Яковлевич и Ольга Евгеньевна, выросли Федя и Нюра, даже 16-летняя Надя выглядела почти взрослой... Тепло, как родного, встретили они Сталина. Он долго рассказывал о ссылке. Надя и Нюра до слез смеялись, когда Сталин в лицах изображал встречи на провинциальных вокзалах, которые ему привелось увидеть по пути из Сибири:

—Святая революция, долгожданная, родная!.. Наконец-то ты пришла! — передразнивал он доморощенных, захлебывающихся от "высоких чувств" ораторов.

Прощаясь утром с Аллилуевыми и узнав, что они собираются снимать новую квартиру на 10-й Рождественской улице, Сталин попросил:

—Оставьте комнату и для меня! Обязательно!

Однако жил Сталин в ближайшие месяцы не у Аллилуевых, а на Широкой улице, 16, в квартире 32, неподалеку от того дома, где поселился по возвращении из эмиграции В. И. Ленин. Впрочем, нередко ночевал Сталин и там, где и работал допоздна: все его силы и время были отданы революции.

В девять часов утра 13 марта Сталин уже присутствовал на заседании Бюро ЦК, состоявшемся в помещении "Правды". Редакция большевистской газеты размещалась тогда в жилом шестиэтажном доме № 32 по набережной Мойки. В первом этаже была контора "Правды". Собственно редакция занимала две комнаты во втором этаже: несколько письменных столов да старый, обитый черной клеенкой диван, с выпирающими пружинами. Вот он-то и служил по временам постелью Сталину.

13 марта на заседании Бюро ЦК Сталина вводят в состав редакции "Правды", на следующем заседании — 15 марта — избирают в президиум Бюро ЦК. 18 марта Бюро ЦК делегирует Сталина в состав Исполкома Петроградского совета. О совещательном голосе речи уже нет: Сталин — полноправный член Бюро ЦК.

Как таковой он и выступает в "Правде". 14 марта опубликована его статья "О советах рабочих и солдатских депутатов", 16 марта — "О войне", 17 марта — "На пути к министерским портфелям"... Но здесь необходимо объяснение. Л. Б. Каменев, вошедший с середины марта в состав редакции "Правды", в своих

статьях откровенно отстаивал полуменьшевистские позиции в основных, главнейших вопросах текущей политики партии: об отношении к Временному правительству и о войне. Позиция Сталина, если судить о ней по названным статьям,безусловно, не была подобной позиции Каменева, но все же и он допускал в тот период ошибки. В статье "О войне", направленной против социал-оборончества, Сталин правильно оценивал войну как империалистическую с обеих сторон, но предлагал неправильный путь выхода из войны — "путь давления на Временное правительство с требованием изъявления им своего согласия немедленно открыть мирные переговоры"[1] ..

То, что подобная позиция не была просто оговоркой, показывают материалы Всероссийского (мартовского) совещания большевиков, состоявшегося 27 марта — 2 апреля в Петрограде. Сталин на совещании был одним из главных лиц. 29 марта он делал доклад об отношении к Временному правительству, и в нем содержались некоторые противоречивые положения. К примеру, докладчик утверждал: "Поскольку Временное правительство закрепляет шаги революции, постольку поддержка, поскольку же оно контрреволюционное, — поддержка Временного правительства неприемлема". Ошибочную линию отстаивал Сталин и на заседании 1 апреля, когда обсуждался вопрос об объединении с меньшевиками.

Вот что говорил сам Сталин об этом в 1924 году: "...Это была глубоко ошибочная позиция, ибо она плодила пацифистские иллюзии, лила воду на мельницу оборончества и затрудняла революционное воспитание масс. Эту ошибочную позицию я разделял тогда с другими товарищами по партии и отказался от нее полностью лишь в середине апреля... "[2]

Утром 3 апреля М. И. Ульянова принесла в особняк Кшесинской телеграмму — сообщение о приезде вечером того же дня В.И. Ленина. Кроме Н.И. Подвойского, в особняке никого из партийных работников не было. Подвойский сразу же начал действовать: он разослал большевиков-солдат бронедивизиона на автомобилях по городу, чтобы оповестить о важном событии членов ЦК и ПК, а также рабочие районы. Началась подготовка к встрече, а тем временем члены ЦК, ПК, работники "Правды" отправились на пограничную с Финляндией станцию Белоостров. Поехал и Сталин.

К вечеру, за полтора-два часа до прихода скорого поезда, на перроне в Белоострове собралось необычно много народа. В нетерпеливом ожидании все заметно волновались: то гуляли по платформе, то собирались в здании вокзала, пили воды и пиво,

[1] Сталин И.В. Соч. Т. 3. С.8.

[2] Сталин И.В. Соч. Т. 6. С.333.

начинали разговоры, но они не клеились. Наконец в девять часов вечера к платформе подходит поезд, гремит "Марсельеза", Ленина на руках вносят в вокзал, и он говорит речь о значении русской революции...

Утром следующего дня Ленин на собрании большевиков изложил свои знаменитые Апрельские тезисы. В последующие дни с присущим ему терпением и страстью Ленин добивался, чтобы эти тезисы стали

программой социалистической революции для всей партии большевиков. И на заседаниях ЦК и ПК у него были оппоненты. Несколько дней колебался и Сталин: на обсуждении тезисов 6 апреля в ЦК он делал критические замечания. Правда, определенно судить о характере этих замечаний ввиду крайней краткости протокольной записи очень трудно.

Сталин не был говоруном, театрализованным оратором из тех, что умеют заливаться соловьем или свистать громче Соловья-разбойника. Голос у него был негромок, по-русски он говорил очень правильно, но с небольшим акцентом, не умел, да и не любил, не стремился произносить длинные речи, преднамеренно рассчитанные сугубо на человеческие чувства и настроения (а часто именно такие речи имели успех на бесчисленных митингах, сотрясавших Петроград той весной).

Но сразу же, в первые недели весны, выяснилось, что Сталин — великолепный, замечательный организатор, человек, который умеет разговаривать с людьми, не только умеет направить их и присмотреть за исполнением, но и исключительно точно соблюдает выработанную партийным руководством политическую линию. Партийные совещания и конференции не обходятся без присутствия и выступления Сталина, чаще всего — краткого, но всегда содержательного.

Выступать на публичных собраниях ему, конечно, доводилось, и не так уж редко, но дошли до нас далеко не все тексты тех выступлений. Одно из них — на первомайском митинге.

В тот раз в России впервые свободно прошла первомайская демонстрация. Для характеристики атмосферы, в которой она состоялась, любопытен, к примеру, такой документ:

"Приказ по Петроградскому военному округу, за № 170а от 17 апреля 1917 года. Завтра, 18 апреля (1 мая) по случаю всемирного рабочего праздника в войсках вверенного мне округа занятий не производить. Войсковым частям, с оркестрами музыки, участвовать в народных процессиях, войдя в соглашение с районными комитетами.

Подписал: Главнокомандующий войсками округа

Генерал-лейтенант **Корнилов".**

Да, да — это именно тот Корнилов! Пройдет всего три дня, и 21 апреля генерал Корнилов прикажет выкатить пушки к Мариинскому дворцу, чтобы попытаться расстрелять манифестацию трудящихся и солдат Петрограда... Пройдет всего четыре месяца, и в конце августа 1917 года главнокомандующий русской армией Корнилов попробует двинуть на революционный

Петроград казаков и "дикую" дивизию... Пройдет всего лишь год, и 13 апреля 1918 года в кубанской степи под Екатеринодаром разрыв снаряда уложит наповал генерала Корнилова — главу русской контрреволюции... Но в апреле 1917 года даже и он был вынужден отдавать приказ о праздновании 1 Мая!

Демонстрация в столице была грандиозной. Митингов в этот день состоялось без числа: все сколько-нибудь подходящие помещения Петрограда — театры, кинематографы, цирки, высшие учебные заведения — были приспособлены для собраний и митингов. На Биржевой площади Васильевского острова выступал и Сталин:

—Говорят о доверии к Временному правительству, о необходимости такого доверия. Но как можно доверять правительству, которое само не доверяет народу в самом важном и основном?..

Говорят о поддержке Временного правительства, о необходимости такой поддержки. Но судите сами: можно ли в революционную эпоху поддерживать правительство, которое с самого начала своего существования тормозит революцию?.. "

Ленинский курс на переход от буржуазно-демократической к социалистической революции был обсужден и сделан общепартийным курсом на Седьмой Всероссийской конференции РСДРП(б), открывшейся 24 апреля.

В последний день конференции, 29 апреля, доклад по национальному вопросу — чрезвычайно важному для такой страны, как Россия, сделал Сталин. Это было первое выступление Сталина на тему, изучению которой он отдал так много времени.

Обсуждался вопрос: надо ли признавать за всеми народами, входящими в состав России, право на отделение.

—Вопрос оправе наций на свободное отделение, — говорил Сталин, — непозволительно смешивать с вопросом об обязательности отделения нации в тот или иной момент. Этот вопрос партия пролетариата должна решать в каждом отдельном случае совершенно самостоятельно, в зависимости от обстановки. Признавая за угнетенными народностями право на отделение, право решать свою политическую судьбу, мы не решаем тем самым вопроса о том, должны ли в данный момент отделиться такие-то нации от Российского государства.

Нам, современникам беловежского преступления, совершенного при нашем молчаливом безучастии, эти слова звучат сейчас справедливым укором и уроком. Будем же запоздала учиться у своей истории и у ее героев...

Кандидатура Сталина на выборах в ЦК обсуждалась пятой. В протоколах конференции значится: "Ленин (за). Тов. Коба мы

[1] Сталин И.В. Соч. Т.3. С.39 - 40. 88

знаем очень много лет. Видали его в Кракове, где было наше бюро. Важна его деятельность на Кавказе. Хороший работник во всяких ответственных работах. Против нет". Был избран ЦК из 9 человек. Кандидатура Ленина прошла 104 голосами из 109 голосовавших, Зиновьева — 101, Сталина — 97...

Вечером 6 июня Сталин выступал на заседании Петербургского комитета партии. В протоколе записано: "Т. Сталин видит в создавшемся положении новые условия: имеется Временное правительство, куда делегированы министры и от Совета рабочих и солдатских депутатов и от Государственной думы. Министры издали каторжные законы, Дума вынесла резолюцию о наступлении. Если дадим обнаглеть и дальше, то скоро подпишут нам смертный приговор. Брожение среди солдат факт... Наша обязанность организовать эту демонстрацию - смотр нашим силам. При виде вооруженных солдат буржуазия попрячется".

Весь вечер 9 июня допоздна совещались, прения были жаркими, и уже глубокой ночью было решено: отменить демонстрацию. Отправившись ранним утром на заводы и в солдатские казармы, большевики разъяснили трудящимся ситуацию. Авторитет большевиков был в Петрограде уже так велик, что 10 июня ни один завод, ни один полк не вышел на улицу.

Во всяком случае в следующее воскресенье, 18 июня, Сталин вместе с другими членами ЦК участвовал в состоявшейся все-таки демонстрации. Всероссийский съезд Советов решил провести ее 18 июня, надеясь организовать манифестацию доверия Временному правительству. Но соглашатели ошиблись. Большевики сумели подготовить народные массы. 17 июня в "Правде" было помещено воззвание ЦК и ПК большевиков "Ко всем трудящимся, ко всем рабочим и солдатам Петрограда". Написано оно было Сталиным.

Утром прекрасного летнего дня на Марсовом поле собрались толпы любопытных, около 10 часов к могилам жертв революции подошли делегаты Съезда во главе с меньшевиком Н. С. Чхеидзе. Вскоре появились колонны демонстрантов. Они шли быстро и густо, шли много часов подряд и, к величайшему огорчению соглашателей, несли с собой большевистские лозунги! Вот как писал об этом зрелище Сталин в "Правде":

"Ясный, солнечный день. Бесконечная лента демонстрантов. Шествие идет к Марсову полю с утра до вечера. Бесконечный лес знамен. Закрыты все предприятия и заведения. Движение приостановлено.

Только три группы решились выставить лозунг доверия, но и те должны были раскаяться. Это группа казаков, группа Бунда и группа плехановского "Единства". "Святая троица", — острили рабочие на Марсовом поле. Двух из них рабочие и солдаты заставили свернуть знамя (Бунд и "Единство") при криках "Долой!". У казаков, не согласившихся свернуть знамя, изорва-

ли последнее. А одно безымянное знамя с "доверием", протянутое "на воздухе" поперек входа на Марсово поле, было уничтожено группой солдат и рабочих при одобрительном замечании публики: "Доверие Временному правительству — повисло в воздухе..."

16 — 23 июня в Петрограде состоялась Всероссийская конференция военных организаций, где раздавались требования немедленной подготовки вооруженного восстания.

Сталин приветствовал конференцию от имени ЦК партии 17-го вечером. 21 июня он выступил с докладом о национальном движении и национальных полках. Он подверг сокрушительной критике политику Временного правительства, явно вызывавшую обострение национализма на окраинах России.

— Насильственно объединять нельзя, — говорил он, — объединение может быть только добровольным... Только политика полного доверия к народам может привести к объединению...

I Всероссийский съезд Советов закончился 24 июня. Среди 35 большевиков в Центральный исполнительный комитет Советов рабочих и солдатских депутатов был избран и Сталин. 22 июня его на заседании ЦИК избирают от фракции большевиков в Бюро ЦИК. Теперь он, как член ЦИК, есть "лицо неприкосновенное", то есть не может быть подвергнут аресту, обыску, задержанию и т.п.

Непривычное состояние для старого подпольщика!

Во второй половине дня 3 июля Сталин находился во дворце Кшесинской на заседании Второй петроградской общегородской конференции. Довольно спокойно обсуждался муниципальный вопрос. Вдруг около трех часов пополудни в зале появились два делегата от 1-го пулеметного полка (Временное правительство собиралось расформировать и убрать из столицы в первую очередь именно этот полк). В чрезвычайном возбуждении пулеметчики заявили, что полк решил выступать с целью свержения Временного правительства и передачи власти Советам.

В четыре часа уже в Таврическом дворце собралось срочное совместное заседание ЦК, ПК и Военной организации большевиков. Ленина не было в Петрограде — он был болен и с 29 июня находился на Карельском перешейке, на даче у В. Д. Бонч-Бруевича. Заседание подтвердило решение не выступать. Было составлено соответствующее воззвание к рабочим и солдатам. Памятуя об июньских событиях, когда большевикам было брошено обвинение в организации заговора, Сталин немедленно направился в Бюро ЦИК и сообщил о решении большевиков эсеровско-меньшевистским руководителям ЦИК.

Но удержать рабочих и солдат от преждевременного выступления не удалось. К семи часам вечера многотысячные толпы вооруженных демонстрантов появились и перед дворцом Кшесинской, и перед Таврическим дворцом. Над колоннами разве-

вались полотнища с лозунгами "Вся власть Советам!". По улицам Петрограда уже мчались автомобили с вооруженными солдатами-пулеметчиками и рабочими. К вечеру начались столкновения с офицерскими вооруженными отрядами, обстрел демонстрантов на Невском, перестрелки...

В это время возник публичный скандал о немецких деньгах, получаемых Лениным. (Об этой истории ходит много сплетен, надо наконец разобраться объективно.) Появились материалы, собранные контрразведкой российской армии, о получении ленинскими доверенными лицами денег от немцев. Ленин все отрицал, но делал это исключительно из тактических соображений. На самом деле Ганецкий

(Фюрстенберг) и Козловский получали в шведских банках значительные суммы — через германского агента и международного гешефтмахера Парвуса (Гельфонда). Выяснилась одна из полученных сумм — 1 миллион 217 тысяч рублей (громадная по тем временам сумма, но это далеко не все). Разумеется, Ленин не был "немецким шпионом", как именовали его в патриотических кругах. Но он не только отрицал "буржуазную мораль", но и был пораженцем, значит, надо искать и находить помощь, где только возможно. Сталин к этим делам никакого касательства не имел, хотя знал о них. Позже он это использовал в своих интересах.

Большевикам стало известно о намерении буржуазных газет опубликовать "разоблачительные" материалы о Ленине, в ЦИК был направлен Сталин. Он давно знал меньшевиков Н. С. Чхеидзе (председателя ЦИК) и И.Г. Церетели (министра Временного правительства), хорошо знал цену их словам и делам, поэтому в категорической форме потребовал принятия мер к тому, чтобы фальшивка не увидела свет. Сталин был очень настойчив, и Чхеидзе стал звонить в редакции газет, предлагая воздержаться от публикации. Однако газета "Живое слово" опубликовала "сенсационный" материал.

Пополудни 5 июля во дворец Кшесинской пожаловала делегация ЦИК во главе с меньшевиком Либером. Соглашатели потребовали от большевиков увести моряков в Кронштадт, убрать пулеметчиков из Петропавловской крепости, снять с постов бронемашины и караулы... Спустя три недели Сталин вспоминал:

— Люди, говорившие с нами как товарищи, вдруг призвали Для охраны Таврического дворца войска, заявили, что мы вызвали вооруженное восстание, и объявили нас изменниками революции. Наступил крутой поворот в событиях...

Началась подготовка к захвату Петропавловской крепости и дворца Кшесинской. Ранним утром сюда двинулись внушительные колонны войск, сопровождаемые броневиками и артиллерией. Около девяти утра помощник командующего округом Козьмин потребовал от солдат и матросов сдать оружие и очистить крепость и дворец, угрожая обстрелом и штурмом.

За мощными стенами крепости осажденные могли бы оказать серьезное сопротивление, но большевики не хотели кровопролития. Переговорив с матросами и солдатами и получив от них обещание не оказывать вооруженное сопротивление, Сталин отправился в ЦИК, чтобы уладить дело.

Добраться в Таврический дворец было нелегко, но удостоверение члена Бюро ЦИК все же помогло ему пробиться туда. И вот Сталин перед эсерами и меньшевиками ЦИКа.

—Чего вы хотите? — спрашивает он. — Вы хотите стрелять в нас? Но мы не восстаем против Советов!..

С утра 7 июля Ленин, а также Зиновьев, которому также угрожал арест, перешли к Аллилуевым в квартиру на 10-й Рождественской. Здесь Ленин и узнал о приказе арестовать его. На протяжении всего дня и вечера 7 июля Ленин советовался с членами ЦК: уйти ли в подполье или же явиться к властям и на суде разоблачить клеветников. Мнения на этот счет были разными, В. П. Ногин, к примеру, считал, что надо явиться. По свидетельству Г. К. Орджоникидзе, Сталин был категорически против этого:

—Юнкера до тюрьмы не доведут, убьют по дороге! Приступили к маскировке. Все согласились, что Ленину надо

побриться. Есть свидетельство, что брадобреем в этом случае был Сталин. После того как Владимир Ильич надел рыжеватое пальто и серую кепку, он стал походить, по словам С. Я. Аллилуева, на финского крестьянина. Сбрил свою курчавую шевелюру и Зиновьев.

Около полуночи Ленин, Сталин, Зиновьев и Аллилуев покинули квартиру. Путь был не близок. Шли пешком, по двое, на небольшом расстоянии друг от друга. Неподалеку от Приморского вокзала у приметного раскидистого дерева на набережной Большой Невки их ожидал Емельянов с заранее

приобретенными билетами на последний поезд. Двинулись к вокзалу: впереди Емельянов, за ним Ленин и Зиновьев, Сталин и Аллилуев замыкали шествие.

Поезд уже стоял на путях...

...Десять лет, с 1907 года, большевики были лишены возможности собрать свой съезд. И теперь час настал...

На VI съезде были заслушаны политический, организационный и финансовый отчеты ЦК. Делали их Сталин, Свердлов и Смилга.

В докладе 27 июля Сталин подробно рассказал о событиях последних месяцев, в особенности об июльских днях, убедительно показал, что партия большевиков, осуществляя революционную тактику, вела массы вперед, правильно их ориентировала.

—Что это за массовая партия, — завершал речь Сталин, —которая проходит мимо движения масс! Наша партия всегда шла с массами. Церетели и другие, обвиняющие нас в том, что

ты вмешались в движение, подписывают тем самым себе смертный приговор. Говорят о кровопролитии, но кровопролитие было бы более ужасным, если бы партия не вмешалась в выступление. Она сыграла роль регулятора...

Наша партия была единственной партией, оставшейся с массами в их борьбе с контрреволюцией, и мы сделали все, чтобы выйти с честью из создавшегося положения. (Аплодисменты.)

Выступил и Бухарин. Он не верил в возможность победы социализма в одной отдельно взятой стране, считал, что выход только во всемирной пролетарской революции. На долю же России, по Бухарину, оставалось объявить империалистам "революционную войну" и тем самым "разжигать пожар мировой социалистической революции". И только...

Сталин в докладе 30 июля на основании ленинских работ и, вероятно, прямых указаний Ленина во время встречи в Разливе дал характеристику положения в стране и определил пути развития революции. "Мирный период революции кончился, наступил период немирный, период схваток и взрывов...".

Остановился он и на вопросе о возможности совершения социалистической революции в России:

—Некоторые товарищи говорили, что так как у нас капитализм слабо развит, то утопично ставить вопрос о социалистической революции. Они были бы правы, если бы не было войны,если бы не было разрухи, не были расшатаны основы народного хозяйства...

Но наиболее четко, можно сказать, чеканно, выразил Сталин свое отношение к возможности построения социализма в России в выступлении 3 августа, когда обсуждалась резолюция "О политическом положении". Пункт за пунктом рассматривался текст резолюции, вносились, принимались или отвергались голосованием поправки. Наконец дошли до последнего, завершающего пункта. Сталин прочитал его: "Задачей этих революционных классов явится тогда напряжение всех сил для взятия государственной власти в свои руки и для направления ее в союзе с революционным пролетариатом передовых стран к миру и к социалистическому переустройству общества".

Е.А. Преображенский (в будущем - упорный, ярый троцкист) вносит поправку:

—Предлагаю иную редакцию конца резолюции: "Для направления ее к миру и, при наличии пролетарской революции на Западе, к социализму". Если мы примем редакцию комиссии, то получится разногласие с уже принятой резолюцией товарища Бухарина.

Сталин решительно не согласен с этим.

—Я против такого окончания резолюции, — говорит он. —Не исключена возможность, что именно Россия явится страной, прилагающей путь к социализму.

Поправка Преображенского была отвергнута.

93

На съезде Сталина избрали в ЦК, на пленуме 4 августа — в редакцию газеты "Рабочий и солдат" — под таким названием теперь выходила "Правда". На следующий день Сталин был избран в узкий состав ЦК (в него входило одиннадцать человек). Обязанности его, и до съезда весьма многочисленные и сложные, теперь не давали ни минуты передышки.

Жил он по-прежнему беспокойно, неустроенно. Теперь, правда, появился теплый домашний угол: с конца июля Сталин поселился у Аллилуевых. Комната ждала давно, и однажды он перенес сюда свои вещи. Впрочем, слово "вещи" совсем неуместно: все имущество Сталина составляла небольшая плетеная корзинка (с ней он приехал из ссылки), там хранились рукописи, книги, кое-что из одежды. Костюм у Сталина был один и настолько ветхий, что Ольга Евгеньевна Аллилуева, взявшаяся однажды отремонтировать костюм, была вынуждена сказать хозяину:

Вам, Иосиф, нельзя больше ходить в таком костюме.

Да я знаю это, Ольга Евгеньевна, — ответил Сталин, — вот только времени нет пойти купить новый...

Ольга Евгеньевна подобрала в магазине подходящий по размеру костюм, и Сталин остался им очень доволен, но попросил сделать под пиджак теплые вставки: в Петрограде у него часто болело горло, да воротнички и галстуки он терпеть не мог. Ближе к осени он купил себе кожаную куртку и такую же фуражку.

В семье Аллилуевых Сталин чувствовал себя родным и близким, он находил общий язык и со старшими, и с молодыми.

В конце августа из деревни вернулась в Петроград Надя. Утром Сталина разбудил шум: кто-то переставлял мебель. Он выглянул в прихожую:

Кто это хозяйничает? — И, увидев Надю в фартуке и со щеткой, засмеялся: — Наконец-то настоящая хозяйка появилась.

А разве это плохо? — Надя приготовилась защищаться от насмешек.

Нет, что вы, что вы...

Сталин уходил с утра и возвращался очень поздно. Если старшие Аллилуевы уже спали, то он звал младших — Нюру, Надю, Федю к себе:

—Я тарани принес, хлеба...

Тут же он рассказывал об увиденном за день. Очень комично, иногда с доброй усмешкой, иногда зло, изображал знакомых. Как бы поздно ни расходились спать, Сталин все же садился еще поработать. Усталость, видимо, сказывалась, и он обыкновенно, но ненадолго ложился на кровать с трубкой в руке, думал о чем-то, затем поднимался и, сделав несколько шагов по комнате, усаживался за стол. Однажды он задремал с

94

трубкой в руке и проснулся, когда тлело одеяло и дым прорвался в коридор.

— Не первый раз это со мной случается, — сетовал он.

Нередко Сталин не ночевал дома: не до того было.

Опубликованные протоколы ЦК за август — октябрь 1917 года дают, хотя и очень приблизительное — ввиду их краткости, представление о характере работы ЦК, об ее объеме, разнообразии и сложности. Фамилия Сталина — одна из самых упоминаемых. Сталин докладывает, сообщает, возражает, отстаивает свое мнение, его избирают, назначают, направляют, ему поручают, предлагают...

Издательские дела отнимали особенно много времени у Сталина. И "Пролетарий", и "Рабочий", и "Рабочий путь" (под таким названием выходила "Правда" в августе — октябре 1917 года) в немалой степени обязаны своим появлением и существованием Сталину. В ту пору сам он тоже очень много писал: в августе было опубликовано 19 крупных статей Сталина, включенных им впоследствии в собрание сочинений, в сентябре — 16... И это не считая мелких заметок.

Близилась осень 1917 года. События развивались с головокружительной быстротой. Оставаясь по-прежнему в Финляндии, Ленин 12 — 14 сентября пишет в ЦК известные письма "Большевики должны взять власть" и "Марксизм и восстание", где определены условия победы вооруженного восстания.

15 сентября они обсуждались в ЦК, и тут... Каменев предложил резолюцию, где в резкой форме отклонялись практические предложения Ленина. ЦК, как показывают протоколы, отверг эту резолюцию, решив обсудить тактические вопросы в ближайшее время.

Те же протоколы свидетельствуют, что Сталин придерживался позиции, коренным образом отличавшейся от каменевской: "Тов. Сталин предлагает разослать письма в наиболее важные организации и предложить обсудить их".

В литературе нет единой, твердой даты приезда Ленина в Петроград. Наиболее распространенная и, видимо, наиболее точная дата — 7 октября. Если это так, если вечером 7-го Ленин пришел на квартиру М. В. Фофановой на Сердобольской улице, то со Сталиным он встретился уже на следующий день, и, видимо, Сталин был первым членом ЦК, которого захотел увидеть и с кем желал поговорить Ленин.

Финский революционер Эйно Рахья сопровождал Ленина во время переезда из Финляндии. По приходе Ленина на Сердоболъскую улицу они договорились, что встречаться с кем-либо на этой квартире не следует. Ленин поручил Рахья завтра устроить ему встречу со Сталиным.

Сталина Рахья нашел в "Рабочем пути". Вечером 8 октября в доме финна большевика Никандра Кокко, находившемся на окраине города на Выборгском шоссе, состоялась встреча. Раз-

говор был долгим. Рахья выходил на улицу и возвратился уже после ухода Сталина. О чем говорили встретившиеся — точно неизвестно, но можно уверенно сказать: они обсуждали положение в стране и столице, возможность грядущего вооруженного восстания.

Об этом же самом насущном вопросе пошла речь на заседании ЦК вечером 10 октября. Оно состоялось на квартире меньшевика Н. Н. Суханова (Гиммера), очень удобной в конспиративном отношении. Жена его, Г. К. Флаксерман, была членом партии большевиков и работала в аппарате ЦК. Хозяин квартиры отсутствовал и о заседании не знал.

Впервые после июльских дней на заседании ЦК присутствовал Ленин. Он пришел в парике, и многие из присутствующих его не сразу узнали.

Ленин говорил о текущем моменте, где были обобщены основные положения, выдвинутые им в работах последнего месяца. При обсуждении доклада против Ленина выступили Каменев и Зиновьев. ЦК же в целом полностью согласился с теоретическими и практическими выводами Ленина и десятью голосами против двух принял ленинскую резолюцию. Ввиду важности момента было решено создать Политическое бюро из семи человек во главе с Лениным. В бюро вошел и Сталин.

16 октября было проведено расширенное заседание ЦК. В двухчасовой речи Ленин рассмотрел задачи партии по подготовке восстания. "Положение ясное: либо диктатура корниловская, либо диктатура пролетариата и беднейших слоев крестьянства"...

Один за другим выступали соратники Ленина (Дзержинский, Свердлов, Калинин, Лацис и другие), подтверждая конкретными фактами правильность его выводов, и только Зиновьев и Каменев отстаивали свою линию.

Выступил и Сталин: "День восстания должен быть целесообразен. Только так надо понимать резолюцию (речь шла о резолюции ЦК от 10 октября. — *Авт.).* Можно говорить, что нужно ждать нападения, но надо понимать, что такое нападение; повышение цен на хлеб, посылка казаков в Донецкий район и т.п. — все это уже нападение. До каких пор ждать, если не будет военного нападения? То, что предлагают Каменев и Зиновьев, это объективно приводит к возможности контрреволюции организоваться; мы без конца будем отступать и проиграем всю революцию. Почему бы нам не предоставить себе возможности выбора дня и условий, чтобы не давать возможности сорганизоваться контрреволюции..."

Заседание приняло ленинскую резолюцию. За нее голосовало 19 человек против двух при четырех воздержавшихся. Здесь же решено было создать Военно-революционный комитет — партийный орган по непосредственному руководству восстанием -

в составе Бубнова, Дзержинского, Свердлова, Сталина, Урицкого.

Размах работы, которую вел тогда ЦК, его аппарат, ведущие

работники столичной партийной организации, был поистине огромен. Обязанности Сталина также многогранны: он член ЦК, его Политбюро, он редактирует "Рабочий путь", он входит в состав ВРК, он по-прежнему состоит в Петросовете и ЦИК... При всем том анализ документов, воспоминаний, а также некоторой исторической литературы показывает, что имя Сталина появляется, мелькает в калейдоскопе событий гораздо реже, чем фамилии иных тогдашних деятелей большевистской партии, хотя они, как доказал дальнейший ход революции, имели гораздо меньше оснований претендовать на чье-либо внимание.

Некоторые из большевиков выступают на собраниях по пять, десять, даже пятнадцать раз в день. По свидетельству Джона Рида, Троцкий, Каменев, Володарский (Гольдштейн) говорили по шесть, восемь, по двенадцать часов в сутки. Другие — Подвойский, Антонов-Овсеенко — метались по всему городу на автомобилях, они призывали, требовали, исправляли, посылали, вооружали, снабжали... Но более всего нуждалась в ту пору партия в таких организаторах, как Сталин.

Выступлений его в предреволюционные дни нам известно очень немного: 20 октября — в Смольном на собрании уполномоченных профсоюзов Петрограда о подготовке вооруженного восстания; 24 октября — перед большевистской фракцией II Всероссийского съезда Советов. Сталин не стремился к многочисленным выступлениям на людных, шумных митингах и собраниях. Он понимал пустоту митинговой болтовни, а кроме того, начисто был лишен стремления покрасоваться, полюбоваться собой, столь свойственного, к примеру, Троцкому.

Но Сталин всегда присутствовал там, где решались важнейшие, коренные вопросы тактики и стратегии большевиков. Он — в центре, откуда расходились невидимые и неисчислимые нити, связывающие ЦК

большевиков со своими организациями, а через них — с трудящимися, с рабочими, солдатами, крестьянами России, со всей страной.

Политическая обстановка в Петрограде 21 — 23 октября обострилась до крайности. Военно-революционный комитет начал устанавливать контроль над частями гарнизона. Временное правительство в свою очередь принимало контрмеры, лихорадочно собирая верные или кажущиеся верными войска. Затем оно замыслило перейти в наступление.

Во вторник, 24 октября, в половине шестого утра в типографию "Рабочего пути" на Кавалергардской улице, дом 40, пожаловал комиссар милиции в сопровождении отряда милиционеров и юнкеров. Они разбили стереотипы, конфисковали 8000 готовых номеров газеты, опечатали типографию. Но на этом

дело не кончилось. Редактора газеты — Сталина — известили в Смольном по телефону:

— Юнкера громят типографию!

— Много их?

— Небольшой отряд с офицером!

— Хорошо! Примем меры!

Между восемью и девятью утра в Смольном собрался ЦК большевиков — одиннадцать человек. Сразу же было решено, что в течение дня 24 октября никто из членов ЦК не имеет права покинуть здание без разрешения ЦК. Тут же вынесли постановление: "Немедленно же отправить в типографию охрану и озаботиться своевременным выходом очередного № газеты".

Сталин на заседании не присутствовал: именно он и "озаботился" своевременным выходом газеты. К одиннадцати часам милиционеры из типографии были изгнаны отрядом революционных солдат и рабочих. Печатники приступили к отливке стереотипов и выпуску номера. Сталин находился в типографии.

Редакционная статья в этом номере газеты под названием "Что нам нужно?" была написана им:

"Хотите ли вы, чтобы вместо нынешнего правительства помещиков и капиталистов стало у власти правительство рабочих и крестьян?

Хотите ли вы, чтобы новое правительство России объявило, согласно требованию крестьян, отмену помещичьих прав на землю и передало все помещичьи земли без выкупа Крестьянским комитетам?

Хотите ли вы, чтобы новое правительство России обнародовало тайные договоры царя, признало их необязательными и предложило всем воюющим народам справедливый мир?

Хотите ли вы, чтобы новое правительство России обуздало вконец локаутчиков и спекулянтов, намеренно обостряющих голод и безработицу, разруху и дороговизну?.."

Днем 24 октября Сталин выступал на заседании большевистской фракции II Всероссийского съезда Советов, информировал делегатов о положении в городе. Ввиду важности сведений, сообщенных им, и исключительности событий, приведем протокольную запись полностью, поскольку она отражает и положение в столице, и большую степень осведомленности члена ЦК Сталина:

"Сталин делает доклад о последних сведениях у ЦК. С фронта идут на нас. Один латышский полк шел за нас, задержан. Во Времен. Правит, колебание. Сегодня в 5 — 6 час. присылали для переговоров".

Восстание в Петрограде приближалось. К вечеру по слабо освещенным улицам и площадям шли отряды вооруженных людей, ехали грузовики, переполненные солдатами, матросами, красногвардейцами. Смольный, его пустые залы и гулкие кори-

доры, сад вокруг него заполнили никогда еще не виданные посетители: рабочие-красногвардейцы, сжимавшие винтовки, может, не слишком привычно, но крепко, солдаты в шинелях и папахах — армия революции.

Таким увидел Смольный и Ленин, когда между десятью и одиннадцатью вечера, в парике и с перевязанной щекой, пришел сюда в сопровождении Э. Рахья. Тот вспоминал, что их не хотели пропускать, пришлось прорываться. Когда вошли, Ленин остался у окна в коридоре, его спутник пошел искать членов ЦК. Пришел Сталин, кто-то еще.

В 2 часа 35 минут дня началось заседание Петроградского Совета. Бурей оваций встретили собравшиеся появление на трибуне Ленина.

- Товарищи! - говорил он. - Рабочая и крестьянская революция, о необходимости которой все время говорили большевики, совершилась...

В Смольном же в 10. 45 вечера открылся II съезд Советов. Все ждали известий из Зимнего дворца, большинство - большевики — с нетерпением и волнением, меньшинство — эсеры и меньшевики - со злобой и истерикой. Наконец в третьем часу ночи 26 октября стало известно: Временное правительство арестовано.

Приняв это сообщение, в шестом часу утра делегаты съезда разошлись. Сталин остался.

Глава седьмая

Начало второго заседания съезда Советов было назначено на час дня 26 октября. Но минуло и два, и три часа дня - заседание не открывалось. Оно началось лишь в девять часов вечера. В течение нескольких часов были приняты решения, имевшие исключительное значение для судеб страны. Сначала, выслушав доклад Ленина о мире, съезд единогласно принял соответствующий декрет. Затем, после второго доклада Ленина, съезд проголосовал за Декрет о земле. В завершение было обсуждено образование нового правительства. Оно носило непривычное название — Совет Народных Комиссаров и состояло из пятнадцати человек. Первым в списке шел В. И. Ленин - Председатель СНК, последним - И.В. Джугашвили (Сталин). Пост его имел своеобразное название — председатель по делам национальностей.

28 октября Ленин в сопровождении Сталина и Троцкого отправился в штаб Петроградского военного округа и заслушал доклады Н. И. Подвойского, В. А, Антонова-Овсеенко и К. А. Мехоношина о положении, создавшемся после захвата казака-

ми Гатчины. Доклады эти не удовлетворили Ленина, и оперативный центр был перенесен в Смольный.

Сталин все время оставался в Смольном. Дела ему хватало. Выслушивал и тщательно инструктировал партийных организаторов районов — так тогда назывались секретари райкомов партии, — десятки комиссаров, рядовых солдат и красногвардейцев. Неизменным был вопрос:

— Сколько можете дать штыков? — И тут же Сталин карандашом записывал ответ.

2 ноября 1917 года Ленин подписал составленную Сталиным "Декларацию прав народов России", где были сформулированы основные принципы национальной политики Советского правительства: "1) Равенство и суверенность народов России. 2) Право народов России на свободное самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства. 3) Отмена всех и всяких национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений. 4) Свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих территорию России".

"Конструировать" наркомат еще предстояло, и первым его сотрудником стал Станислав Станиславович Пестковский. Благодаря его воспоминаниям и знаем мы подробности тех дней, своеобразных и неповторимых. Поскольку воспоминания эти, опубликованные в 1922 году, дают максимально достоверную картину обстановки, в которой большевикам приходилось строить государственный аппарат, они многократно воспроизводились и позднее.

Итак, Пестковский, до этого уже поработавший в ВРК, в Наркоминделе и Наркомфине, отправился к Сталину.

" — Товарищ Сталин, — сказал я, — вы народный комиссар по делам национальностей? —Я.

А комиссариат у вас есть?

—Нет.

— Ну, так я вам "сделаю" комиссариат.

— Хорошо! Что вам для этого нужно?

— Пока только мандат на предмет "оказывания содействия".

— Ладно!

Здесь не любивший тратить лишних слов Сталин удалился в управление делами Совнаркома, а через несколько минут вернулся с мандатом. Получив мандат, я стал рыскать по Смольному, высматривая место для Наркомнаца.

Задача была нелегкая, везде было тесно.

Наконец я набрел на какую-то большую комнату, где при одном столике заседала: "комиссия" по вещевому снабжению Красной гвардии, а при другом — выдавались разрешения на право ношения оружия. Здесь я вдруг наткнулся на моего това-

риша по каторге, впоследствии погибшего на Западном фронте, т. Феликса Сенюту.

— Ты что тут делаешь? — спросил я.

— Работаю по вещевому снабжению Красной гвардии.

—Переходи к нам, в Народный комиссариат национальностей.

— Хорошо.

— Можно ли нам "устроиться" в этой комнате?

—Конечно, можно.

Тут мы с покойным Сенютой нашли какой-то свободный столик и поставили его у стены. Затем Сенюта взял большой лист бумаги и, начертав на нем: "Народный Комиссариат по Делам Национальностей", прикрепил к стене над столиком. Достали два стула.

—Готов комиссариат! — воскликнул я.

И сейчас же пустился обратно в кабинет Ильича, где, за неимением собственного кабинета, пребывал Сталин. — Товарищ Сталин, — сказал я, — идите посмотреть ваш комиссариат.

Невозмутимый Сталин даже не удивился такому быстрому "устройству" и зашагал за мной по коридору, пока мы не пришли в "комиссариат".

Здесь я отрекомендовал ему т. Сенюту, назвав его "заведующим канцелярией" Наркомнаца.

Сталин согласился, окинул взглядом "комиссариат" и издал какой-то неопределенный звук, выражающий не то одобрение, не то недовольство, и направился обратно в кабинет Ильича.

Я отправился в город, заказал бланки и печать. Уплатив за бланки и печать, я израсходовал все мои деньги и деньги т. Сенюты.

Решился идти к Сталину.

— Товарищ Сталин, — сказал я, — денег ни гроша у нас нет.Я знал, что "изъятие" из банка еще не произведено.

— Много ли нужно? — спросил Сталин.

— Для начала хватит тысячи рублей.

— Придите через час.

Когда я явился через час, Сталин велел мне "сделать заем" у Троцкого на три тысячи рублей.

—У него деньга есть, он нашел их в бывшем Министерстве иностранных дел.

Я пошел к Троцкому, дал ему формальную расписку на три тысячи рублей и получил их.

Насколько мне известно, Наркомнац до сих пор не возвратил Троцкому этого займа..."

Начинать приходилось с нуля. Если другие наркоматы могли в какой-то мере использовать хотя бы часть старых специалистов, кадры низших и средних служащих, посещение бывших министерств, их архивы, то Наркомнац ничем подобным не располагал.

101

Вплоть до начала 1918 года центральный аппарат Наркомнаца и состоял из трех человек. Именно они начали работу по созданию отдельных национальных политических комитетов.

Национальный вопрос, одним из признанных теоретиков которого был Сталин, получил весьма дурное для России наследство от Маркса и Энгельса. Они не только принижали все национальное и были космополитами в личной жизни и вкусах, но и последовательно оставались враждебны к исторической России.

Ленин был тоже невесть Бог каким патриотом, но всегда оставался по крайней мере твердым государственником. Это сближало его по взглядам со Сталиным. Но в "ленинском штабе" преобладало иное настроение. Вот краткий отрывочек изречений Наркомпроса Луначарского в сентябре 1918 года:

"Преподавание истории в направлении создания народной гордости, национального чувства и т. д. должно быть отброшено; преподавание истории, жаждущей в примерах прошлого найти хорошие образцы для подражания, должно быть отброшено".

Других примеров приводить не стоит, но виднейшие тогда "вожди пролетариата" Троцкий и Бухарин выражались о русском прошлом и настоящем примерно так же.

В Наркомнаце Сталин попал в сложное положение. Сейчас кажется удивительным, но там даже не было русской секции, хотя все другие народы, даже крошечные, таковые имели. Сталин всегда ценил русский народ, который хорошо знал, ибо двадцать лет до революции прожил в его среде, не отдыхая годами у Женевского озера, как многие его соратники по Октябрю. Но он не мог до поры не отдавать дани старой марксистской догме. До поры. И вскоре такая пора приспеет.

Первым сложился комиссариат польский. 24 ноября Сталин составил записку, оформленную 28 ноября как постановление СНК: "Назначается комиссаром по польским делам (военные дела, беженцы) Юлиан Марианович Лещинский. Помощником комиссара назначается Казимир Генрихович Циховский".

16 декабря по распоряжению Ленина Наркомнацу "в экстренном порядке" было выделено полмиллиона рублей. Еще в конце ноября наркомат получил помещение Национального совета бывшего МВД (на углу Александринской площади и Театральной улицы). До этого в официальных объявлениях адрес указывался просто: Смольный институт, комната № 5, третий этаж".

Постепенно стали возникать и другие национальные комиссариаты: в конце ноября 1917 года — по литовским делам, в январе 1918 года — мусульманский, белорусский, еврейский и армянский.

В середине ноября в Финляндии проходил съезд социал-демократической партии. На него была направлена представительная делегация — Сталин и Коллонтай (член ЦК и нарком

общественного призрения). 24 ноября Сталин выступал на съезде. Охарактеризовав происходящие в России события и трудности, с Которыми столкнулось Советское правительство, он подчеркнул, что большевики готовы выполнить свои обещания:

— Нас пугали, наконец, развалом России, раздроблением ее

на многочисленные независимые государства, при этом намекали на провозглашение Советом Народных Комиссаров право наций на самоопределение как на "пагубную ошибку". Но я должен заявить самым категорическим образом, что мы не были бы демократами (я не говорю уже о социализме!), если бы не признали за народами России права свободного самоопределения. Я заявляю, что мы изменили бы социализму, если бы не приняли всех мер для восстановления братского доверия между рабочими Финляндии и России...[1]

На протяжении последующих недель вопрос о предоставлении независимости Финляндии стоял перед Советским правительством очень остро. Дело осложнялось тем, что социал-демократы Финляндии оказались не в состоянии взять власть в свои руки и ее захватила финская буржуазия. Тем не менее 18 декабря 1917 года СНК опубликовал декрет о признании независимости этой страны. Обосновывая это решение на заседании ВЦИК 22 декабря, Сталин говорил:

— Если мы повнимательнее всмотримся в картину получения Финляндией независимости, то мы увидим, что фактически Совет Народных Комиссаров дал свободу помимо своей воли не народу, не представителям пролетариата Финляндии, а финляндской буржуазии. <...> Видя в этом трагедию финского пролетариата, мы не можем не отметить, что финские социал-демократы только ввиду нерешительности и непонятной трусости не предприняли решительных шагов к тому, чтобы самим взять власть и вырвать из рук финской буржуазии свою независимость... [2]

Еще более напряженными были отношения Советского правительства с Центральной Радой, претендовавшей на представительство народа Украины. Рада, опираясь на сформированные еще до революции так называемые "украинские полки", разоружала революционные советские войска, захватывала украинские города, громила Советы и создала националистическое правительство — Генеральный секретариат. Одновременно Рада отозвала с фронта "украинские части", тем самым разрушая фронт, хотя война еще не кончилась.

17 ноября в беседе по прямому проводу с членами областных комитетов РСДРП(б), Сталин говорил:

[1] Сталин И.В. Соч. Т.4. С.3.

[2] Там же. С. 23 - 24.

— Мы все думаем, что абсолютно необходим краевой съезд представителей рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Украины... Мы полагаем, что вы — киевляне, одесситы, харьковчане, екатеринославцы и прочие.— должны взяться за созыв такого съезда... Еще раз повторяю, наше общее мнение: немедленно созвать краевой съезд... Вопросы о Советской власти в центре и на местах не допускают никаких уступок.

12 декабря Сталин написал "Ответ товарищам украинцам в тылу и на фронте", где разоблачил антинародную политику Рады.

"Между украинским и русским народами, — писал он, — нет и не может быть конфликта. Украинский и русский народы, как и остальные народы России, состоят из рабочих и крестьян, из солдат и матросов... В борьбе за свои кровные интересы у них нет и не может быть конфликта..."

Однако Центральная Рада стремилась разжечь именно такой конфликт. Большевики Украины, верные принципам государственности, повели борьбу с Центральной Радой. 17 декабря 1917 года в Харькове, после I Всеукраинского съезда Советов, было создано Советское правительство Украины — Народный Секретариат.

В своем заключительном слове на III Всероссийском съезде Советов 15 января 1918 года Сталин подчеркивал:

—Демократический флаг тех или иных политических деятелей (как Винниченко), стоящих во главе Рады, вовсе еще не является гарантией действительно демократической политики.

Мы судим о Раде не по словам, а по делам...

Подробно рассказав съезду о националистической деятельности Рады, Сталин высмеял Мартова (Цедербаума), пытавшегося защищать националистов:

—О какой же борьбе Советов против демократии говорит здесь Мартов?

Ораторы справа, и особенно Мартов, вероятно, потому хвалят Раду и защищают ее, что видят в ее политике отражение своей собственной. В Раде, представляющей коалицию всех классов, столь милую сердцу гг. соглашателей, они видят прообраз Учредительного собрания. Вероятно, Рада, слыша речи представителей правого сектора, будет также усердно хвалить их. Недаром говорится: рыбак рыбака видит издалека [2] .

19 ноября в СНК Сталин делает два доклада: о торговле с Финляндией и об Украине и Раде.

На следующий день он вносит на рассмотрение СНК проект обращения "Ко всем трудящимся мусульманам России и Восто

[1] Сталин И.В. Соч. Т .4. С.7

[2] Там же С.34.

ка"; докладывает СНК о неблаговидных действиях комиссии по выборам в Учредительное собрание...

22 ноября Сталин в ВРК ставит вопрос о закрытии контрреволюционных газет...

27 ноября на заседании СНК он выступает по вопросу о проведении в жизнь политики социалистического государства в области финансов и экономики...

2 декабря в СНК Сталин делает доклады об Украине и об организации съезда Советов Белоруссии...

5 декабря он заключает соглашение с представителями Бело русского областного комитета о совместной работе...

14 декабря на заседании ВЦИК выступает с докладом о взаимоотношениях с Центральной Радой...

16 декабря в СНК делает сообщения о положении в Оренбурге, Уральском округе, Туркестане и на Кавказе...

18 декабря вновь докладывает СНК о военном положении в

Оренбургском округе...

На следующий день там же делает доклад о Центральной Раде...

21 декабря Ленин и Сталин принимают участие в заседании

Всероссийской коллегии по организации и формированию

Красной Армии...

24 декабря Сталин председательствовал на заседании Совнаркома и выступал с докладом о положении на Дону, о съезде трудового казачества и о подготовке наступления революционных отрядов на Оренбург.

27 декабря по предложению председательствующего — Сталина — СНК постановил национализировать Путиловские заводы...

С начала января 1918 года одним из наиболее животрепещущих для ЦК большевиков дел были мирные переговоры.

Советская республика не могла воевать: ни по состоянию армии, ни по положению в тылу. Казалось бы резонным, как это ни было тяжело, принять условия австро-германской стороны. Однако в партии нашлись люди (они получили наименование "левых коммунистов", то были Бухарин, Бубнов, Ломов, Осинский, Преображенский, Пятаков, Радек и другие), которые, прикрываясь сверхреволюционной фразой, требовали отвергнуть ультиматум и начать, "революционную войну". Не лучший выход предлагал и Троцкий, возглавлявший советскую делегацию на переговорах в Брест-Литовске: объявить войну прекращенной, армию демобилизовать, но мира не подписывать.

3 января 1918 года в разговоре с Лениным по прямому проводу Троцкий начал отстаивать свой план. Последовал ответ Ленина: "Я сейчас только получил Ваше особое письмо. Сталина нет, и ему не мог еще показать. Ваш план мне представляется дискутабельным. Нельзя ли только отложить несколько его окончательное проведение, приняв последнее решение после

специального заседания ЦИК здесь? Как только вернется Сталин, покажу письмо и ему".

Троцкий возражал против обсуждения вопроса в ЦИК. Ленин ответил: "Мне бы хотелось посоветоваться сначала со Сталиным, прежде чем ответить на Ваш вопрос. Сегодня выезжает к вам делегация Харьковского украинского ЦИК, которая уверила меня, что киевская Рада дышит на ладан. Ленин".

Поскольку Троцкий все же запрашивал немедленных директив, Ленин посылает ему одну за другой две записки: 1) "Сейчас приехал Сталин, обсудим с ним и сейчас дадим вам совместный ответ. Ленин". 2) "Передайте Троцкому. Просьба назначить перерыв и выехать в Питер. Ленин. Сталин".

Бухарин, Урицкий, Троцкий, Оппоков (Ломов), Дзержинский, Коссиор возражали Ленину. Сталин его поддержал: "Тов. Сталин считает, что, принимая лозунг революционной войны, мы играем на руку империализму. Позиция тов. Троцкого не есть позиция. Революционного движения на Западе нет, нет фактов, а есть только потенция, а с потенцией мы не можем считаться. Если немцы начнут наступать, то это усилит у нас контрреволюцию..."

23 февраля пришел ответ: германское правительство пользовалось возможностью оккупировать как можно большую территорию. И вновь на заседании ЦК разгорелись споры.

Сталин был совершенно определенен: "Дело сводится к тому, что мы немедленно должны подписать эти условия". За предложение Ленина принять германские условия мира кроме него самого голосовали еще шесть членов ЦК — Стасова, Зиновьев, Свердлов, Сталин, Сокольников, Смилга. Против — четыре: Бубнов, Урицкий, Бухарин и Ломов. Воздержались тоже четверо: Троцкий, Крестинский, Дзержинский, Иоффе. Ленинская линия восторжествовала. 3 марта договор был подписан.

Через неделю после этого Советское правительство переехало в Москву. Сделать это понуждала необходимость: Петроград находился теперь на весьма близком расстоянии от фронта.

Сталин ехал в одном вагоне с Лениным, Крупской, М. Ульяновой и Бонч-Бруевичем — управляющим делами СНК. В том же поезде ехали и сестры Аллилуевы — Анна и Надежда. Первая из них служила в аппарате ВЦИК, младшая — в Наркомнаце. С вечера Сталин пригласил их поутру зайти позавтракать в тот вагон, где ехал Ленин. Но девушки постеснялись, и Сталин зашел сам:

— Почему же вы прячетесь? Я вас ищу по всему поезду!

По приезде в Москву члены СНК разместились в номерах гостиницы "Националь". Сестры Аллилуевы поселились в "Метрополе". Несколько позднее, когда Кремль стал местом проживания Ленина, получил там квартиру и Сталин. Она состояла из трех небольших комнат со сводчатыми потолками.

Сестры Аллилуевы поселились в этой же квартире. Здесь Сталин и прожил несколько лет.

На новом месте надо было устроиться не только наркому, но и его наркомату. На первых порах Наркомнацу вообще не предоставили помещение, Сталин "поднажал" и получил два особняка: на Поварской, 52, и Большой Никитской, 56; особняк только что покинула ВЧК. По словам Пестковского, Сталин напутствовал его:

— Смотрите, чтобы их у нас не украли...

Пестковский для верности нанял охрану — около дюжины латышских стрелков, платил им по два рубля в день.

По прошествии некоторого времени Наркомнацу дали еще несколько помещений, и в результате его национальные комиссариаты оказались разбросанными по всей Москве: Центральное ведомство и белорусский комиссариат поместились на Поварской, латыши и эстонцы на Никитской, поляки на Арбате, 44, евреи на Пречистенке, 16, армяне на Лубянской площади... Сам нарком имел кабинет в Кремле (телефон 4—27—90) и был недоволен такой разобщенностью.

—Теперь уж за вами совсем не уследишь, — говаривал он Пестковскому, — надо было бы получить один большой дом и собрать туда всех.

Вскоре такой случай представился.

—Нам дали Большую сибирскую гостиницу, — сообщил нарком своему заместителю, — но ее самочинно захватил ВСНХ.Мы, однако, не отступим. Поэтому пусть Аллилуева напишет на машинке несколько бумажек следующего содержания: "Это помещение занято Наркомнацем".

Вооруженные такими записками и кнопками, нарком и его заместитель поехали в Златоустинский переулок. Стемнело. Центральный вход в гостиницу был закрыт, а на дверях белела бумажка: "Это помещение занято Высшим Советом Народного Хозяйства". Сняв ее и заменив своей, через черный ход проникли в гостиницу.

В длинных коридорах, освещая их спичками, развесили на дверях еще несколько записок... Но помещение все же досталось ВСНХ, и, по мнению Пестковского, "это был один из тех немногих случаев, когда Сталин потерпел поражение".

Коллегия Наркомнаца была теперь весьма многочисленной и все время увеличивалась, так как организовывались новые национальные комиссариаты.

Сталин прежде всего был человеком дела. Он стремился ограничить, придать какие-то рамки бесконечным, бесплодным дискуссиям, которыми были обуреваемы некоторые из его сотрудников. Но, видимо, поначалу это и ему не всегда удавалось. По свидетельству Пестковского, Сталин иногда "терял терпение. Но он никогда не обнаруживал этого на собраниях. В тех случаях, когда в результате наших бесконечных дискуссий на

совещаниях запас его терпения истощался, он вдруг исчезал. Делал он это чрезвычайно ловко. Сказав: "Я на минутку", он исчезал из комнаты и прятался в каком-нибудь из закоулков Смольного или Кремля. Найти его было почти невозможно. Сначала мы его ждали, потом расходились. Я оставался один в нашем общем кабинете, терпеливо дожидаясь его возвращения. Но не тут-то было. Обычно в такие минуты раздавался телефонный звонок: это Владимир Ильич требовал Сталина. Когда я отвечал, что Сталин исчез, он мне говорил неизменно: "Срочно найдите".

Задача была нелегкая. Я отправлялся в длинную прогулку по бесконечным коридорам Смольного или Кремля в поисках Сталина. Находил я его в самых неожиданных местах. Пару раз я его заставал на квартире у матроса т. Воронцова, на кухне, где Сталин, лежа на диване, курил трубку и обдумывал свои "тезисы"...

В начале апреля Сталин писал в "Правде": "Автономно-буржазные группы, возникшие в ноябре и декабре прошлого года в окраинах поволжских татар, башкир, киргиз, Туркестанского края, постепенно разоблачаются ходом революции. Для того, чтобы окончательно оторвать от них "их же собственные массы" и сплотить последние вокруг Советов, необходимо "взять" у них автономию, предварительно очистив ее от буржуазной скверны, и превратить ее из буржуазной в Советскую..."[1]

20 марта 1918 года на рассмотрение Сталина было представлено "Положение о Татаро-Башкирской Советской республике Российской Советской Федерации". Через два дня Сталин, Вахитов и его заместители подписали "Положение".

На 5 мая телеграммой за подписями Ленина и Сталина в Москву на совещание были вызваны представители губернских Советов и мусульманских комиссариатов Казани, Уфы, Оренбурга, Вятки, Екатеринбурга, Симбирска, Перми.

Совещание проходило 10 — 16 мая под руководством Сталина. В нем участвовало около 30 человек.

Открылось совещание программной речью Сталина. Описав попытки националистической буржуазии в различных областях России под видом стремления к "автономии" захватить власть и противопоставить трудящихся центральному Советскому правительству, нарком продолжал:

— Автономия есть форма. Весь вопрос в том, какое классовое содержание вкладывается в эту форму. Советская власть отнюдь не против автономии, — она за автономию, но за такую автономию, где бы вся власть находилась в руках рабочих и крестьян, где бы буржуа всех национальностей были устранены

[1] Сталин И.В. Соч. Т.4. С. 75

не только от власти, но и от участия в выборах правительственных органов...

Очаги гражданской войны возникали повсюду, но наиболее опасным казалось положение на Украине. Недаром статья Сталина, опубликованная в "Известиях" 14 марта, называлась"Украинский узел":

"Социалистическая" Центральная Рада Петлюры — Винниченко в обмен на украинские хлеб и сало получила от империалистов Германии и Австрии поддержку в борьбе с украинским народом. С помощью немецких штыков националисты возвратились на Украину и теперь, используя превосходящую силу германских дивизий, стремились уничтожить власть Советов на украинской земле. Но и оккупанты, и их националистические слуги просчитались: на Украине началась борьба рабочих и крестьян против оккупантов". Сталин в статье назвал эту войну отечественной и подчеркнул: "Нужно ли еще доказывать, что **отечественная** война, начатая на Украине, имеет все шансы рассчитывать на всемерную поддержку со стороны всей Советской России"[1] .

Силы Советской России, к сожалению, были очень ограниченными. Ленин постоянно и глубоко занимался украинскими делами, привлекая к этому других наркомов, и, не в последнюю очередь — Сталина. 14 марта Серго Орджоникидзе — чрезвычайному комиссару Украины — была послана телеграмма за подписью Ленина. Документ этот включен в Собрание сочинений В. И. Ленина, но написан он, за исключением подписи, даты и нескольких последних строк, рукой Сталина.

"Помощь Крыму, — говорилось в телеграмме, — который (Крым) немцы могут мимоходом слопать, является актом не только соседского долга, но и требование самообороны и самосохранения... <...> Что касается Донецкой Республики, передайте товарищам Васильченко, Жакову и другим, что, как бы они ни ухитрялись выделить из Украины свою область, она, судя по географии Винниченко, все равно будет включена в Украину и немцы будут ее завоевывать. Ввиду этого совершенно нелепо со стороны Донецкой Республики отказываться от единого с остальной Украиной фронта обороны..." [2]

На следующий день, 15 марта, вопрос о военных событиях на Украине обсуждался в ЦК партии. Немецкие войска, в обозе которых следовали националисты, продолжали наступление. Захватив Киев еще 1 марта, они 14 марта овладели Одессой, 29 марта заняли Полтаву, 4 апреля — Екатеринослав...

1 апреля в Москву прибыла украинская советская делегация во главе со Скрыпником. К этому времени военные действия

[1] С т а л и н И .В. Соч. Т.4. С.47.

[2] Л е н и н В. И. Поли. соб. соч. Т.50. С.49 - 51.

вплотную придвинулись к границам Орловской, Курской, Воронежской и других губерний. 2 апреля СНК по предложению Сталина рассмотрел вопрос о необходимости незамедлительно начать переговоры с Центральной Радой: военные действия с ней давали повод германским войскам для продвижения в глубь России. СНК решил сообщить Раде о своем согласии начать переговоры 5 апреля в Смоленске.

4 апреля со Сталиным связался по прямому проводу В.П. Затонский — председатель ЦИК Украины — и сообщил, что в связи с угрозой захвата немцами Крыма, Кубани и донской области ряд руководящих работников этих районов обратился к украинским товарищам с предложением создать еще и "федерацию Южных Советских республик". Затонский просил поставить об этом в известность СНК РСФСР и посольство Украины. Однако Сталин (и не без основания) истолковал этот прожект как дающий немцам повод оккупировать русские территории, что впоследствии и свершилось. Затонский получил резкий ответ: "Мы все здесь считаем, что ЦИК Украины должен, морально обязан покинуть Таганрог и Ростов... Достаточно играли в правительство и республику, кажется, хватит, пора бросить игру..."

Резкость ответа Сталина, может быть, определялась и тем, что в ту пору Советскому правительству нередко приходилось сталкиваться с тягой к сепаратизму, проявляемому местными органами власти, и не только на Украине. К примеру, 13 апреля, получив из Иркутска записку, Ленин посылает составленную Сталиным срочную "вне всякой очереди" правительственную телеграмму: "В ответ на вашу записку об иностранном комиссариате при Центросибири и о самостоятельности Сибири считаю нужным сообщить, что, по мнению Совнаркома, нет никакой необходимости в иностранном комиссариате при Центросибири; так называемая самостоятельность Сибири только облегчит формально дело аннексии с Востока; перед вами примеры независимой Украины, Финляндии. Предлагаю ограничиться автономией Сибири как неразрывной части России..."

Австро-германские войска наступали; 8 апреля они захватили Харьков. Центральная Рада, следуя указаниям германского командования, стала оттягивать начало переговоров, а тем временем германские части, сопровождаемые гайдамаками, в нескольких местах вторглись на территорию РСФСР. 17 апреля СНК дал указания местным Советам и командирам советских частей разоружать гайдамаков, если они будут вторгаться на территорию РСФСР. 22 апреля СНК заслушал доклад Сталина о занятии националистами станции Чертково и приказал советским войскам дать им отпор.

Красногвардейские части повсеместно отбросили гайдамаков: националисты были сильны только поддержкой своих немецких хозяев. После этого Рада согласилась на переговоры. 27

апреля СНК назначил делегацию для переговоров — Сталина, Х. Г. Раковского и Д. 3. Мануильского.

29 апреля по прибытии в Курск Сталин связался по прямому проводу с Лениным и сообщил, что делегация Рады еще не приехала. Такие разговоры происходили ежедневно. 2 мая Сталин сообщал о внезапном изменении обстановки в Киеве: германские войска разогнали "социалистическую" Раду и посадили вместо нее "гетмана" — крупного помещика генерала П. П. Скоропадского. В кратчайшие сроки делегации удалось прекратить военные действия на брянском, воронежском и курском направлениях.

Вернувшись в Москву, Сталин сказал в беседе с сотрудником "Известий":

— В силу закона классовой борьбы Центральная рада не могла долго оставаться у власти, так как в процессе революционного движения прочно обосноваться у власти могут только те элементы, которые поддерживаются тем или иным классом. Поэтому на Украине мыслимы были только два выхода: или диктатура рабочих и крестьян, чему не могла способствовать Центральная Рада по своей мелкобуржуазной природе, или диктатура буржуазно-помещичьих кругов...

Еще одним районом России, требовавшим пристального внимания Наркомнаца, был многонациональный Кавказ. Буржуазно-националистические круги Закавказья — армянские дашнаки, азербайджанские мусаватисты, грузинские меньшевики—до Октябрьской революции активно поддерживали Временное правительство и даже торжественно заявляли, что не мыслят себе отделения от России. Но сразу же после 25 октября 1917 года, вдохновляемые ненавистью к большевикам, националистические партии Закавказья взяли курс на отделение и создание своих правительств.

Сталин издавна знал главных инициаторов и действующих лиц этого фарса, грозившего принести народам Закавказья неисчислимые бедствия: Чхеидзе, Гегечкори и особенно старого "приятеля" Ноя Жордания, возглавившего "независимую" Грузию.

Сталин поддерживает связь с большевиками Закавказья, со Степаном Шаумяном во главе. В статье "Положение на Кавказе", напечатанной в "Правде" 23 мая 1918 года, Сталин недвусмысленно заявляет: "Советская власть будет всеми силами отстаивать неотъемлемые права трудовых масс Закавказья против захватнических покушений".

Весной 1918 года Сталин был занят работой в законодательной области: он составлял первую советскую конституцию.

Решение создать комиссию по разработке проекта конституции было принято ВЦИК 1 апреля.

Спор разгорелся на первом же заседании, 5 апреля. Сталин внес предложение начать работу комиссии с развернутого обсу-

ждения принципов Советской федерации. К следующим заседаниям Сталину и М. А. Рейснеру — заведующему отделением государственного права при народном комиссариате юстиции — было поручено подготовить специальные доклады.

На заседании 10 апреля Рейснер (он в ту пору числился в "левых коммунистах") сделал доклад, основные принципы которого не имели ничего общего со сталинским пониманием советской государственности. Рейснер был выскочкой в партии, человек темноватый. "Прославился" как отец Ларисы Рейснер, авантюристки и распутницы, "супруги" Раскольникова, Радека и кого-то еще, яростной троцкистки. До революции известный разоблачитель Бурцев писал о членстве Рейснера в масонах и связях с охранкой. Тот так и не смог оправдаться, а вскоре сама жизнь столкнула новоиспеченного "большевика" на обочину.

Сталин выступал на заседаниях комиссии 24 раза, резко отмежевавшись от Рейснера. 12 апреля он сделал доклад "О типе федерации Российской Советской республики", в котором подверг резкой критике проект Рейснера. В противовес концепции Рейснера о немедленном "отмирании" социалистического государства ясно и четко было сказано: "Вырабатываемый в настоящее время Комиссией план конституции должен быть временный, рассчитанный на период переходный от буржуазного строя к социалистическому..."

Затем Сталин ясно и четко определил тип Советской федерации и отверг как совершенно ошибочное положение Рейснера о территориальных федерациях. Он подчеркнул, что недопустимо считать субъектами федерации Советы, коммуны или профсоюзные, кооперативные, железнодорожные и почтовые организации. Сталин назвал такого рода попытки "вакханалией федераций".

В споре с Рейснером Сталин прибегнул к авторитету Ленина:

— Тут ссылаются на Ленина, — сказал он. — Я позволю себе заметить, что Ленин, насколько мне известно, а мне известно хорошо, сказал, что этот проект ни к чему...

После ожесточенных споров проект Сталина был принят большинством в пять голосов против трех.

За полгода — огромный срок для революционного времени —Сталин не только проявил себя как знаток межнациональных отношений (этого, кстати, не отрицали и не отрицают даже его недоброжелатели). Главное, пожалуй, в ином: Сталин приобрел первый опыт как государственный деятель. И оказалось, что у него обнаружился тут несомненный талант. Опыт пригодился ему на всю долгую последующую жизнь. Он был истинный государственник, как и Ленин. Но если Ленин, создатель первого в мире государства Советов, отдавал все же дань классической марксистской букве ("право наций на самоопределение вплоть до полного отделения!"), то Сталин смотрел дальше и глубже. Впоследствии это вылилось в серьезные разногласия.

Близилось время созыва V съезда Советов, где предполагалось утвердить конституцию. 26 и 28 июня ЦК обсуждал вопросы разработки проекта. Была образована новая комиссия под руководством В.И. Ленина. Глава партии и государства дополнил конституцию новыми статьями, отредактировал ее. 10 июля 1918 года V Всероссийский съезд Советов единогласно утвердил текст Конституции.

Сталина к тому времени в Москве давно уже не было...

Глава восьмая

31 мая 1918 года в "Правде", рядом с воззванием Совета Народных Комиссаров к казачеству, рядом с сообщением о борьбе с голодом, рядом с призывом организовать продовольственные рабочие отряды, был опубликован и следующий документ:

"Член Совета Народных Комиссаров, народный комиссар Иосиф Виссарионович Сталин назначается Советом Народных Комиссаров общим руководителем продовольственного дела на юге России, облеченным чрезвычайными правами. Местные и областные совнаркомы, совдепы, ревкомы, штабы и начальники отрядов, железнодорожные организации и начальники станций, организации торгового флота речного и морского, почтово-телеграфные и продовольственные организации, все комиссары и эмиссары обязываются исполнять распоряжения тов.Сталина.

Председатель Совета Народных Комиссаров

В. Ульянов (Ленин)".

Послать Сталина на юг было решено за несколько дней до этого. На заседании СНК 28 мая Ленин написал записку наркому труда А. Г. Шляпникову о необходимости его поездки на Кубань, "чтобы помочь выкачать оттуда хлеб". Тут же Ленин сообщил об этом намерении наркому продовольствия А. Д. Цюрупе и получил от него записку: "Сталин согласен ехать на Северный Кавказ. Посылайте его. Он знает местные условия".

Ленин ответил: "Я согласен вполне".

Полномочия, данные Сталину, были велики, и это вполне соответствовало важности и трудности предстоящего дела. Пожалуй, весной 1918 года в Советской России самой страшной угрозой стал "царь-голод". И не в переносном, а в самом прямом смысле. Как случилось, что страна, еще три года назад заваливавшая Европу хлебом, сливочным маслом и яйцами, вдруг оказалась на грани голода, причем именно "вдруг", то есть в одночасье?

Ну, естественно, были "объективные причины": война, революция, неизбежные в подобных случаях перебои в промышленности и на транспорте. Но не это главное. А суть в том, что

Ленин, подталкиваемый Троцким, Бухариным и их единомышленниками, сразу порешил устроить на Руси "коммунизм". То есть, действуя строго "по Марксу", отменить деньги, рыночные отношения, уничтожить частную собственность и наладить "товарообмен" — по сути, снабжение людей по пайкам. За этими отвлеченными теориями скрывался и непосредственный политический смысл, о чем Ленин неоднократно высказывался с присущей ему прямотой и решительностью: поставить все население России в зависимость от новой власти, а "собственников", независимых, значит, граждан, лишить их собственности.

Крестьяне, составлявшие большинство населения страны, даром свой хлеб отдавать не собирались. Значит, надо отнять у них этот хлеб. Как? Ясно, вооруженной рукой.

И началось. Из крупных городов в сельские местности растеклись так называемые "продовольственные отряды". Составленные по неизбежности из всякого сброда, возглавляемые молодыми и жестокими фанатиками, они начали из деревень "выкачивать хлеб" (эти ленинские слова приведены чуть выше). "Выкачать" — яснее не скажешь.

А Сталин? Он не был зачинщиком таких мер. Не призывал, как Троцкий, Пятаков и Бухарин, к их сохранению и тем паче к ужесточению. Можно с уверенностью предположить: Сталин тогда всецело доверял Ленину как вождю революции, с его мнениями считался чрезвычайно, потому и волю его исполнял. Сам обладавший волей не меньшей, он проводил ленинские предписания неуклонно и предельно твердо.

29 мая он вызывает для переговоров Царицын: "У аппарата Сталин. Я назначен общим руководителем всего продовольственного дела всего Юга России, облечен неограниченными правами... Через два дня выезжаю в Царицын. Я хотел бы знать, где Серго, насколько обеспечена линия Царицын — Тихорецкая, какова сила внутренних контрреволюционных банд..."Далее в тексте имеется примечательная фраза: "Сообщаю, что у меня будут строго дисциплинированные отряды. Жду ответа..."

30 мая А. С. Якубов — председатель Чрезвычайного продовольственного бюро Юга России[1] ответил Сталину, что Орджоникидзе уехал в Тихорецкую и между Царицыном и этой станцией нет крупных контрреволюционных сил. Якубов просил привезти денег — 20 миллионов, и обязательно мелкими купюрами.

К поездке Сталин подготовился тщательно: был снаряжен целый поезд, в котором везли аппараты связи, аэропланы, два броневика, деньги и — 450 латышских стрелков и отборных,проверенных рабочих-красногвардейцев.

[1] Такие названия типичны для жизни Советской России той поры, сокращено это учреждение именовалось еще "элегантнее" - Чокпрод

Утром следующего дня, в 8 часов 13 минут, в Москву, Кремль, Ленину вне очереди полетела телеграмма из Царицына. Приведем ее полностью, поскольку в ней одновременно кратко и ясно характеризуются и состояние дел, и обстановка в Царицыне, и, что главное, проявились решительность и твердость, с которой Сталин начинает исполнять порученное ему задание: "6-го прибыл в Царицын. Несмотря на неразбериху во всех сферах хозяйственной жизни, все же возможно навести порядок. В Царицыне, Астрахани, в Саратове монополия и твердые цены отменены Советами, идет вакханалия и спекуляция. Добился введения карточной системы и твердых цен в Царицыне. Того же надо добиться в Астрахани и Саратове, иначе через эти клапаны спекуляции утечет весь хлеб. Пусть ЦИК и Совнарком в свою очередь требуют от этих Советов отказа от спекуляции. Железнодорожный транспорт совершенно разрушен стараниями множества коллегий и ревкомов. Я принужден поставить специальных комиссаров, которые уже вводят порядок, несмотря на протесты коллегий. Комиссары открывают кучу паровозов в местах, о существовании которых коллегии не подозревают. Исследование показало, что в день можно пустить по линии Царицын — Поворино — Балашов — Козлов — Рязань — Москва восемь и более маршрутных поездов. Сейчас занят накоплением поездов в Царицыне. Через неделю объявим "Хлебную неделю" и пустим сразу около миллиона пудов со специальными сопровождающими из железнодорожников, о чем предварительно сообщу. В водном транспорте

заминка из-за невыпуска пароходов Нижним Новгородом, в связи, должно быть, с чехословаками. Дайте распоряжение о немедленном выпуске пароходов к Царицыну".

На следующий день В. И. Ленин телеграфировал в Нижний Новгород: "Предлагается вам исполнять немедленно, беспрекословно все приказы и распоряжения чрезвычайного уполномоченного от Совнаркома наркома Сталина..." В тот же день в Царицын Ленин сообщал: "Получил две Ваши телеграммы. Послал телеграмму Главводу, которую Вы хотели".

Вечером 9 июня Сталин в пространной записке вновь сообщал Ленину о состоянии дел. Из текста видно, что скорейшей отправке продовольствия во многом мешали чисто организационные препятствия, возникавшие из-за недостаточно четкой работы местных и центральных советских учреждений — явление, характерное для 1918 года, когда советский аппарат еще только складывался, когда нередки были проявления местничества, достигавшие по временам степени анархии.

Каково же было положение в Царицыне и на юге России вообще?

Царицын, достаточно крупный город (в 1917 году в нем насчитывалось до 200 тысяч жителей), находился на скрещении трех важнейших железнодорожных магистралей и речного пути

по Волге. И до революции это был крупнейший транзитный и промышленный центр. Отсюда на север, в голодающие губернии, следовали составы с хлебом, скотом, рыбой, с нефтью из Баку. Но обстановка в городе отнюдь не соответствовала характеру борьбы, которую предстояло в ближайшие недели повести и рабочим города, и его советским и партийным руководителям.

Советская власть в Царицыне, как это ни покажется странным, к лету 1918 года уживалась с дореволюционными учреждениями: существовала городская дума, и окончательно она была ликвидирована лишь 6 июня, в день приезда Сталина. Продовольственным делом занимались именно думцы. Серьезных затруднений с продовольствием город не ощущал, в витринах царицынских магазинов лежал белый хлеб, который, однако, рабочие покупать не могли из-за непомерно высоких, спекулянтских цен. Шла свободная торговля хлебом.

В соседней к Царицыну Области Войска Донского с конца марта бушевал контрреволюционный мятеж. Силы белоказаков, вначале раздробленные, к маю начали объединяться. Собравшийся 17 мая в Новочеркасске Круг спасения Дона избрал генерала Краснова донским атаманом. Войска Краснова все чаще переходили в наступление и все ближе подходили к городу. На Кубани пришла в себя после апрельского поражения Добровольческая армия Деникина. Военных же сил в Царицыне было крайне мало, части были недостаточно вооружены и обмундированы, а главное — недисциплинированны.

Таким — вкратце — было положение в Царицыне, когда 6 июня на маленьком, обшарпанном и грязном вокзале Царицына остановился поезд Сталина.

Его прибытие отмечено рядом решительных и, несомненно, назревших мер. Уже 6 июня в городе было введено военное положение: воспрещались всякие уличные скопления и митинги, ношение оружия без разрешения, введен комендантский час, объявлена мобилизация населения на строительство укреплений.

8 июня Сталин выступил с докладом о положении дел на заседании Исполкома Царицынского совета. По настоянию Сталина решили ввести твердые цены на хлеб. На заводах города большевики разъяснили трудящимся, что без карточной системы и твердых цен нельзя преодолеть спекуляцию, нельзя помочь голодающим рабочим Питера и Москвы. Вскоре белый хлеб исчезает с витрин магазинов, на базаре прекращается вольная торговля хлебом, рабочим выдается полфунта хлеба в день. Закрываются кафе и рестораны, город приобретает вид осажденной крепости.

Рука Сталина видна во всех этих чрезвычайных мерах. Не забывал он и прямой цели своей поездки: обеспечение продовольствием столиц. Вечером 13 июня Ленин получил телеграм-

му из Царицына: "Дело с железнодорожным транспортом улучшается. Несмотря на отсутствие минерального топлива и трудность перевода паровозов на нефтяное отопление ввиду недостатка баков и форсунок, несмотря на захват многих десятков паровозов эшелонами, Царицынский узел, благодаря экстренным мерам, теперь уже в состоянии отпустить 150 вагонов по 30 в поезде, всего 5 поездов ежедневно. Не так хорошо обстоит дело с водным транспортом, ввиду задержки пароходов в связи с выступлением чехословаков".

Почти ежедневно Сталин сообщал в Москву, Ленину или в Наркомпрод, как идет дело с отгрузкой продовольствия. И составы с продовольствием двинулись на север. Когда железнодорожная линия к северу от Царицына на время была перерезана казаками, хлеб и скот стали грузить на баржи, отправляя Волгой до Саратова; там их вновь перегружали в составы. Всего в июне 1918 года из Царицына было отправлено 2379 вагонов — почти два с половиной миллиона пудов продовольственных грузов. Кроме того, заготовленное в Царицыне продовольствие отправлялось в Астрахань, Баку, Туркестан. Сухие цифры станут понятнее, если вспомнить, что за май 1918 года по всей стране было погружено хлеба лишь 1662 вагона.

За первую неделю пребывания в Царицыне Сталин сумел наладить отправку продовольствия и стал собираться в поездку на Северный Кавказ и в Новороссийск, но военные события не позволили ему уехать. 15 июня Сталин телеграфировал Ленину: "Положении Царицына произошел ночью тринадцатого крупный перелом — казаки взяли Кривую Музгу верстах в 40 от Царицына. В связи с этим я не считаю целесообразным выехать в Новороссийск".

Так в телеграммах Сталина впервые появляются военные сюжеты — обстановка понуждала заняться и чисто военными делами. Кривую Музгу красные вскоре отбили, но положение Царицына с каждым днем становилось все опаснее. Казакам Краснова удалось прервать линию Царицын — Поворино, а 25 июня они совместно с деникинцами захватили станцию Торговая, тем самым перерезав линию Царицын — Тихорецкая и прервав связь с Северным Кавказом. Чтобы исправить положение, требовались значительные военные силы, но их-то и не было в Царицыне.

То был "отрядный период" в истории Красной Армии. Регулярных частей, тем более — соединений в распоряжении Советской власти почти не имелось. "Дивизии" и "армии", в большом количестве фигурирующие в документах того времени, по численности ни в коей степени не соответствовали своим наименованиям и еще меньше — по организации. Как правило, они состояли из групп отрядов, объединяемых в лучшем случае авторитетом решительных и инициативных командиров. Неимоверная пестрота в численности, составе, вооружении, снабже-

нии отрядов, дополняемая строптивостью и своеволием выборных командиров, делала чрезвычайно трудным управление.

В середине июня 1918 года советских войск под Царицыном было мало. Не существовало ни общего плана, ни единого командования. Каждый полк, каждый отряд вели бои самостоятельно, и, следовательно — разрозненно. В столкновениях с достаточно серьезным противником — белоказачьими войсками — красные части терпели поражения и несли потери. Отряды часто отказывались идти в бой. Так, некий Бабин — временно исполняющий должность "начдива" — прислал телеграмму в штаб Северо-Кавказского округа: "Если немедленно не вышлете сто тысяч, ухожу с позиций".

Не следует думать, что обстановка под Царицыном в этом отношении была чем-то исключительным. Точно так же обстояло дело и на Украине, во время боев с немцами весной 1918 года, и летом на Урале и в Заволжье, где подняли мятеж чехи.

Осталось мало мемуарных свидетельств о Сталине той поры. Приведем одно из немногих воспоминаний Ф. Раскольникова (Ильина). Деятель он был темноватый (об этом в своем месте), но журналист неплохой. Летом 1918-го он был послан из Москвы в Новороссийск с деликатным поручением — добиться потопления кораблей Черноморского флота, дабы они не достались германцам. Путь его неизбежно лежал через Царицын, где он и поспешил к члену ЦК товарищу Сталину:

"На бесконечных параллельных путях недалеко от вокзала я разыскал вагон товарища Сталина. Он сразу принял меня. Над его столом висела карта. В черном кителе и брюках, заправленных в голенища высоких кожаных сапог, с длинными, зачесанными назад, стоячими черными волосами и с густыми книзу опущенными усами на энергичном лице, Иосиф Виссарионович шагнул мне навстречу и, вынув левой рукой изо рта дымящуюся трубку, правую руку протянул мне.

Сталин был в Царицыне всем: уполномоченным ЦК, членом Реввоенсовета, руководителем партийной и советской работы. Все вопросы он, как всегда, решал коллегиально, в тесном контакте с местными учреждениями, что импонировало им и еще больше усиливало его непререкаемый авторитет.

По предложению Сталина мы сели за стол, и я рассказал ему о порученной мне задаче. Я был поражен, когда оказалось, что Сталин знал все: и перипетии новороссийской борьбы между сторонниками и противниками потопления флота, и сопротивление руководителей Черноморско-Кубанской Республики, и категорические приказы московского центра.

— На днях тут проехал Шляпников, — пренебрежительным тоном произнес Иосиф Виссарионович, — он тоже против потопления Черноморского флота. Не понимает. — Сталин пожал плечами, перевернул трубку и, постучав по ней указательным пальцем, не спеша высыпал в пепельницу перегоревшую табач-

ную труху, затем подвинул к себе кисет с табаком, неторопливо развязал его и небольшими щепотками доверху набил трубку.

—Шляпников сейчас в Торговой. Вы его догоните, — после паузы добавил Сталин, зажег спичку, сосредоточенно раскурил трубку и глубоко затянулся. На его лбу мгновенно разошлись собравшиеся было морщины. Иосиф Виссарионович указал мне на ошибку Вахрамеева, который, приехав в Новороссийск с определенной директивой Совнаркома, долгое время скрывал ее от руководящих партийных товарищей Кубано-Черноморской Республики.

—Эта ультраконспирация никуда не годится, — сказал он, взглянув на меня мгновенно подобревшими глазами и, морща нос, рассмеялся приятным гортанным смехом. И он посоветовал мне проездом через Екатеринодар непременно повидать местных руководящих товарищей, ознакомить их с целью моей поездки и обеспечить себе их содействие..."

Неизвестно, как обернулись бы события под Царицыном, если бы его защитники в конце июня — начале июля не получили солидного и надежного подкрепления. С запада, сквозь объятую мятежом Область Войска Донского, с превеликим трудом, с жестокими боями прорвалась к Царицыну 5-я армия Ворошилова, вынужденная уйти из Донбасса под напором немецких войск.

Минуло уже 12 лет, как Сталин и Ворошилов познакомились на Стокгольмском съезде. Встречи революционеров были редкими, но симпатии сохранялись. Поближе сошлись они с декабря 1917 года, когда Ворошилов занимал пост председателя комитета по охране Петрограда. Затем Ворошилов возвратился в Донбасс и вот теперь, спустя несколько месяцев, прорвался к Царицыну во главе значительной силы — группы войск. За эти месяцы он обнаружил кроме блестящих организаторских способностей, кипучей, неиссякаемой энергии, безграничной смелости еще и несомненные качества

командира революционных войск. Опираясь на Ворошилова и его товарищей, закалившихся в боях, Сталин мог теперь создать в Царицыне действенную военную силу.

23 июня военный руководитель Северокавказского военного округа А. Е. Снесарев, в прошлом — генерал-лейтенант дореволюционной армии, подписывает приказ: "Все оставшиеся части бывших 3-й и 5-й армий, части бывшей армии царицынского фронта и части, сформированные из населения Морозовского и Донецкого округов, объединить в одну группу, командующим которой назначается бывший командующий 5-й армией т. Климент Ефремович Ворошилов..." Этот приказ имеет знаменательную надпись: "Подтверждаю назначение товарища Ворошилова... Член Совета Народных Комиссаров, Народный Комиссар Сталин".

По мере того как Сталин выясняет, что выполнение его главной задачи — снабжение продовольствием столиц — не может быть претворено без коренного изменения военной обстановки не только под Царицыном, но и вообще на всем Северном Кавказе, он все глубже начинает вникать в военные дела. И здесь нарком национальностей сталкивается с такой неразберихой, путаницей, беспорядком, что иного человека это могло бы и отпугнуть. Но не в правилах Сталина уходить от начатого дела, и поступает он решительно, без колебаний. Эти его действия тотчас приходят в противоречие с приказами и распоряжениями военного ведомства, возглавляемого Троцким.

Первые столкновения можно заметить уже в начале июля. 7 июля, в час ночи, Ленин телеграфировал в Царицын о мятеже левых эсеров в Москве и требовал: "Повсюду необходимо подавить беспощадно этих жалких и истеричных авантюристов, ставших орудием в руках контрреволюционеров..." Указав на необходимость для Сталина поддерживать постоянную связь с Баку, с Шаумяном, Ленин повторил: "Итак, будьте беспощадны против левых эсеров..." В три часа ночи Сталин ответил: "Сегодня же отправлю в Баку нарочного с письмом. Все будет сделано. Что касается истеричных — будьте уверены, у нас рука не дрогнет. С врагами будем действовать по-вражески".

К тому времени Сталин уже вплотную занялся военными делами. В тот же день он пишет Ленину: "Спешу на фронт. Пишу только по делу. Линия южнее Царицына еще не восстановлена. Гоню и ругаю всех, кого нужно, надеюсь, скоро восстановим. Можете быть уверены, что не пощадим никого, ни себя, ни других, а хлеб все же дадим".

Как очевидно, весьма обширных полномочий Сталина было недостаточно, чтобы навести порядок в военных делах. Через три дня Сталин вновь пишет Ленину: "Несколько слов. 1) Если Троцкий будет, не задумываясь, раздавать направо и налево мандаты Трифонову (Донская область), Автономову (Кубанская область), Коппе (Ставрополь), членам французской миссии (заслужившим ареста) и т. д., то можно с уверенностью сказать, что через месяц у нас все развалится на Северном Кавказе и этот край окончательно потеряем. С Троцким происходит то же самое, что с Автономовым одно время. Вдолбите ему в голову, что без ведома местных людей назначений делать не следует, что иначе получается скандал для Советской власти..."

На следующий день в телеграмме Ленину из Царицына были охарактеризованы присланные Троцким военные специалисты, с которыми Сталину пришлось столкнуться: "...Штаб Северокавказского округа оказался совершенно неприспособленным к условиям борьбы с контрреволюцией. Дело не только в том, что наши "специалисты" психологически неспособны к решительной войне с контрреволюцией, но также в том, что они, как "штабные" работники, умеющие лишь "чертить чертежи" и да-

вать планы переформировки, абсолютно равнодушны к оперативным действиям... и вообще чувствуют себя как посторонние люди, гости".

Сталин, Ворошилов вместе с другими командирами посещают различные участки фронта. Им приходится разрешать конфликты самого разнообразного свойства. В Кривой Музге, к примеру, Сталин

и Ворошилов потратили немало времени и сил, уговаривая бойцов бывшей 5-й армии покинуть эшелоны, в которых они прибыли в Царицын. Дело в том, что у большинства бойцов в этих эшелонах находились семьи и они не хотели расставаться с родными и близкими. Не менее любопытна ситуация, при которой Сталин познакомился с Буденным.

Поводом для собрания на станции Ремонтная (к югу от Царицына) послужило требование части бойцов, подогреваемых демагогами — их именовали тогда "бузотерами", — создать для контроля над командирами солдатские комитеты, наподобие тех, что существовали в армии в 1917 году. На собрании, как стало известно, собирались присутствовать нарком Сталин и военрук Снесарев, что вызывало особый интерес.

Заседали долго, выступавшие высказывались и "за", и "против" создания комитетов. Буденный выступил резко против и даже потребовал арестовать инициаторов такого предложения и отправить их в Царицын. Буденный вспоминал: "Со стула, поставленного в уголке помещения, поднялся смуглый, худощавый, среднего роста человек. Одет он был в кожаную куртку, на голове — кожаная фуражка, утопающая в черных волосах. Черные усы, прямой нос, черные, чуть-чуть прищуренные глаза.

Сталин начал свою речь с того, что назвал мое выступление в основном правильным. Говорил он спокойно, неторопливо, с заметным кавказским акцентом, но очень четко и доходчиво... Подчеркнув роль, которую сыграли солдатские комитеты в старой армии, Сталин затем полностью поддержал меня в том, что в Красной Армии создавать солдатские комитеты не нужно — это может посеять недоверие к командирам и расшатать дисциплину в частях... Предложение арестовать инициаторов этого совещания Сталин отверг. Он сказал, что если поднимается какой-нибудь вопрос, то его надо обсуждать, хорошее принять, плохое отклонить.

Кончая, Сталин попросил участников совещания высказаться о целесообразности введения института политкомов. Все высказались за политкомов и предложили тут же принять решение в этом духе, но Сталин сказал, что на совещании конкретного решения принимать не следует, и заверил нас, что Реввоенсовет учтет высказанные нами пожелания. На этом совещание окончилось". Выйдя из помещения, Сталин начал расспрашивать Буденного, который ему, несомненно, понравился: каково социальное происхождение Буденного, образование, где и когда

воевал, что делал в 1917 — 1918 годах. Буденный отвечал "как на духу" и, завершая разговор, Сталин заметил:

—Думаю, что мы с вами хорошо познакомились. Снесарев, присутствовавший при разговоре, также решил проверить Буденного:

В каких случаях вы атакуете в конном строю пехоту противника?

В трех, — ответствовал Буденный, — если боевые порядки пехоты нарушены, если мы преследуем противника и если нападаем внезапно.

—Верно, — обращаясь к Сталину, отметил Снесарев, —службу знает!

Отношения Сталина и Снесарева к тому времени были весьма натянутыми. Сталин считал, и, видимо, не без основания, что Снесарев не соответствует должности — и это в лучшем случае, в худшем же — что Снесарев саботирует. Больше всего возмущало Сталина, что не удавалось восстановить движение по линии Котельниково — Тихорецкая и вновь связать Царицын с хлебным краем. Решив лично проверить обстановку, Сталин взял с собой Ворошилова, К. Я. Зедина, технический отряд и в бронепоезде отправился на юг. Полдня перестрелки с казаками — и, исправив путь в четырех местах на расстоянии 15 верст, они добрались до станции Зимовники (в 270 километрах от Царицына). Это пробудило надежды, что линию можно очистить, если наступать вдоль нее большими силами.

На месте Сталин и Ворошилов предприняли некоторые шаги, а в Москву 16 июля Ленину была послана телеграмма:

"...Две просьбы к Вам, т. Ленин: первая — убрать Снесарева, который не в силах, не может, не способен или не хочет вести войну с контрреволюцией, со своими земляками-казаками. Может быть, он и хорош в войне с немцами, но в войне с контрреволюцией он — серьезный тормоз, и если линия до сих пор не прочищена, — между прочим, потому и даже главным образом потому, — что Снесарев тормозил дело. Вторая просьба — дайте нам срочно штук восемь броневых автомобилей..."

На телеграмме Ленин сделал пометку: "По-моему, согласиться со Сталиным". Это подействовало, и 19 июля 1918 года был образован Военный Совет Северо-Кавказского военного округа под председательством Сталина. В него вошли также С, К. Минин и "военспец" Ковалевский. Последний работал в Совете недолго. Теперь Сталин имел военные полномочия, и это сразу же довелось почувствовать весьма многим в штабе округа.

Надо знать, что в штабе, как и в Царицыне, вследствие неразберихи и бесконтрольности созрел довольно разветвленный заговор. Одной из главных пружин в нем был полковник Носович, присланный в Царицын с мандатом Троцкого и ставший здесь начальником штаба округа.

Около двух месяцев, пользуясь беспорядком, путаницей, царившей в штабе, безнадзорностью со стороны советских и партийных властей Царицына, Носович исподволь вел предательскую работу. Но с приходом Сталина делать это стало трудно, а затем и невозможно. Сталин был очень опасным противником, и Носович впоследствии, уже служа белым, писал: "Надо отдать справедливость ему, что его энергии может позавидовать любой из администраторов, а способности применяться к делу и обстоятельствам следовало бы поучиться многим. Постепенно, по мере того как он оставался без дела, вернее, попутно с уменьшением его прямой задачи, Сталин стал входить во все отделы управления городом, а главным образом в широкие задачи обороны Царицына, в частности, и всего кавказского, так называемого революционного фронта вообще".

Характеризуя положение в Царицыне к началу августа, Носович писал: "Главным двигателем и главным вершителем всего с 20 июля оказался Сталин. Простой переговор по прямому проводу с центром о неудобстве и несоответствии для дела настоящего устройства управления краем привел к тому, что Москва отдала по прямому проводу приказ, которым Сталин ставился во главе всего военного... и гражданского управления..." 24 июля состоялся следующий разговор по прямому проводу:

"Царицын, *Сталину.*

Говорит *Ленин.*

Не можете ли передать в Баку только что полученную телеграмму по радио из Ташкента.

Затем о продовольствии должен сказать, что сегодня вовсе не выдают ни в Питере, ни в Москве. Положение совсем плохое. Сообщите, можете ли принять экстренные меры, ибо, кроме как от Вас, добыть неоткуда..."

Но Сталин может сообщить в ответ очень мало утешительного: "Позавчера ночью в Туркестан послано все, что можно было послать.

Радио передали в Баку. Запасов хлеба на севере Кавказа много, но перерыв дороги не дает возможности отправить их на север.

До восстановления пути доставка хлеба немыслима. В Самарскую и Саратовскую губернии послана экспедиция, но в ближайшие дни не удастся помочь вам хлебом. Дней через десять надеемся

восстановить линию. Продержитесь как-нибудь, выдавайте мясо и рыбу, которые можем прислать вам в избытке. Через неделю будет лучше".

Ленин: "Посылайте рыбу, мясо, овощи, вообще все продукты, какие только можно и как можно больше".

Однако восстановить сообщение с Северным Кавказом не удалось.

Военный Совет предпринял ряд действий и для укрепления обороны города, и для перехода в наступление. 24 июля был

дан приказ, в котором устанавливались боевые участки, план распределения сил и их задач на фронте. В этот же день Военный совет издал приказ о мобилизации...

Вскоре красные войска смогли перейти в наступление: на западе 31 июля они взяли Калач, на юге к 2 августа продвинулись в район станций Зимовники и Куберле. Появилась надежда прорваться к войскам Кубано-Черноморского фронта. Но сделать это не удалось.

Сообщая Ленину о том, что сделано за две недели, прошедшие со времени организации Военного совета, Сталин писал 4 августа: "Положение на юге не из легких. Военсовет получил совершенно расстроенное наследство, расстроенное отчасти инертностью бывшего военрука, отчасти заговором привлеченных военруком лиц в разные отделы Военного округа. Пришлось начинать все сызнова".

Действительно, с конца июля войска Краснова, отбросив сначала красные части к северу от Царицына, перешли затем в прямое наступление на город. Его защитники яростно оборонялись, но все же принуждены были отступать, и к середине августа фронт вплотную полукольцом опоясал Царицын.

В этот напряженный момент в Царицыне назрел контрреволюционный заговор. Сталин уже несколько недель присматривался к работе штаба СКВО. В штабе, его управлениях, разместившихся частью в городе, а частью в вагонах и на пароходах, служило немало бывших офицеров, никем как следует не проверенных и назначенных иногда единолично Троцким. Часть из них просто бездельничала, и тем уже способствовала врагу, а кое-кто вел подпольную работу.

Саботажники зачастую не слишком и маскировались. Об одном таком случае рассказывал Г. И. Кулик — начальник артиллерии "группы войск" Ворошилова, проделавший с ним героический переход Луганск — Царицын. В начале июля во время встречи со Сталиным Кулик пожаловался на нехватку снарядов. Сталин рекомендовал обратиться в штаб округа, но уже по его тону Кулик понял, что нарком очень невысокого мнения о штабе.

— Прошу вас обязательно после разговора в штабе зайти ко мне и сообщить о результатах, — добавил Сталин.

Военспецы встретили Кулика крайне недружелюбно, как постороннего и докучливого просителя. В ответ на просьбу Кулика снабдить украинскую армию снарядами ответили, что их нет. Но начальник артиллерии у Ворошилова был решительным и настойчивым человеком. После горячего разговора в штабе ему все же удалось проникнуть на склады, и тут он убедился, что снаряды есть, и в большом количестве, но воспользоваться ими нельзя: они хранились разобранными на отдельные элементы — гильзы, трубки, заряды, причем марки и калибры были перепутаны. Поневоле возникала мысль, что кто-то заинтересован в

этом хаосе, тем более что порядка никто и не думал наводить. Когда Кулик рассказал об этом Сталину, тот не был удивлен.

— Хорошо, что вы им не поверили, — сказал он. — Этот случай лишний раз убеждает меня, что в штабе сидят саботажники.

Такие случаи не были исключениями, но пока дела в Царицыне и вокруг него шли относительно спокойно, саботаж не так бросался в глаза. Однако, когда угроза захвата города казаками стала реальной и от каждого требовался максимум сил и воли, чтобы отбить наступление белых, саботаж в управлениях штаба стал очевидным для Сталина. 5 августа по его распоряжению было арестовано и отправлено на баржу, где царицынская ЧК держала наиболее опасных арестованных, все артиллерийское управление при штабе СКВО во главе с бывшим полковником Чебышевым. В тот же день Ковалевский был снят с работы в Военном совете и на его место был утвержден Ворошилов. Мало того, по приказу Военного совета от 5 августа штаб СКВО был ликвидирован и вместо него организован оперативный отдел при Военсовете.

Об этих событиях Носович впоследствии писал в журнале "Донская волна": "Характерной особенностью этого разгона было отношение Сталина к руководящим телеграммам из центра. Когда Троцкий, обеспокоенный разрушением с таким трудом налаженного им управления округов, прислал телеграмму о необходимости оставить штаб и комиссариат на прежних условиях и дать им возможность работать, то Сталин сделал категорическую и многозначительную надпись на телеграмме: "Не принимать во внимание". Так эту телеграмму и не приняли во внимание, а все артиллерийское и часть штабного управления продолжает сидеть на барже в Царицыне..."

Через несколько дней Носович сам пополнил компанию саботажников на барже: 10 августа его и Ковалевского также арестовали. Но Троцкий отдал распоряжение о немедленном освобождении Носовича. У царицынской ЧК не было в тот момент прямых данных об участии Носовича в заговоре, и он был освобожден.

Заговорщики, которых возглавлял инженер Алексеев, присланный в Царицын в качестве "спеца-организатора по транспортированию нефтетоплива с Кавказа", намеревались в ночь на 18 августа захватить город, арестовать советских и партийных руководителей и тем помочь войскам Краснова взять город. В заговоре участвовала местная эсеровская организация, была установлена связь с тремя иностранными консулами, находившимися тогда в Царицыне: французским, американским и сербским.

Но в последний момент заговор провалился. "К большому сожалению, — писал Носович, — прибывший из Москвы глава этой организации инженер Алексеев и два его сына были малознакомы с настоящей обстановкой, и благодаря неправильно

составленному плану, основанному на привлечении в ряды активно выступающих сербского батальона, бывшего на службе у большевиков при чрезвычайке, организация оказалась раскрытой... Резолюция Сталина была короткой: "Расстрелять". Инженер Алексеев, два его сына, а вместе с ними значительное количество офицеров, которые частью состояли в организации, а частью лишь по подозрению в соучастии в ней, были схвачены чрезвычайкой и немедленно, без всякого суда, расстреляны".

Здесь, в Царицыне, в полуосажденном городе, в чудовищной братоубийственной войне, когда враги любой политической окраски были детьми одного народа, недоверие и подозрительность процветали.

Так было во время Великой французской революции, так было всегда. По сути, для всех противников оставалось одно лишь наказание — смерть. До лета 1918-го Сталину никогда не приходилось отдавать приказ кого-либо казнить или даже задумываться об этом. Вся его прежняя жизнь хорошо известна. Он не был от природы жестоким человеком. Напротив, даже в тяжелых условиях (в тюрьмах или в Туруханской ссылке) он оставался незлобивым. Настали иные времена — грозные и кровавые. Как человек сильный и цельный, Сталин на этом пути был непреклонен. И еще: видеть, работать рядом с человеком достаточно долго, а потом узнать, что он является скрытым врагом (Носович), — это не могло не наложить отпечатка на его от природы мягкий нрав. Семена обостренной подозрительности, бесспорно, впервые запали ему в душу именно во время жестокой борьбы за Царицын.

Таковы были суровые законы гражданской войны. Очищение тыла, несомненно, благотворным образом сказалось и на общем военном положении Царицына. Атаки красновцев 13 — 18 августа дорого им обошлись. С 20 августа красные войска от обороны начали переходить к наступлению. Поначалу казаки ожесточенно сопротивлялись, контратаковали, а затем покатились прочь от города. К 1 сентября левый берег Дона был очищен от казаков, и преследование их продолжилось.

Энергия Сталина в эти решающие для города дни была неиссякаемой. Ворошилов вспоминал спустя десятилетие: "Это были дни величайшего напряжения. Нужно было видеть товарища Сталина в это время. Как всегда спокойный, углубленный в свои мысли, он буквально целыми сутками не спал, распределяя свою интенсивнейшую работу между боевыми позициями и штабом армии. Положение на фронте становилось почти катастрофическим... У нас не было путей отхода. Но Сталин о них и не заботился. Он был проникнут одним сознанием, одной-единственной мыслью — победить, разбить врага во что бы то ни стало".

Есть много свидетельств того, что Сталин в Царицыне вникал во все детали обороны. Вот воспоминания М. И. Потапова,

воевавшего на бронепоезде "Брянский". В бою бронепоезд пострадал, одну из бронеплощадок пришлось отцепить. Когда зашла речь о выделении новой бронеплощадки, Алябьев — начальник броневых частей под Царицыном — велел:

— Обратитесь лично к товарищу Сталину и расскажите ему, при каких обстоятельствах оставили площадку на поле боя.

Пришлось ехать для личного доклада Сталину. Показав в штабе свой документ, захожу в приемную — там ни души. Потихоньку открываю дверь, заглядываю в кабинет. Вижу, ходит в глубоком раздумье небольшого роста человек. На нем внакидку простая солдатская шинель и обыкновенные сапоги. Приняв его за дежурного, я вышел в коридор и в ожидании закурил. Через некоторое время человек в шинели внакидку вышел из кабинета и прошел в смежную комнату. Возвращаясь, он взглянул не меня и осведомился, кого я ожидаю. Отвечаю, что хочу встретиться с товарищем Сталиным по важному вопросу. Он ответил:

—Я Сталин, заходите.

В короткой беседе Сталин заметил, что оставлять противнику даже разбитую бронеплощадку ни в коем случае нельзя, и предложил немедленно доставить ее в Царицын для ремонта.

—Только выполнив это распоряжение, вы можете рассчитывать на получение новой бронеплощадки, — предупредил Сталин...

Организовать отпор казакам было тем труднее, что в Царицыне еще далеко не до конца были изжиты остатки партизанщины, недисциплинированности, своеволия, местничества, сепаратистских устремлений кое-кого из командиров. В таких случаях приходилось уговаривать, убеждать, грозить. 11 августа, к примеру, Сталин разговаривал с Васильевым, командиром отряда в Котельникове: *"Сталин.* В Царицыне положение ухудшается с каждым часом... Если Царицын падет, погибнет весь Южный фронт и Поволжье. Я уже 10 дней тому назад говорил об этом, требовал от Шевкоплясова частей на север, но Шевкоплясов до сих пор не исполнил своего долга, теперь Царицын накануне падения, и вся ответственность падет на Шевкоплясова и Думенко. Сегодня последний раз обращаюсь к Южному фронту с требованием незамедлительно перебросить на север необходимые части... Прошу, товарищ Васильев, все сказанное Вам немедленно передать, срочно сообщить Шевкоплясову и Думенко, Колпакову, Штейгеру; панику разводить не следует, но правду сказать мы обязаны начистоту..."

Васильев обещал все передать, но и на следующий день в разговоре со штабом войск в Ремонтной Сталину пришлось повторяться: *"Сталин.* Скажите, мартыновцы прибыли на Ремонтную? *Ответ.* Нет.

Шевкоплясов грузится. *Сталин.* Имейте в виду, что Царицын, быть может, накануне падения... Если завтра не дадите Царицыну полк с кавалерией, Царицын будет

взят и весь Южный фронт будет обречен на гибель. Не могу не заметить, что вся ответственность за эту почти вероятную катастрофу падает на Шевкоплясова, который жалкий куберле ставит выше России... Военсовет предписывает Шевкоплясову заменить Вашу бригаду степными отрядами, а мартыновцев срочно отправить в Царицын в распоряжение Военсовета. Военсовет предписывает Думенко прибыть в Царицын хотя бы с двумя опытными эскадронами..."

Подобные переговоры были заурядными, и Сталин, так же как и Ворошилов и другие участники обороны, убеждались в настоятельной необходимости избавиться от партизанщины.

Наступление красных войск в начале сентября 1918 года продолжалось. Военный совет решил наградить особо отличившиеся в боях части, и 10 сентября в Царицыне был устроен праздник революционных полков.

Это был первый парад войск, который довелось принимать Сталину. В 7 часов вечера к зданию Военного совета подошел 1-й Коммунистический Луганский полк. Оркестр на балконе исполнил "Марсельезу". "После этого, — сообщила царицынская газета "Солдат революции", — в кратких, но в теплых словах нарком товарищ Сталин приветствовал полк от имени Совета Народных Комиссаров и Военного совета, от имени которого вручил полку Красное знамя. Командир полка тов. Питомин, расцеловавшись с тов. Сталиным, подняв высоко знамя, вместе с товарищами красноармейцами поклялся гордо нести его вперед, защищая революцию...".

Через два дня Сталин уехал в Москву, но о Царицыне не забывал. 15 сентября состоялся разговор по прямому проводу: "Из Царицына *Ворошилов и Минин:* Разобрали шифровку? Из Москвы *Сталин:* Сейчас разбирают. Почему до сего времени не взяты ст. Лог, Липки и Арчеда?

Ворошилов и Минин: Поспешишь, людей насмешишь, дело идет.

Сталин: А мне казалось, дело стоит.

Ворошилов и Минин: Не беспокойтесь, своевременно будет сделано".

Затем Ворошилов подробно рассказал о положении на фронте и попросил помощь со снабжением войск. Сталин отвечал, что выедет через два дня и все вопросы, видимо, будут решены в пользу Царицына.

Но ему пришлось задержаться в Москве еще на несколько дней. 15 сентября Сталин и Свердлов беседовали с Лениным, поправлявшимся после покушения на него эсерки Фанни Каплан. Видимо, следствием этой встречи было учреждение 17 сентября 1918 года Реввоенсовета (РВС) Южного фронта в составе Сталина, Минина, командующего фронтом Сытина (генерал-майора дореволюционной армии) и его помощника — Ворошилова. Членам РВС, ввиду серьезности положения на

Южном фронте, приказывалось немедленно вступить в исполнение обязанностей.

Сталина ждали дела и в Наркомнаце: за время отсутствия наркома накопилось немало вопросов, требовавших его авторитетного суждения. 19 сентября он рассматривал и утверждал состав и порядок работы коллегии Наркомата.

Перед отъездом (а Сталин спешил) он встретился с сотрудниками "Известий" и рассказал о положении на юге России. В кратком интервью Сталин счел необходимым отметить, что "большим недостатком в обмундировании нашей армии является отсутствие определенной формы для солдат. Желательно было

бы как можно скорее выработать новую форму обмундирования солдат и ввести ее немедленно на фронте. Последний декрет Центрального Исполнительного Комитета о поощрении геройских действий отдельных красноармейцев и целых частей путем выдачи первым отличительных знаков, а вторым — знамен, имеет, по словам товарища Сталина, громадное значение". В качестве еще одного недостатка Сталин назвал отсутствие в красных войсках кавалерии. Отметим это: когда представится возможность, Сталин немало сделает для красной конницы.

22 сентября, когда положение на фронте вновь ухудшилось для красных войск, он возвратился в Царицын. С 20 сентября казаки, отдохнув и пополнившись, перешли в наступление.

Советская республика не могла полностью снабдить своих защитников. Но и на фоне общего недостатка положение войск под Царицыном было ужасающим. Сталин и Ворошилов раз за разом, крайне настойчиво, обращались в Москву, прося, настаивая, требуя. Но в высших военных инстанциях Республики эти обращения не только не встречали должного внимания, но и, более того, вызывали странную реакцию. Речь идет в первую очередь о Троцком.

В своих действиях руководители обороны Царицына исходили из целесообразности и знания местных условий, а потому далеко не всегда соблюдали многочисленные и многословные инструкции Троцкого. Со своей стороны Троцкий, посылая в Царицын грозные и путаные приказы, прибегнул к испытанному средству авантюристов — клевете. В телеграммах к Ленину и Свердлову он всячески пытался опорочить работу Сталина и Ворошилова, искажая и подтасовывая факты, обвиняя обоих в недисциплинированности и партизанщине, срыве обороны города.

Эти утверждения Троцкого тем более несправедливы, что именно Сталин и Ворошилов были главными лицами в Царицыне, не на словах, а на деле устанавливали дисциплину в войсках, стремясь превратить революционные отряды в регулярные части. Конечно, и Сталин, и Ворошилов, будучи принципиальными, решительными работниками, могли в азарте спора до-

пускать неверные суждения, а в практической работе — ошибки.

По ознакомлении с положением дел Сталин 27 сентября направляет в РВС Республики письмо, в котором сообщает, что казаки возобновили наступление, что войска "не одеты и не вооружены. Обещанных же в Москве винтовок и обмундирования до сих пор нет... В настоящее время в Царицынских складах: 1) Нет снарядов (осталось 150 — сто пятьдесят штук). 2) Нет ни одного пулемета. 3) Нет обмундирования (осталось 500 комплектов). 4) Нет патронов (осталось всего миллион патронов)".

В этом письме имеется фраза: "командующий же Сытин, странным образом не интересующийся положением фронта в целом (если не считать Поворинский участок), видимо, не принимает или не в силах принять меры для оздоровления северных участков Южного фронта. Более того, на наш двукратный запрос о состоянии северных участков он до сих пор не ответил ни единым словом..."

По-видимому, Сталин и Ворошилов были чрезмерно взыскательны к Сытину, даже пристрастны, но такова уж была натура обоих: отдаваясь делу революции до конца, до последней капли духовных и физических сил, они считали себя вправе требовать того же и от других. Думается, что далеко не все меры, казавшиеся необходимыми руководителям обороны Царицына, командующий Южным фронтом мог провести в жизнь: он был отнюдь не всесилен.

Выяснение отношений произошло 29 сентября на заседании РВС фронта в Царицыне. Присутствовали Сталин, Ворошилов, прибывший накануне Сытин, член РВС Республики К.А. Мехоношин и Минин. Возник спор как по вопросам управления фронтом и армиями, так и о местопребывании РВС и штаба фронта. Поскольку Сытин настаивал на невмешательстве членов Военного совета, то есть Сталина и Ворошилова, в оперативные вопросы и требовал перенесения штаба фронта в Козлов, с чем Сталин и

Ворошилов также не соглашались, решений принято не было. Сытин и Мехоношин апеллировали в РВС Республики, то есть фактически к Троцкому.

Последовал обмен резкими телеграммами. 1 октября РВС Южного фронта принимает постановление: ходатайствовать перед РВС Республики о снятии Сытина с поста комфронта и назначении на этот пост Ворошилова. 2 октября Сталин послал в РВС Республики телеграмму, в которой подробно описал положение на Южном фронте, подчеркнул, что Царицын по-прежнему не получает боеприпасов и в заключение поставил вопрос ребром: "Считаете ли Вы нужным удержать за собой Юг?.."

3 октября в Царицыне получили телеграмму: "Приказываю тов. Сталину, Минину немедленно образовать Революционный

совет Южного фронта на основании невмешательства комиссаров в оперативные дела. Штаб поместить в Козлове. Неисполнение в течение 24 часов этого предписания заставит меня предпринять суровые меры". Подобный тон, заносчивый и грубый, был характерным для обращения Троцкого с подчиненными ему работниками. Но в этом случае он не рассчитал своих сил: Сталин также был членом ЦК, и никогда не суждено было Троцкому "принять суровые меры" в отношении Сталина.

В тот же день в 18 часов 30 минут из Царицына "Председательствующему ЦК партии коммунистов Ленину" была отправлена следующая телеграмма: "Мы получили телеграфный приказ Троцкого... Мы считаем, что приказ этот, писанный человеком, не имеющим представления о Южном фронте, грозит отдать все дела фронта и революции на Юге в руки генерала Сытина, человека не только не нужного на фронте, но и не заслуживающего доверия и потому вредного. Губить фронт ради одного ненадежного генерала мы, конечно, не согласны. Троцкий может прикрываться фразой о дисциплине, но всякий поймет, что Троцкий не Военный Революционный совет Республики, а приказ Троцкого не приказ Реввоенсовета Республики.

Член ЦК партии Сталин Член партии Ворошилов".

Резкость выражений этой телеграммы убеждает, сколь решительно и страстно ее авторы защищали свою точку зрения, и это очень хорошо. Но в тексте телеграммы бросаются в глаза как категорически отрицательная оценка деловых качеств и надежности Сытина, так и фразы о "предателях из военных специалистов" и необходимости пересмотреть вопрос" об их использовании. Это была ошибка, и серьезная. К тому времени вопрос о военных специалистах был уже давно решен: без использования бывших военных, без их знаний и опыта невозможно было бы строительство регулярной Красной Армии.

6 октября Сталин выехал в Москву. Конфликт был улажен: образован новый РВС Южного фронта, Ворошилов назначен командующим 10-й армией, непосредственно защищавшей Царицын. 8 октября постановлением СНК Сталин назначается членом РВС Республики. Тем самым легализуется его статус в военных делах. В этот же день в переговорах по прямому проводу он просит Ворошилова и Минина уточнить ряд моментов и подтвердить факты, относящиеся к спору, возникшему 29 сентября на заседании Военного совета в Царицыне. "...Сегодня ночью, — завершает Сталин переговоры, — через два часа поеду со Свердловым в Козлов; через 12 часов буду в Козлове, остальные выяснения там, и, по-моему, можно решить вопрос без шума в рамках сложившихся формальностей".

11 октября Сталин возвратился в Царицын. К этому времени враг вновь приблизился к городу вплотную, приходилось напря-

гать все силы, чтобы остановить его. Помощи же из центра по-прежнему не было. "Только что приехал в Царицын, — телеграфировал Сталин в Москву Свердлову. — Мне сдается, что прекращение снабжения не случайность, что чья-то умелая рука старается доконать Царицын... Я кончил".

Личное вмешательство Ленина помогло, боеприпасы и обмундирование стали прибывать в Царицын в большем количестве.

Особенно близко казаки подошли к городу на центральном участке, где они захватили станцию Воропоново. С утра 17 октября белые стали атаковать Садовую, но здесь их ждала неожиданность.

Сейчас трудно сказать, кому — Ворошилову или Сталину — принадлежала идея собрать на наиболее угрожаемом участке по возможности всю артиллерию, имевшуюся под Царицыном. Во всяком случае, командование 10-й армией приняло такое смелое, даже рискованное решение и энергично провело его в жизнь.

Начальник артиллерии армии Кулик уже близко к полуночи приехал в штаб армии, чтобы доложить об исполненном и получить указания на дальнейшее. В здании ярко светились окна: уже несколько недель здесь не спали. Дежурный провел Кулика в кабинет, где работали Сталин и Ворошилов. Кулик доложил, что основная часть артиллерии уже стягивается к центральному участку и что несколько дивизионов он оставил на флангах для выполнения самых необходимых задач.

—Какие фланги? — переспросил Сталин, и лицо его посуровело. — Гумрак? Саропта? Либо в приказе неясно написано,либо вы не поняли приказа. Реввоенсовет приказывает вам сосредоточить на центральном участке всю — вы понимаете? всю!— артиллерию! До единого орудия!

Кулик стал говорить о риске, с которым связана подобная концентрация, но Сталин прервал его:

Мы должны, мы обязаны пойти на этот риск. Вчера они были биты на южном участке, и у нас есть основания полагать,что сегодня они попытаются атаковать именно здесь, у Садовой.

Но наши части, в первую очередь — пехота, устали... — сомневался Кулик.

— Верно! И именно потому, что пехота устала, ей должна помочь техника: артиллерия плюс пулеметы, плюс бронепоезда и бронемашины...

Когда утром 17 октября белоказачьи войска пошли в атаку на Садовую, на небольшом, четырех-пятикилометровом участке их встретил огонь почти 200 орудий — концентрация, невиданная дотоле в гражданской войне! Сочетание мощного артиллерийского огня с решительными контратаками красной пехоты привело к тому, что белые части смешались, стали отступать и

вскоре побежали. У Воропонова их настиг красный бронепоезд. Под огнем его пулеметов бегство противника стало паническим.

Второе наступление белых на Царицын было отбито; 19 октября Сталин уезжает в Москву. Несомненна его выдающаяся роль как в непосредственной обороне города, так и в ходе событий вообще на юге России. Организаторский талант, энергия, воля Сталина способствовали укреплению власти Советов в этом районе.

Для самого Сталина более чем четырехмесячное пребывание в Царицыне значило много. Здесь он впервые столкнулся с военным делом, и уже не расставался с ним до конца своей жизни. В Царицыне Сталин многому научился, многое понял; война — строгий, суровый учитель.

В Москве он не забывал о своих царицынских товарищах, разговаривал с ними по прямому проводу, заботился о Царицынском участке фронта. Именно Сталин проинформировал Ленина о положении защитников города, и после вмешательства главы правительства боеприпасы и обмундирование стали поступать туда регулярно. В своих выступлениях и статьях сразу по приезде в Москву Сталин подчеркивал дисциплинированность и героизм бойцов, а также то, что в огне сражений начали складываться, формироваться новые командиры; он даже назвал их "новым красным офицерством".

В Москве Сталин возвращается к своим многочисленным обязанностям. К примеру, сразу же по возвращении, 25 октября, на пленуме ЦК КП (б) Украины Сталина избирают членом заграничного бюро украинского ЦК, и он вплотную занимается здесь делами.

Советское правительство аннулировало Брестский мир. Под напором революционных войск оккупанты покидали Украину.

В ноябре коллегия Наркомнаца обсудила положение на Украине и в других оккупированных областях. В постановлении говорилось: "Коллегия считает, что в связи с обострением революционного кризиса в оккупированных областях центр тяжести советской работы должен быть передвинут из Москвы в эти районы".

— Пока вся власть, — говорил Сталин, — Реввоенсовету, правительство — потом, когда продвинемся на Украину.

В составе КП (б) Украины имелись тогда противоборствующие группировки, так называемые "правые" и "левые".

Сталину также пришлось немало повозиться, сглаживая конфликты между "правыми" и "левыми". В воспоминаниях Затонского рассказывается:

"Не откладывая, мы на другой же день выехали в вагоне тов. Сталина в Курск. В Орел передали, чтобы все члены ЦК КПУ, которые были там, встречали нас. Там находился Квиринг и случайно оказался тов. Артем.

133

Сталин, не рассказывая, в чем дело, предложил взять необходимые вещи, сесть в наш вагон, который шел в Курск, и ехать. Мы с Пятаковым молчим, наше дело маленькое...

Как в Москве тов. Сталин не снизошел до того, чтобы рассказать мне, в чем дело, так и здесь он закрылся в купе, сказав, что деловой разговор будет после обеда в Курске.

Наши гости сидели в салоне... В Курске принесли нам обед, пообедали, выпили чайку. Только после этого велел убрать со стола, закрыть дверь и сказал:

—Теперь начнем.

К делу перешел без всякого предисловия:

—ЦК РКП постановил создать Советское правительство с...(тут была пауза) с Пятаковым во главе...

"ЦК РКП постановил..."

А если ЦК РКП постановил: хватит перечить...

Если с ЦК КПУ можно было в деле партийной дисциплины и поспорить, то с ЦК РКП шутить не приходилось — что касается этого, то правила у нас всегда были суровыми.

Было несколько секунд молчания, наконец, тов. Артема, как наиболее экспансивного человека, прорвало...

— Да, конечно, Пятакова, он и чужие языки знает...Это было так смешно, что я не удержался и пошутил:

— И на рояле неплохо играет...

Пятаков толкнул меня в бок, а сам закашлялся, Сталин же, как будто ничего не случилось, спокойно продолжал:

—Одновременно ЦК РКП постановил создать Реввоенсоветгруппы Курского направления. В РВС войдут: я, Затонский и командующий тов. Антонов.

Это уж окончательно вывело наших товарищей из равновесия: мало того что Пятакова делают главою, да еще и Антонова в командующие..."

Сталину пришлось порядком поспорить с украинскими товарищами, чтобы добиться их единодушия. В Курске, правда, Сталин не долго задержался: 20 ноября его отозвали в Москву, и заместителем его остался Артем. Но к украинским делам ему пришлось возвращаться не раз. В адрес Сталина (и обязательно в копии — Ленину) одна за другой шли пространные телеграммы, достаточно резкие по тону. В них украинские товарищи, жалуясь на то, что "Центр" сдерживает их инициативу, посылает неугодных им товарищей (в особенности Антонова-Овсеенко), требовали решительного вмешательства Сталина и его приезда в Курск. Сталин был весьма сдержан в ответах. Так, 28 ноября он телеграфировал: "Передайте тов. Затонскому, что я приехать не могу. Организован Всероссийский Совет Обороны, куда я избран членом. Я очень занят и не могу выехать. Антонова уже выслал к вам. Приедет Беленькович, приезда которого добивался Артем. Приедут еще украинцы, и среди них имеются опытные командиры с Царицынского фронта. Под-

робнее сообщу в письме. Если имеются разногласия, разрешите их сами вместе с Антоновым. У вас все права в руках. Сталин".

В ответ на эту спокойную и деловую телеграмму Затонский посылает Сталину (копия, конечно, Ленину) следующий текст:"Попросите Сталина к аппарату. Простите, но это издевательство какое-то. Я ведь сообщал трижды — последний раз сегодня, что никаких разногласий внутри у нас нет..."

Хотя в тот же день, 28 ноября 1918 года, в Судже состоялось первое заседание Временного рабоче-крестьянского правительства Украины, а на следующий день был издан манифест "К трудящимся Украины", переговоры с Москвой продолжались и упреки в "путанице из центра" повторялись, так что однажды, по словам Затонского, Сталин в разговоре обмолвился: "Да уймитесь вы там: Старик сердится..."

В статье "Украина освобождается", опубликованной 1 декабря, Сталин, в частности, писал: "Настоящая борьба на Украине еще впереди..."

Наркомнац теперь был довольно обширным и сложным учреждением. С января 1918 года он въехал в новое помещение по Пречистенскому бульвару, № 29. Здесь Сталину удалось собрать пестрый коллектив. В Коллегию Наркомнаца кроме наркома и его заместителя Станислава Станиславовича Пестковского входили: Викентий Семенович Мицкевич- Капсукас, Отто Янович Карклин, Станислав Янович Бобинский, Семен Маркович Диманштейн, Ганс Густавович Пегелман, Варлаам Александрович Аванесов, Израиль Юделевич Кулик, Карл Антонович Кнофличек и Иван Павлович Товстуха.

Это были весьма разные во всех отношениях люди, и нередко Сталину приходилось потрудиться, добиваясь единодушного и, главное, правильного решения. Среди членов коллегии имелись и "левые" коммунисты, и будущие сторонники группы "демократического централизма", и троцкисты. Поэтому Сталину нелегко бывало достичь единодушия в учреждении, за которое он отвечал. Пестковский вспоминал в 1930 году: "Перед Сталиным стала весьма трудная задача: постоянно бороться внутри собственного учреждения с грубыми отклонениями от ленинской линии. Я почти уверен, что будь, например, на месте Сталина Троцкий, который постоянно обвинял и обвиняет Сталина в "диктаторствовании", он в течение трех дней разогнал бы такую оппозиционную коллегию и окружил бы себя "своими" людьми.

Но Сталин поступил совершенно иначе... И здесь он проявил много выдержки и ума. У него бывали, правда, время от времени конфликты с отдельными членами коллегии, но по отношению к коллегии в целом он был лоялен, подчинялся ее решениям, даже если не бывал согласен, за исключением тех случаев, когда дело шло о нарушении партийной линии. В этих случаях он апеллировал в ЦК и, конечно, всегда выигрывал..."

Одним из таких случаев был уже описанный выше спор о необходимости создания Татаро-Башкирской АССР.

"Я работал бок о бок со Сталиным около 20 месяцев, — продолжает Пестковский, — и все это время я принимал участие в разных "оппозициях". Не один раз я на заседаниях коллегии открыто выступал против национальной политики Сталина, против его уступок "мелкобуржуазным националистам" среди восточных национальностей, несмотря на то, что отлично знал, что это линия Ленина и всего ЦК партии. Тем не менее Сталин относился ко мне с величайшим терпением и старался, насколько возможно, использовать меня в работе".

Круг обязанностей Сталина продолжал расширяться, что, впрочем, было типичным явлением для крупных партийных работников во время гражданской войны. 30 ноября 1918 года был организован Совет Рабоче-Крестьянской Обороны (позднее — Совет Труда и Обороны — СТО), специальный орган для объединения и организации сил советского государства в борьбе с белогвардейцами и интервентами. Первым председателем был Ленин. Сталин также входит в состав Совета. 1 декабря он выступает в прениях на первом заседании Совета; в этот же день принимается решение предоставить право Ленину и Сталину утверждать своей подписью постановления комиссий Совета. 3 декабря Сталин руководит заседанием комиссии Совета Обороны по вопросу об упорядочении работы железнодорожного транспорта; 7 декабря в СНК Сталин представляет проект декрета о признании независимости Эстляндской Советской республики и СНК утверждает его; И декабря в Совете Обороны Сталин выступает с несколькими докладами: об упорядочении работы железнодорожного транспорта, о политической агитации и посылке комиссаров во вновь формирующиеся дивизии, о расквартировании воинских частей; так — изо дня в день.

Глава девятая

Под напором колчаковских войск в ночь на 25 декабря красные оставили Пермь; возникла угроза прорыва колчаковцев к Вятке, где они могли соединиться с английскими интервентами, наступавшими от Архангельска.

ЦК партии, рассмотрев доклад Уральского комитета, решил провести расследование причин падения Перми, и 1 января 1919 года Свердлов телеграфировал Уральскому областному комитету и командованию Восточного фронта: "ЦК постановил назначить партийно-следственную комиссию в составе членов ЦК Дзержинского и Сталина для подробного расследования причин сдачи Перми".

3 января Ленин подписывает мандат Сталину и Дзержинскому. Уезжая, Сталин оставил письмо Ленину о тяжелом положении, сложившемся под Царицыном после того, как новое командование 10-й армии уволило опытных военных работников (Ворошилова злопамятный Троцкий снял с должности в середине декабря, и он уехал на Украину).

И Сталину, и Дзержинскому уже приходилось бывать в Вятке—в качестве ссыльных. Вагон комиссии остановился на запасном пути станции Вятка — 1. Станция была забита занесенными снегом эшелонами с беженцами и имуществом. Здесь царили неразбериха и сумятица, что, конечно, препятствовало быстрой переброске составов. В городе ходили слухи о скором падении Вятки,

разбрасывались подстрекательские листовки. Беспорядок господствовал в учреждениях и организациях Вятки, и это не могло способствовать упрочению положения.

"Расследование начато. О ходе расследования будем сообщать попутно. Пока считаем нужным заявить Вам об одной, не терпящей отлагательства, нужде 3-й армии. Дело в том, что от 3-й армии (более 30 тысяч человек) осталось лишь около 11 тысяч усталых, истрепанных солдат, еле сдерживающих напор противника". (Сталин — Ленину, 5 января).

Но подкрепление могло прийти только спустя определенный срок, а фронт требовал его немедленно. Сталин и Дзержинский направили на фронт батальон, состоявший при вятской ЧК, и другие части и подразделения.

В ночь на 7 января они выехали в Глазов, в штаб 3-й армии. Здесь они посетили 3-ю бригаду 7-й дивизии, присланную незадолго до того в качестве подкрепления. Знакомство было неутешительным. Сталин и Дзержинский писали: "Бригада в боевом отношении не подготовлена (не умеет стрелять, обоз у нее летний), командиры не знают своих полков, политическая работа мизерная". Такая бригада, прежде чем ее отправить на фронт, требовала тщательной фильтровки и чистки. Сталин и Дзержинский приказали осуществить все эти меры.

Комиссия намеревалась пробыть на Восточном фронте до середины января, но работы оказалось больше, чем предполагалось. 13 января в Москву был отослан краткий предварительный отчет о причинах сдачи Перми. По мнению комиссии, они состояли в следующем: усталость и измотанность армии к моменту наступления противника; отсутствие резервов; оторванность штаба от армии, бездеятельность командарма; недопустимый способ управления фронтом со стороны РВС Республики.

Эти предварительные выводы были очень тяжелыми, но, как показали последующие события, обоснованными. Однако ни в правилах Сталина, ни в обыкновении Дзержинского было ограничиваться констатацией недостатков.

На месте, в штабе 3-й армии, комиссия действовала напористо и сурово: оба ее члена явно не склонны были к благодушию. Такие действия не могли не вызвать недовольства командования армии. Лашевич (впоследствии ярый троцкист) расследование причин сдачи Перми называл "писанием сказаний", которое, якобы отрывает его от "обычной работы". Но авторитет и полномочия комиссии были таковы, что открыто выступать против нее не приходилось. Да к тому же это и не вело к успеху: когда Сталин и Дзержинский велели арестовать нескольких работников штаба, Лашевич попытался нажаловаться в РВС фронта — и безуспешно.

Возвратившись в Вятку, комиссия 19 января созывает совещание представителей НКПС, отдела военных сообщений штаба 3-й армии, Уральского областного Совета и других организаций, для того чтобы принять меры к разгрузке вятского железнодорожного узла. В этот же день на совещании городских и губернских советских и партийных организаций Сталин предлагает создать Военно-революционный комитет, которому подчинялись бы все губернские учреждения; это диктовалось чрезвычайным, прифронтовым положением губернии. ВРК из пяти человек был создан. Сталин ликвидирует учреждения, скопившиеся в Вятке.

21 января Сталин и Дзержинский возвратились в Глазов. К тому времени, и не в последнюю очередь благодаря принятым комиссией мерам, положение 3-й армии упрочилось, она даже начала наступать. 25 января комиссия возвратилась в Вятку, а 27 выехала в Москву.

Комиссия представила в ЦК отчет; без преувеличения он был образцом анализа обстановки.

Ограничимся лишь парой примеров из тех, что в большом количестве приведены в отчете. Они, безусловно, позволяют судить и о стиле, и о содержании документа. Тщательно рассмотрев состояние партийной и советской работы в губернии, Сталин и Дзержинский пришли к выводу:

"...Партийно-советские учреждения лишились опоры в деревне, потеряли связь с беднотой и стали налегать на чрезвычайную комиссию, на репрессии, от которых воет деревня. Сами же чрезвычайные комиссии, поскольку их работа не дополнялась параллельно положительной агитационно-строительной работой партийно-советских учреждений, попали в совершенно исключительное изолированное положение во вред престижу Советской власти. Умело поставленная партийно-советская печать могла бы своевременно обнаружить язвы наших учреждений, но пермская и вятская партийно-советская печать не отличается ни умелой постановкой работы, ни пониманием очередных задач Советской власти (ничего, кроме пустых фраз о "мировой социальной" революции)".

138

В особенности обращает на себя внимание резкая и документально обоснованная критика действий возглавляемого Троцким аппарата военного ведомства. По мнению авторов, РВС 3-й армии (Лашевич и Трифонов) не могли наладить должным образом работу; в то же время несогласованность действий 2-й и 3-й армий совершенно очевидна. Это, утверждали Сталин и Дзержинский, "вызвано оторванностью Реввоенсовета Республики от фронта и необдуманностью директив Главкома". Сославшись, в подтверждение сказанного, на яркое свидетельство комфронта Каменева, авторы отчета продолжали: "Следует вообще отметить непозволительное легкомыслие в деле дачи директив со стороны Главкома".

Здесь требуются пояснения. Для Сталина давно уже стало ясно, что Троцкий являлся недругом России, честолюбцем, заботившемся только о себе и о своих немногочисленных в общем-то присных. Отсюда — личная неприязнь Сталина к нему, а не наоборот, как толкуют сталинские злопыхатели. Дзержинский тоже недолюбливал Троцкого, поэтому присоединился к Сталину, а потом до самой своей кончины оставался верен ему в борьбе с троцкистами.

Ну, а Главком Сергей Сергеевич Каменев был опытным военным (полковник Генштаба, имел боевые награды). На вопрос, не родственник ли он Льву Каменеву (Розенфельду), он отвечал: не только не родственник, но даже не однофамилец... Слабохарактерный, он, к сожалению, целиком оказался в руках Троцкого, всегда выполняя его требования и даже капризы. Но подлинным троцкистом он ни в коей мере не был...

5 февраля 1919 года ЦК обсуждал доклад комиссии. Многое его положения послужили основой при дальнейшем строительстве Советских Вооруженных Сил и были реализованы уже на VIII съезде РКП(б).

Съезд состоялся 18 — 23 марта в Москве. Центральное место на нем заняли доклады и речи Ленина. Он выступал восемь раз: с отчетом ЦК, с докладами о программе партии и о работе в деревне, с речью по военному вопросу...

Сталин поднялся на трибуну только раз — на закрытом заседании съезда, посвященном военному вопросу. Дело в том, что на съезде выступила так называемая "военная оппозиция", в которой объединились как бывшие "левые" коммунисты, так и партийные работники, никогда ранее не участвовавшие в оппозициях, но недовольные методами руководства, насаждаемыми Троцким в армии. Справедливо критикуя бонапартистские искривления партийной линии Троцким, "военная оппозиция" в то же время защищала неправильные взгляды по ряду вопросов военного строительства, партизанщину в армии. Выступая, Сталин отмечал:

— Все вопросы, затронутые здесь, сводятся к одному: быть или не быть в России строго дисциплинированной регулярной

139

армии... Факты говорят, что добровольческая армия не выдерживает критики, что мы не сумеем оборонять нашу Республику, если не создадим другой армии, армии регулярной, проникну- той духом дисциплины, с хорошо поставленным политическим отделом, умеющей и могущей по первому приказу встать на ноги и идти на врага...

Сталин вновь был избран в ЦК (в него вошли девятнадцать членов и восемь кандидатов), а 25 марта, на первом заседании ЦК, — и в Политбюро, и в Оргбюро. Это еще более укрепило его авторитет, ответственность перед партией и государством. А в ближайшие после съезда недели Сталину был вверен еще один важный государственный пост.

На протяжении некоторого времени в ЦК и СНК, в СТО рассматривался вопрос о реорганизации органов государственного контроля.

После возвращения из Перми, где пришлось увидеть и устранить немало недостатков, Сталин счел своим долгом, перечисляя необходимые меры, в последнем абзаце доклада наметить и следующую: "Комиссия считает нужным еще раз подчеркнуть безусловную необходимость организации при Совете Обороны контрольно-ревизионной комиссии для расследования так называемых "недостатков механизма" народных комиссаров и их отделов на местах, в тылу, и на фронте..."

На упомянутом уже заседании ЦК 5 февраля 1919 года, где обсуждался отчет комиссии Сталина и Дзержинского, было решено поручить Свердлову "в срочном порядке созвать комиссию по реорганизации контроля... и привлечь к участию в комиссии тт. Сталина и Дзержинского".

Комиссия начала работать незамедлительно. Было решено не создавать новый контрольный орган, а реорганизовать Наркомат государственного контроля. Соответствующий проект декрета поручено было выработать Сталину и его помощникам.

Органы контроля — это вообще основополагающая деятельность Сталина. Позже он даже создаст такое министерство. (Некоторые полагают, что со времени упразднения его во второй половине пятидесятых началось медленное, но неуклонное падение Советского государства...)

Проект декрета обсуждался 8 марта на заседании СНК. Ленин высказывал ряд замечаний, направленных в основном на всемерное вовлечение масс в работу Госконтроля. Определены они были (что вообще характерно для работы Ленина) в записке посланной во время заседания Сталину. В ответ Сталин написал: "Это - вопросы политики реорганизованного гос. контроля. Ничего не имею по существу против таких пунктов, наоборот, они необходимы. Сталин".

На VIII съезде было подчеркнуто значение Государственного контроля. 30 марта ВЦИК утвердил назначение Сталина на пост наркома Госконтроля. К тому времени он имел уже боль-

шой организационный опыт и сразу же приступил к решительной перестройке аппарата этого, уже второго по счету, подчиненного ему наркомата. На следующий день, 31 марта, Сталин провел заседание Временного совета Государственного контроля, где были заслушаны информационные доклады о деятельности отделов наркомата.

3 апреля на заседании СНК Сталин сделал доклад по проекту декрета о Госконтроле, дополненный и переработанный в соответствии с замечаниями Ленина. Проект был принят. 9 апреля его обсудили во ВЦИК. Сталин говорил в докладе, что основной идеей, которой следует руководствоваться при реорганизации наркомата, должна быть его демократизация и сближение с рабочими и крестьянами. ВЦИК утвердил декрет, и 12 апреля он был опубликован в "Известиях".

Архивные материалы, протоколы заседаний коллегии НКГК от 6, 7 и 10 апреля показывают, что, приступая к реорганизации наркомата, Сталин самым тщательным образом изучил работу его старого аппарата, равно как и кадры. Только после этого он начал действовать. 6 апреля был заслушан доклад о перераспределении задач отделов наркомата. Вместо двадцати пяти прежних отделов Сталин оставляет одиннадцать. Несмотря на исключительную занятость, он берет непосредственное руководство военно-морским отделом, то есть тем органом, который имел главное значение в обстановке гражданской войны.

10 апреля коллегия наркомата под председательством Сталина постановила организовать отдел летучих ревизий с цен-, тральным бюро жалоб и заявлений. Тогда же было решено созвать в конце мая 1919 года совещание представителей губернских отделов госконтроля.

Словом, в первые же недели пребывания на новом посту Сталин начал перестройку аппарата, его чистку, установил связь с низовыми органами контроля, организовал подготовку кадров из рабочих и крестьян. Но завершить перестройку сразу же Сталину не привелось: шла гражданская война...

... В мае 1919 года ему был выдан мандат: "Совет Рабочей (Крестьянской Обороны командирует члена своего, члена Центрального Комитета Российской Коммунистической партии.. Иосифа Виссарионовича Сталина в Петроградский район и другие районы Западного фронта для принятия всех необходимых экстренных мер в связи с создавшимся на Западном фронте положением.

Все распоряжения товарища Сталина обязательны для всех учреждений, всех ведомств, расположенных в районе Западного фронта.

Товарищу Сталину предоставляется право действовать именем Совета Обороны, отстранять и предавать суду Военно-революционного трибунала всех виновных должностных лиц..."

141

Что же случилось под Петроградом? В ночь на 13 мая войска белогвардейского Северного корпуса в нескольких местах прорвали фронт 7-й армии, оборонявшей Петроград. 15 мая белые захватили Гдов, 17 мая — Ямбург. Советские войска, разбросанные на значительном пространстве, не оказали врагам упорного сопротивления, несли большие потери и отступали.

В Питер Сталин приехал 19-го. В тот же день было собрано совещание: присутствовали Главком И.И. Вацетис, командующий Западным фронтом Д.Н. Надежный, командующий 7-й армией А.К. Ремезов, командующий Балтфлотом А.П. Зеленой, Зиновьев и другие. Совещание признало положение угрожающим, назначило мобилизацию рабочих, в первую очередь коммунистов и комсомольцев, чтобы пополнить ряды бойцов и сделать части боеспособными. Решили перестроить систему обороны города и управления войсками, обеспечить снабжение частей армии и флота вооружением, боеприпасами, продовольствием и прежде всего очистить Петроград и тылы от врага. Сталин через СТО и ЦК настойчиво добивается новых пополнений, оружия, боеприпасов, продовольствия для войск 7-й армии. Он выезжает на фронт, знакомится с обстановкой, особенно с настроением войск; помогает командирам и политработникам поднять дисциплину, усилить политико-воспитательную работу в войсках.

Дважды сообщив 19 мая Ленину о положении дел в Петрограде, на следующий день Сталин выехал в Старую Руссу, в штаб Западного фронта. Оттуда он сообщал в Москву о взятии противниками Волосова и Кикерино, о непосредственной опасности Гатчине. Чтобы точно выяснить положение, 22 мая Сталин едет в Гатчину. Приезд его вместе с группой петроградских партийных работников благотворно сказался на боевом духе бойцов.

Затем Сталин с группой партийных работников и командованием Западного фронта отправился на Карельский перешеек. Здесь были осмотрены укрепления, намечены меры по усилению обороны. 25 мая Сталин побывал в Кронштадте, где на площади Революции состоялся многотысячный митинг.

Осмотрев опасные участки, Сталин в этот же день передал по прямому проводу в Москву, Ленину: "Нет сомнения, что дело переброски частей теперь поставлено лучше, чем месяца три назад".

Сталин сообщал также о своем мнении по крайне важному вопросу — о судьбе Балтийского флота. Незадолго до этого Главком Вацетис, поддержанный Троцким, исходя из необходимости экономить топливо, приказал сократить число действующих кораблей, в первую очередь — линкоров. В Кронштадте моряки резко опротестовали это решение, и Сталин встал на их сторону: после совещания он "пришел к убеждению в совершенной неправильности предложения Главкома. Мотивы: пер-

вое — крупные единицы, в случае, если они будут превращены в плавучие плоты, лишатся возможности привести в действие орудия, то есть последние просто не будут стрелять, так как между движением корабля и действием пушки имеется прямая связь. Далее Сталин сообщал, что и снаряды для мощных орудий линкоров, и топливо есть, и настаивал на отклонении предложения Вацетиса. Приказ был отменен, и мощные линейные корабли своим артиллерийским огнем немало способствовали защите Петрограда в 1919 году.

28 мая Сталин возвратился в Петроград. Здесь его ждала телеграмма от Ленина: " Вся обстановка белогвардейского наступления на Петроград заставляет предполагать наличность в нашем тылу, а может быть, и на самом фронте организованного предательства... Просьба обратить усиленное внимание на эти обстоятельства, принять экстренные меры для раскрытия заговора".

Сталин пришел к таким же выводам: "Можете быть уверены, — отвечал он, — что будет сделано все, что возможно сделать".

Опасения оправдались вскоре же. На следующий день под Сиверской в районе деревни Выра батальон 3-го Петроградского стрелкового полка, в котором действовала политическая организация бывших офицеров, перебил коммунистов и перешел на сторону врага. Измену эту можно было бы предвидеть, так как полк формировался на основе запасного батальона бывшего лейб-гвардии Семеновского полка.

3 октября Сталин прибыл в село Сергиевское, юго-восточнее Ливен, где находился штаб Южного фронта. Знакомство с делами на Южном фронте показало, что опасения Сталина были обоснованными: он вновь вынужден был исправлять чужие ошибки. Очень ярко обстановка охарактеризована в письме Серго Орджоникидзе, назначенному членом РВС 14-й армии по настоянию Сталина, к Ленину от 15 октября: "...Решил поделиться с Вами теми в высшей степени неважными впечатлениями, которые я вынес из наблюдений за эти два дня в штабе здешних армий. Что-то невероятное, что-то граничащее с предательством. Какое-то легкомысленное отношение к делу, абсолютное непонимание серьезности момента. В штабах никакого намека на порядок, штаб фронта — это балаган. Сталин приступает к наведению порядка".

В таких условиях Егоров, вступивший в должность комфронтом 8 октября, и Сталин начали готовить контрудар. Рано утром (в 5 часов 20 минут) 9 октября они отдали директиву войскам, в которой требовали нанесения решительного удара по врагу. На следующий день ударная группировка красных начала разворачиваться.

Белые тем временем наступали. 6 октября им удалось захватить Воронеж. С 11 октября ударная группировка красных вошла в соприкосновение с белогвардейцами; началось ожесто-

ченное сражение. Белые продвигались к северу. 11 октября штаб Южного фронта переехал в Серпухов. 13 октября корниловская дивизия захватила Орел. Но это был последний серьезный успех белых, наступательный порыв иссякал.

Силы же войск Красной Армии возрастали. Вся страна помогала Южному фронту, и перелом вскоре стал очевидным. После упорных боев красные 20 октября отбили Орел. Деникинцы понесли немалые потери.

Добиться пополнений было не так-то и легко. Дело в том, что Ставка (С. С. Каменев и С. И. Гусев), а также И. Т. Смилга

—член РВС Республики и РВС Юго-Восточного фронта — по-прежнему считали главным Юго-Восточный фронт; об этом Смилга писал в ЦК и Ленину 3 ноября. Командование же Южного фронта и, разумеется, Сталин вполне обоснованно полагали, что, поскольку центр тяжести борьбы с Деникиным

переместился в район Орла — Воронежа — Курска, главным является Южный фронт. Его войска должны нанести главный удар через Харьков — Донбасс на Ростов, именно Южному фронту следует отдавать основные резервы.

Но развернувшиеся на Южном фронте в первой декаде ноября бои показали, что выделенных Главкомом подкреплений далеко недостаточно. Ставка (Каменев и Гусев) явно недооценивали значения Южного фронта. Юго-Восточный фронт получал большие пополнения, а 10 ноября Главком приказал его командованию подготовить главный удар в направлении через Дон на Новочеркасск.

Сталин шлет 15 ноября обширное письмо Ленину. Оно заслуживает разбора.

В письме Сталин отстаивает план нанесения основного удара по войскам Деникина из района Воронежа через Харьков — Донбасс на Ростов. Аргументация его очень убедительна: "Во-первых, здесь мы будем иметь среду не враждебную, наоборот

симпатизирующую нам, что облегчит наше продвижение. Во-вторых, мы получаем важнейшую железнодорожную сеть(донецкую) и основную артерию, питающую армию Деникина, линию Воронеж — Ростов (без этой линии казачье войско лишается на зиму снабжения, ибо река Дон, по которой снабжается донская армия, замерзнет, а восточно-донецкая дорога Лихая — Царицын будет отрезана). В-третьих, этим продвижением мы рассекаем армию Деникина на две части, из коих:добровольческую оставляем на съедение Махно, а казачьи армии ставим под угрозу захода им в тыл. В-четвертых, мы получаем возможность поссорить казаков с Деникиным, который(Деникин) в случае нашего успешного продвижения постарается передвинуть казачьи части на запад, на что большинство казаков не пойдет, если, конечно, к тому времени поставим перед казаками вопрос о мире, о переговорах насчет мира и пр. В-пятых, мы получаем уголь, а Деникин остается без угля".

Не все положения и оценки, выдвинутые Сталиным в этом письме, бесспорны. Важно обратить внимание не только на легкость, с которой Сталин оперирует чисто военными понятиями, но и на то, что, оценивая стратегическую обстановку, он исходит также из политико-экономических факторов. Такой подход к решению военно-стратегических вопросов — одна из новинок, принесенных социалистической революцией в военную науку. Сталин и в этой отрасли человеческой деятельности обнаружил несомненные познания и способности. Полтора года гражданской войны и здесь не прошли для него даром.

Заканчивал письмо Сталин достаточно резко; настаивая на осуществлении главного удара на Южном фронте, он писал: "Без этого работа на Южном фронте становится бессмысленной, преступной, ненужной, что дает мне право или, вернее, обязывает меня уйти куда угодно, хоть к черту, только не оставаться на Южном фронте".

На письме — пометка Ленина: "В архив. Секретно". Решения Политбюро были проведены в жизнь. 17 ноября Главком сообщал командованию Южного фронта о предстоящей передаче ему 45-й и 52-й стрелковых дивизий; в течение месяца должны были прибыть на Южный фронт еще три дивизии. События на Южном фронте разворачивались благоприятно для красных войск. Они наступали, и одной из главных ударных сил, имевшихся в распоряжении командюжа, была конная армия Буденного.

Среди причин, вызвавших первоначальные неудачи советских войск в столкновениях с армией Деникина, было и отсутствие у красного командования значительных кавалерийских соединений. Гражданская война оказалась маневренной, и наличие у Деникина многочисленной кавалерии давало ему существенные преимущества. В то же время советское командование, и в первую очередь Троцкий недооценивали роль кавалерии. Троцкий считал кавалерию "аристократическим" родом войск и не раз открыто высказывал пренебрежение как к самой кавалерии, так и к кавалерийским военачальникам. В распоряжении же советского командования имелись в достаточном количестве и кадры для кавалерийских соединений, и военачальники-кавалеристы. Среди последних, несомненно, выделялся Семен Михайлович Буденный.

Зимой и весной 1918 — 1919 годов Буденный и его 4-я кавалерийская дивизия, обязанная своим возникновением в значительной степени Сталину, сражалась в составе 10-й армии на царицынском участке фронта и совершила немало славных дел. В начале лета 1919 года к 4-й дивизии присоединили 6-ю кавалерийскую дивизию; они и составили Конный корпус Буденного. В летних и осенних боях кавалеристы не раз побеждали белогвардейские войска, и их командир приобрел весьма лестную

репутацию у неоднократно битых им белых генералов. Но громкая, поистине всемирная слава ждала его еще впереди.

В начале октября, только что вступив в должность члена РВС фронта, Сталин в письме Буденному интересовался состоянием корпуса и спрашивал, что нужно сделать, чтобы увеличить его боеспособность. После успеха под Воронежем в конце октября Буденный в письме к Сталину очень подробно охарактеризовал и положение корпуса, и его нужды, предложив создать кавалерийское объединение — Конную армию. Предложение понравилось и Сталину, и Егорову. В заседании РВС фронта 11 ноября было принято решение о создании Конармии.

Но надо было добиться санкции на это решение в РВС Республики. 16 ноября Сталин выехал в Москву и 17 ноября участвовал в заседании РВСР при обсуждении вопроса о создании Конной армии. Выяснилось, что есть сомнения и в возможности, и в целесообразности формирования невиданного в истории современных войн кавалерийского объединения.

Но сомнения эти самым наглядным образом разрушали кавалеристы Буденного. 15 ноября в метель они вдребезги разбили белых под Касторной и продолжали наступать. Возвратившись в штаб фронта, Сталин 19 ноября подписывает приказ РВС Южного фронта о переименовании Конного корпуса в Конную армию. В высших военных инстанциях он самым категорическим образом отстаивал необходимость организации Конармии, и на последующем славном своем пути Буденный и его кавалеристы неизменно встречали понимание и поддержку Сталина.

У людей типа Сталина первые впечатления о людях имеют значение лишь в тех случаях, если последующие события подкрепляют эти впечатления. Буденный понравился Сталину еще летом 1918 года, под Царицыном. Членом РВС Конармии был назначен Ворошилов — тоже давно и хорошо знакомый Сталину. Вскоре кавалеристов Буденного Сталину привелось увидеть в деле.

Командование фронта решило познакомиться со вновь созданным кавалерийским объединением. Связи с Буденным не было: его армия, невзирая на оттепель и раскисшие дороги, преследовала противника. 29 ноября Сталин и Егоров приехали в Воронеж, здесь они встретились с Ворошиловым, Щаденко и Пархоменко, которые тоже направлялись в Конармию. Поехали вместе. До Касторной, однако, удалось добраться лишь ранним утром 5 декабря, а к вечеру этого дня прибыли в Новый Оскол.

Поезд шел крайне медленно, останавливался и стоял подолгу: полотно дороги и мосты были разрушены во время боев, их еще только восстанавливали, и не всегда надежно. Да и весь край был разорен, весь юг России, ставший на несколько лет ареной ожесточеннейших сражений.

В Новом Осколе начальство ожидали сани, запряженные тройкой лихих лошадей, и полуэскадрон кавалеристов: так распорядился командарм Конной. Сам он ждал приехавших в Велико-Михайловке. Прибыли туда поздно ночью.

Утром 6 декабря, в присутствии командования фронта, впервые собрался РВС Конной армии. Буденный представил Егорову и Сталину командный и начальствующий состав армии. Затем выступил Егоров. Он объяснил, что на Конармию командование фронта намерено возложить основную тяжесть рассечения армии Деникина. Сталин во время выступления подчеркнул, что Конармии еще предстоит доказать скептикам: решение принято правильное.

—Это задача очень ответственная, — говорил Сталин, — она потребует максимума сил и напряжения. Конной армии придется идти через Донбасс, ее может ожидать отсутствие фуража. Но, с другой стороны, ее будет встречать пролетариат Донбасса, который ждет нас и отдаст все, что может, — с этим фактом нужно считаться. Руководство фронта примет, в свою очередь, все меры к тому, чтобы в кратчайший срок доставить Конной армии необходимый фураж и продовольствие.

Заседали долго, до вечера, с перерывом на обед. Были решены вопросы организации Конармии, ее задачи. В заключение командарма Буденного приняли в партию. Рекомендации он получил весомые: от Сталина, Ворошилова, Щаденко.

На следующий день командование фронта пожелало поехать в район действий армии. Сталин и Егоров ехали в санях, с ними — кинооператор Э. Тиссе. Буденный, Ворошилов, Щаденко, Городовиков верхом. Сзади — резервный кавдивизион. Был ясный, морозный день. Ничто не предвещало опасности — и вдруг пулеметные очереди, разрывы снарядов. Оказалось — угодили ненароком прямо на поле сражения, где в очередной раз конница Мамонтова сошлась с кавалеристами Буденного и в очередной раз была бита.

Сталин и Егоров, поднявшись на холм, в бинокли следили за разворачивающейся картиной боя. Буденный, заметив, что на левом фланге противник обходит его кавалеристов и возникает угроза для командования фронта, стал просить Егорова и Сталина уехать.

—Нет! — коротко и резко ответил Сталин.

Делать нечего — командарм сам, во главе резервного кавдивизиона, пошел в атаку. Отбросили врага. Поле боя осталось за буденновцами.

"После боя, — вспоминал Буденный, — наступила гнетущая тишина, нарушаемая стонами раненых да голосами санитаров, хлопотливо подбиравших их.

Сталин, Ворошилов, Егоров, Щаденко и я медленно проезжали по почерневшим холмам, устланным трупами людей и лошадей.

147

Все молчали, скорбно оглядывали следы жестокой кавалерийской сечи. Тяжело было смотреть на обезображенные шашечными ударами тела людей.

Сталин не выдержал и, обращаясь ко мне, сказал:

— Семен Михайлович, это же чудовищно. Нельзя ли избегать таких страшных жертв? Хотя при чем здесь мы? — И он снова погрузился в раздумье..."

Вечером этого же дня командование фронта уехало. В Серпухов возвратились 12 декабря.

В истории мировой военной мысли громадное значение Первой Конной армии до сих пор не вполне осознано и оценено. Да, в новейшее время крупные кавалерийские соединения не раз действовали, и успешно. Вспомним Зейдлица, Мюрата, Платова. Однако все они входили в состав общевойсковых армий, а не как самостоятельные в оперативном отношении группы войск. Тут возникло принципиально иное — Первая Конная армия. Она новаторски образовалась именно как соединение армейского масштаба, где пехотные части и артиллерийские были приданы и подчинены командованию конницы.

Это не только прообраз, предвестник, но и практическое воплощение крупных подвижных соединений второй мировой войны (немецкие танковые и советские танковые армии).

Одни приписывают это новшество в военной стратегии немецкому танковому генералу Гудериану, а наши борцы с "культом личности" — Тухачевскому (вот уж совсем не по адресу! Он как раз был

против). Но объективные историки скажут прямо и недвусмысленно: впервые в мире создали и опробовали в бою подвижные соединения крупного масштаба Буденный, Ворошилов и Сталин.

Глава десятая

На Кавказском фронте (так с 16 января 1920 года стал именоваться Юго-Восточный фронт) в конце января положение осложнилось. Белогвардейские войска вопреки ожиданиям сохранили и часть сил, и волю к сопротивлению. Попытки войск 8-й, 9-й и Конной армий фронтальными ударами опрокинуть врага не удавались. Особенно страдала в этих лобовых атаках через Дон на Батайск ударная сила фронта — Конная армия, детище Сталина. Гибли, и бессмысленно, сотни великолепных бойцов и тысячи лошадей, - успеха не было. Командование Конармии пыталось доказать комфронта В.И. Шорину. что неправильно использовать кавалеристов как общевойсковую армию, что ее усилия не поддерживаются частями соседних армий, но не сумело переубедить комфронта. 1 февраля Буденный и Ворошилов- пишут письмо Ленину, 2 февраля направляют

доклад Главкому Каменеву. В этих документах они характеризовали сложившуюся ситуацию и просили помочь. Не ограничиваясь этим, утром 3 февраля они связались с Курском, со Сталиным.

Буденный подробно охарактеризовал обстановку и просил приехать Сталина "хотя бы на 2 - 3 часа". Формально Сталин не имел отношения к делам Кавказского фронта. Но формалистом в скверном смысле этого слова Сталин никогда не был. Он отвечал Буденному: "Дней восемь назад, в бытность мою в Москве, в день получения мной вашей шифротелеграммы, я добился отставки Шорина... В Ревсовет вашего фронта назначен Орджоникидзе, который очень хорошо относится к Конармии. Если у вас нет связи с Саратовом, мы можем вам каждый раз предоставлять провод для разговора с Орджоникидзе, который, безусловно, поможет вам и поддержит вас.

Что касается моего выезда, я, вы знаете, не свободен, назначен председателем Совета труда Юго-Западного фронта, и без согласия Совета Обороны не смогу выехать. Во всяком случае же передам вашу записку Ильичу на заключение, если вы не возражаете. Окончательный ответ могу дать только после переговоров с Ильичем. Об одном прошу: берегите Конную армию, это неоценимое золото Республики. Пусть временно пропадают те или иные города, лишь бы сохранилась Конная армия".

Обнадеженные таким разговором, Буденный и Ворошилов вечером того же дня вновь связались с Курском и спросили Сталина о результатах его переговоров с Москвой. Сталин отвечал: "Результаты таковы, что я к вам пока выехать не могу, — это первое; второе — мы перебрасываем в район Иловайская две лучшие дивизии, из них одна Латышская".

Не ограничиваясь достигнутым, Сталин на следующий день добился разговора с Саратовом — с Орджоникидзе. Известив его о положении дел, Сталин тут же набросал исчерпывающую программу действий, изложенную в четких и предельно кратких формулировках. "Узнав все это, — говорил Сталин, — ЦК партии потребовал от меня немедленного выезда в район правого фланга для разрешения вопросов на месте, но я не мог выехать по некоторым причинам, о которых я здесь говорить не стану. По моему глубокому убеждению, члены Реввоенсовета должны принять следующие меры. Объединить группу Думенко с Конармией в одну мощную силу, подчинив первую последней. Передать Конармии в оперативное подчинение две стрелковые дивизии для опоры на флангах".

Дело действительно наладилось: Тухачевский произвел перегруппировку войск, изменил направление удара Конармии; из района Платовской она начала стремительный прорыв в тыл врага. В нескольких ожесточенных сражениях 19 — 28 февраля Конармия наголову разбила основные кавалерийские соедине-

ния белых и тем нанесла решительный удар врагу на Северном Кавказе.

Но под Ростовом белогвардейцы активизировались, и 20 февраля Ленин телеграфировал Сталину, что не исключает возможности потери Ростова и Новочеркасска и потому рассчитывает, что Сталин применит всю свою энергию, помогая Кавказскому фронту. Ответ Сталина был несколько раздраженным, и это, видимо, надо объяснять его крайним переутомлением и болезненным состоянием. Он телеграфировал: "Мне не ясно, почему забота о Кавфронте ложится прежде всего на меня... Забота об укреплении Кавфронта лежит всецело на Реввоенсовете Республики, члены которого, по моим сведениям, вполне здоровы, а не на Сталине, который и так перегружен работой". В тот же день, 20 февраля, Ленин написал ответ: "На Вас ложится забота об ускорении подхода подкреплений с Юго-Запфронта на Кавкфронт. Надо вообще помочь всячески, а не препираться о ведомственных компетенциях".

По сути данного, конкретного дела Ленин был прав, но и в словах Сталина о перегруженности работой заключалась немалая толика истины. Отдыха, как такового, Сталин в годы гражданской войны почти не имел. Лишь иногда он позволял себе загородную поездку на машине, так как любил быструю езду. Вот как вспоминал об этом С. К. Гиль — личный шофер Ленина: "Вызывать машину по телефону или поручать кому-либо сбегать в гараж Сталин не любил. Он обычно сам являлся в гараж и просил свезти его в то или иное место.

—Здравствуйте, — говорил он, входя в гараж, — можно машину получить? Мне только на полчаса...

Бывало и так. В летние сумерки он иногда приходил ко мне в гараж и просил прокатить его за город. Такая прогулка заменяла ему отдых. Закрытых машин он не любил.

—Если можно, товарищ Гиль, — открытую! Есть?

Я выбирал небольшую открытую машину, способную развивать большую скорость. Мне были известны темпы езды товарища Сталина.

Иосиф Виссарионович садился рядом со мной. Ездили мы обычно по Ленинградскому шоссе, до Покровского-Стрешнева и обратно. Дорога была для того времени сравнительно гладкая и позволяла мчать машину быстро. Езда со скоростью 30 — 40 километров в час не удовлетворяла Иосифа Виссарионовича.

Выехав на дорогу, я все увеличивал скорость. Товарищ Сталин следил за счетчиком. Я ждал его указания остановить бег машины на определенной быстроте. Ветер свистел в ушах, скорость достигала 50, затем 60 километров в час, а мой спутник все молчал. Мы переглядывались, улыбались. Иосиф Виссарионович все еще не выражал желания остановиться на достигнутой скорости. Наконец — 70 километров.

— Хватит! Вот так поедем! — говорил он, указывая на счетчик.

Быстрая езда доставляла ему, видимо, большое наслаждение. Он улыбался и переводил дух.

Через час-два мы возвращались в Кремль..."

Кроме обязанностей члена ЦК, его Политбюро и Оргбюро, кроме участия в работе СНК и СТО, кроме постов члена РВС Юго-Западного фронта за Сталиным по-прежнему оставались посты наркомнаца и наркомгосконтроля.

Систему контроля решено было реорганизовать. 23 января 1920 года вопрос обсуждался на Политбюро; решили не создавать новых учреждений, а всячески развивать рабочую и крестьянскую инспекцию. На основе этой директивы Ленин на следующий день написал Сталину развернутую инструкцию. 28

января вопрос о Рабоче-Крестьянской инспекции вновь обсуждался в Политбюро, а 31 января Пленум ЦК утвердил решение Политбюро. 7 февраля ВЦИК принял решение реорганизовать Народный комиссариат госконтроля в Народный комиссариат Рабоче-Крестьянской инспекции. Сталин сохранил пост наркома РКИ. Даже и в периоды длительного отсутствия в Москве он руководил работой наркомата. 23 февраля 1920 года он, к примеру, телеграфно потребовал от своего заместителя Аванесова присылать ему каждую неделю краткое сообщение-отчет о делах наркомата и информировать о ходе реорганизации.

Не прекращал Сталин работы и в Наркомнаце. 22 ноября

1919года он выступал на открытии II Всероссийского съезда коммунистических организаций народов Востока. 7 февраля на сессии ВЦИК его включили в комиссию по разработке вопросов федеративного устройства РСФСР.

Прямое отношение к национальной политике партии имела и работа Сталина на Украине. Харьков, где в феврале — марте

1920 года жил Сталин, тогда был столицей Украины. Разногласия среди коммунистов Украины еще не были преодолены до конца, и авторитет Сталина не раз приходился кстати при выработке правильной политической линии. 17 — 23 марта он активно участвовал в работе 1У конференции КП(б)У, несколько раз выступал.

23 марта Сталин выехал в Москву, на IX съезд РКП (б). На съезде его вновь избрали в ЦК, а 5 апреля на Пленуме ЦК утвердили членом Политбюро и Оргбюро.

Центральному Комитету приходилось работать много и напряженно. Достаточно сказать, что с 5 апреля 1920 года по 1 марта 1921 года состоялось 29 заседаний Пленума ЦК, 66 заседаний Политбюро и 102 заседания Оргбюро: в среднем за месяц проходило по три заседания Пленума, по шесть заседаний Политбюро и девять заседаний Оргбюро.

Сталин был одним из наиболее активных работников ЦК партии, но присутствовал он далеко не на всех заседаниях: и в

1920 году его на многие недели, а иногда и на месяцы отвлекали военные дела.

Мирная передышка весной 1920 года оказалась кратковременной. Теперь главными противниками Красной Армии были белополяки и Врангель, закрепившийся в Крыму.

Воспользовавшись тяжелым положением Советской Республики, белополяки в 1919 году захватили значительную территорию, населенную украинцами и белорусами, в том числе Минск. Но аппетит, как известно, приходит во время еды, и в правящих кругах Польши стали подумывать о границах, существовавших до 1772 года. На протяжении всей зимы 1919/20 года в строгой тайне на восток перебрасывались войска и военные грузы. К весне польская армия на восточной границе (около 148 тысяч человек) была полностью укомплектована и хорошо оснащена технически. В этом белополякам помогали правительства Франции и Великобритании.

Советское правительство не желало войны и многократно предлагало польскому урегулировать отношения путем переговоров, соглашаясь установить границу с Польшей по линии, проходившей восточнее даже Минска. Но польское правительство уклонялось от переговоров, выставляя совершенно неприемлемые условия, и истолковывало уступчивость советской стороны как признак слабости.

Советское правительство и Главное командование Красной Армии предвидели возможность конфликта. Еще в феврале Ленин затребовал от командования Западного фронта доклад о состоянии войск. 26 февраля командование Юго-Западного фронта (Егоров, Сталин) представили Главкому свои

соображения, где среди прочего говорилось: "С поляками, безусловно, придется драться... Полагаем, что при будущих действиях против поляков нельзя ограничиться главным ударом на участке Западного фронта, а необходимо его поддержать со стороны Юго-Западного фронта в направлении Ровно — Брест".

Главное командование, считавшее Западный фронт основным, направляло туда большую часть пополнений. На Юго-Западный фронт была все же направлена Конная армия.

Ее командование — Буденный и Ворошилов — прибыли в начале апреля в Москву. Они настаивали, чтобы переброска Конармии шла походным порядком, предполагая, и справедливо, что по железной дороге эта переброска займет несколько месяцев. Главком Каменев, начальник полевого штаба Лебедев и начальник оперативного управления Шапошников не согласились с предложением командования Конармии. Попытались Буденный и Ворошилов попасть на прием к Троцкому, но тот их не принял, велев передать через секретаря, что занят делами на IX съезде партии.

Помог конармейцам Сталин. Он выслушал их жалобу, пригласил на съезд и обещал организовать встречу с Лениным.

Владимир Ильич, надо думать, занят был делами никак не менее Троцкого, но для обстоятельной беседы с Буденным и Ворошиловым оно, конечно, нашлось.

Вот это и есть тот самый Буденный? — спросил Ленин,здороваясь с ним за руку.

Он самый и есть! — подтвердил Сталин.

Как дела, товарищ Буденный?

Слава Богу, — вырвалось у Буденного, и он смутился было.

Значит, хорошо! — рассмеялся Ленин...

Буденный и Ворошилов, поддержанные Сталиным, сумели убедить Ленина, и он велел им передать Главкому, что согласен с мнением командования Конной армии. И 11 апреля с правого берега Кубани армия двинулась на Украину...

25 апреля польская армия начала на Украине широкое наступление. Силы были слишком неравны, и войска 12-й и 14-й армий отступали. 6 мая белополяки захватили Киев.

Ленин заслушал доклад Главкома о контрнаступлении. На заседании Политбюро 26 апреля обсуждалось положение на Украине; было решено снять все, что возможно, с Кавказского фронта и направить на Юго-Западный. Освободив Сталина от обязанностей члена РВС Юго-Западного фронта, Политбюро поручило ему общий контроль за исполнением намеченных на заседании мер по организации отпора врагу и укреплению обоих фронтов. Тем самым ЦК применил очень верный способ взаимодействия фронтов. В годы гражданской войны такие случаи были исключением, но во время Великой Отечественной Сталин применял его часто и с большим успехом.

По поручению Политбюро Сталин вместе с Главкомом уточнил окончательный вариант плана действий и доложил о нем. 28 апреля Политбюро одобрило план Главного командования, по которому основной удар наносили войска Западного фронта севернее Полесья, а вспомогательный — Юго-Западный.

Чтобы нанести контрудар, надо было перевезти много войск, снабдить их боеприпасами, продовольствием. Это требовало и времени, и сил. Сталин энергично принимается за снабжение армии. 10 мая на заседании СТО создается комиссия во главе со Сталиным по снабжению войск Западного фронта одеждой. 14 мая Сталин сделал на заседании СТО доклад по этому вопросу, и тут же его

назначили председателем еще одной комиссии — по снабжению армии патронами, винтовками и пулеметами. 17 мая Сталин провел заседание этой комиссии, 21 мая выступил на заседании СТО с сообщением о результатах работы...

На Западном фронте советские армии в середине мая перешли в наступление; оно развивалось поначалу успешно, но вскоре польские войска начали контратаковать. Советские войска вынуждены были сначала остановиться, а затем и попятить-

ся. Требовалось ускорить переход в наступление Юго-Западного фронта на Украине.

В третий раз подряд в мае Сталин получает новое назначение: 18 мая его направляют членом РВС Юго-Западного фронта. В то же время его вводят в состав РВС Республики. 26 мая Сталин покинул Москву, на следующий день он был уже в Харькове, где разместился штаб фронта. Пробыв здесь несколько дней и сообщив Ленину о мерах по укреплению Крымского участка Юго-Западного фронта, Сталин выехал в Кременчуг, поближе к наступающим войскам.

Конная армия сосредоточилась к 25 мая в районе Умани.Уже то, что она совершила невиданный в истории современных войн тысячеверстный переход и прибыла в место сосредоточения в полном составе и готовности немедленно идти в бой, -одно это говорило об искусстве и воинском мастерстве ее руководителей. С приходом Конармии силы красных войск на Украине резко возросли. С 27 мая кавалеристы пошли в бой. Надень раньше начала наступление 14-я армия и фастовская группа.Однако в первые дни наступление не принесло успеха.

31 мая Сталин телеграфировал в Москву Ленину: "Теперь, когда я познакомился с положением фронта, могу поделиться с Вами впечатлениями. Основная болезнь Юго-Западного фронта — полное отсутствие пехрезервов, все три армии воюют без резервов... Результат такого положения, осложненного к тому же полным разложением частей Крымской (13-й) армии, может быть только один: пехчасти после первых успехов наступления выдохнутся, наступление будет не нарастать, а ослабевать; Конная армия, оставшаяся без серьезной поддержки со стороны пехоты, ослабнет, само же наступление в целом распылится на ряд мелких стычек..."

Направляя телеграфом ответ 2 июня в Кременчуг ("Вручить только лично Сталину для личного расшифрования), Ленин отмечал: "На Западном фронте положение оказалось хуже, чем думали Тухачевский и Главком, поэтому надо просимые Вами дивизии отдать туда, а с Кавказского фронта больше взять нельзя, ибо там восстания и положение архитревожное... Вы, конечно, помните, что по решению Политбюро наступление на Крым приостановлено впредь до нового решения Политбюро".

Предупреждение Ленина имело глубокий смысл: у командования Юго-Западного фронта, вынужденного вести борьбу на два фронта — против белополяков и пока еще сидевшего в Крыму Врангеля, — появился новый план. На следующий день Сталин в телеграмме Ленину внес на рассмотрение ЦК предложение: либо установить перемирие с Врангелем и получить возможность взять с Крымского фронта одну-две дивизии, либо отбросить всякие переговоры с Врангелем, ударить по нему и, разбив белогвардейцев, высвободить силы для боевых действий

против белополяков. Сталин просил Политбюро "принять все меры к тому, чтобы обеспечить перемирие и возможность переброски частей с Крымского фронта, либо, если это не предоставляется возможным по обстановке, санкционировать наше наступление в целях ликвидации крымского вопроса в военном порядке".

На этой телеграмме Ленин, обращаясь к Троцкому, написал:

"Не слишком ли много жертв будет стоить? Уложим тьму наших солдат. Надо десять раз обдумать и примерить. Я предлагаю ответить Сталину: "Ваше предложение о наступлении на Крым так серьезно, что мы должны осведомиться и обдумать архиосторожно. Подождите нашего ответа".

4 июня, видимо, во время заседания СТО Ленин получил новую телеграмму из Кременчуга. Сталин сообщал о намерении Врангеля вскоре начать наступление. На телеграмме Ленин написал Троцкому: "Надо сообщить Главкому и затребовать его заключение. Пришлите мне, получив его мнение, Ваш вывод на заседании Совета Обороны или поговорим (если не поздно кончится) по телефону".

Троцкий, чрезвычайно амбициозный и тщеславный, прочитав телеграмму Сталина, в ответе на записку Ленина не смог удержаться от замечания: мол, Сталин, обращаясь к Ленину непосредственно, тем самым нарушает субординацию (подобные сведения должен был бы направить Главкому Егоров). Ленин пишет вновь: "Не без каприза здесь, пожалуй. Но обсудить надо спешно. А какие чрезвычайные меры?"

Было запрошено мнение Главкома: ЦК партии обсудил предложение командования Юго-Западного фронта и решил, что наступление против Врангеля возможно лишь после тщательной подготовки и с учетом дипломатических обстоятельств. 5 июня в телеграмме на имя Ленина и в РВС Республики Сталин писал: "Значит, нужно готовиться... Понятно, что без санкции ЦК ничего не будет предпринято".

Ленин обязал Главкома ускорить переброску резервов на Юго-Западный фронт. Но готовиться долго не пришлось: 6 июня Врангель вышел из Крыма. Части 13-й армии сопротивлялись упорно. 9 июня белые заняли Мелитополь, 12 июня красные отошли на правый берег Днепра, оставив Каховку. Юго-Западный фронт вынужден был теперь вести боевые действия на двух направлениях.

Но на польском участке фронта обстоятельства складывались, можно сказать, блестяще. Командование Конармии самым тщательным образом учло уроки предыдущих боев. РВС фронта (и Егоров, и Сталин) многое сделали для подготовки мощного удара, и 5 июня Конармия прорвала фронт белополяков.

"Глава польского государства" Пилсудский называл идею организации Конной армии — крупного кавалерийского объе-

динения — "стратегической нелепостью". Теперь эта "нелепость" опрокидывала одну за другой лучшие польские дивизии и, вызывая панику в штабах, быстро углублялась в тыл противника. 7 июня кавалеристы Буденного овладели Житомиром, откуда польскому штабу пришлось спешно бежать, и Бердичевом. На следующий день они разбили неприятельскую кавалерию у Белополья и повернули на восток, на Фастов, грозя окружением польским войскам в Киеве. В наступление перешли 12-я и 14-я советские армии, и 12 июня был окончательно освобожден Киев — многострадальный город, в котором за три года революции и гражданской войны власть менялась полтора десятка раз. Советские войска продолжали наступать, белопольский фронт на Украине рушился...

К 20 июня Сталин возвратился в Харьков, а 24 июня выехал в Синельникове Перед отъездом он беседовал с корреспондентом харьковской газеты о положении на Юго-Западном фронте. Рассказав о прорыве фронта белополяков и об успешном наступлении, Сталин считал необходимым подчеркнуть:

" — ...Впереди еще будут бои, и бои жестокие.

Поэтому я считаю неуместным то бахвальство и вредное для дела самодовольство, которое оказалось у некоторых товарищей: одни из них не довольствуются успехами на фронте и кричат о "марше на Варшаву", другие, не довольствуясь обороной нашей Республики от вражеского нападения, горделиво заявляют, что они могут помириться лишь на "красной советской Варшаве".

Я не буду доказывать, что это бахвальство и это самодовольство совершенно не соответствуют ни политике Советского правительства, ни состоянию сил противника на фронте..."[1]

В первую очередь слова эти, несомненно, были направлены против Троцкого и его окружения, именно они требовали немедленного "марша на Варшаву" и не склонны были реально оценить обстановку, руководствуясь в основном "сверхреволюционной" фразеологией. Эту же мысль о бахвальстве, "подрывающем энергию наших работников и развивающем вредное для дела самодовольство", Сталин высказал и в беседе с корреспондентом "Правды" в начале июля 1920 года. В Синельникове, на крымском участке фронта, Сталин занимался подготовкой контрнаступления против врангелевцев. К 24 июня их продвижение было остановлено. К началу июля начали наступать и советские войска, но успеха не добились. Это еще раз подтвердило, насколько серьезным противником был Врангель.

3 июля Сталин возвращается в Харьков, а 7-го выезжает в Москву. Наступление советских войск против белополяков на

[1] Сталин И.В. Соч. Т.4. С.333.

Украине продолжалось с успехом: к 10 июля Конная армия овладела Ровно, за день до этого 14-я армия очистила Проскуров. 4 июля перешли в наступление и армии Западного фронта. Крупный успех не заставил себя ждать: 11 июля был освобожден Минск, польские войска быстро отходили...

В Москве Сталин участвовал в совещании, где решалось — как быстрее расправиться с Врангелем. Сталин, Главком Каменев, начальник полевого штаба Лебедев и заместитель председателя РВС Республики Склянский пришли к выводу: в ближайшее время на крымский участок фронта следует направить крупные силы. 11 июля Сталин представил Ленину список частей и подразделений, намеченных к переброске, а сам выехал в Харьков.

Ленин очень внимательно следил за ходом дел на крымском участке фронта. 12 июля в телефонограмме он указывал Сталину на необходимость быстрее разгромить Врангеля. 14 июля Сталин выехал на фронт в Волноваху, 16 июля посетил Мариуполь, где ознакомился с Азовской флотилией. Лишь 20 июля он возвратился в Харьков.

Подготовку к наступлению не удалось завершить: в конце июля врангелевцы сами начали наступление в Северной Таврии. Атаки противника заставили красные войска на некоторых участках отступить, но решительного успеха Врангель не достиг.

К началу августа Красная Армия освободила территорию Белоруссии и Украины от польских оккупантов и вышла к границам Польши. Советское правительство хотело бы прекратить кровопролитие и начать мирные переговоры, но не получило в этом согласия правительства Польши, которое шло на поводу у государств Антанты. Оставалось одно: продолжая наступление, окончательно разбить польскую армию.

2 августа Политбюро, рассмотрев обстановку на юге страны, решило создать самостоятельный Южный фронт для борьбы с Врангелем. Сталину поручалось сформировать РВС нового фронта, на пост командующего предполагалось назначить Егорова или Фрунзе. Политбюро постановило также объединить Юго-Западный и Западный фронты.

В этот же день в Лозовой, куда он приехал еще 31 июля, Сталин получил телеграмму от Ленина: "Только что провели в Политбюро разделение фронтов, чтобы Вы исключительно занимались Врангелем. В связи с восстаниями, особенно на Кубани, а затем и в Сибири, опасность Врангеля становится громадной и внутри Цека растет стремление тотчас заключить мир с буржуазной Польшей. Я Вас прошу очень внимательно обсудить положение с Врангелем и дать Ваше заключение. С Главкомом я условился, что он даст Вам больше патронов, подкреплений и аэропланов..."

Сталин немедленно дал ответ: "Жестокие бои продолжаются с возрастающей силой, должно быть, сегодня потеряем Алек-

сандровск. Вашу записку о разделении фронтов получил, не следовало бы Политбюро заниматься пустяками. Я могу работать на фронте еще максимум две недели, нужен отдых, поищите заместителя. Обещаниям Главкома не верю ни на минуту, он своими обещаниями только подводит. Что касается настроения ЦК в пользу мира с Польшей, нельзя не заметить, что наша дипломатия иногда очень удачно срывает результаты наших военных успехов".

Трудно объяснить, чем было вызвано столь резкое высказывание Сталина, видимо, он действительно очень переутомился, а раздражительность была свойственна ему в подобных случаях и впоследствии. Ленин отвечал 3 августа: "Не совсем понимаю, почему Вы недовольны разделением фронтов. Сообщите Ваши мотивы. Мне казалось, что это необходимо, раз опасность Врангеля возрастает. Насчет заместителя сообщите Ваше мнение о кандидате. Также прошу сообщить, с какими обещаниями опаздывает Главком . Наша дипломатия подчинена Цека и никогда не сорвет наших успехов, если опасность Врангеля не вызовет колебаний внутри Цека..."

Видимо, этот ответ подействовал на Сталина, так как в телеграмме в ЦК, отправленной 3 августа, он ничего не писал о своем несогласии с решением разделить Юго-Западный фронт. Сталин настаивал на том, что аппарат и имущество Юго-Западного фронта не следует делить: они остаются новому Южному фронту, а передаваемые Западному фронту 12-я и 1-я Конная армии должны обслуживаться РВС и штабом Западного фронта в их нынешнем виде. В телеграмме говорилось, что такая комбинация "дала бы возможность объединить все антипольские армии в единый Запфронт, чего я добивался и ранее...".

Эти соображения Сталина были одобрены РВС Республики и рассмотрены 5 августа на Пленуме ЦК. Было принято решение: "Утвердить предложенный тов. Сталиным вариант, принимаемый РВСР".

Пленум решал крайне важный вопрос: каковы перспективы войны, наступать ли на Варшаву и Львов? Накануне Ленин запросил мнение членов ЦК и военного командования. Ответ РВСР был категоричным и предельно оптимистичным: 16 августа Красная Армия будет в Варшаве. Между тем Троцкий, как председатель РВСР, должен был знать и, несомненно, знал, что наступавшие советские войска понесли большие потери, что они утомлены и ослаблены, что они оторвались от тылов на двести — четыреста километров, что снабжение войск нарушено...

Кроме того, Троцкий, не сообщив в ЦК об истинном положении в войсках, в то же время чрезвычайно преувеличивал слабость тыла польской армии, не брал в расчет настроение польского населения. Трезвая оценка реальной политической

обстановки в Польше подменялась у Троцкого трескучими фразами о "мировой революции".

Степень разгрома белополяков переоценивал и командующий Западным фронтом Тухачевский, и член РВС фронта Смилга, считавший еще в конце июля положение Варшавы безнадежным.

Ленин спрашивал мнение и Сталина. 4 августа в Лозовую полетела телеграмма: "Завтра в шесть вечера назначен Пленум ЦК. Постарайтесь до тех пор прислать Ваше заключение о характере заминок у Буденного и на фронте Врангеля, а равно и о наших военных перспективах на обоих этих фронтах. От Вашего заключения могут зависеть важнейшие политические решения".

В этот же день Сталин дал ответ: "...Я не знаю, для чего, собственно, Вам нужно мое мнение, поэтому я не в состоянии передать Вам требуемого Вами заключения и ограничиваюсь сообщением голых фактов без освещения. Заминка Буденного временная, противник бросил на Буденного литовскую, луцкую и галицкую группы в целях спасения Львова. Буденный уверяет, что он разобьет противника (он уже взял

большое количество пленных), но Львов будет взят, очевидно, с некоторым опозданием. Словом, заминка Буденного не означает перелома в пользу противника. Что касается Врангеля, мы теперь хотя и слабы по причинам, изложенным выше, но все же сдерживаем противника; не позднее как через неделю мы пустим в ход 30 тыс. свежих штыков..."

Как видно, Сталин был гораздо более осторожен в выводах и предложениях по сравнению с настроениями, господствовавшими как среди командиров Западного фронта, так и в РВС Республики. К тому же, как только Сталину на следующий день, 5 августа, стали известны новые сведения об упорном сражении Конармии с поляками у Брод, он телеграфировал в Москву о необходимости предоставить ей отдых и пополнение: "В связи с этим Буденный со вчерашнего дня перешел от наступления к обороне, причем на занятие Львова в ближайшие дни нельзя рассчитывать". В отличие от Троцкого, он не суетился.

Пленум ЦК 5 августа одобрил дальнейшее наступление Красной Армии на польском фронте. Конная армия, 12-я и 14-я армии должны были перейти в подчинение командующего Западным фронтом. Но немедленных и недвусмысленных распоряжений на этот счет Главком не сделал. На отдых из боя командование Конармии смогло оттянуть с фронта лишь две дивизии из четырех. Вплоть до 10 августа Главком и командующие фронтами вели переговоры и переписку по организационным вопросам передачи армий. Тухачевский просил временно осуществлять управление передаваемыми ему армиями через оперативный пункт, созданный силами и средствами

штаба Юго-Западного фронта. РВС Юго-Западного фронта, не возражая против передачи Конармии, 12-й и 14-й армий, в то же время в телеграмме Главкому от 8 августа отмечал, что создание оперативного пункта повлечет за собой раздробление и дезорганизацию штабного аппарата Юго-Западного фронта.

12 августа РВС Юго-Западного фронта приказал 1-й Конной в кратчайший срок мощным стремительным ударом уничтожить противника на правом берегу Буга, форсировать реку и "на плечах бегущих остатков 3-й и 6-й польских армий захватить город Львов". 1-я Конная армия приступила к выполнению приказа, но сделать это оказалось нелегко, польские войска сопротивлялись отчаянно.

Можно предположить, что до 11 августа Главком рассчитывал на овладение Варшавой силами одного лишь Западного фронта. Но после настоятельных требований Тухачевского 11 августа Каменев отдал Юго-Западному фронту две директивы, в которых категорически предписывалось передать в подчинение командующего Западным фронтом 12-ю и 1-ю Конную армии и соответственно изменить им задачи. Но по техническим причинам директивы эти достигли штаба Юго-Западного фронта только 13 августа, когда 1-я Конная уже ввязалась в бои за Львов.

В ответе РВС Юго-Западного фронта Главкому говорилось: "Доношу, что ваши № №... только что получены и расшифрованы. Причина запоздания выясняется. Армии Югзапфронта выполняют основную задачу овладения районом Львова, Равва-Русская и втянуты уже в дело... Изменение основных задач армиям в данных условиях считаю уже невозможным. Командюгзап Егоров, член РВСР Сталин".

Главком настаивал на исполнении директивы, и Егоров заготовил проект соответствующего приказа, но Сталин отказался его подписать. Без подписи же члена РВС приказ считался недействительным .

Поскольку твердость Сталина при решении принципиальных вопросов была хорошо известна, Егоров не стал его уговаривать, а обратился ко второму члену РВС фронта, Берзину, с предложением подписать приказ. Берзин, ведавший вопросами тыла фронта, поначалу отказывался: если отказался подписать Сталин, который в курсе всех оперативных вопросов, то он, Берзин, в данный момент далек от оперативных вопросов. Только после соответствующих разъяснений зам. председателя РВСР Склянского Берзин подписал приказ.

14 августа Сталин получил телеграмму из секретариата ЦК:"Трения между Вами и Главкомом дошли до того, что (далее нерасшифровано) необходимо выяснение путем совместного обсуждения при личном свидании, поэтому просим возможно скорее приехать в Москву". В тот же день Сталин уехал в Харьков, а 17 августа выехал в Москву.

Тем временем 13 августа армии Западного фронта начали операцию по овладению Варшавой. Поначалу советским войскам сопутствовал успех, но 16 августа польские войска перешли в контрнаступление, советские армии не смогли его одержать и начали отступать от Вислы. Взять Варшаву не удалось.

Положение на фронте обсуждалось 19 августа на заседании Политбюро ЦК. Были заслушаны доклады РВСР и Сталина о положении на польском и врангелевском фронтах и принято развернутое решение. Врангелевский фронт был признан главным.

Через несколько дней, 25 августа, Сталин представил в Политбюро записку о создании резервов для армии. Методично, по пунктам, он излагал программу организации и подготовки резервов, и видно, что автор записки глубоко продумал ее. Вопрос обсуждался в ЦК, Троцкий пытался доказать, что подготовка резервов уже налажена. Тогда 30 августа Сталин написал заявление в Политбюро: "Ответ Троцкого о резервах есть отписка.<...> Нужно раз навсегда отказаться от вредной "доктрины", по которой гражданским ведомствам предоставляется снабжать войска, а все остальное — Полевому штабу. ЦК должен знать и контролировать *всю работу* органов военного ведомства, не исключая подготовки боевых резервов и полевых операций, если он не хочет очутиться перед новой катастрофой..." [1]

Под катастрофой Сталин подразумевал поражение советских войск на Висле. Причины поражения уже тогда оживленно обсуждались, и диспут этот продолжался в последующие несколько десятилетий.

Причины поражения, несомненно, сложны, и в первую очередь за него ответственны командование Западного фронта, начавшие наступление без соответствующей подготовки, Главком , не обеспечивший должного руководства, и Троцкий, неправильно информировавший ЦК о положении на польском фронте. Но уже и в августе 1920 года находились охотники свалить хотя бы часть вины за поражение с больной головы на здоровую. В частности, раздавались упреки командованию Юго-Западного фронта в задержке 1-й Конной армии под Львовом, что якобы решающим образом отразилось на исходе сражения.

Сталин обратился в ЦК с просьбой освободить его от военной работы. 1 сентября Политбюро решило освободить Сталина от должности члена РВС Юго-Западного фронта. Однако он остался членом РВС Республики.

На несколько недель Сталин получает отпуск и возвращается к делам в конце сентября 1920 года: он принимал участие в ра-

[1] Сталин И.В. Соч. Т.4. С.348,349.

боте 9-й партийной конференции. С политическим отчетом выступал Ленин, уделивший главное место в нем политике ЦК в войне с Польшей. Ленин отметил, что ошибки, имевшие место во время наступления на Варшаву, следует искать как в области политики, так и стратегии. Делегаты конференции (Ф. Я. Кон, С. К. Минин, М. М. Хатаевич) в выступлениях, стремясь разобраться в причинах поражения, высказывали критические замечания в адрес военного ведомства и в адрес самого ЦК.

Сталин заявил, что если бы до наступления на Варшаву военное командование информировало в полной мере ЦК о тяжелом состоянии войск фронта, то наступление, несомненно, было бы временно отсрочено. Но так как это не было сделано, то и последовало поражение, вину за которое,

аргументировал Сталин, несут высшие военные органы и командование Западного фронта. В то же время Сталин защищал позицию командования Юго-Западного фронта. Он говорил, что если бы 1-я Конная армия взяла Львов (а она находилась в восьми километрах от города), то это была бы самая реальная помощь отступающим армиям Западного фронта, однако Тухачевский перебросил армию Буденного из-под Львова.

Теперь, когда военные дела на некоторый срок вышли из сферы деятельности Сталина, он мог отводить больше времени двум подведомственным комиссариатам. 15 октября он выступил с речью при открытии 1-го Всероссийского совещания ответственных работников РКК. Охарактеризовав цели и задачи рабоче-крестьянской инспекции, нарком описал состояние дел, отметив многие недостатки, и так определил ее основную заповедь:

— ...Не щадить отдельных лиц, какое бы они положение ни занимали, щадить только дело, только интересы дела.

Задача эта очень трудная и деликатная, она требует большой выдержки и большой чистоты, безукоризненной чистоты со стороны работников. К прискорбию, я должен сказать, что в ходе нескольких фактических ревизий некоторых учреждений, здесь у нас в Москве, сами агенты контроля оказались не на высоте призвания. Я должен заявить, что против таких агентов комиссариат будет неумолим...[1]

Больше времени было теперь у Сталина и для работы в Наркомнаце. 10 октября в "Правде" была опубликована его статья о политике Советской власти по национальному вопросу, как бы подводящая итог за три года.

"Требование отделения окраин от России, — писал Сталин, — как форма отношений между центром и окраинами должно быть исключено не только потому, что оно противоречит самой постановке вопроса об установлении союза между центром и

[1] Сталин И.В. Соч. Т.4. С. 368. 162

окраинами, но прежде всего потому, что оно противоречит в корне интересам народных масс как в центре, так и окраин... Достаточно взглянуть на отделившиеся от России Грузию, Армению, Польшу, Финляндию и т. д., сохранившие лишь видимость независимости, а на деле превратившиеся в безусловных вассалов Антанты, достаточно, наконец, вспомнить недавнюю историю с Украиной и Азербайджаном, когда первая расхищалась немецким капиталом, а второй — Антантой...

либо вместе в Россией, и тогда — освобождение трудовых масс окраин от империалистического гнета;

либо вместе с Антантой, и тогда — неминуемое империалистическое ярмо.

Третьего выхода нет..."[1]

Теперь, спустя семь десятилетий, эти слова хочется снова и снова перечитывать...

Кавказ оставался сложным узлом противоречий. Кавказское бюро РКП(б) просило ЦК командировать Сталина на Кавказ. 18 октября он был уже в Ростове-на-Дону.

На следующий день он выступил с докладом о задачах РКП(б) в местностях, населенных народами Востока, на заседании Кавбюро, а 21 октября выехал во Владикавказ. Ознакомившись с положением, 26 октября Сталин информировал ЦК о положении дел. С 27 по 29 октября во Владикавказе с участием Сталина состоялось Краевое совещание коммунистических организаций Дона и Кавказа. В докладе о политическом положении Сталин подчеркнул необходимость активнее бороться с происками агентов

Антанты. Обратим внимание на следующие слова Сталина, особенно важные в свете дальнейшей деятельности его на важнейших партийных и государственных постах:

— ...Некоторые участники Октябрьского переворота были убеждены в том, что социалистическая революция в России может увенчаться успехом и успех этот может быть прочным лишь в том случае, если непосредственно за революцией в России начнется революционный взрыв на Западе.<...>

Этот взгляд... был опровергнут... ибо социалистическая Россия, не встретившая прямой революционной поддержки со стороны западного пролетариата и окруженная враждебными государствами, с успехом продолжает свое существование и развитие уже три года" [2] .

О поразительных итогах трехлетнего существования Советской власти Сталин говорил и в Баку, куда он выехал 30 октября.

4 ноября при его участии в Баку состоялось заседание Политбюро ЦК КП(б) Азербайджана и Кавбюро ЦК РКП(б), об-

[1]Сталин И.В. Соч. Т.4. С. 352-353.

[2]Там же.

судившее положение в Армении и линию на переговорах с Грузией. 6 ноября, в канун третьей годовщины Октября, Сталин сделал в Бакинском Совете доклад об этой знаменательной дате.

12 ноября Сталин и Серго Орджоникидзе в теплушке приехали из Баку в Темир-Хан-Шуру. Грохотали орудия — в горах шел бой. Улицы и базар были заполнены вооруженными людьми.

13 ноября в семь часов вечера открылся Чрезвычайный съезд народов Дагестана. Сталин по поручению Советского правительства зачитал Декларацию об автономии Дагестана.

—Дагестан должен быть автономным, — говорил Сталин, —он будет пользоваться внутренним самоуправлением, сохраняя братскую связь с народами России...

Разоблачая националистическое толкование автономии и лживые фразы о "независимости", Сталин заявил, что автономия не означает и не может означать отделение Дагестана от Советской России.

—...Автономия — не представляет независимости. Россия и Дагестан должны сохранить между собой связь, ибо только в этом случае Дагестан сможет сохранить свою свободу[1] .

Строительство и укрепление великого в близком будущем Советского Союза неуклонно и целенаправленно продолжалось.

[1] Сталин И.В. Соч. Т.4. С. 395 - 396. 164

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава одиннадцатая

На некоторое время член Политбюро РКП (б) Сталин отошел от военных дел.

Теперь он мог вплотную заняться работой в Наркомнаце и НКРКИ: в годы гражданской войны для этого не всегда удавалось выкроить время. Обстоятельство это было отмечено и Лениным. 17 марта 1921 года в письмах к Иоффе, жаловавшемуся на якобы плохое отношение к нему ЦК, Ленин отвечал, что "судьба" в годы гражданской войны бросала из одного конца страны в другой многих видных коммунистов: "Я это видел на многих работниках. Пример — Сталин. Уж, конечно, он-то бы за себя постоял. Но "судьба" не дала ему *ни разу* за три с половиной года быть *ни* наркомом РКИ, *ни* наркомом национальностей. Это факт".

В начале 1921 года обстановка настоятельно требовала резкого изменения экономической политики. Следовало отказаться от "военного коммунизма". Ленин разработал соответствующие меры в экономике для новых исторических условий; они получили наименование "новой экономической политики" и были утверждены X съездом партии в марте 1921 года.

Сталин на съезде выступал 10 марта с докладом об очередных задачах партии в национальном вопросе. Сталин рассмотрел национальные взаимоотношения в дореволюционное время, их развитие за годы Советской власти; говорил об общем направлении национальной политики партии.

165

—Хотя при советском режиме в России и республиках, — говорил Сталин, — связанных с Россией, нет уже ни господствующих, ни бесправных наций, ни метрополии, ни колоний, ни эксплуатируемых, ни эксплуататоров, тем не менее национальный вопрос все же существует в России. Суть национального вопроса в РСФСР состоит в том, чтобы уничтожить ту фактическую отсталость (хозяйственную, политическую, культурную) некоторых наций, которую они унаследовали от прошлого, чтобы дать возможность отсталым народам догнать центральную Россию и в государственном, и в культурном, и в хозяйственном отношениях [1] .

На съезде Сталина вновь избрали в ЦК. По количеству полученных голосов он прошел шестым, получив 458 голосов из 479. Это было больше, чем получили Троцкий, Бухарин, Зиновьев, Каменев — люди, с которыми Сталин, отстаивая линию партии, не раз столкнется в ближайшие годы. Единогласно в ЦК прошел только Ленин.

Еще в конце 1920 года троцкисты навязали партии так называемую "дискуссию о профсоюзах". В Центральном Комитете Ленину пришлось крепко поспорить с оппозиционерами — и поначалу перевес был не на его стороне. 7 декабря 1920 года Пленум ЦК обсудил вопрос, но ленинская точка зрения не получила большинства. Троцкого поддержал Бухарин и секретарь ЦК Крестинский. В Политбюро только Сталин поддерживал Ленина, Зиновьев и Каменев колебались.

Пресловутая "дискуссия о профсоюзах" хорошо известна, но ни у нас, ни за рубежом до сих пор нет ни одной научной публикации об этом. Дело в том, что вопрос о профессиональных рабочих организациях был лишь поводом, причем завуалированным, в борьбе за власть над победившей в гражданской войне Советской Россией. Троцкий предлагал "завинтить гайки" в профсоюзах (читай: в Советском государстве), то есть установить прямую военную диктатуру (при своем главенстве, разумеется). Ленин понял, куда ветер дует, и резко выступил против. Сталин не колебался в его поддержке. Во-первых, он всегда высоко чтил авторитет Ленина и в отличие от фанфарона Троцкого даже мысли не имел с ним тягаться. Во-вторых, он-то знал и давно понял Троцкого, пожалуй, лучше, чем сам Ленин.

На X съезде оппозиция была разгромлена. Подавляющим большинством голосов съезд принял предложенную Лениным резолюцию "О единстве партии", воспрещавшую какие-либо проявления фракционной деятельности в партии. Невыполнение этого требования влекло за собой безусловное и немедленное исключение из партии. "Мы — не дискуссионный клуб", —

[1] С т а л и н И. В. Соч.-Т .5.- С.39. 166

заявил на съезде Ленин. Эту фразу не раз повторит впоследствии Сталин.

На пленуме ЦК он вновь был избран в Политбюро и Оргбюро.

Здоровье Сталина было расшатано беспрерывной и изнурительной работой на износ в годы революции и гражданской войны. Ленин беспокоился за состояние его здоровья. По свидетельству С.К. Гиля, по нескольку раз в день звонил Ленин в Боткинскую больницу, ездил к профессору Розанову, который оперировал Сталина, просил врачей в любое время дня и ночи вызывать его в больницу, если состояние больного ухудшится. Когда операция прошла успешно, Ленин стал советоваться с Розановым.

—Опасность миновала? Очень хорошо! Куда вы советуете отправить его для полного выздоровления? Только не в санаторий. Они у нас еще недостаточно хороши. Может быть, на Юг?Или в горы?

В конце мая Сталин выехал на лечение в Нальчик. Пробыв там месяц, он не выдержал более и в конце июня направился в Тифлис.

Целое десятилетие не видел он родины. Буря революции и гражданской войны оставила глубокие следы и в солнечной Картли, и во всем Закавказье, здесь были свои особенности и трудности. О том, как приступать к строительству нового общества на этой многонациональной окраине страны, каковы ближайшие задачи, и шла речь на пленуме Кавказского бюро ЦК РКП (б) в начале июля 1921 года. Сталин руководил работой пленума.

6 июля на общем собрании тифлисских коммунистов Сталин выступил с докладом "Об очередных задачах коммунизма в Грузии и Закавказье". На основании указаний Ленина и решений X съезда он формулировал эти задачи так: развернуть работу по восстановлению народного хозяйства; создать здоровую атмосферу интернационализма и объединить усилия республик Закавказья; укрепить партийные организации. Примечательна та часть речи Сталина, где он поделился некоторыми своими впечатлениями о Закавказье после гражданской войны:

—Я помню годы 1905 — 1917-е, когда среди рабочих и вообще трудящихся национальностей Закавказья наблюдалась полная братская солидарность, когда узы братства связывали армянских, грузинских, азербайджанских и русских рабочих в одну социалистическую семью. Теперь, по приезде в Тифлис, я был поражен отсутствием былой солидарности между рабочими национальностей Закавказья. Среди рабочих и крестьян развился национализм, усилилось чувство недоверия к своим инонациональным товарищам: антиармянского, антитатарского, антигрузинского, антирусского и всякого другого национализма теперь хоть отбавляй... Очевидно, три года существования нацио-

налистических правительств в Грузии (меньшевики), в Азербайджане (мусаватисты), в Армении (дашнаки) не прошли даром.

Ленин по-прежнему следил за состоянием здоровья Сталина. 4 июля он телеграфировал Орджоникидзе: "Удивлен, что вы отрываете Сталина от отдыха. Сталину надо бы еще отдохнуть не меньше 4 или 6 недель. Возьмите письменное заключение хороших врачей..."

Сталин, однако, не мог и не хотел полностью предаться отдыху; 7, 8, 14 июля он участвовал в работе пленума ЦК КП(б) Грузии. По его предложению пленум обстоятельно обсудил вопрос о политике грузинских коммунистов в восстановлении народного хозяйства и укреплении Советской власти.

17 июля Ленин вновь осведомляется у Орджоникидзе о здоровье Сталина; 25 июля Ленин спрашивает, на сколько дней отрывали Сталина от отдыха, и просит сообщить фамилию и адрес доктора, лечившего его. Вторую половину июля Сталин находится в Нальчике и лишь 8 августа выезжает в Москву.

Дела, самые разнообразные дела, вновь овладевают Сталиным. Вот лишь некоторые, наиболее приметные.

18 августа Ленин отдает распоряжение Госплану оказать содействие Сталину в ознакомлении со всеми экономическими материалами, особенно по золотопромышленности. Сталин изучает материалы...

22 августа ЦК поручает ему общее руководство работой отдела агитации и пропаганды: на этом поприще у Сталина немалый опыт...

6 — 8 сентября Сталин участвует в заседании комиссии ЦК по улучшению работы центрального аппарата железнодорожного транспорта; транспорт — больное место в жизни страны...

22 сентября Президиум ВЦИК включает Сталина в комиссию, которая должна распределить на Северном Кавказе земли между чеченцами и казаками...

Но не будет, пожалуй, преувеличением утверждение, что в последние месяцы 1921 года и весь 1922 год больше всего времени Сталин уделял подготовке объединения советских республик в единый Союз.

В пределах РСФСР продолжалось национально-государственное строительство, в 1921 — 1922 годах были образованы новые автономные республики и области. Возглавляемый Сталиным Наркомат национальностей подготавливал основные решения Советского правительства о создании автономных республик и областей, определял их административные границы, разрешал многочисленные и разнообразные споры и недоразумения. С 1921 года Наркомнац все более интересуется экономикой национальных районов, руководит национальными культурными учреждениями. В ведении Наркомнаца состоял Институт востоковедения, Коммунистический университет народов Востока, где Сталин не раз читал доклады. Наркомат

представляет правительству заключение по законоположениям, выработанным другими наркоматами, следит за проведением на окраинах кодексов законов, устанавливает связи с Академией наук для изучения национального и племенного состава населения страны, ведет кампанию по борьбе с голодом и т. д..

Советские республики вплотную подошли к созданию многонационального союзного государства. Важным этапом на этом пути было объединение республик в Закавказье. Еще в июле 1921 года Кавбюро ЦК РКП(б) в присутствии Сталина признало необходимым создать комиссию по объединению хозяйственной деятельности Закавказских республик. В начале ноября Кавбюро (в работе его участвовал секретарь ЦК В.М. Молотов) приняло решение о создании Закавказской федерации. Но в ЦК Компартии Грузии сразу же обнаружилась группа националистов во главе с П. Г. Мдивани, упорно противодействующих курсу на сближение народов Закавказья.

Ленин разработал проект решения Политбюро ЦК, в котором, в противовес группе Мдивани, подчеркивалось: "1. Признать федерацию Закавказских республик принципиально абсолютно правильной и безусловно подлежащей осуществлению, но в смысле немедленного практического осуществления преждевременной, т.е. требующей нескольких недель для обсуждения, пропаганды и проведения снизу..."

28 ноября проект этот был прислан Сталину, и он отвечал: "Тов. Ленин. Против вашей резолюции я не возражаю, если согласитесь. принять следующую поправку: вместо слов "требующей нескольких недель обсуждения" в пункте 1 сказать: "требующей известного периода времени для обсуждения" и т. д.., согласно вашей резолюции. Дело в том, что "провести" федерацию в Грузии "снизу" в "советском порядке" в "несколько недель" нельзя, так как в Грузии Советы только начинают строиться. Они еще недостроены. Месяц назад их не было вовсе, и созывать там съезд Советов в "несколько недель" немыслимо, — ну, а Закавказская федерация без Грузии будет бумажной федерацией. Думаю, что

нужно положить 2 — 3 месяца на то, чтобы идея федерации одержала победу в широких массах Грузии"[1] .

Аргументация Сталина была достаточно убедительной, и Ленин согласился с поправкой. На следующий день ЦК партии одобрил ленинский проект постановления.

Новая экономическая политика оправдывала себя, и об этом шла речь на очередном, XI съезде партии.

Съезд открылся 27 марта 1922 года. В политическом отчете ЦК основное внимание Ленин отвел итогам первого года НЭПа и перспективам, открывающимся перед партией. Сформулированные Лениным и одобренные ЦК выводы и предложения

[1] Сталин И. В Соч.-Т .5.- С.229.

имели огромное теоретическое и практическое значение; они сохраняют это значение и по сегодня.

На XI съезде не было сколько-нибудь сколоченных оппозиционных группировок. Однако съезду пришлось дать отпор кое-кому из бывших и будущих оппозиционеров, выступавших с нападками на линию партии. Одним из наиболее ретивых был Преображенский, выражавший несогласие со многими положениями доклада Ленина. Преображенский счел необходимым и своевременным напасть и на Сталина:

—Или, товарищи, — разглагольствовал он, — возьмем, например, товарища Сталина, члена Политбюро, который является в то же время наркомом двух наркоматов. Мыслимо ли, чтобы человек был в состоянии отвечать за работу двух комиссариатов и, кроме того, за работу в Политбюро, в Оргбюро и в десятке цекистских комиссий?..

Сам Сталин на съезде не выступал, но за него замолвил весомое словечко Ленин. В заключительном слове он разгромил Преображенского и, среди прочего, сказал:

—Вот Преображенский здесь легко бросал, что Сталин в двух комиссариатах. А кто не грешен из нас? Кто не брал несколько обязанностей сразу? Да и как можно делать иначе? Что мы можем сейчас сделать, чтобы было обеспечено существующее положение в Наркомнаце, чтобы разбираться со всеми туркестанскими, кавказскими и прочими вопросами? Ведь это все политические вопросы!

Пленум вновь избранного ЦК РКП(б) состоялся 3 апреля. Было решено иметь в Секретариате ЦК новую должность — Генерального секретаря. По предложению Ленина на этот пост избрали Сталина. С тех пор на протяжении 31 года Иосиф Виссарионович оставался Генеральным секретарем ЦК партии.

Круг обязанностей его расширился. Правда, в мае 1922 года его освободили от руководства НКРКИ. Но Наркомнац по-прежнему, вплоть до его упразднения в 1923 году, оставался за Сталиным.

Воспоминания А.И. Микояна позволяют судить, каков был метод работы Генерального секретаря уже в первые недели после назначения в новую должность.

В конце апреля 1922 года Микоян был вызван из Нижнего Новгорода, где он работал. Сталин принял его и объяснил, что ЦК имеет намерение направить Микояна секретарем Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б). Микоян стал отказываться, ему не хотелось уезжать из Нижнего Новгорода. Внимательно выслушав, Сталин сказал:

—Ты только не прибедняйся. В Нижнем уже многое сделано, и ты можешь спокойно перейти на новое место, которое предлагает ЦК.

Микоян продолжал отказываться, считая, что не справится с работой на Северном Кавказе.

—Не преувеличивай трудностей, — отвечал Сталин. — Конечно, они там есть. Секретарем бюро ЦК работает сейчас Виктор Нанейшвили, которого ты должен хорошо знать еще по Баку. Он старый большевик, бывший учитель. Но он и в партийной работе сохранил стиль учителя: больше поучает и разъясняет. Организационно объединить и сплотить людей ему не удалось. Кроме Ставропольской губернии, местные организации не поддерживают бюро ЦК, считая его излишним звеном, средостением между ними и ЦК. Мы же считаем, что при существующих средствах связи и неокрепшем аппарате в самом ЦК из Москвы трудно руководить и решать специфические и действительно порой очень сложные вопросы этого края...

Уговаривать Сталин умел, и Микоян стал соглашаться, выразив только сомнение, сможет ли он сработаться с Ворошиловым, который также входил в состав Юго-Восточного бюро.

—Можешь действовать самостоятельно, — заверил Сталин, —и ничего не опасаться. Я знаю Ворошилова как толкового и умного человека. Он хороший товарищ и не будет мешать тебе в работе. Наоборот, всячески поможет. Обещаю лично поговорить с Ворошиловым.

Завершая беседу, Сталин спросил, почему Микоян так плохо выглядит. Тот объяснил, что с месяц назад около двух недель болел воспалением легких. Сталин немедленно предложил поехать отдыхать за границу — в санаторий ЦК недалеко от Риги на берегу Балтийского моря.

—Там хорошие условия, и ты сумеешь быстро подкрепиться...

Микоян описывает также заседание Пленума ЦК в середине мая 1922 года. Пленум проходил в зале заседаний СНК. За длинным столом располагались члены и кандидаты в члены ЦК, Ленин сидел во главе его, с карманными часами в руке, и строго следил за соблюдением регламента. Обстановка была сугубо деловой, никаких лишних разговоров — Ленин бы их не потерпел. Микояну запомнился спор между Сталиным и Троцким.

Троцкий делал доклад об изъятии из церквей, музеев и учреждений ценностей, не представлявших исторического или научного интереса. Их предполагалось продать за рубеж. В общем, все были согласны с положениями доклада — ценности надо поскорее реализовать, но спор вызвало предложение Троцкого о передаче пяти процентов вырученных сумм в распоряжение РВС Республики. Сталин, — вспоминает Микоян, — который сидел рядом с Троцким, выступил только по этому вопросу с возражением против предложения Троцкого. Он говорил, как обычно, тихо и спокойно, заняв своим выступлением не более одной минуты.

Троцкий, который был очень вспыльчив, тут же, что называется, вскипел и стал горячо спорить со Сталиным, доказывая

правильность своего предложения, заняв этим спором более трех минут. Тогда Ленин, показав на часы, сказал:

—Предлагаю соблюдать регламент.

Троцкий подчинился. Сталин вновь попросил слова и опять, заняв не больше минуты, спокойно сказал, что не надо определять твердый процент таких отчислений армии на все время, а надо решать этот вопрос по мере необходимости, смотря на какие цели эти средства потребуются. Вся же сумма выручки должна поступать в распоряжение правительства. Примерно так и порешили...

В конце мая 1922 года состояние здоровья Ленина резко ухудшилось. На некоторое время ему было запрещено врачами заниматься делами, и он отдыхал в Горках. В середине июля — августа 1922 года,

когда Ленин стал чувствовать себя лучше, Сталин несколько раз посетил его и в сентябре опубликовал заметки "Товарищ Ленин на отдыхе".

“...Тов, Ленин, — писал он, — во время моего первого свидания с ним в июле, после полуторамесячного перерыва, произвел на меня именно такое впечатление старого бойца, успевшего отдохнуть после изнурительных непрерывных боев и посвежевшего после отдыха. Свежий и обновленный, но со следами усталости, переутомления.”

—"Мне нельзя читать газеты, — иронически замечает тов. Ленин, — мне нельзя говорить о политике, я старательно обхожу каждый клочок бумаги, валяющийся на столе, боясь, как бы он не оказался газетой и как бы не вышло из этого нарушения дисциплины".

Я хохочу и превозношу до небес дисциплинированность тов.Ленина. Тут же смеемся над врачами, которые не могут понять,что профессиональным политикам, получившим свидание,нельзя не говорить о политике.

Поражает в тов. Ленине жадность к вопросам и рвение, не преодолимое рвение к работе...

Совершенно другую картину застал я спустя месяц. На этот раз тов. Ленин окружен грудой книг и газет (ему разрешили читать и говорить о политике без ограничения). Нет больше следов усталости, переутомления. Нет признаков нервного рвения к работе, — прошел голод. Спокойствие и уверенность вернулись к нему полностью. Наш старый Ленин, хитро глядящий на собеседника, прищурив глаз..."[1] .

Еще в первый свой приезд в Горки Сталин обнаружил свойственную ему предусмотрительность и осторожность. Не доезжая до дома, он вышел из машины и направился вокруг усадьбы. Шофер С. К. Гиль шел следом. Видимо, Сталина привлекли звуки баяна и громкое пение: на опушке парка веселилась

[1] Сталин И. ВСоч.-Т.5.- С.134 - 135.172

большая группа парней и девушек. Шуму было много. Выяснилось, что гулянка собиралась почти каждый вечер, а в воскресенье начиналась с утра. Ленин, как говорили, запретил тревожить молодежь:

—Не мешайте им. Пусть гуляют, где хотят.Но Сталин решил не так:

—Такие концерты совсем рядом с домом! Так Владимир Ильич никогда не отдохнет!

Результатом прогулки Сталина было появление в скором времени ограды вокруг усадьбы, обеспечившей спокойствие, столь необходимое больному Ленину...

В отсутствие Ленина в начале августа 1922 года состоялась XII Всероссийская партийная конференция. Рассказывая о своих впечатлениях от конференции, Микоян вспоминал спустя полвека: "Во время конференции у меня, да и у ряда других делегатов возникло недоумение, почему Сталин, в ту пору уже Генеральный секретарь ЦК партии, держался на этой конференции подчеркнуто в тени.

Кроме краткого внеочередного выступления о посещении Ленина в связи с нашим приветствием, он не делал на конференции ни одного доклада и не выступал ни по одному из обсуждавшихся вопросов.

Это не могло не броситься в глаза.

Зиновьев, например, выступал на конференции почему-то даже с двумя докладами — об антисоветских партиях и о предстоящем IV конгрессе Коминтерна, в то время как Сталин, бесспорно, мог бы подготовить и доложить вопрос, скажем, об антисоветских партиях ничуть не хуже Зиновьева, поскольку материалов и источников информации у него было не меньше, да и знал он этот вопрос не

хуже его. Зиновьев вообще держался на конференции чрезмерно активно, изображая из себя в отсутствие Ленина как бы руководителя партии.

Наконец, если открыл конференцию вступительной речью Каменев, то было бы вполне естественно, чтобы с речью о закрытии конференции выступил Генеральный секретарь ЦК партии, а получилось так, что председательствовавший на последнем заседании Зиновьев почему-то предоставил слово для закрытия конференции Ярославскому.

"Ретивость" Зиновьева я отнес тогда за счет его особой "жадности" на всякие публичные выступления и его стремления непомерно выпячивать свою персону — этим он уже славился.

Но поведение Сталина, как я уже говорил, вызывало недоумение. Я никак не мог понять, почему Сталин так себя ведет. Что это — действительно только скромность? А может быть, тактика? И какая?

Во всяком случае, такое поведение Генерального секретаря, как я понимал, не мешало, а скорее содействовало сплочению

сложившегося руководящего ядра партии. Оно повышало в глазах делегатов личный престиж Сталина".

Догадка Микояна верна. Но дело тут вовсе не в "тактике" (мемуарист, всю жизнь высоко ценивший Сталина, тут его невольно принижает). Просто-напросто Сталин был неизмеримо глубже и мудрее тех, кто легкомысленно считал себя его соперником, — Зиновьев, Троцкий, Бухарин. Никогда он не суетился, не выставлял себя, знал: не только бессмысленно это, но и вредно. В отличие от тех, он никогда не считал народ (или партийные массы) быдлом. Он верил в здравомыслие людей, самых простых. Те спешат, забегая вперед с указующим флажком? Пусть, им же хуже. Народ (партия) разберется.

Вопрос о монополии внешней торговли, один из краеугольных в советской государственной политике, оживленно и остро дискутировался на протяжении нескольких месяцев. Имелись активные поборники отмены монополии: Бухарин, Сокольников, Пятаков. Пленум ЦК на заседании 6 октября, где Ленин из-за болезни не присутствовал, принял по докладу Сокольникова постановление о некотором ослаблении монополии внешней торговли. Ленин не был согласен с решением Пленума, считал его крупной ошибкой. 12 октября он беседовал со Сталиным по этому поводу, а на следующий день направил через него письмо членам ЦК. В нем решение от 6 октября было оценено как "срыв монополии внешней торговли"; Ленин требовал отложить решение вопроса на два месяца, до нового пленума ЦК.

Среди членов ЦК не было единства по этому вопросу; Бухарин в письме от 15 октября на имя Сталина настаивал на своей позиции; Зиновьев категорически возражал против пересмотра решения. Сталин же писал членам ЦК: "Письмо т. Ленина не разубедило меня в правильности решения пленума ЦК от 6.Х о внешней торговле... Тем не менее, ввиду настоятельного предложения т. Ленина об отсрочке решения пленума Цека исполнением, я голосую *за* отсрочку с тем, чтобы вопрос был вновь поставлен на обсуждение следующего пленума с участием т. Ленина". 16 октября опросом членов ЦК было решено поступить так, как требовал Ленин и настоял Сталин.

Другим важнейшим делом, занимавшим мысли и время высших партийных и государственных деятелей во второй половине 1922 года, было создание Союза Советских Социалистических Республик.

11 августа Оргбюро ЦК образовало комиссию, которой надлежало подготовить к пленуму материал о взаимоотношениях РСФСР и независимых национальных советских республик. В комиссию кроме Сталина вошли В.В. Куйбышев, Г.К. Орджоникидзе, Х.Г. Раковский, Г.Я. Сокольников и представители национальных республик: СА. Агамали-оглы (Азербайджан),

А.Ф. Мясников (Армения), П.Г. Мдивани (Грузия), Г.И. Петровский (Украина), А.Г. Червяков (Белоруссия) и другие.

Задача комиссии была весьма сложной: следовало выработать такую форму построения государства, которая в наивысшей степени способствовала бы достижению единства советских республик и в то же время не ущемляла бы их прав.

Представленный Сталиным проект предполагал, что единым союзным Советским государством станет РСФСР, а УССР, БССР, Закавказская федерация войдут в нее на правах автономии. Высшим органом власти и управления должны были стать ВЦИК и СНК РСФСР.

Комиссия, заседавшая 23 — 24 сентября под председательством Молотова, приняла за основу проект Сталина. 25 сентября материалы комиссии были направлены Ленину в Горки. Познакомившись с ними, Ленин выступил с критикой проекта "автономизации". 26 сентября он беседовал по этому поводу со Сталиным, в последующие дни принял ряд руководящих работников Закавказья.

В письме членам Политбюро от 26 сентября Ленин изложил и обосновал принцип образования СССР на началах полного равноправия всех союзных республик. "Мы признаем себя равноправными, — писал он, — с Украинской ССР и др. и вместе и наравне с ними входим в новый союз, новую федерацию...".

6 октября Пленум ЦК утвердил новый проект; тогда же была создана комиссия под председательством Сталина, которой поручалось руководить подготовкой к образованию СССР и разработать основы его конституции. В конце ноября проект основных пунктов Конституции был готов, и 30 ноября Политбюро одобрило его.

18 декабря Пленум ЦК, рассмотрев проект Союзного договора об образовании СССР, высказался за созыв первого съезда Советов СССР. 30 декабря 1922 года в Москве и открылся этот съезд. С докладом об образовании СССР выступил Сталин.

— Товарищи! — говорил он. — В истории Советской власти сегодняшний день является переломным. Он кладет вехи между старым, уже пройденным периодом, когда советские республики хотя и действовали вместе, но шли врозь, занятые прежде всего вопросом своего существования, и новым, уже открывшимся периодом, когда отдельному существованию Советских республик кладется конец, когда республики объединяются в единое союзное государство...

Нас, коммунистов, — продолжал Сталин, — часто ругают, утверждая, что мы неспособны строить. Пусть история Советской власти за пять лет ее существования послужит доказательством того, что коммунисты умеют также и строить...[1]

[1]Сталин И. В Соч.-Т .5.- С.156,158.

Затем Сталин зачитал Декларацию и Договор об образовании СССР. 2215 делегатов утвердили их...

Так возник первый серьезный спор меж Лениным и Сталиным, причем по вопросу, имевшему, как оказалось, судьбоносное значение в истории Советского государства. Бесспорно, что Сталин был тут прав. Пресловутое "право наций на самоопределение вплоть до полного отделения", рожденное в недрах космополитического марксизма, оказалось динамитом, заложенным под государственный фундамент. Не случайно ни в одной конституции сколько-нибудь значительных государств такой самоубийственный принцип не значится.

Здесь надо сказать прямо: в данном случае Ленин-государственник уступил Ленину-русофобу. Да, так было, достаточно прочесть его сочинения по поводу российских неудач во время русско-японской или первой мировой войны. Отчего же так? С одной стороны, Ленин был воспитан на так называемой "революционной традиции", где принято было принижать все русское и православное. С другой,

Владимир Ульянов, рано потеряв отца, воспитывался матерью, дочерью выкреста, и ее родней. Это тоже не увеличивало его любви к исторической родине — России.

Ну, а Сталин — почему он, одержав после смерти Ленина победу над своими космополитическими противниками, почему он не изменил опасное ленинское положение в конституции 36-го года? Во-первых, за все тридцать лет после кончины Ленина он никогда не покушался на его наследие и память, а разногласия их 22-го года были достаточно хорошо известны. Во-вторых, создав крепкое централизованное государство, он мог не беспокоиться за его прочность. Даже в страшном сне не могло померещиться Сталину, что через тридцать лет после его смерти в Кремле засядут предатели и агенты иностранных спецслужб...

Но заметим: именно Сталин руководил образованием СССР и объявил на съезде о создании нового государства. Почему же это доверили именно ему, возражавшему Ленину в данном вопросе? А потому, что Ленин в любых случаях мог на него твердо положиться.

Ленин от рождения был крепок здоровьем и позже поддерживал его физическими нагрузками: страстный охотник, любитель велосипеда и пеших прогулок, особенно в горах. Никогда не курил, крайне редко и неохотно принимал пиво или хорошее вино.

Заметим попутно, что Сталин, напротив, здоровья был не весьма крепкого, никогда не развлекался охотой или путешествиями (каторжные переходы или ловля рыбы на Енисее для прокормления — это не "спорт"). Пил тоже мало, только добрые вина, причем нередко разбавлял их холодной водой. Рассказы Хрущева о пьянстве на сталинских застольях — ложь, причем

простоватая. Сталин очень много курил, даже по ночам. Но никакие физические слабости не мешали его неописуемой работоспособности, а также сдержанности, нервы его подводили редко, хотя случалось и такое.

Для Сталина тяжкие хлопоты в Питере не стали резким переходом от тягот в Туруханске.

Невероятное напряжение не могло не сказаться даже и на крепком здоровье Ленина. Удар пришелся, как водится, по слабому месту: нервы, головной мозг.

Ленин и вообще был весьма несдержанным и нервным. Недавно опубликованы данные, что к психиатрам он обращался еще в Лейпциге в 1900 году. До революции он лет пятнадцать провел в благополучных Франции, Австрии, Швейцарии, жил как политик и журналист довольно свободно, а с приездом в революционный Петроград сверх головы погрузился в организационную работу. После Октября к этому добавилось руководство огромной страной.

В мае 1922 года Ленина настиг первый приступ, временно резко ослабли речь и память. В опубликованных семьдесят лет спустя записках Марии Ульяновой говорится: 30 мая "врачи предложили ему помножить 12 на 7, и он не смог этого сделать..." Позже ему заново пришлось учиться писать.

К кому прежде всего обратился Ленин с просьбой о помощи после относительного облегчения? Ясно, к кому: "Т. Сталин! Врачи, видимо, создают легенду, которую нельзя оставить без опровержения... Если я когда волнуюсь, то из-за отсутствия своевременных и компетентных разговоров. Вы поймете это, и дурака немецкого профессора и К^0 отошьете. О пленуме ЦК непременно приезжайте рассказать..."

Облегчение длилось недолго. 16 декабря врачи дружно заключают: "Состояние ухудшилось". Однако больной Ленин 24, 25 и 26 декабря и 4 января диктует заявления, которые совершенно неправильно именуются в лексиконе "борцов с культом личности" его "завещанием". Нет, это лишь краткие и несколько сбивчивые отзывы о некоторых деятелях из ленинского окружения. Не более того. Подлинное завещание создателя государства Советов — совокупность его мыслей и свершений.

Больной и находившийся в крайне нервном напряжении Ленин продиктовал несколько записок в ЦК, которые хорошо известны, их не надо подробно излагать. Касаются они в основном Сталина и Троцкого, а также ряда иных тогдашних вождей партии. Эти документы — что немаловажно — не рукопись Ленина, а машинописные отпечатки, им не подписанные. Почему так получилось, вряд ли удастся когда-либо установить, но вышли на авансцену истории эти тексты именно в таком виде.

"Я думаю, — "писал" Ленин, — что основными в вопросе устойчивости с этой точки зрения являются такие члены ЦК, как Сталин и Троцкий.:.

Тов. Сталин, сделавшись Генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть, и я не уверен, сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью. С другой стороны, тов. Троцкий, как доказала уже его борьба против ЦК в связи с вопросом о НКПС, отличается не только выдающимися способностями. Лично он, пожалуй, самый способный человек в настоящем ЦК, но и чрезмерно хвастающий самоуверенностью и чрезмерным увлечением чисто административной стороной дела".

Весь сюжет этот настолько волновал Ленина, что он возвращается к нему 4 января 1923 года. Эта запись целиком посвящена Сталину: "Сталин слишком груб, и этот недостаток, вполне терпимый в среде и в общениях между нами, коммунистами, становится нетерпимым в должности Генсека. Поэтому я предлагаю товарищам обдумать способ перемещения Сталина с этого места и назначить на это место другого человека, который во всех других отношениях отличается от товарища Сталина только одним перевесом, именно, более терпим, более лоялен, более вежлив и более внимателен к товарищам, меньше капризности и т. д.. Это обстоятельство может показаться ничтожной мелочью. Но я думаю, что с точки зрения предохранения от раскола и с точки зрения написанного мною выше о взаимоотношении Сталина и Троцкого это не мелочь, или это такая мелочь, которая может получить решающее значение".

Задумаемся тут над определениями. "Мелочь" — это слово понятно, можно было бы о том и не диктовать секретаршам. Но вот что значит "ничтожная мелочь"? Это уже совсем не очень понятно. Напомним, что это кому-то высказал тяжело больной человек. Он же тогда продиктовал "письмо", названное позже "К вопросу о национальностях или об "автономизации". И тут нужно отступление.

Поводом к написанию Лениным этого "письма" послужил конфликт между Закавказским краевым комитетом РКП(б), возглавляемым Орджоникидзе, и группой П.Г. Мдивани в ЦК Грузии. Заккрайком проводил правильную линию, добиваясь сплочения Закавказских республик, и встречал в этом постоянную и настойчивую оппозицию сторонников Мдивани. Когда последние и после октябрьского 1922 года Пленума ЦК РКП (б) продолжали настаивать на том, чтобы Грузия непосредственно, а не через Закавказскую федерацию, вошла в состав СССР, Ленин, и до того интересовавшийся ходом дела в Закавказье, в телеграмме кавказским товарищам от 21 октября выразил недовольство действиями сторонников Мдивани и решительно осудил их "брань против Орджоникидзе".

Но ошибки допускал и Орджоникидзе. Он иногда спешил, прибегал к чисто административным мерам, и вдобавок не проявил выдержки во взаимоотношениях с группой Мдивани.

По свидетельству Микояна, один из местных уклонистов, некий Кобахидзе, во время горячего разговора обвинил Орджоникидзе в коррупции. Кристально честный и чистый Серго, сохранявший выдержку в самых отчаянных делах, становился яростным, когда сталкивался с несправедливостью и ложью: читатель, видимо, помнит исход его "дискуссии" с эсерами в Баиловской тюрьме. Вот и на этот раз он не сдержался и дал пощечину обидчику.

Сторонники Мдивани обратились с жалобой на действия Заккрайкома в ЦК РКП(б). 25 ноября 1922 года Политбюро решило направить в Грузию комиссию во главе с Дзержинским.

Ленина очень беспокоил "грузинский вопрос". 12 декабря, сразу же по возвращении Дзержинского, Ленин имел с ним длительную беседу и, видимо, остался недоволен выводами Дзержинского, согласного с линией Сталина.

30 декабря, в день открытия I съезда Советов СССР, Ленин и продиктовал письмо, в котором рассматривал вопросы национальных взаимоотношений в только что созданном Союзе. Ленина волновало, приняты ли достаточные меры, "чтобы действительно защитить инородцев от истинно русского держиморды? Я думаю, что мы этих мер не приняли, хотя и должны были принять.

Я думаю, что тут сыграли роковую роль торопливость и администраторское увлечение Сталина, а также его озлобление против пресловутого "социал-национализма...".

На следующий день Ленин продолжил диктовку, изложив свои взгляды на постановку вопроса о национализме и перечислив меры, необходимые для устранения ошибок. Среди этих мер он отмечал: "Нужно примерно наказать тов. Орджоникидзе (говорю это с тем большим сожалением, что лично принадлежу к числу его друзей...) Политически ответственным за всю эту поистине великорусско-националистическую кампанию следует сделать, конечно, Сталина и Дзержинского..."

И в последующие недели Ленин глубоко интересовался этим делом. Узнав, что 25 января 1923 года Политбюро утвердило в основном выводы комиссии Дзержинского, Ленин затребовал материалы к себе, поручил своим секретарям изучить их, дать ему заключение. На очередном, XII съезде Ленин собирался выступить по этому вопросу, но не смог — не позволило состояние здоровья.

Ленин, к сожалению, всю жизнь слабо ценил Россию и русский народ, отсюда и следует искать причины его явно ошибочных оценок "закавказского дела": по сути, он поддержал грузинских националистов против твердых государственников Сталина и Дзержинского.

Так-то оно так, однако Ленин в последние сроки свои, борясь со страшным недугом, доверял Сталину более, чем кому-либо из своих соратников. Теперь точно установлено, что Ста-

лин посещал Горки не только чаще других, но едва ли не столько же, сколько другие члены Политбюро, вместе взятые. Только с мая по начало октября 1922 года он навестил Ленина двенадцать раз.

Личное доверие Ленина к Сталину особенно заметно в трагическом случае, когда вождь революции, чувствуя приближение смерти, просил соратника дать ему яду, чтобы избегнуть страшных мучений (которые его все же настигли). Случай этот с подачи Троцкого еще в начале 30-х годов оброс нечистыми сплетнями. Теперь документы опубликованы, все стало ясно. Сталин от этой просьбы пришел в ужас: "Прошу В. Ильича успокоиться и верить, что, когда будет нужно, я без колебаний исполню его требования". Достойные, истинно мужские слова. Сталин строго секретно известил об этом других членов Политбюро: не везти в Горки цианистый калий... Кто же был Ленину более верен в Кремле?

Не случайно особым решением Политбюро от 18 декабря 1922 года именно на Сталина возлагалась личная ответственность за соблюдение режима, установленного врачами для Ленина. И тут произошел весьма досадный случай. В записках Марии Ульяновой, не отходившей от больного брата и заботившейся о нем куда более умело и спокойно, чем Крупская, отмечено (записи эти лишь недавно преданы гласности): 22 декабря "Сталин вызвал ее (Крупскую. — *Авт.)* к телефону и в довольно резкой форме, рассчитывая, видимо, что до В. И. это не дойдет, стал указывать ей, чтобы она не говорила с В. И. о делах, а то, мол, он ее в ЦКК потянет. Н. К. этот разговор взволновал чрезвычайно: она была совершенно не похожа сама на себя, рыдала, каталась по полу![1].

Есть основания полагать, что Сталин тут же извинился и Крупская в тот момент ничего не сказала Ленину. Судя по всему, она поделилась с ним лишь в начале марта 1923 года. Узнав о происшедшем,

Ленин продиктовал 5 марта письмо — это предпоследний ленинский документ, известный нам. К несчастью, он отмечен гневом и пристрастностью:

"Товарищу Сталину

Строго секретно

Лично Копия тт. Каменеву и Зиновьеву

Уважаемый т. Сталин!

Вы имели грубость позвать мою жену к телефону и обругать ее. Хотя она Вам и выразила согласие забыть сказанное, но тем не менее этот факт стал известен через нее же Зиновьеву и Каменеву. Я не намерен забывать так легко то, что против меня сделано, а нечего и говорить, что сделанное против жены я считаю сделанным и против меня. Поэтому прошу Вас взвесить, согласны ли Вы взять сказанное назад и извиниться или предпочитаете порвать между нами отношения.

С уважением Ленин"}.

180

Сталин, разумеется, немедленно извинился, и об этом имеется свидетельство М. И. Ульяновой, представленное в президиум июльского (1926 год) пленума ЦК, на котором один из лидеров "новой оппозиции" Зиновьев поднял этот вопрос, пытаясь извлечь политическую выгоду из ошибки, допущенной Сталиным.

Выступать на XII съезде Ленину не пришлось: с 10 марта 1923 года наступило очередное ухудшение его здоровья. Это был первый съезд с момента завоевания власти большевиками, на котором вождь партии не мог присутствовать.

Троцкий и его сторонники, на время прервавшие было борьбу в партии, теперь начинали ее вновь. На несколько лет одной из главных задач партии, ее ЦК, ее Генерального секретаря стало отражение наскоков оппозиционеров.

В решениях съездов и конференций партии той поры, в докладах и выступлениях виднейших партийных и государственных деятелей, и в особенности — И.В. Сталина, оппозиция характеризовалась как отрыжка меньшевизма в нашей партии. Эта характеристика, безусловно, справедлива не только для таких людей, как Троцкий, который на протяжении десятилетий боролся с ленинизмом и примкнул в августе 1917 года к большевикам в сугубо карьеристских целях. Но и люди типа Зиновьева и Каменева, длительное время числившиеся большевиками, не знали нашей страны и ее народа. Они были вынуждены подчиняться решениям партии при жизни Ленина (иначе он не потерпел бы их присутствия). В тени его фигуры они умели пользоваться моментом, чтобы обеспечить себе положение и известность. Правда, зачастую они не выдерживали и, обнаруживая свое нутро, выступали против Ленина — и всегда были биты. Теперь же, когда Ленин заболел, они сочли, что пришел момент выйти на авансцену и, выдавая себя за верных ленинцев, истолкователей и наследников ленинизма, попытаться захватить власть в партии и государстве.

Нападая на ЦК, Троцкий в то же время отказывался выполнять его указания и поручения. "Уже не месяц и не два, а, пожалуй, года два, — писали члены Политбюро и среди них Сталин в марте 1923 года, — продолжается такое отношение т. Троцкого к Политбюро. Не раз и не два мы выслушивали такие огульные отрицательные характеристики работы Политбюро и в то время, когда эти работы происходили под председательством Владимира Ильича. Тов. Троцкий не раз заявлял, что он "воздерживается" при разрешении 9/10 текущих хозяйственных вопросов в Политбюро". Впоследствии этот наглец писал в автобиографии: "Я не гожусь для поручений: либо рядом с Лениным, если бы ему удалось поправиться, либо на его месте, если бы болезнь одолела его".

На пленуме ЦК перед съездом, когда обсуждалось, кому и с каким докладом выступать, Сталин предложил выступить с политическим отчетом ЦК Троцкому. Тот отказался, предложив эту честь в свою очередь Сталину. Но, поскольку Сталину предстояло докладывать съезду по организационному и национальному вопросам, он тоже отказался. Выступить с политическим отчетом с охотой взялся Зиновьев: этого человека прямо-таки распирало желание выступать, выступать, изображать вождя... Он всеми силами искал популярности и завидовал тем (и в частности — Троцкому), кто, по его мнению, располагал такой популярностью. Сталина, видимо, Зиновьев в расчет не брал.

В докладе на съезде, открывшемся 17 апреля 1923 года, Зиновьев допустил несколько ошибок; среди них был тезис о "диктатуре партии", о чем Ленин писал еще в книге "Детская болезнь "левизны" в коммунизме" вполне отрицательно.

Сталин в организационном отчете ЦК говорил о проделанной работе по укреплению единства партии, по улучшению ее состава, о расширении связи с массами.

Сталин также отстаивал предложение Ленина о расширении состава ЦК. Зная об отрицательном отношении Троцкого к этому предложению Ленина, Сталин, видимо, предполагая, что Троцкий будет выступать на съезде против расширения ЦК, сказал:

— ...Есть некоторые члены ЦК, которые думают, что следовало бы не расширять, а даже сократить число членов ЦК. Я их мотивов не излагаю: пусть товарищи сами выскажутся. Я вкратце изложу мотивы в пользу расширения ЦК [1] .

И Сталин изложил эти мотивы. Но Троцкий вызова не принял. Съезд выполнил волю Ленина: в ЦК было выбрано 57 членов и кандидатов, в ЦКК — 60.

Тут надо остановиться. Предложение Ленина о резком увеличении числа членов ЦК обычно связывают с опасностью бюрократизации. Это близорукая оценка. Замысел Ленина был, несомненно, глубже. Он уже видел недостатки окружавших его партийных руководителей. Например, Зиновьева, с которым долго жил в Швейцарии и скрывался в Разливе, он последние месяцы почти не принимал. Значит, Ленин задумывал "разбавить" состав ЦК численно, чтобы из новых его членов создать новую руководящую "команду".

С этим же связано и неожиданное внешне письмо Ленина с характеристиками виднейших членов ЦК. Оно хорошо известно, однако толкуется поверхностно, вкривь и вкось. Там есть странные оценки (например, Бухарин никогда не был "любимцем партии", сам Ленин его часто и жестко осуждал, в

[1] С т а л и н И. В. Соч. Т .5. С.218. 182

том числе и в данном документе). Но дело не в этом. Несомненно, что Ленин стал готовить им всем замену.

Ну, а Сталин? О нем говорится: "Сталин груб... Поэтому я предлагаю товарищам обдумать способ перемещения Сталина... и назначить на это место другого человека, который во всех отношениях отличается от тов. Сталина только одним перевесом именно, более терпим, более лоялен, более вежлив и более внимателен к товарищам, меньше капризности и т. д.."

Присмотримся к дате записки, продиктованной полупарализованным Лениным, - 4 января 1923 года. После истерики, учиненной Крупской по поводу звонка Сталина... Измученный приступами боли, нервный Ленин, бесспорно, поддался настроениям супруги. Ранее с ним такого не случалось. Так верный ученик Ленина Сталин оказался в числе других, оцененных отрицательно.

Второй доклад Сталина на XII съезде — о национальных моментах в партийном и государственном строительстве.

Доклад по национальному вопросу вызвал бурные прения; в особенности старались националисты из группы Мдивани: им всем, кто желал выступить, такая возможность была предоставлена.

Напротив, в выступлениях Енукидзе, Орахелашвили, Орджоникидзе, Фрунзе, Элиавы, Стуруа и других, отстаивавших линию партии, был приведен яркий и богатый фактический материал, несомненно, свидетельствующий о националистических ошибках группы Мдивани.

На пленуме после съезда Сталин вновь был утвержден в должности Генерального секретаря. Известно, что в связи с критикой его Лениным Сталин отказывался от этого поста. Но пленум счел возможным и необходимым сохранить за ним секретариатство.

Вскоре после съезда (9 - 12 июня 1923 года) ЦК РКП(б) собрал совещание ответственных работников национальных республик и областей, где были развиты и конкретизированы директивы XII съезда по национальному вопросу. Сталин представил на это совещание проект платформы, выступал 10 июня с докладом.

Одним из пунктов программы совещания было так называемое "дело Султан-Галиева" — буржуазного националиста. Султан-Галиев и его сторонники в Татарии, Башкирии, Крыму, Туркестане стали создавать пантюркистскую националистическую организацию. Бывшие "левые" из Наркомнаца припомнили, что Сталин когда-то поддерживал Султан-Галиева. Троцкий также попытался использовать это дело, чтобы скомпрометировать линию ЦК в национальном вопросе и в особенности лично Сталина. Выступая на совещании, он настойчиво подчеркивал то обстоятельство, что Султан-Галиев был членом коллегии Наркомнаца. Выступление Сталина по этому пункту совещания

свидетельствует, как внимательно подходил нарком к национальным кадрам. Сталин говорил:

— ...Меня упрекали "левые" товарищи еще в начале 1919 года, что я поддерживаю Султан-Галиева, берегу его для партии, жалею, в надежде, что он перестанет быть националистом, сделается марксистом. Я, действительно, считал своей обязанностью поддерживать его до поры до времени. Интеллигентов, мыслящих людей, даже вообще грамотных в восточных республиках и областях так мало, что по пальцам можно пересчитать, — как же после этого не дорожить ими?..

Но все имеет предел. А предел этот наступил в тот момент, когда Султан-Галиев перешагнул из лагеря коммунистов в лагерь басмачей. С этого времени он перестал существовать для партии. Вот почему турецкий посол оказался для него более приемлемым, чем ЦК нашей партии[1].

Национальное и государственное строительство по-прежнему занимает много времени и сил Сталина. Он руководил работой комиссии, разрабатывавшей Конституцию СССР, на пленуме ЦК 26 июня 1923 года делал доклад о проекте Конституции. Сессия ЦИК СССР 6 июля 1923 года единогласно утвердила Основной Закон (Конституцию) СССР, в разработке которого роль Сталина весьма и весьма значительна.

В Политбюро Троцкий по-прежнему занимался обструкцией. Открыто высказывая свое недовольство работой Политбюро и ЦК, он в период между XII и XIII съездами присутствовал только на 49 заседаниях Политбюро из 88 имевших место. Это не было случайностью: за больший отрезок времени (с 1923 по 1926 год) Троцкий из 287 заседаний Политбюро посетил только 151. Слово "посетил" здесь совершенно оправданно: приезжая на заседания Политбюро, Троцкий обычно не участвовал в обсуждении, а читал французские и английские романы или же записывал все случайные ошибки, оговорки. Затем он "обобщал" их в "критических" письмах, которые рассылал единомышленникам .

Такое поведение было тем более вызывающим, что работа в Политбюро и теперь шла строго по заведенному Лениным порядку. Заседания Политбюро проходили раз в неделю, по четвергам, с 12 до 17 часов. Регламент был следующий: основной доклад — пять-десять минут, второй доклад, менее важный, — три-пять минут; выступление не более двух раз.

Имевший возможность наблюдать работу Политбюро свидетель, настроенный резко антисталински и потому заслуживающий в данном случае доверия, с удивлением описывал, как спокойно и приветливо встретил Сталин вошедшего в зал заседаний Троцкого: он пошел навстречу, подал руку... Зиновьев и

[1] Сталин И. В Соч. Т .5. С. 303 - 304. 184

Каменев, состоявшие тогда внешне в плохих отношениях с Троцким, входя в зал, с Троцким не здоровались, хотя с Каменевым они были даже родственниками: женаты на родных сестрах.

Нащупывать контакты для совместного выступления Зиновьев и Каменев начали в том же 1923 году. Летом на отдыхе в Кисловодске собралось несколько членов ЦК. На досуге Зиновьев замыслил некую политическую комбинацию и для ее оформления решил собрать "частное совещание" членов ЦК.

Во время курортного моциона, собравшись — прохлады ради — в какой-то пещере, Зиновьев, Бухарин, Лашевич, Евдокимов, Ворошилов стали обсуждать вопрос о руководстве в партии. Зиновьев утверждал, что Генеральный секретарь получил чересчур много власти, необходимо реорганизовать руководство партией — создать "политический секретариат" из трех человек — Троцкого, Сталина и Каменева (Зиновьева или Бухарина). На этом предложении сошлись все, кроме Ворошилова, заявившего, что из этой комбинации ничего, кроме конфуза, не получится.

— Из этой платформы ничего не вышло, — говорил Сталин позднее, на XIV съезде партии. — <...> На вопрос, заданный мне в письменной форме из недр Кисловодска, я ответил отрицательно, заявив, что если товарищи настаивают, я готов очистить место без шума, без дискуссии, открытой или скрытой.

На Пленуме в сентябре 1923 года, при обсуждении революционных . событий в Германии, Троцкий потребовал ни много ни мало как разработать "календарную программу подготовки и проведения германской революции". Этот авантюрист предлагал послать регулярные части Красной Армии в Германию, с тем чтобы разжечь "пламя пролетарской революции" в Европе! Естественно, что эта бредовая идея была отвергнута Пленумом. Члены ЦК стали критиковать Троцкого за то, что он, будучи председателем РВСР, передоверил всю работу своему заместителю Э. М. Склянскому и потребовали введения в состав РВСР видных партийных работников. Троцкий ультимативно заявил, что при новом составе РВСР он отказывается нести ответственность за военное дело. Когда же Н. П. Комаров резонно заметил, что члены ЦК обязаны подчиняться решению ЦК, Троцкий демонстративно покинул зал заседаний. Несмотря на то что к нему была послана делегация с просьбой вернуться, Троцкий отказался сделать это, проявив полное неуважение к

8 октября он направил в секретариат ЦК письмо, в котором порочил политику партии. Вслед за ним в ЦК поступило "заявление 46-ти" — Серебрякова, Преображенского, Пятакова, Сапронова, Дробниса, Данишевского, Эльциса, Альского, Осинского, Рафаила, Богуславского и других — по содержанию и политической направленности созвучное письму Троцкого. За

пышной, сверхреволюционной фразеологией троцкистов, их требованиями "установить диктатуру промышленности", "завинчивать гайки", "разворачивать мировую революцию" скрывался весьма прозаический смысл: эти люди — вечные эмигранты в своей стране — были чужды России, они не дорожили ею, не верили в будущность Российского государства.

—Едва ли можно сомневаться в том, — говорил Сталин, —что попытка Троцкого поиграть с идеей "развернутой демократии" будет встречена с улыбкой во всей партии...

Поскольку среди троцкистов было немало опытных демагогов, поднаторевших в жонглировании цитатами и лозунгами, дискуссия в низовых организациях приобретала весьма острый характер, и это тревожило людей, беспокоившихся о единстве (Партии. А.И. Микоян, побывавший на нескольких дискуссионных собраниях в Москве, в том числе и в МГУ, позднее, зайдя на квартиру к Сталину, с возмущением рассказывал о разнузданных антипартийных выходках оппозиционеров.

—Я был сильно возбужден, — вспоминает Микоян, — и выразил свое недовольство поведением ЦК, который, как мне казалось, самоустранился от фактически уже начавшейся в столице дискуссии и тем облегчает троцкистам возможность запутать неопытных и добиваться легких побед. Спросил Сталина, почему ЦК до сих пор молчит, когда собирается выступить и как.Помню, с каким невозмутимым, поразившим меня спокойствием выслушал все это Сталин. Он сказал, что особых оснований для волнений нет.

С тех пор вот уже семьдесят лет излюбленным поношением Сталина со стороны "демократов" является его так называемый "антидемократизм". Словно предвидя подобное, Сталин говорил тогда:

—В рядах оппозиции имеются такие, как Белобородое,"демократизм" которого до сих пор остался в памяти у ростовских рабочих; Розенгольц, от "демократизма" которого не поздоровилось нашим водникам и железнодорожникам; Пятаков,от "демократизма" которого не кричал, а выл Донбасс; Бык, от"демократизма" которого до сих пор воет Хорезм...

Тут требуются пояснения. Именно "демократ" Белобородое,как глава Уральского Совета, подписал 12 июля 1918 года решение о казни царской семьи, всех детей и прочих из числа их окружения. Он же был в апреле 1919 года послан в Ростов подавлять описанное в "Тихом Доне" Вешенское восстание."Демократ" Розенгольц помогал Троцкому "завинчивать гайки"на транспорте. "Демократ" Пятаков "завинчивал" те же самые"гайки" в Донбассе. Наконец Иосиф Бык (еврей из Одессы),недолгие годы находившийся на высоких партийных постах,жестоко орудовал в Средней Азии. А Сталин вот был по отношению к этим злодеям, видите ли, недемократичен...

В итоге споров за линию ЦК проголосовало 98,7% партийцев, за оппозицию — 1,3%, причем троцкисты получили поддержку главным образом в учрежденческих и вузовских организациях.

Окончательные итоги дискуссии были подведены на XIII конференции РКП(б) 16 — 18 января 1924 года.

Так как сторонники Троцкого на конференции не стеснялись ни в выражениях, ни в методах полемики, то в своем заключительном слове Сталин был гораздо более резок, хотя тон речи, как и всегда, оставался внешне спокойным. Сталин еще раз очень четко изложил историю разногласий с троцкистами. В этот день — 18 января — он был явно в ударе, и его характеристики оппозиционеров стоят того, чтобы их процитировать.

—Оппозиция взяла себе за правило превозносить тов. Ленина гениальнейшим из гениальных людей. Боюсь, что похвала эта неискренняя, и тут тоже кроется стратегическая хитрость:хотят шумом о гениальности тов. Ленина прикрыть свой отход от Ленина и подчеркнуть одновременно слабость его учеников.

А Сапронов, который фальшиво, фарисейски расхваливает теперь тов. Ленина, тот самый Сапронов, который имел нахальство на одном из съездов обозвать тов. Ленина "невеждой" и "олигархом"! Почему он не поддержал гениального Ленина, скажем, на X съезде, почему он в трудные минуты неизменно оказывался в противоположном лагере, если он в самом деле думает, что тов. Ленин является

гениальным из гениальных? Знает ли Сапронов, что товарищ Ленин, внося на X съезд резолюцию об единстве, требующую исключения фракционеров из партии, имел в виду, между прочим, и Сапронова?

Или еще: почему Преображенский не только в период Брестского мира, но и впоследствии, в период профдискуссии, оказался в лагере противников гениальнейшего Ленина? Случайно ли все это? Нет ли тут некоторой закономерности?

(Преображенский: "Своим умом пытался работать!")

—Это очень похвально, Преображенский, что вы своим умом хотели работать. Но глядите, что получается: по брестскому вопросу работали вы своим умом и промахнулись; потом при дискуссии о профсоюзах опять пытались своим умом работать и опять промахнулись; теперь я не знаю, своим ли умом вы работаете или чужим, но ведь опять промахнулись будто...[1] .

Смех в зале покрыл эти слова.

Чуть позднее в речи Сталин дал портрет Радека — одного из активнейших троцкистов, беззастенчивого демагога:

—Перехожу к Радеку. "Есть люди, которые имеют язык для того, чтобы владеть и управлять им. Это — люди обыкновенные. И есть люди, которые сами подчинены своему языку и управ-

[1] С т а л и н И. В. Соч. Т .6. С.34 - 35.

ляются им. Это — люди необыкновенные. К такого рода необыкновенным людям принадлежит Радек. Человек, которому дан язык не для того, чтобы управлять им, а для того, чтобы самому подчиниться своему собственному языку, не будет в состоянии знать, когда и что сболтнет язык..."[1]

В резолюции конференции была дана исчерпывающая характеристика классовой сущности троцкистской оппозиции.

Через три дня после окончания конференции партию постиг тяжелый удар: 21 января 1924 года в 18.50 скончался Ленин. В половине десятого вечера Сталин вместе с другими членами Политбюро на аэросанях выехал в Горки...

Стоял лютый мороз, когда утром 23 января гроб с телом Ленина члены ЦК и Правительства перенесли на руках к железнодорожной станции. В час дня прибыли в Москву.

Вечером 26 января на траурном заседании II съезда Советов СССР выступил Сталин:

— Товарищи! Мы, коммунисты, — люди особого склада. Мы скроены из особого материала. Мы — те, которые составляем армию великого пролетарского стратега, армию товарища Ленина. Нет ничего выше, как честь принадлежать к этой армии. Нет ничего выше, как звание члена партии, основателем и руководителем которой является товарищ Ленин. Не всякому дано быть членом такой партии. Не всякому дано выдержать невзгоды и бури, связанные с членством в такой партии. Сыны рабочего класса, сыны нужды и борьбы, сыны неимоверных лишений и героических усилий — вот кто, прежде всего, должны быть членами такой партии.

Троцкий на похороны Ленина не приехал: он недавно перенес грипп, и врачи, надзиравшие за его здоровьем, настоятельно рекомендовали провести зимние месяцы у берега теплого моря, в Сухуми. Такая поездка имела и тактический смысл: Троцкий не пожелал присутствовать при разгроме оппозиции на XIII партконференции. Сталин разговаривал по прямому проводу с Троцким.

Узнав, что похороны состоятся 27 января, тот заявил, что не успеет приехать. Так он остался в Сухуми — "ждать у моря погоды", как говорили тогда.

Троцкий надеялся — настал его час. Смерть Ленина должна была, по его представлениям, вызвать в руководстве партии и государства разброд; вот тогда-то его призовут в Москву... Самомнение этого человека не имело предела. В книге "Моя жизнь" он писал, что в день похорон Ленина он думал о будущем: "Вместе с дыханием моря я всем существом своим ассимилировал уверенность в своей исторической правоте!"

[1] Сталин И. В. Соч. Т 6. С.41 -42. 188

188

Но никто почему-то не спешил вручать Троцкому руководство партией и государством. Более того, при ближайшем рассмотрении оказалось, что и с порученным ему делом — руководством армией и флотом — Троцкий явно не справлялся.

Положение Красной Армии давно уже вызывало тревогу в партии. Наша страна жила тогда трудно, что и говорить. Но и на общем фоне состояние армии, защитника нашего Отечества, бросалось в глаза. В 1929 году Ворошилов говорил по этому поводу:

—Внутрипартийная борьба 1923 — 1924 годов характерна тем, что Троцкий вместе с рядом своих единомышленников —военных работников, увлеченный борьбой против партии, проглядел внутриармейские проблемы, вставшие перед нами во всей своей остроте. Красная Армия, перешедшая к этому времени на мирное положение, переживала внутренний кризис.

Проблемы армии стали предметом рассмотрения специальной комиссии, которую сначала возглавил В. В. Куйбышев, а затем С. И. Гусев (Я. Д. Драбкин). На Пленуме ЦК партии 3 февраля 1924 года был заслушан доклад Гусева. Выводы комиссии оказались весьма неутешительными, виновниками тяжелого положения армии в значительной мере были Троцкий и его сторонники, занимавшие в армии видные командные и политические посты. Один за другим ораторы, выступавшие на Пленуме, резко оценивали создавшееся положение:

— Армия фактически превратилась в проходной двор, — докладывал Гусев...

— Политическое состояние Красной Армии и ее боеспособность постоянно падают, — заявил И. С. Уншлихт...

— Положение нашей Красной Армии чрезвычайно тяжелое,- говорил М.В. Фрунзе, — и считать армию боеспособной мы не можем...

Сталин характеризовал состояние армии в следующих словах:

— Если бы Бог нам не помог... и нам пришлось бы впутатьсяв войну, нас распушили бы в пух и прах!

В свете фактов, обнародованных на Пленуме, прошлогоднее предложение Троцкого ввести части Красной Армии в Германию для разжигания пламени "пролетарской революции в Европе" трудно расценивать иначе как провокацию.

Пленум ЦК решил обновить и укрепить руководство Вооруженными Силами страны. И марта 1924 года заместителем председателя РВС СССР был назначен М. В. Фрунзе. В марте же был образован новый состав РВС, в который вошли А. С. Бубнов, С. М. Буденный, К. Е. Ворошилов, Г. К. Орджоникидзе, М. Н. Тухачевский и другие.

XIII съезд РКП(б), состоявшийся 23 — 31 мая 1924 года, открывался в тревожной обстановке.

Политический отчет ЦК и на этот раз делал Зиновьев. С орготчетом выступал Сталин. Он убедительно доказал несостоятельность заявлений оппозиции о "замирании" партии, о ее отрыве от трудящихся, о перерождении руководящих кадров партии.

Попытки оппозиционеров навязать съезду свою линию провалились. Многие делегаты съезда — Д. 3. Мануильский, В.В. Куйбышев, Я. Э. Рудзутак, Е. М. Ярославский и другие разоблачили стремления троцкистов замаскироваться под "борцов за демократию", наглядно показали ошибочность и вредность их линии. В заключительном слове Сталин подробно остановился на дискуссии с троцкистами.

—В своем отчете, — говорил он, — я намеренно не коснулся наших разногласий внутри партии, не коснулся потому, что не хотел бередить раны, которые, казалось, зажили. Но после того,как Троцкий и Преображенский коснулись этих вопросов, допустили ряд неточностей и сделали вызов, — молчать не следует. При таком положении молчание было бы непонятно...[1]

Далее Сталин со свойственной ему в таких случаях методичностью подробно изложил ход дискуссии, рассмотрел по пунктам и опроверг каждое из обвинений.

—Если не будете настаивать, товарищи из оппозиции, — говорил Сталин в конце заключительной речи, — на этом мелкобуржуазном уклоне, на этих небольших ошибках, — все будет исправлено и работа партии пойдет вперед. Если же будете настаивать, — мелкобуржуазный уклон может развиться в мелкобуржуазную политику. От вас, стало быть, зависит все дело, товарищи из оппозиции.

Каковы же выводы? А выводы таковы, что мы должны и впредь повести работу внутри партии на основе полного единства партии.

Съезд одобрил деятельность ЦК в борьбе с оппозицией. Поражение отрезвило часть оппозиционеров, таких, как А. Бубнов, они отошли от троцкизма. Этому способствовала линия ЦК, направленная на устранение разногласий. Сталин в письме Демьяну Бедному в июле 1924 года высказывался на этот счет так: "Я думаю, что после того как разбили вдребезги лидеров оппозиции, мы, т.е. партия, обязаны смягчить тон в отношении рядовых и средних оппозиционеров для того, чтобы облегчить им отход от лидеров оппозиции. Оставить генералов без армии — в этом вся музыка... Так, и только так, можно разрушить оппозицию, после того как ее лидеры осрамлены на весь свет"[2] .

Но главные руководители оппозиции принадлежали к числу людей, считавших, что "стыд—не дым, глаза не ест". Троцкий,

[1] С т а л и н И. В. Соч. Т .6. С.220.

[2] С т а л и н И. В. Соч. Т .6. С.274.

Преображенский, Пятаков, Сапронов, Радек и другие отнюдь не разоружились...

Несомненно, что Сталину на XIII съезде довелось пережить и очень неприятные минуты: речь идет об обсуждении на съезде ленинского "Письма к съезду". Крупская в соответствии с волей Ленина 18 мая 1924 года передала эти записи в ЦК. Пленум ЦК 21 мая решил довести эти документы до сведения делегатов, огласив их по делегациям, что и было сделано.

Характеристики членам ЦК, данные Лениным, делегаты восприняли по-деловому, как призыв к укреплению коллегиальности руководства и единства партии. Учитывая обострившуюся борьбу с троцкизмом и внутри РКП(б), и в международном коммунистическом движении, имея в виду твердость и принципиальность Сталина в борьбе с оппозиционерами и надеясь, что он учтет критические замечания Ленина, все без исключения делегации высказались за оставление Сталина на посту

Генерального секретаря. Не возражали даже оппозиционеры. Сталин поначалу отказывался от этого поста, но в конце концов подчинился воле партии.

Троцкий, Радек, Преображенский вскоре после смерти Ленина стали публиковать статьи, в которых пытались принизить роль Ленина и в то же время всячески возвеличить Троцкого. Сам Троцкий в мае 1924 года выпустил книгу "О Ленине", где беззастенчиво восхвалял собственную персону. Основной смысл его упражнений в истории и теории большевизма состоял в защите оппортунистических взглядов и утверждении своей "особой" роли в революции. К примеру, по Троцкому выходило, что в решающие моменты подготовки и проведения Октябрьского вооруженного восстания якобы только он был рядом с Лениным, в то время как все другие члены ЦК колебались, заблуждались и ошибались. Впрочем, Троцкий заявлял, что часто и сам Ленин ошибался и только он, Троцкий, всегда был прав.

С разоблачением антиленинских построений выступили А. А. Андреев, Ф. Э. Дзержинский, М. И. Калинин, С. М. Киров, Н.К. Крупская, В. В. Куйбышев, В. М. Молотов, Г. К. Орджоникидзе, М. В. Фрунзе и другие. Но, несомненно, наиболее крупный, весомый вклад в идейный разгром троцкизма внес Сталин.

В апреле—мае 1924 года он прочитал в Университете имени Свердлова цикл лекций, получивший название "Об основах ленинизма". Чрезвычайно последовательно, доходчиво, популярно (но без вульгаризации) Сталин изложил основы учения Ленина. Поскольку в то время не существовало сколь-нибудь удовлетворительных учебников ни по истории партии, ни по марксистской философии, курс лекций Сталина был очень важен.

В речи 19 ноября Сталин, охарактеризовав троцкизм, отметил своеобразие методов его борьбы с ленинизмом. Неизменно оставаясь враждебным ленинизму, троцкизм уже не решается

"выступать против ленинизма, как воинствующая сила, он предпочитает орудовать под общим флагом ленинизма, подвизаясь под лозунгом истолкования, улучшения ленинизма"[1] . Завершая речь, Сталин сказал:

—Троцкизм выступает теперь для того, чтобы развенчать большевизм и подорвать его основы. Задача партии состоит в том, чтобы похоронить троцкизм, как идейное течение[2] .

Сталин отстаивал ленинскую постановку вопроса о перспективах социалистического строительства в СССР, выделяя при рассмотрении этого вопроса две стороны—внутреннюю и внешнюю. Особо надо подчеркнуть, что в этой статье Сталина впервые после смерти Ленина был повторен основной ленинский тезис, на который нападали троцкисты: о возможности победы социалистического строительства в нашей стране при сохранении капиталистического окружения.

Итоги борьбы с троцкистскими вылазками были подведены на пленуме ЦК 17 - 20 января 1925 года. Троцкий, сославшись на болезнь, на Пленум не приехал, но прислал письмо, в котором заявлял, что отказывается от полемики и просит освободить его от обязанностей председателя РВС СССР. И содержание, и тон письма свидетельствовали: опытный интриган просто считал невыгодным выступать против руководства РКП(б) в проигранной ситуации.

—Начал дискуссию Троцкий, — говорил Сталин в выступлении 17 января. — Дискуссия была навязана партии.

Пленум ЦК решил снять Троцкого с поста предреввоенсовета и назначить вместо него М.В. Фрунзе. Последний здесь же, на Пленуме, выдвинул ряд предложений, направленных на улучшение состояния армии. Сталин решительно поддержал их.

—Я должен сказать, — говорил он 19 января, — что в последнее время в связи с некоторыми возросшими потребностями наших хозяйственных органов, в связи с тем, что хозяйственно-культурные

потребности перерастают наши возможности, у нас сложилось некоторое ликвидаторское настроение в отношении армии.

Сталин охарактеризовал международную обстановку как чреватую осложнениями и подчеркнул:

—...Быть готовыми ко всему, готовить свою армию, обуть и одеть ее, обучить, улучшить технику, улучшить химию, авиацию и вообще поднять нашу Красную Армию на должную высоту. Этого требует от нас международная обстановка...[3]

Потерпев банкротство в дискуссии, Троцкий на время притих. С ноября 1924 года по июнь 1925 года он не присутствовал

[1]Сталин И. В. Соч. Т .6. С.352.

[2]Там же. С.357.

[3]Сталин И.В. Соч. Т .71. С. 14.

на заседаниях Политбюро, не появлялся на пленумах ЦК, не участвовал в подготовке XIV партконференции. Его отсутствие, казалось, могло улучшить саму атмосферу в Политбюро. Но с первых месяцев 1925 года обнаружились новые разногласия. На этот раз борьбу за захват власти повели Зиновьев и Каменев.

Но начали они с "борьбы" против Троцкого. В первые же месяцы 1925 года, сводя с Троцким счеты за статью "Уроки Октября", где он язвительно описал их ошибки в октябре 1917 года, Зиновьев и Каменев потребовали немедленно исключить Троцкого из Политбюро и стали обвинять ЦК, и в первую очередь — Сталина, в примиренческом отношении к Троцкому. Подоплекой этих действий было желание изменить состав Политбюро в свою пользу.

А немного позже комиссия ЦК партии во главе со Сталиным и председателем ЦКК Куйбышевым была вынуждена расследовать фракционные поползновения членов ЦК комсомола. 5 марта Политбюро признало необходимым снять с постов членов бюро ЦК РЛКСМ четырех сторонников Зиновьева — Цейтлина, Файвиловича, Гессена, Касименко. Одновременно получили взыскания работники Ленинградского губкома партии Залуцкий и Сафаров. Выяснилось, что в абстрактной форме Зиновьев признавал возможность строительства социализма в СССР, но оставлял открытым вопрос — можно ли завершить его успешно. По Зиновьеву выходило, что строить социализм можно, а построить — нельзя.

Стремясь к дешевой популярности, Зиновьев, Каменев и Сокольников в выступлениях стали раздавать необоснованные обещания: повысить уже в 1925 году заработную плату до довоенного уровня, дать каждому крестьянину-бедняку по лошади, вновь снизить сельхозналог и т. д..

В августе 1925 года, когда большая часть членов Политбюро . не была в Москве, Зиновьев направил в "Правду" статью "Философия эпохи", насквозь демагогическую и глубоко ошибочную. Члены ЦК Калинин и Андреев решительно высказались против нее.

Сталина тоже не было в Москве: с середины июля он находился в отпуске, уехал в Грузию. Только отдыхать он не умел, поэтому вместе с Орджоникидзе и Микояном ездил в Кутаиси и другие районы Грузии. В начале сентября Молотов прислал статью Зиновьева. О своих впечатлениях Сталин рассказывал на XIV съезде:

— ...Там есть деревенская беднота, есть кулак, есть капиталист, есть выпады по адресу Бухарина, есть эсеровское равенство, есть Устрялов, но нет середняка и кооперативного плана Ленина, хотя статья и называется "Философия эпохи". Когда товарищ Молотов прислал мне эту статью (я был тогда в отъезде), я ответил грубой и резкой критикой. Да, товарищи, человек

я прямой и грубый, это верно, я этого не отрицаю. *(Смех в зале.)* [1] .

Накануне октябрьского Пленума в ЦК поступило письмо, подписанное Зиновьевым, Каменевым, Сокольниковым и Крупской, выступавшей по ряду вопросов вместе с оппозицией. Основные установки оппозиции сводились к обвинениям ЦК в "либеральном" отношении к правым и нежелании считаться с увеличивавшейся якобы опасностью роста капиталистических элементов. Авторы платформы требовали общепартийной дискуссии. Пленум отверг это требование, осудил как правый уклон, так и "левый", который выражала "новая оппозиция".

XIV съезд партии открылся 18 декабря. Сталин выступил с политическим отчетом ЦК. Начал он доклад с внешнего положения страны:

—Я этот обычай нарушать не буду. Я также начну с внешнего положения...

Перейдя к внутреннему положению, Сталин рассмотрел возможные линии развития народного хозяйства:

—Есть две генеральные линии: одни исходит из того, что наша страна должна остаться еще долго страной аграрной, должна вывозить сельскохозяйственные продукты и привозить оборудование, что на этом надо стоять, по этому пути развиваться и впредь. Эта линия требует, по сути дела, свертывания нашей индустрии...

Это была линия оппозиции, ее отстаивал на съезде Сокольников. Сталин продолжал:

—...Эта линия ведет к тому, что наша страна никогда, или почти никогда, не могла бы по-настоящему индустриализоваться, наша страна из экономически самостоятельной единицы, опирающейся на внутренний рынок, должна была бы объективно превратиться в придаток общей капиталистической системы. Эта линия означает отход от задач нашего строительства.

Это не наша линия [2] .

Завершая доклад, Сталин говорил, что существующие внутри страны противоречия на пути строительства социализма должны быть преодолены и будут партией и народом преодолены:

— Кто не верит в это дело — тот ликвидатор, тот не верит в социалистическое строительство. Эти противоречия мы преодолеем, мы их уже преодолеваем... И без помощи со стороны мы унывать не станем, караул кричать не будем, своей работы не бросим и трудностей не убоимся. Кто устал, кого пугают трудности, кто теряет голову, — пусть даст дорогу тем, кто сохранил мужество и твердость. Мы не из тех, кого пугают трудности. На

[1] С т а л и н И. В. Соч. Т .7. С.375.

[2] Сталин И. В. Соч. Т .7. С.298 - 299.

то и большевики мы, на то и получили ленинскую закалку, чтобы не избегать, а идти навстречу трудностям и преодолевать их. *(В зале голоса: "Правильно!" — и аплодисменты.)*

—Я говорил далее, товарищи, об успехах и об ошибках нашей партии. Этих ошибок было немало. И по части внешнего товарооборота, по части заготовок, и по некоторым другим областям работы ошибок было у нас немало. Ильич учил нас не зазнаваться. Мы зазнаваться не будем. Ошибок было немало. Но есть и успехи [1] .

Содоклад Зиновьева был путаным, состоял в основном из цитат, набранных к месту и не к месту, и не содержал никакой положительной программы. Не в бровь, а в глаз Зиновьеву был выкрик с места, что он в докладе "крохоборством занимался".

Выступление (а по сути дела — доклад) Каменева был более логичен, более академичен, что ли. Выставив против партии и ЦК весь набор обвинений, Каменев лишь в самом конце двухчасовой речи обнародовал то главное, что вело "новую оппозицию" в бой: желание изменить руководство партии и в первую очередь убрать Сталина с поста Генерального секретаря. Под шум и выкрики делегатов с мест Каменев говорил:

—Я должен договорить до конца. Именно потому, что я неоднократно говорил товарищу Сталину лично, именно потому, что я неоднократно говорил группе товарищей-ленинцев, я повторяю это на съезде: я пришел к убеждению, что товарищ Сталин не может выполнить роли объединителя большевистского штаба...

Каменев, конечно, не ожидал той реакции слушателей, которая последовала за этими словами. Поднялся шум, делегаты кричали с мест: "Неверно!", "Чепуха!", "Вот оно в чем дело!", "Раскрыли карты!" В то время, как ленинградская делегация аплодировала Каменеву, другие делегаты кричали: "Мы не дадим вам командных высот!", "Сталина! Сталина!" Затем весь зал встал с мест и приветствовал Сталина. Послышались возгласы:

Вот где объединилась партия!

Большевистский штаб должен объединиться!.. Вот что говорил Ворошилов:

— Товарищ Сталин, являясь Генеральным секретарем, конечно, состоит членом Секретариата, но вместе с тем является членом Политбюро. Товарищи, к сожалению, не все присутствовали хоть когда-нибудь, хоть один раз на заседаниях Секретариата, Оргбюро и Политбюро. Но мы, члены Центрального Комитета, бываем на заседаниях Политического бюро, то есть того органа, который, по мысли товарища Каменева, должен стать выше всех органов, практически проводящих в жизнь ре-

[1] Сталин И. В. Соч.Т.7 С.349 - 350.

шения нашей партии. Политику, товарищи, определяет наше Политбюро.

Член Центральной контрольной комиссии Гусев в выступлении отверг абстрактную постановку оппозиционерами вопроса о "необъятности" власти Генерального секретаря:

—Нужно учитывать опыт. Вот посмотрим, что говорит опыт на этот счет. Были ли злоупотребления этой властью или нет? Покажите хоть один факт злоупотребления этой властью. Кто привел такой факт злоупотребления?

Сталин в начале заключительного слова не стал оправдываться:

—...На личные нападки и всякого рода выходки чисто личного характера я не намерен отвечать, так как полагаю, что у съезда имеется достаточно материалов для того, чтобы проверить мотивы и подоплеку этих нападок... [1] .

Пункт за пунктом разбил Сталин "теоретические" утверждения Зиновьева, Каменева, Сокольникова. Завершая выступление, Сталин говорил:

—Партия хочет единства, И она добьется его вместе с Каменевым и Зиновьевым, если они этого захотят, *без них* — если они этого не захотят. *(Возгласы: "Правильно!" Аплодисменты.)*

—Единство, - продолжал он, - у нас должно быть, и оно будет, если партия, если съезд проявит характер и не поддастся запугиванию. *(Голоса: "Не поддадимся, тут народ стреляный".)*Если кто-либо из нас будет зарываться, нас будут призывать к порядку, - это необходимо, это нужно. Руководить партией вне коллегии нельзя. Глупо мечтать об этом после Ильича*(аплодисменты),* глупо об этом говорить.

Съезд выразил доверие Сталину. Против кандидатуры Сталина при выборах в ЦК было подано около 60 голосов, то есть примерно столько, сколько голосов имела оппозиция. Доверие съезда к Сталину определялось его непримиримым отношением к ней.

1 января 1926 года Сталин был вновь утвержден Пленумом на посту Генерального секретаря.

Будучи разгромленной на съезде, "новая оппозиция" не собиралась складывать оружие; совершенно естественно, что оппозиционеры стали искать союзников, и совершенно логично, что они нашли их в лице троцкистов и участников других антипартийных групп.

Сталин говорил на Пленуме:

—Мы не можем растянуть строительство индустрии на сто лет!..

[1] Сталин И. В.Соч. Т .7 С.353.

После Пленума процесс объединения двух антипартийных группировок ускорился. Троцкий, Зиновьев, Каменев в Политбюро, теперь уже совместно, пытались дезорганизовать работу руководящего штаба партии, втягивали его членов во все новые и новые, бесконечные дискуссии, устраивали обструкции, заставляли по нескольку раз переносить одни и те же вопросы от заседания к заседанию.

Оппозиционеры рангом пониже устраивали нелегальные собрания, создавали подпольные группы, распространяли фракционные документы. Вопиющим нарушением Устава ВКП(б) было собрание, проведенное оппозиционерами 6 июня 1926 года в лесу под Москвой. Главный организатор собрания Беленький — работник Коминтерна — позаботился о пароле, патрулях, других средствах конспирации. Зиновьев также был причастен к организации собрания, а кандидат в члены ЦК и заместитель председателя РВС СССР Лашевич на собрании призывал к борьбе с Центральным Комитетом.

В конце мая Сталин уехал в Грузию. Прибыв в Тифлис 1 июня, 2-го числа он отправился смотреть Земо-Авчальскую ГЭС — первенца гидростроения Закавказья. Осмотрев станцию, Сталин записал в Книге почетных посетителей на грузинском языке: "Да здравствует наше строительство и рабочие, техники, инженеры, работающие на нем!"

Вечером 3 июня Сталин посетил спектакль Тифлисского театра государственной оперы. В антракте он беседовал с композитором Баланчивадзе о его опере "Тамар Цбиере" и вообще о грузинской оперной музыке. Сталин заметил, что влияние произведений русских композиторов, в особенности Чайковского, на творчество грузинских композиторов очень заметно и это наиболее верный, плодотворный путь для грузинской музыки.

8 июня на собрании рабочих Главных железнодорожных мастерских Тифлиса, там, где он когда-то начинал путь революционера, Сталин выступил с речью о международном положении и внешней политике.

В Москву Сталин выехал 4 июля. Там его ждали важные дела.

Оппозиционеры выступили единым блоком на Пленуме ЦК 14 — 23 июля. Сталин брал слово несколько раз. В речи 22 июля он, отвергая требование Зиновьева отменить резолюции X съезда "О единстве партии", показал, что линия троцкистско-зиновьевского блока не имеет ничего общего с ленинизмом, а требование свободы фракций и группировок тождественно лишению партии

возможности руководить политической и экономической жизнью страны с классовых, пролетарских позиций. Сталин подчеркивал:

— Партия может и должна допустить в своей среде критику, борьбу мнений. Но она не может допустить того, чтобы ее ре-

шения срывались, ее рамки ломались, основы единства разрушались...

По поручению Политбюро Сталин зачитал на Пленуме полный текст письма Ленина "К съезду". Дело в том, что оппозиция пыталась использовать содержащуюся в этом письме критику особенностей характера Сталина, надеясь таким образом подорвать его авторитет.

Разумеется, фракционеры распространяли "Завещание" Ленина (так они называли письмо) без соответствующих мест, в которых указывалось на небольшевизм Троцкого и предательское поведение Зиновьева и Каменева в октябре 1917 года.

Прения на Пленуме были длительными и горячими. С разоблачениями оппозиционеров выступили С. М. Киров, В. М. Молотов, Г. К. Орджоникидзе, Я. Э. Рудзутак и многие другие. Оппозиционеры получили серьезное предупреждение: Зиновьев был выведен из Политбюро, Лашевич исключен из состава ЦК и снят с поста заместителя председателя РВС СССР, другие участники нелегального собрания в лесу под Москвой получили взыскания.

В октябре 1926 года оппозиционеры попытались "пойти в народ". Итог был плачевным: из 87 388 коммунистов, присутствовавших на собраниях в Москве и Ленинграде с 1 по 8 октября, за оппозиционеров голосовало лишь 496 человек.

На заседании Политбюро 11 октября 1926 года Сталин говорил:

— Не подлежит сомнению, что оппозиция потерпела жестокое поражение. Ясно также, что возмущение в рядах партии против оппозиции растет.

Под давлением обстоятельств 16 октября оппозиционеры обещали оказать партии содействие в ликвидации фракционной борьбы, но обещания не сдержали. Пленум ЦК в конце октября признал невозможным дальнейшее пребывание Зиновьева в Коминтерне, а Каменева и Троцкого — в составе Политбюро.

Тут впервые в истории большевистской партии возник пресловутый "еврейский вопрос". Дело в том, что среди троцкистско-зиновьевских присных преобладание евреев было уж слишком очевидным. Осмотрительный Сталин не преминул сделать по этому поводу оговорку: "Мы боремся против Троцкого, Зиновьева и Каменева не потому, что они евреи, а потому, что они оппозиционеры". Среди исключенных тогда из партии деятелей пестрели имена: Ауссем, Гессен, Гордон, Гертик, Гуральский, Дробнис, Зорин, Касперский, Командир, Левин, Лелозол, Лилина, Натансон, Паульсон, Рейнгольд, Равич, Роцкан, Рафаил, Смидовер, Устимчик, Шрайбер и далее до бесконечности. И эти люди занимали в ту пору видные посты в партии! Шло явное освобождение правящей партии российских большевиков от космополитов, Россию презиравших.

Тут возникает неизбежный вопрос: был ли Сталин антисемитом? Ну, "борцы с культом" на всей планете судят однозначно: да, и еще каким! Твердо возразим: нет, не был. Конечно, как человек, выросший в недрах православной культуры, и человек, широко, истинно образованный, он не мог не знать и не понимать, какова роль мирового еврейства, точнее — сионизма. Но это совсем не то, что примитивный антисемитизм, в котором его облыжно упрекают. Открыты, наконец, архивы, опубликованы его письма и заметки, порой самые интимные, но ничего подобного там не отыскать. И еще: ближайшими

сподвижниками Сталина в течение всего его долгого государственного правления были местечковый еврей Каганович, а также Ворошилов и Молотов, женатые на еврейках и очень любившие своих жен. С "антисемитами" подобных метаморфоз не случалось.

1 ноября 1926 года Сталин выступил на XV конференции ВКП(б) с большим докладом.

—Могут спросить: к чему все эти споры о характере и перспективах нашей революции, к чему споры о том, что будет в будущем или что может быть в будущем, — не лучше ли отбросить все эти споры в сторону и заняться практической работой?

Я считаю, товарищи, что такая постановка вопроса в корне неправильна [1] .

И всегда Сталин, будь то выступления или статьи, был склонен к сарказму, некоей издевке над оппонентами. Во время речи 1 ноября и заключительного слова 3 ноября зал то и дело отвечал смехом на его едкие замечания и определения. Вот Сталин характеризует выступление Каменева на конференции:

—...Каменев взял на себя "труд" доказать, что основная статья Ленина (1915 г.), трактующая о возможности победы социализма в одной стране, не касается будто бы России, что Ленин, говоря о такой возможности, имел в виду не Россию, а другие капиталистические страны. Каменев взял на себя этот сомнительный "труд" для того, чтобы прочистить, таким образом, путь Троцкому, "схему" которого убивает, и не может не убивать, статья Ленина, написанная в 1915 году.

Грубо говоря, Каменев взял на себя роль, так сказать, дворника у Троцкого *(смех),* прочищающего ему дорогу. Конечно, печально видеть директора Института Ленина в роли дворника У Троцкого не потому, что труд дворника представляет что-либо плохое, а потому, что Каменев, человек, несомненно, квалифицированный, я думаю, мог бы заняться другим, более квалифицированным трудом. *(Смех.)* Но он взял на себя эту роль добровольно, на что он имел, конечно, полное право, и с этим ничего не поделаешь...[2].

[1]С т а л и н И. В. Соч. Т .8. С.234 - 297.

[2]Сталин И. В. Соч.Т .8. С.316 - 317.

Далее Сталин, уже серьезно, без шуток, а фактами и ссылками на работы Ленина доказал беспочвенность устремлений "дворника" Каменева и "хозяина" Троцкого. Закончил он так:

— Зиновьев хвастал одно время, что он умеет прикладывать ухо к земле *(смех),* и когда он прикладывает его к земле, то он слышит шаги истории. Очень может быть, что это так и есть на самом деле. Но одно все-таки надо признать, что Зиновьев, умеющий прикладывать ухо к земле и слышать шаги истории, не слышит иногда некоторых "мелочей". Может быть, оппозиция и умеет, действительно, прикладывать уши к земле и слышать такие великолепные вещи, как шаги истории. Но нельзя не признать, что, умея слышать великолепные вещи, она не сумела услышать ту "мелочь", что партия давно уже повернулась спиной к оппозиции, а оппозиция осталась на мели. Этого они не услышали. *(Голоса: "Правильно!")*

Что же из этого следует? А то, что у оппозиции, очевидно, уши не в порядке. *(Смех.)*

Отсюда мой совет: уважаемые оппозиционеры, лечите свои уши! *(Бурные, продолжительные аплодисменты. Конференция, стоя, провожает тов. Сталина.)* [1]

7 декабря на Пленуме с докладом "Внутрипартийные вопросы ВКП(б) выступил Сталин. Вместе с заключительным словом от 16 декабря доклад составил работу "Еще раз о социал-демократическом уклоне в нашей партии".

Разумеется, вопрос о возможности строительства социализма был главным в докладе Сталина. Он говорил:

— Оппозиция думает, что вопрос о строительстве социализма в СССР имеет лишь теоретический интерес. Это неверно. Это глубочайшее заблуждение. Такая трактовка вопроса может быть объяснена лишь полной оторванностью оппозиции от нашей партийной практики, от нашего хозяйственного строительства.

Наряду с обострением трудностей внутри страны (о них речь впереди), осложнилось и внешнеполитическое положение СССР. В конце февраля 1927 года правительство Великобритании опубликовало грубую ноту, в которой выражало недовольство помощью трудящихся СССР английским горнякам; 6 апреля китайские милитаристы совершили налет на советское посольство в Пекине; через день русские белогвардейцы напали на советские торгово-банковские учреждения в Тяньшине; 12 мая английские полицейские разгромили в Лондоне помещение советского торгпредства и Аркоса (Англо-русского кооперативного торгового общества), а 27 мая английское правительство разорвало дипломатические отношения с СССР.

[1] С т а л и н И. В. Соч. Т 8. С.355 - 356.

Именно в такое время оппозиция нашла уместным усилить свои нападки на партию. В этом нет ничего удивительного: оппозиционеры, ослепленные своей ненавистью, желали использовать подходящую возможность для изменения руководства партии и страны, в достижении этой цели они не стали бы гнушаться ничем. Благо же нашей Родины, спокойствие и мирный труд нашего народа для Троцкого, Каменева, Зиновьева и иже с ними ровным счетом ничего не значили.

9 июня Троцкий и Зиновьев приняли участие в политической антипартийной демонстрации, организованной на Ярославском вокзале в Москве под предлогом проводов троцкиста Смилги, уезжавшего на Дальний Восток. Троцкий произнес речь, изобиловавшую нападками на Сталина.

11 июля Троцкий в письме председателю ЦКК Орджоникидзе, отвечая на вопрос, как он понимает обязанности обороны СССР, имел наглость провести чудовищную аналогию. Поскольку ВКП(б) переродилась, поскольку, по Троцкому, наступил "Термидор", то и вопрос об обороне СССР следует ставить в прямую связь со сменой руководства в партии. Троцкий сравнивал сложившуюся ситуацию с положением во Франции в начале первой мировой войны, когда германские войска находились в восьмидесяти километрах от Парижа.

Теперь представим, что в ноябре 1941 года, когда немецко-фашистские войска находились даже не в восьмидесяти, а в тридцати километрах от Москвы, в ЦК ВКП(б), в Советском правительстве имелись бы люди, подобные Троцкому, Зиновьеву, Каменеву. Можно не сомневаться, что и в этот, исключительно опасный и трагический для нашей Родины час такие люди поставили бы свои корыстные интересы выше блага Отечества и начали бы борьбу за власть, играя тем самым на руку врагам. Но... таких людей в ЦК ВКП(б), в Советском правительстве в ноябре 1941 года не было и быть не могло: партия, ее Центральный Комитет задолго до войны разоблачили Троцкого и К[0], лишили их возможности влиять на судьбу нашей страны. Сталин сыграл в этом важнейшем деле не последнюю роль.

Вот он выступает на Пленуме ЦК 1 августа:

— **Революционер** тот, кто без оговорок, безусловно, открыто и честно, без тайных военных совещаний готов защищать, оборонять СССР, ибо СССР есть первое в мире пролетарское революционное государство, строящее социализм. **Интернационалист** тот, кто безоговорочно, без колебаний, без условий готов защищать СССР, потому, что СССР есть база мирового революционного движения, а защищать, двигать вперед это революционное движение невозможно, не защищая СССР...

Далее следовали слова, звучащие особенно актуально ныне:

—Ибо кто думает защищать мировое революционное движение помимо и против СССР, тот идет против революции, тот обязательно скатывается в лагерь врагов революции... [1] .

Зачитав пространный отрывок из письма Троцкого к Орджоникидзе, в котором и развивался этот "тезис о Клемансо", Сталин продолжал:

—"Мелкобуржуазная дряблость и нерешительность" — это, оказывается, большинство нашей партии, большинство нашего ЦК, большинство нашего правительства. Клемансо — это Троцкий с его группой. *(Смех.)* Если враг подойдет к стенам Кремля километров на восемьдесят, то этот новоявленный Клемансо, этот опереточный Клемансо постарается, оказывается, сначала свергнуть нынешнее большинство именно потому, что враг стоит в восьмидесяти километрах от Кремля, а потом взяться за оборону...

3 сентября 1927 года лидеры оппозиции направили в ЦК ВКП(б) новый документ — "платформу 13-ти" за подписями Троцкого, Зиновьева, Каменева и других. Выдвигая в ней ряд прежних обвинений и присовокупив к ним новые, они требовали опубликовать "платформу" в печати и немедленно начать предсъездовскую дискуссию. Когда им было резонно отказано в этом, оппозиционеры начали создавать подпольные типографии в Москве, Ленинграде, Харькове и печатать в них свои антипартийные материалы Одну такую типографию, к обслуживанию которой они привлекли и беспартийных (в том числе представителей враждебных классов), органы ОГПУ обнаружили в Москве на квартире родственников Троцкого. Оппозиционера Мрачковского пришлось арестовать, так как он вел самую настоящую подпольную работу и вошел в контакт с белогвардейскими офицерами. Оппозиция явно перешла границы советской законности, но это не смущало ее вожаков: на заседании Президиума ИККИ 27 сентября 1927 года Троцкий демонстративно солидаризировался с организаторами подпольной типографии и восхвалял их деятельность.

На этом заседании Сталин говорил: — Троцкий не понимает нашей партии. У него нет правильного представления о нашей партии. Он смотрит на нашу партию так же, как дворянин на чернь или как бюрократ на подчиненных. Иначе бы он не утверждал, что в миллионной партии, в ВКП(б) можно "захватить" власть, "узурпировать" власть отдельным лицам, отдельным руководителям. "Захватить" власть в миллионной партии, проделавшей три революции и потрясающей ныне основы мирового империализма, — вот до какой глупости договорился Троцкий!

[1] Сталин И. В. Соч. Т .10. С.51

Объединенный Пленум ЦК и ЦКК 21 — 23 октября вновь был вынужден рассмотреть вопрос об оппозиционном блоке. Был заслушан доклад ЦКК о фракционной деятельности Троцкого и Зиновьева. Состоялись прения, в которых предоставили возможность высказаться и оппозиционерам. Они настаивали на своих обвинениях в адрес партии и ее руководства.

23 октября выступил Сталин.

—Прежде всего о личном моменте, — начал он речь. — Вы слышали здесь, как старательно ругают оппозиционеры Сталина, не жалея сил. Это меня не удивляет, товарищи. Тот факт, что главные нападки направлены против Сталина, этот факт объясняется тем, что Сталин знает лучше, может быть, чем некоторые наши товарищи, все плутни оппозиции, надуть его, пожалуй, не так-то легко, и вот они направляют удар прежде всего против Сталина. Что ж, пусть ругаются на здоровье...

Более того, я считаю для себя делом чести, что оппозиция направляет всю свою ненависть против Сталина. Оно так и должно быть. Я думаю, что было бы странно и обидно, если бы оппозиция, пытающаяся разрушать партию, хвалила Сталина, защищающего основы ленинской партийности...[1]

Так как оппозиционеры вновь (в который раз!) разглагольствовали о "завещании" Ленина и его критических замечаниях в адрес Сталина, Генеральный секретарь ЦК очень подробно остановился на этом вопросе и показал, что и речи не могло быть об "утаивании" от партии этого письма Ленина. Среди прочего Сталин сказал:

—Говорят, что в этом "завещании" товарищ Ленин предлагал съезду ввиду "грубости Сталина обдумать вопрос о замене Сталина на посту Генерального секретаря другим товарищем. Это совершенно верно. Да я груб, товарищи, в отношении тех, которые грубо и вероломно разрушают и раскалывают партию. Я этого не скрывал и не скрываю. Возможно, что здесь требуется известная мягкость в отношении раскольников. Но этого у меня не получается. Я на первом же заседании Пленума ЦК послеXIII съезда просил Пленум ЦК освободить меня от обязанностей Генерального секретаря. Съезд сам обсуждал этот вопрос. Каждая делегация обсуждала этот вопрос, и все делегации единогласно, в том числе и Троцкий, Каменев, Зиновьев, обязали Сталина остаться на своем посту.

Что же я мог сделать? Сбежать с поста? Это не в моем характере, ни с каких постов я никогда не убегал и не имею права убегать, ибо это было бы дезертирством. Человек я, как уже раньше об этом говорил, подневольный, и когда партия обязывает, я должен подчиниться [2].

[1] С т а л и н И. В. Соч. Т .10. С.172 - 173.

[2] С т а л и н И. В. Соч. Т .10. С.175 - 176.

Рассмотрев вопрос о подпольной фракционной работе Троцкого и Зиновьева, Пленум вывел их из состава ЦК. Но они и их присные настолько были уверены в своей безнаказанности, что в ходе предсъездовской дискуссии отважились на прямые выступления. 7 ноября 1927 года, в день десятилетия Октября, когда миллионы советских трудящихся вышли на площади и улицы городов нашей страны, чтобы продемонстрировать верность Советскому правительству, кучка оппозиционеров вздумала организовать свою контрманифестацию в Москве и Ленинграде. Вздумала — и опозорилась: только своевременное вмешательство милиции спасло оппозиционеров от гнева рабочих, иначе их просто-напросто растерзали бы.

...XV съезд партии открылся 2 декабря 1927 года. Главным его делом стала разработка мероприятий, направленных на дальнейшее развертывание социалистической реконструкции народного хозяйства. О них речь впереди. Оппозиция же получила на съезде последний, завершающий удар.

В Отчетном докладе ЦК съезду (его делал Сталин) главное место отводилось, естественно, внешнему и внутреннему положению нашей страны; был и раздел "Партия и оппозиция". Оценивая предсъездовскую дискуссию, отметив, что в последние недели и месяцы окончательно выяснилась глубина пропасти, разделившей идейные позиции партии и оппозиции, Сталин охарактеризовал основные направления, по которым шла борьба с оппозицией. Он говорил:

— Вы спрашиваете: почему мы исключили Троцкого и Зиновьева из партии? Потому, что мы не хотим иметь в партии дворян. Потому, что закон у нас в партии один, и все члены партии равны в своих правах. *(Возгласы: "Правильно!" Продолжительные аплодисменты.)*

Если оппозиция желает жить в партии, пусть она подчиняется воле партии, ее законам, ее указаниям без оговорок, без экивоков. Не хочет она этого, — пусть уходит туда, где ей привольнее будет. *(Голоса: "Правильно!" Аплодисменты.)* Новых законов, льготных для оппозиции, мы не хотим и не будем создавать.

(Аплодисменты.)

Спрашивают об условиях. Условие у нас одно: оппозиция должна разоружиться целиком и полностью и в идейном и в организационном отношении. *(Возгласы: "Правильно!" Продолжительные аплодисменты.)*

Она должна отказаться от своих антибольшевистских взглядов открыто и честно, перед всем миром. *(Возгласы: "Правильно!" Продолжительные аплодисменты.)*

Итак, к концу двадцатых годов Сталин полностью победил своего главного соперника Троцкого и его незадачливых приспешников. Победил политически. Но они оставались как политические личности, они действовали, и не только открыто. А их сторонники, а те, кто им тайно сочувствовал? Они остались

теми же, только публичные клятвы вдруг сразу переменили. Но ведь это можно поменять снова...

Сталин эту нехитрую, в общем-то, игру понимал. Понимал, как это видно теперь, гораздо глубже, чем сами самоуверенные "игроки".

Вот "красный маршал" Тухачевский, человек во всех отношениях темноватый и гнилой. Он взлетел на верх политической жизни с ладони Троцкого, был его присным, о чем все знали. Уже в 24-м, когда Троцкий еще был членом всевластного в России Политбюро, он его предал и переметнулся к Ворошилову, которого по пустозвонству своему презирал. Значит, от Троцкого перешел к врагу его Сталину. Покаялся? Нет, конечно. Небось думал про себя: какой я умный, какой хитрый, как мне все удается!..

Но Сталин-то был не глупее. Сущность "красного маршала" он четко разгадал. Ну, докладывали ему кое-что спецслужбы (они всегда и везде руководству все докладывают, затем только их и держат). Не в том дело. Главное же, как проницательный человек, с обостренным (хотя поневоле затаенным) православным чутьем на понимание всякого хорошего и дурного, он читал в людских душах то, что порой им самим неведомо было. Вот главное.

Да, к концу двадцатых годов был разбит Троцкий. Да, большинство его сторонников бессовестно переметнулись на сталинскую сторону. Но лишь до поры: они ждали своего часа.

Ждал и Сталин. Но часа не их, а своего.

Глава двенадцатая

Поскольку в предыдущей главе речь шла почти исключительно о столкновениях с оппозицией в партии, у читателя могло сложиться впечатление, что борьба с различными уклонениями от ленинизма и была главным, основным занятием Генерального секретаря в середине 20-х годов. Но именно в том-то и состояла трудность этой борьбы, что вести ее приходилось одновременно с напряженнейшей работой: сначала по восстановлению народного хозяйства, а затем в период коренной его реконструкции.

Отвергая старые пути индустриализации, Сталин говорил, что в конкретных условиях 20-х годов у нашей страны была только одна возможность:

— Остается новый путь развития, путь, не изведанный еще полностью другими странами, путь развития крупной промышленности без кредитов извне, путь индустриализации страны без обязательного притока иностранного капитала... [1].

В конце 1925 и начале 1926 года страна переживала хозяйственные затруднения. Одна из причин этого состояла в том, что

[1] Сталин И. В. Соч. Т .7. С.197 - 198.

по инициативе знакомых нам уже лиц — видных оппозиционеров (Каменева, занимавшего тогда пост председателя СТО; Пятакова — заместителя председателя ВСНХ и Сокольникова — наркома торговли — был составлен и введен в действие раздутый план развертывания промышленности, сопровождаемый значительным увеличением объема хлебозаготовок. Хлеб предполагалось вывезти за границу и обеспечить этим импорт сырья, промтоваров, оборудования. Но выполнить план хлебозаготовок не удалось, и вместо зерна пришлось вывозить золото — надо было оплатить сделанные ранее заказы. Становилось очевидным: коренной причиной трудностей страны была ее экономическая зависимость от внешней торговли. Выход мог быть только в реконструкции самого народного хозяйства.

XIV съезд партии провозгласил курс на индустриализацию СССР. Теперь вплотную вставал вопрос: на какие средства вести индустриальное строительство. Советская страна не могла рассчитывать на займы от капиталистических государств; не было у нее и других, обычных для индустриализации капиталистических стран, путей. Вопрос об источниках накоплений был одним из самых горячо обсуждаемых на апрельском (1926 года) Пленуме ЦК. Лидеры оппозиционеров яростно атаковали линию партии, но получили достойный отпор. Дзержинский, к примеру, очень резко отчитал Троцкого и его сторонников, демагогически кричавших, что "нет поворота к индустриализации".

В речи 9 апреля 1926 года на Пленуме Сталин решительно отверг "поправки" Троцкого и Каменева к резолюции Политбюро, разоблачил намерения Троцкого "забегать" вперед.

— Можно ли, — говорил он, — отставать от хода развития промышленности при постройке плана? Нет, нельзя. Можно ли забегать вперед, не считаясь со средствами? Нет, нельзя. Нужно идти в уровень, не отрывая индустрию от сельского хозяйства... Троцкий характеризует планирование наших центральных органов как хвостизм, как теорию отставания. Неверно, что планы наших центральных органов всегда и везде отставали от промышленности... Если планирование наших центральных органов является хвостизмом, тогда планирование Троцкого следовало бы назвать авантюристическим или романтическим. Строить раздутые планы, не считаясь со средствами, отвлекаясь от наших возможностей, это значит впадать в авантюризм или романтизм...

В этом месте Пятаков бросил реплику:

— Скажи, чем я страдаю?

— И тем, и другим, — ответствовал Сталин...

Пленум отверг "поправки" оппозиционеров.

Огромная страна стала строить. В разных концах ее, один за другим, начиналось сооружение крупнейших предприятий.

12 июля 1926 года в степи под Сталинградом был заложен тракторный завод.

8 марта 1927 года у Днепровских порогов началось сооружение крупнейшей в Европе гидроэлектростанции.

В степях Казахстана шло строительство Туркестано-Сибирской железной дороги.

В Ростове-на-Дону — огромного завода сельскохозяйственных машин.

Велись проектные, подготовительные работы к созданию трех крупнейших металлургических заводов — Магнитогорского, Кузнецкого и Криворожского.

Сталин внес немалый вклад в определение курса развития народного хозяйства страны.

Вот он 9 июня 1925 года отвечает в Свердловском университете на такой важный вопрос: "Возможно ли развитие крупной советской промышленности в условиях капиталистического окружения без кредитов нзвне?"

— Да, возможно. Дело это будет сопряжено с большими трудностями, придется при этом пережить тяжелые испытания, но индустриализацию нашей страны без кредитов извне мы все же можем провести, несмотря на все эти затруднения...

15 января 1928 года Сталин выехал в Сибирь. В Новосибирске, Барнауле, Рубцовске, Омске он знакомился с ходом хлебозаготовок, выступал на собраниях коммунистов.

В Рубцовске собрались в просторном, хорошо протопленном зале. Набилось людей до отказа; опоздавшие протискивались прямо в тулупах, валенках и шапках.

В президиум Сталин не пошел. Одетый в свой обычный китель и белые бурки, он сидел сбоку стола, несколько в стороне, пыхтел трубкой и читал какие-то бумаги. Когда начались выступления с мест, Сталин поднялся и, прохаживаясь, продолжал курить. Казалось, он не очень-то и вслушивается, но по временам, жестом остановив говорившего, спрашивал, вставлял реплики, делал тут же короткие выводы. Заинтересовавшись чем-то в сообщении, Сталин просил высказаться то кооператоров, то финансовых работников, то заготовителей.

Это не было похоже на заседание, к которым привыкли присутствующие. Сталин незаметно и умело овладел беседой, направляя внимание к самому главному — как взять хлеб при сложившихся в деревне обстоятельствах. Собрание подчинилось его воле, не было болтовни, многословия, каждый старался говорить и отвечать коротко, ясно. В заключение Сталин потребовал от местных руководителей выполнения хлебозаготовок, тем более что урожай был очень хорошим. Сталин подчеркивал в выступлениях: раз кулаки пытаются вздуть хлебные цены вдвое и втрое, то как спекулянтов их следует привлекать к ответственности по статье 107 Уголовного кодекса. На высказан-

ные местными работниками сомнения в целесообразности этой меры Сталин ответил весьма резко:

—Вы говорите, что применение к кулакам сто седьмой статьи есть чрезвычайная мера, что оно не дает хороших результатов, что оно ухудшит положение в деревне. Особенно настаивает на этом товарищ Загуменный. Допустим, что это будет чрезвычайная мера. Что же из этого следует? Почему применение сто седьмой статьи в других краях и областях дало великолепные результаты, сплотило трудовое крестьянство вокруг Советской власти и улучшило положение в деревне, а у вас, в Сибири, оно должно дать якобы плохие результаты и ухудшить положение? Почему, на каком основании?

Разумеется, Сталин не думал, что чрезвычайные меры могут навсегда решить дело.

—...Нет гарантий, — продолжал он, — что саботаж хлебозаготовок со стороны кулаков не повторится в будущем году. Более того, можно с уверенностью сказать, что пока существуют кулаки, будет существовать и саботаж хлебозаготовок. Чтобы поставить хлебозаготовки на более или менее удовлетворительную основу, нужны другие меры. Какие именно меры? Я имею ввиду развертывание строительства колхозов и совхозов...[1.]

Против курса партии на коллективизацию ополчились Бухарин и его сторонники. При рассмотрении в ЦК вопросов хозяйственной политики Бухарин, Томский, Рыков все чаще выступали с предложениями, противоречащими решениям XV съезда: то они предлагали сократить ассигнования на колхозное строительство, то ограничить развитие металлургии и машиностроения... В письмах и заявлениях правые стали утверждать, что в своей практической деятельности ЦК "дезорганизует" партию.

Среди руководящих работников Московского комитета ВКП(б) правые имели довольно много сторонников: секретари МК НА. Угланов, В.А. Котов, члены бюро МК Г.С. Мороз, Н.Н. Мандельштам, секретари райкомов М. Н. Рютин, М. А. Пеньков и некоторые другие ходили в правых. Вокруг

Бухарина сгруппировалась так называемая "школа молодых профессоров". Астров, Марецкий, Слепков, Гольденберг, Зайцев, Айхенвальд, Цейтлин, пользуясь тем, что Бухарин был ответственным редактором "Правды", со страниц центрального органа партии популяризировали идеи Бухарина. Особенно активен был Угланов. Используя свое положение кандидата в члены Политбюро и секретаря МК, он в докладах и выступлениях настойчиво распространял идеологию правого уклона. При встречах с руководящими деятелями ЦК правые стремились информировать их о настроении рабочего класса в выгодном для себя духе.

[1] Сталин И.В. Соч. Т .11. С.З - 5.

В марте 1928 года Угланов, Уханов, Михайлов встретились в ЦК со Сталиным. В беседе правые пытались навязать свои взгляды и предложения по основным направлениям текущей политики партии: о темпах индустриализации, о соотношении между легкой и тяжелой промышленностью, о социалистическом преобразовании сельского хозяйства, наступлении на кулака и частных предпринимателей в городах и т.п. Сталин, выслушав внимательно их всех, дал разъяснения Угланову и его спутникам. Такая встреча не была единичной, но никакие разъяснения не помогали.

Наметившиеся разногласия дали знать о себе и на Пленуме ЦК в апреле 1928 года. Если большинство членов ЦК считали, что затруднения в стране имели социально-экономические причины, а промахи в планировании только осложняли положение, то Рыков, Томский, Угланов настаивали: трудности — следствие неправильной политики, ошибок руководителей, прежде всего - Генерального секретаря.

Не желая обострять расхождения, большинство ЦК не стремилось к открытой полемике. Поэтому и Сталин в докладе об итогах Пленума на собрании актива Московской организации 13 апреля воздержался от упоминаний фамилий. Но в докладе имелось немало мест, обращенных прямо против уклонистов. Так, говоря о необходимости борьбы с кулаками, Сталин подчеркнул:

— Я знаю, что некоторые товарищи не вполне охотно приемлют этот лозунг. Странно было бы думать, что союз рабочих и крестьян в условиях упрочившейся диктатуры пролетариата означает союз рабочих со всем крестьянством, в том числе и кулачеством. Нет, товарищи, мы такого союза не проповедуем и проповедовать не можем. В обстановке диктатуры пролетариата, при условии упрочения власти рабочего класса союз рабочего класса с крестьянством означает опору на бедноту, союз с середняком, борьбу с кулачеством. Кто думает, что союз с крестьянством при наших условиях означает союз с кулаком, тот не имеет ничего общего с ленинизмом. Кто думает вести в деревне такую политику, которая всем понравится, и богатым и бедным, тот не марксист, а дурак, ибо такой политики не существует в природе, товарищи. **(Смех и аплодисменты.)** Наша политика есть политика классовая...[1] .

И в этом случае Сталин выразил, и очень четко, то настроение, которое всегда господствовало среди марксистов: против зажиточных крестьян надо вести классовую борьбу, применяя и Уголовный кодекс. Вскоре этот тезис получит широкое распространение и на практике приведет к тем репрессиям, от которых пострадало очень большое количество русских крестьян.

[1] Сталин И.В. Соч. Т. И. С.48.

Необходимо упомянуть, что большой раздел этой речи был отведен самокритике — как средству преодоления ошибок и недостатков. Сталин рассмотрел несколько обстоятельств, побуждающих партию шире употреблять это оружие.

— Наконец, — говорил он, — есть еще одно обстоятельство, толкающее нас к самокритике. Я имею в виду вопрос о массах и вождях. За последнее время у нас стали создаваться некоторые своеобразные отношения между вождями и массами. С одной стороны, у нас выделилась, исторически создалась группа руководителей, авторитет которых поднимается все выше и выше и которая становится почти что недосягаемой для масс. С другой стороны, массы рабочего класса, прежде всего, массы трудящихся

вообще поднимаются вверх чрезвычайно медленно, они начинают смотреть на вождей снизу вверх, зажмурив глаза, и нередко боятся критиковать своих вождей...

После апрельского Пленума 1928 года правые усилили атаки на линию партии. Дважды, в мае и июне, Бухарин направлял в ЦК, Сталину, письма, в которых выражал свое несогласие с курсом партии на индустриализацию и коллективизацию. 15 июня активный сторонник правых, заместитель наркома финансов М. И. Фрумкин направил членам Политбюро письмо, где в обобщенном виде нашла выражение политическая линия правых. По поручению Политбюро ответ Фрумкину дал Сталин. По пунктам разобрав обвинения, выдвинутые оппозиционером, Сталин показал их беспочвенность. В конце июля Политбюро одобрило текст ответа.

На состоявшемся в начале июля Пленуме ЦК правые действовали очень активно, но успеха не имели. Характерно, что в это время Бухарин тайком, в сопровождении Сокольникова, с ведома Рыкова и Томского, вел переговоры с только что восстановленным в партии Каменевым о повороте в политике ЦК и соответствующем изменении состава Политбюро. Об этих переговорах ЦК стало известно гораздо позднее — в январе 1929 года. Сам факт был убийственным для репутации Бухарина и К°: в борьбе с ЦК правые готовы были вступить в блок с троцкистами, которых совсем недавно и громогласно обвиняли во всех смертных грехах.

Осенью 1928 года разногласия обострились. В Политбюро они особенно проявились при подготовке резолюции к предстоящему Пленуму ЦК о контрольных цифрах на 1928/29 хозяйственный год. Комиссия в составе Бухарина, Кржижановского, Куйбышева, Микояна, Орджоникидзе, Рыкова и Сталина работала над проектом резолюции около десяти дней. Бухарин и Рыков рьяно отстаивали свои взгляды на положение в сельском хозяйстве. Когда же они убедились, что их требования не будут выполнены, то вместе с Томским подали заявление об уходе с занимаемых постов: редактора "Правды" и секре-

таря Исполкома Коминтерна, председателя СНК СССР, председателя ВЦСПС.

На Пленуме в ноябре 1928 года правые продолжали навязывать партии свой курс. Рыков — докладчик — не решался открыто выступить за сокращение ассигнований на развитие промышленности, но настойчиво проталкивал мысль о нереальности контрольных цифр. Он же и Фрумкин заявляли, что подъем сельскохозяйственного производства возможен лишь на основе индивидуального крестьянского хозяйства и т. д.... Пленум отверг установки правых и подтвердил курс на коллективизацию.

Участники Пленума пришли к мнению: оформившийся в партии правый уклон был для нее в тот момент самым опасным. Сталин с издевкой продемонстрировал разницу платформ "левых" и правых:

—Если, например, правые говорят: "Не надо было строить Днепрострой", а "левые", наоборот, возражают: "Что нам один Днепрострой, подавайте нам каждый год по Днепрострою" *(смех),*— то надо признать, что разница, очевидно, есть.

Если правые говорят: "Не тронь кулака, дай ему свободно развиваться", а "левые", наоборот, возражают: "Бей не только кулака, но и середняка, потому что он такой же частный собственник, как и кулак", — то надо признать, что разница, очевидно, есть.

Если правые говорят: "Наступили трудности, не пора ли спасовать", а "левые", наоборот, возражают: "Что нам трудности, чихать нам на ваши трудности, — летим вовсю вперед" *(смех),* — то надо признать, что разница, очевидно, есть... [1] .

В конце января 1929 года ЦК стало известно о переговорах Каменева и Бухарина. 30 января Политбюро и Президиум ЦКК потребовали от Бухарина объяснений. Вместо этого он выступил с заявлением, в котором обвинял ЦК в "военно-феодальной эксплуатации крестьянства"...

—Жалуются на "проработку", — говорил Сталин. — Но эти жалобы белыми нитками шиты. Если Бухарин имеет право писать несуразную антипартийную статью вроде "Заметки экономиста", то члены партии тем более имеют право критиковать такую статью. Если Бухарин и Томский дают себе право нарушать постановление ЦК, упорно отказываясь работать на порученных им постах, то члены партии тем более имеют право критиковать подобное их поведение. Если это называется "проработкой", то пусть объяснят нам, как они понимают тогда лозунг самокритики, внутрипартийной демократии и так далее.

Говорят, что Ленин наверняка поступил бы мягче, чем теперь поступает ЦК в отношении Томского и Бухарина. Это совершенно неверно. Сейчас дело обстоит так, что два члена По-

[1] Сталин И.В. Соч. Т .11. С.279.

литбюро систематически нарушают решения ЦК, упорно отказываясь остаться на тех постах, которые им предоставлены партией, а ЦК партии, вместо того чтобы наказать их, вот уже два месяца уговаривает их остаться на своих постах. А как поступал Ленин в таких случаях, — припомните-ка. Разве не помните, что товарищ Ленин из-за одной маленькой ошибки со стороны Томского угнал его в Туркестан. Томский бросил с места:

- При благосклонном содействии Зиновьева и отчасти твоем!

Если ты хочешь сказать, — отпарировал Сталин, — что Ленина можно было убедить в чем-нибудь, в чем он сам не был убежден, то это может вызвать лишь смех...

Окончательное политическое поражение правой оппозиции последовало на объединенном Пленуме ЦК и ЦКК 16 — 23 апреля 1929 года. Присутствующие — более 300 человек — внимательно рассмотрели все документы и материалы о положении в партии. Андреев, Ворошилов, Киров, Куйбышев, Орджоникидзе, Рудзутак и многие другие в выступлениях говорили о сущности правого уклона. 22 апреля с большой речью выступил и Сталин. Начал он так:

— Товарищи! Я не буду касаться личного момента, хотя личный момент в речах некоторых товарищей из группы Бухарина играл довольно внушительную роль. Не буду касаться, так как личный момент есть мелочь, а на мелочах не стоит останавливаться. Бухарин говорил о личной переписке со мной. Он прочитал несколько писем, из которых видно, что мы, вчера еще личные друзья, теперь расходимся с ним в политике. Те же нотки сквозили в речах Угланова и Томского. Дескать, как же так: мы — старые большевики, и вдруг расхождения между нами, друг друга уважать не умеем.

Я думаю, что все эти сетования и вопли не стоят ломаного гроша. У нас не семейный кружок, не артель личных друзей, а политическая партия рабочего класса. Нельзя допускать, чтобы интересы личной дружбы ставились выше интересов дела [1] .

На XVI партконференции пятилетний план был одобрен в "оптимальном" варианте. Окончательно его утвердил V съезд Советов в мае 1929 года.

Собственно, выполнение пятилетки шло с 1 октября 1928 года. Вскоре жизнь показала, что задания пятилетки, представлявшиеся правым оппортунистам нереальными, могут быть и перевыполнены. На заводах и фабриках, на транспорте и в шахтах — повсюду трудовой подъем был настолько велик, что к

[1] Сталин И.В. Соч. Т .12. С.1.

августу — сентябрю 1929 года стало ясно: промышленность перевыполнит план 1928/29 года, план первого года пятилетки [1] .

Уверенность в том, что промышленность СССР выполнит задание пятилетнего плана, еще более увеличивала озабоченность руководящих и партийных работников отставанием сельского хозяйства. Самым уязвимым местом в сельском хозяйстве была зерновая отрасль.

Во второй половине 1929 года вступление крестьян в колхозы приняло широкий размах и в ряде мест на практике стало перерастать в сплошную коллективизацию целых районов. Год этот вошел в историю нашей страны, как год великого перелома, коренных изменений жизни деревни. Статья Сталина, опубликованная к двенадцатой годовщине Октября, так и называлась "Год великого перелома". Сталин писал о переломе в области производительности труда, о стремительном росте промышленного производства и особенно остановился на сельском хозяйстве. Он писал: "В чем состоит **новое** в нынешнем колхозном движении? Новое и решающее в нынешнем колхозном движении состоит в том, что в колхозы идут крестьяне не отдельными группами, как это имело место раньше, а целыми селами, волостями, районами, даже округами.

А что это значит? Это значит, что **в колхозы пошел середняк.** В этом основа того коренного перелома в развитии сельского хозяйства, который составляет важнейшее достижение Советской власти за истекший год" [2] .

Современные исследователи колхозного движения считают необходимым поправить эту оценку Сталина указанием на то, что середняк осенью 1929 года пошел в колхоз "в ведущих зерновых областях". Несомненно, Сталин допустил некоторое преувеличение. Оно может быть понято, если вспомнить обстановку энтузиазма, которую создавало у партийных и советских работников массовое поступление крестьян в колхозы: им так хотелось, чтобы это серьезное и трудное дело шло как можно лучше! В разряд преувеличений, вызванных успехами, надо отнести и заявление Сталина в статье о полном подтверждении практикой "возможности и целесообразности организации крупных зерновых хозяйств в 40 — 50 тысяч гектаров". Последующая практика как раз и показала, что сельское хозяйство страны еще не готово по ряду причин для широкого распространения таких "зерновых фабрик".

Итоги первого года пятилетки были подведены на ноябрьском (1929 года) Пленуме ЦК ВКП(б). Проанализировав их, Центральный Комитет пришел к выводу, что "дело построения

[1] Хозяйственный год тогда начинался с 1 октября. На 1 января начало хозяйст

венного года было перенесено в 1931 году.

[2] Сталин И.В. Соч. Т. 12. С.132.

социализма в стране пролетарской диктатуры может быть проведено в исторически минимальные сроки".

Основное внимание на Пленуме уделялось сельскому хозяйству. Пленум решительно высказался за ускорение коллективизации. На это были ориентированы партийные организации. Несомненно, возможности более быстрого переустройства сельского хозяйства имелись.

Пленум предпринял организационные меры по укреплению руководства сельским хозяйством. Был создан новый государственный орган — Народный комиссариат земледелия во главе с Я.А. Яковлевым (Эпштейном). Одновременно принимались срочные меры по снабжению возникавших десятками тысяч колхозов материальными средствами и кадрами руководителей. Здесь уместно сказать об отношении большевиков к основной массе русского населения — крестьянству. Все марксисты (а ленинцы старались быть правоверными марксистами) враждебно относились к "мелкобуржуазной стихии" (так они именовали крестьян) и в своих теоретических построениях рассуждали о том, как "пролетариям" надо обращаться с ними, когда "пролетарии" возглавят общество и станут "переделывать" его по своему усмотрению. На этот счет у Маркса, Энгельса и Ленина есть масса высказываний, неопровержимо свидетельствующих о том, что крестьянство, и прежде всего русское крестьянство, они ненавидели и намеревались обращаться с ним, не стесняясь в методах и прибегая к насилию. Уже в годы гражданской

войны, когда большевики во главе с Лениным, Троцким, Зиновьевым, Бухариным и прочими "пролетариями" оказались у власти, они немало сделали, чтобы избавиться от русских крестьян.

Но Ленину не привелось долго "перестраивать" общество, на этом пути он сделал только первые шаги, хотя его действия обещали русским крестьянам в последующем далеко идущие и тяжкие итоги. Вышло так, что продолжать "преобразование" выпало Сталину.

Отступить от догмы, пойти каким-то иным путем, учитывавшим реальность, ему никто тогда, в середине — конце 20-х годов, не позволил бы: все его окружение, все эти "пролетарии" — Бухарины, Каменевы, Зиновьевы и прочие, люто ненавидели русское крестьянство, эту "мелкобуржуазную стихию", и с ними смыкалась, за ними следовала вся верхушка партии, привыкшая и готовая решать экономические неустройства методом насилия.

С 1926 — 1927 годов встал вопрос, как увеличить сельскохозяйственное производство. Это, во-первых. А во-вторых, как изъять у крестьян по возможности больше продовольствия? Марксистская "теория" подсказывала: путем обобществления средств производства, путем коллективизации, причем с при-

менением насилия, если крестьяне не пожелают идти таким путем.

До революции Россия в большом и всевозрастающем количестве производила и вывозила за границу хлеб и другие продовольственные продукты; в 1914 — 1916 годах, во время тяжелейшей войны, Россия никак не голодала. В 1917 — 1919 годах, несмотря на гражданскую войну, хлеб в стране все еще имелся, все это показывало: ресурсы производства продуктов питания у нас в стране есть и будут возрастать при умелом использовании хозяйственных расчетов. Но "теоретики" большевизма указывали только один путь — и Сталин пошел им.

У нас нет здесь возможности детально разбирать ход коллективизации. Можем только сказать, что это было тяжелейшее испытание для русского народа. Несомненно, весьма большое количество крестьян вольно или невольно сопротивлялось коллективизации, на что власть отвечала жестокими карами. Да и как тут было не сопротивляться, когда отбирают нажитое имущество, выселяют из родных мест, а если ты сопротивляешься или даже только можешь оказать сопротивление, то тебя отправляют в лагерь или расстреливают, ибо карательный аппарат государства поднаторел решать все просто — применять насилие во все возрастающих размерах, не останавливаясь ни перед чем. Несомненно, что Генеральный секретарь ВКП(б) очень способствовал такому ходу событий, и в этом одна из его главных, если не самая главная вина, в истории нашей страны, вина тем более тяжелая, что и по сию пору последствия коллективизации дают о себе знать.

Но было бы несправедливым не отметить, что определенное, и весьма существенное, количество крестьян приветствовало коллективизацию. В этом им способствовала умелая пропаганда, натравливавшая менее зажиточные слои крестьян на более состоятельных, ведь все так вроде бы просто: разделить землю поровну, и не будет кулаков, и все будут равны. А власти обещают к тому же скорое и всеобъемлющее улучшение жизни.

Роль Сталина, повторяем, была весьма существенной в коллективизации, но от точных и безукоризненных оценок ее приходится пока воздержаться, покуда не опубликованы основополагающие документы по этому вопросу и не проведены объективные исследования историков, ибо зарубежные исследования далеки от объективности. Порекомендуем читателям книгу Р. Конквеста "Жатва скорби" (Лондон, 1988), но должны предупредить, что это действительно очень скорбная книга. Точных цифр мы пока привести не в состоянии.

Во всяком случае были расстреляны или погибли в лагерях сотни тысяч крестьян, еще большее число их, достигающее 3,5 — 4 миллионов, были выселены из родных мест и терпели жестокие лишения, а то и гибли в ссылках и поселениях.

Еще гораздо большее количество крестьян бежало из деревни в города, чтобы стать рабочими, ибо города хоть как-то снабжались продовольствием, промышленными товарами.

В довершение всего в 1933 году в южной, наиболее урожайной части России разразился голод, унесший миллионы человеческих жизней, причем, если верить зарубежным исследователям, голод этот носил организованный характер. Почему Сталин допустил подобное уничтожение крестьян, ради чего он это делал - судить об этом ныне никто не в состоянии. Пусть будущие историки, вооруженные знанием документов (ибо архивы еще не разобраны), вынесут свои объективные суждения. Пока ограничимся итогом: коллективизация в России стоила нашей стране многих, слишком многих жертв.

Тут неизбежно возникает вопрос о личной ответственности Сталина. Бесспорно, его вина тут несомненна и ничем не оправдывается. Однако необходимо сделать некоторые уточнения, которые для многих покажутся неожиданными.

Известный писатель Василий Белов, знаток истории русского крестьянства, рассказывал одному из авторов этой книги, что еще в семидесятых годах ему удалось попасть в секретнейший отдел Центрального партийного архива, ибо там служил его земляк, бывший секретарь Вологодского обкома. Кое-что ему показали, но ссылаться на увиденные документы запретили. По утверждению Василия Ивановича, директивы насчет того, сколько в какой губернии имеется "кулаков" и "подкулачников" и как с ними надлежит поступать, присылались из Москвы по линии ОГПУ. Именно оттуда, а не по партийной линии.

Д. Волкогонов в своих работах (поистине клеветнических) привел тем не менее важные документы из "особой папки" ЦК. Вот один из них, посвященный коллективизации.

Директива карательных органов предписывала выселение или отправку в концлагерь по разным регионам следующего числа лиц (имелись в виду только главы семей, а ссылали чаще всего всю семью). Итак:

	Концлагерь	Высылка
	(в тысячах чел.)	
Средняя Волга	3-4	8-10
Северный Кавказ	6-8	20
Украина	15	30 - 35
Центрально-Черноземная область	3-5	10 - 15
Нижняя Волга	4-6	10- 15
Белоруссия	4-5	6-7
Урал	4-5	10- 15
Казахстан	5-6	10- 15

Давние наблюдения В. Белова, таким образом, нашли наконец документальное подтверждение.

И последнее, самое главное. В начале 30-х годов Сталин был отнюдь не всевластен, каковым он сделался к концу этого десятилетия. Против него были настроены многие видные деятели в партии и правительстве. Он не мог ждать полной поддержки от колеблющихся товарищей по Политбюро, каковыми следует считать Орджоникидзе, Косиора, Постышева, Рудзутака, некоторых иных. Теперь ясно, что свою особую игру вел темный Ягода и его присные. Никто не снимет ответственности Сталина за крестьянские муки, но объективную картину представить необходимо.

Следует назвать и субъективные ошибки Сталина. Он, Генеральный секретарь ЦК ВКП(б), обязан был всегда находиться в курсе дела. Вроде бы так оно и было: Сталину, с интервалом в пять-шесть дней, направлялись сводки о ходе коллективизации и ликвидации кулачества как класса; на имя Сталина в конце 1929 — начале 1930 года поступило около 50 тысяч писем, в которых говорилось о неблагополучии на местах. Будучи информирован, Генеральный секретарь должен был, несомненно, действовать быстрее и употреблять решительнее свой авторитет в партии.

Но так же несомненно, что когда вину за ошибки возлагали исключительно на Сталина (а также на Молотова и Кагановича), не было приведено ни одного документа, в котором бы Сталин требовал форсировать темпы коллективизации и тем более призывал бы к крайностям, перегибам и т. д.. Напротив, известно немало документов, написанных Сталиным или разработанных при его личном участии и свидетельствующих об обратном.

Так, 30 января 1930 года крайкомам и обкомам ВКП(б) зерновых районов страны была направлена директива ЦК за подписью Сталина, в которой местных работников предупреждали: "С мест получаются сведения, говорящие о том, что организации в ряде районов бросили дело коллективизации и сосредоточили свои усилия на раскулачивании. ЦК разъясняет, что такая политика в корне неправильна. ЦК указывает, что политика партии состоит не в голом раскулачивании, а в развитии колхозного движения, результатом и частью которого является раскулачивание. ЦК требует, чтобы раскулачивание не проводилось вне связи с ростом колхозного движения, чтобы центр тяжести был перенесен на строительство новых колхозов, опирающееся на действительно массовое движение бедноты и середняков. ЦК напоминает, что только такая установка обеспечивает правильное проведение политики партии".

2 марта 1930 года была опубликована знаменитая статья Головокружение от успехов", в которой допущенные ошибки и перегибы резко осуждались.

В тот же день был опубликован примерный устав сельскохозяйственной артели, в разработке которого Сталин непосредст-

венно участвовал. 14 марта ЦК ВКП(б) принял постановление "О борьбе с искривлениями партлинии в колхозном движении". 3 апреля по решению ЦК в печати была опубликована новая статья Сталина "Ответ товарищам колхозникам". В ней доходчиво и популярно разъяснялись важнейшие вопросы колхозной политики партии, открыто и прямо говорилось о допущенных ошибках и о том, как партия намерена исправлять их и исправляет. В статье был и такой абзац: "Главное дело состоит здесь в том, чтобы проявить мужество, признать свои ошибки и найти в себе силы ликвидировать их в кратчайший срок. Боязнь признать свои ошибки после упоения недавними успехами, боязнь самокритики, нежелание исправлять ошибки быстро и решительно — в этом главная трудность".

Впечатляющими были итоги первых полутора лет пятилетки. Об этом Сталин говорил в Политическом отчете ЦК на XVI съезде партии, начавшемся 26 июня 1930 года.

Оппозиции на съезде не было. Выступавшие с покаянными речами Бухарин, Томский, Рыков, однако, формально отнеслись к признанию своих политических ошибок, не подтвердили делами словесный отказ от правооппортунистической платформы. Поэтому в выступлениях ряда делегатов — Кирова, Орджоникидзе, Постышева — поведение лидеров правого уклона резко критиковалось. В

заключительном слове 2 июля подробно говорил об этом же и Сталин. Настроение у него было хорошее. В лидерах правого уклона Сталин склонен был видеть черты чеховского "человека в футляре".

— Особенно смешные формы принимают у них эти черты человека в футляре при проявлении трудностей, при проявлении малейшей тучки на горизонте. Появилась у нас где-либо трудность, загвоздка, — они уже в тревоге: как бы чего не вышло. Зашуршал где-либо таракан, не успев еще вылезть как следует из норы, — а они уже шарахаются назад, приходят в ужас и начинают вопить о катастрофе, о гибели Советской власти. *(Общий хохот.)*

Мы успокаиваем их и стараемся убедить, что тут нет еще ничего опасного, что это всего-навсего таракан, которого не следует бояться. Куда там! Они продолжают вопить свое: "Как так таракан? Это не таракан, а тысяча разъяренных зверей! Это не таракан, а пропасть, гибель Советской власти..." И — пошла писать губерния... Бухарин пишет поэтому тезисы и посылает их в ЦК, утверждая, что политика ЦК довела страну до гибели, что Советская власть наверняка погибнет, если не сейчас, то по крайней мере через месяц. Рыков присоединяется к тезисам Бухарина, оговариваясь, однако, что у него имеется серьезнейшее разногласие с Бухариным, состоящее в том, что Советская власть погибнет, по его мнению, не через месяц, а через месяц и два дня. *{Общий хохот.)* Томский присоединяется к Бухарину и Рыкову, но протестует против того, что они не сумели обой-.

218

тись без документа, за который придется потом отвечать: "Сколько раз я вам говорил, — делайте, что хотите, но не оставляйте документов, не оставляйте следов". *{Гомерический хохот всего зала. Продолжительные аплодисменты.)...* [1]

Ну, а спустя еще полгода стало ясно, что в развитии промышленности имеются изъяны. План на 1930 год не был выполнен. Одна из причин этого — отставание от возросших требований уровня хозяйственного руководства. Многие хозяйственники слабо разбирались в производстве, предполагая, что техникой должны заниматься "спецы", а дело хозяйственников — "общее руководство".

—Что значит руководить производством? — спрашивал Сталин. <...> — У нас нередко думают, что руководить — это значит подписывать бумаги, приказы. Это печально, но это факт. Иногда невольно вспоминаешь помпадуров Щедрина. Помните, как помпадурша поучала молодого помпадура: не ломай голову над наукой, не вникай в дело, пусть другие занимаются этим, не твое это дело, — твое дело подписывать бумаги. Надо признать, к стыду нашему, что и среди нас, большевиков, есть немало таких <...> Хотите ли, чтобы наше социалистическое отечество было побито и чтобы оно утеряло свою независимость? Но если этого не хотите, вы должны в кратчайший срок ликвидировать его отсталость и развить настоящие большевистские темпы в деле строительства его социалистического хозяйства. Других путей нет...

И Сталин обронил чеканную мысль:

—Мы отстали от передовых стран на 50 — 100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут...[2]

Заметим: именно к тому времени относятся "шахтинское дело" и процесс "Промпартии" — так называемые "вредительские" процессы, сфабрикованные ОГПУ в 1928 — 1930 годах, на которых большое количество "буржуазных специалистов" обвиняли в устройстве актов саботажа в промышленности и строительстве. После этих процессов по всей стране распространилось избиение "старых специалистов". Процессы эти были как бы прелюдией к знаменитым процессам "старых большевиков" в середине 30-х годов.

Дел у народа было много. Строились Сталинградский и Харьковский тракторные заводы, Нижегородский и Московский автомобильные, Магнитогорский и Кузнецкий металлургические комбинаты, Уральский и Новокраматорский машиностроительные гиганты, Бобриковский и Березниковский химкомбинаты, Первый московский подшипниковый завод, Днеп-

[1] Сталин И. В Соч. Т .13. С.14 - 15.

[2] Там же С.35.

рогэс и многие, многие другие объекты. Почти каждый из них знаменовал рождение нового производства, был основой для технического перевооружения других отраслей народного хозяйства. Всего же за первую пятилетку было построено 1500 крупных промышленных предприятий. В 30-е годы закладывались основы нынешнего индустриального могущества нашей страны.

История не знала подобного размаха строительства. Но оно требовало гигантских сил и материальных средств, а страна наша была еще бедна. Одновременно с созданием и стремительным ростом тяжелой индустрии не было возможности для развития легкой и пищевой промышленности, чтобы производить много товаров народного потребления. Страна жила трудно: не хватало жилищ, одежды, обуви, нередки были продовольственные затруднения, пришлось даже ввести карточки на продукты питания. На стройках рабочие жили во временных бараках, палатках, землянках. Далеко не везде было налажено медицинское, коммунальное, культурно-бытовое обслуживание трудящихся...

И все же люди строили. Не было времени ждать, не было возможности гармонично, равномерно расширять все отрасли промышленности. Сама же по себе задача — строительство социализма — была колоссальной и, что не менее важно, — неслыханной, невиданной. Наш народ шел по пути, которым до него не ходил никто, и на этом пути его ждали немалые испытания. Может, другой народ испугался бы, стал бы искать путей "протоптанных и легких". Но не наш народ...

Итоги были подведены на Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 7 -12 января 1933 года. Сталин выступал на Пленуме с большим докладом. Он говорил о достижениях в промышленности: — Добились ли мы победы в этой области? Да, добились. И не только добились, а сделали больше, чем мы сами ожидали, чем могли ожидать самые горячие головы в нашей партии. Этого не отрицают теперь даже враги. Тем более не могут этого отрицать наши друзья.

У нас не было черной металлургии, основы индустриализации страны. У нас она есть теперь.

У нас не было тракторной промышленности. У нас она есть теперь.

У нас не было автомобильной промышленности. У нас она есть теперь.

У нас не было станкостроения. У нас оно есть теперь...[1]

Имелись и отрицательные последствия, Генеральный секретарь не умалчивал о них. Да, верно, признавал он, общая программа пятилетки недовыполнена на шесть процентов, но тут

[1] Сталин И.В. Соч. Т.13. С.178.220

же приводил убедительное объяснение: Советское правительство было вынуждено спешно переключить ряд заводов на производство современных орудий обороны, так как внешнеполитическая атмосфера складывалась крайне неблагоприятно. И все же темпы развития промышленности были исключительными.

Попытки свалить вину на крестьян, говорил Сталин, совершенно неправильны.

— Я знаю целые группы колхозов, которые развиваются и процветают, аккуратно выполняют задания государства и крепнут в хозяйственном отношении изо дня в день. С другой стороны, я знаю и такие колхозы, расположенные по соседству с предыдущими колхозами, которые, несмотря на одинаковый с ними урожай и одинаковые с ними объективные условия, — чахнут и разлагаются. В чем причина?

Причина в том, что первой группой колхозов руководят настоящие коммунисты, а второй группой руководят "шляпы", правда, с партийным билетом в кармане, но все же "шляпы"...

Не в крестьянах надо искать причину затруднений в хлебозаготовках, а в нас самих, в наших собственных рядах [1] .

Будет справедливо отметить, что сам Сталин далеко не всегда был склонен учитывать материальную заинтересованность крестьян-колхозников.

В начале 30-х годов в высказываниях ораторов, в заголовках газет и журналов фамилия Сталина стала встречаться все чаще и чаще, превращаясь в своего рода фетиш. Высказывания Сталина, подобные только что приведенному, были его инстинктивной и, представляется, искренней реакцией на славословия в его адрес. Несомненно, что и неумеренно хвалебные речи, и бесконечные аплодисменты, и крики "Да здравствует Сталин!" — он, человек трезвый и любивший шутку, поначалу воспринимал лишь как дань уважения, неотъемлемо принадлежащего не лично ему, Сталину, а посту в партии, который он занимал, посту Генерального секретаря ЦК ВКП(б). Но так же несомненно, что эти знаки уважения, благодарности, даже — восхищения были приятны ему и мало-помалу оставляли след в его душе. Со временем, от года к году, он привыкал ко всеобщему почитанию, стал принимать его как должное. Так начинал складываться феномен, получивший впоследствии название культа личности Сталина...

1 мая, как всегда, как обычно, Сталин присутствовал на параде войск Московского гарнизона и демонстрации трудящихся на Красной площади. Именно в 30-х годах парад стал традицией, и все, попадавшие тогда на площадь, искали глазами невысокую фигуру в серой шинели и фуражке среди стоявших на трибуне Мавзолея Ленина.

[1] Сталин И.В. Соч. Т .13. С.231 - 233.

2 мая Сталин вместе с другими руководителями партии и правительства принимал в Кремле участников парада.

25 мая Сталин присутствовал на заключительном концерте 1-го Всесоюзного конкурса музыкантов-исполнителей в Большом зале Московской консерватории. На следующий день юные таланты, лауреаты этого конкурса — Буся Гольштейн, Арик Каплан, Эмиль и Лиза Гилельсы, Миша Фихтенгольц — побывали в Кремле. Сталин, Молотов, Каганович около часа беседовали с ними.

Достаточно, кстати, только перечислить эти фамилии, чтобы удостовериться: нет никаких оснований для распространения бытующих и поныне утверждений о "дискриминации" якобы талантливых людей по национальному признаку: все эти юные таланты — евреи, многие из них получили известность не только в СССР, но и за рубежом.

12 июня состоялся парад физкультурников на Красной площади. Сталин присутствовал и на нем.

29 июня Сталин вместе с Молотовым, Ворошиловым и Орджоникидзе посетил художественную выставку "15 лет РККА". Работы художников-баталистов всегда интересовали Сталина, в особенности работы М.Б. Грекова — певца 1-й Конной армии.

18 июля Сталин и Ворошилов приехали в Ленинград и вместе с Кировым в тот же день на пароходе "Анохин" в сопровождении начальника ОГПУ Ягоды отбыли на Беломорско-Балтийский канал. Сооружение канала было одной из важнейших строек пятилетки: объект имел чрезвычайно важное значение и в народнохозяйственном, и в оборонном отношении. (Строительство оказалось предельно сложным, многотрудным. Была у него и еще одна особенность — велось строительство в основном силами людей, осужденных советским судом как по уголовным преступлениям, так и по политическим.)

Укреплением обороны страны непосредственно руководили видные деятели партии К. Е. Ворошилов, Г. К. Орджоникидзе, С. М. Киров, А. А. Жданов. Но совершенно особое место в этом отношении надо отвести тому вниманию, вернее будет сказать — пристрастию, с которым занимался оборонными делами Сталин.

На XVI съезде он говорил, что Советский Союз хочет мира и что Советское правительство будет вести мирную политику всеми средствами, но охотникам до чужих территорий следовало знать:

— Ни одной пяди чужой земли не хотим. Но и своей земли, ни одного вершка не отдадим никому.

Зал встретил это заявление аплодисментами...

Вникать в конкретные вопросы, связанные с состоянием армии и оборонной промышленности, он стал в конце 20-х годов и постепенно, в весьма непродолжительный срок, приобрел в этой области познания, которые позволяли ему не только обос-

нованно решать общие вопросы, связанные с обороной страны, но и вникать в подробности, обыкновенно интересующие только специалистов.

В июне 1935 года на одном из подмосковных полигонов в длинный ряд выстроились орудия, а около них — конструкторы. В назначенное время, даже немного раньше, на полигоне появилась группа людей: впереди шел Ворошилов в кожаном пальто, чуть позади — Сталин в своем сером макинтоше, фуражке и сапогах, рядом — Молотов в темном пальто и шляпе, за ними Орджоникидзе в фуражке защитного цвета со звездой и в сапогах, В. И. Межлаук в сером летнем пальто и такой же шляпе... Останавливаясь у каждого орудия, руководители партии и правительства слушали доклады конструкторов, задавали вопросы.

Доложил о своей Ф-22 и Грабин (по цвету окраски эта 76 миллиметровая пушка именовалась желтенькой). Доложил, как ему показалось, неудачно: чего-то не подчеркнул, чего-то не сказал вовсе. Затем перешли к полууниверсальной пушке К-25. Послушав объяснение, Сталин вдруг повернул назад, к Ф-22. Можно понять чувства конструктора:

"Я продолжал стоять в стороне от нашей пушки, но все мои недавние мысли мгновенно исчезли, меня стало занимать лишь то, что Сталин идет в мою сторону. Смотрю, Сталин подошел к дощечке, на которой были выписаны данные о нашей желтенькой, остановился и принялся знакомиться с ними. Вначале я все еще стоял в стороне, затем подошел к нему. Сталин продолжал знакомиться с данными, написанными на дощечке, а затем обратился ко мне и стал задавать вопросы. Его интересовала дальность стрельбы, действие всех типов снарядов по цели, бронепробиваемость, подвижность, вес пушки, численность орудийного расчета, справится ли расчет с пушкой на огневой позиции и многое другое. Я отвечал коротко и, как мне казалось, ясно. Долго длилась наша беседа, под конец Сталин сказал:

— Красивая пушка, в нее можно влюбиться. Хорошо, что она и мощная и легкая".

Смотр продолжался долго, затем перешли к стрельбе. Пушка Грабина не подвела конструктора. А вот с универсальной пушкой И. А. Маханова расчету пришлось повозиться. Когда закончилась стрельба из последнего орудия, Сталин сказал "все", вышел из блиндажа и на ходу стал как бы думать вслух:

" — Орудия хорошие, но их надо иметь больше, иметь много уже сегодня, а некоторые вопросы у нас еще не решены. Надо быстрее решать и не ошибиться бы при этом. Хорошо, что появились у нас свои кадры, правда, еще молодые, но они уже есть. Их надо растить. И появились заводы, способные изготовить любую пушку, но надо, чтобы они умели не одну только пушку изготовить, а много...

Мы с Махановым шли рядом с ним, я справа, а он слева, но ни я, ни он не промолвили ни слова — было ясно, что Сталин не с нами ведет этот разговор.

Потом он остановился. Остановились и мы и стали к нему вполоборота. Стояли молча. Сталин взялся правой рукой за ус и слегка его приподнял, а затем сказал нам:

—Познакомьтесь друг с другом.

Мы в один голос ответили, что давно друг с другом знакомы.

—Это я знаю, — сказал Сталин, — а вы при мне познакомьтесь.

Маханов взглянул на меня с приятной улыбкой, и мы пожали друг другу руки.

—Ну, вот и хорошо, что вы при мне познакомились, — сказал Сталин.

Я не мог ничего понять.

Сталин обнял нас обоих за талии, и мы пошли по направлению к нашим пушкам. Через несколько шагов Сталин остановился, естественно, остановились и мы.

Обращаясь к Маханову, он сказал:

—Товарищ Маханов, покритикуйте пушку Грабина.

Вот этого ни один из нас не ожидал. Подумав, Маханов сказал:

—О пушках Грабина ничего плохого не могу сказать.

Не ожидал я такого ответа, даже удивился. Тогда Сталин обратился ко мне:

—Товарищ Грабин, покритикуйте пушку Маханова. Собравшись с мыслями, я сказал, что универсальная пушка

имеет три органических недостатка. Перечислил их и заключил:

—Каждый из этих недостатков приводит к тому, что пушка без коренных переделок является непригодной для службы в армии.

Сказав это, я умолк. Молчали и Сталин с Махановым. Я не знал, как они отнесутся к моим словам, и испытывал некоторую душевную напряженность, но не жалел, что так сказал. "Если бы меня не спросили, я не сказал бы ничего, - рассуждал я мысленно, - ну, а раз спросили..."

Помолчав немного, Сталин сказал:

—А теперь покритикуйте свои пушки.

Такого я уже совершенно не ожидал..."

Грабин нашел мужество охарактеризовать недостатки своих пушек. Это понравилось Сталину, и он тут же велел отправить Ф-22 на испытания в Ленинград, к тем самым сторонникам универсальной пушки!

На следующий день, 15 июня, в Кремле состоялось совещание; вел его Молотов. Собралось очень много и военных, и штатских. Один за другим выступавшие рекомендовали принять на вооружение универсальную пушку; за пушку Грабина высказались только несколько человек. Заседание затянулось, высту-

пали по нескольку раз. Сталин все время расхаживал по залу, никого не перебивая, но часто останавливался за спиной у сидящих, в том числе у Грабина, и спрашивал, видимо, составляя собственное мнение. Наконец все выговорились. Молотов спросил, не желает ли кто еще высказаться. Грабин рассказывает:

"В зале было тихо. Сталин прохаживался, пальцем правой руки слегка касаясь уса. Затем он подошел к столу Молотова.

—Я хочу сказать несколько слов.

Многие поднялись и подошли поближе. Я последовал их примеру, хотя сидел достаточно близко. Меня интересовало: что же он скажет по столь специфическому вопросу, который дебатируется уже несколько лет?

Манера Сталина говорить тихо, не спеша описана неоднократно. Казалось, каждое слово он мысленно взвешивает, а потом только произносит. Он сказал, что надо прекратить заниматься универсализмом. И добавил:

—Это вредно.

Думаю, читатель поймет, какую бурю радости это вызвало в моей груди. Затем он добавил, что универсальная пушка не может все вопросы решать одинаково хорошо. Нужна дивизионная пушка специального назначения.

—Отныне вы, товарищ Грабин, занимаетесь дивизионными пушками, а вы, товарищ Маханов, — зенитными. Пушку Грабина надо срочно испытать.

Речь была предельно ясной и короткой..."

Линия, принятая Советским правительством в развитии артиллерии, была совершенно правильной. К концу 30-х годов советская артиллерия стала мощной, имела в своем составе современные образцы всех типов.

Авиацию и авиаторов Сталин любил еще со времен гражданской войны. На смотре авиационной техники в 1932 году на Московском центральном аэродроме все присутствующие восхищались летными качествами истребителей И-5, развивавших немалую по тем временам скорость — 280 километров в час. Сталин же после осмотра сказал:

—Это ничего. (Свидетеля, летчика-испытателя В. К. Коккинаки особенно поразило это "ничего"). — Но нам нужны не эти самолеты. Надо, чтобы самолет давал четыреста километров в час...

И в 1933 - 1934 годах под руководством Н. Н. Поликарпова был создан истребитель-моноплан И-16 с убирающимися шасси и скоростью 460 километров в час!..

При решении тех или иных вопросов, связанных с авиацией (как и вообще всех дел, связанных с техникой), Сталин неизменно собирал специалистов на совет.

С.В. Ильюшин познакомился со Сталиным 5 августа 1933 года, когда его пригласили на дачу Сталина. Тут же были нарком-

военмор Ворошилов, начальник Главного управления авиапромышленности П. И. Баранов, начальник ВВС РККА Я. И. Алкснис, авиаконструктор А. Н. Туполев. Сразу же на веранде речь шла о выпуске

летающих лодок. В основном говорили Ворошилов и Баранов, Сталин же слушал. Обсуждение затягивалось, и Сталин вдруг предложил:

—Пойдемте лучше играть в городки...

Разделились: Сталин и Ворошилов против Ильюшина и Баранова. Несмотря на упорное сопротивление Ильюшина (Баранов больше мазал), победителями остались Сталин и Ворошилов.

В шесть часов пошли обедать. Но это был деловой обед; теперь Сталин задавал такие вопросы, что Ильюшину оставалось только изумляться: откуда Генеральный секретарь так знает авиацию? Зашла речь о мощных двигателях с воздушным охлаждением. Производство их в СССР не ладилось.

—Нам надо такие двигатели иметь, — сказал Сталин. — Видно, что у нас с ними что-то не получается...

Баранов предложил купить лицензии у иностранных фирм. Сталин опросил всех присутствующих, и когда выяснилось, что мнение единогласно, тут же определил состав комиссии, которой предстоит закупать лицензию, и заключил:

—Комиссии без лицензии не возвращаться....

Внимателен, можно сказать, нежен был Сталин с летчиками, в первую очередь с такими, как Валерий Чкалов.

Во время авиационного парада на летном поле Центрального аэродрома 2 мая 1935 года Сталин задержался у краснокрылого истребителя И-16. Чкалов, в летной куртке, шлеме и перчатках, стоял около машины. Ворошилов представил его Сталину, и Чкалов четко ответил на вопросы о самолете, в который он был влюблен. Видимо, Сталин уже знал летчика по рассказам. Внимательно выслушав его, спросил:

—А почему вы не пользуетесь парашютом?

—Я летаю на опытных, очень ценных машинах, — отвечал Чкалов. — Их надо беречь во что бы то ни стало. Вот и тянешь до аэродрома, стараешься спасти машину.

Сталин сказал серьезно:

—Ваша жизнь дороже нам любой машины. Надо обязательно пользоваться парашютом, если есть необходимость!

К сожалению, Чкалов не прислушался к этому совету-приказанию: он продолжал при испытании самолетов искушать судьбу. 15 декабря 1938 года, стараясь спасти новый истребитель Поликарпова И-180, он не воспользовался парашютом и погиб. Но за эти три с половиной года Чкалов стал любимцем всей страны. Несомненно, Сталин испытывал особые чувства к этому беспредельно храброму и столь же преданному авиации человеку. Иначе нельзя понять, к примеру, следующее событие.

На приеме в Кремле Сталин подошел с рюмкой в руке к столу, за которым сидел Чкалов.

— Хочу выпить за ваше здоровье, Валерий Павлович!

— Спасибо, оно у меня и так прекрасное, — не стушевался Чкалов, более того. — Давайте лучше, Иосиф Виссарионович, выпьем за ваше здоровье!

В рюмочке Сталина был "Боржоми" или "Нарзан" — видно по пузырькам на стенках. Чкалов налил два фужера водки, взял у Сталина рюмку и, отдавая ему фужер, добавил:

—Выпьем, Иосиф Виссарионович, на брудершафт!

Сталин едва пригубил, Чкалов же выпил все до дна, обнял Сталина за шею и начал целовать, к немалому беспокойству охраны...

Большим испытанием для летчиков и машин того времени были полеты в арктических областях нашей страны. Без таких полетов невозможно освоение этих отдаленных окраин. В годы довоенных пятилеток стало явью освоение Северного морского пути — давняя мечта многих передовых русских людей. 14 декабря 1932 года в Политбюро слушали доклад О. Ю. Шмидта, начальника экспедиции на "Сибирякове", прошедшем за одну навигацию Северным морским путем. Сталин засыпал докладчика вопросами:

— Какие корабли могут пройти Северным морским путем?

— А миноносец пройдет?

— А подводная лодка?

— Сможем ли мы снабжать золотые прииски, расположенные на Севере?

— Как нужно организовать дело?

Много вопросов задали и другие руководители партии и правительства. Затем Сталин коротко, но точно и ясно подвел итоги:

—По Северному Ледовитому океану проходит значительная часть нашей границы. Это — наши моря, где никто и никогда не помешает нам плавать. Это — единственный морской путь, который обеспечивает нам связь с Дальним Востоком. К тому же неосвоенные районы Севера с их огромными богатствами ждут своего часа...

Через несколько дней было принято постановление СНК об организации Главного управления Северного морского пути. С появлением этого объединяющего органа освоение Севера пошло быстрее. Из Арктики поступали удивительные, будоражащие воображение вести.

В памяти советского народа осталась эпопея "Челюскина". Этот транспортный корабль, ведомый капитаном В. И. Ворониным, 14 июля 1933 года ушел в высокие широты с экспедицией, возглавляемой О. Ю. Шмидтом. В сентябре корабль застрял во льдах; дрейф продолжался несколько месяцев, 13 февраля 1934 года "Челюскин" затонул. Но члены экспедиции (101

человек, среди них 10 женщин и двое детей) не пали духом: высадившись на льдину, они организовали там лагерь. С напряжением и страхом следила вся страна за вестями, доносимыми радио из "лагеря Шмидта".

На помощь челюскинцам Советское правительство направило своих лучших пилотов: в Арктику вылетели Анатолий Ляпидевский, Сигизмунд Леваневский, Василий Молоков, Николай Каманин, Маврикий Слепнев, Михаил Водопьянов, Иван Доронин. Многократно рискуя своими жизнями, летчики сняли к 13 апреля со льдины всех челюскинцев. За героизм при спасении полярников этим летчикам первым было присвоено звание Героев Советского Союза.

19 июня Москва встречала челюскинцев и их спасителей. Столица была украшена флагами и транспарантами. Десятки тысяч людей ждали героев у вокзала и еще больше — на улицах. Машины с челюскинцами были буквально засыпаны цветами.

На Красной площади — демонстрация. Герои выстроились у Мавзолея. Руководители партии и правительства обошли их строй, поздоровались с каждым, а затем пригласили всех подняться на трибуну Мавзолея. Получилось так, что впереди оказались челюскинцы и летчики, а члены правительства — позади. Ляпидевский сказал Сталину, что, мол, вышло неладно.

—Стойте здесь, - засмеялся Сталин, - мы всегда здесь стоим, нас все знают и видят. Постойте теперь вы!

Рекордные полеты советских летчиков следовали один за другим, и кое-кто из них лелеял самые дерзновенные, рискованные надежды.

В начале июня 1936 года в ЦК ВКП(б) было собрано совещание, где рассматривались причины большого числа аварий в авиации. В перерыве В.П. Чкалов, Г.В. Байдуков и А.В. Беляков подошли к Орджоникидзе с просьбой: помочь добиться разрешения на полет через Северный полюс в США.

— Не сидится вам, — рассмеялся Серго и повел летчиков к Сталину.

— Зачем лететь обязательно на Северный полюс? — поинтересовался Сталин. — Летчикам все кажется нестрашным — привыкли рисковать.

Чкалов был настойчив:

—Риска мало, товарищ Сталин, машина отличная, моторы тоже.

Сталин улыбнулся и предложил:

—Прежде чем лететь в Америку, надо хорошо и подробно все изучить. Наша страна огромна, места для полетов хватит. —Подумал и добавил: — Вот вам маршрут: Москва — Петропавловск-на-Камчатке...

19 июля 1936 года тройка смельчаков отправилась в полет я успешно его завершила. В Москве на аэродроме их встречали,

обнимали и целовали Сталин, Ворошилов и Орджоникидзе. Сталин спросил у Чкалова, что бы он еще хотел сделать.

—Еще разок полететь... Куда-нибудь подальше, — был ответ.

Неоднократно просил Чкалов разрешить ему полет через Северный полюс. Осенью 1936 года М.И. Калинин привез Чкалова, Байдукова, Белякова с женами на дачу Сталина в Сочи. Сталин и Жданов встретили их у ворот. Видя, что гости стесняются, хозяин предложил прогуляться, стал рассказывать о посаженных деревьях, особенно подробно — об эвкалиптах, об их противомалярийных свойствах, угощал лимонами. Когда, с неизбежностью, возник разговор о полете через Северный полюс, Сталин сказал, что необходимо иметь метеорологическую станцию в районе полюса. Жданов обнаружил немалые познания в метеорологии, что было неожиданностью для собеседников.

Затем речь зашла о Сибири. Сталин рассказал о своих побегах, о "пол-аршине" водки, о том, как чуть не погиб на Енисее...

После обеда Сталин пригласил молодежь танцевать и сам заводил патефон. Когда танцы надоели, хозяин поставил пластинку с волжской хоровой песней и стал подпевать. Жданов и все, кто умел, подхватили, и над дачей разнеслась протяжная русская песня...

В мае 1937 года авиаотряд М. В. Водопьянова и И.Т. Спирина высадил на льдину в районе Северного полюса четверку отважных: И. Д. Папанина, Э. Т. Кренкеля, Е. К. Федорова, П. П. Ширшова. Двести семьдесят четыре дня дрейфовали они на льдине в океане.

Благодаря метеорологической станции Чкалов, Байдуков и Беляков смогли перелететь через полюс и приземлиться в Америке.

Через несколько месяцев по тому же маршруту полетели М.М. Громов, А. Б. Юмашев и С. А. Данилин.

Когда при встрече Чкалова и товарищей Сталин спросил, чего бы еще хотел летчик-герой, Чкалов мечтательно вздохнул:

—Махнуть бы вокруг шарика!..

* * *

В середине июля 1934 года в Кремле состоялось совещание по планированию строительства Москвы. Дело важное — столица первого в мире социалистического государства тогда оставалась во многом дореволюционной, "кривоколенной" Москвой. У советского народа не было ни времени, ни сил, чтобы ее перестраивать. Но в середине 30-х годов такая возможность появилась, и правительство не жалело средств на реконструкцию и благоустройство столицы.

На совещании было много докладов, шел обмен мнениями, и они далеко не во всем совпадали. В заключение выступил Сталин.

За несколько дней до совещания в ЦК партии были переданы большая докладная записка о плане реконструкции столицы, а также схемы планировки города, карты, диаграммы. Сталин хорошо знал их: выступая, он по памяти приводил отдельные выдержки.

Сталин говорил, что необходимо сочетать смелые перспективы планирования города с конкретной действительностью, с исторически сложившимися условиями Москвы, которая стихийно развивалась на протяжении восьми веков.

— В архитектуре современного советского города, — говорил он, — не должно быть ничего надуманного, показного, никакой мишуры, никакого эффекта ради эффекта. Во всех случаях надо исходить из правильно понятого масштаба, из целесообразности, из существа дела. Нельзя допускать преувеличений и излишеств. Строить надо красиво, но экономно, считаясь во всех случаях с запросами советского человека, с тем, как ему будет лучше, удобнее. Показное, купеческое "великолепие" нам не к лицу...

Сталин высказался против строительства излишне высоких жилых домов, чрезмерно широких магистралей - ширина их в конечном счете должна определяться целесообразностью, возможностью обеспечить бесперебойное движение транспорта и пешеходов.

Жизнь столицы все время интересовала Сталина. Он спускался в шахты метро, выезжал на канал Москва — Волга, обсуждал с дорожниками тип усовершенствованных покрытий мостовых, отбирал образцы гранита для набережных Москвы-реки, беседовал со строителями новых москворецких мостов.

Было бы, однако, несправедливым не упомянуть, что при реконструкции Москвы были уничтожены многие древнейшие здания, прежде всего православные храмы, вбиравшие высокую духовную красоту и историческую память нашей столицы; тут прежде всего следует назвать храм Христа Спасителя, взорванный в 1932 году. Таких случаев, к несчастью, было очень много, и красота и своеобразие Москвы от этого сильно пострадали. Православных храмов, уничтоженных в 30-е годы, очень много, по всей стране — десятки тысяч: так "старые большевики" боролись с "религиозным дурманом". Поскольку "улучшение" внешнего вида русских городов совершалось с ведома и указаний Политбюро,

то Сталин, и прежде всего он, несет ответственность за это уничтожение исторической памяти нашей страны.

...Как-то Сталин пригласил Яковлева попить чаю. Выдавливая в стакан половинку лимона, Сталин спросил:

— Ну, как дела, что говорят в Москве?

230

Поскольку Сталин был в благодушном настроении и явно не намеревался обсуждать авиационные дела, Яковлев рискнул сказать, что в Москве больше всего говорили в ту пору об уничтожении зелени на Садовом кольце: на всем протяжении многокилометровой магистрали были выкорчеваны вековые деревья. По слухам, такая же судьба ждала и Тверской бульвар.

—Чем же объясняют это? — Сталин явно насторожился. Яковлев рассказал, что слухи ходят разные: одни считают,

что это сделано на случай войны — чтобы не мешать движению войск и танков, другие просто говорят, что Сталин не любит зелени, вот и приказал вырубить деревья... Сталин возмутился:

Никому мы таких указаний не давали! Разговор был только о том, чтобы привести улицы в порядок и убрать те чахлые растения, которые не украшали, а уродовали город и мешали движению.

— Вот видите, достаточно вам было заикнуться, а кто-то рад стараться, и вековые липы срубили.

Несмотря на явное огорчение Сталина, я не мог удержаться от вопроса:

— Ну, а как же насчет Тверского бульвара?

— Не слышал. Откуда вы это взяли? — спросил он.

— Все так говорят...

— Ну, думаю, что до этого не дойдет. Как, Молотов, не дадим в обиду Тверской бульвар? - улыбнулся Сталин.

Сталин молча допил свой стакан, придвинул ко мне лист бумаги и с карандашом в руке наглядно стал объяснять, как было дело.

Оказывается, при обсуждении плана реконструкции Москвы Сталин рассказал о том, что ему приходилось бывать на Первой Мещанской улице, которая, как он считает, является примером неудачного озеленения. Первая Мещанская (теперь проспект Мира) сама по себе была не очень широка, да еще по краям тянулись газончики с чахлой растительностью. Эти газончики суживали и проезжую часть, и тротуары и действительно не украшали, а уродовали улицу, так как вся трава на них была вытоптана, а кустарники ободраны.

—Я сказал об этом для того, — продолжал Сталин, — чтобы впредь под благоустройством улиц Москвы не понимали подобное "озеленение", — а Хрущев и Булганин[1] истолковали это по-своему и поступили по пословице: "Заставь дурака Богу молиться — он и лоб расшибет!"

Четыре дня - 14 - 17 ноября 1935 года - в Москве около трех тысяч стахановцев делились опытом. Открыл совещание Орджоникидзе; первым выступил Стаханов, затем Петр Криво-

[1] Н. С. Хрущев в то время был секретарем МК ВКП(б), а Н. А. Булганин -председателем Моссовета

нос, затем Александр Бусыгин, Мирон Дюканов, Евдокия Виноградова... Руководители партии и правительства внимательно слушали выступавших, иногда бросали реплики, ободряли стахановцев: многие из них очень волновались.

Мастер Горьковского автомобильного завода Бусыгин, к примеру, вышел на трибуну и оробел: впервые довелось ему выступать с такой трибуны, да еще в присутствии трех тысяч человек, да еще перед членами правительства. Немудрено, что Бусыгин застеснялся. Постоял он на трибуне да и сказал фразу, вызвавшую смех в зале:

—Трудно мне говорить, мне легче коленчатые валы ковать...На что из президиума послышался голос Сталина:

—Нам не те нужны, которые умеют только хорошо говорить, нам нужны те, которые умеют хорошо работать!

Ободренный Бусыгин собрался с духом, достал записную книжечку и стал рассказывать о своих рекордах. В памяти присутствующих остались его слова:

—Очень мне хочется дальше пойти...

Никита Изотов, выйдя на трибуну, как бы извинился - не оратор я, мол. Но говорил здорово, и Сталин засмеялся:

— Ничего оратор! Орджоникидзе поддержал:

— Да, не так уж плох!

Засмеялся весь зал, а Никита заговорил еще лучше...

За четыре дня перед стахановцами выступили Ворошилов, Жданов, Микоян, Молотов, Орджоникидзе, Шверник и другие члены ЦК. Вечером 17 ноября Орджоникидзе объявил:

—Слово имеет товарищ Сталин.

В зале словно гром грянул: все три тысячи человек поднялись с мест и горячо аплодировали. Сталин уже давно стоял на трибуне, а аплодисменты и приветственные выкрики не смолкали. Несколько раз Сталин пытался успокоить зал, жестами приглашал садиться — не помогло. Мало того, весь зал как один человек запел "Интернационал". Овация продолжалась и после гимна. Сталин поворачивался к президиуму, прося установить порядок, но Орджоникидзе только руками разводил. Тогда Сталин вынул карманные часы и показал делегатам. И это не помогло. Орджоникидзе еще долго потрясал председательским колокольчиком, но его не было слышно...

Наконец установилась тишина, и Сталин обратился к залу:

—Товарищи! О стахановцах здесь, на этом совещании, так много и так хорошо говорили, что мне, собственно, мало что остается сказать. Все же, раз меня вызвали на трибуну, придется сказать несколько слов...

И Сталин заговорил о глубокой революционности стахановского движения:

—Перед вами, — говорил Сталин, — люди, вроде товарищей Стаханова, Бусыгина, Сметанина, Кривоноса, Пронина, Вино-

градовой и многих других, люди новые, рабочие и работницы, которые полностью овладели техникой своего дела, оседлали ее и погнали вперед. Таких людей у нас не было или почти не было три года тому назад. Это — люди новые, особенные...

Подробно проанализировал Сталин причины, вызвавшие к жизни стахановское движение и его быстрое распространение в стране. Первой причиной он считал коренное улучшение материального положения рабочих.

—Жить стало лучше, товарищи. Жить стало веселее. А когда весело живется, работа спорится. Отсюда высокие нормы выработки. Отсюда герои и героини труда. В этом прежде всего корень стахановского движения. Если бы у нас был кризис, если бы у нас жилось плохо, неприглядно, невесело, то никакого стахановского движения не было бы у нас...

Примечательна была заключающая часть речи:

—Несколько слов насчет настоящего совещания, насчет его значения. Ленин учил, что настоящими руководителями-большевиками могут быть только такие руководители, которые умеют не только учить рабочих и крестьян, но и учиться у них. Кое-кому из большевиков эти слова Ленина не понравились. Но история показывает, что Ленин оказался прав и в этой области на все сто процентов... Что вы, члены настоящего совещания, кое-чему поучились здесь на совещании у руководителей нашего правительства — этого я не стану отрицать. Но нельзя отрицать и того, что и мы, руководители правительства, многому поучились у вас, у стахановцев, у членов настоящего совещания. Так вот, спасибо вам, товарищи, за учебу, большое спасибо!..

И снова овация, снова — "Интернационал". Но и после стахановцы не хотели уходить из зала. Кое-кто запел песню из кинофильма "Веселые ребята": "Нам песня строить и жить помогает..." Жданов подхватил ее и начал запевать, а Ворошилов, стоя на подмостках, дирижировал...

В ноябре 1934 года на Пленуме Центральный Комитет вновь возвратился к проблемам колхозного движения. Была создана Комиссия во главе со Сталиным, которая занялась рассмотрением вопросов, связанных с завершением коллективизации.

В ноябре же 1934 года ЦК ВКП(б) поручил Наркомзему подготовить проект нового Устава сельскохозяйственной артели. Принят этот Устав был на Втором Всесоюзном съезде колхозников-ударников 11-17 февраля 1935 года.

Сталин был на съезде и очень внимательно слушал речи делегатов, знакомился с ними, расспрашивал:

— Как к вам относятся?

— Помогают ли?

— Какое настроение?

Его интересовало, учатся ли колхозники-ударники, как собираются устраивать свою жизнь дальше, правильные ли по-

рядки установлены в колхозе, есть ли обиженные, а если есть, то чем; из чего складывается трудодень, как удалось добиться повышения денежного дохода?..

Рядом со Сталиным в президиуме сидела Мария Демченко -звеньевая колхоза "Коминтерн" Киевской области. Сталин обратился к ней:

— Мария Софроновна, не так ли?Демченко волновалась и еле выговорила:

— Да...

Сталин стал расспрашивать Демченко о жизни и о работе, о делах в колхозе. Мария взяла себя в руки, успокоилась и рассказала, как вырастила четыреста шестьдесят девять центнеров свеклы с гектара.

—При такой работе, — поинтересовался Сталин, — могли бы вы получить пятьсот центнеров с гектара?

Демченко подумала и сказала, что смогла бы. Ворошилов, слышавший разговор, переспросил:

—Пятьсот, Демченко? Подумай хорошенько! Но Демченко не тратила слов попусту...

Тогда наши женщины не только выращивали свеклу и водили трактора — всюду они стремились быть наравне с мужчинами, и не раз Сталин в выступлениях подчеркивал это. Запоминающимся было его выступление на приеме в честь Валентины Гризодубовой, Полины Осипенко и Марины Расковой. Эти летчицы установили мировой рекорд дальности полета, пилотируемый ими самолет "Родина" сделал вынужденную посадку в дальневосточной тайге, их долго искали... Но вот все позади -и три героини в Грановитой палате Кремля. Множество гостей, в том числе и родные летчиц. В центральной части стола места для членов Политбюро и героинь.

Летчицы растроганы: Марина Раскова от наплыва чувств плачет. Сталин сажает ее около себя, успокаивает, гладит по голове. Обращаясь к Чкалову, смеется:

—Чкалов, что же ты теперь делать будешь, смотри, куда женщины слетали!

Чкалов явно задет за живое и кричит:

—Белых пятен на земле много, есть еще куда лететь! Настроение у всех приподнятое, одна за другой звучат здравицы...

25 ноября 1936 года открылся Чрезвычайный VIII съезд Советов. С докладом о проекте Конституции СССР выступил Сталин. Он охарактеризовал эпохальные изменения в экономике и классовой структуре Советского общества, происшедшие в результате победы социализма.

—Взять, например, рабочий класс СССР, — говорил Сталин.— Его часто называют по старой памяти пролетариатом. Но что такое пролетариат? Пролетариат есть класс, лишенный орудий и средств производства при системе хозяйства, когда орудия и

средства производства принадлежат капиталистам и когда класс капиталистов эксплуатирует пролетариат... Но у нас класс капиталистов, как известно, уже ликвидирован... Стало быть, наш рабочий класс не только не лишен орудий и средств производства, а, наоборот, он ими владеет совместно со всем народом. А раз он ими владеет, а класс капиталистов ликвидирован, — исключена всякая возможность эксплуатации рабочего класса. Можно ли после этого назвать наш рабочий класс пролетариатом? Ясно, что нельзя...

Съезд подробно обсудил проект Конституции. Поправки и предложения, высказанные в ходе его обсуждения, были рассмотрены редакционной комиссией из двухсот двадцати делегатов. Сталин зачитывал поправки, высказывал мнение авторов проекта, а делегаты либо утверждали, либо отвергали поправки. Атмосфера была одновременно и рабочей, и приподнятой, праздничной: все чувствовали, какое важное, великое дело осуществляется.

Когда редактировалась статья сто двадцать вторая о равноправии женщин с мужчинами, Е.П. Корчагина-Александровская, недавно в числе первых получившая звание народной артистки СССР, со свойственной ей экспансией воскликнула:

— Эта — самая замечательная из всех статей! Сталин засмеялся:

— Очень рад, что она вам нравится...

5 декабря 1936 года Конституция СССР, по которой впоследствии жила наша страна более сорока лет, была принята съездом.

Выборы в Верховный Совет СССР состоялись спустя год, 12 декабря 1937 года. Сталин баллотировался в Верховный Совет в одном из округов Москвы. 11 декабря в Большом театре он выступал с предвыборной речью. Встреченный бурей оваций и приветствий, он начал речь так:

—Товарищи! Признаться, я не имел намерения выступать. Но наш уважаемый Никита Сергеевич, можно сказать, силком притащил меня сюда на собрание: скажи, говорит, хорошую речь. О чем сказать, какую именно речь? Все, что нужно было сказать перед выборами, уже сказано...

Сталин благодарил избирателей за доверие, заверял их, что он его оправдает...

Глава тринадцатая

В предыдущих главах мы почти не касались личной жизни И.В. Сталина, и потому у читателя могло сложиться впечатление, что ее и не существовало. Но это не так: еще со времен

гражданской войны у Сталина была семья, и с годами она стала немалой.

Уже упоминалось, что в 1920 году родился сын Василий; в феврале 1926 года появилась Светлана.

Кроме них с отцом жил и Яков.

Сын от первого брака довольно долго оставался в Тифлисе: его воспитывала тетка по матери — Александра Семеновна. По настоянию дяди, Александра Семеновича Сванидзе (партийная кличка — Алеша), Яков поехал в Москву учиться. Мачеха, всего на семь лет старше пасынка, встретила его хорошо, но отец почему-то был недоволен сыном, его учебой, его характером...

Возможно, Сталина раздражало, что его сын, проживший долго в провинциальном Тифлисе и воспитанный в грузинской семье, так далек от дел и образа мыслей отца, так мало имеет общего с ним, сжившимся, полюбившим Россию, даже плохо говорит по-русски. За долгие десятилетия жизни среди русских Сталин в значительной мере утратил характерные черты грузина, полюбил все русское — и людей, и природу, и язык, и песни... Любовь эта пришла к нему после Сибири, где он узнал Россию по-настоящему. О годах ссылки он вспоминал тепло, будто это была занимательная прогулка: рыбная ловля, охота в тайге.

Жизнь в Кремле в новой семье отца, учеба на русском языке нелегко давались Якову Джугашвили. Отец был против его раннего брака, не хотел помогать. Когда брак оказался неудачным, Яков сделал попытку застрелиться, но пуля прошла навылет. И в этом поступке отец увидел доказательство неполноценности сына: человеку его склада даже мысль о самоубийстве была противна. Однако самоубийству суждено было еще раз случиться в семье Сталина...

Яков уехал в Ленинград, стал инженером-электриком. В 1935 году он по настоянию отца поступил в Военно-артиллерийскую академию. Вскоре он снова женился. И снова против воли отца: видимо, не последнюю роль в этом играло то, что невеста — Юлия — была еврейкой.

Из детей Сталин больше всех любил Светлану. С ней он был нежен, баловал, любил играть, звал Сетанкой (так она выговаривала свое имя в детстве), хозяйкой - ему хотелось, чтобы дочь хозяйничала в доме, отдавала приказы. Вот письмо Сталина к дочери на Юг, в Сочи, когда ей было пять-шесть лет. На писано оно крупными, ровными печатными буквами:

"Сетанке-хозяйке.

Ты, наверное, забыла папку. Потому-то и не пишешь ему. Как твое здоровье? Не хвораешь ли? Как проводишь время? Лельку не встречала? Куклы живы? Я думал, что скоро пришлешь приказ, а приказа нет как нет. Нехорошо. Ты обижаешь папку. Ну, целую. Жду твоего письма.

Папка".

236

Лелька — выдуманная идеально-послушная и прилежная девочка, которую Сталин ставил дочери в пример.

А вот письмо от 8 октября 1935 года:

"Хозяюшка! Получил твое письмо и открытку. Это хорошо что папку не забываешь. Посылаю тебе немного гранатовых яблок. Через несколько дней пошлю мандарины. Ешь, веселись... Васе ничего не посылаю, так как он стал плохо учиться. Погода здесь хорошая. Скучновато только, так как хозяйки нет со мной. Ну, всего хорошего, моя хозяюшка. Целую тебя крепко...

Через десять дней Сталин писал:

"Здравствуй, хозяюшка!"

Посылаю тебе гранаты, мандарины и засахаренные фрукты. Ешь, веселись, моя хозяюшка! Васе ничего не посылаю, так как он все еще плохо учится и кормит меня обещаниями. Объясни ему, что я не верю в словесные обещания и поверю Васе только тогда, когда он на деле начнет учиться хотя бы на "хорошо". Докладываю тебе, товарищ хозяйка, что был я в Тифлисе один день, побывал у мамы и передал ей от тебя и Васи поклон. Она более или менее здорова и крепко целует вас обоих. Ну, пока все. Целую. Скоро увидимся".

Все письма подписывались одинаково: "Секретаришка Сетанки-хозяйки бедняк И. Сталин". Это была игра, и выдумал ее отец. Дочь же, в тон игры, отдавала приказы, и форма их тоже была выдумана Сталиным:

"21 октября 1934 г.

Тов. И.В. Сталину секретарю № 1 Приказ № 4 Приказываю тебе взять меня с собой.

Подпись: Сетанка-хозяйка

Печать.

Подпись секретаря № 1: Покоряюсь. И. Сталин".

Василий учился лениво, безобразничал и очень скоро научился использовать особое положение отца в качестве защиты от наказаний в школе. Преподаватели жаловались на дурное поведение Василия. Сталин приходил в ярость, ругал сына при всех, без стеснения и сожаления, но дело от этого лучше не шло. Видя, что домашнее воспитание сыну не впрок, Сталин поместил его в артиллерийскую школу; в 1939 году Василия перевели в Качинскую авиашколу.

Мать Сталина — Екатерина Георгиевна — не захотела покинуть Грузию, хотя сын звал ее. Сталин уважал мать, часто говорил, что она очень умный человек. Характер у нее был суровым, нелегкая жизнь и раннее вдовство еще больше закалили его. Мать была верующей, и сын с невольным восхищением передавал слова матери, сказанные незадолго до смерти:

— А жаль, что ты так и не стал священником!..

В Тифлисе Екатерина Георгиевна жила в старом красивом доме с парком, но занимала в нем темную низкую комнату с маленькими окнами во двор — так ей было привычнее и удобнее. Одевалась она только в черное, как и положено в Грузии, и старалась на людях выглядеть как можно параднее: — Ведь они все знают, кто мой сын!..

Умерла Екатерина Георгиевна в 1936 году и похоронена в Тбилиси на Давидовой горе, рядом с Грибоедовым.

С 1919 по 1932 год семья Сталина летом, да по временам и зимой, жила в Зубалове, неподалеку от станции Усово. Сосновый лес вокруг усадьбы был наполовину вырублен, остальной расчищен, за ним следили, убирали. Перед самым домом — молоденькая березовая роща, дети собирали там грибы. Сталин не любил просто созерцать природу: большие участки были засажены фруктовыми деревьями, выращивалась клубника, малина, смородина. На небольшой поляне, огороженной сеткой, разводили фазанов, цесарок, индюшек; в маленьком пруду плавали утки. Имелась пасека, две полянки засевали гречихой — для меда.

В Зубалове всегда было людно. Постоянно жили на даче тесть и теща Сталина. Зять обращался с ними очень почтительно, называл по имени-отчеству. Сергей Яковлевич говорил зятю "Иосиф, ты", а Ольга Евгеньевна — "Иосиф, вы".

Постоянными посетителями дома были родственники Сталина по жене: Федор и Павел Аллилуевы, их сестра Анна с мужем Станиславом Францевичем Реденсом, видным чекистом. Постоянными гостями были Алеша Сванидзе с женой - Марией Анисимовной Короной, происходившей из богатой еврейской семьи.

Подолгу жил на даче Орджоникидзе с женой, часто приезжали Ворошилов, Буденный. Последний нередко привозил гармошку, и тогда пели песни, русские и украинские. Особенно хорошо пели Ворошилов и Буденный. Не отставал и Сталин — голос у него был высоким и чистым, слух отличным. Говорил же он глуховато и низко, негромко. Надежда Сергеевна Аллилуева в пении не участвовала; изредка она очень красиво танцевала лезгинку.

Летом Сталин с женой ездили отдыхать в Сочи. Жили на маленькой даче у Мацесты, Сталин принимал ванны от ревматизма. И здесь отдыхали вместе с товарищами: приезжали А. И. Микоян, К. Е. Ворошилов, В. М. Молотов, А. С. Енукидзе, все с женами и детьми. Устраивались веселые лесные пикники.

На отдыхе Сталин играл в бильярд, кегельбан, городки — во все, что требовало меткого глаза. На охоту не ходил, видимо, достаточно наохотился в Курейке; лишь изредка палил из двустволки в коршуна. Плавать он не умел и загорать на солнце терпеть не мог, предпочитая прогулки по лесу. Часами мог си-

деть с гостями за столом и потчевать их по кавказскому обычаю. Сам же ел и пил весьма умеренно.

Столь же умеренным он был и в остальных своих житейских привычках. Одевался просто: полувоенный китель, летом — из коломянки, зимой — шерстяной, брюки штатского образца, заправленные в мягкие шевровые сапоги, почти без каблуков. Позднее, в годы войны, особенно в официальных случаях, часто носил маршальскую форму. Пальто Сталин имел одно, и служило оно ему

лет пятнадцать, а крытую оленьим мехом, на беличьей подкладке шубу вместе с ушанкой носил со времен гражданской войны до самой смерти.

В полном соответствии с понятиями хозяина дома одевались жена и дочь. Надежда Сергеевна имела очень скромные наряды. Лишь иногда брат ее, Павел, служивший в Германии военным представителем, присылал сестре заграничное платье, духи, однажды подарил маленький "вальтер"... Сталин терпеть не мог "заграничной роскоши", не переносил запаха духов. От женщины, говаривал он, должно пахнуть свежестью и чистотой. Заграничные вещи вызывали недовольство Сталина и у Светланы, когда она стала старше, он спрашивал:

— Это у тебя заграничное?

— Нет, наше...

Отец буквально расцветал от сознания, что красивая вещь — отечественная.

Позднее, когда он замечал, что от дочери пахло духами, он морщился и ворчал:

—Тоже, надушилась!..

В целом на протяжении 20-х годов, вплоть до конца 1932 года, у Сталина была добрая семейная обстановка: с детьми, женой, близкими, гостями, с домашними праздниками и домашними неурядицами.

В 1931 году Надежде Сергеевне исполнилось всего 30 лет. Она, вместе с Дорой Моисеевной Хазан (женой А. А. Андреева) и Марией Марковной Каганович, училась в Промышленной академии на факультете искусственного волокна. Секретарем партячейки в то время там был Н. С. Хрущев — его партийная работа только начиналась.

Надежду Сергеевну, видимо, угнетало положение "мужней жены" — знамение того времени, когда стремление к самостоятельности достигало по временам у женщин степени болезненности. Ей хотелось занять определенное положение. Очевидно, в конце 20 — начале 30-х годов семейная жизнь разладилась. Жена считала, что Сталин невнимателен, резок, а по временам и груб. В 1926 году, когда дочери было всего полгода, Надежда Сергеевна поссорилась с мужем, взяла детей, няню и уехала в Ленинград, к отцу, с намерением больше не возвращаться, работать и жить самостоятельно. Но повод к ссоре был невелик,

обида прошла, к тому же муж позвонил по телефону и изъявил намерение приехать мириться.

—Зачем тебе ехать, — достаточно зло ответила жена, — это будет слишком дорого стоить государству. Я приеду сама.

И возвратилась в Москву.

Осенью 1932 года, когда Надежда Сергеевна заканчивала академию, у нее появился план: уехать к сестре в Харьков (Реденс работал в украинском ГПУ), устроиться там и жить отдельно от мужа. Приехавшей в гости гимназической подруге она жаловалась:

— Все надоело, все опостылело...

— Ну а дети, дети? — спрашивала гостья.

— Всё, и дети тоже...

Пить вино Надежде Сергеевне было нельзя, она знала это, поэтому сама не пила и боялась, когда пьют другие. Сталин впоследствии рассказывал домашним, что, возвратившись однажды с вечеринки в академии, она почувствовала себя очень плохо. Он уложил ее, успокаивал, и Надежда Сергеевна сказала:

—А ты все-таки немножко любишь меня!

Он любил ее, конечно, но по-своему, на свой лад...

Надежда Сергеевна постоянно спорила с мужем, который по кавказскому обыкновению за обедом давал детям хорошего виноградного вина. На упреки Сталин отвечал:

—Разве дело в вине? В Грузии все его пьют. Но мой отец не мог сдержаться, пил его слишком много, я же, как видишь, не пью... Дело в человеке.

Однако привычка к вину сказалась на внуке Виссариона Джугашвили — Василии.

Разлад в семье, несомненно, был.. Но беда пришла неожиданно: на праздничном банкете в честь пятнадцатой годовщины Октября Надежда Сергеевна вина не пила. Муж крикнул ей грубовато:

—Эй, ты — пей!

На что жена ответила:

—Я тебе не эй! — встала и ушла из-за стола. Никто не придал ссоре серьезного значения.

Полина Сергеевна Жемчужина (Молотова), чтобы не оставлять Надежду Сергеевну одну, пошла с ней погулять, они несколько раз обошли вокруг Кремлевского дворца. Когда, как показалось, Надежда Сергеевна успокоилась, отправились домой. Утром же нашли ее у кровати, в луже крови. В руке — маленький "вальтер", звук выстрела не был слышен...

Сталин спал всегда у себя в кабинете в другом конце квартиры или в маленькой комнате с телефоном. В эту ночь Сталин возвратился с банкета поздно и еще спал. Домашние, обнаружившие несчастье, разбудили его. По свидетельству окружающих, Сталин был потрясен, не понимал, как жена решилась на такой шаг, за что она так наказала его. Обращаясь ко всем, он

спрашивал: "Разве я был невнимателен? Разве не любил, не уважал — и как жену, и как человека? Неужели, так важно, что я не мог пойти с ней лишний раз в театр? Неужели это так важно?.."

Это был, несомненно, тяжелый удар, возможно, один из самых тяжелых в жизни Сталина. Он говорил, что не хочет жить, и его боялись оставить одного. Чтобы оценить глубину его переживаний, надо принять во внимание и то, что Надежда Сергеевна оставила, по некоторым данным, письмо. В нем было немало обвинений и упреков, но не личного характера, а скорее, политического. Сталин мог подумать, и, очевидно, подумал, что жена, его друг, человек, которому он доверял больше всего, в чем-то, хоть чуть-чуть, сочувствовала сокрушенным при его руководстве оппозиционерам в партии, таким как Бухарин. Но этого он, Генеральный секретарь ЦК ВКП(б), не мог, не имел права простить даже жене, это превращало тяжелое, но все-таки личное несчастье в политическое событие. И оно неизбежно и страшно должно было сказаться на судьбе его противников по партии или тех, кого он посчитал бы таковыми: они отняли у него даже жену...

На гражданской панихиде Сталин подошел к гробу, постоял с минуту, вдруг оттолкнул гроб руками и вышел. На похоронах он не был и позднее на могилу жены на Новодевичьем кладбище не ездил. Смерть жены, несомненно, отдалила Сталина, человека и без того замкнутого и несколько

отчужденного, от людей — и по характеру, и по занимаемому среди них положению. Отныне он стал совсем одинок — на долгие двадцать лет.

После смерти жены Сталин сменил квартиру — не мог жить на прежнем месте. В Кунцеве стали строить дачу, где Сталин и прожил последние двадцать лет. В Зубалово же продолжали ездить члены семьи и близкие.

На новой квартире, помещавшейся в бельэтаже здания Сената, Сталин бывал редко, приходил только обедать. После обеда, продолжавшегося с шести-семи до одиннадцати-двенадцати вечера, а то и позднее, Сталин садился в машину и уезжал на "ближнюю дачу".

Во время обеда Сталин встречался с детьми, расспрашивал об учебе, проверял отметки, смотрел иногда тетради. У дочери отметки были отличные, и отец этим очень гордился. Василия же нещадно бранил даже и при гостях, постоянно приходивших обедать. Уходя поздно ночью, Сталин всегда заходил поцеловать спящую дочь.

Служебный кабинет Сталина в Кремле был расположен во втором этаже здания Сената, в северном его углу, у Никольской башни. У посвященных место это называлось "уголок". Вход с крытого, старинного крыльца; в вестибюле — проверка документов. По широкой каменной лестнице, покрытой красной

ковровой дорожкой, и длинному коридору попадали в секретариат.

Прямо перед входом — старинное бюро генерал-лейтенанта В. Н. Власика, начальника личной охраны Сталина. С ним Сталин познакомился еще в Царицыне и очень ему доверял, хотя и распекал временами — за дело. Слева в секретариате — стол помощника А. Н. Поскребышева. Над столом небольшой акварельный портрет Сталина времен гражданской войны в буденновском шлеме с огромной красной звездой. Справа — стол Л.А. Логинова, помощника Генерального секретаря.

Ожидающих в приемной почти никогда не было: регламент приема соблюдался неукоснительно.

Мимо стола Поскребышева проходили в небольшую комнатку. Здесь дежурные охраны — полковники Горбачев или Кузьмичев — предлагали сдать оружие тем, кто его имел. В комнате имелась вешалка для верхней одежды членов Политбюро. Двустворчатая дверь с тамбуром вела в кабинет.

Просторная светлая комната, сводчатый потолок, три окна глядят на Кремлевский двор, на Арсенал. Стены снизу, в рост человека, обшиты мореным дубом, мебель старая, темного дерева. Справа при входе — витрина с посмертной маской В. И. Ленина, слева — большие стоячие часы. Ковровая дорожка через весь кабинет ведет к письменному столу. На нем всегда много книг и бумаг, стопка цветных карандашей, остро отточенных. Свои пометки Сталин делал обычно синим карандашом, писал быстро, размашисто, но разборчиво. Читал он без очков. За столом кресло, по левую руку от него столик с разноцветными телефонами. Над столом висела картина: Ленин на трибуне.

На стене слева портреты Маркса и Энгельса, вдоль нее — стол, накрытый зеленым сукном, вокруг него стулья. Место Сталина во главе стола. Между окнами у противоположной стены книжный шкаф (Собрание сочинений В. И. Ленина, Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона, Большая Советская Энциклопедия). В другом простенке помещался большой диван, обшитый черной кожей; два таких же кресла — перед письменным столом.

В кабинете светло, Сталин сам поднимал шторы на окнах, включал все люстры, если надо.

Из кабинета дверь вела в следующую комнату, стены которой были увешаны картами, посредине комнаты стоял большой глобус.

Все современники, общавшиеся со Сталиным в 30-х годах и позднее, единодушны: на первый взгляд внешность Сталина не производила впечатления. Чуть ниже среднего роста, пропорционально сложенный человек, одетый очень просто. Цвет лица — серый, без румянца. Волосы черные, с середины 30-х годов в них все больше седины. Глаза карие, взгляд пристальный,

даже пронзительный. Смеялся Сталин редко, но юмор и шутку понимал и ценил. Если бывал в хорошем настроении, глаза его казались добрыми, если улыбался — даже ласковыми, но вот если он сердился...

Г. К. Жуков, имевший время приглядеться к Сталину, писал: Трудно сказать, какая черта характера преобладала у него. Человек разносторонний и талантливый, И.В. Сталин не был ровным. Он обладал сильной волей, характером скрытным и порывистым.

Обычно спокойный и рассудительный, он временами впадал в острое раздражение. Тогда ему изменяла объективность, он резко менялся на глазах, еще больше бледнел, взгляд становился тяжелым, жестким. Не много я знал смельчаков, которые могли выдержать сталинский гнев и отпарировать удар".

В то же время Жуков свидетельствовал, что Сталин отнюдь не был человеком, перед которым нельзя было ставить острые вопросы, спорить и отстаивать твердо свою точку зрения. О годах войны Жуков вспоминал:

"Очень часто на заседаниях ГКО вспыхивали острые споры, при этом мнения высказывались определенно и резко.

Сталин обычно расхаживал около стола, внимательно слушая споривших. Сам он был немногословен и многословия других не любил, часто останавливал говоривших репликами "Короче!", "Яснее!". Заседания открывал без вводных, вступительных слов. Говорил тихо, свободно, только по существу вопроса. Был лаконичен, формулировал мысли ясно.

Если на заседании ГКО к единому мнению не приходили, тут же создавалась комиссия из представителей крайних сторон, которой и поручалось доложить согласованные предложения. Так бывало, если у И.В. Сталина еще не было своего твердого мнения. Если же Сталин приходил на заседание с готовым решением, то споры либо не возникали, либо быстро затухали, когда он присоединялся к одной стороне".

В обращении с окружающими Сталин всегда был очень вежлив, ко всем обращался на "вы" и "товарищ такой-то". Никогда не употреблял при обращении имени-отчества, не любил, когда это делали другие. Однажды при нем Жданова назвали по имени-отчеству.

— Андрей Александрович? Кто такой? — притворился непонимающим Сталин. — А, товарищ Жданов? Я думал, кто-то другой...

Естественно, что подобных оплошностей провинившийся более не повторял.

Известны только два исключения: по имени и отчеству Сталин называл Маршала Бориса Михайловича Шапошникова, авторитет которого как военачальника был очень велик и к которому Сталин испытывал полное доверие. Второй — Алексей Максимович Горький.

К Сталину все обращались на "вы" и только "товарищ Сталин". "Иосиф Виссарионович" говорили лишь не знавшие этого порядка люди да такие храбрецы, как Чкалов. Здесь также известны два исключения: на "ты" со Сталиным были Молотов и Ворошилов. Последний временами употреблял в обращении к Сталину старую подпольную кличку — Коба...

Все общавшиеся со Сталиным также единогласны: он производил на людей исключительное впечатление, если хотел, мог даже и заворожить, очаровать. Жуков, сам весьма недюжинный человек, вспоминал: "Лишенный позерства, он подкупал собеседника простотой общения. Свободная манера разговора, способность четко формулировать мысль, природный аналитический ум, большая эрудиция и редкая память даже очень искушенных и значительных людей заставляли во время беседы со Сталиным внутренне собраться и быть начеку... Его поразительная работоспособность, умение быстро схватывать материал позволяли ему просматривать и усваивать за день такое количество самого различного фактологического материала, которое было под силу только незаурядному человеку".

Распорядок дня у Сталина был странным: начинал работу он . во второй половине дня и продолжал ее далеко за полночь, иногда и до утра. Работал много: по двенадцать-пятнадцать часов в сутки, а в годы войны — и того больше. К такому распорядку приходилось приспосабливаться и аппарату Центрального Комитета, Совета Народных Комиссаров, наркоматам, основным государственным и планирующим органам. Это, несомненно, изматывало людей.

На совещаниях у Сталина не велось стенограмм. Решения по всем обсуждавшимся вопросам принимались сразу же, но лишь после всестороннего обсуждения и непременного участия специалистов. Мнение их выслушивалось самым внимательным образом и нередко оказывалось решающим. Когда вопрос был очень сложным и требовал дополнительной подготовки, на это давался строго определенный срок: два-три дня, не более.

Многие политические, военные, общегосударственные вопросы обсуждались не только на официальных заседаниях Политбюро ЦК или СНК СССР, но и в неофициальной обстановке — за обедом на квартире Сталина или на его даче. Часто после окончания работы он звал к себе "пообедать" — вернее, поужинать.

—Хватит на сегодня, — говорил Сталин. — Я проголодался. Специально никого не зову, чтобы не считали это официальностью, а кто проголодался — милости прошу! Разумеется, никто не отказывался.

Как и кабинет, кремлевская квартира выходила окнами на Арсенал. В столовой, слева вдоль стены, помещался огромный старинный резной буфет, в нем посуда, кавказские рога для вина. В центре — накрытый чистейшей скатертью стол, человек

на десять-двенадцать. Напротив дверей, между окнами, — тахта, направо у стены книжный шкаф и дверь в другие комнаты.

К приходу хозяина стол, как правило, был накрыт: выставлены приборы, хлеб, водка в графинах, коньяк, сухие вина, пряности, кавказские травы, овощи и грибы. Никаких колбас, ветчин, консервов Сталин не терпел.

Ужин, как здесь, так и на даче, даже при большом количестве гостей, проходил без услуг официантов: они только приносили все и тут же удалялись. Первые блюда в суповницах стояли на отдельном столике, тут же чистые тарелки. Сталин подходил, поднимал крышки, говорил, как бы себе:

—Здесь харчо... А тут уха... Здесь щи... Нальем щей, — наливал и нес тарелку к столу.

Точно так же, выбирая себе блюдо по вкусу, поступали и гости. Через некоторое время приносили набор вторых блюд, и процедура повторялась.

Пили за этим столом умеренно, рюмку-две, и меньше всех — хозяин, хотя он, часто по кавказскому обыкновению, любил потчевать и подливать гостям в рюмки. Сам же пил в основном сухие кавказские вина.

С. М. Штеменко, в годы войны молодой генерал Генштаба, вспоминал, что первое время его смущал запотевший графинчик, из которого Сталин что-то доливал в бокал с сухим вином. По неопытности

генерал предположил, что Сталин добавляет в сухое вино для крепости водку. Улучив момент, когда Сталина не было за столом, Штеменко налил себе из графинчика рюмку, после очередного тоста выпил ее и от удивления замер: то была ледяная вода. Сталин заметил оплошность генерала, наклонился к нему и спросил тихонько со злорадством:

—Ну как, крепкая?

Завершался обед чаем из самовара.

Разговор во время обеда чаще всего был деловым, служил продолжением совещания в кабинете Сталина. Но здесь он принимал более свободный характер, затрагивались самые различные темы: политические, международные, литературные.

Ночевать, независимо от того, когда закончилась работа, Сталин неизменно отправлялся на дачу, чаще всего — на "ближнюю". Ездил он в черном американском "паккарде"; несколько таких машин приобрели до войны. Автомобиль имел бронированный кузов и пуленепробиваемые стекла. Сопровождали "паккард" всегда две машины с охраной.

"Ближняя" дача расположена в черте города, в Кунцево, в лесу. Дом двухэтажный (второй этаж пристроен в 1948 году), от ворот к нему вела асфальтированная дорожка. Прихожая обита светлым дубом, из нее справа — дверь в кабинет, прямо — в большой зал с длинным столом. Мебель и вся обстановка простые. Единственными предметами роскоши были ковер на полу и камин в углу; Сталин всегда любил зимой огонь.

Во втором этаже дачи никогда не жили. Все время Сталин проводил, по существу, в большой комнате. На диване ему стелили постель, рядом на столике — телефоны, обеденный стол завален книгами, газетами, бумагами. Если не было гостей, то тут же, на краю, ему накрывали ужин, обед. В комнате стоял буфет с посудой и медикаментами. Лекарства Сталин выбирал себе сам, врачам не очень-то доверял, единственным авторитетом в этой области для него был академик В. Н. Виноградов, которому Сталин раз-два в год позволял себя осматривать.

Со всех сторон дом окружали террасы — одна застекленная, две открытые. С весны и до осени хозяин жил на террасах; иногда зимой, одевшись потеплее, и спал здесь. Сад вокруг дома — любимое развлечение Сталина. Землю он, правда, не копал, не возделывал ее, лишь иногда брал ножницы и подстригал сухие ветки. Очень любил, чтобы в саду все было ухожено, чтобы цвели и зрели яблони, вишни. В саду, бывшем лесу, но убранном, культивированном, там и сям были разбросаны беседки, с крышами и без них.

Почти ежедневно Сталин встречался со многими людьми, беседы велись на самые различные темы, и собеседники с удивлением отмечали начитанность Сталина. Шел разговор о политике, об искусстве, о других вещах — Сталин часто и всегда к месту приводил подходящие примеры. Обширная память позволяла ему цитировать во время бесед и выступлений, иногда дословно, отрывки из самых разнообразных источников. Наиболее часто он цитировал Салтыкова-Щедрина, Чехова, Гоголя.

В довоенное время Сталин довольно часто ходил в театры -во МХАТ, в Малый и Большой. Пожалуй, больше всего любил он МХАТ: жизненная правда, лежащая в основе творческого метода Станиславского, правда изображения событий и человеческих характеров, свойственная реалистическому искусству, привлекали его. Сталин хорошо знал не только ведущих исполнителей в этом театре, но и дублеров.

В 1929 году после "Царя Федора Иоанновича" в беседе с Л. М. Леонидовым Сталин очень высоко оценил мастерство актеров, в особенности И. М. Москвина, занятого в главной роли. В то же время Сталин подчеркивал, что дает оценки только как зритель, что мнение его — лишь мнение одного из присутствующих в зале.

Он поинтересовался, над чем собирается работать театр. Леонидов ответил, что к постановке готовят "Мертвые души". Сталин подробно расспрашивал, а на прощанье задумчиво произнес:

— А ведь и у нас тоже есть свои Маниловы, Ноздревы, Собакевичи...

Часто Сталин смотрел во МХАТе "Любовь Яровую", "Горячее сердце" и прежде всего - "Дни Турбиных". Об отношении Сталина к последней пьесе и ее автору стоит сказать особо. В

письме к Билль-Белоцерковскому от 2 февраля 1929 года Сталин подчеркивал: недопустимо преследовать и травить творческого работника, который осознал свои ошибки, недопустимо заставлять его уехать за границу. Тут же следовала характеристика пьесы Булгакова:

"Что касается собственно пьесы "Дни Турбиных", то она не так уж плоха, ибо она дает больше пользы, чем вреда. Не забудьте, что основное впечатление, остающееся у зрителя от этой пьесы, есть впечатление, благоприятное для большевиков: "если даже такие люди, как Турбины, вынуждены сложить оружие и покориться воле народа, признав свое дело окончательно проигранным, — значит, большевики непобедимы, с ними, большевиками, ничего не поделаешь". "Дни Турбиных" есть демонстрация всесокрушающей силы большевизма"[1] .

Эту свою позицию Сталин подтвердил и на деле. Кто-то из перестраховщиков запретил спектакль. Руководители театра в антракте одного из спектаклей спросили Сталина:

Действительно ли нельзя играть сейчас "Турбиных"?

— А почему же нельзя? — удивился Сталин. — Я не вижу ничего плохого в том, что у вас идут "Дни Турбиных". В пьесе показан умный и сильный враг. Это хорошо. Мы должны показывать врага таким, каков он есть.

"Дни Турбиных" продолжали идти на сцене МХАТа, и Сталин регулярно посещал именно этот спектакль: он был на нем двадцать восемь раз.

О другой пьесе Булгакова — "Бег" — в том же письме к Билль-Белоцерковскому Сталин отозвался гораздо резче. Он писал, что эта пьеса не есть, конечно, проявление какой-либо "правой" или "левой" опасности (а именно так характеризовали пьесу в печати). "Бег" есть проявление попытки, — писал Сталин, — вызвать жалость, если не симпатию, к некоторым слоям антисоветской эмиграции, — стало быть, попытка оправдать или полуоправдать белогвардейское дело. "Бег" в том виде, в каком он есть, представляет антисоветское явление"[2] .

Оценка очень суровая, и при жизни Сталина "Бег" шел только один раз. Примечательна роль Сталина в дальнейшей судьбе Булгакова. Рапповские критики (о них позже) травили его так, что ныне остается только поражаться их злости и беззастенчивости. Пьес Булгакова театры не брали, он остался без работы и без каких-либо средств к существованию. Тогда он обратился к Сталину; в письме была фраза отчаяния: "Прошу выслать меня за границу..." На следующий день Сталин сам позвонил Булгакову, выслушал его. Отправлено письмо Булгакова 28 марта

[1]Сталин И.В. Соч. Т .11. С.328. [2] Сталин И.В. Соч. Т .11. С.327.

1931 года, а с 1 апреля он стал работать в любимом им МХАТе консультантом-режиссером.

В преддверии военной грозы приобретала особое значение важнейшая задача советской литературы — воспитание в народе чувства советского патриотизма. Одно из его проявлений, как известно, — чувство любви и уважения к великому русскому народу, ставшему во главе других народов Советского Союза. Руководители государства, партии всегда решительно пресекали попытки принизить роль русского

народа. Такие попытки, чего греха таить, были в литературе и в 20-х, и в начале 30-х годов. Иногда они проявлялись в произведениях известных литераторов, к примеру — Демьяна Бедного.

В стихотворных фельетонах Д. Бедного "Слезай с печки", "Без пощады", "Перерва" необходимая и полезная критика недостатков и жизни и быта советских людей переросла в клевету. ЦК партии в специальном решении указал на это, но Д. Бедный вместо признания совершенно очевидных ошибок обиделся, написал письмо Сталину. Ответ Сталина от 12 декабря 1930 года настолько характерен и ярок, что заслуживает подробного разбора.

"Вы расцениваете решение ЦК как "петлю", как признак того, что "пришел час моей (т. е. Вашей) катастрофы". Почему, на каком основании? Как назвать коммуниста, который, вместо того чтобы вдуматься в существо решения ЦК и исправить свои ошибки, третирует это решение как "петлю"?..

Десятки раз хвалил Вас ЦК, когда надо было хвалить. Десятки раз ограждал Вас ЦК (не без некоторой натяжки!) от нападок отдельных групп и товарищей из нашей партии. Десятки поэтов и писателей одергивал ЦК, когда они допускали отдельные ошибки. Вы все это считали нормальным и понятным. А вот когда ЦК оказался вынужденным подвергнуть критике Ваши ошибки, Вы вдруг зафыркали и стали кричать о "петле". На каком основании? Может быть, ЦК не имеет права критиковать Ваши ошибки? Может быть, решение ЦК не обязательно для Вас? Может быть, Ваши стихотворения выше всякой критики? Не находите ли, что Вы заразились некоторой неприятной болезнью, называемой "зазнайством"? Побольше скоромности, т. Демьян..."

Перечислив стихотворения Д. Бедного, в которых имелись ошибки, и указав на их суть, Сталин продолжал: "Весь мир признает теперь, что центр революционного движения переместился из Западной Европы в Россию. Революционеры всех стран с надеждой смотрят на СССР как на очаг освободительной борьбы трудящихся всего мира, признавая в нем единственное свое отечество. Революционные рабочие всех стран единодушно рукоплещут советскому рабочему классу, и прежде всего **русскому** рабочему классу, авангарду советских рабочих, как признанному своему вождю..."

248

И Сталин противопоставляет этой позиции точку зрения псевдообличителей: "А вы? Вместо того, чтобы осмыслить этот величайший в истории революции процесс и подняться на высоту задач певца передового пролетариата, ушли куда-то в лощину и, запутавшись между скучнейшими цитатами из сочинений Карамзина и не менее скучными изречениями из "Домостроя", стали возглашать на весь мир, что Россия в прошлом представляла сосуд мерзости и запустения, что нынешняя Россия представляет сплошную "Перерву", что "лень" и стремление "сидеть на печке" является чуть ли не национальной чертой русских вообще, а значит, и русских рабочих, которые, проделав Октябрьскую революцию, конечно, не перестали быть русскими. И это называется у вас большевистской критикой! Нет, высокочтимый т. Демьян, это не большевистская критика, **а клевета** на наш народ, **развенчание** СССР, **развенчание** пролетариата СССР, **развенчание** русского пролетариата..." [1]

Еще одна фигура в литературе — М. Хвилевой. О нем и его статьях Сталин писал в 1926 году: "Требования Хвилевого о **"немедленной** деруссификации пролетариата" на Украине, его мнение о том, что "от русской литературы, от ее стиля украинская поэзия должна убегать как можно скорее", его заявление о том, что "идеи пролетариата нам известны и без московского искусства", его увлечение какой-то мессианской ролью украинской "молодой" интеллигенции, его смешная и немарксистская попытка оторвать культуру от политики, — все это и многое подобное в устах украинского коммуниста звучит теперь (не может не звучать!) более чем странно" [2] .

Период с 1929 до начала 1932 года характерен обострением групповой борьбы; рапповцы не только отталкивали, дискредитировали и поносили своих беспартийных собратьев по перу, но и вызывали раскол в рядах писателей. Так, вне "генеральной линии пролетарской литературы", по определению рапповцев, оказался М. Шолохов, не говоря уже о писателях из мелкобуржуазной интеллигенции.

"Правда" не раз выступала против групповщины, насаждавшейся рапповцами, отмечала, что внутри этой писательской организации слабо развита самокритика, процветает подозрительность и недоверие, что руководство РАПП "замазывает" ошибки "своих" людей.

Но руководство РАПП вело себя до предела нагло. К примеру, Л. Авербах после одной критической статьи "Правды" в 1930 году поставил перед секретариатом ЦК ВКП(б) ультиматум: "Или уймите "Правду" и дайте нам работать, или меняйте руководство РАПП". Группировка Л. Авербаха, стремясь достичь

[1]Сталин И.В. Соч. Т .13. С.25.

[2] Там же. Т.8. С.152 - 153.

командного положения в литературе, стала объявлять классовым врагом всякого, кто подвергал сомнению ее непогрешимость.

23 апреля 1932 года ЦК ВКП(б) принял постановление "О перестройке литературно-художественных организаций". ЦК партии принял решение ликвидировать РАПП и создать единый Союз советских писателей.

Для рапповских деятелей это означало катастрофу; они пытались игнорировать постановление, первоначально не опубликовали его в соответствующем номере своего журнала "На литературном посту", стали посылать в ЦК заявления. Для разбора заявлений Политбюро создало комиссию из пяти человек (И.В. Сталин, П. П. Постышев и другие). На заседание комиссии были приглашены авторы заявлений: А. Афиногенов, Б. Иллеш, Б. Ясенский, В. Киршон и другие. Бывшие рапповцы, стремясь обеспечить себе во вновь создаваемом Союзе писателей доминирующее положение, предлагали создать в нем автономную секцию пролетарской литературы и навязать писателям измышленный рапповцами "диалектико-материалистический творческий метод".

Заседание длилось шесть или семь часов, прения были бурными: В. Киршон выступал двенадцать-пятнадцать раз, Афиногенов — четырежды... Убеждая упорствующих, раз пятнадцать пришлось выступить и Сталину. Первое свое предложение рапповцы сняли быстро — настолько отрицательной была реакция авторитетных членов комиссии Политбюро, но "диалектико-материалистический метод" отстаивали упорно. К сожалению, на заседании не велось ни стенограммы, ни протокола, и мы не можем судить, кто из членов комиссии впервые дал определение метода социалистического реализма. Фактом остается то, что оно было сформулировано на заседании именно этой комиссии и рапповцы были вынуждены согласиться с ним.

Определение, предложенное комиссией, постепенно стало завоевывать признание у писателей и критиков. Споров было немало, и Горький отстаивал определение социалистического реализма с твердостью.

В его доме на Малой Никитской, 6, и всегда-то собирались писатели, но в эти месяцы 1932 года встречи стали гораздо более частыми. Особо представительным было собрание 26 октября: столовую, библиотеку, кабинет дома заполнили писатели — всего около пятидесяти человек: А. Фадеев, М. Шолохов, Л. Леонов, Ф. Панферов, Ф. Гладков, Вс. Иванов, А. Малышкин, А. Афиногенов, П. Павленко и другие. В девять часов приехали Сталин и другие члены Политбюро. Все перешли в столовую.

Председателем единодушно избрали хозяина дома. Сидя в центре стола, вместе со Сталиным, он начал беседу:

— Сегодня мы собрались, чтобы обсудить вопрос литературы,— сказал он. — Скоро исполнится пятнадцать лет Советской

власти... Трудами рабочих и крестьян создано в нашей стране огромное количество дел... Литература не справляется с тем, чтобы отобразить содеянное...

К сожалению, и это совещание не стенографировалось и никто из присутствующих не вел записи выступлений. Так распорядился Горький: это было правило, неуклонно соблюдавшееся в его доме, чтобы каждый мог говорить свободно, не стесняясь.

Очевидцы утверждают, что скованность, натянутость вскоре исчезли, возникла непринужденная обстановка, и писатели заговорили...

Поначалу речь шла об организационных делах, потом перешли к задачам и целям литературы. Разговор шел начистоту. Все признавали важность, необходимость решения ЦК от 23 апреля.

По временам Сталин вставал из-за стола. По негласному уговору в комнате мог курить только Горький, и вместе с другими курильщиками Сталин стоял в дверях. Характер беседы был таким же, как и всегда в его присутствии: внимательно выслушивая выступающих, он вопросом или короткой репликой направлял беседу в необходимое русло.

Страстный спор вызвала сущность метода социалистического реализма. Мнения были самые различные и не всегда согласные. Высказал свою точку зрения и Сталин. Он упрекал критиков в том, что они не понимают природы писательского труда.

—Писатель черпает материал, краски для своих произведений из конкретной действительности, — говорил Сталин, — а вы подсовываете ему схему. Пусть учится у жизни! к

Тут кто-то бросил реплику:

—Но это же эмпиризм!—Чепуха! — Сталин усмехнулся. — Это слово можно применять к политику, ученому, но не к писателю. Поймите, если писатель честно отразит правду жизни, он непременно придет к марксизму...

Запомнилось присутствующим и определение, данное Сталиным писателям: он назвал их "инженерами человеческих душ".

Беседа затянулась, и разошлись писатели на рассвете.

* * *

Сергей Эйзенштейн и Георгий Александров познакомились с Генеральным секретарем ЦК ВКП(б) 7 ноября 1927 года. Им было известно, что Сталин дал высокую оценку их совместной работе — "Броненосец "Потемкин". А с утра этого праздничного дня режиссеры лихорадочно, не думая ни о чем ином, не замечая окружающих, подчищали смонтированный материал нового фильма — "Октябрь": вечером в Большом театре после торжест-

венного заседания предполагался показ этого фильма, посвященного 10-летию Октябрьской революции.

В четыре часа дня в монтажную вошел Сталин. Поздоровавшись с режиссерами так, будто давно их знал, он спросил:

—У вас в картине есть Троцкий?

Первоосновой сценария послужила книга Джона Рида "Десять дней, которые потрясли мир". В ней преувеличивалась роль Троцкого в Октябрьской революции. Эйзенштейн ответил, что Троцкий действительно изображается в кинофильме.

—Покажите эти части...Сталин был очень серьезен.

Механика не было, ролики крутил Александров, Эйзенштейн сидел в зале со Сталиным. После просмотра нескольких частей Сталин сообщил режиссеру, что троцкистско-зиновьевская оппозиция перешла к открытой борьбе с Советской властью и только что пыталась организовать в Москве и Ленинграде контрдемонстрацию.

—Картину с Троцким сегодня показывать нельзя, — таков был вывод Сталина.

В Большом театре в тот вечер показали только фрагменты фильма, вышел же он на экран в марте 1928 года.

Без преувеличения можно сказать, что вся наша страна, от мала до велика, уже более шестидесяти лет с удовольствием смотрит первую советскую звуковую комедию "Веселые ребята". Трудно это сейчас представить, но перед создателями ее громоздились одно за другим препятствия: картина была еще в работе, а на нее ополчились горе-кинокритики, затем в дело ввязались бывшие деятели РАПП. В "Литературной газете" эту кинокомедию самым серьезным образом противопоставляли "Чапаеву" — уже получившей одобрение зрителей героической эпопее. Тут же была помещена карикатура: Чапаев собственноручно выметает метлой с экрана персонажей "Веселых ребят". Дело дошло до того, что нарком просвещения А. С. Бубнов (кинопромышленность тогда находилась в его ведении) запретил показ готового фильма.

Председателю Главного управления кинофикации Шумяцкому и режиссеру Александрову посчастливилось показать фильм Горькому. Фильм понравился. Георгий Александров вспоминал впоследствии: "Горький же вскоре после этого организовал показ "Веселых ребят" для членов Политбюро ЦК нашей партии. Тут оторопь нашла на Шумяцкого. Ему показа- лось, что фильм еще не готов, и он приказал везти только две первые части. На всякий случай, без согласования, я прихватили остальные части. В напряженном ожидании сидел я в соседней с просмотровым залом комнате. Через какое-то время слышу:— Вызывайте Александрова с продолжением. Я поднялся наверх и осторожности ради говорю:

— У меня тут не все готово.

— Ничего, ничего. Показывайте что есть. Смотрели "Веселых ребят" с явным удовольствием. Смеялись, обменивались репликами. По окончании сеанса все, кто; был в просмотровом зале, смолкли, ждали, что скажет Сталин.

—Хорошо! Я будто месяц пробыл в отпуске, — сказал он, и все стали возбужденно вспоминать понравившиеся детали кинокомедии.

Само собой разумеется, что запрет на картину был снят..."

Другой комедийный фильм этого режиссера — "Волга-Волга" — был встречен бурными приветствиями публики и... злой критикой. Сталину же фильм очень нравился, он смотрел его много раз, а в 1942 году послал его в качестве подарка президенту США Рузвельту. После одного приема в честь участников декады украинского искусства Сталин пригласил группу видных деятелей в свой просмотровый зал, сел между В. И. Немировичем-Данченко и Г. В. Александровым.

"По ходу фильма Сталин, — вспоминал Александров. — делясь с нами своим знанием комедии, своими чувствами, обращаясь то ко мне, то к Немировичу-Данченко, полушепотом сообщал: "Сейчас Бывалов скажет: "Примите от этих граждан брак и выдайте им другой". Произнося это, он смеялся, увлеченный игрой Ильинского, хлопал меня по колену. Не ошибусь, если скажу, что он знал наизусть все смешные реплики этой кинокомедии.

Когда на приеме Сталину представили Игоря Владимировича Ильинского, он пошутил:

—Здравствуйте, гражданин Бывалов. Вы бюрократ, и я бюрократ, мы поймем друг друга. Пойдемте побеседуем, — и повел его к столу".

Суждения Сталина о другой картине Александрова (первоначально она именовалась "Золушкой") были гораздо сдержаннее: картина не имела того сатирического запала, который свойствен "Волге-Волге". Явно не соответствовало содержанию и название. На следующий день после встречи со Сталиным режиссеру прислали домой листок, на котором рукой Сталина было набросано, на выбор, двенадцать названий. Александров предпочел "Светлый путь". Этой картине также суждена была долгая жизнь на киноэкране.

Так было не только с картинами Эйзенштейна и Александрова. Не раз получал поддержку у Сталина такой высокоодаренный и сложный художник, как Александр Довженко. В ноябре 1928 года на Пленуме ЦК был продемонстрирован фильм "Арсенал". Общее мнение было положительным. Сталин же сказал:

— Настоящая революционная романтика!

Во время работы над "Аэроградом" Довженко столкнулся с непреодолимыми, казалось, осложнениями, грозившими не

253

только картине, но и судьбе режиссера. Это побудило его, как и за несколько лет до того, обратиться к Сталину. Через двадцать два часа после того как Довженко опустил письмо в ящик, он уже находился в кабинете Сталина.

Представив кинорежиссера Ворошилову, Кирову и Молотову, Сталин очень доброжелательно выслушал Довженко и попросил его прочесть сценарий "Аэрограда". По окончании руководители партии и правительства сделали замечания, причем Довженко убедился, что интересует их не только содержание сценария, но и чисто профессиональная сторона дела. Сталин расспросил режиссера о Дальнем Востоке, где тот побывал, а затем сказал:

—Могли бы вы показать на карте место, где бы начали строительство города, если бы были не режиссером, а строителем?

Довженко настолько "вошел в тему", что, не колеблясь, ответил утвердительно. Тогда Сталин повел его в маленький кабинет, увешанный картами. Режиссер показал полюбившееся место и объяснил, почему избрал именно его...

Работа над "Аэроградом" продолжалась. В феврале 1935 года, во время церемонии вручения Довженко ордена Ленина, Сталин подал реплику:

—За ним долг — украинский Чапаев!

Речь шла о Николае Щорсе. Довженко выразил согласие поставить о нем фильм, но сначала надо было закончить "Аэроград". В газетах же одна за другой стали появляться статьи о предстоящей постановке "Щорса". Это сказывалось на работе художника, он не мог приступить к новому фильму, не завершив "Аэроград", а потому нервничал. Видимо, это стало известно в Политбюро, и Довженко вызвали к Сталину.

Генеральный секретарь начал беседу с подробных расспросов о работе над "Аэроградом", о творческом самочувствии, о том, достаточно ли помогает Управление воздушными силами при съемках аэропланов. Довженко почувствовал, что помощь ему обеспечена, и успокоился, а Сталин продолжал:

— А теперь я вам скажу, для чего вас вызвал. Когда я говорил вам в прошлый раз о Щорсе, я это сказал в плане совета. Я просто думал о том, что вы примерно будете делать на Украине. Но ни мои слова, ни газетные статьи ни к чему вас не обязывают. Вы — человек свободный. Хотите делать "Щорса" — делайте, но если у вас имеются иные планы — делайте другое. Не стесняйтесь. Я вызвал вас для того, чтобы вы это знали.

Довженко заверил, что с охотой будет работать над "Щорсом".

Дошли до нас воспоминания выдающегося грузинского режиссера М. Чиаурели. Он вспоминал, в частности, что при просмотре "Последнего маскарада" реакция Сталина была бурной. Да это и неудивительно: на экране показывали конец грузин-

ских меньшевиков, столь хорошо знакомых Сталину. Когда один из героев перед смертью запел песню пахаря — "Оравела", Сталин погрузился в детские впечатления:

—Крестьяне давали мне кувшинчик простокваши и заставляли петь во все горло с утра до вечера...

После просмотра зашла беседа о грузинском классике Илье Чавчавадзе, произведения которого некоторое время были в загоне стараниями грузинских "сверхреволюционеров" от литературы.

—Это — ошибка, — заметил Сталин, — история аналогичная с отношением ко Льву Толстому. <...> Не потому ли мы проходим мимо Чавчавадзе, что он из князей?..

* * *

В программах и в методах работы в школе господствовали утвердившиеся с 20-х годов взгляды, имеющие мало общего с нынешними нашими представлениями. Достаточно нескольких примеров. В так называемой "комплексной программе" на 1924 год говорилось: "Нет надобности гнаться за сообщением какой-либо определенной суммы знаний". Столь же настоятельно подчеркивалось, что "не должно быть в школе арифметики и русского языка, как особых предметов", что "никакого особого, изолированного курса природоведения не должно быть" и т. д.. Нетерпимое положение сложилось в преподавании истории: ни о какой "сумме знаний" тут и речи не было. В другой "комплексной программе", от 1929 года, утверждалось, что "особой беды не будет, если дети не усвоят исторические факты и события, которые имели место до Октябрьской революции, в их исторической последовательности". Поэтому, — продолжали авторы этой, с Позволения сказать, "программы", — "не вводится ряд крупнейших исторических событий, как, например, японская война, революция 1905 года, чтобы не осложнять (?!) понимание основной сущности дооктябрьского прошлого и послеоктябрьского настоящего".

Тлетворное влияние на положение дел в школе оказывали педологи. Выхватывая клочки превратно понятых, нередко искаженных положений из разных наук (анатомии, физиологии, психологии, психопатологии и др.), сдабривая их ненаучными методами, заимствованными у различных буржуазных психологов, сторонников педологии (Блонский, Залкинд, Моложавый и др.) претендовали на всеобъемлющую роль их "науки" в школе и нанесли ей немалый вред.

Не лишне упомянуть, что чаще всего "сверхреволюционеры" от педагогики в свое время отдали дань все тому же троцкизму.

Особо важное значение для надлежащей постановки преподавания общественных наук в школах и вузах СССР имело постановление СНК и ЦК от 16 мая 1934 года. В нем констатиро-

валось, что главным недостатком существовавших тогда учебников истории и самого преподавания был их отвлеченный, схематический характер: "Вместо преподавания гражданской истории в живой

занимательной форме, с изложением событий и фактов в их хронологической последовательности, с характеристикой исторических деятелей — учащимся преподносят абстрактные определения общественно-экономических формаций, подменяя, таким образом, связное изложение гражданской истории отвлеченными социологическими схемами". Постановление имело решающее значение для создания стабильных учебников по истории.

Были созданы группы ученых для составления новых учебников, вскоре они представили и конспекты по истории СССР и новой истории. Однако конспекты эти оказались неудовлетворительными. 8-9 августа 1934 года Сталин, Жданов и Киров написали замечания, в которых оба конспекта были подвергнуты обстоятельному разбору и суровой критике. Особенно неудовлетворительно был составлен конспект по истории СССР, который изобиловал ненаучными, неграмотными определениями, страдал крайней неряшливостью, недопустимой, как подчеркивалось в замечаниях Сталина, Жданова и Кирова, при создании "учебника, где должно быть взвешено каждое слово и каждое определение... Нам нужен такой учебник истории СССР, где бы история Великороссии не отрывалась от истории других народов СССР - это во-первых, - и где бы история народов СССР не отрывалась от истории общеевропейской и вообще мировой истории, - это во-вторых". Создание такого учебника было нелегким делом, и удалось оно далеко не сразу. На это потребовались годы и годы.

В 1937 году в СССР побывал известный австрийский писатель Лион Фейхтвангер. Он многое видел, присутствовал на процессе "антисоветского троцкистского центра". Западноевропейский писатель, отнюдь не коммунист, высказал в книге "Москва 1937" весьма здравые и благоприятные суждения как об общем положении в стране, так и о ходе процесса, о справедливости вынесенного им приговора.

Удостоился Фейхтвангер и встречи со Сталиным. Разговор был откровенным.

"На мое замечание о безвкусном, преувеличенном преклонении перед его личностью он пожал плечами, - писал Фейхтвангер. - Он извинял своих крестьян и рабочих тем, что они были слишком заняты другими делами и не могли развить в себе хороший вкус, и слегка пошутил по поводу сотен тысяч увеличенных до чудовищных размеров портретов человека с усами, — портретов, которые мелькают у него перед глазами во время демонстраций. Я указываю ему на то, что даже люди, несомненно обладающие вкусом, выставляют его бюсты и портреты—да еще какие! — в местах, к которым они не имеют ника-

кого отношения, как, например, на выставке Рембрандта. Тут он становится серьезен. Он высказывает предположение, что это люди, которые довольно поздно признали существующий режим и теперь стараются доказать свою преданность с удвоенным усердием. Да, он считает возможным, что тут действует умысел вредителей, пытающихся таким образом дискредитировать его. "Подхалимствующий дурак, - сердито сказал Сталин,

—приносит больше вреда, чем сотня врагов". Всю эту шумиху он терпит, заявил он, только потому, что он знает, какую наивную радость доставляет праздничная суматоха ее устроителям, и знает, что все это относится к нему не как к отдельному лицу, а как к представителю течения, утверждающего, что построение социалистического хозяйства в Советском Союзе важнее, чем "перманентная революция".

Органы государственной безопасности (ОГПУ, ГПУ, позднее -НКВД) разоблачили немало шпионов и диверсантов, сорвали попытки фашистских и иных империалистических разведок ослабить оборонную мощь СССР. Это имело важные последствия: когда началась война, "пятой колонны", как известно, фашисты, к своей досаде, в СССР не обнаружили. Но в своей деятельности органы госбезопасности (и вина Сталина здесь несомненна) допустили грубые ошибки и произвол, в результате чего пострадали очень многие ни в чем не повинные люди.

Было бы несправедливым утверждать, что Сталин не реагировал на доходившие к нему сигналы о недостатках, ошибках или извращениях политики партии. Известно немало случаев, когда его реакция

на такие сигналы была и решительной и быстрой. Один из наиболее убедительных примеров связан с именем М. А. Шолохова.

В Вешенском районе, где всю жизнь работал великий писатель, весной 1933 года сложилась чрезвычайно серьезная обстановка: под видом изъятия излишков хлеба по распоряжению руководства Азово-Черноморского края была проведена конфискация всего зерна, в том числе и выданного авансом на трудодни. Местные коммунисты, указавшие руководителям края на неправильность и недопустимость таких действий, были обвинены в пособничестве кулачеству, исключены из партии и арестованы. Тогда М.А. Шолохов, всегда живший с родным краем одной жизнью, написал в Центральный Комитет беспощадно правдивое, суровое письмо, в котором просил расследовать неправильные действия краевых работников и помочь продовольствием ряду районов, так как там начался голод.

Через несколько дней пришла телеграмма от Сталина: "Письмо получил. Спасибо за сообщение. Сделаем все, что требуется. Назовите цифру". После подсчетов необходимого количества продовольствия Шолохов написал еще раз. В ответной телеграмме Сталин информировал, какому району и сколько

отправлено хлеба, и добавлял: "Надо было сообщить не письмом, а телеграммой. Получилась потеря времени".

Затем Сталин отправил Шолохову письмо. Содержание его показывает, что Сталин, принявший решительные меры к исправлению положения, все же в какой-то мере склонен был оправдывать происшедшее. Он писал: "Я поблагодарил Вас за письма, так как они вскрывают болячку нашей партийно-советской работы, вскрывают то, как иногда наши работники, желая обуздать врага, бьют нечаянно по друзьям и докатываются до садизма. Но это не значит, что я во всем согласен с Вами. Вы видите одну сторону, видите неплохо. Но это только одна сторона дела. Чтобы не ошибиться в политике (Ваши письма -не беллетристика, а сплошная политика), надо обозреть, надо уметь видеть и другую сторону. А другая сторона состоит в том, что уважаемые хлеборобы Вашего района (и не только Вашего района) проводили "итальянку" (саботаж!) и не прочь были оставить рабочих, Красную Армию — без хлеба. Тот факт, что саботаж был тихий и внешне безобидный (без крови), — этот факт не меняет того, что уважаемые хлеборобы, по сути дела, вели "тихую" войну с Советской властью. Войну на измор, дорогой товарищ Шолохов...

Конечно, это обстоятельство ни в какой мере не может оправдать тех безобразий, которые были допущены, как уверяете Вы, нашими работниками. И виновные в этих безобразиях должны понести должное наказание. Но все же ясно, как Божий день, что уважаемые хлеборобы не такие уж безобидные люди, как это могло бы показаться издали".

На Дон была послана специальная комиссия ЦК, арестованные и осужденные (в том числе к расстрелу) были освобождены, коммунисты восстановлены в партии.

Можно было бы привести и другие решения ЦК ВКП(б) за более позднее время (1936 - 1938 годы), в которых исправлялись ошибки. Но в целом на партийной, государственной, советской работе отрицательно сказывался ошибочный тезис Сталина о том, что по мере продвижения к социализму классовая борьба в нашей стране будет непрерывно обостряться.

Этот тезис во всей полноте был высказан Сталиным на февральско-мартовском Пленуме ЦК 1937 года. Он говорил, что "чем дольше будем продвигаться вперед, чем больше будем иметь успехов, тем больше будут озлобляться остатки разбитых эксплуататорских классов, тем скорее будут они идти на более острые формы борьбы, тем больше они будут пакостить Советскому государству, тем больше они будут хвататься за самые отчаянные средства борьбы как последние средства обреченных".

На практике тезис этот послужил обоснованием для грубых нарушений социалистической законности и репрессий.

Ответственность за эти нарушения в значительной мере ложится на Сталина — он был облечен огромными полномочиями и мог предотвратить такие беззакония. Возникает вопрос: почему же он этого не сделал? Мы уже говорили о бескомпромиссности и решительности Сталина в борьбе с врагами партии. Говорили и о грубости, даже жесткости Сталина в таких вопросах; ну а жесткость не только по созвучию стоит рядом с жестокостью... Уже упоминалось, что после смерти Н. С. Аллилуевой у Сталина могло сложиться впечатление, что враги партии сумели пробраться даже и в его собственную семью. Когда же 1 декабря 1934 года в Ленинграде был убит С. М. Киров, любимец партии, человек, близкий к Сталину, подозрительность и вместе с ней безжалостность Сталина к "врагам народа" усилилась.

Было бы несправедливым утверждать, что режим бесправия и насилий, воцарившийся на многие десятилетия в бывшей России — Советском Союзе, был результатом действий одного, хотя бы и столь могущественного, человека. Нет, это было следствием колоссального и катастрофического катаклизма в жизни страны, именуемого революцией. Надо сразу же сказать, что люди, оказавшиеся у руля государства с октября 1917 года, заранее, задолго до революции, открыто и многократно утверждали, что в перестройке всего существовавшего в России (а именно так всеобъемлюще мыслили они создание "нового общества") они будут прибегать к насилию и мерам жестокого подавления сопротивления "эксплуататорских классов". Нет, все было определено заранее и задолго до того момента, когда Иосиф Виссарионович Джугашвили, то бишь Сталин, оказался у власти единоличным вершителем судеб страны и ее населения.

Если вы возьмете сочинения В. И. Ленина, то с легкостью обнаружите в них, к примеру, такое понятие как "концентрационные лагеря". Уже летом 1918 года, в июле, "вождь пролетариата" требовал (не просто предлагал, а именно требовал) создания таких лагерей для помещения туда, и без всякого промедления и сожаления, всех не только активно противодействовавших Советской власти, но и тех, кто бы мог в будущем оказать противодействие. Такие лагеря были тогда же созданы, и в них уже в 1918 году оказались тысячи, десятки тысяч людей. Так что инициатором и творцом этого метода подавления "эксплуататорских классов" был отнюдь не Сталин. Вспомните, что "СЛОН" — "Спецлагерь особого назначения" — существовал уже в 1922 году, прежде чем Сталин стал Генсеком.

Не Сталин, отнюдь не он, был создателем и такого "органа", как ВЧК, со всем его репрессивным аппаратом, не Сталин руководил им и давал ему указания — посмотрите все те же сочинения Ленина, равно как и "труды" Троцкого, Зиновьева, Каменева и прочих "старых большевиков". Не Сталин ввел в обыкновение массовые расстрелы и пытки, применявшиеся, ВЧК столь широко в годы гражданской войны и не вызывав-

шие у революционеров-большевиков никаких серьезных возражений: это было рутинным делом, поскольку оно не затрагивало, пока что, самих "старых большевиков". Опять же не Сталин создал систему всеобщего доносительства — она существовала задолго до того как Ленин рекомендовал Сталина на пост Генсека. Впрочем, обо всем этом читатель должен знать, так как написано по этому поводу очень много. Только надо подчеркнуть: не Сталин создал систему репрессий, воцарившуюся в Советском Союзе; но Сталин, к сожалению, прибегал к ней и со временем все чаще и чаще, так что в итоге с его именем и оказались связаны столь прискорбные обыкновения в нашей жизни.

С течением времени система эта все расширялась и совершенствовалась, пока в эпоху коллективизации не приобрела всеобъемлющего характера. И вот тогда она, неожиданно для власть предержащих, обратились на них самих, вовлекая в кровавую перетасовку самых главных и, казалось, неприкасаемых ранее лиц. Началось это в декабре 1934 года.

1 декабря этого года в Ленинграде, в Смольном, был убит Киров. Отношения секретаря Ленинградского обкома и члена Политбюро Кирова со Сталиным были хорошими, даже дружескими, и на этот счет имеется очень много неоспоримых свидетельств. Позднейшие утверждения (голословные, кстати) уцелевших "старых большевиков" о том, что Сталин якобы испугался, когда на XVII съезде партии за Кирова проголосовало гораздо больше депутатов, чем за самого Сталина, ничем конкретно не доказаны и не выдерживают никакой критики. Не кажутся достоверными и многочисленные версии убийства, сочиненные современными деятелями начиная с Хрущева и в особенности падкими на сенсации литераторами: каждый факт в таких версиях при маломальском стремлении к объективности можно и должно подвергать сомнению и опровержению. Причем характерно, что версия, существующая с декабря 1934 года и выглядящая наиболее достоверной, либо с возмущением apriori отвергается, либо вообще не рассматривается, видимо, именно потому, что она не оставляет никаких сомнений в истинности причин убийства.

Так, Волкогонов с деланным возмущением отрицал, что "за год-полтора до трагедии стали настойчиво распространять грязный слушок о том, что Мильда Драуле, бывшая жена Л. Николаева, находится в "особых отношениях" с Кировым". Но тут же : Волкогонов пишет, что в начале следствия Николаев заявил, что "пошел на убийство по соображениям мести, но "вскоре" признал, что "совершил злодеяние по заданию подпольной троцкистско-зиновьевской группы". "Признание" Николаева о троцкистах, полученное при тогдашних методах следствия, думается, можно отвергнуть как полученное под пыткой, а вот

разговор о мести по личным мотивам заслуживает рассмотрения более подробного.

Версия о том, что Киров был убит не по наущению троцкистско-зиновьевских монстров (каковыми они и были, безусловно) и не по воле Сталина, а по чисто житейским мотивам, как достаточно часто бывает в реальной жизни, отвергается, видимо, потому, что подавляющее большинство пишущих по данному сюжету не может признать того факта, что такой человек, как Киров, мог совершить простой житейский проступок — мог "жить" с чужой женой. Но совершенно достоверно известно, что при первых допросах Николаев именно так и говорил: он убил Кирова потому, что тот "жил" с его женой. Кирову в тот момент было сорок восемь лет, это был, как говорится, мужчина в самом соку, а жена его, Мария Маркус — гораздо старше. Что поделаешь, так бывает нередко — мужчина начинает изменять старой, да еще больной жене — есть все основания полагать, что Маркус была психически ненормальной. Кроме того, за Кировым и ранее отмечались отклонения подобного рода — недаром же в Ленинграде тогда шепотом говорили: секретарь обкома очень любил балерин, а потому Мариинский театр именуется Кировским. Хорошо известно, что Николаев ранее принадлежал к зиновьевской оппозиции, за это пострадал, карьера его прервалась, уже полгода он оставался без работы. Вот и представьте: озлобленный жизненными неудачами человек, без работы и средств к существованию, узнает, что жена неверна ему, да еще близка к человеку, имеющему в Ленинграде неограниченную власть, и от этого человека зависит его, Николаева, будущая жизнь. То, что Николаева направляют на работу в Лугу, он резонно истолковывает как желание от него избавиться...

Известно, что Николаев несколько раз пытался объясниться с Кировым, но безуспешно; дважды его задерживают и дважды отпускают. Николаев пытался жаловаться, писал письма — никто, разумеется, не отвечал, да и кто станет защищать Николаева, мелкую сошку в сравнении с секретарем Ленинградского обкома, другом самого Сталина! Вот и приходит Николаев еще раз 1 декабря 1934 года в Смольный (тогда для членов партии доступ в Смольный не был запретным), случайно встречает в коридоре Кирова, вновь пытается объясниться. Киров велит охраннику отойти — кому приятно вести беседу на подобные темы в присутствии посторонних? Как шла беседа — мы никогда не узнаем, но, вероятно, приняла она резкий характер, а у Николаева в кармане револьвер, и в этом нет ничего странного: тогда оружие имелось у многих членов партии. Вот и вынул Николаев револьвер, выстрелил в голову уходящему Кирову, выстрелил — и тут же упал, забился в нервном припадке. Словом, мы уверены: так или примерно так обстояло дело в тот декабрьский вечер. А вот что вышло потом?.. Тут уж в дело вступают другие обстоятельства.

На следующее утро Сталин в сопровождении Ворошилова, Молотова, Жданова, Ягоды, Агранова и других прибыл в Ленинград, чтобы расследовать происшедшее. Но уже 1 декабря датировано постановление ЦИК СССР следующего содержания:

"1. Следственным властям — вести дела обвиняемых в подготовке или совершении террористических актов ускоренным порядком. 2. Судебным органам — не задерживать исполнение приговоров о высшей мере наказания из-за ходатайств преступников о помиловании, так как Президиум ЦИК Союза ССР не считает возможным принимать подобные ходатайства к рассмотрению. 3. Органам Наркомвнудела — приводить в исполнение приговоры о высшей мере наказания в отношении преступников названных выше категорий немедленно по вынесении судебных приговоров".

На страну обрушилась новая волна репрессий.

За истекшие семнадцать лет после прихода большевиков к власти усилиями широкого слоя руководства партии, а отнюдь не только одного Сталина вошло в обыкновение искать причины происшествий, подобных случившемуся с Кировым, в заговорах "врагов народа", и расправа была жестокой. Так и тут. Л. Николаев и еще тринадцать человек, произвольно выбранных следователями по оговору Николаева, были судимы 28 — 29 декабря и немедленно расстреляны. Мильда Драуле, ее сестра Ольга Драуле и некий Роман Кулинер 9 марта 1935 года были приговорены к расстрелу. Какова уж была вина этих людей — Бог весть, да никто этим и не интересовался.

Но Сталин сим не ограничился. Поскольку у четырнадцати несчастных, проходивших по "делу Николаева", имелись в прошлом кое-какие контакты с Зиновьевым и Каменевым, то Сталин с согласия и одобрения Политбюро решил разделаться со своими политическими противниками. 15 — 16 января 1935 года Зиновьев, Каменев и еще семнадцать их сторонников предстали перед судом в Ленинграде в качестве так называемого "московского центра" и были приговорены к различным срокам тюремного заключения, предварительно повинившись и признавшись в совершении преступлений.

Невозможно в настоящей книге сколько-нибудь подробно рассказать о политических процессах 30-х годов. На эту тему написано очень много, рекомендуем читателям ознакомиться с книгой Р. Конквеста "Большой террор". Только надо принять во внимание, что Конквест при всем своем старании быть (или казаться) объективным отнюдь не всегда достигает этого, хотя бы потому, что, во-первых, во многих случаях западным исследователям просто недоступно понимание происходившего тогда (да и ныне) в России, а во-вторых, многие важнейшие сюжеты — запретная тема для западных журналистов и историков.

Чтобы разделаться с оппозиционерами, Сталин решил судить самых главных из них (из тех, что были в пределах досягаемости) открытыми процессами. Назовем здесь только главные из них. 19 — 22 августа 1936 года состоялся второй процесс над Зиновьевым и Каменевым, но теперь они были объединены с троцкистами — процесс прошел под наименованием "троцкистско-зиновьевского блока", и главные из обвиняемых, как и все последующие, получили "высшую меру наказания" — были приговорены к расстрелу. Затем в январе 1937 года последовал суд над Пятаковым, Радеком, Сокольниковым, в марте 1938 года открылся процесс "правых", среди которых Бухарин, Рыков, Крестинский, Раковский... Свершилось возмездие — на скамье подсудимых оказался обер-палач Ягода (Гершель Иегуда), а также три врача — Левин, Плетнев и Казаков. Последних трех упоминаем здесь в предвидении того, что произошло в марте 1953 года.

Надо помянуть и о процессе военных — Тухачевского, Якира, Уборевича и прочих (11 июня 1937 года), упомянуть хотя бы потому, что процесс этот, по нашему мнению, по своим результатам имел губительные последствия для страны: развернувшееся истребление красных командиров произошло накануне самой страшной войны, которую пришлось вынести народу.

Остановимся на нескольких общих сторонах этих процессов. Сразу же скажем, что, по нашему убеждению, устранение самой верхушки правящего слоя страны, знаменитой "старой гвардии" большевиков, приходится оценивать по особому счету: все эти троцкие-бронштейны, зиновьевы-аппельбаумы, каменевы-розенфельды, ягоды-иегуды и прочие (имя им легион) заслужили то, что получили. Вы можете подумать, что не совсем понятен выбор упомянутых фамилий. Но все дело в том, что мы не выбирали фамилий, выбора у нас практически не было: в ходе революции и гражданской войны весь бывший русский правящий слой был уничтожен, безжалостно и бестрепетно, а место его заняли люди, которые по своему этническому происхождению никакого отношения к русским как к нации не имели и только в целях осторожности иногда брали псевдонимы, звучащие по-русски.

Можно бы написать по данному сюжету обширное исследование, сокрушительное по своей убедительности и неопровержимости, дающее основание утверждать: почти вся правящая верхушка, партийная, государственная, хозяйственная, репрессивная и интеллектуальная, вплоть до середины 30-х годов состояла из лиц одного и того же этнического происхождения. Ограничимся, по недостатку места, лишь одним примером.

В 1934 году было завершено строительство Беломорско-Балтийского канала. Строили его сотни тысяч заключенных и гибли там тысячами, а книгу о канале написали "советские писатели". Ограничимся лишь теми фамилиями, которые не вы-

зывают сомнений: Л. Авербах, А. Берзинь, Е. Габрилович, Н. Гарнич, Г. Гаузнер, С. Гехт, С. Диковский, К. Зелинский, В. Катаев, М. Козаков, Д. Мирский, Л. Никулин, В. Перцов, Л. Славин, К. Финн, 3. Хацревин, В. Шкловский, А. Эрлих, Б. Ясенский. Итак, несчастные люди "вкалывали" и гибли, а "творческая интеллигенция" зарабатывала на их мучениях и страданиях.

Дальше — больше. Когда канал был достроен, то 4 августа 1934 года "наиболее отличившиеся работники" получили ордена Ленина. Вот они: 1) Ягода (Иегуда) Генрих Григорьевич — зам. председателя ОГПУ; 2) Коган Лазарь Иосифович - начальник Беломорстроя; 3) Берман Матвей Давыдович — начальник Главного управления исправительно-трудовых лагерей ОГПУ;

4)Фирин Семен Григорьевич — начальник Беломорско-Балтийского исправительно-трудового лагеря и зам. начальникаГлавного управления исправительно-трудовых лагерей ОГПУ;

Рапопорт Яков Давыдович — зам. начальника Беломорстроя;

Френкель Нафталий Аронович — пом. начальника Беломорстроя; 7) Вержбицкий Константин Андреевич — зам. главного инженера строительства.

Повторяем: мы не выбирали фамилий, именно в таком порядке они опубликованы в книге о канале, вышедшей тогда же, в 1934 году.

На протяжении двадцати предыдущих лет, когда правили в огромной стране и делали в ней что заблагорассудится, они не думали о русском народе, нисколько не жалели тех, кем правили и с кем расправлялись. Именно они, начиная с 1917 года, насаждали тот устрашающий режим, репрессивный аппарат, жертвами которого теперь стали. Двадцать лет подряд они сами или руками своих подчиненных уничтожали сотни тысяч и миллионы людей и ни разу, хотя бы на словах, не помыслили, не усомнились, что имеют право так поступать. Они наслаждались властью и благами, им предоставленными. Так что же, жалеть их, когда вдруг они стали пожинать посеянное? Ведь троцкие-бронштейны, зиновьевы-аппельбаумы, каменевы-розенфельды, ягоды-иегуды и т. д.. и т. п. всегда были ВРАГАМИ РУССКОГО НАРОДА!

Право же, можно ли сожалеть о судьбе того же Тухачевского, "военного гения", потерпевшего, кстати, немедленно сокрушительное поражение, как только в августе 1920 года он столкнулся с маломальским сопротивлением в Польше во время авантюристической попытки по приказу Ленина и Троцкого

"перенести революцию" в мировое пространство? За что его жалеть? Уж не за ту ли расправу над восставшими тамбовскими мужиками в 1921 году? Ведь надо же знать, что взращенный Троцким "гений" Тухачевский, например, намеревался применить против восставших ядовитые газы, оставшиеся после первой мировой войны, намеревался сделать это против своего же

народа, и не использованы эти газы были только потому, что выяснилось — газы могли уничтожить не только мужиков, их жен и детей, прятавшихся от карателей в тамбовских лесах, но и скот — коров и лошадей, а скотина эта для "красного маршала" была несравнимо дороже восставших русских крестьян.

И далее, полтора десятка лет, продолжалась вакханалия. Никто из "старых большевиков" не протестовал, когда репрессивный аппарат, ими же созданный, был обрушен на простых крестьян в годы коллективизации. Примеров можно привести сколько угодно. Так не вернее ли будет сказать, что верхушка "старых большевиков" — была настоящим врагом русского народа? Ибо невольно приходит на память евангельская истина — "каждому да воздастся по делам его", а Сталин, разумеется, плоть от плоти и кровь от крови когорты "старых большевиков", для них самих оказался ни чем иным, как Бичом Божиим!

Конечно, при истреблении "старых большевиков" (и здесь мы не можем ни в малейшей степени оправдать Сталина) погибло очень много простых русских людей. Но не правильнее ли будет сказать, что и гибель их — результат предыдущего двадцатилетнего правления этой же самой "старой гвардии"?

О февральско-мартовском Пленуме ЦК кровавого по итогам 1937 года наговорено очень много. В поверхностных описаниях сквозит какой-то мистический ужас. А потому поверхностных, что только с 1992 года стенограмма этого пленума, длившегося дольше, чем все другие пленумы или даже съезды партии, была наконец полностью опубликована. Теперь есть возможность оценить событие объективно. Никакой мистики, разумеется, нет. Все шло обычным, давно заведенным порядком. Более того, поражает непринужденность весьма серьезного разговора, многочисленный обмен репликами, причем не только из президиума. Выступает М. Л. Рухимович, глава химической промышленности страны, большевик с подпольным стажем, член ЦК с 1924 года:

"Начальником штаба тяжелой промышленности оказался негодяй, предатель, злодей Пятаков, который немало навредил. И нам нужно, товарищи хозяйственники, основательно порыться и разобраться, где тайны и в проектах, и в предприятиях, и в цехах, и в агрегатах. *(Постышев:* Правильно!) Товарищи, замысел был глубокий у них, большой, а у обер-бандита Пятакова были все рычаги.(Сталин: Это теперь-то разобраться, после драки!) Товарищи, сейчас нужно разобраться.(Постышев: Лучше поздно, чем никогда.).

Возьмем химию, порох. Всем известно, что во время войны без пороху воевать невозможно.(Смех. *Голос с места:* Вот открыл Америку, ай да спасибо.) Казалось бы, все внимание надо было уделить этому делу *(Смех.)* Это не так весело, как кажется, на деле это очень грустно".

Выступления почти всех ораторов сопровождались замечаниями не только Сталина, который был очень внимателен, но и

теми, кто вскоре разделил судьбу Пятакова и самого Рухимовича, — часто вмешивались Гамарник, Косиор, Любченко, Постышев, Чубарь и др. В таких условиях ораторы порой очень выразительно проявлялись (например, ясно виден уровень руководящих талантов Рухимовича).

Мы не можем дать точной цифры людей, пострадавших от репрессий в 30-х годах, точно так же, как и не смогли сделать этого и все исследователи, наши и зарубежные, но многие из них все же претендуют на точные цифры — и безосновательно. Во всяком случае (и это не подлежит сомнению) цифра не может не оставить у любого читателя ощущения ужаса, ибо речь идет о миллионах, многих миллионах

наших сограждан. Р. Конквест, наиболее обстоятельный и заслуживающий доверия западный исследователь, полагает, что в 1937 — 1938 годах только по политическим делам было арестовано шесть миллионов человек, а "законно" ликвидированных исчисляет в семьсот тысяч. Заключенных в лагерях Конквест на конец 1939 года определяет в восемь миллионов человек.

А вот настоящие, не мнимые историки, работающие с официальными источниками, ссылающиеся на архивные документы, приводят другие цифры — и они резко отличаются от зарубежных. На 1 марта 1940 года общий контингент заключенных в ГУЛАГе составлял 1 668 200 человек (Военно-исторический журнал. 1991. № 1. С. 19), то есть в пять раз меньше того, что пытается нам внушить Конквест, и среди заключенных только 28,7% были осуждены за контрреволюционную деятельность. Уместно напомнить, что в современной прессе о количестве заключенных в настоящее время, в 1995 году, сообщается, что их насчитывается около миллиона. И это в России 1995 года, когда Россия резко уменьшилась в размерах и когда весьма большое число лиц, безусловно заслуживающих тюремного заключения, разгуливает на свободе!

Или еще одна цифра, обнародованная нашими историками совсем недавно: "Число жертв политических репрессий в РККА во второй половине 30-х годов примерно в 10 (в десять!) раз меньше, чем приводимые современными публицистами и исследователями" (Военно-исторический журнал. 1993. № 1. С.59).

Глава четырнадцатая

С середины 30-х годов для каждого опытного политика было очевидно: не за горами новая мировая война. Акты агрессии следовали один за другим: 3 октября 1935 года итальянские войска вторглись в Эфиопию; 7 марта 1936 года фашистские батальоны без сопротивления заняли Рейнскую демилитаризованную зону; в июле — августе этого же года Италия и Герма-

ния начали интервенцию в республиканской Испании; в июле 1937 года Япония приступила к расширению войны в Китае; 12 марта 1938 года вермахт оккупировал Австрию... Последовательность и возрастающий размах агрессивных действий убеждали Советское правительство в близости войны.

В конце марта 1935 года лорд-хранитель печати Иден отправился в Москву. Ныне мы привыкли к тому, что в нашу столицу один за другим приезжают главы государств, министры из разных стран. Тогда же положение было иным: восемнадцать лет, с октября 1917 года, Москва была фактически под политическим бойкотом, и никто из крупных деятелей Запада ее не посещал. Визит Идена стал событием большого значения, широко обсуждался в мировой печати. Остановимся на нем подробнее.

28—29 марта Иден имел беседы с наркомом иностранных дел СССР М. М. Литвиновым и пытался убедить его, будто Восточный пакт не столь уж необходим, а вооружение Германии не представляет угрозы миру.

29 марта в Кремле, в кабинете председателя СНК Молотова,Сталин, Литвинов и посол СССР в Великобритании И. М.Майский встретились с Иденом и английским послом в Москве Д. Чилстоном.

В коридоре Кремля Майский, шедший рядом с Иденом, не без злорадства отметил, что британский министр волнуется. Церемония представления была подчеркнуто чинной: все — в строгих темных костюмах, только Сталин в своем обычном, полувоенном. Переводил в основном Литвинов.

Беседа началась заверениями английского дипломата в искренности устремлений Великобритании, в том, что британское правительство хочет только мира.

—Целостность, неприкосновенность и преуспеяние СССР,—говорил Иден, — являются одним из важнейших элементов сохранения мира. Я надеюсь, что и Советское правительство стоит на той же точке зрения в отношении целостности, неприкосновенности и преуспеяния Британской империи.

— Если это не комплимент, то это хорошо, — начал беседу Сталин.

— Господин Литвинов знает меня достаточно хорошо по Женеве и может заверить, что в таких случаях я не склонен говорить комплименты.

— Прежде всего я хотел бы задать господину Идену вопрос,—сказал Сталин, — как он оценивает нынешнее международное положение? Считает ли он его очень опасным или не очень опасным?

—Я считаю нынешнее международное положение вызывающим беспокойство, но не безнадежным. Я думаю так потому,что хотя нынешние трудности велики, однако у европейских народов еще имеется некоторое количество времени для преодоления этих трудностей.

267

— Ну, а если положение сравнить с тысяча девятьсот тринадцатым годом, — как оно сейчас, лучше или хуже?

— Я думаю, лучше.

—Почему вы так думаете? — добивался точного ответа в свойственной ему манере Сталин.

Обнаружилось, что Иден возлагал чрезмерные надежды на Лигу Наций и пацифистское движение в Европе.

— Настроение широких народных масс сейчас очень пацифистское. А как думаете вы?

— Я думаю, — ответил Сталин, — что положение сейчас хуже, чем в тысяча девятьсот тринадцатом году.

— Почему?

— Потому, что в тысяча девятьсот тринадцатом году был только один очаг военной опасности — Германия, а сейчас имеются два очага военной опасности — Германия и Япония.

— Но ведь у вас как будто в последнее время отношения с Японией налаживаются? — поинтересовался Иден. — Благодаря мудрой политике вашего правительства военная опасность в этой части света несколько ослабла.

— Речь идет не только о безопасности границ СССР. Вопрос стоит значительно шире: каковы дальнейшие намерения Японии?

Последующие события на Дальнем Востоке показали, насколько правильной была эта оценка Сталина.

На вопрос Идена о положении в Европе он ответил так:

—В Европе большое беспокойство вызывает Германия. Она тоже вышла из Лиги Наций и, как вы сообщили товарищу Литвинову, не обнаруживает желания в нее вернуться. Она открыто, на глазах у всех, разрывает международные договоры. Это опасно.

Британский дипломат, которого в Берлине уверяли, что Восточный пакт направлен к "окружению" Германии, спросил:

— А как вы себе мыслите пакт взаимной помощи — с Германией или без Германии?

— С Германией, конечно, с Германией, — отвечал Сталин. —Мы не хотим никого окружать. Мы не стремимся к изоляции Германии. Наоборот, мы хотим жить с Германией в дружеских отношениях. Германцы — великий и храбрый народ. Мы этого никогда не забываем. Этот народ нельзя было надолго удержать в цепях Версальского договора.

Иден повторил то объяснение военных приготовлений Германии, которое выдвигалось ее фашистскими руководителями, чтобы получить поддержку со стороны западных держав:

—Да, Гитлер заявлял, что он очень обеспокоен могуществом вашей Красной Армии и угрозой нападения на него с востока.

Сталин нанес удар:

—А знаете ли вы, что одновременно германское правительство согласилось поставлять нам в счет займа такие продукты, о

которых как-то даже неловко открыто говорить, — вооружение, химию и так далее?

В записи беседы зафиксировано, что Иден взволновался:

—Это поразительно! Такое поведение не свидетельствует об искренности Гитлера, когда он говорил другим о военной угрозе со стороны СССР.

—Совершенно верно. Ну разве это политика? Разве это серьезная политика? Нет, мелкие, неловкие люди сидят в Берлине.

Иден стал говорить о необходимости сотрудничества Великобритании и СССР в Лиге Наций. Сталин заверил:

—Мы вступили в Лигу Наций вовсе не для игры, но мы понимаем, что сейчас Лига Наций не пользуется сколько-нибудь серьезным авторитетом, даже Парагвай над ней смеется. Лигу Наций надо укреплять, а для этого необходим пакт взаимной помощи.

На этом официальная часть встречи закончилась, и Молотов пригласил присутствующих на чашку чая. Подходя к столу, Иден указал на огромную карту СССР, висевшую на стене.

—Какая прекрасная карта, и какая большая страна!

—Страна-то большая, — пошутил Сталин, — да трудностей много.

—По сравнению с ней Великобритания — совсем маленький остров, — продолжал Иден.

—Да, маленький остров, но от него многое зависит. — И Сталин предположил: — Вот, если бы этот маленький остров сказал Германии: не дам тебе ни денег, ни сырья, ни металла,— мир в Европе был бы обеспечен.

На это Иден ничего не ответил...

В тот же день английский министр осматривал Кремль, побывал на "Лебедином озере" в Большом театре. По распоряжению Сталина 31 марта англичанам показали авиационный завод в Кунцеве. Увиденное на заводе поразило Идена и сопровождавших его британских военных. Когда же после

осмотра они вышли во двор завода, в небе появился истребитель. Фигуры высшего пилотажа, исполнявшиеся летчиком, были столь сложны и смелы, что приковывали взор любого человека.

—Это изумительно! — воскликнул Иден. — Никогда не видел ничего подобного!

И немудрено: пилотировал истребитель Валерий Чкалов...

Со второй половины 1937 года ход событий значительно ускорился. После захвата Австрии фашистская Германия перешла к очередной жертве — Чехословакии.

Советское правительство неоднократно доводило до сведения правительства Бенеша: помощь будет оказана, даже если Франция не выполнит своего обязательства. В середине мая 1938 года Сталин в беседе с Генеральным секретарем Компартии Чехословакии К. Готвальдом заявил, что Советский Союз

готов оказать военную помощь Чехословакии даже в том случае, если этого не сделает Франция. Сталин поставил одно условие: Чехословакия будет сама защищаться и попросит советской помощи. Готвальд тогда же информировал Бенеша о позиции Советского правительства.

Международному положению было отведено много места в сделанном Сталиным Отчетном докладе ЦК на XVIII съезде, открывшемся 10 марта 1939 года. Показав, как сложился блок агрессивных государств — Германии, Италии, Японии, Генеральный секретарь ЦК ВКП(б) охарактеризовал политику "невмешательства" как покровительство агрессорам, направленное на то, чтобы столкнуть их с Советским Союзом.

Сталин говорил:

—Характерен шум, который подняла англо-французская и североамериканская пресса по поводу Советской Украины.Деятели этой прессы до хрипоты кричали, что немцы идут на Советскую Украину, что они имеют теперь в руках так называемую Карпатскую Украину, насчитывающую около 700 тысяч населения, что немцы не далее как весной этого года присоединят Советскую Украину, имеющую более 30 миллионов населения, к так называемой Карпатской Украине...

Такая перспектива вызывала обоснованный сарказм Сталина.

—Конечно, вполне возможно, — продолжал он, — что в Германии имеются сумасшедшие, мечтающие присоединить слона,то есть Советскую Украину, к козявке, то есть к так называемой Карпатской Украине. И если действительно имеются там такие сумасброды, можно не сомневаться, что в нашей стране найдется необходимое количество смирительных рубах для таких сумасшедших. *(Взрыв аплодисментов.)* Но если отбросить прочь сумасшедших и обратиться к нормальным людям, то разве не ясно, что смешно и глупо говорить серьезно о присоединении Советской Украины к так называемой Карпатской Украине? Подумайте только. Пришла козявка к слону и говорит ему, подбоченясь: "Эх, ты, братец ты мой, до чего мне тебя жалко... Живешь ты без помещиков, без капиталистов, без национального гнета, без фашистских заправил, — какая же это жизнь... Гляжу я на тебя и не могу не заметить, — нет тебе спасения, кроме как присоединиться ко мне... *(Общий смех.)* Ну,что ж, так и быть, разрешаю тебе присоединить свою небольшую территорию к моей необъятной территории ..." *(Общий смех и аплодисменты.)*

Советское правительство на протяжении всех предвоенных лет всемерно укрепляло оборонную мощь государства. Успехи первых двух пятилеток, неизмеримо повысившие международный авторитет СССР, давали ему в то же время возможность уделять своей обороне все больше внимания и средств.

Вдвое увеличился численный состав Вооруженных Сил: в 1936 году в них насчитывалось 1100 тысяч человек, а 1 августа 1939 года— более двух миллионов. Важно подчеркнуть, что к 1939 году все дивизии Красной Армии были кадровыми, существовавшая более десятилетия территориально-кадровая система была упразднена, и это благотворно сказалось на состоянии войск.

...Истекали последние недели мира в Европе, десятки миллионов людей с тревогой следили за газетными сообщениями о подготовке фашистской Германии к войне, а англо-французские военные представители, снабженные подробными инструкциями, "не спешили". 25 июля английское правительство приняло наконец советское предложение о необходимости заключить военное соглашение, но лишь 5 августа западные делегации покидают Лондон. Они не летят самолетом, не едут курьерским поездом, они... вступают на борт тихоходного пакетбота "Сити оф Экстерс" (скорость не выше двадцати пяти километров в час).

Переговоры начались только 12 августа, и сразу же открылся ошеломляющий и в то же время знаменательный факт: письменные полномочия, хотя и очень ограниченные, есть у генерала Думенка, но адмирал Дракс ими не располагает. Это сразу же показало Советскому правительству, что его партнеры по переговорам не стремятся к заключению военной конвенции, которая действенным образом сдержала бы агрессора.

После встречи с англо-французской делегацией Ворошилов информировал Политбюро о малоутешительных результатах первого дня переговоров. Внимательно выслушав сообщение, Сталин рекомендовал выяснить действительную позицию Великобритании и Франции, заставить гостей сказать прямо: хотят ли они, готовы ли они заключить тройственный союз или нет? Сталин расспрашивал о Думенке и Драксе, об их поведении.

Было решено продолжить переговоры.

Сталин стремился к соглашению с Англией и Францией. Было ясно: совместные вооруженные силы трех держав настолько внушительны, что никакой агрессор не рискнет начать войну, если СССР, Англия и Франция выступят против него единым фронтом. Но именно этого и не желали в тот момент правительства Англии и Франции.

Очевидным это стало, когда на переговорах зашла речь о позиции Польши и Румынии. Дело в том, что СССР не имел тогда границы с Германией и его войска могли вступить в боевые действия с вермахтом, только пройдя по территории этих соседних стран. Правительства обеих стран были настроены резко антисоветски, а руководители Англии и Франции не позаботились ранее выяснить их позицию. Английская и французская делегации запросили свои правительства, но скорого и вразумительного ответа не получили.

Советское правительство имело основания ожидать в ближайшие недели военного конфликта на своих западных границах. Это означало бы войну на два фронта, так как на востоке, в пределах союзной Монгольской Народной Республики, на реке Халхин-Гол, уже третий месяц шла необъявленная война. В ожесточенных боевых действиях участвовали десятки тысяч бойцов, многие сотни танков и самолетов. Каждый день на стол Сталина ложились донесения, подписанные комкором Жуковым. 20 августа этот выдающийся советский полководец начал операцию по разгрому японской группировки. К 31 августа она закончилась блестящей победой — окружением и уничтожением японских войск. Однако 21 — 22 августа исход операции был еще неясен, а политические решения следовало принимать немедленно.

Берлин уже давно домогался переговоров с Москвой, но Советское правительство, желая договориться с Англией и Францией, не шло навстречу германским дипломатам. Однако, когда 20 августа 1939 года Гитлер направил Сталину телеграмму с настоятельным предложением принять И. Риббентропа для согласования пакта о ненападении, предложение было принято. 23 августа Риббентроп прибыл в Москву, и в тот же день пакт подписали.

Вечером в Кремле был прием. Риббентроп по входе в зал приветствовал присутствующих по-фашистски: выбросил вверх и вперед руку и выкрикнул: "Хайль Гитлер!" В ответ Сталин явно с насмешкой церемонно поклонился. За стол с собой он Риббентропа не посадил и старался держаться подальше от него. Прием прошел в сугубо дипломатической, подчёркнуто вежливой и холодной обстановке.

Когда остались только свои люди, Сталин сказал: — Кажется, нам удалось провести их...

И тогда, и ныне журналисты, дипломаты, историки приходят в ярость при упоминании о советско-германском пакте августа 1939 года. Это, кстати, служит еще одним доказательством того, насколько пакт противоречил интересам "западных демократий", насколько он в корне разрушал их расчеты на немедленное столкновение Германии и СССР.

Советское правительство отнюдь не полагалось на то, что фашистские руководители будут соблюдать подписанный ими пакт. Сталин, например, немногим более чем через месяц, 2 октября в беседе с министром иностранных дел Латвии В. Мунтерсом говорил, что возможность нападения на СССР со стороны Германии отнюдь не исключена:

— В течение шести лет фашисты выступали против СССР. Теперь произошел неожиданный поворот. Так иногда случается в истории. Но положиться на это нельзя. Необходимо вовремя подготовиться...

Понимая, что фашистская Германия главным своим врагом по-прежнему считает Советский Союз, Советское правительство стремилось до предела использовать выигранную почти двухлетнюю отсрочку.

Успехи советской авиации в середине 30-х годов, казалось, могли настроить на благодушный лад. Но во время гражданской войны в Испании выяснилось отставание наших истребителей И-15 и И-16 по сравнению с германскими: Мессершмитт-109 имел большую скорость и был вооружен пушкой калибра 20 миллиметров. Не все ладно было и с бомбардировщиками. Это беспокоило Сталина.

В воспоминаниях А.С. Яковлева подробно рассказано, как внимательно, всесторонне рассматривалось в Политбюро решение срочно сконструировать и запустить в серийное производство новые типы самолетов.

В апреле 1939 года Яковлева вызвали в Центральный Комитет партии. Выйдя из зала, где шло совещание, Сталин усадил авиаконструктора и стал задавать вопросы, интересуясь мнением Яковлева о сравнительном уровне немецкой, английской и французской авиации. Яковлев был поражен осведомленностью Сталина: Генеральный секретарь ЦК вел беседу как специалист. Особенно налегал он на вооружение самолетов:

—Почему англичане на истребителе "Спитфайр" ставят не пушки, а пулеметы?

—У них нет авиапушек, — отвечал Яковлев.

—Верно, верно. — Сталин был доволен, что его сведения подтвердились. — Но мало иметь пушку, надо и двигатель приспособить под установку пушки...

У англичан нет и такого двигателя.

А вы знаете авиационный двигатель Климова? На него можно установить авиационную пушку Шпитального.

Яковлев ответил, что знаком с работой Климова. Тогда Сталин спросил:

—Не возьметесь ли вы построить истребитель с мотором Климова и пушкой Шпитального?

Авиаконструктор просил дать время на раздумье, так как до того истребителями не занимался. Время было дано.

Такие же беседы члены правительства имели и с другими работниками авиастроения. Вскоре в Кремле собрали ветеранов самолетостроения и молодых конструкторов. В кабинете Сталина собрались члены Политбюро. Каждого принимали в отдельности.

Дошел черед до Яковлева. На вопрос Сталина, обдумал ли он предложение, Яковлев отвечал, что, получив все данные от Климова, его бюро тщательно проработало предложение и может взяться за конструирование истребителя.

—Какое вооружение будет у истребителя? — поинтересовался Сталин.

—Пушка калибра двадцать миллиметров и два скорострельных пулемета.

Выразив одобрение, Сталин сообщил, что правительство заказывает одновременно истребители нескольким конструкторам, и задача заключается не только в разработке истребителя, наилучшего по летным и боевым качествам, но и в том, чтобы как можно быстрее сделать его и запустить в серийное производство.

— Машину надо сделать к новому, сороковому году. Сможете?

— Американцы новый истребитель делают за два года...

— Американцы! А вы покажите, что может молодой русский инженер. Покажете — чашка чая за мной. — Сталин уже смеялся.

Конструкторам, проектировавшим новые самолеты, создали все условия для работы, оказывали любую помощь, в том числе и материальную. Сталин вмешивался сам, если возникала малейшая заминка.

Весной 1940 года в Германию для закупки военной техники отправлялась группа советских специалистов. Сталин детально обсудил как цели поездки, так и состав группы. В разговоре с А. С. Яковлевым выяснилось, что авиационным специалистам следовало бы выделить какую-то сумму в валюте для непосредственных, непредусмотренных закупок, помимо тех сумм, которые предоставлялись в обычном порядке.

— И сколько же нужно вам валюты? — спросил Сталин.

— Тысяч сто-двести.

Сталин снял трубку и соединился с наркомом внешней торговли Микояном.

—В распоряжение делегации надо выделить миллион, а если израсходуют — дайте еще столько же.

Окончив разговор с Микояном, Генеральный секретарь добавил:

—Если же возникнут затруднения, обращайтесь прямо ко мне. Условный адрес: Москва, Иванову.

Сложилось так, что Яковлеву пришлось послать из Германии такую телеграмму. "Буквально через два дня, — вспоминал он, — был получен ответ, предоставлявший право на месте определить типы и количество закупаемых самолетов без согласования с Москвой. Такая быстрая реакция на мою шифровку буквально потрясла торгпредских чиновников. Работать стало очень легко..."

Во второй половине 1938 года начался новый этап в советском танкостроении. В августе в ЦК партии состоялось совещание, на котором были рассмотрены перспективы развития танковой промышленности. Советские танкостроители спроектировали и уже во второй половине 1939 года построили первые опытные образцы машин новейших, оригинальных конструкций: коллектив под руководством М.И. Кошкина, АА Морозова и Н.А. Кучеренко создал лучший в ту пору и на многие последующие годы средний

танк Т-34; конструкторское бюро Ж.А Котина разработало тяжелый танк принципиально нового типа.

Танкостроением Сталин также интересовался ежедневно и также вникал во все детали.

В Комитете обороны, возглавляемом К.Е. Ворошиловым, решено было начать изготовление таких башен. Через несколько дней этот вопрос рассматривался в Политбюро. Вот как вспоминал о случае с производством литых броневых башен для танков В. С. Емельянов.

"Докладывал Ворошилов, держа в руке проект решения, подготовленного Комитетом Обороны. Сталин подошел к нему и взял листок. Прочитал его и, обращаясь к начальнику Автоброневого управления Я.Н. Федоренко, спросил:

—Какие тактико-технические преимущества имеет новая башня?

Федоренко стал говорить о том, что литую башню можно изготовлять в литейных цехах, в то время как при производстве башен старого типа для штамповки отдельных деталей требуются мощные прессы.

—Я вас спрашивал, какие тактико-технические преимущества имеет новая башня, а вы мне говорите о технологических преимуществах. Кто у вас занимается военной техникой?

Федоренко назвал генерала И.А. Лебедева.

—Здесь он?

Генерал Лебедев поднялся. Сталин повторил вопрос. Лебедев заколебался и начал, по существу, повторять сказанное Федоренко.

Сталин нахмурился и сердито спросил:

—Вы где служите: в армии или в промышленности? Я третий раз задаю вопрос о тактико-технических преимуществах новой башни, а вы мне говорите о том, какие возможности открываются перед промышленностью. Может быть, вам лучше перейти на работу в промышленность?

Генерал молчал. Я почувствовал, что решение о переходе на литые башни может быть не принято, и, подняв руку, попросил слова. Обращаясь в мою сторону, Сталин сказал:

— Я спрашиваю о тактико-технических преимуществах.

— Я об этом и хочу сказать, Иосиф Виссарионович.

— Вы что, военный?

— Нет.

— Что вы хотите сказать? — с недобрым выражением лица спросил Сталин.

Я вынул из папки карточки с результатами обстрела и подошел к Сталину.

—У старой башни, сваренной из отдельных деталей, имеются уязвимые места — сварные швы. Новая — монолит, она равнопрочная. Вот результаты испытаний обоих типов на полигоне путем обстрела.

275

Сталин посмотрел карточки, вернул их мне и сказал

— Это соображение серьезное.

Он отошел в другой конец комнаты.

—Скажите, а как изменится положение центра тяжести танка при переходе на новую башню? Конструктор машины здесь?

Поднялся конструктор.

—Если и изменится, товарищ Сталин, то незначительно.

— Незначительно — это не инженерный термин. Вы считали?

— Нет, не считал.

— А почему? Ведь это военная техника.

Не спуская с конструктора глаз, Сталин спросил, как изменится нагрузка на переднюю ось танка. Конструктор, встав, тихо сказал:

—Незначительно.

—Что вы твердите все время "незначительно" да "незначительно", скажите, вы расчеты делали?

— Нет, — тихо ответил конструктор.

— А почему? Конструктор молчал.

Сталин положил на стол листок с проектом решения и сказал:

—Я предлагаю отклонить предложенный проект постановления как неподготовленный. Указать товарищам, чтобы они с такими проектами на Политбюро не выходили. Для подготовки нового проекта выделить комиссию, в состав которой включить Федоренко, его, — он указал на наркома автотракторной промышленности С. А. Акопова, — и его, — палец Сталина указывал на меня".

На следующий день новый проект был представлен, изготовление новых башен продолжалось...

В июне 1940 года Политбюро ЦК приняло решение "О производстве танков Т-34 в 1940 году". К выпуску новых танков привлекалось значительное количество заводов, и в результате производственные мощности советского танкостроения к лету 1941 года в полтора раза превышали мощности танковой промышленности Германии. Но сложности организационного и технологического порядка сдерживали выпуск новых танков. В 1940 году было изготовлено 246 КВ и 115 Т-34; в первом полугодии 1941 года производство новых танков возросло: было изготовлено 393 КВ и 1 ПО Т-34. Однако этого количества танков было недостаточно для предпринятого перевооружения бронетанковых войск. Так же, как и авиация, бронетанковые войска Красной Армии вступали в Великую Отечественную войну в стадии реорганизации.

Накануне войны особое значение придавалось производству артиллерийского вооружения. Сталин говорил на одном из совещаний в 1938 году:

—Артиллерия, несмотря на появление новых исключительно важных видов боевой техники — авиации, танков, — остается мощным и решающим фактором в войне... На нее должно быть обращено особое внимание...

В предвоенные годы были разработаны и изготовлены опытные образцы реактивных минометных установок, знаменитых впоследствии "катюш". В июне 1941 года Сталин и члены правительства осмотрели образцы вооружения и по достоинству оценили его.

Артиллерийское вооружение РККА было лучшим в мире. Советская полковая 76-миллиметровая пушка была гораздо лучше 75-миллиметрового орудия немцев; 150-миллиметровое тяжелое орудие немцев уступало соответствующим советским системам. Наша дивизионная и корпусная артиллерия, наши горные орудия были совершеннее немецких систем.

Чрезвычайно воодушевляла Сталина мысль о мощном океанском военном флоте, и он не любил, когда высказывались сомнения в целесообразности строительства больших кораблей, в особенности — линкоров. Н.Г. Кузнецов — нарком Военно-Морского Флота — вспоминал, как однажды он выразил сомнение в необходимости строительства новых линкоров на Балтике, где они легко могли подрываться на минах.

Сталин молча поднялся из-за стола, прошелся пару раз по комнате, остановился, взял со стола коробку "Герцеговины-Флор", сломал две папиросы, набил табаком трубку и только потом ответил:

—По копеечке соберем деньги, а построим, — чеканил он каждое слово, строго глядя на Кузнецова.

Проектирование и закладка кораблей в 1937 — 1938 годах велись в чрезвычайно быстром темпе. Еще больший размах приобрело строительство в 1939 году, сотни заводов работали на флот. Для спуска на воду крупного корабля надо три, а то и пять лет, денег же, материалов и труда они требовали очень много. Между тем началась война, средства эти настоятельно необходимы были везде. И в 1939 году Комитет Обороны решил резко сократить число строящихся линкоров и тяжелых крейсеров, сосредоточив усилия на эсминцах, подводных лодках, торпедных катерах. В начале июля 1941 года строительство линкоров было прекращено. Так или иначе, но получилось правильно: эти старомодные корабли были флоту уже не нужны. Сталин тут немного ошибся.

Безотлагательно требовалось выработать план прикрытия границы на случай советско-финского конфликта. В июне — июле 1939 года Сталин имел беседы с командующим Ленинградским военным округом К. А. Мерецковым, которому и было поручено подготовить план действий округа на случай конфликта. Во второй половине июля план этот был рассмотрен в Москве и утвержден. Прогерманское правительство Финляндии

отказывалось отодвинуть границу на Карельском перешейке. 30 ноября советские войска перешли в наступление.

Военные действия оказались гораздо более сложными и затяжными, чем это предполагало командование Ленинградского военного округа, которому было поручено осуществить операцию. Неожиданно для многих советских военных и политических руководителей финская армия оказала ожесточенное сопротивление. Преодолеть с ходу новейшую, мощную линию обороны — "линию Маннергейма" — советские войска не смогли и несли немалые потери.

В марте 1940 года, сразу же по окончании войны, состоялось заседании Политбюро, на котором подводились ее итоги. Обсуждение носило острый характер, суровой критике подверглась система боевой подготовки и воспитания войск, был поставлен вопрос о повышении боеспособности армии и флота.

В предвоенные годы для воспитания у советских людей любви и уважения к героическому прошлому наряду с историей Красной Армии, стали широко популяризироваться славные традиции борьбы русского и других народов нашей страны против иноземных захватчиков. Важную роль в воспитании советского народа в духе патриотизма сыграли вышедшие в предвоенные и военные годы кинофильмы "Александр Невский" С. Эйзенштейна, "Петр Первый" В. Петрова, "Богдан Хмельницкий" И. Савченко, "Минин и Пожарский", "Суворов" В. Пудовкина и другие.

Отмечая появление этих фильмов, которые и поныне смотрятся с интересом и сохраняют патриотическое звучание, надо помнить, что еще за несколько лет до их создания иные "толкователи" отечественной истории, интерпретировавшие ее по троцкистским канонам, не видели в личности А. В. Суворова ничего замечательного, зато подчеркивали участие его в подавлении польского восстания. Александр же Невский и вовсе не состоял в примечательных людях, внешним поводом к чему было объявление его Православной Церковью святым.

Весной 1940 года Генеральный штаб РККА работал над планом отражения возможной агрессии. Руководил этой работой Б.М. Шапошников. Он считал наиболее вероятным развертывание основных сил Германии к северу от устья реки Сан, что и произошло в 1941 году. Следовательно, наши главные силы надо было развернуть в полосе от побережья Балтийского моря до Полесья...

Здесь уместно привести эпизод, хотя и не связанный непосредственно с разработкой плана, но очень своеобразно характеризующий Сталина.

А.М. Василевский, недавно попавший в Генеральный штаб и участвовавший в разработке плана, впервые получил приглаше-

ние на обед в кремлевской квартире Сталина. Один из тостов Сталин предложил за его здоровье и вдруг спросил:

—Почему по окончании семинарии вы не пошли в попы?Он, конечно, был знаком с биографией Василевского. Генерал смутился, но отвечал:

—Этого не хотели ни я, ни отец. Ни один из четырех его сыновей не стал священником.

Сталин засмеялся в усы: — Понимаю, понимаю, вы не имели такого желания. А вот мы с Микояном хотели пойти в попы, но нас почему-то не взяли. Почему, не поймем до сих пор.

Но на этом Сталин не остановился:

—А почему вы, товарищ Василевский, и ваши братья не помогаете материально отцу? Я знаю, что ваши братья — уважаемые и обеспеченные люди. Если бы вы помогали отцу, он давно бы уже оставил церковь, ему, пожилому человеку, она нужна, чтобы как-то существовать.

Василевский вспоминал:

"Я ответил, что с 1926 года я порвал всякую связь с родителями. И если бы я поступил иначе, то, по-видимому, не только не состоял в рядах нашей партии, но едва ли бы служил в рядах Рабоче-Крестьянской Армии и тем более в системе Генерального штаба, В подтверждение я привел следующий факт.

За несколько недель до этого впервые за многие годы я получил письмо от отца. (Во всех служебных анкетах, заполняемых мною до этого, указывалось, что я связи с родителями не имею.) Я немедленно доложил о письме секретарю своей партийной организации, который потребовал от меня, чтобы впредь я сохранял во взаимоотношениях с родителями прежний порядок.

Сталина и членов Политбюро, присутствовавших на обеде, этот факт удивил. Сталин сказал, чтобы я немедленно установил с родителями связь, оказывал бы им систематическую материальную помощь и сообщил бы об этом разрешении в парторганизацию Генштаба".

История на этом не закончилась. Спустя несколько лет Сталин поинтересовался, как поживают родители Василевского. Узнав, что мать умерла, а восьмидесятилетний отец живет у сестры Василевского в Кинешме, Сталин посоветовал:

—Вам надо взять отца и сестру к себе, думается, что здесь им будет лучше...

Разработка плана отражения агрессии заняла несколько месяцев. В августе 1940 года Б.М. Шапошникова на посту начальника Генерального штаба сменил К.А. Мерецков. В сентябре нарком обороны и начальник Генштаба доложили план членам Политбюро, При обсуждении плана стратегического развертывания войск Сталин высказал свою точку зрения о вероятном направлении главного удара противника: он считал, что Германия сосредоточит основные силы не в центре будущего фронта,

а на юго-западе, чтобы прежде всего захватить наиболее богатые промышленные, сырьевые и сельскохозяйственные районы. Это, естественно, требовало прикрытия южных районов, сосредоточения главной группировки наших войск на юго-западном направлении. Тимошенко и Мерецков, поддавшись авторитету Сталина, не смогли или не захотели отстоять положения, сформулированные в плане. В новом варианте плана, разрабатывавшемся до конца 1940 года, наиболее опасным направлением было признано юго-западное, открывающее путь на Львов и Киев, а не западное, ведущее к Минску. Это была серьезная ошибка.

В конце декабря 1940 года в Москве было собрано совещание высшего командного состава армии, где обсуждались самые важные вопросы подготовки Вооруженных Сил. После совещания состоялась большая военная игра. За "синюю" (западную) сторону играл командующий Киевским особым военным округом генерал армии Г.К. Жуков, за "красную" (восточную) — генерал-полковник Д.Г. Павлов, командовавший Белорусским особым военным округом. По замыслу игры "восточные" после упорной обороны в укрепленных районах, измотав противника, должны были отразить наступление "западных" севернее Припяти и перейти в решительное наступление. Но вопреки замыслу "западные", нанеся три мощных удара по сходящимся направлениям, "прорвали" укрепленные районы, "разгромили" группировки "восточных" и достигли района Лиды. Вышло так, что обстановка военной игры во многом была схожей с событиями конца июня 1941 года на Западном фронте, которым командовал тот же Д.Г. Павлов...

Группу участников игры во главе с наркомом обороны и начальником Генштаба вызвали в Кремль. Мерецков стал докладывать ход игры, доклад ему явно не удался. Когда зашла речь о преимуществе в силах "синих" над "красными", особенно в танках и авиации, Сталин прервал Мерецкова.

Выступил нарком обороны, затем Павлов. Он начал с оценки совещания, но Сталин прервал и его:

—В чем кроются причины неудачных действий "красной"стороны?

Павлов пытался пошутить: мол, это все же игра и может быть всякое. Но Сталин не был настроен на шутливый лад.

—Командующий войсками округа должен владеть военным искусством, должен уметь в любых условиях находить единственно правильное решение. У вас же это не получилось...

Затем выступили Г.К. Жуков, П.Г. Рычагов, Г.И. Кулик. Последний предлагал усилить состав штатной стрелковой дивизии до шестнадцати-восемнадиати тысяч человек, высказывался за артиллерию на

конной тяге и против формирования танковых и механизированных корпусов. Сталин счел необходимым вмешаться:.

—Победа в войне будет за той стороной, у которой больше танков и выше моторизация войск...

Через день после встречи в Кремле начальником Генштаба был назначен Г.К. Жуков — видимо, какую-то роль в этом сыграл и его успех в военной игре.

Годы спустя, поставив себя вновь на порог войны, маршал Г.К. Жуков писал: "Думается мне, что дело обороны страны в своих основных, главных чертах и направлениях велось правильно. На протяжении многих лет в экономическом и социальном отношении делалось все или почти все, что было возможно. Что же касается периода с 1939 до середины 1941 года, то в это время народом и партией были приложены особые усилия для укрепления обороны, потребовавшие всех сил и средств... Конечно, если бы можно было заново пройти весь этот путь, кое от чего следовало бы и отказаться. Но я не могу назвать сегодня какое-либо большое, принципиальное направление в строительстве наших вооруженных сил, которое стоило бы перечеркнуть, выбросить за борт, отменить. Период же с 1939 до середины 1941 года характеризовался в целом такими преобразованиями, которые уже через два-три года дали бы советскому народу блестящую армию".

Но в начале 1941 года армия еще не была такой, и Советское правительство, в первую очередь — его глава сознавали это и стремились оттянуть войну, неизбежность которой им была очевидна. Нет никаких оснований утверждать, что Сталин полагался на пакт о ненападении с Германией. Более того, есть много неоспоримых свидетельств, что наиболее вероятным противником он считал Германию.

Одно из таких свидетельств — речь Сталина 5 мая 1941 года на приеме в честь выпускников академий Красной Армии. Поздравив их с окончанием учебы, Сталин стал говорить о тех преобразованиях, которые имели место в последние годы.

—Товарищи, вы покинули армию три-четыре года назад, теперь вернетесь в се ряды и не узнаете армии. Красная Армия далеко не та, что была несколько лет назад. Мы создали новую армию, вооружили ее современной военной техникой. Наши танки, авиация, артиллерия изменили свой облик. Вы придете в армию, увидите много новинок...

Затем Сталин перечислил изменения по отдельным родам войск.

—Вы придете в части из столицы, — продолжал он. — Вам красноармейцы и командиры зададут вопрос: что происходит сейчас? Почему побеждена Франция? Почему Англия терпит поражение, а Германия побеждает? Действительно ли германская армия непобедима?

Перечислив причины военных успехов Германии, Сталин Рассказал об отношении к армии в некоторых странах, где ар-

мии не уделялось должного внимания, где ей не оказывалась моральная поддержка:

— Так появляется новая мораль, разлагающая армию. К военным начинают относиться пренебрежительно. Армия должна пользоваться исключительной заботой и любовью народа и правительства — в этом величайшая моральная сила армии. Армию нужно лелеять...

* * *

Пришел черед поговорить об ответственности Сталина за трагические события лета 1941 года. Повторяем, нет сомнений в том, что он видел неизбежность войны и делал все от него зависящее, чтобы подготовить к ней страну. Приведенные факты и цифры (а их можно было бы увеличить многократно)

свидетельствуют об этом. Но так же несомненно, что Сталин сознавал недостаточную подготовленность и экономики страны, и армии к немедленному столкновению с самой мощной военной машиной капитализма — вермахтом фашистской Германии. Сознавая это, он стремился избежать войны как можно дольше, все его помыслы и действия были пронизаны этим. И поскольку у таких людей, как Сталин, желания всегда опираются на убежденность в успехе, убежденность, имеющую в своей основе твердость воли и характера, Сталин был уверен, что ему удастся оттянуть момент столкновения до времени, когда механизированные корпуса будут полностью оснащены лучшими в мире танками Т-34, когда авиационные полки, все до единого, получат скоростные и хорошо вооруженные "илы" и "миги", когда у каждого пехотинца в руках будет новенький ППШ, когда... исходя из этого убеждения он и действовал. Но далеко не все, как известно, зависит в истории от воли одного человека.

Бытует мнение, что вот, мол, Сталин имел достаточную информацию о подготовке фашистской Германии к нападению на СССР, что его со всех сторон предупреждали, предостерегали, а он не принимал эту информацию, эти предупреждения к сведению.

Что ж, информация и предупреждения, без сомнения, были. Наиболее часто вспоминают послание Черчилля от 19 апреля 1941 года Сталину: "Я получил от заслуживающего доверия агента достоверную информацию о том, что немцы после того, как они решили, что Югославия находится в их сетях, то есть после 20 марта, начали переброску в южную часть Польши трех из находящихся в Румынии пяти бронетанковых дивизий. В тот момент, когда они узнали о сербской революции, это продвижение было отменено. Ваше Превосходительство легко оценит значение этих фактов".

Предупреждение, конечно, недвусмысленное, но вот мог ли ему безоговорочно поверить Сталин? Ведь оно исходило, во-

первых, от ярого врага России, врага, может быть, немногим менее непримиримого, чем Гитлер, и Сталин хорошо знал это. Во-вторых, послание исходило от премьер-министра Британской империи, находившейся в войне с Германией и терпевшей от нее поражение за поражением. Глава британского правительства мог быть очень заинтересован в столкновении СССР и Германии. Если же знать — и это могло быть известно Сталину, — что Черчилль получил сообщаемые сведения от начальника Абвера адмирала Канариса, английского шпиона, то подозрительность была бы здесь самой естественной. Вот почему Сталин должен был отнестись к посланию Черчилля с недоверием. Точно так же он мог относиться и к другим сообщениям, поступавшим по дипломатическим каналам.

Докладывали Сталину о военных приготовлениях Германии и советские разведывательные органы. К примеру, 20 марта 1941 года начальник разведывательного управления Ф.И. Голиков представил доклад, в котором излагались варианты возможных направлений ударов фашистских войск при нападении на СССР и указывалось, что начала военных действий следовало ожидать между 15 мая и 15 июня 1941 года. Сведения эти имели исключительную важность, и, как мы ныне знаем, были достоверными. Но вот какие выводы делал из них генерал Голиков в конце доклада:

"1. На основании всех приведенных выше высказываний и возможных вариантов действий весной этого года считаю, что наиболее возможным сроком начала действий против СССР будет являться момент после победы над Англией или после заключения с ней почетного для Германии мира.

2. Слухи и документы, говорящие о неизбежности весной этого года войны против СССР, необходимо расценивать как дезинформацию, исходящую от английской и даже, может быть, германской разведки".

6 мая записку И.В. Сталину направил нарком Военно-Морского Флота Н.Г. Кузнецов. В ней также приводились очень ценные сведения, но вывод был отрицательным: "Полагаю, что сведения являются ложными и специально направлены по этому руслу с тем, чтобы проверить, как на это будет реагировать СССР".

Мог ли Сталин в этих и подобных случаях (их было немало) не считаться с мнением своих ближайших сотрудников? Видимо, нет. Поэтому из получаемой информации он и не сделал неизбежных, казалось бы, выводов, поэтому и другие доклады и сообщения о близости нападения Германии, в том числе и поступавшие от Р. Зорге, не были восприняты с должным вниманием. К тому же нелишне подчеркнуть и следующее обстоятельство: в докладах указывались различные сроки нападения: 14, 15, 20 мая, 15 июня и, наконец, 22 июня. Уже само это разнообразие могло вызвать подозрение, а как только миновали

майские сроки вторжения, как только информация не подтвердилась, у Сталина могло появиться убеждение, что и в более поздние сроки война не начнется, удастся сохранить мир для советского народа хотя бы на 1941 год. Поэтому подготовку к отпору агрессору (она, повторяем, не прекращалась ни на день) по указанию Сталина старались проводить так, чтобы не дать Германии прямого повода к расширению военного конфликта. Отсюда и запрещение стрелять по фашистским самолетам, нарушившим наше воздушное пространство, и отказ срочно провести мобилизационные мероприятия: они неизбежно привели бы к войне, которой не хотело Советское правительство. Отсюда и заявление ТАСС от 14 июня 1941 года, преследовавшее двоякую цель: во-первых, открыто подтвердить свою верность советско-германскому договору и, во-вторых, вызвать ответную реакцию со стороны руководителей Германии. Но Гитлер и его клика не ответили на заявление ТАСС: для них все мосты уже были сожжены.

14 июня Тимошенко и Жуков побывали у Сталина и доложили о тревожных настроениях в западных округах и о необходимости привести войска в полную боевую готовность.

—Вы предлагаете провести в стране мобилизацию, поднять сейчас все войска и двинуть их к западным границам? Вы понимаете, что это означает войну?

Сталин был прав: это неизбежно означало бы войну. Кроме того, он считал, и не без основания, что войск в западных округах немало.

—Сколько дивизий у нас расположено в западных округах?Тимошенко доложил, что к 1 июля в четырех западных округах будет сто сорок девять дивизий и одна отдельная стрелковая бригада.

—Ну вот видите, разве этого мало? По данным разведки немцы не имеют столько войск.

Жуков попросил разрешения разъяснить:

По тем же разведывательным сведениям немецкие дивизии укомплектованы и вооружены по штатам военного времени, в них по четырнадцать-шестнадцать тысяч человек, нашиже дивизии, если в них даже восемь тысяч человек, вдвое слабее немецких...

— Не во всем можно верить разведке, — задумчиво сказал Сталин.

Тем не менее выдвижение войск из внутренних военных округов, начатое ранее, было теперь ускорено. В промежуток с 14 по 19 июня нарком обороны дал указания командующим округами вывести с 21 по 25 июня фронтовые управления на полевые командные пункты. 19 июня последовал приказ о маскировке аэродромов, воинских частей, важных военных объектов, окраске в защитный цвет танков и машин, о рассредоточении авиации.

День 21 июня руководители страны провели в Кремле, в тревожном ожидании. Вечером Сталин принял Тимошенко и Жукова. Начальник Генштаба начал доклад с сообщения: только что начальник штаба Киевского особого военного округа генерал-лейтенант М.А. Пуркаев доложил о перебежчике, утверждавшем, что фашистские войска завтра утром начнут нападение.

—Не может ли быть, что немцы подбросили нам этого перебежчика, чтобы вызвать конфликт? — Сталин явно сомневался;

— Уверен, что нет. — Тимошенко поддержал Жукова. Собрались члены Политбюро.

— Что будем делать? — спросил Сталин. Нарком обороны ответил за всех:

Необходимо сейчас же дать в округа директиву о приведении войск в полную боевую готовность.

— Читайте! — велел Сталин.

Но заранее приготовленной и зачитанной Жуковым директивой он остался недоволен:

—Преждевременно давать такую директиву, может, нам удастся договориться дипломатическим путем. — Сталин знал, что в Берлине советский посол пытается войти в контакт с германским правительством, но ему не было известно, что попытки эти тщетны. — Надо дать такую директиву, в которой войска предупреждались бы против возможных провокаций.

Жуков и Ватутин в соседней комнате быстро составили проект директивы. Вернувшись в кабинет, Жуков зачитал его. Сталин взял документ, прочитал его еще раз про себя, сделал несколько поправок и отдал Тимошенко для подписи.

В ноль часов тридцать минут 22 июня в западные округа была отправлена директива:

"1. В течение 22-23.6.41 г. возможно внезапное нападение немцев на фронтах ОВО, ПрибОВО, ЗапОВО, УОВО, ОдВО Нападение немцев может начаться с провокационных действий.

2. Задача наших войск — не поддаваться ни на какие провокационные действия..."

В округах директиву получили через час, в штабы армий направили в третьем часу. К этому времени фашисты полностью изготовились к нападению. Советским же воинам оставалось слишком мало часов и даже минут для выполнения директивы. Многие, слишком многие из них никогда не узнали о ее существовании...

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Глава пятнадцатая

Не было еще четырех часов утра, когда на даче Сталина зазвонил телефон. Дежурный охраны не снимал трубку очень долго. Подняв ее, он услышал повелительный голос:

— Говорит генерал Жуков. Соедините меня с товарищем

Сталиным!

— Движения нет, - голос дежурного звучал сонно. Такая фраза означала обыкновенно, что Сталин спит и беспокоить его нельзя.

Но Жуков был нетерпелив и настойчив:

— Немедленно соедините меня с товарищем Сталиным! Через несколько минут к аппарату подошел Сталин. Доклад он выслушал молча: немецкая авиация атаковала наши города на западе. Начальник Генштаба закончил доклад, но Сталин молчал; Жуков слышал только его дыхание.

— Вы меня слышите, товарищ Сталин? После длительного молчания Сталин спросил:

— Где Тимошенко?

Разговаривает по ВЧ с Киевским округом.

— Поезжайте вместе в Кремль. Скажите Поскребышеву, чтобы оповестил членов Политбюро...

В половине пятого утра все собрались в кабинете Сталина. Стало уже известно, что и на сухопутных участках границы фашистские войска начали боевые действия. Сталин, сидевший за столом был бледен. По словам Жукова, он выглядел несколько

подавленно; это был единственный раз, когда Жукову привелось увидеть его таким.

— Надо звонить в Германское посольство, — сказал Сталин. Видимо, мысль о возможности дипломатических переговоров все еще не оставляла его.

Когда речь заходит о трагических событиях лета и осени 1941 года, слышатся голоса: того-то и того-то не было бы, не могло бы быть, если бы сделано было то-то и то-то, если бы не просмотрели, учли, догадались и т. д.., и т. п. В подтверждение своей мысли общевойсковой командир всегда может привести примеры упущений в тактической подготовке войск, танкист станет говорить об отсутствии в частях новейших машин, авиатор — о неудачном расположении аэродромов, разведчик — о недооценке агентурных данных... Взятые в отдельности, такие суждения могут быть совершенно справедливыми (хотя они всегда требуют проверю!), но если их собрать вместе, выстроить в один ряд и не сопоставить со свидетельствующими об обратном, то у неподготовленного читателя, даже помимо воли автора, возникнет крайне несправедливое заключение: ни страна, ни армия, ни руководство не готовилось и не были готовы к войне.

Это суждение пристрастно. Готовились. Дело в ином.

При оценке происшедшего в начале войны надо исходить в первую очередь из того, что армия фашистской Германии, как это ни тяжело и ни прискорбно ныне сознавать, просто-напросто была сильнее Красной Армии, опытнее, искуснее во многих отношениях. Это — непреложный факт, именно он является главной объективной причиной наших неуспехов в начальный период войны. Предполагать, что, мол, устрани государственные, партийные, военные руководители СССР отдельные неполадки, и враг был бы остановлен уже на границе и тотчас же разгромлен, — предполагать так, значит подражать гоголевскому Манилову.

Кто же виноват в происшедшем в июне 1941 года? Однозначного ответа, по нашему мнению, нет и быть не может; основной же причиной поражений Красной Армии, повторяем, было то, что она на тот момент была слабее, менее организованна и не столь опытна, как армия фашистской Германии. Если же непременно добиваться определения вины конкретных лиц, то мы склонны присоединиться к мнению маршала Василевского: "Полагаю, что Сталин не один несет ответственность перед Родиной за крайне неудачное развитие войны в первые ее месяцы. Эта ответственность лежит и на других. Пусть в меньшей мере, но ее несут нарком обороны и руководящие лица Генерального штаба того времени. Они в силу своего высокого положения и ответственности за состояние Вооруженных Сил должны были не во всем соглашаться со Сталиным и более твердо отстаивать свое мнение". Сталин, как известно, прислу-

шивался к мнению окружающих, если они твердо и доказательно, пусть даже и резко, стояли на своем...

Скажем кратко: чудо не в том, что германская армия дошла до Москвы, чудо в том что наша армия ее отстояла.

Война стала явью. Нашему народу навязали ее, и никаких колебаний больше не могло быть.

На состоявшемся в первой половине дня 22 июня заседании Политбюро был составлен и утвержден текст обращения к советскому народу, с которым в двенадцать часов дня выступил по радио В. М .Молотов. Обращение заканчивалось торжественными словами, ставшими лозунгом, под которым наша страна жила последующие четыре года: "Наше дело правое! Враг будут разбит! Победа будет за нами!".

23 июня была создана Ставка Главного Командования. В нее вошли С. К. Тимошенко (председатель), И.В. Сталин, В. М. Молотов, С. М. Буденный, К. Е. Ворошилов, Г. К. Жуков и Н. Г. Кузнецов. Авторитетный состав высшего органа стратегического руководства, несомненно, отвечал потребностям обстановки. Надо отметить, однако, что назначение Тимошенко председателем оказалось нецелесообразным: без согласия Сталина нарком обороны не принимал и не мог принимать принципиальных решений. Выходило, что имеются два главнокомандующих. Позднее — 10 июля 1941 года — положение это было исправлено.

На следующий день, 24 июня, Политбюро рассмотрело насущные нужды танковой промышленности. В постановлении по этому поводу шла речь о создании мощных танкостроительных комплексов в Поволжье и на Урале. В этот же день был создан Совет по эвакуации...

Уже во второй половине дня 22 июня в Москву стали поступать сведения о неблагоприятном ходе событий в приграничных округах. Обсуждая это с начальником Генштаба, Сталин отметил, что командующие округами недостаточно опытны в руководстве боевыми операциями, а поэтому им надо помочь:

— Вам следует немедленно вылететь в Киев, а оттуда в штаб фронта, в Тернополь. Поможете Кирпоносу...

— Товарищ Сталин, а как с руководством Генеральным штабом? Обстановка еще не ясна.

— Оставьте вместо себя Ватутина, — ответил Сталин. И добавил с раздражением: - Как-нибудь разберемся...

Вечером Жуков был уже в Киеве. Одновременно на Северозападный фронт вылетел генерал-полковник О. И. Городовиков, а на Западный - маршалы Г. И. Кулик и Б. М. Шапошников.

Но разобраться в обстановке на фронтах оказалось очень непросто. Вечером Жуков разговаривал по ВЧ со своим заместителем по Генштабу Н. Ф. Ватутиным. Вот что тот сообщал:

"К исходу сегодняшнего дня (22 июня. — Ред.) несмотря на предпринятые энергичные меры, Генштаб так и не смог получить от штабов фронтов армий и ВВС точных данных о наших войсках и о противнике. Сведения о глубине проникновения противника на нашу территорию довольно противоречивые. Отсутствуют точные данные о потерях в авиации и наземных войсках. Известно лишь, что авиация Западного фронта понесла очень большие потери. Генштаб и нарком не могут связаться с командующими фронтами Кузнецовым и Павловым, которые, не доложив наркому, уехали куда-то в войска. Штабы этих фронтов не знают, где в данный момент находятся их командующие..."

Отданная наркомом обороны вечером 22 июня директива №3, в которой от войск требовали разгрома вражеских группировок, в создавшихся условиях не могла быть выполнена. Точных и всеобъемлющих сведений о происходящем на фронте Генштаб не смог добиться ни 23 июня, ни на следующий день.

Днем 23 июня секретарь ЦК КП(б) Белоруссии П. К. Пономаренко позвонил в Москву и попросил разрешения начать эвакуацию государственных ценностей, архивов и детских учреждений. Сталин удивился:

—Вы считаете, что пора это делать? Не рано ли? Пономаренко отвечал, что, по его сведениям, обстановка на фронте тревожная, Минск все время бомбят фашистские самолеты и опоздание с эвакуацией может стать непоправимым. Помолчав немного, Сталин согласился:

—Начинайте эвакуацию. Кроме населения, особенно детей и семей красноармейцев, надо вывезти ценности, архивы — все,что считаете нужным. Но делайте это так, чтобы не возникла паника. Сохранить порядок — главное в этих условиях...

На следующий день началась эвакуация из Минска.

Сталина выводило из себя то, что генштабисты недостаточно хорошо знают обстановку на фронтах, вследствие чего он тоже не знает, а потому не может принять правильного решения и, главное, не может действовать. И тогда, и впоследствии он крайне придирчиво требовал самого точного и своевременного предоставления информации. Н. Н. Воронов, к примеру, был свидетелем такой сцены.

Вновь назначенный начальником Генерального штаба Б. М. Шапошников докладывал обстановку на фронтах и сказал, что с двух фронтов сведений не поступило. Это рассердило Сталина:

—А как вы наказали людей, которые не желают нас информировать своевременно?

Маршал Шапошников, воплощение идеального русского офицера Генерального штаба, был человеком добрейшей души и вину подчиненных всегда брал на себя. В этот раз он отвечал с достоинством, что объявил выговор начальникам штаба обоих

фронтов. Тон ответа и выражение лица маршала были таковы, что не оставалось сомнения: виновные наказаны сурово. Это рассмешило Сталина:

—Для генералов это не наказание. Выговоры у нас в каждой ячейке объявляют...

Тогда Шапошников напомнил, что по дореволюционной военной традиции начальник штаба фронта, получивший выговор от начальника Генштаба, должен был подавать рапорт об освобождении от занимаемой должности. Сталин остался доволен ответом...

Днем 26 июня он позвонил в Тернополь, Жукову:

—Вы не могли бы немедленно прилететь в Москву? На Западном фронте тяжелое положение. Противник угрожает Минску. Не могу добиться, что делает Павлов. Кулик исчез неизвестно куда, Шапошников болен...

Жуков вылетел немедленно.

Вечером Тимошенко и Ватутин во второй раз за день докладывали обстановку. Выяснилось: Минску угрожает реальная опасность, а меры, принимаемые командованием, успеха не приносят. Окружение грозило одиннадцати дивизиям и многим другим частям. Это — десятки, сотни тысяч бойцов и командиров, тех самых людей, которые составляли могущество и величие Советского государства и его армии, которые верили в него, Сталина!

В этот-то момент и прибыл Жуков. По его словам, Тимошенко и Ватутин стояли навытяжку, а Сталин был не в лучшем состоянии.

Кивнув вместо приветствия, Сталин сказал:

— Товарищ Жуков, посмотрите и доложите, что нужно делать в этой ситуации.

— Чтобы разобраться, потребуется минут сорок...

— Хорошо, идите.

Обсудив обстановку, генералы предложили единственный выход: немедленно занимать оборону на рубеже Западная Двина — Полоцк — Витебск — Орша — Могилев — Мозырь, одновременно создавая оборону и на тыловом рубеже Селижарово -Смоленск -Рославль — Гомель.

Сталин, уже успокоившийся, утвердил предложения. Так было положено начало создания нового стратегического фронта обороны.

К тому времени уже несколько раз высказывалось мнение о необходимости выступления Сталина с обращением к народу. Но Сталин не торопился. Видимо, ему хотелось осмыслить происходящее, понять, чем вызвано отступление Красной Армии, и уже в соответствии с этим обращаться к народу. Недаром он повторял иногда оставшееся в памяти с юности, со времен Тифлисской семинарии, изречение: "Без рассуждений не делай ничего, а когда сделаешь, не раскаивайся".

290

Спустя два года, в 1943-м, Сталин сам сказал за обеденным столом, что наиболее тяжелой и памятной была для него ночь на 30 июня. Надо полагать, что немало времени он провел в раздумье, на даче в Кунцеве, прежде чем на бумагу легли первые строки речи, с которой он выступил 3 июля 1941 года по радио:

"Товарищи! Граждане! Братья и сестры!

Бойцы нашей армии и флота!

К вам обращаюсь я, друзья мои!"

Уже сам характер обращения, его первые слова были необычны и неожиданны в устах Сталина. Он говорил об опасности, грозившей нашей Родине, о необходимости мобилизовать все силы страны и сражаться с врагом за каждый клочок земли. Он требовал:

Прежде всего необходимо, чтобы наши люди, советские люди, поняли всю глубину опасности, которая угрожает нашей стране, и отрешились от благодушия, от беспечности, от настроений мирного строительства, вполне понятных в довоенное время, но пагубных в настоящее время, когда война коренным образом изменила положение. Враг жесток и неумолим. Он ставит своей целью захват наших земель, политых нашим потом, захват нашего хлеба и нашей нефти, добытых нашим трудом... Дело идет, таким образом, о жизни и смерти Советского государства, о жизни и смерти народов СССР, о том — быть народам Советского Союза свободными или попасть в порабощение...

Сталин изложил содержание директивы от 29 июня и выразил уверенность в конечной победе.

—Наши силы неисчислимы, — говорил он. — Зазнавшийся враг должен будет скоро убедиться в этом...

Выступление, несмотря на трагические и грозные события, о которых шла речь, было исполнено уверенности:

—Все силы народа — на разгром врага!

Вперед, за нашу победу! — так заканчивалась речь.

Органом, который сосредоточил всю власть в стране, стал созданный 30 июня по решению ЦК ВКП(б), Президиума Верховного Совета СССР и СНК СССР Государственный Комитет Обороны (ГКО). Первоначально он состоял из пяти человек: И.В. Сталина — председателя, Л. П. Берии, К. Е. Ворошилова, Г. М. Маленкова и В. М. Молотова. Несколько позднее в ГКО вошли Н. А. Булганин, Н. А. Вознесенский, Л. М. Каганович, А. И. Микоян.

Сталин, работавший по двенадцать-четырнадцать часов в сутки, теперь и вовсе забыл об отдыхе, уделяя лишь минимальное время сну. Ни о каких выходных днях, ни о каком отдыхе и речи быть не могло.

* * *

Главный интендант Красной Армии генерал А. В. Хрулев обратился к заместителю председателя СНК Микояну с рапортом о необходимости быстрейшего улучшения снабжения Красной Армии и создания надежной структуры органов ее тыла. Свои соображения Хрулев подкрепил экземпляром "Положения о полевом управлении войск в военное время", разработанном в июле 1914 года в старой русской армии. "Положением" предусматривалась должность главного начальника снабжения армий фронта и определялся круг его обязанностей. На следующий день Микоян позвонил Хрулеву:

—Товарищ Сталин поручил вам подготовить проект решения Государственного Комитета Обороны по организации тыла Красной Армии на военное время.

В конце июля 1941 года проект был готов и представлен на заседание ГКО. Прочитав проект, Сталин молча протянул его Жукову. Тот ознакомился с документом и категорически изъявил свое несогласие:

—Авторы этого документа хотят, чтобы органы тыла подменяли Генеральный штаб!

Сталину и ранее было известно отрицательное отношение начальника Генштаба к этому проекту. Посмотрев очень выразительно на Жукова, Сталин тут же подписал проект. Начальником тыла Красной Армии был назначен Хрулев. Вводились также должности начальников тыла фронтов и армий. Кандидаты на должности начальников тыла фронтов 30 июля были собраны в кабинете Председателя ГКО. Сталин ознакомил собравшихся с положением на фронте и подчеркнул исключительные трудности в подаче войскам материальных средств и эвакуации раненых.

—Война требует железного порядка в снабжении войск, —говорил Сталин. — Этот порядок должен наводиться твердой рукой начальников тыла фронтов и армий. Вам нужно быть диктаторами в тыловой полосе своих фронтов, усвойте это хорошо.

10 июля 1941 года Ставка Главного Командования была преобразована в Ставку Верховного Командования; председателем ее был назначен Сталин. 19 июля он стал народным комиссаром обороны, а 8 августа Верховным Главнокомандующим. Ставка была переименована в Ставку Верховного Главнокомандования.

Как правило, назначение на такой пост предполагает наличие у кандидата большого военного опыта и специального образования. Когда же за руководство военными операциями берутся дилетанты, то чаще всего это добром не кончается.

Военного образования у Сталина, как мы знаем, не было, но практика военная имелась — в годы гражданской войны. Одна-

ко, во-первых, это был все же двадцатилетней давности опыт гражданской войны, и он отнюдь не всегда мог годиться в условиях 1941 года, а во-вторых, в 1918 - 1920 годах Сталину по преимуществу приходилось решать военно-политические и организационные задачи. Теперь же, в начале июля 1941

года, перед ним встала необходимость овладеть всей суммой военных знаний, вплоть до общестратегических проблем. Не следует думать, что подобные проблемы могли вызвать смущение у Сталина, а тем более страх: ведь он был незаурядным знатоком политической стратегии, а это значило немало.

На рабочем столе Верховного Главнокомандующего появляются книги по военной стратегии, он тщательно штудирует их. Ум Сталина по-прежнему цепок и всеобъемлющ, память — великолепная, а потому военную теорию он вскоре будет знать и понимать (а это — главное) получше многих генералов Генштаба, удивляя их этим раз за разом. Но все же для познания необходимо время, а ему, Верховному Главнокомандующему, надо принимать решения сейчас, немедленно, и решения эти — одно другого тяжелее и ответственнее...

По-видимому, первым серьезным вмешательством Сталина в управление чисто военными делами была смена командования Западного фронта. 30 июня Сталин, только что возглавивший ГКО, приказал Жукову отозвать генерала Д. Г. Павлова в Москву. Павлов был виновен в серьезных должностных упущениях, и ответил за это по всей суровости военного времени...

В ночь на 1 июля Сталин по ВЧ разговаривал с Ворошиловым. Получив информацию о реальной опасности захвата противником плацдарма на Днепре, Сталин отвечал, что Ставка крайне обеспокоена этим и что на Западный фронт назначается новый командующий. Им стал нарком обороны С. К. Тимошенко — этим подчеркивалась ответственность поста.

Обстановка на фронтах продолжала ухудшаться. В середине июля боевые действия шли всего лишь в ста двадцати километрах от Ленинграда, в районе Смоленска, на подступах к Киеву. Несмотря на героическое сопротивление советских войск, наступление фашистских полчищ остановить не удавалось.

Неудачи на фронтах побуждали Ставку к смене ответственных командиров. Это казалось наиболее простым решением, но смены в свою очередь сказывались на ходе дела. В конце июля к Сталину вызвали Тимошенко и Жукова; им думалось — для обсуждения обстановки на фронте. В кабинете почти в полном составе собралось Политбюро. Сам Сталин с погасшей трубкой в руке (верный признак плохого настроения) стоял посредине кабинета.

— Политбюро пришло к выводу, — без предисловия начал Сталин, — что Тимошенко надо заменить на посту командующего Западным фронтом Жуковым. Что скажете на это вы?

Тимошенко молчал; что он мог сказать? Но Жуков не собирался соглашаться:

—Товарищ Сталин, я считаю эту смену нецелесообразной. Частые смены командующих мешают работе. Новым командующим приходится в момент тяжелейших сражений вникать в курс дела. Маршал Тимошенко состоит в этой должности менее месяца, а войска под его командованием задержали врага под Смоленском, они верят в своего командующего. Уверен — вряд ли кто-нибудь другой смог бы сделать больше в сложившейся обстановке. Поэтому считаю смену командования Западного фронта нецелесообразной и несправедливой.

Генерала поддержал Калинин:

—А это, пожалуй, верно. Сталин начал раскуривать трубку:

—В словах товарища Жукова есть резон, — и, глядя на членов Политбюро, спросил: — Может, согласимся с Жуковым?..

Тимошенко остался на посту, но Жукову вскоре пришлось покинуть Генштаб.

22 июля он в присутствии начальника Главного политического управления РККА Л. 3. Мехлиса докладывал Сталину обстановку на фронте. Анализируя состояние и дислокацию фашистских войск, в первую очередь бронетанковых и моторизованных, Жуков высказал оправдавшееся впоследствии предположение: фашистское командование нанесет удар по Центральному фронту, с тем чтобы выйти в тыл Юго-Западного фронта и окружить его войска. Жуков предлагал усилить Центральный фронт, а войска Юго-Западного фронта отвести за Днепр.

Последнее предположение встревожило Сталина:

—А Киев, как же Киев? — спросил он.

Сама фраза "сдать Киев", мать городов русских, была непереносима для каждого российского человека, тем более — для Сталина. Но Жуков без колебания произнес ее:

Тяжело говорить об этом, но Киев сдать придется. На западном же направлении как можно быстрее надо ликвидировать ельнинский выступ, иначе оттуда противник нанесет удар по Москве.

— Что еще за контрудар, что за чепуха! — выдержка покинула Сталина. — Как вы могли додуматься сдать Киев?

На этот раз не сдержался и Жуков:

— Если вы, товарищ Сталин, считаете, что начальник Генерального штаба может молоть чепуху, то прошу освободить меня от этой должности и послать на фронт. Может, там я принесу больше пользы...

— Не горячитесь, не горячитесь. — Сталин уже овладел собой. — Но если вы так ставите вопрос, то подождите, а мы обсудим, как быть.

Минут через сорок Жукова вновь пригласили в кабинет:

—Мы посоветовались, — сказал Сталин, — и решили освободить вас от обязанностей начальника Генштаба. Видимо, придется назначить Бориса Михайловича Шапошникова, хоть у него и плохо со здоровьем. Где бы вы хотели работать?

Характер у Жукова был горячий.

— Где прикажете. Могу командовать фронтом, армией, корпусом, дивизией, наконец...

— Не горячитесь, — сказал Сталин. — Мы вас назначим командующим Резервным фронтом. Вот там вы и организуете контрудар по Ельне. Сдавайте дела Шапошникову. Но членом Ставки вы остаетесь.

— Разрешите идти?

— Погодите, выпейте с нами чаю, — Сталин уже улыбался, —и поговорим еще...

Это были тяжелые дни. И никто не мог предполагать, что худшее впереди. Сталину конец июля принес и личное несчастье: командир артиллерийской батареи Яков Джугашвили раненым попал в плен. Геббельсовские пропагандисты не преминули воспользоваться этим, и над позициями советских войск разбрасывались в миллионах экземпляров листовки с фотографией Якова. Сфабрикованный фашистами текст листовки призывал советских солдат сдаваться в плен — так, мол, сделал даже сын Сталина! Для отца, требовавшего от бойцов и командиров Красной Армии сопротивления до конца, пленение Якова было тяжелым ударом.

* * *

В речи от 3 июля 1941 года имелись и такие слова:

"Войну с фашистской Германией нельзя считать войной обычной. Она является не только войной между двумя армиями...

В этой освободительной войне мы не будем одинокими. В этой войне мы будем иметь верных союзников в лице народов Европы и Америки..."

Сталин был прав: народ Великобритании и США, встревоженный размахом гитлеровской агрессии, безоговорочно желал уничтожения нацизма, и правительства этих стран должны были считаться с мнением своих граждан. В девять часов вечера 22 июня Уинстон Черчилль выступил с речью по радио. Премьер-министр Великобритании не скрывал: он был и остается принципиальным противником коммунизма и "не возьмет назад ни единого своего слова", произнесенного за минувшие четверть века против коммунизма. Но все это отступает на задний план перед тем фактом, что Гитлер вторгся в Россию. "Мы полны решимости уничтожить Гитлера и всякое напоминание о нем", — подчеркнул Черчилль.

295

Президент Соединенных Штатов Америки Ф. Рузвельт 24 июня также выступил в поддержку борьбы советского народа против нацизма. Советское правительство, однако, отнеслось к заверениям новых союзников с некоторой долей осторожности, поскольку большая часть прессы в англосаксонских странах не скрывала своего злорадства по поводу неудач, постигших Красную Армию. Желая продемонстрировать добрую волю к сотрудничеству, Черчилль 8 июля 1941 года отправляет первое личное послание Сталину, в котором рассказывает о боевых действиях английских военно-воздушных сил; 10 июля следует новое послание...

Сталин ответил только 18 июля. Выразив благодарность Черчиллю за инициативу в переписке, Сталин информировал его о напряженном положении на советско-германском фронте. Уже в этом послании имеются фразы о необходимости создания второго фронта: "Мне кажется, далее, — писал Сталин, — что военное положение Советского Союза, равно как и Великобритании, было бы значительно улучшено, если бы был создан фронт против Гитлера на Западе (Северная Франция) и на Се- вере (Арктика)... Я представляю трудности создания такого фронта, но мне кажется, что, несмотря на трудности, его следовало бы создать не только ради нашего общего дела, но и ради интересов самой Англии..." На протяжении почти трех лет эта тема будет одной из главных в оживленной переписке Сталина, Черчилля и Рузвельта.

Президент Рузвельт, желая убедиться, настолько ли катастрофично положение Красной Армии, послал в СССР своего ближайшего советника и сотрудника — Гарри Гопкинса.

Вылетев из Шотландии на летающей лодке "Каталина" и обогнув Северную Европу, Гопкинс достиг Архангельска — таким сложным и опасным путем приходилось тогда добираться из Англии в СССР. В половине седьмого вечера 29 июля Гопкинса и посла США Штейнгардта принял Сталин. В распоряжении историков имеется полная запись переговоров, сделанная Гопкинсом.

296

Гопкинс начал с того, что выразил намерение президента Рузвельта оказать всю возможную помощь Советскому Союзу в борьбе с гитлеровской Германией, и в максимально короткий срок. В ответ, "характеризуя Гитлера и Германию, Сталин говорил о необходимости минимума моральных норм в отношениях между всеми нациями и о том, что без такого минимума нации не могли бы сосуществовать. Он заявил, что нынешние руководители Германии не знают таких минимальных моральных ,норм и что поэтому они представляют собой антиобщественную силу в современном мире..."

Изложив в общих чертах позицию Советского правительства по отношению к Германии, Сталин подытожил:

— Таким образом, наши взгляды совпадают.

Гопкинс спросил, каковы будут потребности Советского Союза в помощи. В первую категорию неотложных нужд Сталин включил прежде всего зенитные орудия среднего калибра от 20 до 30 миллиметров.

Во вторую категорию, в которую входили материалы, необходимые для длительной войны, он включил, во-первых, высокооктановый авиационный бензин; во-вторых, алюминий для производства самолетов и, в-третьих, другие материалы, уже перечисленные в списке, представленном нашему правительству в Вашингтоне...

—Дайте нам зенитные орудия и алюминий, и мы сможем воевать три-четыре года, — сказал Сталин.

Далее речь зашла о путях, которыми можно было бы доставлять вооружение и материалы в СССР. Сталин высказал свое мнение:

—Путь через Архангельск, вероятно, наиболее удобен. Порт в Архангельске с помощью ледоколов можно держать открытыми зимой. Единственные два незамерзающие порта на Севере —Мурманск и Кандалакша.

Уже первая беседа со Сталиным произвела на Гопкинса успокаивающее действие, и он писал в отчете Рузвельту из Москвы: "Я очень уверен в отношении этого фронта... Здесь существует безусловная решимость победить".

Вторая встреча началась в то же время на следующий день, 31 июля, и продолжалась более трех часов. Единственным свидетелем и переводчиком был Литвинов. Телефон позвонил только один раз, и Сталин, извинившись, что прервал беседу, объяснил: он договорился об ужине на полпервого ночи. Два или три раза, когда Сталин затруднялся ответить на вопрос Гопкинса, он вызывал Поскребышева, и тот немедленно давал необходимые сведения.

В этой беседе Сталин самым подробным образом охарактеризовал положение на советско-германском фронте, соотношение сил в дивизиях, танках, самолетах. Очень точно и совершенно откровенно рассказал он Гопкинсу о типах советских танков и самолетов, их весе, вооружении, скорости и т. д..

"Сталин сказал, — записывал Гопкинс, — что русской армии пришлось иметь дело с внезапным нападением: лично он считал, что Гитлер не выступит, но принял все возможные предосторожности для мобилизации своей армии... Сталин несколько раз повторил, что он не недооценивает немецкую армию. Он сказал, что их организация превосходна и что, по его мнению, немцы обладают крупными резервами продовольствия, людей, снаряжения и горючего... Он считает, что, поскольку дело касается людей, снаряжения, продовольствия и горючего, немецкая армия способна вести зимнюю кампанию в России. Он думает, однако, что немцам будет трудно предпринимать значительные действия после 1 сентября, когда начинаются сильные дожди, а

после 1 октября дороги будут настолько плохи, что им придется перейти к обороне".

В заключение беседы Сталин просил Гопкинса передать президенту Рузвельту его соображения о необходимости для США вступить в войну с фашистской Германией. Сталин говорил:

—Самое слабое место Гитлера — это огромные массы порабощенных им людей, которые ненавидят его, а также безнравственные методы его правительства. Для того чтобы эти люди и миллион других в

еще не завоеванных странах могли бороться против Гитлера, их надо ободрить, морально поддержать. Это, по моему мнению, могут сделать лишь Соединенные Штаты...

В то же время он не закрывал глаза на сложность положения:

—Мощь Германии столь велика, что, хотя Россия сможет защищаться одна, Великобритании и России вместе будет очень трудно разгромить немецкую военную машину...

Затем он продолжал:

—Я полагаю, однако, что война будет ожесточенной и, возможно, длительной...

На посланца американского президента Сталин произвел весьма сильное впечатление, так же, впрочем, как и на самого Рузвельта, и на Черчилля, когда они познакомились позднее.

1 августа Гопкинс улетел из Москвы. Сталин, несомненно, оказал посланцу президента США полное доверие, и тот вернулся в Америку с убеждением: Россия может и будет драться до последнего. Визит этот был поворотным пунктом в формировании антигитлеровской коалиции.

Уверенность Сталина в стабилизации положения на фронте оказалась, к сожалению, преждевременной. С начала августа 1941 года осложнилась обстановка на юго-западном направлении. Наши войска вынуждены были вести тяжелые оборони тельные бои. В районе Умани противник окружил две наши армии (6-ю и 12-ю).

Деблокировать 6-ю и 12-ю армии не удалось. Несколько дней они вели бои в окружении, но вскоре сопротивление их было сломлено. Много бойцов и командиров погибло, еще больше (в том числе и командармы И.Н. Музыченко и П.Г. Понеделин) попали в плен. Фашистские войска форсировали Днепр и создали плацдарм в районе Кременчуга, угрожая армиям Юго-Западного фронта с юга.

8 августа Сталин разговаривал с командованием Юго-Западного фронта.

" — У аппарата Сталин. До нас дошли сведения, что фронт решил с легким сердцем сдать Киев врагу якобы ввиду недостатка частей, способных отстоять Киев. Верно ли это?

Кирпонос. — Здравствуйте, товарищ Сталин. Вам доложили неверно. Мною и Военным советом фронта принимаются все меры к тому, чтобы Киев ни в коем случае не сдавать...

Но через две недели положение на Юго-Западном фронте лучше не стало. 8 августа войска фашистской группы армий "Центр" перешли в наступление против советского Центрального фронта. Гитлеровское командование, отставив на время планы немедленного наступления на Москву, намеревалось сначала захватить Ленинград и Украину, а затем наступать в центре фронта. 2-я танковая группа генерала Гудериана стремилась зайти во фланг и тыл войскам Юго-Западного фронта.

Намерение это было замечено советским командованием. Желая ликвидировать угрозу войскам Центрального и правого крыла Юго-Западного фронтов, прикрыть брянское направление, Ставка 14 августа решила образовать Брянский фронт под командованием А. И. Еременко. В тот же день генерал прибыл в Ставку для получения указаний по новой должности. Сталин принял его в присутствии Шапошникова, Василевского и нескольких членов ГКО.

—Основная, — говорил Сталин, — и обязательная задача войск Брянского фронта состоит в том, чтобы не только надежно прикрыть брянское направление, но во что бы то ни стало своевременно разбить главные силы Гудериана.

Верховный определил состав нового фронта: 50-я и 13-я армии. Вновь назначенный командующий фронтом очень уверенно обещал "в ближайшие дни безусловно" разгромить Гудериана.

Уверенность всегда импонировала Сталину.

—Вот человек, который в сложившейся обстановке нам нужен, — сказал он, когда Еременко покинул кабинет.

События показали, однако, что командующий Брянским фронтом был неоправданно оптимистичен.

Уже 19 августа Ставка сознавала опасность удара по правому крылу Юго-Западного фронта, но в то же время вполне резонно видела наилучший выход из положения не в немедленном отводе войск за Днепр и далее на восток, а в нанесении удара по 2-й танковой группе Гудериана, с тем чтобы разбить ее или на худой конец остановить.

Прежде чем окончательно принять это решение, Сталин связался 24 августа с Еременко:

"Сталин. — У аппарата Сталин. Здравствуйте! У меня есть к вам несколько вопросов.

Если вы обещаете разбить подлеца Гудериана, то мы можем послать еще несколько полков авиации и несколько батарей РС.

Ваш ответ?

Еременко. — Здравствуйте! Отвечаю:

Я очень благодарен вам, товарищ Сталин, за то, что вы укрепляете меня танками и самолетами. Прошу только ускорить их отправку. Они нам очень и очень нужны. А насчет этого

подлеца Гудериана, безусловно, постараемся задачу, поставленную вами, выполнить, то есть разбить его".

Но еще на настало, увы, время "разбить вдребезги" группу Гудериана. Действия войск. Брянского фронта не дали ожидаемого результата, и танковым соединениям врага удалось прорваться на левом фланге Брянского фронта за Десну. 7 сентября они вышли к Конотопу. Окружение армий Юго-Западного фронта стало вопросом нескольких дней. В тот же день командование этого фронта сообщило в Генштаб об ухудшении положения. Шапошников и Василевский попытались убедить Сталина в необходимости немедленно отвести войска фронта за Днепр и далее на восток. По словам Василевского, "разговор был трудный и серьезный".

Можно понять Верховного Главнокомандующего: после столь значительных территориальных потерь, понесенных за два с половиной месяца войны, ему, и только ему предстояло добровольно (хоть и в видах суровой необходимости) отдать приказ об оставлении Киева и большей части Левобережной Украины. Немудрено, что он обвинял военных: они идут по линии наименьшего сопротивления и вместо упорного сражения с врагом пытаются ускользнуть от него. До каких же пор?..

Убедить Сталина руководству Генштаба не удалось.

Поскольку Главнокомандующий Юго-Западным направлением маршал Буденный также высказался за отвод войск Юго-Западного фронта и тем самым выразил несогласие с действиями Ставки, его решено было заменить на этом посту маршалом Тимошенко. Вечером того же дня, 11 сентября, Сталин в присутствии Тимошенко и Шапошникова вел переговоры с командованием Юго-Западного фронта. Вот выдержки из этих переговоров.

"Сталин. — Ваше предложение об отводе войск на рубеж известной вам реки мне кажется опасным. Если обратиться к недавнему прошлому, то вы вспомните, что при отводе войск из района Бердичев и Новгород-Волынский у вас был более серьезный рубеж - Днепр - и, несмотря на это, при отводе войск [вы] потеряли две армии и отвод превратился в бегство, а противник на плечах бегущих войск переправился на другой день на восточный берег Днепра. Какая гарантия, что то же самое не повторится теперь, это первое.

А потом второе... В данной обстановке на восточном берегу Днепра предлагаемый вами отвод войск будет означать окружение наших войск, так как противник будет наступать на вас не только со стороны Конотопа, то есть с севера, но и со стороны юга, то есть Кременчуга, а также с запада, так как при отводе наших войск с Днепра противник моментально займет восточный берег Днепра и начнет атаки. Если конотопская группа противника соединится с кременчугской группой, вы будете окружены".

Осмысливая ныне сказанное Сталиным, нельзя не признать, что Ставка и Верховный Главнокомандующий имели серьезные основания для подобных предположений: опыт предшествующих сражений, и не только на Украине, так же как и происшедшее на Юго-Западном фронте неделю спустя, неопровержимо свидетельствуют: просто отход, без серьезных мер по обеспечению его, не мог дать, и не дал положительного результата. Фашистское командование, и это тоже было ясно, не оставит свои войска в бездействии. Надо было искать другой выход, и Ставка попыталась его определить.

"Как видите, — продолжал Сталин, — ваши предложения о немедленном отводе войск без того, что вы заранее подготовите рубеж на реке Псел, во-первых, и, во-вторых, поведете отчаянные атаки на конотопскую группу противника во взаимодействии с Брянским фронтом, — повторяю, без этих условий ваши предложения об отводе войск являются опасными и могут привести к катастрофе".

Железная логика Сталина сокрушала оппонентов даже и в обыденной ситуации. Здесь же Верховный Главнокомандующий разговаривал с подчиненными ему военными людьми, привыкшими повиноваться приказу. Очевидцы свидетельствуют, что слова Сталина, в особенности его последняя фраза, ошеломили командование Юго-Западного фронта, и ответ Кирпоноса был выдержан, можно сказать, в извиняющихся тонах: "У нас мысли об отводе войск не было до получения предложения дать соображения об отводе войск на восток с указанием рубежей, а была лишь просьба — в связи с расширившимся фронтом до восьмисот с лишним километров усилить наш фронт резервом..." Далее Кирпонос сообщал, что бросает на конотопское направление все имеющиеся у него резервы, очень ограниченные, впрочем, и заверял: "Указания Ставки Верховного Главнокомандования, только что полученные по аппарату, будут немедленно проводиться в жизнь. Все".

Очевидно, что Ставка теперь отнюдь не исключала возможности оставления Киева и отхода далее на восток от Днепра, но настоятельно требовала принять обеспечивающие этот отход меры: без них катастрофа была неминуема. Тут же Сталин произнес фразу, характеризующую его настроение и, надо сказать, имевшую суровый для тех обстоятельств смысл: "Перестать наконец заниматься исканием рубежей для отхода, а искать пути сопротивления и только сопротивления".

Дальнейшие события на Юго-Западном фронте развивались стремительно и трагично. Наступательная операция Брянского Фронта к успеху не привела. Организовать оборону по реке Псел командование Юго-Западного фронта не смогло: не было сил да и, главное, времени, так как 12 сентября дивизии 1-й танковой группы противника с плацдарма у Кременчуга начали Наступление навстречу 2-й танковой группе. 15 сентября у Лох-

вицы кольцо вокруг войск Юго-Западного фронта сомкнулось. В окружении оказались 5-я, 37-я, 21-я, 26-я армии.

Только 17 сентября Кирпоносу было разрешено оставить Киев. Но приказ этот был передан ему устно генерал-майором И.Х. Баграмяном, и комфронта, засомневавшись в достоверности приказа, запросил подтверждения у Ставки. Это была еще одна и, видимо, самая трагическая ошибка генерала Кирпоноса. Подтверждение пришло только в ночь на 18 сентября. Были потеряны сутки, в течение которых фашистские войска сумели уплотнить кольцо окружения.

В таких условиях часть войск, преимущественно небольшими группами, сумела вырваться из окружения, многие бойцы и командиры погибли, но гораздо больше — попали в плен.

При оценке случившегося на Юго-Западном фронте чаще всего ограничиваются констатацией того, что Ставка Верховного Главнокомандования своевременно не поняла необходимости и неизбежности отхода, настаивала на удержании Киевского укрепрайона. Не отрицая этого положения, повторяем: приведенные выше переговоры с очевидностью свидетельствуют, что Ставка допускала отход, но только при определенных условиях, которые должны были обеспечить войскам фронта отступление без угрозы полного разгрома. То обстоятельство, что Ставка, и прежде всего Сталин, требовала от войск, от командиров всех степеней ожесточенного сопротивления противнику на любых рубежах и в любой момент, требовала активного противодействия противнику, по нашему убеждению, ни в коем случае не следует ставить ей в вину: до каких же пор можно отступать?..

Не проходило дня, чтобы Ставка Верховного Главнокомандования, внимательно следившая за развитием событий под Ленинградом, не принимала того или иного решения, направленного на изменение обстановки. 17 августа Ставка указала Военному совету Северо-западного направления на угрозу окружения Ленинграда и необходимость всемерного укрепления его обороны на южных и юго-восточных подступах. 21 августа Шапошников телеграфировал Ворошилову: "В связи с создавшейся обстановкой под Ленинградом Верховный Главнокомандующий срочно предлагает вам представить соображения по плану действия". На следующий день такие соображения были направлены в Ставку.

Сталин вникал и во внутренние дела обороны города. Так, ему стало известно, что 20 августа Ленинградский горком партии образовал Военный совет обороны Ленинграда, на который предполагалось возложить организацию внутренней обороны города и формирование новых ополченских отрядов. Сталин счел это неправильным. 21 августа он вызвал по прямому проводу Ворошилова и Жданова и в резкой форме выразил неудовольствие созданием нового совета и тем, что Ворошилов и

Жданов не были включены в этот орган, раз уж его создали.

Доводы Ворошилова и Жданова о том, что Военный совет обороны города создан как сугубо вспомогательный орган для проведения некоторых оборонных работ в помощь крайне загруженному Военному совету Северо-западного направления, были отклонены. Персональный состав совета тут же подвергся пересмотру. Ворошилову пришлось выслушать резкий и отчасти справедливый упрек: он, мол, и Ленинградский горком "увлекаются" формированием рабочих батальонов со слабым вооружением. Сталин велел и, на наш взгляд, совершенно оправданно, отменить выборность батальонных командиров в народном ополчении.

Остановить врага не удавалось. 8 сентября гитлеровцы вышли к южному берегу Ладожского озера и захватили Шлиссельбург. Ленинград не имел больше связи со страной по суше. Началась блокада.

О потере Шлиссельбурга Ставка узнала 9 сентября из сообщений иностранного радио и потребовала объяснений от комфронта — им с 5 сентября был К.Е. Ворошилов. Вновь последовала смена командования — 9 сентября в Ленинград вылетел Жуков. Донесения его из Ленинграда были чрезвычайно серьезными.

О критичности положения сообщали и члены правительственной комиссии. Наркома Военно-Морского Флота Н. Г. Кузнецова вызвали в Кремль сразу же по возвращении из Ленинграда. Сталин был в

кабинете один. Сев, против обыкновения, на диван, он стал задавать вопросы об обстановке на Балтике, о количестве кораблей, их участии в обороне города (Сталин называл его на этот раз Питером). Потом, подойдя к карте, на которой линия фронта вплотную подступала к городу, Сталин повел главный разговор:

—Положение Питера исключительно серьезно. Его, возможно, придется оставить...

Можно понять настроение Верховного: ведь тогда же речь шла и об оставлении Киева!

—Ни один боевой корабль не должен попасть в руки врага.Вы понимаете меня? — Кузнецов молчал, и Верховный продолжил: — В случае невыполнения приказа о затоплении кораблей виновные должны быть строго наказаны...

Так как Кузнецов, подавленный суровостью тона и трагичностью темы, все еще молчал, Сталин повысил голос:

—Составьте телеграмму командующему и отдайте приказание, чтобы все было подготовлено на случай уничтожения кораблей!

Кузнецов собрался с духом:

Я такой телеграммы подписать не могу. — Николай Герасимович сам поразился решительности своего ответа.

Почему? — Сталин был явно удивлен.

—Товарищ Сталин, флот оперативно подчинен командующему Ленинградским фронтом, и такую директиву может отдать только Верховный Главнокомандующий.

Сталин подумал и приказал:

—Пойдите к Шапошникову и заготовьте директиву за двумя подписями: вашей и его.

Как только Кузнецов сообщил о приказе начальнику Генштаба, тот изумился:

—Что вы, голубчик! — Такое обращение было характерно для него. — Это чисто флотское дело, я свою подпись ставить не буду!

Все же телеграмма была составлена, и Шапошников с Кузнецовым отправились к Сталину. Им удалось убедить Верховного подписать телеграмму; документ он оставил у себя.

Очевидно, в середине сентября Ставке приходилось считаться с возможностью потери Ленинграда и необходимостью такой трагической меры, как потопление Балтийского флота. Известно, что одновременно предпринимались меры к организации взрывов важнейших объектов Ленинграда, в том числе и мостов.

...Здесь уместно привести документ, недавно извлеченный из архива. Осенью 1941 года Жуков и Жданов доложили Сталину из Ленинграда, что немецкие войска, атакуя наши позиции, гнали перед собой гражданское население (донесение, скорее всего, основано на слухах, так как документальные источники таких данных не содержат). Тем не менее Сталин ознакомился с сообщением, и не верить ему он не мог.

Ответ его был быстрым и жестким: "Мой совет: не сентиментальничать, а бить врага и его пособников, вольных или невольных, по зубам... Бейте вовсю по немцам и их делегатам, кто бы они ни были, косите врагов, все равно, являются ли они вольными или невольными врагами..."

Да, тяжело читать такие строки. Но таковы были условия войны, развязанной свирепыми нацистами. Ну, с нацистов спрос понятен, но вспомним все же, что не Сталин подписывал директивы о "ковровых бомбежках" Северной Франции в июне 1944 года при высадке там союзников. Так что Сталин в ряду своих современников никак не был исключением...

30 сентября силы вермахта нанесли удар по войскам Брянского фронта, 2 октября — по войскам Западного и Резервного. Немецко-фашистскому командованию удалось осуществить первую часть "Тайфуна": в лесах западнее и юго-западнее Вязьмы были окружены войска 19-й, 20-й, 24-й и 32-й армий и ар- мейской группы генерала Болдина, к западу от Брянска — 3-й и 13-й армий.

Успех казался фашистам решающим. Гитлер, с 22 июня ни разу не выступавший публично, счел момент подходящим и уже

3 октября поднялся на трибуну берлинского Спортпаласа, чтобы оповестить мир о своем триумфе:

—В эти часы на Восточном фронте вновь происходят громадные события. Уже сорок восемь часов ведется новая операция гигантских масштабов. Она поможет уничтожить врага на Востоке!

Рев фанатиков был ответом фюреру, и он завопил в еще большем ажиотаже:

—Я говорю об этом только сегодня потому, что сегодня я могу совершенно определенно сказать: этот противник разгромлен и больше никогда не поднимется...

Но и тут Гитлер принимал желаемое за действительное. Окруженные советские армии упорно сопротивлялись, сковывая пехотные дивизии фашистов, а тем временем советское командование организует противодействие танковым дивизиям Гота и Гудериана, рвущимся к Москве. Битва за нее только еще начиналась.

Генерал армии Жуков прилетел в Москву из Ленинграда вечером 7 октября. На аэродроме его встретил генерал Власик:

—Товарищ Сталин велел передать, чтобы вы немедленно ехали к нему.

У Сталина был грипп, он работал на квартире. Кивнув генералу, он сразу же перешел к делу:

—Обстановка крайне сложна, но я не могу добиться от командования Западного и Резервного фронтов точных сведений о положении дел. Не зная же, где и в каких группировках наступает противник, мы не можем принять решений. Отправляйтесь в штаб Западного фронта, разберитесь и позвоните мне, в любое время.

Глубокой ночью Жуков был уже в штабе Западного фронта; 8 октября, после разговора с его командованием, в два часа тридцать минут ночи, Жуков позвонил Сталину. Тот, конечно, работал:

—Главная опасность, товарищ Сталин, в слабом прикрытии Можайской линии. Танки противника могут внезапно прорваться к Москве. Требуются войска, откуда только возможно, для прикрытия этого направления.

Сталин приказал Жукову действовать энергично и обо всем подробно информировать его.

Это требование Сталина вполне понятно: в сложившейся обстановке в Ставку поступали самые разные, нередко противоречивые, а иногда — неверные сведения. Вот один пример.

Член Военного совета Московского военного округа К.Ф. Телегин 5 октября около пятнадцати часов получил проверенные сведения о вступлении колонны фашистских танков в Юх-нов и доложил об этом

Шапошникову. В Генштабе подобных сведений еще не было. Через несколько минут на столе у Телегина зазвонил телефон:

—Говорит Поскребышев. Соединяю вас с товарищем Сталиным.

Телегин весь вмиг подобрался.

Телегин?

Так точно, товарищ Сталин.

Вы только что доложили Шапошникову о прорыве в Юхнов немецких танков? Откуда у вас эти сведения, и достоверны ли они?

Сведения доставили боевые летчики, мы их дважды проверили и перепроверили...

Что вы предпринимаете?

По тревоге подняты подольские училища, приведено в боевую готовность военно-политическое училище...

Выслушав Телегина, Верховный Главнокомандующий одобрил принятые меры и предложил своевременно докладывать в Генштаб об обстановке.

Но в этот же день, 5 октября, непроверенные данные все же попали в Генштаб. Ситуация обострялась с каждым часом, а в таких случаях бывает, что и мирные жители, и военнослужащие поддаются панике. Так произошло и с комендантом 2-го участка военно-автомобильной дороги Малоярославец — Подольск. В панике он примчался на автомашине в Подольское артучилище и принес весть о "прорыве" вражеских танков в Малоярославец и их движении на Подольск. Сведения эти, не проверив как следует, доложили в Генштаб.

В 18.15 Телегину еще раз позвонил Сталин. На всю жизнь запомнил генерал этот разговор, хотя и не записал его в рабочую тетрадь:

Телегин? Вы доложили в Генштаб, что немецкие танки прорвались через Малоярославец?

Так точно, товарищ Сталин.

Откуда у вас эти сведения?

Телегин доложил и добавил, что послал летчиков перепроверить эти сведения.

—Это провокация. — Голос Сталина был ровен и суров. —Прикажите немедленно разыскать этого коменданта, арестовать и передать в ЧК. Вам же на вашем ответственном посту надо быть более серьезным и не доверять сведениям, которые приносит сорока на хвосте! — И повесил трубку.

К 10 октября положение продолжало ухудшаться. Противник захватил Сычевку, Гжатск, приблизился к Калуге, бои шли у Брянска и Мценска...

12 октября ГКО вновь рассматривал план обороны Москвы. Свидетели, побывавшие на заседании, сообщают, что все его участники, в том числе и Сталин, выглядели усталыми и напряженными. Насколько грозным было положение, можно судить по тому, что речь шла о строительстве городского оборонительного рубежа. Он должен был включать три полосы: по

Окружной железной дороге, по Садовому кольцу и по Бульварному кольцу. Сроки устанавливались до предела жесткие.

Москва напоминала тогда пружину, сжатую до отказа. И положение, которое могло показаться безнадежным, начало меняться. За одну неделю благодаря энергичным мерам ГКО и Ставки был воссоздан фронт обороны. Он не был еще достаточно организован и сплочен, но его войска могли вступать и без промедления вступали в решительную борьбу с врагом. Возглавляли войска опытные командиры. Имена их навечно вошли в историю нашей страны. На Волоколамском направлении оборонялась воссозданная 16-я армия под командованием генерал-лейтенанта К.К. Рокоссовского. На Можайском насмерть стояла 5-я армия (командовал ею Д. Лелюшенко, после его ранения командующим стал генерал-майор Л.А.Говоров). На Наро-фоминском направлении действовала 33-я армия генерал-лейтенанта М.Г. Ефремова. В Малоярославце заняла оборону 43-я армия генерал-майора К.Д. Голубева, на калужском направлении 49-я армия генерал-лейтенанта И. Г. Захаркина.

Но опасность оставалась. Правда, фашистским войскам больше не удавались прорывы, советские войска не позволяли себя обходить, но все же они вынуждены были отступать.

Утром 13 октября собрался партийный актив Москвы. На повестке дня — один вопрос: "О текущем моменте". Секретарь ЦК и МГК ВКП(б) А.С.Щербаков, охарактеризовав обстановку, сказал:

—Не будем закрывать глаза — над Москвой нависла угроза...

Чтобы ликвидировать ее, партия требовала поднять на защиту столицы всех коммунистов, всех москвичей. Вечером тринадцатого октября в первичных организациях столицы прошли партийные собрания. Коммунисты заявили, что они не пожалеют жизни для спасения своего родного города. Тут же на собраниях шла запись добровольцев в коммунистические роты и батальоны.

Есть свидетельство очевидца, дважды побывавшего у Сталина в этот день, 13 октября. Генерал армии Тюленев, раненный в сентябре на Южном фронте, несколько раз просил направить его в армию, хотя далеко еще не излечился. Просьбы не остались без внимания, и Тюленева вызвали в Кремль.

Первая беседа был краткой — Сталин торопился. Прежде всего он осведомился о здоровье генерала. Тот ожидал этого вопроса и заверил, что чувствует себя хорошо. Последовал новый вопрос:

—Можете ли вы немедленно выехать на Урал?

"В тыл! Прощай, фронт!" — мелькнуло в голове у Тюленева. Сталин же продолжал:

—Вам поручается специальное и крайне важное задание ГКО. Важное и срочное! — подчеркнул он.

В час ночи 14 октября Тюленев вновь, уже на даче Сталина, докладывал членам ГКО свои соображения о причинах поражений наших войск на Южном фронте. Выслушали генерала внимательно. Затем Сталин заговорил о цели предстоящей Тюленеву поездки на Урал:

—Положение на фронте критическое, итог зависит от того, насколько быстро и эффективно мы подготовим резервы. Вам,товарищ Тюленев, и поручается срочно отправиться на Урал,чтобы формировать и обучать там резервные дивизии. В первую очередь учите их ближнему бою, особенно — борьбе с танками.Командный состав должен отработать вопросы управления боем...

Тут же, на даче, Тюленеву был выдан мандат за подписью Председателя ГКО.

В 11 часов утра 15 октября наркомов вызвали в Кремль. В зале заседаний Совнаркома не было на этот раз, как обычно перед заседаниями, ни шума, ни шуток: все сосредоточены, угрюмо-суровы. Вошел Молотов и, не садясь на место, объявил:

—Сегодня же наркомы должны выехать из Москвы в места,указанные для перебазирования их наркоматов.

Ранее такие места были определены в городах Заволжья, Урала, Средней Азии и Сибири. В Москве оставались оперативные группы наркоматов — по двадцать-тридцать человек. Кто-то из наркомов спросил Молотова:

— Как быть, если наркомат еще не перебазировался? Ведь не хватает вагонов.

— Все равно выехать сегодня, — отвечал Молотов, — а эвакуацию наркомата поручите одному из своих заместителей.

С тем и разошлись.

В этот и последующие дни над Москвой в разных местах стоял густой дым, и ветер нес клубы пепла: в котельных жгли архивы, доставленные из учреждений. Весть о выезде наркоматов со скоростью молнии распространилась по Москве и, что скрывать, вызвала в отдельных местах и сумятицу, и даже панику.

В двенадцатом часу дня 16 октября на квартире у Сталина в Кремле собрались члены Политбюро и наркомы — те из них, кто не мог или не успел завершить всех дел. В глаза всем бросилось, что в шкафах нет книг: видимо, их упаковали для эвакуации. Сталин, одетый буднично, был спокоен, расхаживал по квартире, курил. Когда все собрались, спросил, ни к кому конкретно не обращаясь:

—Как дела в Москве?

Долгое молчание. Затем А. И. Шахурин рискнул ответить:

—Я был утром на заводах наркомата. На одном удивились,увидев меня: почему не улетел? На другом рабочие возмущались тем, что не всем выдали деньги: сказали, что деньги увез директор, на самом же деле их просто не хватило в Госбанке.

Сталин не проявил ни удивления, ни гнева — вероятно, он ждал нечто подобное и сообщаемые Шахуриным факты не были для него новостью.

— Где Зверев? — спросил он Молотова.

— В Казани.

— Немедленно самолетом привезти деньги!

Из беседы выяснилось, что порядок в городе нарушен: трамваи не ходят, метро закрыто, магазины, в том числе и булочные, — тоже.

— Почему дела обстоят так? — спросил Сталин А. С. Щербакова и, не дождавшись ответа, опять заходил по комнате, из конца в конец. Наконец, он остановился:

— Это еще ничего, я думал, будет хуже. — И приказал Щербакову: — Немедленно наладить работу трамвая и метро, открыть булочные, магазины, столовые, лечебные учреждения с тем персоналом, который имеется в городе. Вам надо выступить по радио, объяснить ситуацию, призвать к спокойствию, стойкости...

Еще несколько минут — и все разошлись.

В этот же день наркоматы и их руководители покинули город. В Куйбышев выехали партийные и государственные учреждения, весь дипломатический корпус. В Москве оставались ГКО, Ставка и минимально необходимый для оперативного руководства страной и армией партийный, правительственный и военный аппарат.

17 октября по московской городской радиосети выступил А.С. Щербаков. Он сообщил москвичам о грозной обстановке, сложившейся под Москвой, опроверг слухи о готовящейся сдаче ее врагу.

—За Москву, — заявил А. С. Щербаков, — будем драться упорно, ожесточенно, до последней капли крови... — И сообщил факт, имевший огромное значение для того момента: Сталин в Москве.

Политбюро, ГКО, Ставка делали все, чтобы до предела мобилизовать силы и ресурсы, остановить врага. Сталин теперь сам, без посредников, соединялся с командирами частей и соединений.

16 октября полковника М.Е. Катукова вызвали в штаб 50-й армии для разговора по ВЧ с Верховным Главнокомандующим. До этого 4-я танковая бригада Катукова отличилась в боях с танками Гудериана под Мценском, нанесла им непоправимый урон.

Здравствуйте, товарищ Катуков, — услышал полковник. —Скажите, ваша бригада боеспособна?

Вполне, товарищ Сталин.

Тогда вам немедленно надлежит грузиться в эшелоны и прибыть в район Кубинки. Вам предстоит защищать Минское шоссе.

Катуков доложил, что целесообразнее бригаде идти на новое место своим ходом.

— Как же с моторесурсом? Расстояние пройти надо порядочное, — засомневался Сталин.

— Километров триста пятьдесят-триста шестьдесят одолеем,товарищ Сталин. Для боевых действий моторесурс тоже останется.

— Двигайтесь своим ходом, — разрешил Верховный Главнокомандующий.

Бригада в срок достигла Кубинки. Но отсюда ее сразу же перебросили в район Чисмены, что в шестидесяти километрах от Москвы по Волоколамскому шоссе. На этот раз Катуков предлагал идти по шоссейным дорогам через Москву, но представитель командования фронта настоял на движении напрямик, по проселочным дорогам. Грязь в ту осень была такова, что даже Т-34 вязли, садились днищами на междуколейные бугры. В результате бригада опоздала в район сосредоточения. Вышло так, что комбрига за это собрались было отдать под суд. Слава Богу, заступился Сталин...

Советские войска стояли насмерть и все же не могли остановить врага. Утром 18 октября противник ворвался в Малоярославец. В этот же день фашистские танки заняли Можайск.

Москва готовилась к обороне; улицы были перегорожены баррикадами и противотанковыми надолбами.

Вечером 19 октября в пустынном, затемненном Кремле началось заседание ГКО. Присутствовали руководящие московские партийные и советские работники, командование МВО. Выслушав сообщения А.С. Щербакова, В.П. Пронина и П.А. Артемьева о ликвидации последствий паники и неорганизованной эвакуации населения, а также их предложения о введении в городе осадного положения, Сталин без всяких вводных слов подошел к столу:

—Положение на фронте всем известно. Так будем защищать Москву?

До заседания Сталин советовался на этот счет с командующим Западным фронтом и получил в ответ твердое "Да!". Теперь он обращался к каждому из присутствующих и слышал то же самое. Опросив всех, Сталин повернулся к Маленкову:

—Пишите постановление ГКО. — Сам же продолжал ходить по кабинету и разговаривать с членами ГКО.

Маленков писал долго, останавливался, думал, зачеркивал. Сталин начал проявлять нетерпение, несколько раз подходил, смотрел через плечо. Наконец велел читать. Но проект Маленкова мало напоминал документ, пригодный для того сурового момента. Сказав Маленкову несколько неприятных слов, Сталин забрал у него листки бумаги, передал их Щербакову и сказал:

—Записывайте!

Утром 20 октября в Москве были расклеены броские афиши. Тот же текст постановления ГКО был напечатан и во всех газетах:

"Сим объявляется, что оборона столицы на рубежах, отстоящих на 100 — 120 километров западнее Москвы, поручена командующему Западным фронтом генералу армии т. Жукову...

В целях тылового обеспечения обороны Москвы и укрепления тыла войск, защищающих Москву, а также в целях пресечения подрывной деятельности шпионов, диверсантов и других агентов немецкого фашизма Государственный Комитет Обороны постановил:

Ввести с 20 октября 1941 года в городе Москве и прилегающих к городу районах осадное положение...

Нарушителей порядка немедля привлекать к ответственности с передачей суду Военного трибунала, а провокаторов,шпионов и прочих агентов врага, призывающих к нарушениюпорядка, расстреливать на месте..."

Страна напрягала все силы, чтобы остановить врага. В еще большей степени это требовалось от защитников Москвы. Во второй половине октября продолжались ожесточенные бои на всех направлениях, и к концу этого месяца наступление гитлеровских войск в полосе Западного фронта захлебнулось. Фашистский "Тайфун", натолкнувшись на волю советских людей, затухал...

1 ноября генерала Жукова вызвали в Ставку. После обсуждения обстановки на фронте Верховный Главнокомандующий спросил:

—У ГКО есть намерение провести в Москве, как всегда,торжественное заседание по случаю годовщины Октября и парад войск. Как вы полагаете, обстановка на фронте позволит нам это сделать?

Жуков был твердым человеком, и такая уверенность (положение все же оставалось грозным) ему нравилась. Он ответил:

—В ближайшие дни немцам не до наступления. Они понес- ли серьезные потери, вынуждены перегруппировывать и пополнять войска, их тылы отстали. Нет, в ближайшие дни они не смогут наступать.

Видимо, Сталин и рассчитывал на такой ответ, так как еще за несколько дней до беседы с Жуковым, 28 октября, вызвал к себе командующего Московской зоной обороны генерала П.А. Артемьева, командующего ВВС генерала П.Ф. Жигарева и командующего ВВС МЗО полковника Н.А. Сбытова. Присутствовали члены Политбюро.

—Через десять дней годовщина Октября, — сказал он. И задал ошарашивающий вопрос: — Парад войск будем проводить?

Почти каждый день эти люди бывали у Верховного, они знали о тяжести положения, до этого даже и не думали о возможности парада.

—Проводить или нет парад седьмого ноября в Москве? -настаивал Сталин.

Молчание становилось тягостным, и Сталин спросил резко:

—В третий раз спрашиваю вас, следует ли нам устраивать парад в Москве?

Генерал Артемьев, сославшись на обстановку, высказал сомнение в целесообразности проведения парада, да и участвовать в нем могла только пехота: артиллерия на позициях, а танков в гарнизоне нет.

—А вот ГКО считает необходимым провести парад, он будет иметь огромное значение, моральное воздействие на наших людей. Артиллерию и танки найдем.

Тут же ГКО принял соответствующее решение. О подготовке парада и его цели до исхода дня 6 ноября знать должны были единицы.

На следующий день подготовка началась. Участникам ее говорили, что в середине ноября в районе Крымского моста предполагается провести небольшой смотр.

Дня за три до ноябрьских праздников руководителей партийных и советских органов Москвы пригласили к Сталину.

—Где вы собираетесь проводить заседание Моссовета?

Выяснилось, что московские городские власти еще не думали об этом. Собрание решено было все же провести. Сталин спросил:

—Москвичи не будут возражать, если докладчиком на этом собрании буду я?

Возражений не было.

Подготовка доклада было общим делом Политбюро ЦК ВКП(б). На одном из заседаний Политбюро обсуждалось содержание доклада.

Московским организациям пришлось основательно потрудиться, готовя в подземном помещении станции метро "Маяковская" зал на две тысячи мест, да так, чтобы об этом заранее никто не знал. Пригласительные билеты раздавались за два-три часа до начала заседания. Несмотря на то что с вечера фашистские самолеты пытались прорваться к городу и на улицах шла стрельба, никто не опоздал.

К платформе тихо подошел поезд метрополитена: приехали члены ГКО. И через несколько минут вся страна затаив дыхание слушала радио: "Говорит Москва! Передаем торжественное заседание Московского Совета..."

Уже сам этот факт имел огромное мобилизующее значение: несмотря ни на что, вопреки всему в Москве — торжественное собрание! Ликование охватило советских людей. Они сражались и трудились во имя победы, они верили в нее даже в эти тяжелые месяцы войны. И слова доклада укрепляли эту веру.

Доклад был сдержан и объективен. Сталин охарактеризовал ход войны, говорил о потерях Советского Союза в людях и тер-

ритории и в то же время подчеркнул срыв плана "молниеносной войны" - "блицкрига".

Подробно остановился Сталин на идеологии нацизма, на тех чудовищных злодеяниях, которые захватчики принесли на нашу землю.

—И эти люди, — говорил он, — лишенные совести и чести,люди с моралью животных имеют наглость призывать к уничтожению великой русской нации...

Немного погодя, будто у него перехватило дыхание, и после паузы продолжил:

—Немецкие захватчики хотят иметь истребительную войну с народами СССР. Что же, если немцы хотят иметь истребительную войну, они ее получат.

С утра 7 ноября густые хлопья снега затянули белесой полосой улицы Москвы, снег шел на протяжении всего парада, он покрывал танки, орудия и машины, облепил плечи и спины застывших в торжественном молчании бойцов и командиров. Затаив дыхание слушали они — и вся страна — знакомый глуховатый голос человека, говорившего с трибуны Мавзолея:

—Товарищи красноармейцы и краснофлотцы, командиры и политработники, рабочие и работницы, колхозники и колхозницы, работники интеллигентного труда, братья и сестры в тылу нашего врага, временно попавшие под иго немецких разбойников, наши славные партизаны и партизанки, разрушающие тылы немецких захватчиков!

...Чувствовалось, что Сталин взволнован, что он до глубины души осознает торжественность и неповторимость этого парада в преддверии смертельной схватки с врагом. Обращаясь к людям, которым прямо с площади предстояло идти в бой, он продолжал:

-Великая освободительная миссия выпала на вашу долю. Будьте же достойными этой миссии! Война, которую вы ведете, есть война освободительная, война справедливая...

На мгновение Сталин остановился, глубоко вдохнул воздух, голос его стал еще глуше и еще тверже:

—Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков — Александра Невского, Димитрия Донского, Кузьмы Минина, Димитрия Пожарского, АлександраСуворова, Михаила Кутузова! Пусть осенит вас победоносное знамя великого Ленина!

Гитлеровское командование, вынужденное к началу ноября приостановить наступление своих войск под Москвой, вовсе не думало отказываться от завершения операции "Тайфун". Будучи невероятно самоуверенными, а потому и слепыми, не способными к реальной оценке обстановки, гитлеровские генералы все еще не могли избавиться от ощущения: осталось сделать всего лишь одно, последнее, усилие — и Москва будет у ног завоевателей. Успех пьянил их, кружил головы и лишал рассудка.

Но тяжко будет им похмелье;

Но долог будет сон гостей

На тесном, хладном новоселье,

Под злаком северных полей!

Создав в первой половине ноября 1941 года две ударные группировки, фашистское командование 15 — 16 ноября бросило их в наступление, намереваясь обойти Москву с севера через Клин — Солнечногорск и с юга через Тулу — Каширу. Советское командование использовало выигранное время для дальнейшего усиления войск западного направления и укрепления оборонительных рубежей. Вновь на подмосковных полях развернулось кровопролитное сражение, и вновь гитлеровцам не удалось добиться решающего успеха. Фронт советских войск выгибался дугой, трещал, но держался.

Ситуация все же оставалась крайне напряженной. Командующий Западным фронтом вспоминал, как в тревожный момент ему позвонил Сталин:

— Вы уверены, что мы удержим Москву? Я спрашиваю вас это с болью в душе. Говорите честно, как коммунист.

— Москву, безусловно, удержим, — отвечал Жуков. — Но нужно еще не менее двух армий и хотя бы двести танков.

— Это неплохо, что у вас такая уверенность, — Верховный Главнокомандующий теперь был еще спокойнее. — Договоритесь с Генштабом, куда сосредоточить две резервные армии. В конце ноября они будут готовы. Но танков пока мы вам дать не можем...

Две армии! Немалая сила в умелых руках, да еще когда напор врага на исходе! Но пока этих армий не было в распоряжении командующего Западным фронтом и он требует от подчиненных стоять насмерть на тех рубежах, которые они занимают.

А рубежи эти были так близки от столицы! Станция Крюково—в сорока километрах от Ленинградского вокзала Москвы. До нее докатился вал гитлеровских танков в ноябре 1941 года, докатился, чтобы разбиться о стойкость советских солдат и застыть грудами железного лома. В Крюкове и возле него на протяжении двух недель кипели яростные бои. Здесь же был командный пункт знаменитой 16-й армии К.К. Рокоссовского.

... Вдруг позвонил Верховный Главнокомандующий. Рокоссовский приготовился к худшему: его войска вновь вынуждены были отступить — незначительно, но все же отступили...

—Генерал-лейтенант Рокоссовский слушает, — начал он разговор.

Послышался спокойный, ровный голос Сталина:

—Доложите, пожалуйста, какова обстановка на Истринском рубеже?

Командарм, стараясь, чтобы доклад был и кратким, и исчерпывающе полным, стал докладывать, что хотя войска и отступили, но он намерен предпринять контратаки.

Сталин прервал его:

—О ваших мероприятиях говорить не надо. — И по тону Рокоссовский почувствовал, что Сталин хочет подчеркнуть свое доверие, что он звонит не с целью сделать выговор. — Вам тяжело?

—Да, товарищ Сталин, очень тяжело. Очень...Сталин немного помолчал:

—Я понимаю. Прошу вас продержаться еще некоторое время, мы вам поможем...

На этом разговор закончился. В ту пору внимание Сталина значило очень много для людей, которым оно уделялось. К тому же на следующее утро в 16-ю армию поступила обещанная помощь: полк "катюш", два полка противотанковой артиллерии, четыре роты солдат с ПТР, три батальона танков.

Героические защитники Москвы сделали свое дело. Подвижные танковые группировки противника на флангах Западного фронта были истощены, обескровлены и оказались вынужденными остановиться в двух выступах, глубоко вдавшихся в расположение советских войск.

30 ноября Военный совет Западного фронта прислал в Генштаб план контрнаступления.

Поздно вечером 4 декабря Сталин позвонил командующему Западным фронтом:

—Чем надо еще помочь фронту, кроме того, что уже выделено?

Жукову следовало бы просить многого, но он знал: возможности ограничены даже и у Ставки:

— Крайне необходимо получить поддержку авиации Резерва Верховного Главнокомандования. Кроме того, танков мало, без их невозможно будет быстро развивать наступление. Еще бы сотни две танков...

— Танков нет, дать не можем, — отвечал Сталин. — Авиация будет, сейчас позвоню в Генштаб...

Начавшееся 5 — 6 декабря контрнаступление оказалось неожиданным для фашистского командования: оно так много раз объявляло Красную Армию уничтоженной, что само уверовало в это. Инициатива в грандиозном сражении перешла теперь к советским войскам, и они день ото дня развивали успех. С 6 по 10 декабря было освобождено свыше 400 населенных пунктов. 13 декабря Советское информационное бюро опубликовало сообщение о поражении ударных группировок фашистских войск под Москвой.

Наше контрнаступление под Москвой продолжалось. Уверенность ГКО и Ставки в своих силах была настолько велика, что 15 декабря, всего через 10 дней после начала контрнаступ-

ления, было решено возвратить в Москву аппарат ЦК и некоторые государственные учреждения.

Более того, Советское правительство считало возможным принимать в столице высоких иностранных гостей, и даже тогда когда положение на фронте было далеко еще не ясным.

3-4 декабря 1941 года в Москве состоялись советско-польские переговоры, в которых, с одной стороны, участвовали И.В. Сталин и В.М. Молотов, а с другой — премьер-министр польского эмигрант-ского правительства в Лондоне В. Сикорский и посол Польши в СССР С. Кот. Переговоры эти были чрезвычайно сложным делом.

Генерал Сикорский ехал в Москву настроенным весьма скептически. Но встреча, оказанная польской делегации здесь, и беседы со Сталиным до некоторой степени изменили положение. Советское правительство явно желало договориться с польскими деятелями, видело в них равноправных партнеров и хотело вести с ними переговоры без посредничества западных держав. Тем не менее дискуссия была острой и точки зрения не совпадали, особенно когда речь заходила о восточных границах Польши: реакционные эмигрантские политики по-прежнему претендовали на исконные западные украинские и белорусские земли.

Вечером 4 декабря в честь генерала Сикорского и сопровождающих его лиц в Кремле был дан обед. Польским политикам становилось не по себе при одной только мысли, что немцы находятся всего лишь в 40 километрах от Москвы. Это сказывалось и на их поведении во время переговоров. Но на самообладании Сталина это обстоятельство никоим образом не сказывалось: он знал, что не далее как завтра утром Красная Армия нанесет врагу сокрушительный удар... На приеме он говорил о другом:

— Так сложилось, — начал Сталин, — что наши народы с незапамятных времен соседствовали и враждовали. Несколько раз в истории поляки приходили в Москву и уничтожали ее, несколько раз русские приходили в Польшу и жгли города, а потом захватили и всю страну.

Дальше так продолжаться не может!

Довольно драки!

Мы деремся и калечимся, а пользуются этим немцы, наш общий извечный и смертельный враг. Мы должны заключить настоящий союз и дружбу, мы должны осознать все то, что может стать очагом несогласия, хорошо узнать друг друга... Вы, поляки, ближайшие соседи немцев и на вашу долю в этой войне выпали наибольшие обиды. Сегодня ваш и наш счет с ними одинаков. Мы должны полностью рассчитаться за наши обиды и побить немцев так, чтобы они уже никогда в будущем не могли поднять головы. На страже этого должна стоять Польша —свободная и сильная. Я испытываю глубокое удовлетворение,

поскольку могу сообщить всему народу польскому через главу польского правительства, что Советский Союз в этом ему поможет!

Восторг охватил присутствующих, а Сталин вдруг углубился в воспоминания. С. Кот тогда же записал речь Сталина. Так как воспоминания, исходящие непосредственно от Сталина, — редчайший случай, то приведем их подробнее.

"Сталин, поначалу вроде бы и не к месту, стал вспоминать события тридцатилетней давности — как в 1913 году ехал в Краков к Ленину.

— Мне сказали, что я должен доехать до железнодорожной станции Домброва Горница и там искать случая перейти границу. Специально выбрал поезд, приходящий пораньше, чтобы еще в потемках миновать жандармов на станции. Поезд еще не остановился на станции, только начал замедлять ход, как я, находившийся в самом его хвосте, выскочил из вагона и в темноте, минуя станционные постройки, побежал в южном направлении, так как мне сказали, что это направление ведет в Австрию и к Кракову. Вышел на какую-то дорогу, которая показалась мне ведущей в том направлении, и быстро пошел, но был немного не уверен. Вдруг вижу огонь в хатенке у дороги. Подкрался осторожно и вижу, что за окном сапожник латает сапоги. Решил рискнуть и постучал в оконце, сапожник повернулся и спрашивает: "Кто там?" Без размышлений отвечаю: "Революционер и сын сапожника, грузин!" — "А что надо?"

Увидел при свете его лицо и набрался доверия. Спросил его, может ли он показать дорогу до границы, так как должен попасть в Краков, а паспорта нет. "Если ты революционер, то я тебя провожу до границы", — ответил сапожник..."

Говоря о советско-польских отношениях времен войны, не лишне будет упомянуть, что из всех договоров и соглашений, заключенных Советским правительством в эти годы, только два были подписаны Сталиным (декабрь 1941 года и апрель 1945 года), остальные подписывал Молотов. В обоих случаях шла речь о соглашениях с польским правительством, и это еще раз подчеркивает, какое значение Сталин придавал урегулированию отношений со своим западным соседом — братской Польшей. Еще значительнее то, что принципиальные положения позиции Советского правительства по польскому вопросу оставались неизменными на протяжении всей войны — и в декабре 1941 года, когда немецко-фашистские войска рвались к предместьям нашей столицы, и в апреле 1945 года, когда советские солдаты Штурмовали Берлин. Коба-Сталин, хорошо помнивший прошлое, хотел навсегда устранить напряженность и вражду, унаследованные от былых времен.

*** * ***

Министр иностранных дел Великобритании Иден приехал в Москву через Мурманск 15 декабря поздно вечером. Переговоры начались на следующий день; обсуждалось предложение СССР о заключении

двух договоров: военного — о союзе и взаимопомощи во время войны — и политического — о послевоенном сотрудничестве. Сразу же выяснилось, что правительство Великобритании не предполагает немедленного заключения договоров.

Но обсуждение продолжалось. На втором заседании Сталин вынул из кармана небольшой листок и, обращаясь к Идену, сказал:

—Полагаю, вы не будете возражать, если к нашему соглашению о послевоенном устройстве мы приложим небольшой протокол?

Советское правительство, желая, видимо, получить полное представление о позиции союзников и степени их готовности идти навстречу СССР, поставило в этом документе вопрос о признании советских границ, существовавших на июнь 1941 года, в том числе и о вхождении в состав СССР Прибалтийских республик. Иден стал всячески уклоняться от прямого ответа:

—Я не могу этого сделать, не посоветовавшись с премьер-министром и американцами. Мы сможем дать ответ, когда я вернусь в Лондон...

Но тут же Иден повторил заявление Черчилля: никакие территориальные изменения, происшедшие в ходе этой войны, не будут признаны британским правительством.

—Возможно, - говорил он, - что как раз это конкретное изменение будет приемлемо, но я должен сперва проконсультироваться с моим правительством.

Сразу же Иден сослался на положения Атлантической хартии, выработанной Рузвельтом и Черчиллем в августе 1941 года, — о непризнании территориальных изменений. Выходило, что союзники присваивали себе право определять правомочность законодательных актов Советского правительства. Сталин совершенно резонно возражал — какая может быть речь о доверии между союзниками, если одни отказываются признать границы другого?

—Действительно ли необходимо, чтобы вопрос о Прибалтийских государствах был обусловлен решением британского правительства? — Ирония Сталина была явственной. — Мы ведем сейчас самую тяжелую войну и теряем сотни тысяч людей, защищая общее дело с Великобританией, которая является нашим союзником, и я полагаю, что такой вопрос следует рас- сматривать как аксиому, и тут не требуется никакого решения. Иден сделал вид, что ему не ясно, о чем идет речь:

—Вы имеете в виду будущее Прибалтийских государств после окончания войны?

—Да, — отвечал Сталин.

Иден рискнул сказать, что, видимо, впереди еще длительная борьба и потому нет необходимости торопиться с установлением послевоенных границ:

—Ведь сейчас Гитлер все еще стоит под Москвой и до Берлина далеко...

Ответ был неожиданно уверенным:

—Ничего, русские уже были два раза в Берлине, будут и в третий раз...

Со второго заседания обе стороны ушли в плохом настроении.

Не принесло ничего нового и третье заседание — 18 декабря. Поскольку стало ясно, что соглашение сторон в Москве не может состояться и в то же время не имело смысла обнаруживать разногласия перед

Гитлером и Муссолини, решили в коммюнике о переговорах подчеркнуть взаимную готовность обоих правительств вести войну до победного конца.

Теперь высокому гостю с берегов Альбиона представилась возможность увидеть зрелище, какого не удостоился ни один европейский политический деятель на протяжении двух с половиной лет войны: дорога, по которой следовал кортеж Идена, была забита, завалена, запружена немецкими танками всех типов, артиллерийскими орудиями и минометами всех калибров, автомашинами всех марок, всех стран Европы. Но главное было в том, что на дорогах и улицах сожженных дотла русских деревень и городов остались сотни, тысячи застывших в неестественных, страшных позах трупов завоевателей, топтавших землю Нордкапа и Крита, Варшавы и Дюнкерка, Парижа и Салоник, возомнивших себя властелинами мира и нашедших бесславную смерть от рук советских солдат в снегах Подмосковья. Да, зрелище было внушительным, и на обратном пути Иден сказал Майскому:

—Теперь я собственными глазами видел, как немецкая армия может терпеть поражения, отступать, бежать...

Говорят: лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. На приеме в Большом Кремлевском дворце на следующий день Иден был любезен и весел. Торжество имело праздничный подтекст: 21 декабря Сталину исполнилось 62 года. Хозяин посадил гостя по правую руку от себя и произнес главный тост в честь британского министра.

В самом начале обеда с Иденом произошел любопытный казус. Среди бутылок на столе он усмотрел по цвету напоминавшую шотландское виски и спросил Сталина:

—Что это за напиток?

Искры смеха мелькнули в глазах Сталина:

— А это наше русское виски.

— Вот как! Разрешите попробовать!

— Пожалуйста.

И Сталин наполнил фужер англичанина. Тот, не почувствовав подвоха, сделал глоток и... задохнулся: это была перцовка. Сталин же и отхаживал гостя, а когда тот отдышался, произнес наставительно:

— Такой напиток может пить только крепкий народ. Гитлер начинает это чувствовать...

После обеда Сталин повел гостей смотреть кино и попрощался с ними поздно. Идеи остался очень доволен последним вечером в Кремле. Было ли такое ощущение у советских руководителей — сказать трудно. Реальных результатов встреча не принесла, и следовало рассчитывать на дополнительные дипломатические переговоры.

Глава шестнадцатая

5 января 1942 года в Ставке при участии членов Политбюро обсуждался вопрос о развертывании общего стратегического наступления: для этого, как казалось, имелись самые благоприятные условия.

Б. М. Шапошников кратко охарактеризовал положение на фронтах, затем слово взял Верховный Главнокомандующий:

— Немцы в растерянности от поражения под Москвой, они плохо подготовились к зиме. Сейчас самый подходящий момент для перехода в общее наступление...

Замысел Ставки был следующий: нанося главный удар на Западном направлении с намерением окружить и уничтожить основные силы группы армий "Центр", одновременно разгромить противника под Ленинградом, а на юге освободить Донбасс и Крым. Переходить в наступление предстояло без паузы, в максимально сжатые сроки.

Закончив выступление, Сталин предложил высказываться присутствующим. Возражения были у командующего Западным фронтом. Жуков вспоминал об этом совещании:

— "На Западном направлении, — доложил я, — где создались более благоприятные условия и противник еще не успел восстановить боеспособность своих частей, надо продолжать наступление. Но для успешного исхода дела необходимо пополнить войска личным составом, боевой техникой и усилить резервами, в первую очередь танковыми частями...

Что касается наступления наших войск под Ленинградом и на Юго-Западном направлении, то там наши войска стоят перед серьезной обороной противника. Без наличия мощных артиллерийских средств они не смогут прорвать оборону, сами измотаются и понесут большие, ничем не оправданные потери. Я за то, чтобы усилить фронты Западного направления и здесь вести более мощное наступление".

Но эти соображения Ставкой не были приняты во внимание. Последующие события показали, однако, что для обеспечения одновременного наступления всех фронтов требовались более значительные резервы и боевые средства. Ими, к сожалению, наша страна в то время не располагала.

23 февраля 1942 года по радио был зачитан приказ народного комиссара обороны по случаю очередной годовщины Красной Армии. В нем прозвучали слова, ставшие поистине историческими:

"Иногда болтают в иностранной печати, — писал Сталин, — что Красная Армия имеет своей целью истребить немецкий на- род и уничтожить Германское государство. Это, конечно, глупая брехня и неумная клевета на Красную Армию. У Красной Армии нет и не может быть таких идиотских целей. Красная Армия имеет своей целью изгнать немецких оккупантов из нашей страны и освободить советскую землю от немецко-фашистских захватчиков. Очень вероятно, что война за освобождение советской земли приведет к изгнанию или уничтожению клики Гитлера. Мы приветствовали бы подобный исход. Но было бы смешно отождествлять клику Гитлера с германским народом, с Германским государством..."

Далее следовали пророческие слова:

"Опыт истории говорит, что гитлеры приходят и уходят, а народ германский, а государство Германское — остается". (Выделено нами. — *Авт.)*

Эти слова, произнесенные в самый разгар жестокой битвы, дорого стоили. Ведь не только в Берлине, но и в Лондоне, и в Вашингтоне не верили в грядущую победу России. И вот тогда Сталин произнес слова, и вполне доброжелательные, не только о великом германском народе, но, по сути, и о сохранении германской государственности.

И такое прозвучало в пору, когда правители Великобритании и Соединенных Штатов вынашивали планы раздробления Германского государства и уже прямо приступили к уничтожению немецкого населения посредством террористических бомбардировок, поражавших жилые кварталы городов вместе с бесценными памятниками культуры. ...

* * *

Сталин внимательно следил за выпуском военной техники: каждое утро ему представляли сводку суточной сдачи самолетов, танков, орудий, боеприпасов. Поэтому, когда 20 февраля 1942 года завод, на котором находился Яковлев, сумел выпустить три “яка” за сутки, Сталин немедленно позвонил и поздравил, поблагодарил и коллектив завода, и его руководителей. Но в случаях промедления, неисполнения в срок решений Сталин был совсем иным. На одном из заводов в приволжском

городе станки в сентябре 1941 года устанавливались и запускались в цехах, над которыми еще не было крыш. В декабре этот завод выпустил первые три штурмовика Ил-2. Но серийное производство машин развертывалось медленно, завод выпускал ранее освоенный истребитель МиГ-3, хотя имелось постановление ГКО о прекращении выпуска этой марки истребителей. И вот директора заводов Шенкман и Третьяков получают телеграмму из ГКО:

"Вы подвели нашу страну и нашу Красную Армию тчк Вы не изволите до сих пор выпускать Ил-2 тчк Самолеты Ил-2 нужны нашей Красной Армии теперь как воздух зпт как хлеб тчк Шенкман дает по одному Ил-2 в день зпт а Третьяков дает МиГ-3 по одной зпт по две штуки тчк Это насмешка над страной зпт над Красной Армией тчк Нам нужны не МиГ зпт а Ил-2 тчк Если 18 завод думает отбрехнуться от страны зпт давая по одному Ил-2 в день зпт то жестоко ошибается и понесет за это кару тчк Прошу вас не выводить правительство из терпения и требую зпт чтобы выпускали побольше “илов” тчк Предупреждаю последний раз тчк Сталин".

Реально оценивая свои силы и средства, Верховный Главнокомандующий полагал, что весной 1942 года Красная Армия не сможет еще развернуть крупные наступательные операции. Поэтому он считал самым выгодным в ближайшие месяцы ограничиваться активной обороной, проводя, однако, частные фронтовые наступательные операции. Начальник Генштаба Шапошников твердо стоял на том, чтобы ограничиваться активной обороной, измотать и обескровить врага и лишь затем, накопив резервы, переходить к широким контрнаступательным действиям.

Но работа над планом кампании продолжалась — выдвигались и другие предложения. В частности, командующий Западным фронтом Жуков настойчиво предлагал нанести противнику мощные удары на западном стратегическом направлении с целью разгрома вяземско-ржевской группировки врага. В свою очередь, командование Юго-Западного направления предлагало провести в мае большую наступательную операцию силами Брянского, Юго-Западного и Южного фронтов.

Окончательный вариант плана действий был выработан в конце марта на совместных совещаниях ГКО и Ставки.

Вечером 27 марта 1942 года Главком Юго-Западного направления С.К. Тимошенко, член Военного совета направления Н.С. Хрущев и начальник оперативной группы направления И.Х. Баграмян были вызваны в Ставку. Докладывать должен был Баграмян. Он, до того не видавший Сталина вблизи, очень волновался, хотя все документы, карты и расчеты помнил наизусть. Дополнительной причиной для волнения было то, что обмундирование генерала оставляло желать лучшего.

Началось обсуждение доклада, и сразу же обнаружилось, что Ставка не может согласиться с масштабным наступлением, планируемым командованием Юго-Западного направления.

Сталин говорил:

—Если бы мы своевременно и в достаточном количестве могли выделить просимые вами резервы и вооружение, то предлагаемый вами план был бы приемлемым. Но вся наша беда в том, что в настоящий момент мы не располагаем резервами для такого большого усиления Юго-Западного направления.

Весь следующий день Тимошенко, Хрущев и Баграмян посвятили подготовке нового плана по овладению Харьковом и вечером доложили его Верховному Главнокомандующему. На этот раз

Баграмян поехал в Кремль в новом генеральском обмундировании: рано утром к нему явился закройщик — об этом позаботился Сталин, — и за день обмундирование сшили. Такая забота кое-что да значила...

Но и новый план не удовлетворил Ставку: требовалось чрезмерное количество сил и средств. Авторам плана было сказано, что примут только тот вариант наступления, в котором задача будет ограничена возвращением Харькова и не потребует крупных резервов.

Два следующих дня Тимошенко, Хрущев и Баграмян перерабатывали план. Вечером 30 марта они доложили его Ставке в присутствии членов Политбюро. Теперь план приняли. Шапошников, Василевский и Тимошенко уехали, а Хрущева и Баграмяна пригласили на квартиру Сталина.

Только сели за стол — сигнал воздушной тревоги; Сталин пренебрежительно махнул рукой:

—Никуда не пойду!

Но Молотов настойчиво, не терпящим возражения тоном, напомнил:

—Товарищ Сталин, есть решение Политбюро — его члены обязаны соблюдать элементарные требования безопасности.

Все спустились в бомбоубежище...

С начала мая 1942 года положение на южном участке советско-германского фронта стало резко ухудшаться. И, как всегда в таких случаях, именно в том месте, где менее всего это можно было ожидать.

Крымский фронт под командованием генерала Д. Т. Козлова в составе 47-й, 51-й и 44-й армий был сформирован в начале года с целью освобождения Крыма. В феврале — апреле его войска трижды пытались прорвать оборону противника, но успеха не добились. Перейдя к обороне, командование фронта сохраняло наступательную группировку войск, а на укрепление своих позиций внимания не обращало. Не приняло мер командование фронта и получив сведения о готовящемся наступлении противника. Такая беспечность, по-видимому, объяснялась тем, что войска Крымского фронта существенно превосходили

противника и в живой силе, и в технике. Не исправил ошибок командования фронта и начальник Главного политического управления Красной Армии армейский комиссар 1-го ранга Л. 3. Мехлис, находившийся в Крыму с марта в качестве представителя Ставки.

О Мехлисе стоит сказать несколько слов. Это был весьма своеобразный человек, и хотя оценки его персоны в мемуарах военачальников всегда выразительны, они не производят однозначного впечатления. В действиях этого человека, нередко бесцеремонных и грубых, проглядывала искренняя преданность делу и своеобразная принципиальность, что, вероятно, и учитывал Сталин, назначая Мехлиса на важные посты.

Когда 8 мая 1942 года фашистские войска нанесли удар по левофланговой 44-й армии Крымского фронта, ни командование его, ни представитель Ставки не приняли реальных мер для исправления положения, резко обострившегося уже к середине этого дня. В тот же день Мехлис в телеграмме Верховному Главнокомандующему обвинял командование фронта чуть ли не во всех смертных грехах и пытался уклониться от ответственности за происходящее.

Сталин сразу это понял и телеграфировал в ответ: "Вы держитесь странной позиции постороннего наблюдателя, не отвечающего за дела Крымфронта. Эта позиция очень удобна, но она насквозь гнилая. На Крымском фронте Вы - не посторонний наблюдатель...

Вы требуете, чтобы мы заменили Козлова кем-либо вроде Гинденбурга. Но Вы не можете не знать, что у нас нет в резерве гинденбургов. Дела у вас в Крыму несложные, и Вы могли бы сами справиться с ними. Если бы Вы использовали штурмовую авиацию не на побочные дела, а против танков и живой силы противника, противник не прорвал бы фронта и танки не прошли бы. Не нужно быть Гинденбургом, чтобы понять эту простую вещь, сидя два месяца на Крымфронте".

Специалисты указывают, что это был первый документ, в котором определялись обязанности представителя Ставки и мера его ответственности. Подчеркнем спокойный тон телеграммы, который, как представляется, мало соответствовал моменту.

Командование фронта потеряло управление, не выполнило своевременно указание Ставки об отводе войск на линию Турецкого вала и не смогло правильно организовать отход.

Ставка строго взыскала с виновных. Мехлис был снят с поста заместителя наркома обороны и начальника Главного политнческого управления и понижен в звании на две степени — до корпусного комиссара. Больше его уже не посылали представителем Ставки. Д.Т. Козлов и член Военного совета Ф.А. Шаманин также были сняты с постов и понижены в звании. Подобные наказания получили и несколько других генералов. Повторяем, наказание было суровым, но оно все же не шло в сравне-

ние с карой, постигшей Д. Г. Павлова и его штаб в начале войны. Видимо, Сталин теперь учитывал и другие обстоятельства, находившиеся вне пределов воли и воздействия Ставки и подчиненных ей командиров всех степеней.

По крайней мере тот же самый подход обнаружила Ставка и при рассмотрении итогов неудачной для нее Харьковской операции.

12 мая, то есть в разгар уже известных читателю событий в Крыму, войска Юго-Западного фронта начали наступление, и поначалу довольно удачно: за три дня из района Волчанска наши войска продвинулись на 18 — 25 километров, а от Барвенковского выступа — на 25 — 50 километров. Однако в ближайшие дни ситуация изменилась, и не в пользу наших войск. Дело в том, что именно на этом участке фронта концентрировались войска ударной группировки врага, и 18 мая они должны были начать наступление. Угроза советских войск побудила фашистское командование начать его 17 мая, и сразу же наши войска оказались в угрожающем положении.

Есть свидетельство Жукова, присутствовавшего при разговоре Сталина с командующим фронтом Тимошенко в этот день. Верховный Главнокомандующий обращал внимание собеседника на угрозу со стороны краматорской группировки. Тимошенко, видимо, не принял это предупреждение к сведению.

Только во второй половине дня 19 мая Тимошенко отдал приказ перейти к обороне и отразить удар врага. Но было уже поздно. 23 мая в районе Балаклеи кольцо окружения вокруг войск, действовавших на Барвенковском выступе, сомкнулось. До 29 мая войска вели бои в окружении, попытки деблокировать их большого успеха не имели. Советские войска потерпели поражение, сравнимое и по размерам, и по последствиям с неудачами в сентябре 1941 года под Киевом и в октябре того же года под Вязьмой. Так крайне неудачно началась для наших войск летняя кампания 1942 года. Стратегическая инициатива вновь перешла на сторону фашистского командования.

Неудача под Харьковом оказалась весьма чувствительной для всего южного крыла нашего фронта. В конце мая с просьбой подкрепить силы фронта резервами в Москву прибыли Н.С. Хрущев и И. Х. Баграмян. Генерал Баграмян вспоминал, что на этот раз он не ждал ничего хорошего от встречи с Верховным. Но ошибся.

"И.В. Сталин в присутствии других членов ГКО принял нас незамедлительно, внимательно выслушал, провел с нашим участием обсуждение сложившегося на южном крыле советско-германского фронта трудного положения.

В отличие от других участников этого обсуждения, И.В. Сталин был спокоен, сдержан. Видно было, что все его мысли поглощены одним настойчивым желанием — предотвратить даль-

нейшее ухудшение обстановки на юге, помочь нашим войскам во что бы то ни стало отстоять занимаемые рубежи...

Мне представляется, что самообладание, исключавшее всякую нервозность и неуверенность в руководстве боевыми действиями войск в ходе войны, было одной из самых примечательных черт Сталина и благотворно отражалось на его деятельности.

Тем временем фашистское командование заканчивало подготовку наступления на южном участке фронта. В ночь на 20 июня с Юго-Западного фронта в Генштаб сообщили, что захвачены важные оперативные документы гитлеровцев: самолет с фашистскими офицерами потерял из-за плохой погоды ориентировку и был сбит над нашим расположением. Тимошенко утверждал, что документы позволяли вскрыть замыслы крупной наступательной операции против Юго-Западного фронта. Василевский немедленно доложил Верховному Главнокомандующему. Сталин засомневался: а вдруг документы сфабрикованы фашистами специально, чтобы ввести в заблуждение советское командование. Но Тимошенко твердо заявил: документы не вызывают сомнений.

Ставка принимает меры, обеспечивающие стык Юго-Западного и Брянского фронтов, — и требует, чтобы авиация действовала активнее. Тимошенко не удержался от искушения попросить: "Было бы хорошо, если бы в районе Короча можно было бы от Вас получить одну стрелковую дивизию. Остальное все, изложенное Вами, устраивает нас, будем выполнять". Сталин отвечал: "Если бы дивизии продавались на рынке, я бы купил для Вас 5 — 6 дивизий, а их, к сожалению, не продают".

Противник начал наступление 28 июня. Прорвав оборону Брянского и Юго-Западного фронтов в полосе шириною около 300 километров, противник продвинулся в глубину на 150 — 170 километров, форсировал Дон и ворвался в Воронеж. События, приобретавшие грозный характер, развивались стремительно.

5 июля Василевский возвратился в Москву и доложил Верховному Главнокомандующему об обстановке. 7 июля было решено разделить Брянский фронт на два: Брянский и Воронежский. Поначалу ими командовали соответственно генералы Н.Е. Чибисов и Ф.И. Голиков. Но вскоре произошла смена командования. А.М. Василевский вспоминал, как он и Н.Ф. Ватутин называли кандидатов, а Верховный Главнокомандующий вслух обсуждал их. Командующего Брянским фронтом подобрали быстро — К.К. Рокоссовского. Сталин знал его уже хорошо как командующего 16-й армией. Кандидата на Воронежский фронт найти было сложнее: кандидатуры нескольких генералов Сталин отвел. И вдруг Н.Ф. Ватутин сказал:

— Товарищ Сталин! Назначьте меня командующим Воронежским фронтом.

— Вас? — Сталин не ожидал такого предложения, но Василевский поддержал своего подчиненного.

—Ладно, — подумав, согласился Сталин. — Если товарищ Василевский не возражает, то я согласен.

Обе кандидатуры были удачными, и на постах командующих фронтами Ватутин и Рокоссовский оказали немалые услуги нашему Отечеству.

Ставка не только вдумчиво выбирала кандидатов на столь важные посты, но и внимательно следила за их работой, не стесняясь наставлять, когда это требовалось. Рокоссовский вспоминал, как спустя несколько недель докладывал Верховному Главнокомандующему о положении дел на фронте:

"Кончив дела, я хотел подняться, но Сталин сказал:

—Подождите, посидите.

Он позвонил Поскребышеву и попросил пригласить к нему генерала, только что отстраненного от командования фронтом. Далее произошел такой диалог:

— Вы жалуетесь, что мы несправедливо вас наказали?

— Да. Дело в том, что мне мешал командовать представитель центра.

— Чем же он вам мешал?

Он вмешивался в мои распоряжения, устраивал совещания, когда нужно было действовать, а не совещаться, давал противоречивые указания... Вообще подменял командующего.

— Так. Значит, он вам мешал. Но командовали фронтом вы?

— Да, я...

— Это вам партия и правительство доверили фронт... ВЧ увас было?

— Было.

— Почему же не доложили хотя бы раз, что вам мешают командовать?

— Не осмелился жаловаться на вашего представителя.

— Вот за то, что не осмелились снять трубку и позвонить, а в результате провалили операцию, мы вас и наказали..."

В полдень 9 июля Сталин лично разговаривал с Тимошенко по телефону. Из доклада маршала стало очевидным, что над советскими войсками на юге нависла огромная опасность. В полной мере теперь была ясна и направленность действий фашистского командования: враг стремился выйти к Сталинграду и на Северный Кавказ, отсечь все наши войска на юге.

Ставка решила образовать новый фронт — Сталинградский.Начиналась великая битва на Волге.

* * *

На рассвете 20 июля первого секретаря Сталинградского обкома ВКП(б) А. С. Чуянова вызвала к телефону Москва:

— С вами будет говорить товарищ Сталин.

Начался разговор крайне неприятно для Чуянова:

—Вы что, решили сдавать город врагу? — без предисловий начал Сталин. — Почему переводите военный округ в Астрахань?

Чуянов отвечал, что такое разрешение было получено от Е. А. Щаденко — заместителя наркома обороны.

Мы тут разберемся и виновных строго накажем. Вы, товарищ Чуянов, сию же минуту разыщите командующего округом и передайте ему, что если завтра штаб не возвратится в город, то и генерал Герасименко будет строго наказан. Вы меня поняли?

Да, товарищ Сталин, немедленно передам все Герасименко.

Сталин успокоился и стал расспрашивать о положении в городе, о работе заводов, об организации противовоздушной обороны. Завершая разговор, сказал:

—Государственный комитет обороны обязывает вас беспощадно бороться с трусами, паникерами, которые подрывают дело обороны. Поднимите дух населения.

И закончил:

—Передайте всем, Сталинград мы врагу не сдадим...

В те дни Сталин лично занимался подготовкой знаменитого приказа № 227. Это была чрезвычайная мера, Верховное Главнокомандование пошло на нее только в силу исключительных обстоятельств. Приказ этот имел огромное значение, и все участники Великой Отечественной войны едины в его оценке.

"После потери Украины, Белоруссии, Прибалтики, Донбасса и других областей у нас стало намного меньше людей, хлеба, металла, заводов, фабрик. Мы потеряли более 70 миллионов населения, более 800 миллионов пудов хлеба в год и более 10 миллионов тонн металла в год. У нас нет уже теперь преобладания над немцами ни в людских резервах, ни в запасах хлеба. Отступать дальше — значит загубить себя и загубить вместе с тем нашу Родину. Каждый новый клочок оставленной нами территории будет всемерно усиливать врага и всемерно ослаблять нашу оборону, нашу Родину.

Поэтому надо в корне пресекать разговоры о том, что мы имеем возможность без конца отступать, что у нас много территории, страна наша велика и богата, населения много, хлеба всегда будет в избытке. Такие разговоры являются лживыми и вредными, они ослабляют нас и усиливают врага, ибо если не прекратим отступление, останемся без хлеба, без топлива, без сырья, без фабрик и заводов, без железных дорог.

Из этого следует, что пора кончить отступление.

Ни шагу назад! Таким теперь должен быть наш главный призыв".

Повторяем — все источники свидетельствуют: моральное воздействие приказа № 227 на войска было огромным. Командиры и политработники сделали все, чтобы приказ был осознан

каждым бойцом, каждым подразделением. Воздействие приказа № 227 — один из наиболее убедительных примеров роли морального фактора в современной войне.

Гитлеровцы намеревались захватить Сталинград к 25 июля. Генерал Паулюс к 30 июля ввел в дело почти все силы 6-й армии, но достичь прорыва к Сталинграду не удавалось. Фашисты временно перешли к обороне, перегруппировали войска. Но и после этого легкого броска к Волге не получалось. Правда, в период с 5 по 10 августа фашистам удалось выйти к внешнему оборонительному обводу Сталинградской обороны, но план гитлеровского командования — прорваться к Сталинграду одним стремительным броском — был сорван благодаря упорному сопротивлению советских войск. Фашистские генералы должны были считаться с тем, что и за сам город борьба предстоит не менее упорная.

Сталинградский фронт растянулся в ширину до 800 километров, и 5 августа Ставка решила разделить его на два: Сталинградский и Юго-Восточный. Последним стал командовать А. И. Еременко, а Сталинградским — В. Н. Гордов.

В начале 1942 года генерал-полковник Еременко был тяжело ранен второй раз за войну и находился на излечении. После рапорта Верховному Главнокомандующему в начале августа Еременко вызвали в Ставку. В рабочем кабинете Сталина присутствовали несколько членов ГКО. Сталин внимательно разглядывал докладывающего генерала:

— Так, значит, вы считаете, что поправились?

— Так точно, подлечился.

— Да, но товарищ Еременко хромает, видно, рана дает себя знать, — заметил кто-то из присутствующих.

— Прошу не беспокоиться, — заверил генерал, — я здоров.

— Ну что же, будем считать товарища Еременко возвратившимся в строй, - решил вопрос Сталин. — Перейдем к делу.

Началось совещание. Еременко запомнилось, что Сталин, оказавшийся рядом с ним, когда они рассматривали карту, вдруг потрогал две золотые полоски на кителе генерала:

—А правильно, что мы ввели знаки ранения. Наш народ должен знать тех, кто пролил кровь на защите Отечества...

В этот и последующий день Еременко в Генштабе ввели в курс событий, а затем он вылетел на юг.

У Верховного Главнокомандующего в тот период было и еще одно важное дело: встреча высокого гостя из Великобритании.

В мае — июне 1942 года нарком иностранных дел В. М. Молотов вел переговоры в Лондоне и Вашингтоне и подписал соответствующие договоры. В обеих столицах советского дипломата заверили, и в весьма определенной форме, что второй фронт в Европе будет открыт уже в 1942 году. В опубликованных коммюнике о переговорах на этот счет имелись совершенно недвусмысленные фразы. Но союзники, и в особенности

правительство Великобритании, не вели подготовки к этому достаточно сложному военному делу и не намеревались предпринимать высадку войск на Европейском континенте.

12 августа 1942 года сэр Уинстон Черчилль прибыл в Москву.

Лететь ему пришлось кружным путем: через Атлантику, Африку, Каир, Тегеран, над Каспием, вдоль Волги — забирая все время восточнее, подальше от фашистской авиации. Настроение у британского премьера в полете было скверным, в своих мемуарах он писал:

"Я размышлял о моей миссии в это угрюмое, зловещее большевистское государство, которое я когда-то так настойчиво пытался задушить при его рождении и которое вплоть до появления Гитлера я считал смертельным врагом цивилизованной свободы. Что должен был я сказать теперь им? Генерал Уэйвелл, у которого были литературные наклонности, суммировал все это в стихотворении. В нем было несколько четверостиший, и последняя строчка каждого из них звучала: "Не будет второго фронта в 1942 году". Это было все равно, что везти большой кусок льда на Северный полюс".

С такими намерениями трудно, конечно, рассчитывать на теплый прием. На Центральном аэродроме гостей ждали Молотов и Шапошников. Церемония встречи была выдержана по всем правилам — исполнение национальных гимнов, обход почетного караула, — но атмосфера царила сугубо официальная.

Сохранившаяся кинохроника запечатлела, как пристально всматривался Черчилль в лица советских солдат, обходя почетный караул. Что хотел он увидеть в этих лицах?.. Загородная дача в Кунцеве гостю очень понравилась, но отдыхать он отказался: в свои шестьдесят восемь лет британский премьер был на удивление активен и неутомим.

Вечером Черчилль и прилетевший с ним представитель президента США Гарриман встретились со Сталиным, Молотовым и Ворошиловым. Черчилль, несомненно, волновался: его выдавали как излишняя суетливость, так и уверения в необычайной радости по случаю прибытия в Москву. Сталин же был само спокойствие.

Хозяин сел в торце длинного стола, Черчилль — справа от него, Гарриман — слева. На столе — коробки с папиросами и сигаретами, бутылки с "боржоми" и стаканы. В руке у Сталина — разноцветные карандаши, он собирает их раз за разом в пучок: это своеобразное упражнение для левой, больной руки.

С самого начала беседа приобрела напряженный, а по временам даже и слишком острый характер. Черчиллю приходилось нелегко, так как, во-первых, он был вынужден под любыми предлогами, частично и надуманными, объяснить, почему же союзники считают невозможной высадку в Северной Франции и тем самым отказываются помочь Красной Армии, несущей основную тяжесть схватки с вермахтом. Разговор на эту

тему был Черчиллю "крайне неприятен", по его собственному признанию в мемуарах. Во-вторых, основной его собеседник — Сталин — явно превосходил английского премьера по многим измерениям. После этого дискуссия еще более обострилась. Сталин несколько раз повторил, что Советское правительство не может принять заявление Черчилля. С большим достоинством глава Советского правительства заявил: он не может согласиться с аргументами Черчилля, хотя и понимает, что не в состоянии заставить британское правительство поступить иначе.

Чтобы изменить неприятную тему разговора, Черчилль попытался убедить своих партнеров по переговорам, что планируемая союзным командованием высадка войск в Северной Африке (операция "Факел") может решающим образом сказаться на положении в Европе, а потому нет необходимости высаживаться во Франции. Взяв со стола лист бумаги, Черчилль нарисовал на нем контур Европы в виде крокодила, который грозил проглотить Британские острова. Показав рисунок Сталину, он объяснил:

—Я хотел бы нанести удар по мягкому подбрюшию, — и указал на район Средиземного моря...

Тут же Черчилль просил, чтобы план операции "Факел" сохранялся в тайне, на что Сталин, усмехнувшись, заметил:

—Будем надеяться, что об этом плане ничего не будет в английской прессе.

Тем не менее глава Советского правительства терпеливо и заинтересованно выслушал сообщение об операции в Северной Африке и задал ряд вопросов. Доброжелательность его шла настолько далеко, что, по воспоминаниям и Черчилля, и Гарримана, он промолвил:

—Ну что же, Бог в помощь!

Упоминание Бога весьма поразило англо-американских гостей, не знавших или забывших, что перед ними как-никак бывший семинарист.

Еще больше Черчилль поразился тому, с какой глубиной и точностью Сталин тут же охарактеризовал преимущества, достигаемые союзниками по завершении операции "Факел": "На меня эта замечательная формулировка произвела глубокое впечатление. Она показывала, что русский диктатор быстро и полностью овладел проблемой, до тех пор ему незнакомой. Очень немногие люди могли бы постичь в несколько минут аргументы, над которыми мы все ломали головы в течение месяцев. Он понял все в мгновенье ока".

На следующий день, в восемь вечера, в Екатерининском зале Кремлевского дворца был дан обед. Сталин принимал гостей, к их удивлению, в великолепном настроении, был любезен и даже дружелюбен. Черчилль поначалу не мог отделаться от вчерашних впечатлений, но гостеприимство хозяина и, не в последнюю очередь, хорошие напитки (в них английский премьер

знал толк) привели и его в чудесное настроение. Сталин же, как отметил Черчилль, пил очень мало.

Беседа в этот раз была просто дружеской и касалась самых разных сюжетов. Среди прочего Сталин вспомнил о визите в Москву в 30-х годах леди Астор. Сталин сказал, что леди Астор уверяла его, будто Черчилль никогда не сможет больше играть какую-либо роль в политике Англии.

—Я был иного мнения, — рассказывал Сталин, — и сказал леди Астор, что в случае военного кризиса Черчилль станет премьер-министром...

Черчилль поблагодарил и тут же добавил:

—Я должен признать, что далеко не всегда относился дружелюбно к Советскому Союзу и был очень активен во время интервенции.

Черчилль вспоминал, что Сталин "улыбнулся дружелюбно" и ответил:

Я это знаю. Уж в чем вам нельзя отказать, так это в последовательности вашей оппозиции к советскому строю.

Можете ли вы простить мне это? — Черчилль играл в открытую.

Сталин помолчал и, посмотрев пристально в глаза собеседника, сказал:

—Все это уже в прошлом. Да и не мое дело прощать — пусть вас Бог простит. А в конце концов нас должна рассудить история.

Зашла речь и о предупреждении, которое Черчилль сделал в апреле 1941 года. Когда Сталину тут же перевели телеграмму, он пожал плечами:

—Я помню ее. Меня не нужно было предупреждать. Я знал,что война будет, но думал, что сумею выиграть полгода или больше...

Перегруппировав и пополнив свои соединения и части, фашистские 6-я и 4-я танковая армии возобновили наступление на Сталинград. 23 августа фашистским танкам удалось прорваться севернее Сталинграда к Волге.

ГКО и Ставка все время направляли под Сталинград новые дивизии, технику, боеприпасы, горючее. 26 августа ГКО решил командировать в район Сталинграда Г. К. Жукова, только что назначенного на специально учрежденный пост заместителя Верховного Главнокомандующего.

27 августа Сталин вызвал Жукова в Москву, не сообщая ему о новом назначении: по телефону Верховный Главнокомандующий предпочитал говорить только о том, что абсолютно необходимо. От подчиненных он также требовал предельной осторожности в телефонных разговорах.

—Обстановка там крайне тяжелая, — говорил Сталин, — и Ставка приказала срочно перебросить в район Лозное 1-ю гвардейскую армию под командованием Москаленко, с тем чтобы с

утра 2 сентября она нанесла удар по прорвавшейся к Волге группировке немцев и соединилась с 62-й армией. В состав Сталинградского фронта мы передаем также 66-ю армию Малиновского и 24-ю Козлова. Вы должны организовать контрудар. Прибывающие войска вводите в бой немедленно, иначе есть угроза потери Сталинграда.

29 августа Жуков был уже в штабе Сталинградского фронта...

В августе 1942 года крайне напряженным было положение и на Северном Кавказе. Гитлеровцы рвались в Закавказье и, что скрывать, были очень недалеки от него. За три недели боев (с 25 июня по 17 августа) противник вынудил войска Северо-Кавказского фронта отойти от Дона к предгорьям северозападной части Главного Кавказского хребта. Отступление не всегда проходило организованно и с разрешения командования.

13 сентября гитлеровцы начали наступление на центральную часть Сталинграда. Они предвкушали близкую победу...

В этот же день в Кремле состоялся примечательный разговор, непосредственно отразившийся на итоге сражения под Сталинградом. Накануне, 12 сентября, генерал Жуков возвратился в Москву и был вместе с Василевским вызван в Кремль. Начальник Генштаба доложил о сражении в районе Новороссийска, о боях на Грозненском направлении. Сталин подвел итог:

—К нефти рвутся. А что скажет Жуков о Сталинграде?Жуков рассказал о боях к северу от города.

Сталин спросил:

Что нужно, чтобы Сталинградский фронт ликвидировал ,наконец коридор немцев и соединился с Юго-Восточным фронтом?

Не менее одной полнокровной общевойсковой армии,танковый корпус, три танковые бригады и как минимум четыреста стволов гаубичной артиллерии. Представляется необходимым также дополнительно привлечь авиационную армию...

Начальник Генштаба поддержал Жукова. Сталин вытащил имевшуюся у него специальную карту, где было обозначено расположение резервов Ставки, и занялся ее изучением. Жуков и Василевский отошли к окну и очень тихо продолжали обсуждать положение. Они сошлись на мнении, что под Сталинградом надо искать какое-то иное решение. Слух у Сталина оказался очень острым, внезапно он поднял голову от карты:

—Какое же "иное" решение? — И когда генералы подошли к столу, продолжал: — Подумайте хорошенько, прикиньте наши возможности и решите, что делать. Завтра в девять часов вечера приезжайте ко мне.

Весь день 13 сентября Жуков и Василевский работали в Генштабе. Перебрав возможные варианты, они решили предложить Верховному Главнокомандующему, во-первых, активной обороной продолжать изматывать противника и, во-вторых,

приступить немедленно к подготовке мощного контрнаступления, с тем чтобы нанести противнику под Сталинградом сокрушительный удар, резко меняющий обстановку на юге страны в пользу Красной Армии.

Как показали последующие события, это решение оказалось удачным, поскольку оно было глубоко продумано и основано на всесторонней оценке сложившейся обстановки, наличия сил и средств сражающихся сторон. Советское Верховное Главнокомандование понимало, что планы противника в летней кампании 1942 года, несмотря на достижение фашистскими войсками Сталинграда и прорыв на Северный Кавказ, остались невыполненными. Более того, в середине сентября становилось очевидным, что все свои основные ресурсы фашистское командование уже использовало и крупными резервами на юге не располагает.

В девять вечера 13 сентября Сталин был занят и принял генералов в двадцать два ноль-ноль.

Георгий Жуков рассказывал:

"Поздоровавшись, он возмущенно сказал:

—Десятки, сотни тысяч советских людей отдают свою жизнь в борьбе с фашизмом, а Черчилль торгуется из-за двух десятков"харикейнов". А их "харикейны" — дрянь, наши летчики не любят эту машину... — И затем совершенно спокойным тоном без всякого перехода продолжал: — Ну, что надумали? Кто будет

докладывать?

—Кому прикажете, — ответил Александр Михайлович, —мнение у нас одно.

Верховный подошел к нашей карте.

—Это что у вас?..

Я доложил, что, по нашим подсчетам, через 45 дней операцию можно обеспечить необходимыми силами и средствами и хорошо ее подготовить.

—А не лучше ли ограничиться ударом с севера на юг и с юга на север вдоль Дона? — спросил И.В. Сталин.

Я сказал, что в этом случае немцы могут быстро повернуть из-под Сталинграда свои бронетанковые дивизии и парировать наши удары. Удар же наших войск западнее Дона не даст возможности противнику из-за речной преграды быстро сманеврировать и своими резервами выйти навстречу нашим группировкам.

—А не далеко ли замахнулись ударными группировками?Мы с Александром Михайловичем объяснили, что операция

делится на два основных этапа: 1) прорыв обороны, окружение Сталинградской группировки немецких войск и создание прочного внешнего фронта, чтобы изолировать эту группировку от внешних сил; 2) уничтожение окруженного противника и пресечение попыток противника деблокироваться.

—Над планом надо еще подумать и подсчитать наши ресурсы, — сказал Верховный. — А сейчас главная задача — удержатьСталинград и не допустить продвижения противника в сторону Камышина..."

Две недели, с 13 по 26 сентября, беспрерывно, атаковали немецко-фашистские войска в Сталинграде, но цели своей не достигли. Все, чего они сумели добиться ценой тяжелых потерь — потеснить войска 62-й армии и ворваться в центр города, а на стыке 62-й и 64-й армий — выйти к Волге. Наши войска несли немалые потери, но стояли твердо.

В двадцатых числах сентября 1942 года Жуков и Василевский возвратились в Москву и вновь обсуждали со Сталиным положение под Сталинградом и первоначальный план контрнаступления. Верховный приказал:

—Вам, товарищи, следует возвратиться на фронт. Необходимо еще более измотать, обессилить противника. Еще раз, и очень внимательно, изучите районы сосредоточения резервов и исходные районы наступления фронтов...

Вновь генералы уехали на фронт, вновь, не открывая своих намерений, изучали обстановку. Возвратившись после этого в Москву, они составили карту-план контрнаступления, подписали ее: "Г. Жуков, А. Василевский". Верховный Главнокомандующий, тщательно рассмотрев ее, надписал: "Утверждаю. И. Сталин".

Лишь после этого детальная разработка плана была передана генштабистам. К делу были привлечены командующие родами войск, начальник Тыла Красной Армии, начальник Главного артиллерийского управления. Круг посвященных в тайну расширялся — в начале октября в работу включились командующие войсками и штабы фронтов. Но секретность строго соблюдалась: от командующих фронтами, к примеру, потребовали подготовить предложения по использованию сил фронта в совместной наступательной операции "Уран", не раскрывая всего замысла в целом.

Бои в Сталинграде не прекращались. В первые дни октября 62-я армия оборонялась на фронте протяженностью двадцать пять километров и глубиною от двух с половиной километров до двухсот метров. На этой узкой прибрежной полосе, насквозь просматриваемой и простреливаемой, держаться было невероятно, неописуемо трудно — и все же советские солдаты держались. И не только оборонялись — постоянно контратаковали врага!

Утром 13 ноября Жуков и Василевский на совместном заседании Политбюро, ГКО и Ставки докладывали о состоянии подготовки фронтов к предстоящему наступлению. Выводы их вкратце были таковы: группировка противника остается прежней, главные силы врага находятся под Сталинградом, а фланги защищают малоустойчивые и ненадежные румынские войска.

Силы сторон под Сталинградом примерно равны, но на направлениях главных ударов нам удалось сконцентрировать мощные группировки, что позволяет рассчитывать на крупный успех.

Жуков вспоминал, что Верховный слушал доклад в этот раз особо внимательно, не перебивал, расхаживал по кабинету очень спокойно, поглаживал усы и раскуривал трубку с довольным видом. Присутствовавшие задали несколько вопросов, и план наступления был утвержден. Юго-Западный и Донской фронты должны были начать его 19 ноября, а Сталинградский — 20 ноября.

В семь часов тридцать минут 19 ноября 1942 года на Юго-Западном и Донском фронтах началась мощная артиллерийская подготовка. В этот же день наши войска прорвали оборону противника и танковые соединения вышли на оперативный простор. Столь же успешно начали наступление 20 ноября войска Сталинградского фронта. Действуя решительно и искусно, советские войска 23 ноября сомкнули кольцо вокруг группировки гитлеровцев. Это было первое крупное окружение, в которое попали немецко-фашистские войска во второй мировой войне.

В начале декабря войска Донского и Сталинградского фронтов попытались еще раз уничтожить группировку Паулюса. Но противник оказал упорное, организованное и умелое сопротивление.

Василевский позднее признавал, что при организации наступления им были допущены ошибки и Верховный Главнокомандующий не замедлил указать на них.

К 12 декабря гитлеровскому командованию наконец удалось создать ударную группировку для деблокады 6-й армии Паулюса. Рано утром из района Котельникова в общем направлении на северо-восток начали наступление танковые дивизии фельдмаршала фон Манштейна, и сразу же возникла реальная опасность прорыва внешнего фронта окружения.

Вечером в штабе Донского фронта Василевский, встревоженный событиями в районе Котельникова, долго не мог добиться связи со Ставкой. Рокоссовскому и Малиновскому он сообщил, что будет просить Верховного Главнокомандующего направить соединения 2-й гвардейской армии к югу от Сталинграда, чтобы встретить Манштейна достойно. Это предложение вызвало возражения командующего Донским фронтом. Наконец дали связь со Ставкой.

Василевский доложил о начавшемся наступлении врага и необходимости срочных мер по ликвидации опасности прорыва внешнего кольца.

— Прошу вашего разрешения немедленно начать переброску прибывающих частей 2-й гвардейской армии, с тем чтобы, развернув ее на реке Мышкова, остановить противника. Когда же мы его разгромим, можно подумать и о Паулюсе. Он от нас не

уйдет. Операцию по разгрому его группировки считаю необходимым отложить.

Это предложение поначалу вызвало возражение Верховного Главнокомандующего.

—Вы и так уж слишком возитесь с Паулюсом. Пора с ним кончать. И вообще вы постоянно просите резервы у Ставки, причем для тех направлений, за которые отвечаете. — Сталин явно сердился. — Рокоссовский рядом с вами? Передайте ему трубку.

Рокоссовский взял трубку.

Как вы относитесь к предложению Василевского? — услышал он характерный голос Верховного Главнокомандующего.

Отрицательно, товарищ Сталин.

Что же вы предлагаете?

Я думаю, следует сначала разделаться с окруженной группировкой и использовать для этого армию Малиновского.

А если немцы прорвутся?

—В этом случае можно будет повернуть против них 21-юармию.

Сталин немного помолчал.

—Да, ваш вариант смел... — возобновил он разговор, — но он рискован. Передайте трубку Василевскому.

Несколько минут Василевский слушал то, что ему говорил Сталин, а затем вновь стал доказывать необходимость передачи армии Малиновского в состав Сталинградского фронта.

Еременко сомневается в возможности отразить наступление врага теми силами, которые есть у него. — Мгновение Василевский молчал, затем промолвил: — Да, товарищ Сталин. —И вновь протянул трубку Рокоссовскому.

Товарищ Рокоссовский, ваше предложение действительно очень смело. Но риск чересчур велик. Мы здесь, в Государственном комитете обороны, сейчас все рассмотрим, все "за" и "против". Но, видимо, с армией Малиновского вам придется расстаться.

В таком случае, товарищ Сталин, войска Донского фронта не смогут наступать успешно против Паулюса. Я прошу вас тогда отложить операцию.

Сталин чуть подумал и произнес решительно:

—Хорошо. Временно приостановите операцию. Мы вас подкрепим людьми и техникой.

В то время как войска Юго-Западного фронта громили итальянские и румынские дивизии на Среднем Дону, на реке Мышкова была остановлена группировка Манштейна. Соединения 2-й гвардейской армии спешили на выручку войскам 51й армии, изнемогавшим под натиском вражеских танков. В сильный мороз и метель, двигаясь по ночам, гвардейцы в короткий срок прошли по степи сто семьдесят — двести километров, на рубеже реки Мышкова остановили врага, а с 24 декабря

развернули наступление на Котельниковский. Судьба армии Паулюса была решена.

При подготовке операции "Кольцо" Воронов и Рокоссовский пришли к выводу о возможности предъявления окруженной группировке врага ультиматума. В Ставке предложение понравилось, и 5 января текст ультиматума был отправлен для утверждения в Москву. Получив документ, Сталин сразу же позвонил Воронову, сообщил, что документ будет рассмотрен ГКО, и тут же задал вопрос:

—Почему не сказано, кому адресуется ультиматум?

Текст ультиматума в ГКО был существенно отредактирован. Не может быть сомнений, что рука Сталина поработала и здесь. 8 января парламентеры — майор А. М. Смыслов и капитан Н. Д. Дятленко сделали попытку вручить ультиматум, но командование окруженной вражеской группировки его отвергло. Когда Воронов доложил об этом в Ставку, его спросили:

Что вы собираетесь делать?

Сейчас все проверим, а завтра начнем работу.

Желаю успеха, — сказал Сталин.

Утром 10 января 1943 года войска Донского фронта начали мощную артиллерийскую подготовку — вражеская группировка была обречена.

Военные ордена, Названные именами великих русских полководцев — Суворова, Кутузова и Александра Невского, — были учреждены Президиумом Верховного Совета СССР 29 июля 1942 года для награждения командного состава Красной Армии за выдающиеся успехи в управлении войсками. Они наглядно показывали взаимосвязь и преемственность лучших традиций русской армии и Советских Вооруженных Сил. Ордена Суворова и Кутузова имеют три степени.

Верховный Главнокомандующий чрезвычайно серьезно, даже придирчиво, отнесся к разработке статутов да и самого внешнего вида полководческих орденов. Он помногу раз смотрел эскизы, представленные различными художниками, и отверг не один из них. Точно так же разборчив был он и при награждении этими орденами. Первое награждение полководческим орденом состоялось 5 ноября

1942 года — орденом Александра Невского был награжден командир батальона морских пехотинцев, сражавшихся под Сталинградом, старший лейтенант И. Н. Рубан.

17 января 1943 года был опубликован приказ о введении новой формы и, что самое главное, — погон. Эта мера являлась продолжением действий Советского правительства по укреплению авторитета командного состава армии. Верховный Главнокомандующий уже с осени 1942 года неоднократно советовался с командующими фронтами и другими военачальниками Красной Армии о введении погон. Мнения были различные. Буденный, к примеру, возражал:

—Погоны? Как это понять? Мы в свое время кричали"Долой золотопогонников", а теперь сами будем носить такие погоны?..

Но большинство военачальников высказывалось в пользу введения новых знаков различия, которые сразу же выделяли командиров, делали их заметными в общей массе.

В начале октября 1942 года Сталин советовался по этому поводу с Жуковым и Василевским, только что возвратившимися из-под Сталинграда. В соседней комнате члены Политбюро и военачальники смотрели образцы погон. Н. Н. Воронов вспоминал, что на итоговом заседании по этому вопросу "за" проголосовали все. Даже Е.А. Щаденко (начальник Главного управления по формированиям), до этого упорно сомневавшийся в целесообразности введения погон, вдруг громко объявил:

—Я за! — и под смех присутствующих поднял обе руки. Но Верховный Главнокомандующий не торопился, он несколько раз придирчиво рассматривал образцы погон и вносил поправки. Видимо, он не мог прийти к твердому решению.

Тем временем была проделана немалая и кропотливая подготовка ко введению новых знаков различия, и в первых числах января 1943 года генерал Хрулев, приехав по текущим делам в Кремль, стал просить наркома обороны разрешить вопрос о погонах. Сталин с оттенком упрека спросил:

— Почему вы на этом настаиваете?

— Мы начали это делать по вашему указанию, товарищ Сталин, — отвечал Хрулев, — и сейчас нам необходимо определенное решение, каким бы оно ни было. Важно, чтобы оно было окончательным.

Сталин решил еще раз посмотреть образцы. Через пятнадцать минут главный интендант генерал-полковник П.И. Драчев привез их и разложил в приемной. Сталин походил вокруг и, позвонив Калинину, попросил его к себе.

Калинин пришел минут через десять. Разговор начался своеобразной шуткой:

—Вот товарищ Хрулев предлагает нам восстановить старый режим, — сказал Сталин, — и просит осмотреть образцы погони формы.

Калинин очень внимательно, не торопясь, осмотрел образцы и так же не торопился с ответом.

—Видите ли, товарищ Сталин, — наконец начал он, — мы с вами помним старый режим, а молодежь его не знает, и золотые погоны, сами по себе, для нее ничего плохого не означают.Нам с вами эта форма напоминает о старом режиме, но она, думаю, понравится молодежи и потому может принести пользу в борьбе с фашистами. Думаю, что новую форму следует принять...

Председатель Президиума Верховного Совета был простым, но умным, самостоятельным в суждениях человеком — недаром

он возглавлял наше государство более четверти века. И в этот раз он говорил дельные вещи: не все старое стоит забывать и забрасывать, бывает — и нередко, — что это старое помогает строить новое. Видимо, Сталин думал так же.

6 января Президиум Верховного Совета принял указ о введении погон...

Внешний вид погон остался во многом таким же, как и двадцать пять лет назад: то же золотое шитье, просветы, звездочки... Боевые традиции — и Великая Отечественная война неопровержимо доказала это — надо сохранять даже и во внешних проявлениях.

Глава семнадцатая

Воронов и Рокоссовский прилетели в Москву 4 февраля и в тот же день были приняты Верховным Главнокомандующим.

Сталин, не ожидая, пока генералы по уставу доложат о прибытии, пошел им навстречу, протягивая руку:

— Поздравляю вас, поздравляю с успехом!

Видно было, что Сталин очень доволен. Выслушав сообщение о боях под Сталинградом, Верховный поделился своими соображениями о будущих сражениях. Расхаживая по кабинету, Сталин время от времени останавливался, приближался к собеседникам и пристально смотрел им в глаза. Рокоссовский писал позднее, что Сталин "в нужные моменты умел обворожить собеседника теплотой и вниманием и заставить надолго запомнить каждую встречу с ним".

Теперь, после Сталинградской победы, перед Ставкой возникали новые проблемы. Обстановка на советско-германском фронте в корне изменилась. Красная Армия освобождала Северный Кавказ, громила врага на Верхнем Дону. На южном участке фронта в зимней кампании 1942/43 года немецко-фашистские войска были отброшены на 600—700 километров. Но враг, еще сильный, упорно сопротивлялся, был способен наносить мощные контрудары— как в конце февраля — начале марта под Харьковом. Предстояла нелегкая борьба.

К весне 1943 года на огромном фронте наступило затишье.

* * *

Несмотря на нелегкое общее положение нашего государства, военное производство в 1943 году в целом шло успешно. С этого года Советское государство превосходило противника в техническом оснащении армии. Превосходство это обеспечивалось тем, что советские политические и военные руководители учитывали и умело использовали неисчерпаемые возможности плановой советской экономики, умели предвидеть тенденцию

общего развития техники и отдельных ее видов, быстро и в необходимых масштабах реализовать достижения конструкторов. И, конечно, труд советских людей, недоедавших и недосыпавших. Этот труд и сделал возможным техническое превосходство над врагом.

Рабочим органом Ставки был Генеральный штаб. Верховный Главнокомандующий установил и здесь жесткий порядок круглосуточной работы и сам регламентировал часы работы руководящего состава Генштаба. Так, А. И. Антонов — заместитель начальника Генштаба — должен был находиться на месте по семнадцать-восемнадцать часов в сутки и отдыхал с пяти-шести часов утра до двенадцати дня. С.М.

Штеменко, исполнявшему с мая 1943 года обязанности начальника Оперативного управления, отдыхать разрешалось с четырнадцати до восемнадцати — девятнадцати часов.

Сталин не щадил и себя. В годы войны он занимал пять постов: Генерального секретаря ЦК ВКП(б), Председателя СНК СССР, Председателя ГКО, Верховного Главнокомандующего и народного комиссара обороны. На счету у Сталина была каждая минута, работал он по пятнадцать-шестнадцать часов в сутки, а надо не забывать, что в 1943 году ему шел шестьдесят четвертый год.

Исполнять такие обязанности можно было только при строжайшем режиме труда. Генеральный штаб делал доклады Верховному Главнокомандующему обычно три раза в сутки. Первый раз — в десять-одиннадцать часов утра, как правило — по телефону. Сталин звонил сам:

—Что нового?

Переходя от стола к столу, на которых заранее раскладывались карты, начальник Оперативного управления с трубкой в руках, докладывал. Если на фронте все шло хорошо, доклад не прерывался, лишь изредка слышалось покашливание да характерное причмокивание курильщика трубки. Но пропустить в докладе хотя бы одну армию было нельзя, сразу же следовал вопрос:

—А у Батова что?

Если в ходе доклада Верховный давал распоряжение, оно тут же записывалось дословно и оформлялось соответствующим образом.

Во второй половине дня, в шестнадцать-семнадцать часов, заместитель начальника Генштаба вновь делал доклад. А ночью генштабисты ехали в Кремль или на Кунцевскую дачу с итоговым докладом за день, на котором обычно присутствовали члены Политбюро и Ставки. На столе раскладывались карты, Сталин прохаживался вдоль него и слушал доклад.

Идти на доклад в Ставку следовало подготовленным всесторонне. Невозможно было прийти с картами, имевшими "белые

пятна", или сообщить ориентировочные, тем более — преувеличенные, данные. Ответов "наугад" Сталин не признавал.

"У Верховного было какое-то особое чутье на слабые места в докладах или документах, — писал Г. К. Жуков, — он их тут же находил и строго взыскивал за нечеткую информацию. Обладая цепкой памятью, а он хорошо помнил сказанное и не упускал случая довольно резко отчитать за забытое".

Летом 1943 года генерал С. М. Штеменко, докладывая в очередной раз в Ставке, каким-то образом забыл на столе две карты. Их сразу же хватились, начали искать — нет как нет. Штеменко чувствовал: они у Верховного. Молчать было нельзя, и на следующий день Штеменко на докладе сказал уверенно:

" — Товарищ Сталин, сутки назад мною оставлены у вас две карты с обстановкой. Прошу вернуть их мне.

Тот сделал удивленный вид:

— Почему вы думаете, что они у меня? Ничего у меня нет.

Не может этого быть, — настаивал я. — Мы нигде, кроме Ставки и Генштаба, не бываем. Деться картам некуда. У вас они. Сталин ничего на это не ответил. Вышел из кабинета в комнату отдыха и возвратился с картами. Он нес их, держа за угол, в вытянутой руке, и, встряхнув, бросил на стол.

— Нате, да впредь не оставляйте... Хорошо, что правду сказали..."

Даже малейшего вранья или попытки скрыть действительность Верховный Главнокомандующий никому не прощал. К примеру, в ноябре 1943 года начальник штаба 1-го Украинского фронта был снят с должности за то, что не донес о захвате противником крупного населенного пункта, рассчитывая, что в ближайшее время он будет возвращен нашими войсками. Поэтому в докладах Верховному Главнокомандующему формулировки звучали предельно строго.

* * *

Далеко не так гладко, как хотелось бы, складывались весной 1943 года отношения с союзниками, прежде всего из-за задержки с открытием второго фронта в Европе.

Переписка по этому поводу не прекращалась.

16 марта Сталин в "послании Рузвельту писал: "...Я считаю своим долгом заявить, что главным вопросом является ускорение открытия второго фронта во Франции. Как Вы помните, открытие второго фронта и Вами, и г. Черчиллем допускалось еще в 1942 году и, во всяком случае, не позже как весной этого года...

После того как советские войска провели всю зиму в напряженнейших боях и продолжают их еще сейчас, а Гитлер проводит новое крупное мероприятие по восстановлению и увеличению своей армии к весенним и летним операциям против

СССР, нам особенно важно, чтобы удар с Запада больше не откладывался, чтобы этот удар был нанесен весной или в начале лета".

Близилось третье военное лето, и вновь советскому народу, его армии, его правительству следовало полагаться только на свои собственные силы. Впрочем, когда разбираешь действия Ставки ВГК в весенние месяцы 1943 года, приходишь к выводу, что она не очень-то и рассчитывала на реальную помощь союзников и намеревалась использовать свои немалые и всевозрастающие силы и средства.

Фашистское командование не только не думало отступать, но и намеревалось, в очередной раз, изменить ход событий на Восточном фронте в свою пользу. 15 апреля 1943 года Гитлер отдал оперативный приказ № 6. Начинался он со свойственных фюреру напыщенных фраз: "Я решил, как только позволят условия погоды, провести наступление "Цитадель" — первое наступление в этом году".

Вечером 12 апреля в Ставке (присутствовали Сталин, Жуков, Василевский и Антонов) после тщательного анализа было принято решение о преднамеренной обороне. Основные резервы Ставка намеревалась развертывать в тылу Центрального и Воронежского фронтов, чтобы подготовить рубеж обороны на случай прорыва врага на Курской дуге.

Произошел существенный перевес в силах и средствах в пользу Красной Армии. В полосе Центрального, Воронежского и Степного фронтов это превосходство было особенно убедительным. Если бы Гитлер и его спесивые генералы могли представить, какое количество людей и техники сосредоточило советское командование на Курской дуге, они, возможно, задумались бы над реальностью своих планов наступления. Но, вероятнее всего, и в этом случае они не отказались бы от наступления: во-первых, гитлеровское командование было все еще уверено в своей силе, а во-вторых, не могло не наступать — этого требовали политические соображения, политическая самоуверенность гитлеровского руководства...

Минул май, прошел июнь, настали первые июльские дни — вермахт не начинал наступления. Ныне мы знаем: враг хотел подготовиться как можно лучше, Гитлер требовал отправить на Восток как можно больше "тигров" — с этими сверхтяжелыми танками он связывал главные свои надежды. Советское

Верховное Главнокомандование ждало событий со дня на день. Дважды, 8 и 20 мая, Генштаб с разрешения Верховного посылал в войска предупреждения о возможной близости вражеского наступления. Когда же эти сроки прошли, у Верховного Главнокомандующего начали появляться сомнения: а не делает ли он ошибки, отдавая инициативу врагу, что, если, как это уже бывало, наши войска не выдержат массированного танкового удара? А вдруг противник и не думает наступать?

Словом, Верховный был неспокоен. Представители Ставки — Жуков и Василевский — все время находились в войсках, проверяли их готовность к отражению удара врага, устраняли недостатки. В ночь на 2 июля Генштаб получил новые, и достоверные, сведения о намерениях врага. В войска полетела директива за подписями Сталина и Василевского:

"По имеющимся сведениям, немцы могут перейти в наступление на нашем фронте в период 3 — 6 июля. Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1.Усилить разведку и наблюдение за противником с целью своевременного вскрытия его намерений.

2.Войскам и авиации быть в готовности к отражению возможного удара противника..."

После этого ожидание стало непереносимым: начнут или нет? В ночь на 5 июля в штабе Центрального фронта стало известно от только что захваченного пленного, что в три часа утра — начало. Рокоссовский и Жуков решили в два часа тридцать минут предпринять запланированную артиллерийскую контр подготовку. Рокоссовский пошел отдавать распоряжения, а Жуков соединился с Москвой. Сталин сообщил, что только что разговаривал с Василевским (начальник Генштаба находился у Ватутина на Воронежском фронте), одобрил принятое решение и велел чаще информировать его.

—Я буду ждать ваших сообщений, — закончил он разговор. Жуков чувствовал, что Верховный так же напряжен, как и он сам.

В два часа двадцать минут гром орудий донесся до штаба Центрального фронта, находившегося в двадцати километрах от передовой, — это наша артиллерия открыла огонь. В два тридцать позвонил Верховный:

— Ну, как, начали?

— Так точно, — отвечал Жуков.

— Как они себя ведут?

— Пытались отвечать отдельными батареями, но вскоре перестали.

— Хорошо, я еще позвоню.

Он звонил еще и еще, — видимо, в эту ночь Верховный Главнокомандующий не спал.

Артиллерийская контрподготовка советских войск была своевременной, и враг открыл огонь только в половине пятого утра.

Несмотря на то что фашистские войска подготовили мощный удар, за день им удалось лишь на узком участке вклиниться в оборону войск Центрального фронта на глубину шесть — восемь километров — и только! В ночь на 6 июля Рокоссовский доложил в Ставку о положении и очень обрадовался, когда Сталин обещал передать ему из резерва 27-ю армию. Но утром

Рокоссовский получил другое распоряжение: 27-ю армию, не задерживая, направить на Воронежский фронт.

— Рассчитывайте только на свои силы, — услышал Рокоссовский. — Имейте в виду, что у вашего левого соседа положение нелегкое, враг может там прорвать фронт и выйти в тыл к вам. Тогда на вас возлагается оборона Курска...

Действительно, на Воронежском фронте противнику удалось в первый день и в последующие несколько дней вклиниться на глубину до тридцати пяти километров. Но и здесь советские войска стойко оборонялись. Враг атаковал день, другой, третий... К 12 июля наступление вермахта выдохлось. В этот день в районе Прохоровки, в тридцати километрах от Белгорода, произошло величайшее танковое сражение второй мировой войны: здесь, на узкой полосе всхолмленной, изрезанной оврагами равнины, зажатой с одной стороны рекой Псел, а с другой — железнодорожной насыпью, сошлись в титанической схватке 1200 танков и САУ 4-й немецкой и 5-й гвардейской танковых армий. Обе стороны понесли большие потери и отошли на исходные позиции. Далее враг не продвинулся. Операция "Цитадель" провалилась.

В конце июля 1943 года советские войска наступали на фронте протяженностью в четыреста километров. Лишь за счет предельного напряжения сил немецко-фашистскому командованию удавалось сохранять целостность фронта. Начало августа знаменовалось упорными боями за Орел. 3 августа Воронежский и Степной фронты согласно плану операции "Полководец Румянцев" начали наступление на южном фасе Курской дуги, в районе Белгорода. В то же время Ставка готовила наступление на Смоленском направлении — операцию "Суворов". 3 августа Верховный Главнокомандующий выехал на фронт.

Из Москвы выехали в поезде, состоявшем из нескольких товарных вагонов и платформ, и салон-вагона, закамуфлированного под основной состав. 3 августа в районе Юхнова на КП Западного фронта командующий фронтом В. Д. Соколовский доложил обстановку. Была рассмотрена подготовка к операции, особенно тщательно обсуждались задачи армий, артиллерии и танков.

Командующего Калининским фронтом А.И. Еременко Сталин принимал в селе Хорошево под Ржевом в небольшом домике. Выслушав доклад, Верховный Главнокомандующий стал расспрашивать о противнике, о снабжении войск продовольствием и боеприпасами. Зашла речь о предстоящем наступлении. Сталин сказал:

— Вот, товарищ Еременко, вы сдали врагу Смоленск, вам надо его и освобождать...

После этого Сталин и Еременко на машинах отправились на станцию Мелехово, где ждал поезд. За обедом Верховный Глав-

нокомандующий пил "Цинандали" и много шутил. Еременко впервые видел его таким.

Прощаясь, Еременко спросил, можно ли сообщить войскам о приезде Верховного Главнокомандующего на фронт.

—Да, конечно, — был ответ.

Это был единственный визит Сталина на фронт в годы Великой Отечественной войны...

Вечером того же дня Антонова и Штеменко вызвали к Сталину. Присутствовали и другие члены Ставки.

—Знаете ли вы военную историю? — обратился Верховный к генералам.

Вопрос был неожиданным, и генералы не успели ответить, — как Сталин продолжал:

—Если бы вы ее читали, то знали бы, что издавна, когда войска побеждали, в честь полководцев и войск били во все колокола. Надо и нам отмечать победы более ощутимо. Мы решили, — он кивнул на сидевших за столом членов Ставки, —давать в честь отличившихся войск и командиров артиллерийские салюты...

В тот вечер Москва салютовала освободителям Орла и Белгорода двенадцатью залпами из ста двадцати орудий. С той поры стало традицией — отмечать победы салютами. Они гремели все чаще и чаще — советские войска гнали захватчиков восвояси, на запад.

Поздравительные приказы готовились в Оперативном управлении, причем вступительная часть — "шапка" — в обязательном порядке докладывалась (обычно по телефону) Верховному Главнокомандующему. Правил он приказы редко, но тем более примечательны исключения. Так, в приказ от 27 января 1945 года, отданный по случаю прорыва обороны врага у Мазурских болот, Сталин добавил фразу: "считавшейся у немцев со времен первой мировой войны неприступной системой обороны".

Длительное время Советское правительство не получало информации от союзников о намерениях в отношении Италии. С конца июля такая информация стала поступать, и обнаружилось, что она неполна, неоперативна. 22 августа в послании Рузвельту и Черчиллю, указав на это обстоятельство, Сталин подчеркивал: "До сих пор дело обстояло так, что США и Англия сговариваются, а СССР получал информацию о результатах сговора двух держав в качестве третьего пассивного наблюдающего. Должен Вам сказать, что терпеть дальше такое положение невозможно".

То, что союзники не выполнили своего обещания открыть второй фронт в 1943 году, не могло не отразиться на взаимоотношениях СССР с западными державами. Не улучшила эти

взаимоотношения и приостановка до ноября арктических конвоев с грузами для СССР. Но сокрушительный разгром вермахта на Курской дуге заставил правящие круги Запада изменить свою политику.

Для согласования планов дальнейшего ведения войны в Москве с 19 по 30 октября 1943 года собралась конференция министров иностранных дел. Были рассмотрены очень важные вопросы. К примеру, первым пунктом повестки дня по предложению советской делегации было "Рассмотрение мероприятий по сокращению сроков войны против Германии и ее союзников в Европе".

Председатель СНК СССР принял по отдельности руководителей делегаций США и Англии — К. Хэлла и А. Идена. Корделл Хэлл беседовал со Сталиным днем 25 октября в его кабинете.

Государственный секретарь США, человек преклонного возраста, впервые в жизни летел на самолете, и встреча началась с рассказа Хэлла о своих впечатлениях. Поговорили на отвлеченные темы — о погоде, о видах на урожай — в СССР они были неважными. Зашла речь о способах посева пшеницы, и Хэлл рассказал, что на его родине, в штате Теннесси, пшеницу сеют на глубину шести вершков. Это удивило Сталина. Затем Хэлл вспомнил о вязке плотов на реках в Теннесси, и Сталин в свою очередь стал рассказывать, что в Грузии плоты в прошлом вязали с помощью виноградной лозы...

Когда перешли к деловой части, выяснилось, что американский дипломат в первую очередь хочет выполнить поручение президента — договориться с главой Советского правительства о личной встрече "большой тройки". Переписка по этому поводу велась уже не одну неделю, но предлагаемые места встречи не устраивали то Сталина, то Рузвельта (Черчилль готов был ехать или лететь куда угодно).

Сталин еще раз объяснил Хэллу, что он хорошо понимает необходимость такой встречи, но не может оставить Москву в момент, когда идут столь важные и кровопролитные сражения, и он — Верховный Главнокомандующий — должен ими руководить.

— Сейчас, — говорил Сталин, — представляется весьма редкая возможность, появившаяся, пожалуй, впервые за пятьдесят лет: нанести серьезное поражение германским армиям. Немцы располагают незначительными резервами, в то время как Красная Армия имеет достаточно резервов для операций на протяжении целого года. Понятно, что Советский Союз не может каждые десять лет вести войну с немцами. Поэтому чрезвычайно важно воспользоваться открывающимися сейчас возможностями и преимуществами и решить кардинально эту задачу — избавиться на длительное время от германской угрозы. Что ка-

сается встречи трех, то необходимо все как следует взвесить и переговорить с коллегами.

Атмосфера беседы была радушной, чего нельзя сказать о встрече Сталина с Иденом 27 октября: английское правительство всерьез подумывало об отсрочке высадки своих войск во Франции и в 1944 году. Иден передал главе Советского правительства мнение Черчилля: он, Черчилль, "не абсолютно уверен", что план вторжения во Францию "можно будет осуществить".

Сталин заметил, что, как видно, на Западе существует только "призрак вторжения", в то время как Советскому Союзу "выпало более трудное дело". Иден пытался уверять, что "премьер-министр хочет сделать все, что в его силах, для борьбы против немцев". На это Сталин ответил:

—Я в этом не сомневаюсь, однако премьер-министр Великобритании хочет, чтобы ему доставались более легкие дела, а нам, русским, более трудные. Это можно было сделать один раз, два раза, но нельзя этого делать все время...

Но тут же Сталин снисходительно добавил:

—Мы не буквоеды. Мы не будем требовать того, что наши союзники не в состоянии сделать...

В целом же Московская конференция была, несомненно, успешной, и на обеде вечером 30 октября в Екатерининском зале Кремля об этом говорилось с полным основанием.

Гостей собралось очень много: участники переговоров, члены Политбюро и ГКО, наркомы, военачальники. Было довольно шумно, но наступила абсолютная тишина, когда Сталин, держа рюмку в руке, поднялся с места. Молотов, призывая всех ко вниманию, постучал по бутылке ножом.

Поздравив присутствующих с успешным завершением конференции, Сталин сказал:

—Отныне сотрудничество трех великих держав будет еще более тесным, атмосфера доверия, в которой проходила работа конференции, будет сопутствовать дальнейшим совместным шагам антигитлеровской коалиции во имя победы над общим врагом. Что касается Советского Союза, то я могу заверить, что он честно выполнит свои обязательства. За нашу победу, друзья!

Во время обеда глава Советского правительства дал весьма убедительные доказательства готовности советской стороны к сотрудничеству.

К. Хэлл сидел по правую руку от Сталина. Государственный секретарь и за обедом пытался уговорить Сталина выехать далеко за пределы страны для встречи с Черчиллем и Рузвельтом. Когда это не удалось, Хэлл явно расстроился. В это время Сталин за спиной Хэлла наклонился к переводчику В.М. Бережкову, сидевшему справа от американца, и чуть слышно сказал:

— Слушайте меня внимательно. Переведите Хэллу дословно следующее: Советское правительство рассмотрело вопрос о положении на Дальнем Востоке и приняло решение сразу же по-

сле окончания войны в Европе, когда союзники нанесут поражение гитлеровской Германии, выступить против Японии. Пусть Хэлл передаст это президенту Рузвельту как нашу официальную позицию. Но пока мы хотим держать это в секрете. И вы сами говорите потише, чтобы никто не слышал. Поняли?

— Понял, товарищ Сталин, — прошептал Бережков.

Пока он переводил Хэллу слова Сталина, тот смотрел в упор на американца и время от времени утвердительно кивал головой. Меланхолию Хэлла как рукой сняло. И немудрено: для правительства США сообщение, сделанное Сталиным, было предельно важным. Это ныне американские историки и дипломаты могут позволить себе замалчивать роль Советского Союза в исходе войны на Дальнем Востоке, а тогда правительство США, учитывая упорство и ожесточенность сопротивления японских войск, всерьез предполагало, что война на Тихом океане может затянуться на долгие годы и стоить жизни немалому числу американцев.

Тем временем начались жестокие сражения за освобождение матери городов русских — Киева. Вел войска генерал армии Николай Федорович Ватутин, один из самых блистательных полководцев Великой Отечественной. Сильно мешал ему член Военного совета (а главное — член Политбюро, не шутка!) суетливый Никита Хрущев: мелкому карьеристу очень уж хотелось войти в Киев к ноябрьским торжествам — то-то сделает подарок Верховному! Хрущев торопил генералов, кричал, грозил, но его проходилось слушаться, а это приводило к большим потерям.

Командование 1-го Украинского фронта 4 — 5 ноября ввело в сражение новые силы, и в ноль часов тридцать минут 6 ноября над древним городом взвилось Красное знамя. Вечером этого дня Москва салютовала победителям двадцатью четырьмя залпами из трехсот двадцати четырех орудий. Такое количество орудий в салюте участвовало впервые.

Продолжая стремительное наступление, наши войска 7 ноября освободили Фастов, 12 ноября — Житомир. Успешно наступали они и на южном участке фронта. На севере началось освобождение Белоруссии. Но враг еще был силен и способен наносить контрудары на отдельных участках. 15 ноября гитлеровское командование, сосредоточив пятнадцать дивизий, в том числе семь танковых и моторизованную, нанесло контрудар на житомирско-киевском направлении. 20 ноября врагу вновь удалось захватить Житомир, и он рвался (тщетно, впрочем) к Киеву. Во второй половине ноября фашисты предприняли наступление с никопольского плацдарма. И вот в такое время Верховный Главнокомандующий покинул Москву...

В ночь на 25 ноября от железнодорожной платформы в районе Кунцева отошел состав. О маршруте его знал очень ограниченный круг лиц, путь же был неблизким. Начальник охраны Сталина генерал-лейтенант Власик постарался сделать все, что-

бы пассажиры — Сталин, Молотов и Ворошилов — в пути могли продолжать повседневную работу. Как и всегда, три раза в день Верховный Главнокомандующий заслушивал доклады начальника Оперативного управления Генштаба С.М. Штеменко о положении на фронте.

Вечером 26 ноября прибыли в Баку.

В восемь утра Сталин приехал на аэродром. Здесь его ждали командующий ВВС Красной Армии А. А. Новиков и командующий авиацией дальнего действия А. Е. Голованов. Новиков доложил, что самолеты Си-7 поведут генерал-полковник Голованов и полковник Грачев; затем он пригласил Сталина, Молотова и Ворошилова в самолет, пилотируемый Головановым. Сталин сделал несколько шагов к этому самолету, но остановился, подумал и сказал:

Генерал-полковники редко водят самолеты, лучше мы полетим с полковником, — и пошел к другому самолету, Ворошилов и Молотов — за ним.

Штеменко пусть тоже летит с нами, в пути доложит обстановку, — вспомнил Сталин уже на трапе самолета.

Три девятки истребителей сопровождали самолеты. Спустя три часа показался Тегеран. Приехавших встречал заместитель наркома внутренних дел генерал-полковник Аполлонов. С аэродрома поехали в советское посольство.

Размещалось оно в парке, за надежной оградой и, разумеется, строго охранялось. Предосторожности были отнюдь не лишними: город кишел самыми подозрительными субъектами, и доподлинно было известно, что среди них имелись фашистские диверсанты, готовившие покушение на участников "большой тройки". Поэтому президент Рузвельт принял предложение поселиться в помещении советского посольства, так как американское находилось на значительном отдалении и президент мог подвергнуться опасности во время переездов.

Надо сказать, что согласие Рузвельта поселиться на территории советского посольства вызвало недовольство Черчилля: он, по собственному опыту, знал, как трудно кому бы то ни было противостоять логике Сталина и его обаянию, если он хотел кого-либо очаровать. А тут Сталину и Рузвельту представляется возможность беседовать без участия его, Черчилля! А вдруг из этого произойдет какое-либо неудобство или ущерб для Британской империи?

Первая беседа с Рузвельтом была исключительно дружелюбной. Собеседники, можно сказать, радостно приветствовали друг друга, обменялись любезностями. Сталин предложил президенту закурить "Герцеговину-Флор". Тот отказался и закурил сигарету:

— Привык к своим, — и, улыбаясь очень дружелюбно, спросил: — А где же ваша знаменитая трубка, маршал Сталин, та трубка, которой вы, как говорят, выкуриваете врагов?

Сталин был готов пошутить:

— Я, кажется, уже почти всех их выкурил. Но, говоря серьезно, врачи советуют мне поменьше пользоваться трубкой. Я все же ее захватил в Тегеран и, чтобы доставить вам удовольствие, раскурю ее в следующий раз.

— Надо слушаться врачей, — серьезно сказал Рузвельт, — мне тоже приходится это делать...

Через час в шестнадцать ноль-ноль началось первое заседание конференции. Председательствовал на нем Рузвельт. Каждый из участников сказал несколько приветственных слов.

— Сталин говорил:

—Приветствуя конференцию представителей трех правительств, я хотел бы сделать несколько замечаний. Я думаю, что история нас балует. Она дала нам в руки очень большие силы и очень большие возможности. Я надеюсь, что мы примем все меры к тому, чтобы на этом совещании в должной мере, в рамках сотрудничества, использовать ту силу и власть, которые нам вручили наши народы. А теперь давайте приступим к работе.

Первым и основным вопросом в работе конференции было, конечно, открытие второго фронта. От этого зависели сроки окончания войны в Европе, и на первом же заседании советская делегация со всей определенностью высказалась:

—Мы, русские, — говорил Сталин, — считаем, что наилучший результат дал бы удар по врагу в Северной или в Северо-западной Франции. Даже операции в Южной Франции были бы лучше, чем операции в Италии...

Позиции наших союзников были несколько противоречивы. Соединенные Штаты в принципе соглашались организовать высадку во Франции, и Рузвельт определенно высказал это в беседе со Сталиным. Черчилль же избрал для ведения дискуссии испытанный метод: не высказываясь прямо против высадки на территории Франции, он употребил все свое весьма недюжинное красноречие для того, чтобы поставить открытие второго фронта в зависимость от развития операций на Средиземном море. Дискуссия на первом заседании и последующем сконцентрировалась на этом вопросе. Методично, с железной логикой глава советской делегации заставлял своих оппонентов высказываться откровенно.

Дискуссия продолжалась без очевидного успеха. Рузвельт, понимая, что атмосфера накаляется, несколько раз пытался смягчить ее:

—Нам всем известно, — говорил он, — что разногласия между нами и англичанами небольшие. Я возражаю против отсрочки операции "Оверлорд", в то время как господин Черчилль больше подчеркивает важность операций в Средиземном море. Военная комиссия могла бы разобраться в этих вопросах.

— Мы можем решить эти вопросы сами, — возражал Сталину —ибо мы имеем больше прав, чем военная комиссия.

351

Тут Сталин решил действовать напрямую:

—Если можно задать неосторожный вопрос, то я хотел бы узнать у англичан, верят ли они в операцию "Оверлорд" или они просто говорят о ней для того, чтобы успокоить русских?

Черчилль отвечал:

—Если будут налицо условия, которые были указаны на Московской конференции, то я твердо убежден в том, что мы будем обязаны перебросить все наши возможные силы против немцев, когда начнется осуществление операции "Оверлорд".

Такой ответ означал, что при определенных условиях британское правительство может посчитать себя вправе отказаться от "Оверлорда".

Переговоры зашли в тупик. Так истолковал ответ и Сталин. Он резко поднялся из-за стола и сказал, обращаясь к Молотову и Ворошилову:

—Идемте, нам здесь делать нечего. У нас много дел на фронте...

Но вмешался Рузвельт:

—Мы очень голодны сейчас. Поэтому я предложил бы прервать наше заседание, чтобы присутствовать на том обеде, которым нас сегодня угощает маршал Сталин...

Надо сказать, что на конференции вопросы высокой политики обсуждались не только за столом заседания, но и в неофициальной обстановке. Так было и на обеде в советском посольстве. Застольная беседа началась с выяснения вкусов. Рузвельт, которому очень нравилось советское шампанское, рассказывал о развитии виноделия на тихоокеанском побережье США и высказал мысль о целесообразности выращивания кавказских сортов вин в Калифорнии. Сталин одобрил эту идею, стал приводить цифры производства по каждому сорту кавказского вина, рассказал об особенностях почв в

отдельных районах Грузин и экспериментах с сортом "хванчкара", который не приживался в других районах. Черчилль заявил, что предпочитает армянский коньяк и даже имеет интересные соображения об импорте этого замечательного напитка в Англию. Сталин согласился поставлять и коньяк, и шампанское — но после войны. Далее речь зашла о кавказской кухне, и здесь, конечно, Сталин обнаружил тонкое понимание предмета. Он напомнил Рузвельту, что тому во время прошлого завтрака понравилась лососина: — Я распорядился, чтобы сюда доставили одну рыбку, — и дал знак внести подарок.

Дверь отворилась, и четверо дюжих парней в военной форме внесли "рыбку" длиной метра два и полметра в диаметре. Несколько минут президент США любовался "рыбкой". Зашла речь о Сталинграде, и Черчилль, высоко оценив мужество и стойкость советских солдат в битве за Сталинград, высказал предположение, что развалины города надо оставить нетронутыми, в назидание потомству. Рузвельт поддержал эту мысль. Но Сталин считал иначе:

—Не думаю, чтобы развалины Сталинграда следовало оставить в виде музея. Город будет снова отстроен. Может быть, мы сохраним нетронутой какую-то часть его: квартал или несколько зданий как памятник Великой Отечественной войны. Весь же город, подобно фениксу, возродится из пепла, и это уже само по себе будет памятником победы жизни над смертью...

Очевидцы, и в первую очередь Гопкинс, утверждают, что весь вечер Сталин поддразнивал Черчилля, а тот этого поначалу не понимал. Результатом был показательный инцидент. Уже к концу обеда Сталин завел разговор о нацистских преступниках:

—Я предлагаю поднять тост за то, чтобы над всеми германскими военными преступниками как можно скорее свершилось правосудие и чтобы они все были сурово наказаны... Думаю,что таких нацистских преступников наберется немало...

Согласно иностранным источникам, Сталин назвал и цифру— 50 тысяч — и высказал уверенность, что и для всего мира, и для Германии было бы благом, если бы этих преступников расстреляли. Те же очевидцы утверждают, что как только речь Сталина перевели, Черчилль вскочил и стал горячо возражать. Надо упомянуть, что британский премьер к тому времени успел отдать дань столь восхваляемому им армянскому коньяку. Этим, видимо, и была вызвана его горячность:

—Подобный взгляд коренным образом противоречит нашему английскому чувству справедливости! — почти выкрикивал он. —Англичане никогда не потерпят такого массового наказания...

Но на Сталина ни сами слова, ни тон Черчилля не произвели впечатления. Спокойно и со скрытой насмешкой он объяснил, что никто не собирается казнить нацистских преступников без суда и следствия, но наказания, при том размахе преступлений, который имеется на оккупированной территории, заслужили, несомненно, многие гитлеровцы. И Сталин обратился за подтверждением к Рузвельту. Тот оказался в сложном положении, ко не замедлил с ответом:

—Как обычно, мне придется выступить в качестве посредника в этом споре. Необходимо найти какой-то компромисс.Быть может, вместо казни пятидесяти тысяч военных преступников мы сойдемся на сорока девяти тысячах пятистах?

Черчилль успокоился, и остаток вечера прошел весьма благопристойно. Вскоре Рузвельт, ссылаясь на усталость, покинул вечер. Пили кофе, курили сигары, которыми угощал Черчилль, ~ он был знатоком и в этой области. Зашла речь о приблизительных сроках разгрома Германии. Премьер-министр был уверен в скорой победе:

—Я полагаю, что Бог на нашей стороне. Во всяком случае, я сделал все для того, чтобы он стал нашим верным союзником.

Искры смеха заблестели в глазах Сталина.

—Ну, тогда наша победа обеспечена: ведь дьявол, разумеется, на моей стороне. Каждый знает, что дьявол — коммунист. А Бог, несомненно, добропорядочный консерватор...

Утром 30 ноября Черчилль имел личную беседу со Сталиным, и можно сказать, что тон ее до известной степени был извинительным. А во время совместного завтрака Рузвельт торжественно объявил:

—Я намерен сообщить маршалу Сталину приятную для него новость. Дело в том, что сегодня объединенные штабы с участием британского премьера и американского президента приняли следующее предложение:

"Операция "Оверлорд" намечается на май 1944 года и будет проведена при поддержке десанта в Южной Франции..."

Это была действительно приятная новость, но Сталин ничем не выдал радости.

—Я удовлетворен этим решением, — произнес он тихо, не поднимая головы.

Сталин, конечно, не заблуждался — решение это было принято в первую очередь потому, что союзники (и прежде всего Черчилль) понимали: вполне возможно, что Красная Армия и одна расправится с вермахтом и тогда политическое лицо Европы может измениться коренным образом.

Вечером состоялся прием в английском посольстве: премьер-министру исполнилось шестьдесят девять лет. Вокруг именинного пирога с горящими свечами собралась большая и блестящая компания. Преподносили подарки: Сталин — каракулевую шапку и большую фарфоровую скульптурную группу на сюжет русских народных сказок, Рузвельт — старинную персидскую чашу и исфаганский ковер. Виновник торжества, попыхивая сигарой, сиял от удовольствия.

Первый тост произнес Сталин:

—За моего боевого друга Черчилля! — Он подошел к английскому премьеру, обнял его за плечо и пожал руку.

Тост следовал за тостом. Черчиллю очень понравился русский обычай произносить тосты, и гости большую часть времени провели стоя. Глава британского правительства произнес ответный тост за Сталина. Маршал, заявил Черчилль, может быть поставлен в ряд с крупнейшими фигурами русской истории и заслуживает звания Сталин Великий.

Но Сталин с этим не согласился.

—Почести, которые воздают мне, — отвечал он, — в действительности принадлежат русскому народу. Очень легко быть героем и великим лидером, если приходится иметь дело с такими людьми, как русские... Красная Армия сражается героически,но русский народ и не потерпел бы иного поведения со стороны своих вооруженных сил. Даже люди не особенно храбрые,даже трусы становятся героями в России...

* * *

Участникам тегеранской встречи предстояло решить вопрос и о послевоенной организации и обеспечении прочного мира, о вступлении в войну Турции. Беспокоил и польский вопрос.

Об этом говорили на последнем пленарном заседании 1 декабря. Рузвельт выразил надежду, что Советское правительство восстановит отношения с польским эмигрантским правительством. Но Сталин тут же показал, почему Советское правительство этого не может сделать:

Агенты польского правительства, находящиеся в Польше, связаны с немцами. Они убивают партизан. Вы не можете представить, что они там делают.

Это больной вопрос, — вступил Черчилль и стал пространно объяснять, почему британское правительство заинтересовано в польских делах.

В ответ Сталин заявил:

—Я должен сказать, что Россия не меньше других, а больше других держав заинтересована в хороших отношениях с Польшей, так как Польша является соседом России. Мы — за восстановление, за усиление Польши. Но мы отделяем Польшу от эмигрантского польского правительства в Лондоне. Мы порвали отношения с этим правительством не из-за каких-либо наших капризов, а потому, что польское правительство присоединилось к Гитлеру в его клевете на Советский Союз...

Пока переводились эти фразы, Сталин достал из лежавшей перед ним папки листовку. Это был кусок плотной, потрепанной бумаги, на котором изображалась голова с двумя лицами, как у древнеримского бога Януса. Голова имела два профиля: Гитлера и Сталина.

Сталин поднял листовку над столом, чтобы ее все видели.

—Вот что распространяют в Польше агенты эмигрантского правительства. Хотите взглянуть поближе?

Брезгливо, двумя пальцами, Черчилль подержал листовку и передал ее Рузвельту. А Сталин продолжал:

—Какие у нас могут быть гарантии в том, что эмигрантское польское правительство в Лондоне снова не сделает то же самое? Мы хотели бы иметь гарантию в том, что агенты польского правительства не будут убивать партизан, что эмигрантское польское правительство будет действительно призывать к борьбе против немцев, а не заниматься устройством каких-либо махинаций...

Когда Черчилль заявил, что союзники хотят сильной, независимой Польши, дружественной по отношению к России, и что польские границы надо пересмотреть, Сталин продолжал:

—Речь идет о том, что украинские земли должны отойти к Украине, а белорусские — к Белоруссии, то есть между нами и

Польшей должна существовать граница 1939 года, установленная Советской Конституцией...

Последовала оживленная дискуссия, с той и другой стороны были предъявлены карты с обозначенной на них "линией Керзона", и наконец Черчилль (именно он, запомним это!) внес предложение: "...Очаг Польского государства и народа должен быть расположен между так называемой линий Керзона и линией реки Одер..." Но конкретных решений по польскому вопросу конференция не приняла, и можно было предвидеть в будущем острые споры.

Хмурым утром 2 декабря Рузвельт и Черчилль улетели. В середине дня покинула Тегеран и советская делегация. Путь тот же: самолетом до Баку, оттуда поездом. Длительная остановка была только одна: в Сталинграде. На машине Сталин проехал по городу, где десять месяцев назад гремело сражение.

Утром 6 декабря прибыли в Москву.

Глава восемнадцатая

В принятой на Тегеранской конференции Декларации говорилось, что "никакая сила в мире не сможет помешать нам уничтожить германские армии на суше, их подводные лодки на море и разрушить их военные заводы с воздуха. Наше наступление будет беспощадным и нарастающим". Такое наступление на советско-германском фронте уже шло и на протяжении 1944 года нарастало из месяца в месяц.

Предпринятое фашистским командованием в середине ноября 1943 года контрнаступление в районе Житомира не достигло намеченных целей: сбросить советские войска с западного берега Днепра и захватить Киев не удалось, враг понес большие потери. Но и советские войска за время многомесячных наступательных боев ослабели, нуждались в пополнении людьми, вооружением, прежде всего — танками. Коммуникации растянулись, а железные дороги были разрушены противником, и это еще более затрудняло снабжение войск.

Ставка считала необходимым не давать противнику передышки и, организуя новое наступление немедленно, без паузы, по возможности полнее использовать достигнутый в 1943 году успех. Планы будущих операций обсуждались Верховным Главнокомандующим и членами Ставки с работниками Генерального штаба, командующими фронтами. В начале декабря 1943 года Генштаб разработал карту "План операций". Но окончательное решение было принято на совместном заседании Политбюро ЦК ВКП(б), ГКО и Ставки в середине декабря.

На совещании с докладами об опыте и итогах борьбы на фронтах, о ее перспективах выступили А. М. Василевский и

А. И. Антонов. Доклад об экономике страны и работе военной промышленности сделал председатель Госплана СССР Н. А. Вознесенский. Наконец И.В. Сталин говорил о международных проблемах и возможности открытия второго фронта. Он был настроен оптимистически:

—Союзники дали твердое слово открыть действия во Франции в 1944 году. Думаю, что слово они сдержат. Ну, а если нет,— то у нас и самих сил хватает, чтобы разделаться с фашистами.

Совещание пришло к выводу: достигнутое на третьем году войны соотношение сил и средств позволяет готовить и проводить крупные операции не на одном-двух направлениях, а последовательно на всем стратегическом фронте. Поэтому в течение зимы было решено наступать на фронте от Ленинграда до Черного моря.

Обладая столь мощной армией и полностью сохраняя в своих руках стратегическую инициативу, Советское Верховное Главнокомандование деятельно готовилось к летней кампании 1944 года. Тщательный анализ сложившейся стратегической обстановки убеждал руководителей Красной Армии, что на решающий успех в 1944 году следует рассчитывать в Белоруссии и на Западной Украине, так как разгром врага в этом районе позволял наиболее коротким путем вывести советские армии в самое сердце гитлеровского государства. Уже в марте 1944 года начались предварительные обсуждения намечавшейся операции.

На протяжении апреля замысел кампании неоднократно обсуждался и уточнялся у Верховного Главнокомандующего. К середине мая разработка плана Белорусской операции была закончена. Название операции — "Багратион" — дал, как и всегда, Верховный Главнокомандующий — на этот раз в честь русского полководца Петра Ивановича Багратиона.

В Ставке план обсуждался 22 и 23 мая. В первый день Жуков, Василевский и Антонов в Генштабе разобрали его с командующими фронтами И. Х. Баграмяном и К.К. Рокоссовским (В. Д. Черняховский из-за болезни прибыл 24 мая). На следующий день, 23 мая, Верховный Главнокомандующий принял всех упомянутых участников разработки плана и членов военных советов фронтов.

И. Х. Баграмян вспоминал:

"Когда все уселись, Верховный закурил трубку, встал и, медленно прохаживаясь по кабинету, предложил А. И. Антонову доложить замысел и план операции. Изредка он подходил к разложенной на столе карте и пристально всматривался в конфигурацию линии фронта..."

Доклад командующего фронтом Рокоссовского прошел не совсем гладко. При обсуждении действий на Бобруйском направлении Рокоссовский предложил:

—Здесь оборону противника надо прорывать двумя ударными группировками, действующими по сходящимся направлени-

ям — с северо-востока — на Бобруйск — Осиповичи и с юга -на Осиповичи.

Такое решение вызвало у Верховного Главнокомандующего вопрос:

— Почему вы распыляете силы фронта? Не лучше ли объединить их в один мощный кулак, протаранить этим кулаком оборону противника? Прорывать оборону нужно в одном месте.

— Если мы будем прорывать оборону на двух участках, товарищ Сталин, мы достигнем существенных преимуществ.

— Каких же?

— Во-первых, нанося удар на двух участках, мы сразу вводим в дело большие силы, далее мы лишаем противника возможности маневрировать резервами, которых у него и так немного. И,наконец, если мы достигнем успеха хотя бы на одном участке,это поставит врага в тяжелое положение. Войскам фронта будет обеспечен успех.

— Мне кажется, - настаивал Сталин, - что удар надо наносить один, и с плацдарма на Днепре, на участке 3-й армии. Вот что подумайте, а потом доложите Ставке свои соображения.

В соседней комнате Рокоссовский еще раз обдумал предложение и утвердился в мысли: он будет настаивать на своем. Командующий Белорусским фронтом был принципиальным и твердым человеком; не раз в жизни эта твердость спасала его в критических ситуациях.

Входя в кабинет Сталина, Рокоссовский, как и всегда, сохранял спокойствие.

— Вы продумали решение, товарищ Рокоссовский?

— Так точно, товарищ Сталин.

— Так что же, будем наносить один удар или два удара? -Сталин прищурился. В кабинете было тихо.

— Я считаю, товарищ Сталин, что два удара наносить целесообразней.

— Значит, вы не изменили своего мнения?

— Да, я настаиваю на осуществлении моего решения.

— Почему вас не устраивает удар с плацдарма за Днепром? Вы же распыляете силы!

— Распыление сил произойдет, товарищ Сталин, я с этим согласен. Но на это надо пойти, учитывая местность Белоруссии, болота и леса, а также расположение вражеских войск. Что же касается

плацдарма 3-й армии за Днепром, то оперативная емкость этого направления мала, местность там крайне тяжелая и с севера нависает сильная вражеская группировка, чего нельзя не учитывать.

— Идите, подумайте еще, — приказал Верховный Главнокомандующий, — мне кажется, что вы напрасно упрямитесь.

Вновь Рокоссовский остается один, вновь сопоставляет все "за" и "против". Когда его пригласили в кабинет, он постарался как можно убедительнее изложить свои доводы в пользу нане-

сения двух ударов. Комфронта кончил говорить, и наступила пауза. Сталин, молча стоя у стола, раскуривал трубку, затем подошел к Рокоссовскому:

—Настойчивость командующего фронтом доказывает, что организация наступления тщательно продумана. А это гарантия успеха. Ваше решение утверждается, товарищ Рокоссовский...

Летняя кампания Красной Армии началась 10 июня наступлением Ленинградского фронта на Карельском перешейке. Тем временем истекали последние дни подготовки к операции "Багратион". Командование фронтами и представители Ставки многократно отработали планы операций. Смущало одно: железные дороги не справлялись с подвозом необходимого фронту. Жуков и Василевский несколько раз сообщали об этом в Москву. Решено было перенести начало операции на 23 июня.

30 мая в Москву было вызвано командование Карельского фронта. В Генштабе Мерецков и его подчиненные предварительно рассмотрели и обговорили план Свирско-Петрозаводской операции и после этого были вызваны в Ставку. И здесь произошел некий конфуз.

К.А. Мерецков привез с собой искусно выполненный макет местности и панорамные аэрофотосъемки: он намеревался показать их Верховному, доказав, какая сложная задача стоит перед фронтом (это и впрямь было так), какой мощный укрепленный район противника придется сокрушить, и попросить в связи с этим дополнительные силы и средства.

Умудренные опытом генштабисты не советовали Мерецкову нести макет и снимки в Кремль: они знали, что Сталин не любит излишних атрибутов и терпеть не может прогнозов. В таких случаях он спрашивал:

—А вы откуда знаете? Вас противник персонально информирует?

Так вышло и на этот раз. Мерецков усугубил положение тем, что стал демонстрировать макет еще до изложения плана операции. Сталин прервал комфронта:

—Что это вы пугаете нас своими игрушками? Вы, видимо,загипнотизированы обороной противника. У меня появились сомнения: сможете ли вы справиться с задачей...

Мерецков подлил масла в огонь: он стал тут же просить артиллерию прорыва и тяжелые танковые полки. Сталин рассердился:

—Вы думаете, что напугали нас и мы сейчас же откроем кошель? А мы не из пугливых.

Прервав доклад, он велел работникам Генштаба еще раз рассмотреть план операции. Но при докладе на другой день Верховный почти не перебивал Мерецкова, не сделал серьезных замечаний и был щедр при выделении дополнительных средств. Прощаясь с Мерецковым, Сталин сказал:

— Желаю удачи! Испугайте противника сами и не поддавайтесь гипнозу его силы.

Третью годовщину начала войны Красная Армия отметила достойно. 21 июня войска Карельского фронта перешли в наступление на севере нашей страны, а через два дня удар невиданной силы обрушился на врага в Белоруссии: четыре наступавших здесь фронта имели в своем составе один миллион четыреста тысяч человек, тридцать одну тысячу орудий и минометов, пять тысяч двести танков и самоходных орудий и более пяти тысяч боевых самолетов.

Советские войска располагали немалым превосходством в силах и средствах; так обстояло дело в целом на фронте, к тому же фашистское командование не ожидало удара в Белоруссии. Оно полагало, что советские войска предпримут главное наступление на южном участке фронта.

Враг по-прежнему сопротивлялся ожесточенно, но остановить советских солдат был не в силах. И вот спустя три года с начала войны по дорогам Белоруссии бесславно, в панике отступали войска разгромленных оккупантов. Символично, что именно здесь, в Белоруссии, свершалось возмездие за поражения 1941 года. Враг бежал, бросая технику, но уйти от возмездия не мог. В нескольких местах наши войска окружили гитлеровцев, а восточнее Минска в кольце оказалась стопятитысячная группировка противника. Часть наших войск, с помощью белорусских партизан добивала немцев в лесах и болотах.

Вставал вопрос: как лучше использовать этот успех и превратить операцию в Белоруссии в победоносное наступление по всему фронту? Об этом и шла речь на совещании 8 июля 1944 года, подробности которого известны из воспоминаний Г.К. Жукова.

На совещании (оно происходило на даче Сталина) присутствовали члены Политбюро ЦК ВКП(б), ГКО и Ставки. После всестороннего обсуждения присутствующие сошлись во мнении: армия Германии истощена и не имеет значительных людских и материальных ресурсов. В то же время наша армия такими ресурсами располагала и могла рассчитывать к тому же на существенное пополнение людьми с освобожденных советских территорий. Открытие второго фронта неизбежно заставляло гитлеровское командование перебросить часть своих и без того ограниченных сил на запад. Ясно было, Германия потерпит поражение в войне, речь могла идти теперь только о сроках крушения "третьего рейха". На что же могли надеяться руководители Германии в такой безнадежной ситуации?

Жуков вспоминал:

"На этот вопрос Верховный ответил так:

— На то же, на что надеется азартный игрок, ставя на карту последнюю монету. Вся надежда гитлеровцев была на англичан и американцев. Гитлер, решаясь на войну с Советским Союзом,

считал империалистические круги Великобритании и США своими идейными единомышленниками. И не без основания: они сделали все, чтобы направить военные действия вермахта против Советского Союза.

— Гитлер, вероятно, сделает попытку пойти любой ценой на сепаратное соглашение с американскими и английскими правительственными кругами, — добавил Молотов.

— Это верно, - сказал И.В. Сталин, - но Рузвельт и Черчилль не пойдут на сделку с Гитлером. Свои политические интересы в Германии они будут стремиться обеспечить, не вступая на путь сговора с гитлеровцами, которые потеряли всякое доверие своего народа, а изыскивая возможности образования в Германии послушного им правительства.

Затем Верховный спросил меня:

Могут ли наши войска начать освобождение Польши и безостановочно дойти до Вислы, и на каком участке можно будет ввести в дело 1-ю Польскую армию, которая уже приобрела все необходимые качества?

Наши войска не только могут дойти до Вислы, — доложил я, — но и должны захватить хорошие плацдармы за ней, чтобы обеспечить дальнейшие наступательные операции на Берлинском стратегическом направлении. Что касается 1-й Польской армии, то ее надо нацеливать на Варшаву".

Сталин подвел итоги совещания:

—Немцы будут драться за Восточную Пруссию до конца, и мы можем там застрять. Надо скорее очистить от них Украину и восточную часть Польши. Это очень важно с политической точки зрения...

В Тегеране "большая тройка" в принципе договорилась, что советско-польская граница будет установлена по "линии Керзона". Но с этим ни в коей мере не желало соглашаться польское эмигрантское правительство С. Миколайчика: оно по-прежнему претендовало на украинские и белорусские земли и 5 января 1944 года опубликовало заявление, в котором выдвигалось наглое (иначе его и назвать трудно) требование об установлении польской администрации на этих территориях немедленно после освобождения их Красной Армией!

Естественно, что Советское правительство с обоснованным негодованием отвергло такие притязания. Правительства Великобритании и США попытались оказать давление в этом вопросе на своего союзника и, конечно, получили отпор.

За годы оккупации, длившейся почти пять лет, польский народ перенес многое. Миллионы граждан Польши были уничтожены захватчиками, миллионы — угнаны в Германию. Теперь с востока шло освобождение, и подавляющее большинство поляков приветствовали свою освободительницу — Красную Армию.

Вечером 8 июля Сталин в присутствии Жукова принял деятелей Крайовой рады народовой — центрального органа анти-

фашистского национального фронта в Польше — Б. Берута, Э. Осубко-Моравского и М. Роля-Жимерского. Они рассказали о положении в Польше. Советские руководители сообщили о предстоящих боевых действиях по освобождению братской страны.

18 июля пришли в движение войска 1-го Белорусского фронта, в состав которого входила и 1-я Польская армия. Уже через два дня войска Рокоссовского пересекли Западный Буг. Освобождение Польши началось.

Советское правительство сразу же и недвусмысленно определило свою позицию. 26 июля Наркоминдел СССР опубликовал заявление, в котором говорилось:

"Советские войска вступили в пределы Польши, преисполненные одной решимостью — разгромить вражеские германские армии и помочь польскому народу в деле его освобождения от ига немецких захватчиков и восстановления независимой, сильной и демократической Польши..."

На заседании в Ставке 27 — 29 июля была рассмотрена обстановка на советско-германском фронте в целом и на отдельных направлениях. Положение на фронте было благоприятным для советских армий — в этом сходились все участники совещания (Сталин, Жуков, Василевский, Антонов). Особенно детально обсудили положение на подступах к Восточной Пруссии и на западном направлении. Ворваться на землю врага в Восточную Пруссию — было бы очень заманчиво, но успех наступления с ходу здесь был маловероятен, требовалась тщательная подготовка прорыва мощной обороны. Напротив, на западном направлении крупных успехов можно было ожидать в ближайшие дни.

Поэтому было решено, что 1-й Белорусский фронт должен без остановки развивать наступление в общем направлении на Варшаву и не позже 5 — 8 августа овладеть ее предместьем на восточном берегу Вислы — Прагой, захватив также плацдармы за рекой. Даже в той, исключительно благоприятной обстановке советское командование не сочло возможным сразу же овладевать Варшавой. И это понятно: Ставка не имела крупных резервов для усиления войск 1-го Белорусского. Упорные и кровопролитные бои шли как на севере — в Прибалтике и на подступах к Восточной Пруссии, так и на юге — в полосе 1-го Украинского фронта.

Войска 1-го Белорусского фронта тем временем вышли к Висле. 1 августа 8-я гвардейская армия В.И. Чуйкова захватила плацдарм за Вислой, у Магнушева. Успешно продвигались на север, в направлении Варшавы, и корпуса 2-й танковой армии. 30 июля они появились на подступах к Праге. В столице Польши явственно слышалась канонада.

...Рокоссовский вспоминал: о восстании в городе ему стало известно утром 2 августа. С высокой заводской трубы наблюдал

он за горящей Варшавой — городом своей юности. Никакой связи с восставшими в ближайшие дни не удалось установить и, что гораздо хуже, Рокоссовский не мог помочь повстанцам: его фронт не располагал для того силами.

5 августа Сталин писал Черчиллю:

"Ваше послание о Варшаве получил. Думаю, что сообщенная Вам информация поляков сильно преувеличена и не внушает доверия. К такому выводу можно прийти хотя бы на том основании, что поляки-эмигранты уже приписали себе чуть ли не взятие Вильно какими-то частями Крайовой Армии[1] и даже объявили об этом по радио. Но это, конечно, не соответствует действительности ни в какой мере. Крайова Армия поляков состоит из нескольких отрядов, которые неправильно называются дивизиями. У них нет ни артиллерии, ни авиации, ни танков. Я не представляю, как подобные отряды могут взять Варшаву, на оборону которой немцы выставили четыре танковые дивизии, в том числе дивизию "Герман Геринг".

Тем не менее советское командование намеревалось организовать новую наступательную операцию по освобождению Варшавы. Жуков и Рокоссовский представили в Генштаб свои соображения, и на их основе был выработан план фронтовой операции.

Предполагалось, что разгром варшавской группировки врага будет осуществлен путем двустороннего охвата ее силами обоих крыльев 1-го Белорусского фронта. Честь овладения Варшавой план предоставлял 1-й Польской армии. Начать наступательную операцию предполагалось не ранее 25 августа.

К сожалению, в этом наступлении 1-й Белорусский фронт мог рассчитывать только на свои силы. Ставка не имела в то время крупных резервов, а развернувшиеся в Прибалтике, на Западной Украине и в Прикарпатье наступательные операции поглощали все ресурсы.

Между тем на Западе буржуазная пресса, в особенности польская эмигрантская, развернула кампанию, обвиняя советское командование в нежелании помочь восставшим. При этом буржуазная пресса не стеснялась утверждать, что повстанцы находятся в контакте с советским командованием, просят о помощи и не получают ее.

ТАСС опубликовал заявление, в котором категорически утверждалось: польское эмигрантское правительство не предпринимало никаких попыток заблаговременно уведомить советское командование о восстании и не согласовало свои действия в столице Польши с командованием Красной Армии. Поэтому ответственность за тяжелое положение варшавских повстанцев должны нести польские эмигрантские лидеры, и только они.

[1]Армия Крайова- вооруженные силы польского эмигрантского правительства. - *Ред*

Не ограничившись этим, Сталин самым тщательным образом ознакомился с ситуацией в Варшаве. 16 августа он сообщал Черчиллю:

" После беседы с г. Миколайчиком[1] я распорядился, чтобы командование Красной Армии интенсивно сбрасывало вооружение в район Варшавы. Был также сброшен парашютист-связной, который, как докладывает командование, не добился цели, так как был убит немцами.

В дальнейшем, ознакомившись ближе с варшавским делом, я убедился, что варшавская акция представляет безрассудную ужасную авантюру, стоящую населению больших жертв. Этого не было бы, если бы советское командование было информировано до начала варшавской акции и если бы поляки поддерживали с последним контакт. При создавшемся положении советское командование пришло к выводу, что оно должно отмежеваться от варшавской авантюры, так как оно не может нести ни прямой, ни косвенной ответственности за варшавскую акцию".

А в Варшаве шли бои, и повстанцам необходимо было помочь. Во время одного из разговоров с Рокоссовским Сталин приказал:

— Еще раз внимательно рассмотреть вопрос о варшавской операции. Следует, пока идет подготовка, организовать доставку вооружения повстанцам...

Но дело крайне осложнилось тем, что Бур-Коморовский[1] не желал вступать в какие-либо отношения с руководством Красной Армии. Советский парашютист с рацией, сброшенный в Варшаве, не зная дислокации повстанцев, угодил к немцам. Точно так же грузы, которые советские самолеты стали сбрасывать на парашютах повстанцам, часто попадали не по назначению, так как точное расположение повстанцев не было известно.

Наши армии под Варшавой не могли продвинуться, а союзники требовали помощи во что бы то ни стало. Получив послание Сталина от 16 августа, Черчилль уговорил Рузвельта подписать послание Сталину от 20 августа, в котором утверждалось, что реакция мировой общественности будет неблагоприятной, "если антинацисты в Варшаве будут на самом деле покинуты".

В ответе от 22 августа Сталин писал: "Рано или поздно, но правда о кучке преступников, затеявших ради захвата власти варшавскую авантюру, станет всем известна. Эти люди использовали доверчивость варшавян, бросив многих почти безоружных людей под немецкие пушки, танки и авиацию..."

Верховный Главнокомандующий особо остановился на военном значении событий в Варшаве: "С военной точки зрения, создавшееся положение, привлекающее усиленное внимание

[1] Руководитель Армии Крайовой, генерал. — *Ред*

немцев к Варшаве, также весьма невыгодно как для Красной Армии, так и для поляков. Между тем советские войска, встретившиеся в последнее время с новыми значительными попытками немцев перейти в контратаки, делают все возможное, чтобы сломить эти контратаки гитлеровцев и перейти на новое широкое наступление под Варшавой. Не может быть сомнения, что Красная Армия не пожалеет усилий, чтобы разбить немцев под Варшавой и освободить Варшаву для поляков". И это не были пустые слова!

Установив контакты с восставшими, советское командование организовало помощь оружием и боеприпасами: каждую ночь По-2 с небольшой высоты точно сбрасывали их в районы, занятые повстанцами.

Трагическое восстание шло к концу. Фашистские войска к 23 сентября сумели уничтожить плацдармы Войска Польского за Вислой, 28 сентября гитлеровцы предприняли в Варшаве общее наступление, повстанцы оказались в крайне тяжелом положении и 30 сентября по приказу Бур-Коморовского капитулировали.

Советское командование не отказывалось от мысли разгромить варшавскую группировку, однако вскоре выяснилось, что продолжение наступательных действий на этом направлении бесперспективно. К такому выводу пришел Г.К. Жуков, побывавший в начале октября 1944 года на этом участке фронта. Вскоре его и К. К. Рокоссовского вызвали в Ставку. В кабинете Сталина находились В.М. Молотов, Г.М. Маленков и АИ. Антонов. Сталин поздоровался и велел докладывать.

"Я развернул карту и начал докладывать, — вспоминал Жуков.— Вижу, И.В. Сталин нервничает: то к карте подойдет, то отойдет, то опять подойдет, пристально поглядывая то на меня, то на карту, то на К.К. Рокоссовского. Даже трубку отложил в сторону, что бывало всегда, когда он начинал терять хладнокровие и был чем-нибудь недоволен.

Товарищ Жуков, — перебил меня В.М. Молотов, — вы предлагаете остановить наступление тогда, когда разбитый противник не в состоянии сдержать напор наших войск. Разумно ли ваше предложение?

Противник уже успел создать оборону и подтянуть необходимые резервы, — возразил я. — Он сейчас успешно отбивает атаки наших войск. А мы несем ничем не оправданные потери.

Вы поддерживаете мнение Жукова? — спросил И.В. Сталин, обращаясь к В. К. Рокоссовскому.

Да, я считаю, надо дать войскам передышку и привести их после длительного напряжения в порядок.

Думаю, что передышку противник не хуже вас использует,— сказал Верховный. — Ну, а если поддержать 47-ю армию авиацией и усилить ее танками и артиллерией, сумеет ли она выйти на Вислу между Модлином и Варшавой?

— Трудно сказать, товарищ Сталин, — ответил К.К. Рокоссовский. — Противник также может усилить это направление.

— А вы как думаете? — обращаясь ко мне, спросил Верховный.

— Считаю, что это наступление нам не даст ничего, кроме жертв, — снова повторил я. — А с оперативной точки зрения нам не особенно нужен район северо-западнее Варшавы. Городнадо брать обходом с юго-запада, одновременно нанося мощный рассекающий удар в общем направлении на Лодзь — Познань. Сил для этого сейчас на фронте нет, но их следует сосредоточить. Одновременно нужно основательно подготовить к совместным действиям и соседние фронты на Берлинском направлении.

Идите и еще раз проверьте ваши предложения, — остановил меня И.В. Сталин".

Когда спустя непродолжительное время Жукова и Рокоссовского вновь пригласили в кабинет, решение уже было принято.

—Мы решили согласиться на переход наших войск к обороне на этом участке, — сказал Сталин. — Дальнейшие планы будем обсуждать позже. Вы свободны.

* * *

Вступление советских войск на территорию Болгарии, Югославии и Венгрии окончательно опрокидывало англо-американские планы, связанные с Балканами. Наступление союзных войск в Италии развивалось крайне медленно, до Балкан было далековато. "Балканская стратегия" Черчилля

терпела крах, и премьер-министр Великобритании поспешил в Москву, чтобы провести с Советским правительством консультации о политике в странах Восточной и Юго-Восточной Европы.

В Москве к визиту готовились тщательно. Как только в конце сентября стало известно о намерении Черчилля приехать, Сталин поручил работникам Генштаба подготовить расчеты по сосредоточению и обеспечению войск на Дальнем Востоке:

—Скоро, вероятно, они пригодятся...

А. И. Антонову велено было также подготовить доклад о положении на фронте. Накануне приезда англичан Штеменко повез доклад на "ближнюю дачу". Сталин был один. Взяв доклад, он сел за стол, набил трубку и стал читать, внося в текст кое-какие изменения. Никаких вопросов и замечаний не сделал, лишь в конце отметил:

—А вот здесь мы почетче скажем о наших планах: мол, мы будем стремиться побыстрее выйти к границам гитлеровской Германии и для этого предварительно разобьем Венгрию. Вам, товарищ Штеменко, как оператору надо знать — в Венгрии и будет наш главный интерес...

Но переговоры начались не с военных дел. Когда в десять вечера 9 октября Черчилль и Иден встретились со Сталиным и Молотовым, разговор сразу же зашел о Польше. По предложению Черчилля вновь решили пригласить в Москву представителей эмигрантского правительства и Польского комитета национального освобождения. Представители эти приехали, и 13 октября советские и английские руководители встретились с ними. 16 октября имела место встреча Миколайчика и Берута. Сталин принял Миколайчика и отдельно, очень долго и терпеливо с ним беседовал. Позднее он признался Черчиллю, что он, Сталин, и Молотов — единственные люди в Советском правительстве, которые считают необходимым "нянчиться" с эмигрантским польским правительством.

Переговоры ни к чему не привели: Миколайчик и его коллега отказывались от демократических преобразований в Польше, настаивали на предоставлении им в новом правительстве подавляющего большинства и, главное, не желали признавать "линию Керзона" в качестве советско-польской границы, требовали передачи под свою власть литовского Вильнюса и украинского Львова! В этих притязаниях Миколайчик получил, хоть и не открытую, поддержку Черчилля. Никакого соглашения по польскому вопросу достигнуто не было. Позднее, в ноябре, польское эмигрантское правительство категорически отвергло предложения, сделанные на переговорах в Москве, и Миколайчик ушел в отставку.

Вторым важным вопросом, который обсуждался на первом заседании, было положение на Балканах. Черчилль со свойственным ему цинизмом предложил разделить влияние на Балканах и тут же набросал таблицу, где в процентах изобразил предполагаемое влияние СССР и Великобритании в каждой балканской стране. Но Советское правительство, разумеется, не могло пойти на подобную сделку, хотя с готовностью обсуждало многие вопросы, касавшиеся Балканских государств.

На заседании 14 октября рассматривались военные дела. Союзники информировали Советское правительство о военных действиях в Европе и на Дальнем Востоке. Затем Антонов сделал доклад. По воспоминаниям Штеменко, Черчилль и Сталин сидели в креслах друг против друга и нещадно дымили: один сигарой, другой — трубкой. Доклад был кратким и, по утверждению самого Черчилля, откровенным. Время от времени Сталин вмешивался, подчеркивал то или иное обстоятельство. В конце доклада он заверил союзника, что немцам не удастся перебросить на запад ни одной дивизии.

Черчилль внимательно рассматривал разложенные на столе карты. Задал только один вопрос: сколько войск у немцев против Эйзенхауэра?

Окончив доклад, Антонов и Штеменко удалились и стали ждать в приемной, чтобы положить на подпись Верховному не-

отложные документы. Вскоре Черчилль ушел, генштабисты возвратились в кабинет. Когда дела были закончены, Сталин вызвал Поскребышева и распорядился:

— Виски и сигары, подаренные мне премьер-министром, передайте военным. — И добавил, обращаясь к Антонову и Штеменко: — Попробуйте, наверное, это неплохо...

14 октября английский премьер-министр отправился в Большой театр и был тепло встречен публикой. Овация стала бурной, когда в ложе появился Сталин, — впервые за годы войны. Черчиллю очень понравились выступления артистов балета и оперы, Ансамбля песни и пляски Красной Армии.

На следующий день, 15 октября, Черчилль в переговорах не участвовал: у него поднялась температура. Обсуждался вопрос о вступлении в войну на Дальнем Востоке Советского Союза. Сталин твердо обещал сделать это через три-четыре месяца после окончания войны в Европе, чем очень обрадовал союзников.

В целом атмосфера на переговорах оставалась дружеской. Даже в своих мемуарах, проникнутых духом "холодной войны", Черчилль писал: "Нет сомнения, что в нашем узком кругу мы разговаривали с простотой, свободой и сердечностью, никогда ранее не достигаемыми в отношениях между нашими странами". Сталин даже посетил обед в британском посольстве 11 октября, что было событием невиданным. Беседа продолжалась до рассвета.

Глава правительства Венгрии Хорти 15 октября выступил с заявлением, в котором сообщал, что готов обратиться к СССР, США и Англии с просьбой о заключении перемирия. Но немцы отстранили Хорти от власти и образовали послушное себе правительство Салаши, которое принудило венгерскую армию продолжать бессмысленную борьбу. Сообщение о событиях в Венгрии очень заинтересовало Черчилля, и он выразил надежду, что англо-американские войска вскоре продвинутся через Люблянский проход в Югославию.

Эта реплика была тщательно взвешена советскими руководителями. Она могла означать только одно: Черчилль отнюдь не отказался от своих балканских притязаний и надеялся, что союзные войска, обойдя неприступные Альпы, вмешаются в ход событий не только в Югославии, но и в Венгрии и Австрии, причем — ранее советских войск.

Командующий 1-м Украинским фронтом И.С. Конев вспоминал, как обстоятельно изучал план операции фронта в конце ноября 1944 года Верховный Главнокомандующий. Особо внимательно он рассматривал карту Силезского промышленного района: большое число промышленных предприятий, шахт, других построек создавали немалое препятствие для маневренных действий войск.

Верховный Главнокомандующий обвел пальцем территорию Силезского района и произнес:

— Золото!

Да, этот район был очень важен в экономическом отношении, и его предприятия следовало по возможности сохранить: они еще послужат новой народной Польше.

2 декабря 1944 года в Москву прибыл председатель временного правительства Французской республики генерал Шарль де Голль. На протяжении всей войны Советское правительство, в отличие от правительств США и Великобритании, очень благо склонно относилось к Французскому комитету национального освобождения, возглавляемому де Голлем, немало способствовало возрождению Франции как великой державы.

Как пишет один из биографов де Голля, генерал всегда во время ответственных переговоров предпочитал говорить как можно меньше, предоставляя эту привилегию партнеру. Запись его переговоров со Сталиным свидетельствует, что в тот раз генерал говорил несравненно больше, чем его собеседник. Вот отрывок из беседы 2 декабря:

"После небольшой паузы де Голль говорит, что Франция пережила немецкое вторжение в 1870 — 1871 годах, в 1914 — 1918 годах и в 1940 году. Отсюда проистекают почти все внешнеполитические и даже внутриполитические трудности во Франции. Французы теперь хорошо поняли, что единственным средством открыть себе путь в лучшее будущее является тесное сотрудничество с другими державами.

Сталин спрашивает, кто же мешает тому, чтобы Франция вновь стала великой страной.

Де Голль отвечает, что это прежде всего немцы, которых еще нужно победить. Французы знают, что сделала для них Советская Россия, и знают, что именно Советская Россия сыграла главную роль в их освобождении. Однако это не означает, что французы не хотят рассчитывать на свои силы и предпочитают рассчитывать на силы других, на силы своих друзей.

Де Голль говорит, что, в сущности, причиной несчастий, постигших Францию, было то, что Франция не была с Россией, не имела с ней соглашения, не имела эффективного договора. Во-вторых, Франция в таком географическом положении, которое дало бы ей хорошую позицию против Германии. Короче говоря, французы были отброшены на плохие границы.

Сталин говорит, что то обстоятельство, что Россия и Франция не были вместе, было несчастьем и для нас. Мы это очень почувствовали".

Разговор продолжался и далее в подобной манере.

Прежде всего де Голль был заинтересован в заключении франко-советского пакта. Советское правительство не возражало, но хотело посоветоваться с союзниками, в первую очередь— с Черчиллем. Когда Сталин уведомил о ситуации английского

премьер-министра, Черчилль предложил заключить тройственный договор о союзе. Теперь возражать стал де Голль...

Камнем преткновения и на этих переговорах оказался польский вопрос. Сталин предложил де Голлю признать ПКНО, чтобы тем способствовать возникновению дружественной Советскому Союзу Польши.

Однако де Голль не пожелал признать ПКНО, и это поставило под вопрос заключение советско-французского договора.

Вечером 9 декабря Сталин дал обед в честь де Голля. Де Голль был настроен мрачно: возвращение с пустыми руками во Францию означало для него крупное поражение. В полночь де Голль уехал во французское посольство, но переговоры продолжали другие французские официальные лица. Компромисс был достигнут, в четыре часа утра де Голль вернулся в Кремль, и договор о союзе и взаимной помощи был торжественно подписан. Сталин предложил отпраздновать это событие. Мгновенно были накрыты столы, и хозяин первым поднял бокал за великую и прекрасную Францию. Де Голль писал позднее, что Сталин сказал ему тогда: "Вы хорошо держались. В добрый час! Люблю иметь дело с человеком, который знает, чего хочет, даже если его взгляды не совпадают с моими".

Де Голль хотел пригласить его во Францию: "Приедете ли вы повидать нас в Париже?" Сталин ответил: "Как это сделать? Ведь я уже стар. Скоро я умру..."

Заключение этого договора укрепило авторитет де Голля во Франции и во всем мире. Он думал, что постиг Сталина: "Я понял суть его политики, грандиозной и скрытной. Коммунист, одетый в

маршальский мундир... он пытался сбить меня с толку. Но так сильны были обуревавшие его чувства, что они нередко прорывались наружу, не без какого-то мрачного очарования".

Неизвестно, однако, что Сталин думал о де Голле. Во всяком случае на Ялтинской конференции он сказал Рузвельту, что де Голль показался ему человеком неглубоким...

В переписке Сталина и Черчилля есть немало любопытных документов, но и среди них выделяется письмо от 6 января 1945 года. Премьер-министр Великобритании писал "лично и строго секретно" маршалу Сталину: "На Западе идут очень тяжелые бои, и в любое время от Верховного Главнокомандования могут потребоваться большие решения. Вы сами знаете по Вашему собственному опыту, насколько тревожным является положение, когда приходится защищать очень широкий фронт после временной потери инициативы. Генералу Эйзенхауэру очень желательно и необходимо знать в общих чертах, что Вы предполагаете делать, так как это, конечно, отразится на всех его и наших важнейших решениях... Я буду благодарен, если Вы сможете сообщить мне, можем ли мы рассчитывать на крупное русское наступление на фронте Вислы или где-нибудь

в другом месте в течение января и в любые другие моменты, о которых Вы, возможно, пожелаете упомянуть".

Что же произошло, почему так спешно потребовалось "крупное русское наступление"? Напрягая последние силы, фашистское командование нанесло 16 декабря 1944 года сильный контрудар в Арденнах. Несмотря на то что у союзников имелось значительное превосходство в силах и средствах, их войска, до сих пор не сталкивавшиеся с подобными контрударами, начали отступать, и по временам это отступление становилось паническим.

В критические для нашей Родины дни 1941 - 1942 годов Советское правительство добивалось от союзников открытия второго фронта, те уклонялись от оказания наиболее конкретной и действенной формы помощи союзникам. Но вот что ответил Сталин на следующий же день, 7 января: "Очень важно использовать наше превосходство против немцев в артиллерии и авиации и отсутствие низких туманов, мешающих артиллерии вести прицельный огонь. Мы готовимся к наступлению, но погода сейчас не благоприятствует нашему наступлению. Однако, учитывая положение наших союзников на Западном фронте, Ставка Верховного Главнокомандования решила усиленным темпом закончить подготовку и, не считаясь с погодой, открыть широкие наступательные действия против немцев по всему Центральному фронту не позже второй половины января. Можете не сомневаться, что мы сделаем все, что только возможно сделать для того, чтобы оказать содействие нашим славным союзным войскам".

1-й Украинский фронт под командованием И. С. Конева начал наступление с плацдарма на Висле у Сандомира 12 января, вместо 20-го, как предполагалось. 14 января из района Варшавы перешли в наступление войска 1-го Белорусского фронта (командующий Г.К. Жуков).

Хотя фашистское командование, как и прежде, держало на восточном фронте большую часть своих сил, соотношение их было далеко не в пользу немецких войск: наши действующие войска насчитывали к исходу 1944 года около шести миллионов человек, фашистские же — чуть более трех миллионов.

1-й Белорусский продолжал наступление. 29 января его войска пересекли германо-польскую границу и 31 января передовыми частями форсировали Одер у Кюстрина и Франкфурта. Появление советских войск в семидесяти километрах от Берлина ошеломило фашистское командование. Со 2 февраля враг обрушил на защитников плацдарма все имеющиеся у него силы, но тщетно: опыт тяжелейших кровопролитных боев на Волге и Дону, на Днепре и Висле, на Днестре и Дунае не прошел даром, мужество наших солдат, закаленных в тех боях, сказалось и здесь, на Одере. Плацдармы были удержаны, а когда подошли главные силы фронтов, то и расширены. Так в начале

февраля 1945 года завершилась Висло-Одерская операция, одна из крупнейших в Великой Отечественной войне. На фоне этой блестящей победы и состоялась Ялтинская конференция 4 — 11 февраля 1945 года.

Главы трех держав давно уже договаривались о встрече, и наконец в ночь на 3 февраля на аэродром Саки в Крыму с интервалом в двадцать минут стали приземляться транспортные самолеты, вылетевшие с Мальты. Всего прилетело до семисот политических и военных деятелей, советников и переводчиков. Советская сторона обеспечила максимум удобств, а это было нелегко в разрушенном войной Крыму. Рузвельт поселился в бывшем царском дворце в Ливадии, где и проходили встречи "большой тройки", Черчилль — в Воронцовском дворце (Алупка). Самый скромный и по размерам и по архитектуре Юсуповский дворец в Кореизе заняла советская делегация.

И.В. Сталин, В.М. Молотов, Н.Г. Кузнецов, А.И. Антонов,И.М. Майский, А.А. Громыко и другие прибыли в Ялту утром 4февраля. В шестнадцать часов тридцать пять минут открылось первое заседание, и опять Сталин предложил председательствовать на нем Рузвельту. Президент предложение принял.

Это заседание целиком было отведено военным делам. Сначала А.И. Антонов доложил о положении на советско-германском фронте; информацию о западноевропейском театре дал начальник штаба армии США Дж. Маршалл. Обсуждение военных вопросов и на этом заседании, и на последующих шло гладко и в дружественной атмосфере. Конференция стала высшей точкой военного сотрудничества в войне с гитлеровской Германией.

Естественно, что связанные с конференцией заботы отнимали у Сталина очень много времени. Тем не менее он, так же как и в Москве, заслушивал доклады о положении на фронте, встречался с военачальниками, подписывал директивы. Но, конечно, прежде всего — дела конференции. Участник ее, Н. Г. Кузнецов, вспоминал:

"За несколько часов до очередного заседания конференции Сталин собирал членов делегации, давал почти каждому определенное задание: изучить такой-то вопрос, то-то выяснить, с тем-то связаться. Чувствовалось, что он тщательно и всесторонне готовится к каждой встрече с главами союзных держав. Сталин обладал превосходной памятью и все же не полагался на нее. Еще и еще раз все проверял, просматривал документы, записи, выслушивал мнения членов делегации.

Он и других учил не полагаться на память. Я помню; он как-то спросил меня:

— А почему вы не записываете?

— Я запомню.

— Все запомнить невозможно. К тому же запись приучает к точности.

С тех пор я всегда имел при себе блокнот и карандаш.

Перед обсуждением вопроса о выделении американских кораблей по ленд-лизу для Тихоокеанского флота Сталин специально вызвал меня и спросил, готов ли я ответить на все вопросы, которые могут возникнуть по этому поводу за "круглым столом"...

Всех присутствующих поражало спокойствие Сталина, особенно тех, кто знал, что он может быть очень вспыльчивым. А споры на конференции бывали настолько жаркими, что по временам Черчилль не мог усидеть на месте. Сталин же говорил ровным голосом, четко выговаривая слова, и логика его сокрушала сопротивление оппонентов.

Вот на втором заседании 5 февраля Черчилль стал расписывать, в каком тяжелом положении окажется Великобритания после окончания войны. И вдруг:

— Кроме того, что будет с Германией? Призрак голодающей Германии, с ее 80 миллионами человек, встает перед глазами. Кто будет ее кормить? И кто будет за это платить? Не выйдет ли в конце концов так, что союзникам придется хотя бы частично покрывать репарации из своего кармана?"

В начале января 1945 года Советское правительство признало ПКНО в качестве временного правительства Польши. Это вызвало тревогу в Лондоне и Вашингтоне: стремление навязать польскому народу обанкротившихся эмигрантских деятелей становилось все менее реальным. Поэтому на Ялтинской конференции и разгорелись споры по определению как будущих границ Польши, так и состава ее правительства.

Сталин высказывался по этому поводу на конференции неоднократно и вопреки обыкновению довольно пространно. Поэтому процитируем только одно выступление, на заседании 6 февраля. В ответ на речь Черчилля, в которой британский премьер-министр утверждал, будто вопрос о Польше — вопрос чести для англичан, Сталин сказал: "...Для русских вопрос о Польше является не только вопросом чести, но также и вопросом безопасности. Вопросом чести потому, что у русских в прошлом было много грехов перед Польшей. Советское правительство стремится загладить эти грехи. Вопросом безопасности потому, что с Польшей связаны важнейшие стратегические проблемы Советского государства".

Столь же недвусмысленны и ярки были высказывания Сталина и о будущих границах Польши: союзники стали подвергать сомнению уже давно, казалось бы, согласованную границу по "линии Керзона". Он говорил: "Линия Керзона" придумана не русскими. Авторами линии являются Керзон, Клемансо и американцы, участвовавшие в Парижской конференции 1919 года. Русских не было на этой конференции. "Линия Керзона" была принята на базе этнографических данных вопреки воле русских. Ленин не был согласен с этой линией. Он не хотел отдавать

Польше Белосток и Белостокскую область, которые в соответствии с линией Керзона должны отойти к Польше.

Советское правительство уже отступило от позиции Ленина. Что же вы хотите, чтобы мы были менее русскими, чем Керзон и Клемансо? Этак вы доведете нас до позора. Что скажут украинцы, если мы примем ваше предложение? Они, пожалуй, скажут, что Сталин и Молотов оказались менее надежными защитниками русских и украинцев, чем Керзон и Клемансо. С каким лицом он, Сталин, вернулся бы тогда в Москву? Нет, пусть уж лучше война с немцами продолжится еще немного дольше, но мы должны оказаться в состоянии компенсировать Польшу за счет Германии на западе".

По вопросу о составе польского правительства высказывания Сталина были не менее эмоциональными: "Черчилль предлагает создать польское правительство здесь, на конференции. Сталин думает, что Черчилль оговорился: как можно создать польское правительство без участия поляков? Многие называют его, Сталина, диктатором, считают его не демократом, однако у него достаточно демократического чувства для того, чтобы не пытаться создавать польское правительство без поляков. Польское правительство может быть создано только при участии поляков и с их согласия".

Все же компромиссное решение было найдено: Временное польское правительство должно было пополниться демократическими деятелями из эмигрантских польских кругов.

Много времени "большая тройка" уделила созданию международной организации безопасности. Здесь Сталин спорил также больше с Черчиллем, но по временам острые разногласия возникали у него и с американским президентом — зародыши будущих и уже достаточно близких конфликтов можно обнаружить почти по всем пунктам программы конференции. Разумеется, за исключением дальневосточных: правительство США по-прежнему было заинтересовано во вступлении Советского Союза в войну с Японией.

Кроме официальных встреч, конечно, происходили и неофициальные, давались завтраки и обеды, и на них, как правило, обсуждались серьезные дипломатические дела. Даже тосты, в обилии произносимые на этих обедах, с должной аккуратностью записывались и впоследствии анализировались. Упомянем об

одном тосте — Сталин произнес его на обеде, который давала советская делегация. Говоря о знаменательном союзе трех держав, Сталин подчеркнул, что нетрудно было сохранять единство во время войны, поскольку существовала единая, ясная каждому, цель — сокрушить общего врага. Более трудная задача встанет после войны, когда различие интересов будет толкать союзников к разобщению. Сталин выразил уверенность, что при желании нынешний союз сможет выдержать и это испытание и что долг глав трех держав добиться того, чтобы

наши контакты в мирное время были столь же тесными, как и в военное.

Надо отдать должное политической проницательности, предвидению главы советской делегации.

* * *

К быстрейшему взятию Берлина Советское Верховное Главнокомандование побуждали кроме совершенно естественного желания побыстрее окончить войну и чисто политические мотивы: союзники явно нацелились на захват столицы Германии, хотя согласно ялтинским соглашениям Берлин относился к зоне оккупации советских войск. Особенно хотелось овладеть Берлином Черчиллю. 1 апреля 1945 года он живописал американскому президенту следующую "страшную" картину: "Русские армии, несомненно, захватят всю Австрию и войдут в Вену. Если они захватят также Берлин, то не создастся ли у них преувеличенное представление о том, будто они внесли подавляющий вклад в нашу общую победу, и не может ли это привести их к такому умонастроению, которое вызовет серьезные и весьма значительные трудности в будущем?"

Г. К. Жуков вспоминал, что впервые о Берлинской операции он разговаривал с Верховным Главнокомандующим 7 или 8 марта 1945 года. Сталин был нездоров и принял командующего 1-м Белорусским фронтом на даче. Они гуляли по мартовскому подмосковному лесу, снег блестел на солнце, было тихо, война казалась далекой и нереальной. Сталин выглядел усталым, и, видимо, настроение у него было несколько необычным: он стал рассказывать Жукову о своем, теперь уже далеком, детстве. Жуков спросил, нет ли новых известий о судьбе Якова? Только через сотню шагов приглушенным голосом отец ответил:

—Не выбраться ему из плена...

С середины марта 1945 года 3-й Украинский фронт успешно продвигался к Вене. Однажды во время доклада обстановки Верховный Главнокомандующий, ни к кому конкретно не обращаясь, произнес, размышляя вслух:

—Интересно, жив ли Карл Реннер, ученик Каутского, социал-демократ и последний председатель австрийского парламента?

Ответить на этот вопрос никто, конечно, не мог, да Сталин, видимо, и не ждал ответа, так как продолжал рассуждать:

—Мы не должны пренебрегать влиятельными антифашистскими силами. Может быть, фашизм научил кое-чему и германских социал-демократов...

Можно себе представить удивление работников Генштаба, когда 4 апреля Военный совет 3-го Украинского фронта сообщил в Москву, что Крал Реннер сам пришел в советскую комендатуру и предложил помощь в установлении демократиче-

ского режима в Австрии. Сталину доложили об этом, и на 3-й Украинский фронт полетела телеграмма за подписями Сталина и Антонова: "1) Карлу Реннеру оказать доверие; 2) Сообщить ему, что ради восстановления демократического режима в Австрии командование советских войск окажет ему

поддержку; 3) Объяснить Реннеру, что советские войска вступили в пределы Австрии не для захвата ее территории, а для изгнания фашистских оккупантов.

13 апреля после семидневных ожесточенных боев наши войска полностью очистили Вену. 15 апреля Реннер направил Сталину письмо, в котором подчеркивал свою причастность к революционному движению и личные связи "со многими русскими передовыми революционными борцами". Связи были, конечно, специфическими: В.И. Ленина Реннер лишь однажды встречал на конференции, но долго и хорошо знал Троцкого и Рязанова. "Мне не удавалось, однако, — писал Реннер, — до сих пор познакомиться с Вами лично, дорогой товарищ". Слово "товарищ" подразумевало некую близость.

В пространном письме бросалась в глаза фраза: "Австрийские социал-демократы по-братски договорятся с коммунистической партией и будут совместно работать на равных правах при воссоздании Республики".

Сталин ответил Реннеру: "Благодарю Вас, многоуважаемый товарищ, за Ваше послание от 15 апреля. Можете не сомневаться, что Ваша забота о независимости, целостности и благополучии Австрии является также моей заботой". Сталин заверял, что Австрии будет, по мере сил и возможностей, оказана помощь.

В конце апреля было создано Временное правительство Австрии во главе с К. Реннером...

* * *

Продолжались боевые действия и на территории Восточной Пруссии. В первые дни были отдельные факты нарушения норм поведения. Необходимо было пресечь это.

19 января 1945 года народный комиссар обороны отдал приказ, в котором требовал не допускать случаев грубого отношения к немецкому населению. Красная Армия, говорилось в приказе, ведет войну не против немецкого народа, она взялась за оружие, чтобы разгромить агрессора и уничтожить в Германии фашизм и милитаризм, принесшие так много несчастья соседям Германии да и самому немецкому народу. В отличие от гитлеровских захватчиков, сеявших смерть и разрушения на оккупированной земле, воины Красной Армии должны вести себя с достоинством и честью. Приказ требовал от командиров и политработников довести эти положения до сознания каждого бойца, и это было сделано.

Приходилось поправлять и отдельных пропагандистов и журналистов, слишком рьяно проповедовавших ненависть к немцам и всему немецкому, а не только к фашизму и его носителям. Так, И. Эренбург на протяжении войны опубликовал немалое число статей о кровавых преступлениях фашизма. Но когда наши войска вступили на территорию Германии, в некоторых его статьях стали проскальзывать ошибочные утверждения, ориентировавшие советских воинов на безоговорочную ненависть ко всем немцам и всему немецкому. Центральный Комитет партии немедленно исправил эту ошибку журналиста: в "Правде" 14 апреля 1945 года была помещена статья "Тов. Эренбург упрощает", где предельно ясно, четко и обстоятельно были еще раз разъяснены основы политики Советского Союза в отношении Германии и немецкого народа. Ведь "гитлеры приходят и уходят, а народ германский остается".

В пятом часу утра 1 мая 1945 года на даче Сталина зазвонил телефон. Дежурный поднял трубку:

—Движения нет...

—Говорит маршал Жуков. Дело срочное, прошу разбудить товарища Сталина.

Дело и впрямь было срочное: на командный пункт 8-й гвардейской (в прошлом 62-й) армии явился начальник генерального штаба германских сухопутных войск генерал Кребс. Он принес письмо Геббельса, в котором сообщалось о самоубийстве Гитлера и предлагалось начать мирные переговоры.

Сталин подошел к телефону быстро. Выслушал доклад.

— Доигрался, подлец! Жаль, что не удалось взять его живьем!Где труп Гитлера?

Генерал Кребс сообщил, что труп сожжен.

Передайте Соколовскому: никаких переговоров, кроме безоговорочной капитуляции, ни с кем из гитлеровцев не вести.Мне до утра не звоните, хочу отдохнуть — у нас сегодня Первомайский парад...

2 мая Берлин капитулировал. Но боевые действия на других участках не прекращались, и Советское Верховное Главнокомандование стремилось уничтожить все сопротивлявшиеся группировки врага.

Беспокоила Ставку и неясность версии о смерти Гитлера -останков его пока не было найдено. В ночь на 4 мая в Ставке обсуждался этот вопрос. Телеграмма Жукова оставляла возможность для сомнений. Сталин сказал тогда работникам Генштаба:

—Жуков тоже сомневается в смерти Гитлера... От фашистов можно ждать всякого. Надо тщательно проверить!

Проверка длилась долго. Найденные обгоревшие трупы Гитлера и Евы Браун опознать было невозможно, пришлось орга-

низовать авторитетную экспертизу, которая опознала трупы. И все же у Сталина оставалось сомнение: он был убежден в коварстве Гитлера, к тому же самому ему была чужда мысль о самоубийстве...

Война завершалась. 7 мая в Реймсе союзники заключили одностороннее соглашение с правительством Деница. Это произвело очень неприятное впечатление на членов Советского правительства, и оно договорилось с союзниками считать процедуру в Реймсе предварительной капитуляцией. По свидетельству С.М. Штеменко, при обсуждении этого решения в Ставке Сталин говорил:

—Договор, подписанный союзниками в Реймсе, нельзя отменить, но его нельзя и признать. Капитуляция должна быть учинена как важнейший исторический факт и принята не на территории победителей, а там, откуда пришла фашистская агрессия: в Берлине, и не в одностороннем порядке, а обязательно верховным командованием всех стран антигитлеровской коалиции. Пусть ее подпишет кто-то из главарей бывшего фашистского государства или целая группа нацистов...

Сталин связался с Жуковым и сообщил ему, что завтра, 8 мая, в Берлин прибудут представители Верховного командования союзных войск и представители немецкого главного командования.

—Представителем Верховного Главнокомандования советских войск назначаетесь вы, — сказал Сталин...

В ноль часов сорок три минуты 9 мая 1945 года в Карлхорсте немецкая делегация покинула зал после подписания акта о безоговорочной капитуляции...

Утром 9 мая И.В. Сталин обратился к советскому народу:

"Товарищи! Соотечественники и соотечественницы! Наступил великий день победы над Германией. Фашистская Германия, поставленная на колени Красной Армией и войсками наших союзников, признала себя побежденной и объявила безоговорочную капитуляцию..."

С тех пор День Победы — один из величайших праздников нашего народа.

Советская страна с ликованием встретила окончание войны, она готова была чествовать и награждать своих героев, в четырехлетней кровавой схватке отстоявших свободу и независимость нашей Родины. В эти послевоенные недели получал заслуженные награды и Верховный Главнокомандующий. 26 июня Президиум Верховного Совета СССР наградил его вторым орденом "Победа" и присвоил ему звание Героя Советского Союза. 27 июня Верховному Главнокомандующему Вооруженными Силами СССР было присвоено высшее воинское звание — Генералиссимус Советского Союза.

Читателям, конечно, известно о Параде Победы 24 июня 1945 года, о торжественном марше фронтовых победителей, о вражеских знаменах, летевших к подножию Мавзолея. Но по-

чему-то вышло так, что гораздо менее известен прием в Кремле за месяц до этого, 24 мая, в честь командующих войсками Красной Армии. Завершая наш рассказ о Великой Отечественной войне, хочется вспомнить об этом приеме.

К 8 часам вечера Георгиевский зал Большого Кремлевского дворца был заполнен. Здесь вместе с военными находились члены правительства и Центрального Комитета партии, деятели народного хозяйства, науки, культуры, литературы и искусства.

Первый тост (его, как и все остальные, произносил Молотов) был поднят за здоровье красноармейцев, моряков, офицеров, генералов и адмиралов. Второй — за партию и ее Центральный Комитет...

Прием длился долго, и тостов произнесено было немало. В перерывах между тостами перед гостями выступали прославленные артисты. Чем дальше, тем шумнее становилось в зале. И вдруг — мертвая тишина: с бокалом в руке поднялся Сталин.

—Товарищи, разрешите мне поднять еще один, последний тост. Я хотел бы поднять тост за здоровье нашего советского народа, и прежде всего, русского народа...

На эти слова зал ответил криками "ура!" и бурей оваций.

—Я пью, — продолжал Сталин, — прежде всего за здоровье русского народа потому, что он является наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза.

Я поднимаю тост за здоровье русского народа потому, что он заслужил в этой войне общее признание, как руководящей силы Советского Союза среди всех народов нашей страны.

Я поднимаю тост за здоровье русского народа не только потому, что он — руководящий народ, но и потому, что у него имеется ясный ум, стойкий характер и терпение...

И тут Сталин заговорил о том, чего никто от него в тот момент не ожидал:

—У нашего правительства было немало ошибок, были у нас моменты отчаянного положения в 1941 — 1942 годах, когда наша армия отступала, покидая родные нам села и города Украины, Белоруссии, Молдавии, Ленинградской области, Прибалтики, Карело-Финской республики, покидала, потому что не было другого выхода. Иной народ мог бы сказать правительству: вы не оправдали наших ожиданий, уходите прочь, мы поставим другое правительство, которое заключит мир с Германией и обеспечит нам покой. Но русский народ не пошел на это, ибо он верил в правильность политики своего правительства и пошел на жертвы, чтобы обеспечить разгром Германии. И это доверие русского народа Советскому правительству оказалось той решающей силой, которая обеспечила историческую победу над врагом человечества — над фашизмом.

Спасибо ему, русскому народу, за это доверие! За здоровье русского народа!

* * *

Вспоминая войну, нельзя не сказать о событиях, последствия которых и по сию пору остро отзываются в жизни нашей страны. Речь идет о так называемой депортации ряда северокавказских народов.

Долго и неуместно рассказывать здесь о вхождении этих народов в состав России. Ограничимся упоминанием о том, что после длительных и ожесточенных войн с середины 60-х годов прошлого века в этом районе Российской империи наступило умиротворение, в результате чего горские народы на протяжении полувека благоденствовали под скипетром русских царей. Порой на Северном Кавказе случались волнения, но в общем и целом они не носили широкого и длительного характера. Положение резко осложнилось с лета 1917 года, когда государственная власть в стране рухнула и оживились центробежные силы, причем отнюдь не только на Северном Кавказе.

В ходе гражданской войны главными противниками большевиков на Дону и Северном Кавказе были казаки. Не в состоянии преодолеть сопротивление казачества, большевики не нашли ничего лучшего, как натравить на русских, проживавших на Северном Кавказе, горские племена. И племена эти занялись грабежом, поджогами, убийствами. Советская же власть, в том числе столь видные в будущем соратники Сталина, как Орджоникидзе и Киров, не видели ничего опасного в этом, поскольку страдали и гибли от бесчинств горцев "контрреволюционеры" — русские казаки. В результате в годы гражданской войны были убиты и выселены (то есть депортированы, употребим здесь такой термин) сотни тысяч русских; горцы же захватили огромные и богатые районы на Северном Кавказе, которые они тотчас объявили своими: прежде там проживали только русские. Захватили со всем имуществом, ибо сами никогда не имели ничего подобного.

Сталин, в ту пору нарком по делам национальностей, был полностью осведомлен о положении на Северном Кавказе и в том, что тогда там происходило, не видел ничего противоестественного.

Миновала гражданская война. Надо было восстанавливать государственную власть, в том числе и на Северном Кавказе. И Сталин, которому было суждено сыграть в этом столь важную роль, теперь отнюдь не был склонен прощать то, что ранее считал естественным и полезным для "дела пролетариата". Горцы же "разбаловались" (употребим здесь предельно мягкий термин) и крайне неохотно шли навстречу Советской власти, которой были так многим обязаны. В особенности усилилось противостояние с началом коллективизации: поступаться скотом и пастбищами (а это практически было единственное, чем они

располагали) горцы явно не желали. И с 1930 года на Северном Кавказе появились "абреки", а проще говоря — бандиты.

Впрочем, и во времена коллективизации, и позднее в гораздо большей степени на Северном Кавказе страдали казаки, то есть русские. К ним Ягода, Ежов и Берия были безжалостны. Горцы же пользовались привилегиями и благосклонностью властей. Их, к примеру, в армию не брали. А когда в 1940 году стали призывать в армию и горцев, они стремились уклониться от службы или дезертировать.

С началом Великой Отечественной войны дезертирство резко возросло. В горах и в плавнях Кубани появились устойчивые бандитские группы. Войск у правительства было мало, и бандиты укреплялись, пользуясь, конечно, поддержкой горского населения, у которого родовые и семейные связи всегда были очень сильны. Когда же в августе 1942 года немецкие войска появились на Северном Кавказе, то получили одобрение и поддержку большинства горских племен. Не имея возможности рассказывать об этом подробно, сообщим только, что карачаевцы еще до прихода немцев вырезали в Кисловодске раненых бойцов и командиров Красной Армии, которые лечились в тамошних санаториях, превращенных в госпитали, и занялись грабежом и убийством русского населения, особенно тех, кто пытался через горные перевалы уйти от наступавших немцев.

Немцы, получив поддержку, стали организовывать различные антисоветские органы, привлекать нерусские народы к вооруженной борьбе с Красной Армией, и во многих случаях преуспевали в этом. К примеру, они создали целую кавалерийскую дивизию из калмыков.

К счастью, немецкие войска пробыли на Северном Кавказе недолго, и к весне 1943 года у них оставался только плацдарм на Таманском полуострове. Но в горных районах после их ухода действовало немало бандитских формирований, а в Чечне, которая и не была оккупирована немцами, таких формирований было особенно много.

Так что же оставалось делать Советскому правительству?

Шла жестокая война. Враг оккупировал огромные территории нашего государства. На фронте гибли миллионы наших солдат, а в тылу горские бандиты стреляли в спину защитникам Родины, и местное население всемерно поддерживало и покрывало бандитов.

Сталин, хорошо знавший и условия жизни, и нравы горских племен, принял жестокое, но в условиях войны неизбежное решение: выселить с Кавказа те народы, представители которых наиболее "отличились" в этом отношении.

Решение, повторяем, жестокое, но такие решения в годы войны принимал отнюдь не один Сталин. Возможно, не всем нашим читателям известно, что в сентябре 1939 года, в самом начале второй мировой войны, польские власти пытались де-

портировать из западных районов Польши сотни тысяч немцев, проживавших там. Их пешком, с детьми на руках, гнали на восток, подальше от наступающего вермахта.

Но поляки, могут сказать западные читатели, так же, как и русские, — варвары. Но вот Франция, демократическая страна. С осени 1939 года все немцы, проживавшие в ней, были помещены в лагеря и содержались в них весьма строго. Или взять США, и вовсе "оплот демократии". Там после начала войны с Японией все японцы — жители западного побережья — более двухсот тысяч человек — были депортированы в пустыню и содержались там в лагерях, хотя до Японии далеко — она за Тихим океаном.

Так если это мог сделать президент Рузвельт, почему это невозможно и преступно со стороны Сталина? Повторяем, шла война... И такое решение было принято. Калмыки, карачаевцы, балкарцы, ингуши и чеченцы были выселены. Наиболее массовым было выселение ингушей и чеченцев.

По переписи 1939 года в Чечено- Ингушской республике проживало 737,7 тысячи жителей, в том числе 387,8 тысячи (52,8 процента) чеченцев, 75 тысяч (12 процентов) ингушей, 205,8 тысячи (27,8 процента) русских, представителей других народов — 57 тысяч человек. С рассветом 23 февраля 1944 года началась операция по выселению ингушей и чеченцев. И за эти три дня (обратите внимание — за три дня!) большинство их было выселено, за исключением жителей высокогорных населенных пунктов. "Операция прошла организованно и без серьезных сопротивлений и других инцидентов", - доносил 1 марта 1944 года Сталину Берия, выехавший специально в этот район. Он же докладывал в Государственный комитет обороны спустя неделю, что в операции участвовали 19 тысяч оперативных работников НКВД-НКГБ и СМЕРШа и до 100 тысяч офицеров и бойцов войск НКВД, стянутых из различных областей. Всего в результате операции по выселению чеченцев, ингушей, калмыков и карачаевцев в восточные районы СССР были выселены 650 тысяч человек. Банд на Северном Кавказе к осени 1944 года не стало...

Тремя месяцами позднее то же самое произошло и в Крыму. За пятьсот лет проживания в Крыму татарское население привыкло существовать за счет набегов на юг России и Украины, во время которых жгло, грабило, а потом угоняло и продавало на невольничьих рынках Турции сотни тысяч (а скорее, миллионы) русских и украинцев. Со времени вхождения Крыма в состав России татары были особой

заботой русского правительства. Так было во времена Суворова и Кутузова, во время русско-турецкой войны 1828 - 1829 годов, Крымской войны, последней русско-турецкой войны 1877 — 1878 годов и в период первой мировой войны. Во время гражданской войны события там очень напоминали происходившее тогда на Северном Кав-

казе — большевики натравливали татар на русских. Когда же в ноябре 1941 года немецкие войска появились в Крыму, татарское население в своем большинстве перешло на службу к оккупантам: оно рассчитывало на то, что Крым отойдет к Турции. И татарские националисты не бездействовали.

Считается, что в армию можно призывать не более 10 процентов всего населения. В Крыму в 1940 году проживало 218 тысяч татар при общей численности населения 1126800 человек (в подавляющем большинстве это были русские). Так вот, на военную службу к немцам перешло гораздо больше 10 процентов татар: гитлеровцы организовали несколько татарских вооруженных отрядов численностью не менее 20—25 тысяч. Только из 51-й армии в мае 1942 года при отступлении ее из Крыма дезертировало до 20 тысяч татар.

В период оккупации Крыма (ноябрь 1941 — апрель 1944 года) на полуострове действовали советские партизаны, и бороться им приходилось почти исключительно с татарскими охранными отрядами. Немцы во время карательных операций против партизан только командовали. Партизанская война в Крыму по своей ожесточенности и тяготам вряд ли имеет аналоги в истории партизанского движения, и обеспечивали оккупантам поддержку татарские националистические отряды.

Более того. В Крыму были уничтожены сотни тысяч советских граждан, прежде всего русских, украинцев, евреев, и этим отвратительным делом опять же занимались татарские охранные отряды. Правда они не знали, что их ожидает: у Гитлера был план устройства в этом райском уголке русской земли немецких курортов. Ведомство Гиммлера разрабатывало обширные и деятельные планы: выселить и уничтожить местное население, в том числе и татар, построить новые "немецкие" города и поместья для эсэсовских колонистов, проложить современные автомагистрали и т. д.. Планы тогда же начали осуществляться, завершению их мешала только продолжавшаяся война. Но, повторяем, татары этого не знали и старались вовсю.

Когда же в апреле 1944 года в Крым снова вошли войска Красной Армии, оккупанты вовсе не подумали эвакуировать своих помощников (им было не до того), а оставили их в Крыму, с тем чтобы они вели партизанскую войну в тылу Красной Армии. И националисты попытались развернуть такую войну, пользуясь немалой поддержкой татарского населения. На этот счет есть немало совершенно недвусмысленных немецких и советских документов. Повторим: что же оставалось делать Сталину в такой обстановке? И в мае 1944 года Государственный комитет обороны принимает решение о выселении крымских татар.

18 мая 1944 года операция эта началась, и к 20 мая (опять же за три дня) она была завершена: при проведении ее опять же

"никаких эксцессов не имело места". Всего было выселено 183 155 татар.

Рассказ о судьбе выселенных народов выходит за рамки настоящей книги.

Добавим только, что со второй половины 50-х годов Советское правительство немало сделало для того, чтобы загладить вину за допущенное в 1944 году. Русский народ вынужден был поступиться многим для себя необходимым. Высланные народы в целом жили последние сорок лет несравненно зажиточнее "оккупантов" — русских. Как же отплатили эти народы русским — мы имеем возможность наблюдать воочию.

* * *

На годы войны падают события, имевшие важнейшее значение не только в военном отношении: именно в те годы резко изменилось положение Русской Православной Церкви. С начала войны проявилась патриотическая настроенность Русской Православной Церкви, материальная и прежде всего моральная помощь фронту. Об огромном уважении к патриотическим веяниям Церкви писали в адрес правительства СССР бойцы и командиры действующей армии, работники тыла, общественные, религиозные деятели.

4 сентября 1943 года патриаршему местоблюстителю митрополиту Сергию позвонил полковник госбезопасности Г.Г, Карпов — начальник отдела НКГБ, осуществлявшего негласный надзор за Русской Церковью.

—Правительство, —сказал он, — имеет желание принять вас,а также митрополитов Алексия и Николая, выслушать ваши нужды и разрешить имеющиеся у вас вопросы.

Митрополит Сергий был заблаговременно предупрежден о возможной встрече и постарался не задержаться — в тот же вечер в Кунцеве состоялась встреча. На ней, помимо Сталина, присутствовали Молотов, Берия и Карпов. Протокол беседы, длившейся один час пятьдесят пять минут, раскрывает подробности ее содержания.

Сталин, как и подобает хозяину, был непринужденно любезен и доброжелателен. Он выразил благодарность Русской Православной Церкви за помощь фронту, после чего Сергий осмелился высказать заветную просьбу о созыве архиерейского собора для избрания Священного Синода и патриарха. Глава правительства одобрительно кивнул, но, услышав от митрополитов, что созвать собор можно не ранее чем через месяц, недовольно заметил:

—А нельзя ли проявить большевистские темпы? — И тут же распорядился через Карпова организовать доставку архиереев в Москву самолетами, отведя на это три-четыре дня. Тут же было

принято решение о немедленном созыве епископов — 8 сентября 1943 года.

Митрополиты разговорились, просьбы следовали одна за другой. Сергий захлопотал об открытии богословских курсов, но Сталин предложил сразу же открыть духовные академии и семинарии. Сергий возразил:

У молодежи не сформировано нужное мировоззрение для такого образования.

Ну, как хотите, это дело ваше, — последовал ответ, — если хотите богословские курсы, начинайте с них, но правительство не будет иметь возражений и против открытия семинарий и академий.

После того как Сергий спросил, можно ли возобновить издание журнала Московской патриархии, Сталин согласился:

Журнал можно и нужно выпускать.

А как быть с церквами? Их мало — много лет не открывались. Нельзя ли дать право епархиальным архиереям входить в переговоры об этом с гражданскими властями?

По этому вопросу со стороны правительства никаких препятствий не будет.

Митрополит Алексий рискнул высказать просьбу, которая, волновала всех церковнослужителей: возможно ли освобождение из ссылок, лагерей и тюрем архиереев.

—Представьте такой список, его рассмотрим.

В развитие этой просьбы Сергий попросил предоставить, священнослужителям право свободы проживать и передвигаться по стране. Сталин обернулся к Карпову:

—Изучите возможность решения и этого вопроса.

Затем Сталин приказал Карпову обеспечить право архиереям распоряжаться церковными денежными средствами. Не надо, подчеркнул он, препятствовать организации свечных заводов. И совершенно неожиданно для митрополитов добавил:

—Если нужно сейчас или если нужно будет в дальнейшем,государство может отпустить соответствующие субсидии церковному центру.

Здесь Сталин шел на компромисс с принципами предыдущей государственной политики: оказание финансовой помощи Церкви в корне противоречило известному ленинскому декрету от 26 января 1918 года. Тут же глава правительства заговорил на тему, которой митрополиты никак не ожидали: он стал интересоваться их бытом.

—На рынке продукты покупать вам неудобно и дорого, и сейчас на рынок продуктов колхозники выбрасывают мало. Поэтому государство может обеспечить вас продуктами по государственным ценам. Кроме того, мы завтра-послезавтра предоставим в ваше распоряжение две-три легковые автомашины с горючим.

385

Так как у патриархии не было своего служебного помещения, Сергий попросил разрешения занять бывший Игуменский корпус Новодевичьего монастыря, на что Сталин ответил:

—Там сыро и холодно, здание шестнадцатого века постройки. Вам завтра правительство предоставит благоустроенное и подготовленное помещение — трехэтажный особняк в Чистом переулке, который раньше занимал бывший немецкий посол Шуленбург. Имущество, мебель, здание — советские, сейчас покажем план здания.

Растроганные вниманием, митрополиты просить еще о чем-то постеснялись, и Сталин подвел итог встречи:

—Если нет вопросов, то, может быть, будут — потом. Правительство предполагает образовать специальный государственный аппарат — Совет по делам Русской Православной Церкви.Карпов во главе. Как смотрите на это?

—Весьма благодарны, — ответили митрополиты.Завершая беседу, глава правительства сказал Карпову:

—Подберите себе двух-трех помощников, которые будут членами вашего Совета, образуйте аппарат, но только помните:во-первых, что вы не обер-прокурор, во-вторых, своей деятельностью больше подчеркивайте самостоятельность Церкви.

Многое предстояло еще пережить Русской Православной Церкви, но за порогом сталинского кабинета для Сергия, Алексия и Николая уже брезжил новый рассвет духовной жизни Матери-Церкви.

Глава девятнадцатая

Окончание войны в Европе вызвало громадные перемены в политической жизни наций, населяющих ее. Перед Советским правительством вставала необходимость договориться с союзниками о будущем.

Сделать это было не так-то легко, потому что еще до окончания военных действий начали проявляться симптомы, заставлявшие насторожиться и ожидать самого худшего. Правительство Великобритании теперь было настроено куда более агрессивно, нежели прежде, к нему по многим вопросам склонно было присоединяться правительство США. В Белом доме Рузвельта, дальновидного и трезвомыслящего политика, сменил Гарри Трумэн, деятель гораздо более мелкого ранга, к тому же настроенный антисоветски. И все же следовало попытаться найти общий язык и продолжить сотрудничество в изменившихся условиях.

Об этом и зашла в первую очередь речь, когда 26 мая 1945 года Сталин принял посланца президента США Гарри Гопкинса. Сталин ценил этого политика, проявившего реализм и желание помочь в грозном июле 1941 года, и в беседах (они про-

должались несколько дней) не раз вспоминал о встречах времен войны. Затрагивая взаимоотношения СССР и США, Сталин подчеркивал в беседе 27 мая, что "он не будет пытаться использовать советское общественное мнение в качестве ширмы, а скажет о тех настроениях, которые создались в советских правительственных кругах в результате недавних действий правительства Соединенных Штатов". Он сказал, что "в этих кругах испытывают определенную тревогу по поводу позиции, занятой правительством Соединенных Штатов. По мнению этих кругов, в отношениях Америки к Советскому Союзу наступило заметное охлаждение, как только стало ясно, что Германия потерпела поражение, и дело выглядит так, будто бы американцы теперь говорят, что русские им больше не нужны".

Без предупреждения и каких-либо объяснений США прекратили поставки в Советский Союз по ленд-лизу. На этот счет Сталин ясно заявил, что "полностью признает право Соединенных Штатов сократить поставки по ленд-лизу Советскому Союзу при нынешних условиях, поскольку обязательства в этом отношении были взяты (американцами) на себя добровольно. Соединенные Штаты вполне могли бы начать сокращать поставки еще два месяца тому назад...", - однако Сталин сказал, что, "несмотря на то что в конечном счете это было соглашение между двумя правительствами, действие его было прекращено оскорбительным и неожиданным образом".

Встречу "большой тройки" решили организовать в середине июля в Берлине, вернее, в его пригороде — Потсдаме, так как центр германской столицы был разрушен.

Во дворце Цецилиенхоф команды советских строителей спешно готовили помещение: ремонтировали, красили дворец и виллы, желая встретить гостей получше. Начальник тыла 1-го Белорусского фронта Н.А. Антипенко полагал, что виллу, где будет жить Сталин, надо отделать не менее роскошно, чем резиденции американской и английской делегаций, и уже кое-что предпринял в этом отношении. Но прибывший заранее Н. С. Власик разъяснил, что чем скромнее будет отделка и убранство —тем лучше. Поставили простую кровать и диваны, строгий письменный стол и кресло к нему.

Накануне приезда Сталин позвонил Жукову и сказал:

— Не устраивайте торжественной встречи, никаких оркестров и почетных караулов...

Во второй половине дня 16 июля на полуразрушенный потсдамский вокзал прибыл состав — несколько вагонов. Сталин, в очень хорошем настроении, приветствовал встречавших его Г. К. Жукова, А.Я. Вышинского. А.И. Антонова, Н.Г. Кузнецова, окинул взглядом привокзальную площадь, сел в машину, пригласив с собой Жукова, и уехал.

Обойдя отведенную ему виллу, поинтересовался, кому она принадлежала. Это была вилла генерала Людендорфа. Лишнюю мебель Сталин тут же велел убрать...

В семнадцать часов 17 июля 1945 года в конференц-зале три делегации сели за огромный круглый стол (диаметром в 6,8 метра), специально изготовленный на московской мебельной фабрике "Люкс".

Конференция началась. Как и на двух предыдущих, Сталин предложил председательствовать американскому президенту. Сразу же после кратких вступительных слов перешли к обсуждению повестки дня конференции. Нет возможности подробно рассказать о переговорах: только протокол официальных заседаний занимает сто восемьдесят страниц убористого текста. Ограничимся несколькими сюжетами.

Круг обсуждаемых вопросов был до удивления широк, и на первом же заседании произошло характерное столкновение. Еще до начала конференции возникал вопрос, что делать с германским военным флотом, большинство кораблей которого попало в руки союзников. Сталин спросил:

—Почему господин Черчилль отказывает русским в получении доли германского флота?

—Я не против, — отвечал Черчилль. — Но раз вы задаете мне вопрос, вот мой ответ: этот флот должен быть потоплен или разделен.

Сталин тут же уточнил:

—Вы за потопление или раздел?

—Все средства войны — ужасные вещи. — Черчилль, конечно, имел в виду те средства, которыми располагают другие государства, но отнюдь не Великобритания.

—Флот нужно разделить, — настаивал Сталин. — Если господин Черчилль предпочитает потопить флот, — он может потопить свою долю, я свою долю топить не намерен.

В настоящее время почти весь германский флот в наших руках.

В том-то и дело, в том-то и дело. — Сталину только этого и нужно было. — Поэтому и надо нам решить этот вопрос...

На следующий день вокруг флота возникла длительная дискуссия. Очевидец ее — адмирал Н.Г. Кузнецов утверждал, что никогда не видел Сталина таким сердитым. Немудрено: читатель, конечно, помнит, как мечтал Сталин о строительстве большого океанского флота, а тут союзники отвергали само право СССР на участие в разделе трофеев.

—Я бы хотел, — говорил Сталин, — чтобы была внесена ясность в вопрос о том, имеют ли русские право на одну третью часть военно-морского и торгового флота Германии. Мое мнение таково, что русские имеют на это право, и то, что они получат, они получат по праву. Я добиваюсь только ясности в этом вопросе. Если же мои коллеги думают иначе, то я хотел

бы знать их настоящее мнение. Если в принципе будет признано, что русские имеют право на получение трети военного и торгового флота Германии, то мы будем удовлетворены...

Но если Сталин и был выведен из себя, то внешне он сохранял спокойствие, говорил тихо, не жестикулировал. Черчилль же потерял самообладание: несколько раз он вскакивал, чуть не опрокинул кресло, лицо его побагровело. Вопрос о флоте передали на рассмотрение военно-морских экспертов. И здесь бушевали страсти. В конце концов трофеи разделили на три примерно равные части по жребию...

Напряженно обсуждалась на конференции германская проблема. Дискуссии велись начиная с Тегеранской конференции. И в Потсдаме союзники вновь выдвинули предложения о расчленении

Германии и вновь встретили решительную оппозицию Советского правительства. Саму постановку этого вопроса Сталин отклонял:

— Это предложение мы отвергаем, оно противоестественно: надо не расчленять Германию, а сделать ее демократическим, миролюбивым государством.

В соответствии с этой принципиальной позицией, а также учитывая слова Сталина на заседании 31 июля о том, что "общую политику в отношении Германии трудно проводить, не имея какого-то центрального германского аппарата". Советский Союз предлагал создать центральную германскую администрацию. Но это предложение не встретило понимания союзников, они уже держались курса на раскол Германии.

На этом же заседании возник вопрос о четырехстороннем контроле над важнейшей, промышленной, Рурской областью. Э. Бевин[1] предложил отложить решение этого вопроса. Последовал характерный диалог:

"Сталин: — Может быть, вопрос о контроле над Рурской областью сейчас отложить, а вот мысль, что Рурская область остается частью Германии, эту мысль следует отразить в нашем документе.

Трумэн: — Безусловно, это часть Германии. *Сталин:* — Может быть, сказать об этом в одном из наших документов?

Бевин: — Почему ставится этот вопрос?

Сталин: — Этот вопрос поднимается потому, что на одной из конференций, на Тегеранской конференции, ставился вопрос о том, чтобы Рур был выведен из состава Германии в отдельную область под контролем Совета. Спустя несколько месяцев после Тегеранской конференции, когда господин Черчилль приезжал

[1] Во время конференции произошло изменение состава английской делегации: консервативная партия в Великобритании потерпела поражение на выборах. У. Черчилля и А. Идена в Потсдаме сменили лейбористы К. Эттли и Э. Бевин; но Черчилль продолжал присутствовать на конференции.

в Москву, этот вопрос также обсуждался при обмене мнениями между русскими и англичанами, и опять была высказана мысль, что хорошо было бы Рурскую область выделить в отдельную область. Мысль о выделении Рурской области вытекала из тезиса о расчленении Германии. После этого произошло изменение взглядов на этот вопрос. Германия остается единым государством. Советская делегация ставит вопрос: согласны ли вы, чтобы Рурская область была оставлена в составе Германии? Вот почему этот вопрос встал здесь..."

Принцип сохранения единства Германии восторжествовал в Потсдаме.

Важное место, конечно, занимал в работе конференции вопрос о послевоенных границах. Советская сторона потребовала окончательного согласования о границах Польши, и тут обнаружилось, что союзники отнюдь не считают этот вопрос решенным. Представителям Советского Союза пришлось приложить немало усилий, чтобы достигнуть определенного и недвусмысленного решения проблемы. На заседании 21 июля Сталин говорил:

— В решениях Крымской конференции было сказано, что главы трех правительств согласились, что восточная граница Польши должна пройти по “линии Керзона”: таким образом, восточная граница Польши на конференции была установлена. Что касается западной границы, то в решениях конференции отмечалось, что Польша должна получить существенные приращения своей территории на севере и на западе. Дальше сказано: они, то есть три правительства, считают, что по вопросу о размерах этих приращений в надлежащее время будет спрошено мнение нового польского правительства национального единства и что вслед за этим окончательное определение западной границы Польши будет отложено до мирной конференции...

Много раз конференция возвращалась к польскому вопросу, и неизменно советский представитель твердо и неуклонно, порой даже темпераментно, горячо, отстаивал интересы новой Польши.

Например, 25 июля Черчилль потребовал, чтобы Польша поставляла продовольствие в западные части Германии.

"Сталин: — Я думаю, что гораздо большее значение имеет вопрос о снабжении всей Германии углем и металлом. Рур дает до 90 процентов металла и 80 процентов каменного угля.

Черчилль: — Если уголь из Рура будет поставляться в русскую зону, но за эти поставки придется заплатить продовольствием из этой зоны.

Сталин: ~ Если Рур остается в составе Германии, то он должен снабжать всю Германию.

Черчилль: — А почему тогда нельзя брать продовольствие из вашей зоны?*Сталин:* — Потому, что эта территория отходит к Польше,

390

Черчилль: — Но как рабочие в Руре будут производить этот уголь, если нечего будет есть, и откуда они могут взять продовольствие?

Сталин: — Давно известно, что Германия всегда ввозила продовольствие, в частности хлеб. Если не хватает Германии хлеба и продовольствия, она будет его покупать.

Черчилль: — Тогда как сможет она заплатить репарации?

Сталин: — Сможет заплатить, у Германии еще много кое-чего осталось.

Черчилль: — Рурский уголь, правда, в нашей зоне, но я не могу взять на себя ответственность за какое-либо урегулирование, которое приведет к тому, что в британской зоне будет этой зимой голод, в то время как поляки будут иметь все продовольствие для себя.

Сталин. — Неверно, они недавно просили помочь им хлебом, хлеба у них не хватает, они просили дать хлеба до нового урожая..."

Так как Черчилль продолжал расписывать, какие трудности предстоят Великобритании, Сталин прибегнул к сарказму:

"— Я не привык жаловаться, но должен сказать, что наше положение еще хуже. Мы потеряли несколько миллионов убитыми, нам людей не хватает. Если бы я стал жаловаться, я боюсь, что вы тут прослезились бы, до того тяжелое положение в России. Но я не хочу причинять вам неприятности..."

Несомненно, Сталин был ведущей фигурой на конференции. Держался он уверенно, так что по временам заводил в тупик искушенных западных дипломатов. Гарриман с оттенком восхищения передает разговор, происшедший между ним и Сталиным.

—А ведь вам, должно быть, очень приятно, что вы, после того, что пришлось пережить вашей стране, находитесь сейчас здесь, в Берлине? — спросил Гарриман.

Ответ был неожиданным:

—Царь Александр до Парижа дошел...

Спорил на конференции Сталин чаще всего с Черчиллем и его лейбористскими преемниками. Президент Трумэн, в силу своего ограниченного дипломатического опыта, предпочитал сдерживаться, да и по своим качествам политического деятеля он значительно уступал такому зубру, как Черчилль, не

говоря уж о Сталине. Советскому представителю по временам удавалось все же сыграть на противоречиях США и Великобритании. Так было на заседании 22 июля, когда зашла речь об установлении опеки над колониями Италии, захваченными в ходе войны британскими войсками. Черчилль категорически отклонял возможность обсуждения этого вопроса на конференции, Трумэн настаивал на его обсуждении. Сталин вмешался:

—Из печати, например, известно, что господин Идеи, выступая в английском парламенте, заявил, что Италия потеряла

навсегда свои колонии. Кто это решил? Если Италия потеряла, то кто их нашел? *(Смех.)* Это очень интересный вопрос. Черчилль взорвался:

—Я могу на это ответить. Постоянными усилиями, большими потерями и исключительными победами британская армия одна завоевала эти колонии!

Но Сталин сразу же успокоил высокопарного партнера по переговорам, дав понять, что такой подход недопустим:

—А Берлин взяла Красная Армия. *(Смех.)*

Черчиллю пришлось долго объяснять, что Великобритания не ищет новых колоний, что она в них не заинтересована.

В целом советской делегации на конференции противостоял блок капиталистических государств, и президент США играл в нем вовсе не пассивную роль. Его, в частности, с самого начала конференции мучила мысль о том, как бы поэффектнее и повыгоднее сообщить Советскому правительству о наличии у США нового вида оружия: в пять часов тридцать минут утра 16 июля 1945 года в пустыне Нью-Мексико была взорвана первая атомная бомба. Еще до начала конференции Трумэн знал об успешном испытании этого оружия, а 21 июля получил подробный отчет об испытании. Радость президента США была велика, он говорил: "Теперь мы обладаем оружием, которое не только революционизировало военное дело, но может изменить ход истории и цивилизации". Черчилль, когда ему под строжайшим секретом сообщили новость, пришел в восторг: теперь " есть в руках средство, которое восстановит соотношение сил с Россией". Несколько дней союзники обсуждали, как бы эффектнее использовать новоприобрстеннос оружие в переговорах с Советским Союзом, чтобы "сделать его уступчивее", другими словами, как бы успешнее шантажировать своего союзника, внесшего наибольший вклад в достижение общей победы.

Наконец 24 июля после пленарного заседания Трумэн сказал Сталину о новом оружии, не упомянув слов "атомное" или "ядерное". Стоявший радом Черчилль впился глазами в лицо Сталина, ожидая реакции. Но ему пришлось испытать разочарование: Сталин остался совершенно спокойным.

Ну, как сошло? — спросил Черчилль Трумэна.

Он не задал мне ни одного вопроса!

Черчилль поспешил заключить, что Сталин не понял значения события, о котором его проинформировали.

Но английский премьер-министр все же плохо знал своего "боевого друга". Г.К. Жуков свидетельствовал, что после заседания Сталин в его присутствии рассказал В.М. Молотову о разговоре с Трумэном. Молотов заметил:

—Цену себе набивают.Сталин усмехнулся:

—Пусть набивают. Надо будет сегодня же переговорить с Курчатовым, чтобы они ускорили работу...

392

Советское правительство полностью осознавало важность происшедшего. Еще летом 1942 года в Государственном комитете обороны состоялось заседание с участием ведущих советских физиков, и было решено в интересах укрепления обороны возобновить работы над "урановой проблемой", прекращенные в связи с началом войны. Работы эти возглавил И.В. Курчатов. Летом 1943 года в Москве уже действовала специальная лаборатория АН СССР. У Советского правительства не было возможности выделить достаточно крупные средства для разрешения проблемы — все силы наш народ отдавал схватке с фашизмом. Но монополии США на ядерное оружие не суждено было продолжаться долго...

Атомное облако не отразилось на ходе и завершении Потсдамской конференции — ему не под силу было заслонить величие подвига советского народа, вынесшего основную тяжесть в борьбе с фашизмом. Конференция хоть и не дала ответа на все вопросы, но все же разрешила основные проблемы, вставшие перед антигитлеровской коалицией.

3 августа 1945 года Сталин покинул Потсдам. В последний раз он побывал за пределами нашей страны.

В восемь часов пятнадцать минут 6 августа на Хиросиму была сброшена атомная бомба. Даже Черчилль писал: "Было бы ошибкой предполагать, что судьба Японии была решена атомной бомбой". Применение атомного оружия имело основной своей целью устрашение союзника — СССР. И все же этот союзник свято выполнял свои обязательства: 8 августа, ровно через три месяца после окончания войны в Европе, Советский Союз объявил войну Японии.

В несколько недель все было кончено: 2 сентября 1945 года Япония капитулировала. В этот день Сталин обратился к советскому народу. Он говорил о долгих и трудных годах борьбы с агрессорами. Особенно любопытен завершающий раздел обращения: "Но поражение русских войск в 1904 году в период русско-японской войны оставило в сознании народа тяжелые воспоминания. Оно легло на нашу страну черным пятном. Наш народ верил и ждал, что наступит день, когда Япония будет разбита и пятно будет ликвидировано. Сорок лет ждали мы, люди старого" поколения, этого дня. И вот этот день наступил. Сегодня Япония признала себя побежденной и подписала акт безоговорочной капитуляции...

Наш советский народ не жалел сил и труда во имя победы. Мы пережили тяжелые годы. Но теперь каждый из нас может сказать: мы победили. Отныне мы можем считать нашу Отчизну избавленной от угрозы немецкого нашествия на западе и японского нашествия на востоке. Наступил долгожданный мир для народов всего мира..."

Война причинила нашей стране огромный людской и материальный ущерб. От западной границы до Подмосковья и

393

Волги, от Кольского полуострова до предгорий Кавказа — всюду остались страшные следы войны: разрушенные города и сожженные села, взорванные предприятия, сгоревшие леса, изрытая окопами и рвами, пропитанная железом и кровью земля...

Наша страна на десятилетие, если не более, была отброшена назад. Перед советским народом вновь стояли сложные и многообразные проблемы. В первую очередь надо было перевести на мирные рельсы экономику, а этот процесс никогда и нигде не проходил безболезненно. Одновременно следовало демобилизовать армию — в ее рядах к концу войны насчитывалось более одиннадцати миллионов человек, их предстояло обеспечить работой, жильем. Новые условия требовали перестройки деятельности партийных, государственных, профсоюзных организаций. Необходимо было принять первоочередные меры к укреплению тех республик и областей, которые вошли в состав СССР незадолго до начала войны, упрочить общественный и государственный строй, вести огромную работу

по культурному строительству. И при всем этом никак нельзя было забывать об укреплении обороноспособности страны: империалистические государства, наши вчерашние союзники, повели против СССР оголтелую кампанию, принявшую форму холодной войны.

В феврале 1946 года Черчилль произнес печально знаменитую речь в американском городе Фултоне. Еще не разобраны были развалины Дрездена и Хиросимы, а недавний союзник русских назвал Россию врагом Запада и призвал к глобальной борьбе с ней. Сталин не замедлил с ответом (публиковался он в "Правде" 14 марта):

"Вопрос: Можно ли считать, что речь господина Черчилля причиняет ущерб делу мира и безопасности?

Ответ: Безусловно, да. По сути дела, г. Черчилль стоит теперь на позиции поджигателя войны. И г. Черчилль здесь не одинок, — у него имеются друзья не только в Англии, но и в Соединенных Штатах Америки...

По сути дела, г. Черчилль и его друзья в Англии и в США предъявляют нациям, не говорящим на английском языке, нечто вроде ультиматума: признайте наше господство добровольно, — в противном случае неизбежна война".

Холодная война ведет свое начало именно оттуда. Советский Союз должен был думать о самозащите, ибо война холодная могла обернуться войной настоящей, да еще с ядерным оружием.

* * *

19 августа 1945 года ЦК ВКП(б) и СНК СССР поручили Госплану СССР составить новый пятилетний план. В постановлении говорилось, что "имеется в виду предусмотреть полное восстановление народного хозяйства районов СССР, под-

вергавшихся немецкой оккупации, послевоенную перестройку народного хозяйства и дальнейшее развитие всех районов СССР, в результате чего должен быть значительно превзойден довоенный уровень развития народного хозяйства СССР".

План разрабатывался обстоятельно. В феврале 1946 года Сталин в общей форме рассказал о нем на собрании перед выборами в Верховный Совет СССР. Большая часть речи была посвящена прошедшему, в основном — войне, ее ходу и итогам. Впервые Сталин привел ряд важнейших цифр по экономике страны в предвоенный период и в 1941 — 1945 годах. О новом плане Сталин говорил:

—Основные задачи нового пятилетнего плана состоят в том,чтобы восстановить довоенный уровень промышленности и сельского хозяйства и затем превзойти этот уровень в более или менее значительных размерах. Не говоря уже о том, что в ближайшее время будет отменена карточная система...

Эти слова присутствующие встретили бурными аплодисментами, а Сталин продолжал:

—Особое внимание будет обращено на расширение производства предметов широкого потребления, на поднятие жизненного уровня трудящихся путем последовательного снижения цен на все товары *(бурные, продолжительные аплодисменты)* и на широкое строительство “сякого рода научно-исследовательских институтов *{аплодисменты),* могущих дать возможность науке развернуть свои силы. *(Бурные аплодисменты.)*

О будущем Сталин сказал:

—Что касается планов на более длительный период, то партия намерена организовать новый мощный подъем народного хозяйства, который дал бы нам возможность поднять уровень нашей

промышленности, например, втрое по сравнению с довоенным уровнем. Нам нужно добиться того, чтобы наша промышленность могла производить ежегодно до 50 миллионов тонн чугуна *(продолжительные аплодисменты),* до 60 миллионов тонн стали *(продолжительные аплодисменты),* до 500 миллионов тонн угля *(продолжительные аплодисменты),* до 60 миллионов тонн нефти *(продолжительные аплодисменты).* Только при этом условии можно считать, что наша Родина будет гарантирована от всяких случайностей. *(Бурные аплодисменты)* На это уйдет,пожалуй, три новых пятилетки, если не больше. Но это дело можно сделать, и мы должны его сделать...

В марте 1946 года четвертый пятилетний план был утвержден на сессии Верховного Совета СССР. До этого директивы плана обсуждались на Пленуме ЦК ВКП(б). Пленум рассмотрел и организационные вопросы. Состав Политбюро был пополнен, и в него вошли И.В. Сталин, В.М. Молотов, К.Е. Ворошилов, М.И. Калинин, А.А. Жданов, Л.М. Каганович, А.А. Андреев, А.И. Микоян, Н.С. Хрущев, Л.П. Берия, Г.М. Маленков; кандидатами в члены Политбюро были Н.М. Шверник, НА. Бул-

ганин и А.Н. Косыгин. В 1947 году членом Политбюро стал НА. Вознесенский. В 1948 году НА. Булганин и А.Н. Косыгин были переведены в члены Политбюро.

Переход к работе в мирных условиях требовал от ЦК партии соответствующей перестройки. Изменялась организационная структура и содержание работы всех партийных органов. В ЦК ВКП(б) были проведены совещания партийных работников. Центральный Комитет и Совет Министров СССР провели перегруппировку сил и привлекли к руководству кадры, проявившие большие организаторские способности в годы войны. К работе в руководящих органах были привлечены опытные партийные руководители, секретари крупнейших областных организаций: АА. Кузнецов (секретарь Ленинградского обкома), Н.С. Патоличев (секретарь Челябинского обкома), М.И. Родионов (секретарь Горьковского обкома), М.А. Суслов (секретарь Ставропольского обкома) и другие.

Н.С. Патоличева на мартовском (1946 года) Пленуме ЦК избрали в Оргбюро и утвердили заведующим Организационно-инструкторским отделом ЦК. Вечером 4 мая 1946 года А. Н. Поскребышев сообщил Патоличеву, что его Приглашают на квартиру Сталина в Кремль. Не раз до этого Патоличев видел Сталина и беседовал с ним. "И вот кремлевская квартира Сталина. В прихожей мы задержались. Поскребышев похлопал меня по плечу — не робей, мол, — и оставил меня одного. Оглядываюсь. Справа вешалка, и на ней одна-единственная шинель — Сталина. Невольно пришли строчки из книги Анри Барбюса: "В крохотной передней бросается в глаза длинная солдатская шинель, над ней висит фуражка". Но одно дело — прочесть и совсем другое — увидеть. И вот я в этой прихожей. Что же дальше? Сказать, что я очень волновался, — значит почти ничего не сказать".

У Сталина находились два секретаря ЦК - АА. Жданов и АА. Кузнецов. Поздоровавшись, Сталин попросил заведующего отделом ЦК рассказать, как, на его взгляд, руководит Центральный Комитет местными партийными организациями, есть ли недостатки. Патоличев всего месяц занимал этот пост и сказал, что ему было бы легче говорить об этом с точки зрения секретаря обкома. Сталин одобрил такой подход, и Патоличев стал рассказывать. "Он задал мне много вопросов о работе партийных организаций. Не торопил с ответом".

Внезапно Сталин изменил тему беседы. Осведомившись у Патоличева, сколько ему лет и давно ли он в партии, Сталин без перехода спросил:

— Вы не возражаете, если мы утвердим вас секретарем ЦК? Патоличев не нашел, что сказать, — настолько это было неожиданно — и сослался в конце концов на партийную дисциплину. Тогда Сталин по телефону позвонил Поскребышеву:

— В проект решения ЦК вторым пунктом поставьте: утвердить секретарем ЦК товарища Патоличева.

Когда на следующий день решение ЦК было принято, Патоличев узнал, что первым пунктом в нем стояло: "...освободить Г.М. Маленкова от обязанностей секретаря ЦК..."

В том же 1946 году, как сообщает Н.С. Патоличев, произошел и следующий случай: "Вечером мы с Кузнецовым были в кабинете Жданова. Вдруг звонок. У телефона — Сталин. Узнав от Жданова, кто у него, в кабинете, он обращается к секретарям ЦК: "Назовите мне самого лучшего коммуниста". Вопрос был совершенно неожиданным и необычным. Все замялись. Сталин любил иногда задавать вопросы, которые ставили собеседников в трудное положение. Помню, Жданов смотрит на нас, а мы — на него. Потом догадались спросить Сталина, для каких же все-таки целей требуется "самый лучший коммунист". Сталин сказал, что надо подобрать работника для руководства торговлей в стране.

Помню, мы долго тогда перебирали руководящие кадры. И вот все единодушно остановились на В. Г. Жаворонкове".

Этот трудный участок работы В. Г. Жаворонков возглавлял долго...

Послевоенная перестройка промышленности в основном была завершена в 1946 году. Предполагалось, как это и говорил Сталин в речи 9 февраля, с осени 1946 года отменить карточки на хлеб, муку, крупу. Но в 1946 году сельское хозяйство страны поразила засуха, сравнимая только с несчастьем, постигшим Россию в 1921 году. Недостаток продовольствия стал еще ощутимее, и 1946 год был очень тяжелым для населения большинства районов страны. Тем не менее спустя год, 14 декабря 1947 года, Совет Министров СССР и ЦК ВКП(б) сочли возможным принять Постановление об отмене карточной системы на продовольственные и промышленные товары. Это был крупный успех, серьезно сказавшийся на повышении благосостояния нашего народа.

Одновременно с отменой карточной системы Советское правительство провело денежную реформу. Денег в стране за годы войны накопилось чрезмерно много: в 1945 году их в обращении было в четыре раза больше, чем до войны. Разумеется, такое положение не могло не беспокоить Советское правительство. А.Г. Зверев вспоминал, что еще в конце 1943 года, часов в пять утра, ему позвонил Сталин и сказал, что хотел бы посоветоваться о чрезвычайно важном деле. Нарком финансов никак не ожидал вопроса, который задал Сталин:

Что думает нарком финансов о послевоенной денежной реформе?

Товарищ Сталин, я об этом уже думал, но мыслями своими ни с кем не делился.

Ну, а со мной?

— Разумеется, товарищ Сталин...

Сорок минут они обсуждали столь сложную проблему, как денежная реформа, и Зверев понял, что Председатель СНК не впервые думает об этом.

На следующий день в Государственном комитете обороны состоялась длительная беседа, во время которой были подробно проанализированы перспективы перевода производства на мирный лад. После детального обсуждения Сталин дал наркомфину указания общего характера, которыми следовало руководствоваться. "Можно было отступить от них в деталях, — писал Зверев, — если того требовали особенности финансовой системы, но принципы должны были соблюдаться неукоснительно. Вот в чем состояли эти принципы: чтобы финансовая база СССР была не менее прочна, чем до войны; неизбежный рост общих расходов и ежегодное увеличение бюджета в целом потребуют от системы организации финансов способности на протяжении ряда лет приспосабливаться к меняющимся условиям; трудности восстановления народного хозяйства потребуют от граждан СССР дополнительных жертв, но они должны быть уверены, что эти жертвы — последние".

В 1944-1946 годах Политбюро неоднократно возвращалось к разработке мероприятий по осуществлению денежной реформы. В конце 1946 года детально обсуждались организационно-подготовительные мероприятия. Год ушел на их проведение. Наконец с 16 декабря 1947 года в обращение были введены новые деньги. Реформа восстановила полноценный советский рубль и чрезвычайно благотворно отразилась как на состоянии народного хозяйства страны, так и на повышении благосостояния советских трудящихся. Четвертая пятилетка была выполнена за четыре года и три месяца.

Медленнее, чем промышленность, развивалось сельское хозяйство. Здесь последствия войны сказывались тяжелее. Трудоспособного населения в деревне стало меньше, машинный парк резко сократился, поголовье лошадей уменьшилось.

Задачи и пути восстановления сельского хозяйства обсуждались на Пленуме ЦК ВКП(б) в феврале 1947 года. Пленум признал необходимым улучшить руководство сельским хозяйством со стороны партийных и советских органов, Министерства сельского хозяйства, устранить имевшиеся нарушения Устава сельскохозяйственной артели. Но на решениях пленума отразились общие недостатки, присущие руководству сельским хозяйством того времени. В частности, недостаточно учитывался принцип материальной заинтересованности колхозников в сельскохозяйственном производстве.

Представляется, что Сталин сознавал, по крайней мере, некоторые недостатки положения в сельском хозяйстве страны. А.Г. Зверев писал впоследствии: "Из встреч со Сталиным, из бесед с ним, из его высказываний я составил вполне опреде-

ленное представление, что он не был уверен в правильности всех применявшихся нами методов в руководстве сельским хозяйством; но тем не менее верную оценку сложившемуся положению Сталин не дал. Это проявилось и в его последней крупной работе "Экономические проблемы социализма в СССР". В ней, на мой взгляд, наряду с правильными мыслями и меткими наблюдениями содержатся и ошибочные положения. Одним из них был вывод о необходимости в ближайшее время перейти от использования на селе преимущественно колхозно-кооперативной формы собственности к опоре на государственную, то есть всенародную форму собственности. Между тем колхоз, как одна из форм социалистического хозяйства, пока что отвечает задачам дальнейшего развития сельскохозяйственного производства".

Как бы там ни было, но народное хозяйство страны в послевоенные годы развивалось успешно, сделало крупный шаг вперед — и это после тяжелейшей войны!

* * *

6 сентября 1947 года граждане Москвы и всего Союза отмечали 800-летие со дня основания столицы государства. Была выпущена почетная наградная медаль. В связи с юбилеем Сталин писал в "Правде":

"Заслуги Москвы состоят не только в том, что она на протяжении истории нашей Родины трижды освобождала ее от иноземного гнета — от монгольского ига, польско-литовского нашествия, от французского вторжения. Заслуга Москвы состоит, прежде всего, в том, что она стала основой объединения разрозненной Руси в единое государство с единым правительством, с единым руководством...

Но этим не исчерпываются заслуги Москвы перед Родиной. После того как по воле великого Ленина Москва вновь была объявлена столицей нашей Родины, она стала знаменосцем нашей советской эпохи".

Так Сталин вновь соединил старую эпоху с новой, советской, подчеркивая преемственность народно-государственных традиций. Само празднование было тому выражением. В старой России часто праздновались годовщины основания городов, в коминтерновские времена это было вычеркнуто из народной жизни. При Сталине эта историческая традиция воскресла.

* * *

Успехи нашей страны, вероятно, были бы большими, если бы на жизни страны в послевоенный период не сказывалось явление, о котором мы уже писали, — культ личности Сталина.

399

Победа, достигнутая в Великой Отечественной войне, еще более подняла авторитет Сталина и в то же время еще более возвысила его в глазах окружающих, да, видимо, и в его собственных.

Правда, и в последние полтора десятилетия жизни Сталин время от времени отмечал, что не следует, мол, возвеличивать его персону, что это неправильно, вредно, не по-марксистски. Так, в широко известном в ту пору ответе Сталина на письмо советского военного историка полковника Е. Разина была фраза: "Режут слух дифирамбы в честь Сталина, — просто неловко читать".

А вот что писал Сталин в "Детиздат" 16 февраля 1938 года по поводу готовившейся к изданию книги "Рассказы о детстве Сталина":

"Я решительно против издания "Рассказов о детстве Сталина".

Книжка изобилует массой фантастических неверностей, искажений, преувеличений, незаслуженных восхвалений. Автора ввели в заблуждение охотники до сказок, брехуны (может быть, "добросовестные" брехуны), подхалимы. Жаль автора, но факт остается фактом.

Но не это главное. Главное состоит в том, что книжка имеет тенденцию вкоренить в сознание советских детей (и людей вообще) культ личности вождей, непогрешимых героев. Это опасно, вредно. Теория "героев" и "толпы" есть не большевистская, а эсеровская теория. Герои делают народ, превращают его из толпы в народ — говорят эсеры. Народ делает героев — отвечают эсерам большевики. Книжка льет воду на мельницу эсеров, б у д е т в р е д и т ь нашему общему большевистскому делу.

Советую сжечь книжку".

Небезынтересен эпизод, свидетелем которого был С.М. Штеменко.

Прибыв с докладом в Кремль вместе с А.И. Антоновым, ой застал в приемной главного интенданта Советской Армии генерал-полковника П.И. Драчева, наряженного в военную форму необычного покроя: мундир был сшит по модели времен Кутузова, с высоким стоячим воротником, а брюки — современные, но украшенные широченными золотыми лампасами.

В кабинете, в присутствии членов Политбюро, начальник Тыла А.В Хрулев делал доклад. Закончив его, Хрулев попросил разрешения показать новую военную форму. Сталин не возражал.

Драчев вошел в кабинет. Увидев его, Сталин помрачнел.

Кого вы собрались так одеть? — спросил он.

Это форма генералиссимуса, товарищ Сталин.

Для кого?

Для вас, товарищ Сталин...

400

Велев Драчеву покинуть кабинет, Сталин, не стесняясь присутствующих, начал сурово распекать начальника Тыла. Он резко возражал против возвеличивания своей личности, говорил, что никак не ожидал этого от Хрулева.

Можно привести и другие подобные свидетельства. Тем не менее факт остается фактом: в послевоенные годы личность Сталина непомерно возвеличивалась. Видимо, он постепенно привык к этому, уверовал до известной степени в свою непогрешимость и не пресекал такие тенденции.

В жизни страны в связи с культом личности Сталина наблюдались крупные недостатки. Принцип коллективности руководства не соблюдался. Тринадцать с лишним лет не собирался очередной партийный съезд. Деятельность ЦК как коллективного органа руководства партией была нарушена. Пленумы созывались редко и нерегулярно. Политбюро собиралось от случая к случаю. Многие решения по сложным и важным вопросам принимались Сталиным без обсуждения в партийных и правительственных органах.

Поскольку органы госбезопасности продолжали находиться вне контроля партии, участились случаи нарушения законности. Руководители этих органов, прежде всего Берия, насаждали в практике органов госбезопасности порочные методы, поощряли пробравшихся в их ряды авантюристов.

Конец 40-х — начало 50-х годов отмечены процессами, в результате которых были репрессированы многие честные работники партии и государства. Прежде всего следует упомянуть так называемое "Ленинградское дело".

До тех пор пока жив был А.А. Жданов, пользовавшийся доверием Сталина, видимых причин для угрозы ленинградским руководителям вроде бы не существовало. Более того, поговаривали, что Жданов — наиболее реальный преемник Сталина на высшие посты партии и государства. Но именно в этом выдающемся положении Жданова и таилась угроза для ленинградских работников, которых после войны Жданов стал "продвигать" вверх, забирал из Ленинграда, разумеется, с согласия и одобрения Сталина. Ожесточенная борьба, тайно существовавшая в верхних эшелонах власти, побуждала соперников, прежде всего Берию и Маленкова, относиться к ставленникам Жданова с ревнивым вниманием и настороженностью. Повторяем, пока жив был Жданов, его ставленникам ничто не угрожало, тем более что они были опытными аппаратчиками, ни в коей мере не склонными проявлять своеволие и непослушание Сталину.

В конце августа 1948 года Жданова не стало, причем причина его смерти по сию пору отнюдь не ясна. Не прошло и полугода, как в начале 1949 года против ленинградских работников и выходцев из этого города ведомством Берии было сфабриковано "дело", многие сюжеты которого до сих пор либо остались невыясненными, либо вообще не раскрыты. Почему Сталин, к

примеру, решил расправиться с ленинградцами, которые в 1941-1944 годах, казалось бы, неоспоримо доказали свою преданность, руководя обороной осажденного города? Надо сказать, что к концу жизни у Сталина, и всегда очень подозрительного, это качество предельно обострилось, он подозревал и проверял всех и все. В такой обстановке Берии, видимо, удалось убедить Сталина, что в Ленинграде оживилось то стремление, которое ставилось в вину многим ленинградцам в 30-е годы, — противопоставить бывшую столицу Москве, стремление, безусловно, далекое от реальности, а Маленков сумел сыграть на подозрительности Сталина.

Во всяком случае, и это стремление ставилось ленинградцам в вину.

В обвинении, предъявленном подсудимым в сентябре 1950 года на процессе в Ленинграде, говорилось, что Кузнецов, Попков, Вознесенский, Капустин, Лазутин, Родионов, Турко и другие признаны виновными в том, что, "объединившись в 1938 году (!) в антисоветскую группу, проводили подрывную деятельность в партии, направленную на отрыв Ленинградской партийной организации от ЦК ВКП(б) с целью превратить ее в опору для борьбы с партией и се ЦК".

Не исключено, что в отношении к самому видному выходцу из Ленинграда, Н.А. Вознесенскому, сыграло роль и то, что этот человек, имевший немалые заслуги перед страной (кандидат в члены Политбюро с февраля 1941 года и член Политбюро с 1947 года), не только активно руководил экономикой страны, но и писал об этом книга. Что позволялось только одному человеку — самому Сталину.

Андрей Андреева Жданов, несомненно, был самым одаренным среди сталинского окружения с середины 30-х годов. Вырос в интеллигентной семье, получил недурное образование, служил в русской армии. В партии с 1915 года, в двадцать с лишним лет стал главным редактором газеты "Тверская правда". С 1924 по 1934 годы — во главе Нижегородского крайкома (гораздо более нынешней области). Был предан Сталину, боролся с его противниками в партии. Сталин это оценил, а так как среди его сподвижников не имелось идеологов, то он выдвинул Жданова в 1934 году в секретари ЦК. Вскоре, не оставляя этого поста, Жданов возглавил Ленинградскую партийную организацию (было ему только тридцать четыре года). Всю блокаду провел в осажденном городе.

Именно при Жданове в 1944 году центральным улицам Ленинграда вернули их исторические названия (при Зиновьеве Дворцовая площадь именовалась- площадью Урицкого, Литейный проспект — проспектом Володарского, возникли улица Нахимсона, набережная Рошаля и т. п.). Постановление Ленинградского облсовета было опубликовано и произвело большое впечатление. Есть сведения (пока документально не подтвер-

жденные), что Жданов и его соратники, в особенности председатель Совмина РСФСР Родионов, обращались к Сталину с просьбой создать в Российской Федерации собственную компартию (по примеру остальных союзных республик).

Жданову "борцы с культом" пеняют грубость в отношении к Ахматовой и Зощенко. Это верно, грубость и запреты публикаций были, что никак нельзя обелить задним числом. Но почему вдруг возникли эти имена? В последние годы кое-что прояснилось.

Министерство пропаганды Геббельса распространяло среди вермахта переводы Зощенко, где русский народ изображался в карикатурном виде: вот, мол, что они сами о себе пишут... Зощенко был ленинградец и находился в чести у местных властей

—рассказы о Ленине печатал. Берия собрал немецкие материалы и доложил Сталину: вот-де кому покровительствует секретарь Ленинградского обкома... Жданов узнал об этом и решил нанести "упреждающий удар". Сделал это неудачно и к тому же грубо задел большого русского поэта Анну Ахматову...

Ленинградская партийная организация в очередной раз подверглась разгрому: двадцать шесть человек были приговорены к смертной казни, а всего репрессировано около двух тысяч работников. В целом же, оценивая "Ленинградское дело", надо признать это расправой в борьбе за власть одной группировки с другой, уже потерявшей своего лидера и защитника. Необходимо добавить, что в ждановской группе не было евреев, а сам он вполне отрицательно относился к сионизму (в отличие от Берии, где все было наоборот).

На 1951 год падает столь же надуманное и жестокое "Мингрельское дело", где Берия применил другое обвинение — в национализме партийных работников Мингрелки. Министр госбезопасности Грузии Рухадзе при прямой поддержке заместителя госбезопасности СССР Рюмина выдвинул версию о наличии в Грузии группы, связанной с Парижским центром грузинской эмиграции (Жордания, Гегечкори и другие) и ведущей шпионскую деятельность против Советского государства. Были сняты со своих должностей и арестованы многие ответственные партийные и государственные работники — мингрелы. Одновременно из Грузии в отдаленные районы СССР было выселено несколько тысяч ни в чем не повинных людей.

Примерно в то же время, что и "Ленинградское дело", разыгралось и "дело Еврейского антифашистского комитета" (ЕАК). Но тут надо сделать небольшое отступление. Ранее уже говорилось, что вульгарным антисемитом Сталина считать нельзя. Более того, быть революционером в России и одновременно антисемитом — вещь невозможная, ибо все революционные партии в России, с анархистов и до кадет, возглавлялись и руководимы были евреями. Не исключением была и РСДРП(б) — РКП(б) — ВКП(б).

Правда, во время чисток середины 30-х годов еврейская прослойка в ЦК партии в целом существенно поредела и к концу 30-х годов в Политбюро остался только Каганович. Но обратите внимание: большинство членов Политбюро и тогда имело родственные связи с евреями: у Молотова, Ворошилова, Калинина, Андреева, Шкирятова, Щербакова, Кирова жены были еврейками. А надо знать: по иудейским законам, по законам государства Израиль, если мать - еврейка, то и дети - евреи. Счет ведется по матери и по сию пору, и неуклонно. Евреев было очень много в партийном аппарате, особенно в пропаганде, среди хозяйственников, среди видных интеллигентов и, отметим особо — в карательных органах: Ягода - еврей, Ежов женат на еврейке, Берия - еврей... Продолжать этот счет можно до бесконечности. Так как же мог быть Сталин антисемитом, когда евреи окружали его везде, к какой бы сфере деятельности он ни обратился? И он уживался с евреями, если они хорошо работали, выполняли его волю. Но вот если плохо работали, да еще и своевольничали, — тут он мог стать безжалостным, но так же жесток он был с людьми другой национальности.

ЕАК был сформирован весной 1942 года наряду с другими антифашистскими комитетами — Всеславянским, Молодежным, Женским. Поскольку Сталин хорошо понимал, что создание ЕАК приведет к усилению еврейского национализма в стране, то ЕАК был ориентирован исключительно на заграницу, имея своей задачей, во-первых, средствами пропаганды просоветски настраивать мировую общественность, установив контакты с еврейскими международными организациями, и, во-вторых, привлекать в СССР западную помощь. Денег, конечно, много собрать у евреев не удалось (хотя в США уже тогда проживало два миллиона евреев), а вот контактов установили достаточно.

В июне 1943 года глава ЕАК С. М. Михоэлс и И. С. Фефер ("видный еврейский писатель" и одновременно постоянный секретный сотрудник МГБ) отправились в США, где встречались с А. Эйнштейном, Т. Манном, Л. Фейхтвангером, Т. Драйзером, Ч. Чаплиным, М. Шагалом и другими, но главное -с лидерами сионизма - президентом Всемирной сионистской организации Х. Вайцманом (впоследствии первым президентом Израиля), руководителем Всемирного еврейского конгресса Н. Гольдманом, с раввином С. Вайзом, являвшимся лидером масонской ложи "Сыны Сиона". Это было очень опасное дело, и, видимо, руководители ЕАК опасности не учли, за что и поплатились жестоко.

Во время встречи с американским миллионером Д. Розенбергом, одним из руководителей еврейской "благотворительной" организации "Джойнт", зашла речь о проекте, который сионисты вынашивали давно, с начала 20-х годов. Тогда известный большевик (и сионист) Ю. Ларин (М.А. Лурье) разработал проект переселения в Крым двухсот восьмидесяти тысяч евреев для

создания еврейской автономии, а Троцкий, Каменев, Бухарин, Цюрупа одобрили этот план. Выполнен он не был, но переселение все же шло, и в 1936 году в Крыму и на юге Украины существовало пять еврейских национальных районов (11035 хозяйств). В 1943 году, сионисты (и с ними советские евреи) задумали план этот осуществить. Шла страшная война, на Курской дуге, в величайшей битве гибли миллионы людей, в том числе и евреи, в оккупированной Европе в чудовищных лагерях горели кремационные печи. И в них — сотни тысяч тех же евреев, а сионисты уже делили советскую территорию, ибо Д. Розенберг, по признанию Фефера, говорил во время беседы: "Крым интересует нас не только как евреев, но и как американцев, поскольку Крым — это Черное море, Балканы и Турция".

Это только один факт из приведенных на процессе в 1952 году, осведомителем МГБ Фефером, но его достаточно, чтобы возбудить у советского государственного деятеля Иосифа Сталина справедливый гнев: ведь тогда и мысли нельзя было допустить, что Крым можно отделить от России и передать куда-

то. Сионисты из ЕАК (только так и можно их называть) не просто беседовали на столь "животрепещущую" тему, но и составляли план, в разработке которого участвовал Михоэлс, глава Советского информбюро С.А. Лозовский (Дридзо). План этот в середине февраля 1944 года лег на стол Сталина. 21 февраля они добились приема у Молотова.

В плане сказано: "1. Создать Еврейскую советскую социалистическую республику на территории Крыма. 2. Заблаговременно, до освобождения Крыма, назначить правительственную комиссию с целью разработки этого вопроса..." ("Заблаговременно", ибо за Крым придется драться...) Но Молотов, опытный и осторожный человек, советует "проектантам" бросить это опасное дело. Сталин же ответа не давал. Сионисты из ЕАК стали уже распределять места в будущем правительстве Крыма, и Михоэлс фигурировал у них как "наш президент"! В 1944 году эта наглость сошла деятелям ЕАК с рук...

По окончании войны Советское правительство, надеясь противопоставить Израиль США, поддержало создание Израиля, но, убедившись, что новое государство будет верно служить интересам американцев, изменило свою позицию. Можно было бы очень долго (и очень интересно, ибо подавляющее большинство наших сограждан и представления не имеют о затронутой здесь теме) рассказывать о ЕАК, скажем лишь о том, что контакты с "Сынами Сиона" были установлены очень прочные, а за масонами стояла американская разведка, и это не подлежит никакому сомнению.

В конце 1947 — начале 1948 года МГБ представило Сталину материалы о том, что деятели ЕАК стали проявлять интерес к семейным делам Сталина (в частности, Михоэлс пытался уста-

новить контакты с евреем Г.И. Морозом, первым мужем дочери Сталина Светланы). Подозрительность Сталина усилилась, и 20 ноября 1948 года Политбюро приняло решение распустить ЕАК. У нас нет возможности здесь детально излагать дальнейшее, скажем только, что в июле 1952 года тринадцать членов ЕАК были приговорены к расстрелу. Всего же по этому делу, по документальным материалам, подверглось репрессиям сто десять человек, то есть дело это ни в какое сравнение не идет по своему размаху с "Ленинградским" и "Мингрельским".

Ни в коей мере не стремясь обелить Сталина и организаторов "дела" ЕАК, должны все же сказать, что тема эта требует самого тщательного и беспристрастного расследования.

Подобные факты наносили серьезный ущерб стране. В адрес ЦК партии и Советского правительства, часто и самого Сталина, поступали многочисленные жалобы на произвол и беззаконие, и еще при жизни Сталина ЦК партии начал принимать меры к установлению контроля над органами госбезопасности.

В декабре 1952 года ЦК дал директиву партийным организациям, в которой говорилось: "Считать важнейшей и неотложной задачей партии, руководящих партийных органов, партийных организаций осуществление контроля за работой Министерства госбезопасности. Необходимо решительно покончить с бесконтрольностью в деятельности органов госбезопасности и поставить их работу в центре и на местах под систематический и постоянный контроль партии, ее руководящих партийных организаций". Но покончено с нарушениями законности было лишь после смерти Сталина, когда были разоблачены и обезврежены политический авантюрист и проходимец Берия и его сообщники.

21 декабря 1949 года в Москве отмечали день рождения Сталина, которому исполнилось семьдесят лет. Отмечал этот юбилей и весь мир, хотя и с полярными знаками.

Это понятно: Сталин не только был политическим деятелем мирового масштаба, но и являлся как бы "патриархом" среди всех тогдашних государственных деятелей. Такие виднейшие политики, как де Голль, Мао Цзедун и Неру, были много младше его и никак не могли сравниться успехами. Один лишь Черчилль был несколько старше, но он уже находился в отставке.

В Кремле провели торжественное собрание. Во многочисленных выступлениях переплелись искреннее уважение и непомерная лесть. Все обратили внимание, что ответного слова на поздравления юбиляр не произнес, хотя этого требовал обычай.

После юбилея в союзных газетах последовал и в течение нескольких месяцев не прекращался пресловутый "поток приветствий". Сообщалось о телеграммах с заводов, из колхозов,

институтов и школ, воинских частей и творческих организаций, и так до бесконечности.

Почему такой обвал грубой лести разразился, сказать сложно. После войны Сталин сделался необычайно скрытным и замкнутым. Эти черты были отчасти присущи ему и прежде, теперь они приняли явно болезненный характер. С Октября и до Потсдамской конференции осталось множество мемуарных свидетельств о Сталине, часто очень тонких и ярких. А вот о его последнем десятилетии — почти ничего.

Несомненно, что в ту пору Сталин оказался совершенно одиноким. Дочерью и сыном Василием он был очень недоволен — и как отец, и как государственный человек. Он очень долго был близок с Ворошиловым и Молотовым, в последние же годы с ними почти не поддерживал отношений, сторонился обоих.

В последние годы жизни в Сталине наметился явный отрыв от знания и понимания народной жизни, чем он всегда отличался, в особенности от своих соперников, сплошь фанатиков разного рода умозрительных и утопических идей. Подводило и здоровье. Притупился всегда острый ум. Усилилась подозрительность, превратившись в мнительность.

Сложившейся обстановкой умело пользовался коварный Берия. Ненавидя все русское, он подсунул Сталину липовые "материалы" о Жданове и его сторонниках. Именно Берия почувствовал некую ревность Сталина к прославленным маршалам Жукову и Рокоссовскому, а вскоре после Победы подкинул против них нечистый "компромат".

Теперь уже опубликованы документы, как из адмирала Кузнецова, министра авиации Шахурина и других "выбивали" показания против прославленных полководцев. Увы, Сталин поддался давлению: обоих маршалов выслали подальше от Москвы: Жукова — в Одесский округ, Рокоссовского — в Варшаву, командовать Войском Польским.

Подобные примеры можно приводить долго...

В дни сталинского юбилея вовсю расцвело то, что потом надолго набило оскомину многонациональному советскому народу, а именно: безмерное славословие вождя. Со стороны это выглядело как нечто, сделанное нарочито, ибо никакими политическими обстоятельствами, очевидно, не вызывалось. Характерно, что более всего усердствовали в этом деле именно те люди, которые Сталина в душе ненавидели. Назвать придется прежде всего популярного тогда беллетриста Илью Эренбурга, чьи восхваления вождя были настолько преувеличенны, что носили порой характер какой-то пародии. А после смерти Сталина он сразу же начал говорить о нем нечто совсем иное.

Точно такой же всплеск искусственного восторга вызвало появление летом 1950 года статьи Сталина "Марксизм и вопросы языкознания". В этой работе справедливо осуждался пресловутый "классовый подход" в лингвистике, было много иных ин-

тересных суждений. Но эту статью стали привязывать к любым видам интеллектуальной деятельности. И не только интеллектуальной...

Разумеется, Сталин, всегда очень много читавший, постоянно и внимательно следивший за периодической печатью, не мог всего этого не замечать. Всевластный, он, однако, этого не пресекал. Неужели он не видел, что это несет ему лично, а главное — делу его жизни один лишь вред? Трудно в это поверить. Однако не пресекал. Видимо, с ответом надо обождать, ибо далеко еще не все документы доступны.

Вопрос о безмерном славословии Сталина важен еще и потому, что именно в эту, второстепеннейшую, сторону его наследия прежде всего вцепляются запоздалые врага. Не станем сними спорить. Посмотрим лучше, что писали его подлинные противники, причем именно современники. Теперь появилась возможность процитировать типичные высказывания западной печати конца 1949 года. Тоже, так сказать, "юбилейные мате риалы"...

Западногерманская "Ди Вельт" (21 декабря 1949): "Сталину удалось за сравнительно короткие сроки выдвинуть СССР в число великих держав. И не важно, какими средствами это было достигнуто. Как бы сегодня ни осуждали деспотизм и всевластие Сталина, остается фактом то, что именно он олицетворяет собой мощное государство, победившее едва ли не всех своих врагов..."

Английская "Обсервер" (21 декабря 1949): "70-летие Сталина отмечается в зените величия Советского Союза, распространившего свое влияние на многие страны Европы и Азии... Многие обозреватели сходятся во мнении, что Сталин с конца 1930-х проводит великодержавную, а не большевистскую политику, что он отказался от идеологии мировой революции и пытается совершить то, чего не могла или не успела сделать династия Романовых".

Турецкая "Джумхурриет" (21 декабря 1949): "Еще никому не удавалось подчинить огромное многонациональное государство своей воле так, как это сделал Сталин. Его имя и достижения СССР — одно неразрывное целое..."

Установка — "только шедевры" — была характерна для отношения Сталина к послевоенным созданиям советских ученых, писателей, деятелей искусства. Субъективные вкусы Сталина господствовали и в кинематографе. Слово Сталина было решающим и ни обжалованию, ни тем более опровержению не подлежало.

Г.В. Александров вспоминает, что его фильм "Встреча на Эльбе" оказался под угрозой: художественный совет Мини-

стерства культуры решил приостановить его выпуск. Но Сталин просмотрел фильм и ограничился оценкой:

— Фильм снят с большим знанием дела.

Этого было достаточно. Фильм "Встреча на Эльбе", конечно, хороший, он и до сих пор смотрится с интересом. Но далеко не у всех кинофильмов того времени такая завидная судьба, нередко отрицательное мнение Сталина закрывало им путь к зрителю.

То же можно сказать и о других видах искусства. В решении ЦК КПСС от 28 мая 1958 года отмечалось, к примеру, что в постановлении об опере Мурадели "Великая дружба", принятом в 1948 году, содержались отдельные несправедливые и неоправданно резкие оценки творчества ряда талантливых работников советского искусства.

События, о которых мы ведем речь, прискорбные для нашей страны и омрачающие память о Сталине, как государственном деятеле и человеке, несомненно, имели в своей основе и личные свойства характера Сталина. Думается, что о последних годах его жизни вполне можно говорить как и о личной трагедии.

Повторяем: он был очень одинок, и это, в совокупности с отрицательными качествами его характера — замкнутостью, отчужденностью — усугубляло и без того непомерную, неоправданную подозрительность к окружающим.

О том, каким тяжелым ударом для Сталина было самоубийство Н.С. Аллилуевой, мы уже писали. Часто в таких случаях человек ищет утешения в детях, во внуках, в них он видит продолжение себя, своего дела. Но и тут Сталину трагически не повезло.

Старший сын, Яков, не был, вероятно, близок отцу, чересчур далек от интересов и дела, которому служил Сталин. Пленение Якова и его смерть в фашистском лагере навсегда разделили судьбы отца и сына.

Второго сына, Василия, Сталин по-своему любил, но не мог не видеть, что сын не достоин его, и прежде всего потому, что Василий страдал пороком, к которому отец всегда относился с отвращением и презрением: был пьяницей.

Военный летчик Василий Джугашвили начал войну капитаном, а закончил ее двадцатичетырехлетним генерал-лейтенантом: находились люди (Берия, в первую очередь), которые, продвигая по службе сына, надеялись угодить отцу. Сын же признавал авторитет только одного человека — отца, иные авторитеты для него не существовали, и позволял себе поступки, которые иначе как безобразиями и назвать нельзя. Сталин беспощадно бранил Василия, распекал принародно, но поделать с ним ничего не мог. Несколько раз Василия наказывали достаточно сурово, сажали под арест — по приказу отца, наркома обороны. В последний раз это случилось летом 1952 года, когда

Сталин велел снять Василия с командования авиацией Московского военного округа за грубейшее нарушение приказа вышестоящих начальников.

Сталин хотел, чтобы сын учился, поступил в Академию Генштаба:

— Мне семьдесят лет, — говорил он, указывая на стол, заваленный книгами, — а я все еще учусь.

Василий был зачислен в Академию, но учиться не смог — пьянствовал. После смерти отца он быстро пошел под уклон, попал под суд, и поделом: вскрылись злоупотребления по службе, рукоприкладство, участие в интригах, завершившихся трагически для других людей. В 1962 году, на сорок втором году жизни, Василий Джугашвили скончался.

Разумеется, у такого человека, как Сталин, не могло быть единства мыслей и чувств с таким сыном. Но еще более разителен разлад Сталина с дочерью.

Книга, написанные Светланой Аллилуевой за рубежом (или изданные от ее имени), потрясают: настолько чуждой, враждебной она оказалась своей Родине, своему государству, своему отцу, для которого смыслом жизни и было служение Российскому государству.

Сталин, несомненно, любил дочь, и тем более обидным и странным должны были показаться ему признаки разногласий, предвещавшие как личные, так и мировоззренческие расхождения. Началось это зимой 1942/43 года, когда дочери исполнилось семнадцать лет и она, как это и положено в таком возрасте, впервые влюбилась. Но уже сам избранник не мог не вызвать недоверия почти у каждого любящего свое чадо родителя: по возрасту он годился в отцы Светлане, хотя в свои сорок лет позволял именовать себя Люсей. Сценарист, кинорежиссер, приятный и ловкий в общении, знакомый в Москве со всеми, в том числе и с многочисленными иностранными корреспондентами, Люся Каплер сумел поразить воображение семнадцатилетней девчонки, жившей до того замкнуто и скромно. Лица, осуществлявшие надзор за безопасностью семьи Сталина, неоднократно предупреждали Люсю, что добром дело не кончится, но он не внял предупреждениям и вел себя с поразительной для тех

обстоятельств настойчивостью. В результате -Люся был вынужден поехать в Воркуту на пять лет, где и работал в театре.

Отец крупно поговорил с дочерью. Воспоминания С. Аллилуевой часто недостоверны, но эта сцена заслуживает внимания:

"3 марта утром, когда я собиралась в школу, неожиданно домой приехал отец, что было совершенно необычно. Он прошел своим быстрым шагом прямо в мою комнату, где от одного его взгляда окаменела моя няня да так и приросла к полу в углу комнаты... Я никогда еще не видела отца таким. Обычно сдер-

жанный и на слова, и на эмоции, он задыхался от гнева, он едва мог говорить: "Где, где это все? — выговорил он. — Где все эти письма твоего писателя?" Нельзя передать, с каким презрением выговорил он слово "писатель"... "Мне все известно! Все твои телефонные разговоры — вот они, здесь! — Он похлопал себя рукой по карману. — Ну! Давай сюда! Твой К... — английский шпион, он арестован!"

Я достала из стола все Люсины записи и фотографии с его надписями...

"А я люблю его! " —сказала наконец я, обретя дар речи.

"Любишь! — выкрикнул отец с невыразимой злостью к самому этому слову — и я получила две пощечины — впервые в своей жизни. — Подумайте, няня, до чего она дошла! — Он не мог больше сдерживаться. — Идет такая война, а она занята!.." — И он произнес грубые мужицкие слова — других слов он не находил...

"Нет, нет, нет, — повторяла моя няня, стоя в углу и отмахиваясь от чего-то страшного пухлой своей рукой. — Нет, нет, нет!"

"Как так — нет?! — не унимался отец, хотя после пощечин он уже выдохся и стал говорить спокойнее. — Как так нет, я все знаю! — И, взглянув на меня, произнес то, что сразило меня наповал: — Ты бы посмотрела на себя — кому ты нужна?! У него кругом бабы, дура!" И ушел к себе в столовую, забрав все, чтобы прочитать своими глазами...

Как во сне я вернулась из школы. "Зайди в столовую к папе",— сказали мне. Я пошла молча. Отец рвал и бросал в корзину мои письма и фотографии. "Писатель! — бормотал он. — Не умеет толком писать по-русски. Уж не могла себе русского найти!.."

Несколько месяцев отец не разговаривал со Светланой. Потом она снова стала посещать дачу в Кунцеве, но прежней близости не было...

Примерно в то же время отец стал замечать, что дочь мыслит далеко не так, как подобало бы.

- У тебя бывают антисоветские высказывания! — говорил он еще в 1944-1945 годах.

Если бы отец мог предположить, что напишет дочь после его смерти...

От первого брака (в 1944 году она вышла замуж за однокурсника) у Светланы родился сын. С зятем — Г. Морозом — Сталин не пожелал даже познакомиться. Зато он хорошо знал второго мужа Светланы — Юрия Андреевича Жданова. Его отца Сталин очень ценил и был рад породниться с этой семьей.

Во втором браке у Светланы родилась дочь. Но вскоре Светлана разошлась и с Ю.А. Ждановым. Уже после смерти отца Светлана в третий раз вышла замуж, за иностранного подданного,. Когда он умер, С. Аллилуева обманным путем покину-

ла СССР. За рубежом, выйдя в четвертый раз замуж, дочь Сталина написала книги, в которых не только облила грязью свою бывшую родину, но и, по выражению древней книги, "обнажила наготу отца своего", то есть совершила грех, именуемый хамством.

Да, дети не принесли Сталину счастья... В последние годы жизни здоровье Сталина резко ухудшилось: сказалось чрезмерное напряжение военных лет. Он постарел, выглядел усталым. Пришли хвори и связанные с ними ограничения. Курить Сталин, правда, бросил только в последний год жизни и очень гордился, что избавился от полувековой привычки.

В 1946 году, впервые после 1937 года, он позволил себе отпуск: поехал на автомобиле в Крым. Автомагистрали Москва-Симферополь тогда еще не было, кортеж машин ехал долго. Ночевали в городах, у секретарей обкомов и райкомов. Вокруг — послевоенная разруха, и Сталин нервничал, видя развалины и то, что люди вынуждены жить в землянках.

В 1947-1951 годах он отдыхал на родине, в Грузии.

Но большую часть времени Сталин оставался в Кунцеве: возился в саду, ухаживая за розами, выращивал арбузы (в Подмосковье!), подкармливал белок и птиц...

Нигде, кроме праздничных концертов, устраиваемых после торжественных собраний, в эти годы Сталин не бывал. На даче постоянно слушал музыкальные радиопередачи и грамзаписи. На пластинках делал надписи: "хор.", "снос", "плох.", "дрянь". Любил, как и ранее, играть в городки с гостями.

Но по-прежнему основным смыслом его жизни была работа, и по-прежнему, даже на склоне лет, она продолжалась до трех-четырех часов утра. Работы, разумеется, хватало.

Советские люди строили Череповецкий, Орско-Халиловский, Закавказский металлургические заводы, сотни индустриальных гигантов. На Волге, Ангаре, Каме и Днепре сооружались крупнейшие гидроэлектростанции. Успешно завершалось строительство Волго-Донского судоходного канала: 31 мая 1952 года по каналу началось регулярное движение речных судов. Полным ходом велись работы по созданию первой в мире атомной электростанции.

Недавно опубликованы документы из "особой папки" ЦК КПСС последнего периода жизни Сталина. Они позволяют узнать подлинную правду о деятельности Сталина как вождя мирового социалистического лагеря в самую последнюю пору, когда он уже разменял восьмой десяток лет. Подобных свидетельств ничтожно мало.

...5 марта 1949 года Сталин приказал Поскребышеву:

— Передайте Вышинскому — нужно ответить в Пхеньян: я согласен на приезд Ким Ир Сена. Надо поближе посмотреть на него...

Печально знаменитый А. Вышинский был тогда министром иностранных дел — отличный был оратор, представителен, образован, языками владел, вот и посылал его Сталин участвовать во всякого рода дипломатических парадах, где много и красно говорят, но ничего не решают. И вот что любопытно, так называемая "демократическая общественность" Запада и пальцем не пошевелила, чтобы протестовать против появления на международной арене недавнего прокурора, проливавшего кровь "невинных жертв". Как видно, Сталин мог позволять себе все, что угодно, с этой самой "общественностью"...

Вскоре Ким Ир Сен приехал и был принят Сталиным вместе с советским послом генералом Т.Штыковым. Вот запись их беседы:

"Сталин: — Сколько американских войск в Южной Корее? "

Ким Ир Сен: — Около 20 тысяч человек.

Штыков уточняет: — Примерно 15-20 тысяч человек.

Сталин: — Имеется ли на юге национальная корейская армия?

Ким Ир Сен: — Имеется, численностью около 60 тысяч человек.

Сталин (шутя): — И вы боитесь их?

Ким Ир Сен: — Нет, не боимся, но хотели бы иметь морские боевые единицы...

Сталин: — Во всех военных вопросах окажем помощь. Корее нужно иметь военные самолеты.

Затем Сталин спрашивает, проникают ли они в южнокорейскую армию, имеют ли там своих людей.

Ким Ир Сен: — Наши люди проникают туда, но пока себя там не проявляют.

Сталин: — Правильно, что не проявляют. Сейчас проявлять себя не нужно. Но южане тоже, видимо, засылают на север своих людей, и нужна осторожность и бдительность".

Северная Корея получила от СССР огромную военную помощь — не только техникой, но и военными специалистами. Боевая мощь северокорейской армии резко возросла. Возникла возможность объединения страны военным путем. Штыков, человек опытный и решительный, торопил события. На границе начались "разведки боем". Сталин отчитал генерала в шифрованной телеграмме от 27 октября 1949 года: "Вам было запрещено без разрешения центра рекомендовать правительству Северной Кореи проводить активные действия против южных корейцев... Обязываем дать объяснения..."

Сталин знал больше и смотрел куда шире, чем боевой генерал Штыков. Он понимал, что война в Корее сразу же выйдет за пределы небольшого азиатского полуострова. Значит, надо

предусмотреть многое, а главное — заблаговременно добиться поддержки соседнего Китая. Да, там к власти с его помощью пришли друзья, но... Китай — великая страна, а Сталин отлично знал, что былая поддержка забывается быстро.

В то время Мао Цзэдун находился с долговременным визитом в СССР, это была его первая поездка за рубеж после победы китайской революции. Поводом был торжественный юбилей Сталина, а по сути, между двумя вождями, старшим и младшим, шло согласование совместных политических планов и программ. В январе 1950-го Мао согласился с планом объединить Корею военным путем.

Подготовка шла в полной секретности, Сталин снова, как в годы Отечественной войны, подписывал шифровки вымышленным именем, на сей раз — "Филиппов".

15 мая 1950-го в Пекин полетела шифровка: "В беседе с корейскими товарищами Филиппов и его друзья высказали мнение, что в силу изменившейся международной обстановки они согласны с предложением корейских товарищей приступить к объединению. При этом было оговорено, что вопрос должен быть решен окончательно китайскими и корейскими товарищами совместно, а в случае несогласия китайских товарищей решение вопроса должно быть отложено до будущего обсуждения".

Истинно сталинская четкость в постановке вопроса, но и сталинская всегдашняя осмотрительность! Уже здесь вырисовывается стратегия Сталина в противоборстве двух сверхдержав, а также его тактика в конкретном случае этого противоборства.

Конечно, война в Корее вызвала много жертв, это ясно. Погибло и несколько десятков наших летчиков и зенитчиков, хотя эти потери были прямо-таки ничтожны в войне такого масштаба (кстати, Сталин за этим следил с особой строгостью!). Все так, но ведь не Сталин произнес печально знаменитую речь в Фултоне. Нет, это в далекой Америке создавали все более и более мощные атомные бомбы, а у нас их было еще так мало! Это в Америке готовили эскадрильи "летающих крепостей", готовых нести тяжеленные ядерные бомбы, а у нас такие самолеты (и ракеты!) только-только создавались. И еще: до американских баз с наших аэродромов надо лететь и лететь (а главное — долететь, ибо тамошнее ПВО было опять-таки сильнее нашего тогдашнего). Наконец, американцы располагали множеством военных баз по периметру наших границ, а у нас было только две базы — в Порт-Артуре и под Хельсинки, но оттуда до Американского континента еще дальше, чем от Камчатки или Восточного Берлина.

Сталин с молодых лет четко оценивал окружающую обстановку. Да, за долгую жизнь у него набралось тут некоторое число ошибок, да. Удивительно не то, что они случались (у Чер-

чилля их не случалось или у де Голля?), а именно то, что их в итоге оказалось так мало. К великому счастью для нашей страны и для нас всех.

Так и тут. Главные противники находятся в Западной Европе и Северной Атлантике. Восточные рубежи нашей державы блокируются тем же противником пока слабо, они нас, как обычно, недооценивают. Держат в Японии слабые оккупационные силы, а славная японская армия уничтожена, память о ней предана анафеме, молодежь воинскому призыву не подлежит. Пацифизм...

Значит, удар по вражескому лагерю во фланг! На Дальнем Востоке, чтобы выйти к Цусимскому проливу, что в двух шагах от американского "непотопляемого авианосца" — Японии! И самое, пожалуй, тут главное: воевать не русскими руками, не русской кровью, достаточно уже мы пролили ее, борясь с самураями за освобождение народов Китая и Кореи. Пусть они теперь возвратят нам часть своих долгов страшных, нанеся удар по нашему и своему общему врагу.

Идея эта оказалась замечательной, почти полвека она была основой стратегии всего социалистического лагеря в его противостоянии царству золотого тельца, власти космополитических Шейлоков. Избегая генерального сражения, крайне опасного для всего мира, бить противника по флангам, используя слабые места. Через пару десятилетий верный последователь Сталина Мао Цзэдун выразит эту идею с присущим ему лаконизмом и образностью: "Надо создать тысячу Вьетнамов, чтобы американский империализм распылил силы". Практическое начало сталинской стратегии осуществилось на корейской земле...

25 июня 1950 года рано утром радио Пхеньяна объявило, что "войска марионеточного правительства Южной Кореи начали внезапное наступление на территорию Северной Кореи... Противник вторгся на глубину от одного до двух километров". Объяснение это, как нынче говорят, "для дураков". Слов нет, в Южной Корее, в Сеуле, действительно были посажены американские марионетки, но военные возможности их были весьма невелики по сравнению с северянами, о чем все прекрасно знали. Кстати, с точно такой же пропагандистской грубоватостью поступил и сам Сталин десять лет назад, осуществляя вторжение в Финляндию. Но он умел учиться на ошибках, а некоторые его воспитанники не очень...

Однако в военном отношении наши советники во главе с генералом Штыковым подготовились неизмеримо лучше, чем Ворошилов в декабре 1939 года на Карельском перешейке, — научились за это время, ничего не скажешь! Южнокорейские заслоны были сметены, северяне быстро и организованно покатились к Цусимскому проливу. Американцы отвечали пока только мощными авианалетами да начали переброску своих дивизий из Японии на юг Корейского полуострова.

Сталин загодя строго предупредил, чтобы советские граждане в военных действиях не участвовали. Однако Ким Ир Сен хотел быстрее развить успех, поэтому обратился к Штыкову с просьбой все-таки послать наших офицеров непосредственно в наступающие корейские части. Тот сгоряча пообещал и обратился с просьбой в Центр.

Сталин ответил ему немедленно и в характерном для него стиле:

"Пхеньян, Совпосол.

Как видно, вы ведете себя неправильно, так как пообещали корейцам дать советников, а нас не спросили. Вам нужно помнить, что Вы являетесь представителем СССР, а не Кореи.

Пусть наши советники пойдут в штаб фронта и в армейские группы в гражданской форме в качестве корреспондентов "Правды" в требуемом количестве. Вы будете лично отвечать за то, чтобы они не попали в плен.

Фын Си".

Как известно, Сталин не раз подписывал секретнейшие депеши (как правило, военного содержания) различными псевдонимами, но таким пользовался впервые. Известный китаист, профессор МГУ В.И. Семанов пояснил авторам, что данное выражение может переводиться как "ветер" или "ветер с запада". Однако почему Сталин выбрал это, пока не известно.

Впрочем, куда важнее предусмотрительность его по поводу возможного попадания наших советников в плен. В пору таких-то потрясающих успехов? Перестраховался он, проявлял, как ему часто пеняют, чрезмерную подозрительность? Нет, просто огромный — и суровый! — жизненный опыт научил его мудрой осмотрительности. Сегодня наступают, а завтра...

Как в воду глядел Иосиф Виссарионович! Американское командование быстро и деловито перебросило через океаны сильнейший экспедиционный корпус, усиленный флотом и авиацией. По масштабам задействованных сил он немного уступал армии, высадившейся в Нормандии в июне 1944 года. Сила солому ломит, американские войска, поддержанные мощными ударами с моря и с воздуха, где у них было подавляющее превосходство, разгромили северокорейцев, вступили на их территорию и стремительно двинулись на север.

Война приближалась к границам Китая и СССР. Что делать? Решать приходилось Сталину, причем не только за свою страну. Мао и его соратники испытывали искреннюю признательность к нашей стране, искренне и глубоко чтили Сталина. Однако они никак уж не походили на южнокорейских "марионеток", свою линию они вели, и упорно. Сталин понимал, что разгром северян будет означать не только политическое поражение советского блока, но и коренное изменение военной обстановки на всем Дальнем Востоке. И не в пользу интересов Советского Союза.

Вводить в Корею наши войска? Это мировая война. Значит, решил Сталин, надо добиться от Китая введения в Корею их армии. Принципиальное согласие было достигнуто почти год назад, но теперь обстановка изменилась... Сталин настаивал, а его авторитет в мире был непререкаем. И вот 13 октября он диктует:

"Пхеньян. Штыкову для товарища Ким Ир Сена.

Только что получил телеграмму от Мао Цзэдуна, где он сообщает, что ЦК КПК вновь обсудил положение и решил все же оказать военную помощь корейским товарищам.

Фын Си".

Хорошо, да не конкретно. Сталин настаивал. И вот через день:

"Передать Ким Ир Сену следующее. После колебаний и ряда временных решений китайские товарищи наконец приняли окончательное решение об оказании Корее помощи войсками. Я рад, что принято наконец окончательное и благоприятное для Кореи решение...

Желаю Вам успехов.

Фын Си".

Китайцы вторглись на территорию Кореи огромными массами сухопутных войск, но технически плохо оснащенных, а боевой авиации и флота у них не было совсем. Однако они отбросили, американцев примерно до границы между Севером и Югом, затем началась затяжная позиционная война с переменным успехом, но без существенных изменений линии фронта.

Сталин внимательно следил за войной на Корейском полуострове. Мощная американская авиация беспощадно уничтожала все живое в Северной Корее, полностью были разрушены, обращены в щебень после многократных бомбардировок с моря и с воздуха все корейские города, даже самые маленькие. "Гуманизм" был тут точно таким же, как и при решении судьбы Дрездена и Хиросимы.

Тогда Сталин принял важное решение: на китайской территории близ корейской границы были развернуты аэродромы, на которых разместилось несколько наших авиационных дивизий. На летчиках была китайская форма, на самолетах — китайские опознавательные знаки. Сталин строжайше приказал следить за тем, чтобы наши самолеты ни в коем случае не перелетали линию фронта, чтобы исключить возможность попадания наших пилотов в плен. Так и произошло: в воздушных боях над Северной Кореей наши летчики сбили несколько сот американских машин, однако мы потеряли триста девятнадцать самолетов. Но ни одного нашего пилота не попало в плен!

Так "жестокий" Сталин заботился о судьбе защитников Родины.

Война зашла в тупик, уже при жизни Сталина были начаты переговоры о перемирии, а вскоре после его кончины огонь

был прекращен. Казалось бы, ничья? Нет. Пожалуй, впервые за всю свою тысячелетнюю историю, омраченную множеством войн, Россия наносила жестокие удары противнику чужой кровью, сберегая свою.

...Как-то в августе 1952 года Сталин беседовал с Чжоу Энь-лаем:

" — Америка не способна вести большую войну. Вся их сила— в налетах, атомной бомбе... Американцы — купцы. Немцы в20 дней завоевали Францию: США уже два года не могут справиться с маленькой Кореей. Какая же это сила? Атомной бомбой войну не выиграть..."

* * *

Руководя практической работой Центрального Комитета и Советского правительства, Сталин не упускал из виду и теоретические проблемы. В 1951-1952 годах в связи с подготовкой учебника политической экономии состоялась дискуссия по экономическим проблемам. Сталин внимательно следил за ней, знакомился с материалами и несколько раз с февраля по сентябрь 1952 года выступал в печати по этому поводу. Некоторые из высказанных им мыслей и соображений по экономическим проблемам в настоящее время отвергаются экономической наукой, но в целом работа Сталина "Экономические проблемы социализма в СССР" содержит немало обоснованных положений, и сегодня не утративших значения.

Сложнее обстоит дело с другой крупной теоретической работой Сталина послевоенного периода — "Марксизм и вопросы языкознания". Читатель, возможно, помнит, как ученики Тифлисской семинарии в конце прошлого века с жаром обсуждали теорию Н.Я. Марра о происхождении и развитии языков, в частности — грузинского. Минуло полстолетия, и один из этих семинаристов вновь высказался об этой теории. То ли познания Сталина в данной области были менее значительны, чем в истории и политэкономии, то ли давало себя знать юношеское раздражение против Марра, но только в этой работе Сталин был гораздо более резок и многие его оценки проблем языкознания ныне отвергаются учеными. Тем не менее и в этой работе имеются блестящие сгустки мысли, в особенности в тех разделах, где речь идет о формировании современных наций.

* * *

Итоги развития СССР и послевоенный период подвел XIX съезд КПСС, состоявшийся в октябре 1952 года. На съезде были определены задачи партии и советского народа в политическом, хозяйственном и культурном строительстве на предстоящий период. Съезд внес изменения в Устав партии. Было ре-

шено переименовать ВКП(б) в Коммунистическую партию Советского Союза — КПСС. Политбюро ЦК партии было преобразовано в Президиум ЦК, избранный в расширенном составе: из двадцати пяти членов (среди них был и М.А. Суслов) и одиннадцати кандидатов, среди последних были Л.И. Брежнев и А.Н. Косыгин.

Как делегатам съезда, так и всей стране бросилось в глаза, что впервые за четверть века Отчетный доклад делал не И.В. Сталин. Все гадали — выступит или нет? Сталин произнес небольшую речь лишь в день закрытия съезда, 14 октября 1952 года. То было его последнее публичное выступление.

Сталин начал речь с благодарности представителям коммунистических и рабочих партий, присутствовавших на съезде, за их дружеские приветствия, за пожелания успехов, за доверие. Коммунистическая партия Советского Союза, в свою очередь, всегда оказывала и будет оказывать поддержку братским партиям.

—После взятия власти нашей партией в 1917 году и после того, как партия предприняла реальные меры по ликвидации капиталистического и помещичьего гнета, представители братских партий, восхищаясь отвагой и успехами нашей партии, присвоили ей звание "Ударной бригады" мирового революционного и рабочего движения. Этим они выражали надежду, что успехи "Ударной бригады" облегчат положение народам, томящимся под гнетом капитализма. Я думаю, что наша партия оправдала эти надежды, особенно в период второй мировой войны, когда Советский Союз, разгромив немецкую и японскую фашистскую тиранию, избавил народы Европы и Азии от угрозы фашистского рабства...

Зал бурными аплодисментами приветствовал эти слова, а (Сталин продолжал:

—Конечно, очень трудно было выполнять эту почетную роль, пока "Ударная бригада" была одна-единственная и пока приходилось ей выполнять эту передовую роль почти в одиночестве. Но это было. Теперь — совсем другое дело...

Далее Сталин говорил об изменении ситуации в мире и, следовательно, об изменении задач коммунистических и рабочих партий в капиталистических странах.

—Знамя национальной независимости и национального суверенитета выброшено за борт, — продолжал Сталин, имея ввиду буржуазию Запада. — Нет сомнения, что это знамя придется поднять вам, представителям коммунистических и демократических партий, и понести его вперед, если хотите быть патриотами своей страны, если хотите стать руководящей силой нации. Его некому больше поднять...

Речь, повторяем, была краткой. Видимо, Сталину не под силу уже было произносить, как прежде, продолжительные речи. Есть сведения, что после XIX съезда Сталин дважды ставил пе-

ред ЦК КПСС вопрос об освобождении его от обязанностей Генерального секретаря по состоянию здоровья. Но государственными делами он занимался по-прежнему. Одно из последних свидетельств этого находим в воспоминаниях А.Г. Зверева.

В начале марта 1953 года специальная комиссия рассматривала подготовленную Министерством финансов справку о размерах подоходного налога с колхозов, налога на граждан, занимавшихся сельским хозяйством, и некоторых других налогов. Возникли разногласия с министром финансов, справку показали Сталину, и тот позвонил Звереву. Разговор сразу же принял аналитический характер:

— Как вы истолковываете природу налога с оборота? — спросил Сталин.

— Налог родствен прибыли, товарищ Сталин, это одна из форм проявления прибавочного продукта.

— Верно. А помните, еще до войны на заседании ЦК высказывалось мнение, что налог с оборота — это акциз?

Зверев помнил этот случай и отвечал:

— У акциза иная экономическая природа.

— А чем вы объясняете столь высокий процент налога с оборота по основным видам сельскохозяйственной продукции?

Когда министр финансов объяснил свою позицию, Сталин продолжал задавать вопросы, и в итоге были затронуты основные проблемы деятельности финансового ведомства. В завершение беседы Сталин сказал: "До свидания", что было редчайшим исключением. Обыкновенно он просто клал трубку.

Но свидания больше не было.

Сталин стал болеть к концу жизни, но врачам не доверял, и только один из них, профессор В.Н. Виноградов, имел возможность постоянно наблюдать за его здоровьем. Но в конце 1952 года и этот врач вышел из доверия у пациента. Связано это было с событием, уже достаточно отдаленным во времени, — со смертью А.А. Жданова.

Говорят (но только говорят, документальных доказательств не обнародовано), что Виноградов, обследовав в очередной раз Сталина, посоветовал пациенту уйти на покой, так как здоровье его сильно якобы пошатнулось. Если это так, то у такого человека, как Сталин, могло появиться ощущение - от него хотят избавиться под благовидным предлогом. И Сталин отказался от услуг профессора. Но, верный своему правилу проверять все и вся, если возникают сомнения, Сталин вспомнил о смерти Жданова и о связанных с этим неясных обстоятельствах.

У Жданова было больное сердце. В июле 1948 года болезнь обострилась. Он пользовался услугами Кремлевской больницы, где, казалось, были собраны лучшие силы, светила медицины. 27 августа Жданов почувствовал себя очень плохо, но консилиум врачей, куда входил и Виноградов, ничего существенного не нашел и предложил продолжить прежнее лечение. "Светила

проигнорировали диагноз простого врача, опытного кардиолога Л.Ф. Тимошук, определившей по кардиограмме инфаркт миокарда. Мало того, что проигнорировали, они заставили Тимошук переписать свое заключение, резко расходившееся с диагнозом профессоров. Курс лечения оставили без изменения, в том числе и массаж конечностей. 31 августа Жданов скончался.

Вскрытие тела показало, что у Жданова были неоднократно инфаркты, не зафиксированные в истории болезни. Более того, в заключении о смерти, которое составлял и Виноградов, инфаркт даже не

упоминался. Но Тимошук оказалась "крепким орешком", теперь она стала обвинять профессоров в неправильных диагнозах в лечении, не скрывая того, что врачи действуют злонамеренно. Тогда 7 сентября опасного кардиолога уволили из "кремлевки"...

Все только что вышеизложенное заимствовано нами из неприкрыто тенденциозной книги Г.В. Костырченко (В плену у красного фараона. - М., 1994). Там же (с. 45) находим и следующее заявление Виноградова, сделанное 27 марта 1953 года в записке для Берии, то есть уже после смерти Сталина: "Все же необходимо признать, что у А.А. Жданова имелся инфаркт, и отрицание его мною, профессорами Василенко, Егоровым, докторами Майоровым и Карпей, было с нашей стороны ошибкой". Но зачем же эту ошибку скрыли в 1948 году?

В конце 1952 года МГБ вновь занялось этим делом. Оно обвинило кремлевских врачей в гибели не только Жданова. Вспомнили и Щербакова, и Димитрова, и многих других. Вспомнили и смерть Горького в 1936 году и т. д.. Поскольку методы следствия у МГБ были жестокими и арестованных били и пытали до тех пор, пока они не давали "необходимых" показаний, ныне очень трудно определить, где в них правда, а где ложь. Но то, что Сталин получил какое-то основание утвердиться в своих подозрениях, — бесспорно. В книге Я.Л. Рапопорта ("На рубеже двух эпох". - М., 1988. С.210), тоже посвященной "Делу врачей", можно прочесть следующее:

"Во все исторические времена медик использовался политическими деятелями различных рангов для активного осуществления их планов, нередко преступных, или для прикрытия их". Но если это было возможно "во все времена", почему это было невозможно в 1936, 1948 или 1953 годах? Только потому, что "этого не может быть, потому что не может быть никогда"? И "Дело врачей" приобретало все больший размах.

Неизвестно, как бы оно завершилось, если бы не одно обстоятельство. Приведем цитату из книги все того же Костырченко (с. 340). Он подвергает сомнению "циркулирующий и до сих пор в определенной среде" слух о подготовке насильственной депортации евреев на Восток. "Насколько все это соответствовало действительности, сейчас трудно сказать", — завершает фразу Костырченко. Думается, что это трудно будет

сказать и в будущем, потому что таких намерений у Сталина не было.

13 января 1953 года в "Правде" появилось сообщение, в котором МГБ объявляло, что им раскрыт заговор врачей, и при- водились фамилии врачей, замешанных в заговоре. Большинство этих фамилий еврейские, да иначе и быть не могло, так как в "кремлевке" представители этой этнической группы составляли подавляющее большинство, занимали самые высокие посты. Теперь у Сталина имелись основания (справедливые или нет — это для данного сюжета все равно) быть недовольным работой МГБ, ибо оно просмотрело заговор. А кто главный специалист в СССР по делам госбезопасности? Берия! И Сталин стал подозревать Берию! (*)

Есть сведения, что Сталин запросил материалы о Берии, его личное дело: а в деле этом (это ныне уже документально доказано) есть очень сомнительные места, да к тому же Берия еврей... Начальник охраны Сталина Н.С. Власик в письме, написанном в мае 1955 года на имя Ворошилова, тогда председателя Верховного Совета СССР, сообщил: "Глава правительства (то есть Сталин), находясь на юге после войны, в моем присутствии выражал большое возмущение против Берии, говоря о том, что органы государственной безопасности не оправдали своей работой должного обеспечения. Сказал, что дал указание отстранить Берию от руководства МГБ... И вот я потом убедился, что этот разговор между мною и главой правительства стал им доподлинно известен. Я был поражен этим".

Поражаться Власику не следовало. Он должен был бы знать, что МГБ подслушивает все разговоры, которые его интересуют.

Итак, Берия в курсе опасных для него настроений Сталина. Но не в правилах Берии знать и медлить. Он начинает действовать.

Власик, на которого Сталин мог положиться всецело, вдруг попадает под арест, все к тому же Берии (**).

(*)(**) Берия был Наркомом внутренних дел СССР с декабря 1938г. по декабрь 1946г. и с марта по июнь 1953г, т.е. к "делу врачей" и аресту Власика (1952) отношения не имел. См. http://www.patriotica.ru/history/kozhinov_cult.html Прим. БДР)

Затем следует арест А. Н. Поскребышева, секретаря Сталина, которому Сталин тоже полностью доверял. Теперь, когда наиболее близкие и верные Сталину люди удалены от него, Берия может нанести упреждающий удар. И в ночь на 2 марта 1953 года у Иосифа Виссарионовича Сталина случается инсульт. Поражение правой стороны мозга: речи нет...

Что в точности произошло, мы, очевидно, никогда не узнаем. Версий высказывается очень много. Но то, что опытная рука Берии была здесь замешана — весьма вероятно. Берия вновь становится во главе МГБ. "Дело врачей" прекращено. Их выпускают на свободу. Но Берию ждет арест. Потом — следствие, расстрел...

Три дня страна с замиранием сердца выслушивала бюллетени о состоянии здоровья больного. Утром 5 марта 1953 года Иосиф Виссарионович Сталин скончался.

* * *

Смерть Сталина вызвала великую скорбь советского народа, и, как бы ни изгалялись много лет спустя его запоздалые не доброжелатели, печаль эту испытывало подавляющее большинство. Даже многие из тех, кто находился в неправовом заключении и стеснении.

Похороны Сталина привели к трагедии в столице. Документы, увы, не опубликованы и поныне. Но и без того ясно, что советские органы правопорядка не имели тогда никакого навыка в управлении большими массами людей, охваченных паникой или иными бурными проявлениями чувств. К тому же свирепый глава этих органов Берия думал в те дни только о захвате власти, на все прочее ему было наплевать. В итоге похороны Сталина омрачились жертвами.

Подводить итоги деятельности Сталина, несомненно, рано: надо не только осмыслить опубликованные и неопубликованные материалы, надо спокойно обсудить их вселюдно. Но предварительные заключения может сделать каждый. Приведем здесь высказывания тех, кто имел все основания не любить Сталина или опасаться его, а сделаны они все именно тогда, когда в Москве происходили его похороны.

"Нью-Йорк таймс" (6 марта 1953): "Со Сталиным завершилась целая эпоха в мировой истории. Он заставил Запад уважать мощь новой России и постарался вывести ее в число великих держав..."

"Фигаро" (Париж, 6 марта 1953): "Пирамида великой, тотальной империи лишилась своего вдохновителя и руководителя... Но сохранится ли СССР в будущем, без Сталина?"

"Борба" (Белград, 6 марта 1953): "Мало кому удавалось противостоять диктату и авторитету Сталина. Сталин похоронил ленинизм в 1930-х годах, марксизм — еще раньше. Но тем не менее Югославия, выстояв в полемике и конфронтации со Сталиным, считает его великой исторической личностью, оказавшей существенное влияние на политическое развитие не только СССР , но и всего мира".

Из интервью генералиссимуса Чан Кайши (Тайвань, 7 марта 1953): "Сталин был первым среди равных в союзнической коалиции. Послевоенная внутренняя и внешняя политика сталинского государства обусловлена прежде всего стремлением Сталина укрепить державный статус России, обеспечить ее глобальные интересы..."

Из интервью Шарля де Голля по французскому радио (6 марта 1953): "Сталин имел колоссальный авторитет, и не только в России. Он умел "приручать" своих врагов, не паниковать при проигрыше и не наслаждаться победами. А побед у него было больше, чем поражений.

Сталинская Россия — это не прежняя Россия, погибшая вместе с монархией. Но сталинское государство без достойных Сталину преемников обречено".

"Нойе Цюрихер цайтунг" (Швейцария, 8 марта 1953): "Неожиданная смерть Сталина всколыхнула весь мир... Германский советолог Франц Боркенау в "Рейнише меркур" 23 января 1953 года отмечал, что "арест личных врачей Сталина означает заговор против него соратников во главе с Маленковым и Берией — они хотят приставить к Сталину своих врачей, чтобы решить его судьбу". Есть основания, что прогноз Боркенау сбывается...

После устранения Сталина борьба за власть в стране и в партии усилится, и со временем обитатели Кремля будут стремиться лишь к устранению друг друга, а не к укреплению сталинского государства. Взаимная грызня коммунистов-соперников никогда не прекратится, поскольку в их среде нет и не предвидится такой личности, как Сталин".

Сегодня гражданам разваленного Советского Союза особенно важно узнать о таких оценках сорокалетней давности. Здесь приведена малая толика их, но там не удалось бы отыскать ни одного уничижительного. Таков был мировой авторитет Сталина в дни его кончины.

До 1961 года набальзамированное тело Сталина находилось в Мавзолее, рядом с телом В. И. Ленина. По решению XXII съезда КПСС останки И.В. Сталина захоронены рядом с Мавзолеем у Кремлевской стены. Позднее на могиле был установлен бюст.

* * *

Когда не слишком высоко летишь на самолете над Южной Россией по временам внизу видишь зеленые квадраты. Это лесозащитные полосы, заложенные в начале 50-х годов. Они состоят в основном из таких пород деревьев как дубы, вязы. Уже и сейчас об этих полосах говорят: "Они посажены при Сталине". Дубы растут медленно, но живут столетиями.

ИОСИФ СТАЛИН. ДОКУМЕНТЫ

ПИСЬМА И.В. СТАЛИНА МАТЕРИ -Е.Г. ДЖУГАШВИЛИ

16/VI 22

Мама — моя!

Здравствуй!

Будь здорова, не допускай к сердцу печаль.

Ведь сказано: "Пока жив — радовать буду свою фиалку, умру— порадуются черви могильные".

Эта женщина — моя жена. Постарайся не дать ее в обиду.

Твой *Сосо*

Архив Президента Российской Федерации (далее - АП РФ) ф. 45, оп. 1, д. 1549, л. 1 — 2. Заверенная копия перевода. Автограф на грузинском языке.

25/I - 1925

Здравствуй, мама — моя!

Знаю, ты обижена на меня, но что поделаешь, уж очень занят и часто писать тебе не могу.

День и ночь занят по горло делами и поэтому не радую тебя письмами.

Живи тысячу лет.

Твой *Сосо.*

АП РФ, ф. 45, оп.1, д. 1549, л. 21, 22. Заверенная копия перевода. Автограф на грузинском языке.

427

15/VI - 25 г.

Привет маме — моей!

Как живешь и здравствуешь? Тысячу лет тебе жизни, бодрости и здоровья.

Я пока чувствую себя хорошо.

До свидания.

Твой *Сосо.*

АП РФ, ф. 45, оп. 1, д. 1549, л. 23, 24. Заверенная копия перевода. Автограф на грузинском языке.

25 апреля 1929 г.

Здравствуй, мама — моя!

Как живешь, как твое самочувствие? Давно от тебя нет писем, — видимо, ты обижена на меня, но что делать, ей-Богу очень занят.

Присылаю тебе сто пятьдесят рублей, — больше не сумел. Если нужны будут деньги, сообщи мне, сколько сумею — вышлю. Привет знакомым.

Живи много лет.

Надя шлет привет.

Твой *Сосо.*

АП РФ, ф. 45, оп. 1, д. 1549, л. 36 — 37. Заверенная копия перевода. Автограф на грузинском языке.

16 сентября 1930 г.

Здравствуй, мама — моя!

Как живешь, как твое здоровье?

Недавно я болел. Теперь чувствую себя хорошо.

Надя уехала в Москву. И я в ближайшее время уеду в Москву.

Живи тысячу лет.

Твой *Сосо.*

16/IX-30

АП РФ, ф. 45, оп. 1, д. 1549, л. 28-39. Заверенная копия перевода. Автограф на грузинском языке. .

22 декабря 1931 г.

Здравствуй, мама — моя!

Письмо получил. Хорошо, что не забываешь нас. Я, конечно, виноват перед тобой, что последнее время не писал тебе. Но — что поделаешь. Много работы свалилось мне на голову и не сумел выкроить время для письма.

428

Береги себя. Если в чем-либо нуждаешься, напиши. Лекарство пришлет Надя. Будь здорова, бодра. Я чувствую себя хорошо. Живи тысячу лет.

Твой *Сосо.*

22/ХП - 31

АП РФ, ф. 45, оп. 1, д. 1549, л. 41, 42. Заверенная копия перевода. Автограф на грузинском языке.

24 марта 1934 г.

Здравствуй, мама — моя!

Письмо твое получил. Получил также варенье, чурчхели, инжир. Дети очень обрадовались и шлют тебе благодарность и привет.

Приятно, что чувствуешь себя хорошо, бодро.

Я здоров, не беспокойся обо мне. Я свою долю выдержу. Не знаю, нужны ли тебе деньги или нет.

На всякий случай присылаю тебе пятьсот рублей. Присылаю также фотокарточки — свою и детей.

Будь здорова, мама — моя!

Не теряй бодрости духа!

Целую.

Твой сын *Сосо.*

24/Ш - 34 года

Дети кланяются тебе. После кончины Нади, конечно, тяжела моя личная жизнь. Но ничего, мужественный человек должен остаться всегда мужественным.

АП РФ, ф. 45, оп. 1, д. 1549, л. 45, 46.

Заверенная копия перевода. Автограф на грузинском языке.

6/X - 34

Маме — моей привет!

Как твое житье-бытье, мама — моя?

Письмо твое получил. Хорошо, не забываешь меня. Здоровье мое хорошее. Если что нужно тебе — сообщи. Живи тысячу лет.

Целую.

Твой сын *Сосо.*

АП РФ, ф. 45, оп. 1, д. 1549, л. 51, 52. Заверенная копия перевода. Автограф на грузинском языке.

429

19/11 - 35

Маме — моей — привет!

Как жизнь, как здоровье твое, мама — моя? Нездоровится тебе или чувствуешь лучше? Давно от тебя нет писем. Не сердишься ли ты на меня, мама — моя?

Я пока чувствую себя хорошо. Обо мне не беспокойся. Живи тысячу лет.

Целую!

Твой сын *Сосо.*

АП РФ. ф. 45, оп. 1, д. 1549, л. 53, 54. Заверенная копия перевода. Автограф на грузинском языке.

11 июня 1935 г.

Здравствуй, мама — моя!

Знаю, что тебе нездоровится... Не следует бояться болезни, крепись, все проходит.

Направляю к тебе своих детей. Приветствуй их и расцелуй. Хорошие ребята. Если сумею, и я как-нибудь заеду к тебе повидаться.

Я чувствую себя хорошо.

Будь здорова. Целую.

Твой *Сосо.*

11/VI. 35 г.

АП РФ, ф. 45, оп. 1, д. 1549, Л. 55, 56. Заверенная копия перевода. Автографна грузинском языке.

Привет знакомым.

ПЕРЕПИСКА И.В. СТАЛИНА И М.А.ШОЛОХОВА О РАСКУЛАЧИВАНИИ

М. А. Шолохов — И.В. Сталину 4 апреля 1933 г.

Станица Вешенская

т. Сталин!

Вешенский район, наряду со многими другими районами Северо-Кавказского края, не выполнил плана хлебозаготовок и не засыпал семян. В этом районе, как и в других районах, сейчас умирают от голода колхозники и единоличники; взрослые и дети пухнут и питаются всем, чем не положено человеку питаться, начиная с падали и кончая дубовой корой и всяческими болотными кореньями. Словом, район, как будто ничем не отличается от остальных районов нашего края. Но причины, по которым 99% трудящегося населения терпят такое страшное бедствие, несколько иные, нежели, скажем, на Кубани.

Прошлые годы Вешенский район был в числе передовых по краю. В труднейших условиях 1930 - 31 гг. успешно справлялся и с севом и с хлебозаготовками. О том, как парторганизация боролась за хлеб, красноречиво свидетельствуют цифры роста посевных площадей. Посевная площадь по колхозно-единоличному сектору: 1930 г. — 87 571 гек., 1931 г. — 136 947 гек., 1932 г. - 163 603 гек.

Как видите, с момента проведения сплошной коллективизации посевная площадь выросла почти вдвое. Как работали на полудохлом скоте, как ломали хвосты падающим от истощения и устали волам, сколько трудов положили и коммунисты и колхозники, увеличивая посев, борясь за укрепление колхозного строя, — я постараюсь — в меру моих сил и способностей — отобразить во второй книге "Поднятой целины". Сделано было много, но сейчас все пошло насмарку, и район стремительно приближается к катастрофе, предотвратить которую без Вашей помощи невозможно.

Вешенский район не выполнил плана хлебозаготовок и не засыпал семян не потому, что одолел кулацкий саботаж и парторганизация не сумела с ним справиться, а потому, что плохо руководит краевое руководство. На примере Вешенского района я постараюсь это доказать.

...Но т. к. падающая кривая поступлений хлеба не обеспечивала выполнения плана к сроку, крайком направил в Вешенский район особого уполномоченного т. Овчинникова (того самого, который некогда приезжал устанавливать "дополнительную" урожайность)... Овчинников громит районное руководство и, постукивая по кобуре нагана, дает следующую установку:

431

"Хлеб надо взять любой ценой! Будем давить так, что кровь брызнет! Дров наломать, но хлеб взять!"

Отсюда начинается и "ломание дров"...

Установка Овчинникова — "Дров наломать, но хлеб взять!" — подхватывается районной газетой "Большевистский Дон". В одном из номеров газета дает "шапку": "ЛЮБОЙ ЦЕНОЙ, ЛЮБЫМИ СРЕДСТВАМИ ВЫПОЛНИТЬ ПЛАН ХЛЕБОЗАГОТОВОК И ЗАСЫПАТЬ СЕМЕНА!" И начали по району с великим усердием "ломать дрова" и брать хлеб "любой ценой".

К приезду вновь назначенного секретаря РК Кузнецова и председателя РИК'а Королева по району уже имелись плоды овчинниковского внушения:

В Плешаковском колхозе два уполномоченных РК, Белов и другой товарищ, фамилия которого мне неизвестна, допытываясь у колхозников, где зарыт хлеб, впервые применили впоследствии

распространившийся по району метод "допроса с пристрастием". В полночь вызывали в комсод, по одному, колхозников, сначала допрашивали, угрожая пытками, а потом применяли пытки: между пальцев клали карандаш и ломали суставы, а затем надевали на шею веревочную петлю и вели к проруби в Дону топить.

В Грачевском колхозе уполномоченный РК при допросе подвешивал колхозниц за шею к потолку, продолжал допрашивать полузадушенных, потом на ремне вел к реке, избивалпо дороге ногами, ставил на льду на колени и продолжал допрос.

В Лиховидовском колхозе уполномоченный РК на бригадном собрании приказал колхозникам встать, поставил в дверях вооруженного сельского, которому вменил в обязанность следить за тем, чтобы никто не садился, а сам ушел обедать. Пообедал, выспался, пришел через 4 часа. Собрание под охраной сельского стояло... И уполномоченный продолжал собрание.

На первом же бюро РК новый секретарь РК поставил вопрос об этих перегибах. Было записано в решении бюро о том, что такие "методы" хлебозаготовок искажают линию партии. Об этом на другой день узнал Овчинников, приехавший из Верхне-Донского района (он работал особоуполномоченным по двум районам: Вешенскому и Верхне-Донскому), и тотчас же предложил секретарю РК: "О перегибах в решении не записывай! Нам нужен хлеб, а не разговорчики о перегибах. А вот ты с первых же дней приезда начинаешь разговоры о перегибах и тем самым ослабляешь накал борьбы за хлеб, расхолаживаешь парторганизацию, демобилизуешь ее!"

И рассказал исключительно интересный случай из собственной практики; случай, по-моему, проливающий яркий свет на фигуру Овчинникова. Передаю со слов секретаря РК Кузнецова и ряда других членов бюро РК, которым Овчинников этот же случай рассказывал в другое время.

"В 1928 г. я был секретарем Вольского ОК Нижневолжского края. Во время хлебозаготовок, когда применяли чрезвычайные мероприятия, мы не стеснялись в применении жесточайших репрессий и о перегибах не разговаривали! Слух о том, что мы перегнули, докатился до Москвы... Но зато целиком выполнили план, в крае не на плохом счету! На 16 Всесоюзной партконференции во время перерыва стоим мы с т. Шеболдаевым, к нам подходит Крыленко и спрашивает у Шеболдаева: "А кто у тебя секретарем Вольского ОК? Наделал во время хлебозаготовок таких художеств, что придется его, как видно, судить". — "А вот он, секретарь Вольского ОК", — отвечает Шеболдаев, указывая на меня. "Ах, вот как! — говорит Крыленко. — В таком случае, товарищ, зайдите после конференции ко мне". Я подумал, что быть неприятности, дал телеграмму в Вольск, чтобы подготовили реабилитирующие материалы, но после конференции на совещании с секретарями крайкомов Молотов заявил: "Мы не дадим в обиду тех, которых обвиняют сейчас в перегибах. Вопрос стоял так: или взять, даже поссорившись с крестьянином, или оставить голодным рабочего. Ясно, что мы предпочли первое". После этого Крыленко видел меня, но даже и словом не обмолвился о том, чтобы я к нему зашел!"

Естественно, что после истории с решением о перегибах РК закрыл глаза на все безобразия, которые творились в районе, а если в особо исключительных случаях и говорили по поводу перегибов, то так глухо, как из воды. Решения выносились больше для очистки совести, не для проработки на ячейках, а для особой папки, на всякий случай.

После отъезда Овчинникова в Верхне-Донской район работой стал руководить Шарапов.

...О работе уполномоченного или секретаря ячейки Шарапов судил не только по количеству найденного хлеба, но и по числу семей, выкинутых из домов, по числу раскрытых при обысках крыш и разваленных печей. "Детишек ему стало жалко выкидывать на мороз! Расслюнявился! Кулацкая жалость его одолела! Пусть, как щенки, пищат и дохнут, но саботаж мы сломим!", — распекал на бюро РК Шарапов секретаря ячейки Малаховского колхоза за то, что тот проявил некоторое колебание при массовом выселении семей колхозников на улицу. На бюро РК, в ячейке, в правлении колхоза, громя работавших по хлебозаготовкам, Шарапов не знал иного обращения, кроме как "сволочь", "подлец", "кусок

слюнтяя", "предатель", "сукин сын". Вот лексикон, при помощи которого уполномоченный крайкома объяснялся с районными и сельскими коммунистами.

До чистки партии за полтора месяца (с 20 декабря по 1 января) из 1500 коммунистов было исключено более 300 человек. Исключали, тотчас же арестовывали и снимали со снабжения как самого арестованного, так и его семью. Не получая хлеба,

жены и дети арестованных коммунистов начинали пухнуть от голода и ходить по хуторам в поисках "подаяния"...

Исключение из партии, арест и голод грозили всякому коммунисту, который не проявлял достаточной "активности" по части применения репрессий, т.к. в понимании Овчинникова и Шарапова только эти методы должны были давать хлеб. И большинство терроризированных коммунистов потеряли чувство меры в применении репрессий. По колхозам широкой волной покатились перегибы. Собственно то, что применялось при допросах и обысках, никак нельзя было назвать перегибами; людей пытали, как во времена средневековья, и не только пытали в комсодах, превращенных буквально в застенки, но и издевались над теми, кого пытали. Ниже я приведу краткий перечень тех "способов", при помощи которых работали агитколонны и уполномоченные РК, а сейчас в цифрах, полученных мною в РК, покажу количество подвергавшихся репрессиям и количество хлеба, взятого с момента применения репрессий.

По Вешенскому району. 1. Хозяйств — 13 813; 2. Всего населения— 52 069; 3. Число содержавшихся под стражей, арестованных органами ОГПУ, милицией, сельсоветами и пр. — 3 128; 4. Из них приговорено к расстрелу — 52; 5. Осуждено по приговорам нарсуда и по постановлениям коллегии ОГПУ — 2300; 6. Исключено из колхоза хозяйств — 1947; 7. Оштрафовано (изъято продовольствие и скот) — 3 350 хозяйств; 8. Выселено из домов — 1090 хозяйств.

Мне казалось, что это — один из овчинниковских перегибов, но в конце января или в начале февраля в Вешенскую приехал секретарь крайкома Зимин. По пути в Вешенскую он пробыл два часа в Чукаринском колхозе и на бюро РК выступил по поводу хода хлебозаготовок в этом колхозе. Первый вопрос, который он задал присутствовавшему на бюро секретарю Чукаринской ячейки: — "Сколько у тебя выселенных из домов?" — "Сорок восемь хозяйств". - "Где они ночуют?" Секретарь ячейки засмеялся, потом ответил, что ночуют, мол, где придется. Зимин ему на это сказал: "А должны ночевать не у родственников, не в помещениях, а на улице!"

После этого по району взяли линию еще круче. И выселенные стали замерзать. В Базковском колхозе выселили женщину с грудным ребенком. Всю ночь ходила она по хутору и просила, чтобы ее пустили с ребенком погреться. Не пустили, боясь, как бы самих не выселили. Под утро ребенок замерз на руках у матери. Сама мать обморозилась. Женщину эту выселял кандидат партии — работник Базковского колхоза. Его, после того как ребенок замерз, тихонько посадили в тюрьму. Посадили за "перегиб". За что же посадили? И если посадили правильно, то почему остается на свободе т. Зимин?

Число замерзших не установлено, т. к. этой статистикой никто не интересовался и не интересуется; точно так же, как никто не интересуется количеством умерших от голода. Бесспорно

одно: огромное количество взрослых и "цветов жизни" после двухмесячной зимовки на улице, после ночевок на снегу уйдут из этой жизни вместе с последним снегом. А те, которые останутся в живых, будут полукалеками.

Но выселение — это еще не самое главное. Вот перечисление способов, при помощи которых добыто 593 тонны хлеба:

Массовые избиения колхозников и единоличников.

Сажание "в холодную". "Есть яма?" — "Нет". — "Ступай, садись в амбар!" Колхозника раздевают до белья и босого сажают в амбар или сарай. Время действия — январь, февраль. Часто в амбары сажались целыми бригадами.

В Ващаевском колхозе колхозницам обливали ноги и подолы юбок керосином, зажигали, а потом тушили: "Скажешь,где яма? Опять подожгу!" В этом же колхозе допрашиваемую клали в яму, до половины зарывали и продолжали допрос.

В Наполовском колхозе уполномоченный РК кандидат в члены бюро РК Плоткин при допросе заставлял садиться на раскаленную лежанку. Посаженный кричал, что не может сидеть, горячо, тогда под него лили из кружки воду, а потом"прохладиться" выводили на мороз и запирали в амбар. Из амбара снова на плиту и снова допрашивают. Он же (ПЛОТКИН)заставлял одного единоличника стреляться. Дал в руки наган и приказал: "Стреляйся, а нет — сам застрелю!" Тот начал спускать курок (не зная того, что наган разряженный) и, когда щелкнул боек, упал в обмороке.

В Варваринском колхозе секретарь ячейки Аникеев на бригадном собрании заставил всю бригаду (мужчин и женщин, курящих и некурящих) курить махорку, а потом бросил на горячую плиту стручок красного перца (горчицы) и не приказал выходить из помещения. Этот же Аникеев и ряд работников агитколонны, командиром коей был кандидат в члены бюро РК Пашинский при допросах в штабе колонны принуждали колхозников пить в огромном количестве воду, смешанную с салом, с пшеницей и с керосином.

В Лебяженском колхозе ставили к стенке и стреляли мимо головы допрашиваемого из дробовиков.

Там же: закатывали в рядно и топтали ногами.

В Архиповском колхозе двух колхозниц, Фомину и Краснову, после ночного допроса вывезли за три километра в степь,раздели на снегу догола и пустили, приказав бежать к хутору рысью.

В Чукаринском колхозе секретарь ячейки Богомолов подобрал 8 человек демобилизованных красноармейцев, с которыми приезжал к колхознику — подозреваемому в краже — во двор(ночью), после короткого опроса выводил на гумно или в леваду, строил свою бригаду и командовал "огонь" по связанному колхознику. Если устрашенный инсценировкой расстрела не признавался, то его, избивая, бросали в сани, вывозили в степь,

били по дороге прикладами винтовок и, вывезя в степь, снова ставили и снова проделывали процедуру, предшествующую расстрелу.

(Нумерация нарушена Шолоховым. — *Ред.)* В Кружилинском колхозе уполномоченный РК КОВТУН на собрании 6 бригады спрашивает у колхозника: "Где хлеб зарыл?" — "Не зарывал, товарищ!" — "Не зарывал? А ну, высовывай язык! Стой так!" Шестьдесят взрослых людей, советских граждан по приказу уполномоченного по очереди высовывают языки и стоят так, истекая слюной, пока уполномоченный в течение часа произносит обличающую речь. Такую же штуку проделал Ковтун и в7 и в 8 бригадах; с той только разницей, что в тех бригадах он помимо высовывания языков заставлял еще становиться на колени.

В Затонском колхозе работник агитколонны избивал допрашиваемых шашкой. В этом же колхозе издевались над семьями красноармейцев, раскрывая крыши домов, разваливая печи, понуждая женщин к сожительству.

В Солонцовском колхозе в помещение комсода внесли человеческий труп, положили его на стол и в этой же комнате допрашивали колхозников, угрожая расстрелом.

В Верхне-Чирском колхозе комсодчики ставили допрашиваемых босыми ногами на горячую плиту, а потом избивалии выводили, босых же, на мороз.

В Колундаевском колхозе разутых добоса колхозников заставляли по три часа бегать по снегу. Обмороженных привезлив Базковскую больницу.

Там же: допрашиваемому колхознику надевали на голову табурет, сверху прикрывали шубой, били и допрашивали.

В Базковском колхозе при допросе раздевали, полуголых отпускали домой, с полдороги возвращали, и так по нескольку раз.

Уполномоченный РО ОГПУ Яковлев с оперативной группой проводил в Верхне-Чирском колхозе собрание. Школу топили до одурения. Раздеваться не приказывали. Рядом имели"прохладную" комнату, куда выводили с собрания для "индивидуальной обработки". Проводившие собрание сменялись, их было 5 человек, но колхозники были одни и те же... Собрание длилось без перерыва более суток.

Примеры эти можно бесконечно умножить. Это — не отдельные случаи загибов, это — узаконенный в районном масштабе — "метод" проведения хлебозаготовок. Об этих фактах я либо слышал от коммунистов, либо от самих колхозников, которые испытали все эти "методы" на себе и после приходили ко мне с просьбами "прописать про это в газету".

Помните ли Вы, Иосиф Виссарионович, очерк Короленко "В успокоенной деревне"? Так вот этакое "исчезание" было проделано не над тремя заподозренными в краже у кулака кресть-

янами, а над десятками тысяч колхозников. Причем, как видите, с более богатым применением технических средств и с большей изощренностью.

Продовольственная помощь, оказываемая государством, явно недостаточна. Из 50 000 населения голодают никак не меньше 49 000. На эти 49 000 получено 22 000 пудов. Это на три месяца. Истощенные, опухшие колхозники, давшие стране 2 300 000 пудов хлеба, питающиеся в настоящее время черт знает чем, уж наверное не будут вырабатывать того, что вырабатывали в прошлом году. Не менее истощен и скот, два месяца, изо дня в день, в распутицу возивший с места на место хлеб, по милости Шарапова и РК. Все это, вместе взятое, приводит к заключению, что план сева колхозы района к сроку безусловно не выполнят. Но платить-то хлебный налог придется не с фактически засеянной площади, а с контрольной цифры присланного краем плана. Следовательно, история с хлебозаготовками 1932 г. повторится и в 1933 г. Вот перспективы, уже сейчас грозно встающие перед вышедшими на сев колхозниками.

Если все описанное мною заслуживает внимания ЦК, — пошлите в Вешенский район доподлинных коммунистов, у которых хватило бы смелости, невзирая на лица, разоблачить всех, по чьей вине смертельно подорвано колхозное хозяйство района, которые по-настоящему бы расследовали и открыли не только всех тех, кто применял к колхозникам омерзительные "методы" пыток, избиений и надругательств, но и тех, кто вдохновлял на это.

Обойти молчанием то, что в течение трех месяцев творилось в Вешенском и Верхне-Донском районах, нельзя. Только на Вас надежда.

Простите за многословность письма. Решил, что лучше написать Вам, нежели на таком материале создавать последнюю книгу "Поднятой целины".

С приветом *М. Шолохов*

Ст. Вешенская СКК 4 апреля 1933 г.

АП РФ, ф. 45, оп. 1, д. 827, л. 7 - 22. Подлинник

И.В. Сталин — М. А. Шолохову 16 апреля 1933 г. Молния

Станица Вешенская Вешенского района Северо-Кавказского края Михаилу Шолохову

Ваше письмо получил пятнадцатого. Спасибо за сообщение. Сделаем все, что требуется. Сообщите о размерах необходимой помощи. Назовите цифру.

Сталин. 16.IV.33 г.

АП РФ, ф. 45, оп. 1, д. 827, л. 23. Копия

И.В. Сталин — М. А. Шолохову

22 апреля 1933 г.

Молния

Станица Вешенская Вешенского района Северо-Кавказского края Михаилу Шолохову

Ваше второе письмо только что получил. Кроме отпущенных недавно сорока тысяч пудов ржи отпускаем дополнительно для вешенцев восемьдесят тысяч пудов. Всего сто двадцать тысяч пудов. Верхне-Донскому району отпускаем сорок тысяч пудов. Надо было прислать ответ не письмом, а телеграммой. Получилась потеря времени.

Сталин.

22.IV.33 г.

АП РФ, ф.45, оп. 1, д. 827, л.ЗО. Копия

И.В. Сталин — М. А. Шолохову

6 мая 1933 г.

Дорогой тов. Шолохов!

Оба Ваши письма получены, как Вам известно. Помощь, какую требовали, оказана уже.

Для разбора дела прибудет к вам, в Вешенский район, т.Шкирятов, которому — очень прошу Вас — оказать помощь.

Это так. Но не все, т. Шолохов. Дело в том, что Ваши письма производят несколько однобокое впечатление. Об этом я хочу написать Вам несколько слов.

Я поблагодарил Вас за письма, так как они вскрывают болячку нашей партийно-советской работы, вскрывают то, как иногда наши работники, желая обуздать врага, бьют нечаянно по друзьям и докатываются до садизма. Но это не значит, что я

во всем согласен с Вами. Вы видите *одну* сторону, видите неплохо. Но это только *одна* сторона дела. Чтобы не ошибиться в политике (Ваши письма — не беллетристика, а сплошная политика), надо обозреть, надо уметь видеть и *другую* сторону. А другая сторона состоит в том, что уважаемые хлеборобы вашего района (и не только вашего района) проводили "итальянку" (саботаж!) и не прочь были оставить рабочих, Красную Армию— без хлеба. Тот факт, что саботаж был тихий и внешне

безобидный (без крови), — этот факт не меняет того, что уважаемые хлеборобы по сути дела вели "тихую" войну с Советской властью. Войну на измор, дорогой тов. Шолохов...

Конечно, это обстоятельство ни в какой мере не может оправдать тех безобразий, которые были допущены, как уверяете Вы, нашими работниками. И виновные в этих безобразиях должны понести должное наказание. Но все же ясно, как божий день, что уважаемые хлеборобы не такие уж безобидные люди, как это могло показаться издали.

Ну, всего хорошего и жму Вашу руку.

Ваш *И.Сталин.*

6.V.33 г.

АП РФ, ф.3, оп.61, д.549, л. 194. Копия

439

БЕСЕДА Т. СТАЛИНА С РОМЕНОМ РОЛЛАНОМ

(*Окончательный текст)*[1]

28.VI. с. г. <1935 г.> ровно в 16 часов в сопровождении своей жены и т. Аросева —Ромэн Роллан был принят т. Сталиным [2]

Секретно. Не для печати.

Дружески поздоровались. Тов. Сталин пригласил присутствующих сесть. Ромэн Роллан поблагодарил т. Сталина за то, что он доставил ему возможность говорить с ним, а в особенности выразил благодарность за гостеприимство.

СТАЛИН. Я рад побеседовать с величайшим мировым писателем.

РОМЭН РОЛЛАН. Я очень сожалею, что мое здоровье не позволяло мне раньше посетить этот великий новый мир, который является гордостью для всех нас и с которым мы связываем наши надежды. Если вы позволите, я буду говорить с вами в своей двойной роли старого друга и спутника СССР и свидетеля с Запада, наблюдателя и доверенного лица молодежи и сочувствующих во Франции.

Вы должны знать, чем является СССР в глазах тысяч людей Запада. Они имеют о нем весьма смутное представление, но они видят в нем воплощение своих надежд, своих идеалов, часто различных, иногда противоречивых. В условиях нынешнего тяжелого кризиса экономического и морального они ждут от СССР руководства, лозунга, разъяснения своих сомнений.

Конечно, удовлетворить их трудно. СССР имеет свою собственную гигантскую задачу, свою работу строительства и обороны, и этому он должен отдать себя целиком: лучший лозунг, который он может дать, это его пример. Он указывает путь и, идя этим путем, его утверждает.

Но все же СССР не может отклонить от себя великую ответственность, которую возлагает на него положение современного мира, в некотором роде "верховную" ответственность — нести заботу об этих массах из других стран, уверовавших в него. Не достаточно повторить знаменитое слово Бетховена: "О человек, помогай себе сам!", нужно им помочь и дать им совет.

Но для того, чтобы делать это с пользой, следует считаться с особым темпераментом и идеологией каждой страны — здесь я буду говорить только о Франции. Незнание этой природной идеологии может вызвать и фактически вызывает серьезные недоразумения.

[1] Написание имени Роллана по первоисточнику.— *Ред.*

Нельзя ожидать от французской публики, даже сочувствующей, той диалектики мышления, которая стала в СССР второй натурой. Французский темперамент привык к абстрактно-логическому мышлению, рассудочному и прямолинейному, в меньшей степени экспериментальному, чем дедуктивному. Нужно хорошо знать эту логику, чтобы ее преодолеть. Это народ, это общественное мнение, которые привыкли резонировать. Им всегда нужно приводить мотивы действия.

На мой взгляд, политика СССР недостаточно заботится о том, чтобы приводить своим иностранным друзьям мотивы некоторых своих действий. Между тем у него достаточно этих мотивов, справедливых и убедительных. Но он как будто мало этим интересуется; и это, по-моему, серьезная ошибка: ибо это может вызвать и вызывает ложные и намеренно извращенные толкования некоторых фактов, порождающие тревогу у тысяч сочувствующих. Так как я наблюдал в последнее время эту тревогу у многих из честных людей Франции, я должен вам об этом сигнализировать.

Вы скажете нам, что наша роль — интеллигентов и спутников,— в этом и заключается, чтобы разъяснять. Мы не справляемся с этой задачей, прежде всего потому, что мы сами плохо информированы: нас не снабжают необходимыми материалами, чтобы сделать понятным и разъяснить.

Мне кажется, что на Западе должно было бы существовать учреждение для интеллектуального общения, нечто вроде ВОКСа, но более политического характера. Но так как подобного учреждения нет, то недоразумения накапливаются и никакое официальное учреждение СССР не занимается их разъяснением. Считают, по-видимому, что достаточно предоставить им с течением времени испариться. Они не испаряются, они сгущаются. Нужно действовать с самого начала и рассеивать их по мере возникновения.

Вот несколько примеров:

Правительство СССР принимает решения, что является его верховным правом, либо в форме судебных постановлений и приговоров, либо в форме законов, изменяющих обычные карательные меры. В некоторых случаях вопросы или лица, которых это касается, представляют или приобретают всеобщий интерес и значение; и в силу той или иной причины иностранное общественное мнение приходит в возбуждение. Было бы легко избежать недоразумений. Почему этого не делают?

Вы были правы, энергично подавляя сообщников заговора, жертвой которого явился Киров. Но, покарав заговорщиков, сообщите европейской публике и миру об убийственной вине осужденных. Вы сослали Виктора Сержа на 3 года в Оренбург; и это было гораздо менее серьезное дело, но почему допускали, чтобы оно так раздувалось в течение двух лет в общественном мнении Европы. Это писатель, пишущий на французском язы-

ке, которого я лично не знаю; но я являюсь другом некоторых из его друзей. Они забрасывают меня вопросами о его ссылке в Оренбург и о том, как с ним обращаются. Я убежден, что вы действовали, имея серьезные мотивы. Но почему бы с самого начала не огласить их перед французской публикой, которая настаивает на его невиновности? Вообще очень опасно в стране дела Дрейфуса и Каласа допускать, чтобы осужденный стал центром всеобщего движения [3] .

Другой случай, совершенно иного характера: недавно был опубликован закон о наказании малолетних преступников старше 12 лет[4]. Текст этого закона недостаточно известен; и даже если он известен, он вызывает серьезные сомнения. Получается впечатление, что над этими детьми нависла смертная казнь. Я хорошо понимаю мотивы, делающие необходимым внушить страх безответственным и тем, кто хочет использовать эту безответственность. Но публика не понимает. Ей представляется, что эта угроза осуществляется или что судьи по своему усмотрению могут ее осуществить. Это может быть источником очень большого движения протеста. Это нужно немедленно предотвратить.

Товарищи, вы меня извините, может быть, я слишком долго говорил и, может быть, возбуждаю вопросы, какие я не должен был бы возбуждать.

СТАЛИН. Нет, нет, пожалуйста. Я очень рад вас слушать, я целиком в вашем распоряжении.

РОМЭН РОЛЛАН. Наконец, я перехожу к очень большому актуальному недоразумению, вызванному вопросом о войне и отношению к ней. Этот вопрос давно уже обсуждался во Франции. Несколько лет тому назад я обсуждал с Барбюсом и с моими друзьями-коммунистами опасность необусловленной кампании против войны. Мне представляется необходимым изучить различные случаи войны, которые могут представиться, и выработать различные положения, которые могут быть приняты в отношении каждого случая. Если я правильно понимаю, СССР нуждается в мире, он хочет мира, но его позиция не совпадает с интегральным пацифизмом. Последний в известных случаях может быть отречением в пользу фашизма, которое, в свою очередь, может вызвать войну. В этом отношении я не вполне доволен некоторыми резолюциями Амстердамского конгресса против войны и фашизма в 1932 году[5], так как его резолюции внушают некоторое сомнение в вопросе о тактике против войны.

В настоящий момент взгляды не только пацифистов, но и многих друзей СССР в этом вопросе дезориентированы: социалистическое и коммунистическое сознание смущено военным союзом СССР с правительством империалистической французской демократии[6] — это сеет тревогу в умах. Тут много серьезных вопросов революционной диалектики, которые требуют

выяснения. Следует это сделать с максимально возможной искренностью и гласностью.

Вот, мне кажется, все, что я хотел сказать[7].

СТАЛИН. Если я должен ответить, то позвольте мне ответить по всем пунктам.

Прежде всего о войне. При каких условиях было заключено наше соглашение с Францией о взаимной помощи? При условиях, когда в Европе, во всем капиталистическом мире возникли две системы государств: система государств фашистских, в которых механическими средствами подавляется все живое, где механическими средствами душится рабочий класс и его мысль, где рабочему классу не дают дышать, и другая система государств, сохранившихся от старых времен, — это система государств буржуазно-демократических. Эти последние государства также готовы были бы задушить рабочее движение, но они действуют другими средствами у них остается еще парламент, кое-какая свободная пресса, легальные партии и т. д.. Здесь есть разница. Правда, ограничения существуют и здесь, но все же известная свобода остается и дышать более или менее можно. Между этими двумя системами государств в интернациональном масштабе происходит борьба. При этом эта борьба, как мы видим, с течением времени делается все более и более напряженной. Спрашивается: при таких обстоятельствах должно ли правительство рабочего государства оставаться нейтральным и не вмешиваться? Нет, не должно, ибо оставаться нейтральным значит облегчить возможность для фашистов одержать победу, а победа фашистов является угрозой для дела мира, угрозой для СССР, а следовательно, угрозой и для мирового рабочего класса.

Но если правительство СССР должно вмешаться в эту борьбу, то на чьей стороне оно должно вмешаться? Естественно, на стороне правительств буржуазно-демократических, не добивающихся к тому же нарушения мира. СССР заинтересован поэтому, чтобы Франция была хорошо вооружена против возможных нападений фашистских государств, против агрессоров. Вмешиваясь, таким образом, мы как бы кидаем на чашку весов борьбы между фашизмом и антифашизмом, между агрессией и неагрессией, добавочную гирьку, которая перевешивает чашку весов в пользу антифашизма и неагрессии. Вот на чем основано наше соглашение с Францией.

Это я говорю с точки зрения СССР как государства. Но должна ли такую же позицию в вопросе о войне занять коммунистическая партия во Франции? По-моему, нет. Она там не находится у власти, у власти во Франции находятся капиталисты, империалисты, а коммунистическая партия Франции представляет

небольшую оппозиционную группу. Есть ли гарантия, что французская буржуазия не использует армию против французского рабочего класса? Конечно, нет. У СССР есть до-

говор с Францией о взаимной помощи против агрессора, против нападения извне. Но у него нет и не может быть договора насчет того, чтобы Франция не использовала своей армии против рабочего класса Франции. Как видите, положение компартии в СССР не одинаково с положением компартии во Франции. Понятно, что позиция компартии во Франции также не будет совпадать с позицией СССР, где коммунистическая партия стоит у власти. Я вполне понимаю поэтому французских товарищей, которые говорят, что позиция французской коммунистической партии в основе своей должна остаться той, какой она была до соглашения СССР с Францией. Из этого, однако, не следует, что если война, вопреки усилиям коммунистов, все же будет навязана, то коммунисты должны будто бы бойкотировать войну, саботировать работу на заводах и т. д. Мы, большевики, хотя мы были против войны и за поражение царского правительства [8] , никогда от оружия не отказывались. Мы никогда не являлись сторонниками саботажа работы на заводах или бойкота войны, наоборот, когда война становилась неотвратимой, мы шли в армию, обучались стрелять, управлять оружием и затем направляли свое оружие против наших классовых врагов.

Что касается допустимости для СССР заключать политические соглашения с некоторыми буржуазными государствами против других буржуазных государств, то этот вопрос решен в положительном смысле еще при Ленине и по его инициативе. Троцкий был большим сторонником такого решения вопроса, но он теперь, видимо, забыл об этом...[1]

Вы говорили, что мы должны вести за собой наших друзей в Западной Европе. Должен сказать, что мы опасаемся ставить себе такую задачу. Мы не беремся их вести, потому что трудно давать направление людям, живущим в совершенно другой среде, в совершенно иной обстановке. Каждая страна имеет свою конкретную обстановку, свои конкретные условия, и руководить из Москвы этими людьми было бы с нашей стороны слишком смело. Мы ограничиваемся поэтому самыми общими советами. В противном случае мы взяли бы на себя ответственность, с которой не могли бы справиться. Мы на себе испытали, что значит, когда руководят иностранцы, да еще издали. До войны, вернее — в начале девятисотых годов, германская социал-демократия была ядром социал-демократического Интернационала[9] , а мы, русские, — их учениками. Она пыталась тогда нами руководить. И если бы мы дали ей возможность направлять нас, то наверняка мы не имели бы ни большевистской партии, ни революции 1905 года, а значит, не имели бы и революции 1917 года. Нужно, чтобы рабочий класс каждой страны

[1] Многоточие документа.

имел своих собственных коммунистических руководителей. Без этого руководство невозможно.

Конечно, если наши друзья на Западе мало осведомлены о мотивах действий Советского правительства и их нередко ставят в тупик наши враги, то это говорит не только о том, что наши друзья не умеют также хорошо [10] вооружаться, как наши враги. Это говорит еще о том, что мы недостаточно осведомляем и вооружаем наших друзей. Мы постараемся заполнить этот пробел.

Вы говорите, что на советских людей возводится врагами много клеветы и небылиц, что мы мало опровергаем их. Это верно. Нет такой фантазии и такой клеветы, которых не выдумали бы враги про СССР. Опровергать их иногда даже неловко, так как они слишком фантастичны и явно абсурдны. Пишут, например, что я пошел с армией против Ворошилова, убил его, а через 6 месяцев, забыв о сказанном, в той же газете пишут, что Ворошилов пошел с армией против меня и убил меня, очевидно, после своей собственной смерти, а затем добавляют ко всему этому, что мы с Ворошиловым договорились, и т. д. Что же тут опровергать?

РОМЭН РОЛЛАН. Но ведь именно отсутствие опровержений и разъяснений как раз и плодит клевету.

СТАЛИН. Может быть. Возможно, что вы правы. Конечно, можно было бы реагировать энергичнее на эти нелепые слухи.

Теперь позвольте мне ответить на ваши замечания по поводу закона о наказаниях для детей с 12-летнего возраста. Этот декрет имеет чисто педагогическое значение. Мы хотели устрашить им не столько хулиганствующих детей, сколько организаторов хулиганства среди детей. Надо иметь в виду, что в наших школах обнаружены отдельные группы в 10 — 15 человек хулиганствующих мальчиков и девочек, которые ставят своей целью убивать или развращать наиболее хороших учеников и учениц, ударников и ударниц. Были случаи, когда такие хулиганские группы заманивали девочек к взрослым, там их спаивали и затем делали из них проституток. Были случаи, когда мальчиков, которые хорошо учатся в школе и являются ударниками, такая группа хулиганов топила в колодце, наносила им раны и всячески терроризировала их. При этом было обнаружено, что такие хулиганские детские шайки организуются и направляются бандитскими элементами из взрослых. Понятно, что Советское правительство не могло пройти мимо таких безобразий. Декрет издан для того, чтобы устрашить и дезорганизовать взрослых бандитов и уберечь наших детей от хулиганов.

Обращаю ваше внимание, что одновременно с этим декретом, наряду с ним, мы издали постановление о том, что запрещается продавать и покупать и иметь у себя финские ножи и кинжалы.

445

РОМЭН РОЛЛАН. Но почему бы вам вот эти самые факты и не опубликовать? Тогда было бы ясно — почему этот декрет издан.

СТАЛИН. Это не такое простое дело. В СССР имеется еще немало выбившихся из колеи бывших людей, жандармов, полицейских, царских чиновников, их детей, их родных. Эти люди не привыкли к труду, они озлоблены и представляют готовую почву для преступлений. Мы опасаемся, что публикация о хулиганских похождениях и преступлениях указанного типа может подействовать на подобные выбитые из колеи элементы — заразительно и может толкнуть их на преступления.

РОМЭН РОЛЛАН. Это верно, это верно.

СТАЛИН. А могли ли мы дать разъяснение в том смысле, что этот декрет мы издали в педагогических целях, для предупреждения преступлений, для устрашения преступных элементов? Конечно, не могли, так как в таком случае закон потерял бы всякую силу в глазах преступников.

РОМЭН РОЛЛАН. Нет, конечно, не могли.

СТАЛИН. К вашему сведению, должен сказать, что до сих пор не было ни одного случая применения наиболее острых статей этого декрета к преступникам-детям и надеемся — не будет.

Вы спрашиваете — почему мы не делаем публичного судопроизводства над преступниками-террористами. Возьмем, например, дело убийства Кирова. Может быть, мы тут действительно руководились чувством вспыхнувшей в нас ненависти к террористам-преступникам. Киров был прекрасный человек. Убийцы Кирова совершили величайшее преступление. Это обстоятельство не могло не повлиять на нас. Сто человек, которых мы расстреляли, не имели с точки зрения юридической непосредственной связи с убийцами Кирова. Но они были присланы из Польши, Германии, Финляндии нашими врагами, все они были вооружены и им было дано задание совершать террористические акты против руководителей СССР, в том числе и против т. Кирова. Эти сто человек — белогвардейцев и не думали отрицать на военном суде своих террористических намерений. "Да, — говорили многие из них, — мы хотели и хотим уничтожить советских лидеров, и нечего вам с нами разговаривать, расстреливайте нас, если вы не хотите, чтобы мы уничтожили вас". Нам казалось, что было бы слишком много чести для этих господ разбирать их преступные дела на открытом суде с участием защитников. Нам было известно, что после злодейского убийства Кирова преступники-террористы намеревались осуществить свои злодейские планы и в отношении других лидеров. Чтобы предупредить это злодеяние, мы взяли на себя неприятную обязанность расстрелять этих господ. Такова уж логика

власти. Власть в подобных условиях должна быть сильной, крепкой и бесстрашной. В противном случае она — не

446

власть и не может быть признана властью. Французские коммунары, видимо, не понимали этого, они были слишком мягки и нерешительны, за что их порицал Карл Маркс. Поэтому они и проиграли, а французские буржуа не пощадили их. Это — урок для нас.

Применив высшую меру наказания в связи с убийством т. Кирова, мы бы хотели впредь не применять к преступникам такую меру, но, к сожалению, не все здесь зависит от нас. Следует, кроме того, иметь в виду, что у нас есть друзья не только в Западной Европе, но и в СССР, и в то время, как друзья в Западной Европе рекомендуют нам максимум мягкости к врагам, наши друзья в СССР требуют твердости, требуют, например, расстрела Зиновьева и Каменева, вдохновителей убийства т. Кирова. Этого тоже нельзя не учитывать.

Я хотел бы, чтобы вы обратили внимание на следующее обстоятельство. Рабочие на Западе работают 8, 10 и 12 часов в день. У них семья, жены, дети, забота о них. У них нет времени читать книги и оттуда черпать для себя руководящие правила. Да они не очень верят книгам, так как они знают, что буржуазные писаки часто обманывают их в своих писаниях. Поэтому они верят только фактам, только таким фактам, которые видят сами и могут пальцами осязать. И вот эти самые рабочие видят, что на востоке Европы появилось новое, рабоче-крестьянское государство, где капиталистам и помещикам нет больше места, где царит труд и где трудящиеся люди пользуются невиданным почетом. Отсюда рабочие заключают: значит, можно жить без эксплуататоров, значит, победа социализма вполне возможна. Этот факт, факт существования СССР имеет величайшее значение в деле революционизирования рабочих во всех странах мира. Буржуа всех стран знают это и ненавидят СССР животной ненавистью. Именно поэтому буржуа на Западе хотели бы, чтобы мы, советские лидеры, подохли как можно скорее. Вот где основа того, что они организуют террористов и посылают их в СССР через Германию, Польшу, Финляндию, не щадя на это ни денег, ни других средств. Вот, например, недавно у нас в Кремле мы обнаружили террористические элементы. У нас есть правительственная библиотека и там имеются женщины-библиотекарши, которые ходят на квартиры наших ответственных товарищей в Кремле, чтобы держать в порядке их библиотеки. Оказывается, что кой-кого из этих библиотекарш завербовали наши враги для совершения террора. Надо сказать, что эти библиотекарши по большей части представляют из себя остатки когда-то господствующих, ныне разгромленных классов — буржуазии и помещиков. И что же? Мы обнаружили, что эти женщины ходили с ядом, имея намерение отравить некоторых наших ответственных товарищей. Конечно, мы их арестовали, расстреливать их не собираемся, мы их изолируем. Но вот вам

447

еще один факт, говорящий о зверстве наших врагов и о необходимости для советских людей быть бдительными.

Как видите, буржуазия довольно жестоко борется с Советами, а затем в своей прессе сама же кричит о жестокости советских людей. Одной рукой посылает нам террористов, убийц, хулиганов, отравителей, а другой рукой пишет статьи о бесчеловечности большевиков.

Что касается Виктора Сержа, я его не знаю и не имею возможности дать вам сейчас справку.

РОМЭН РОЛЛАН. Я тоже его лично не знаю[11], лично я слышал, что его преследуют за троцкизм.

СТАЛИН. Да, вспомнил. Это не просто троцкист, а обманщик. Это нечестный человек, он строил подкопы под Советскую власть. Он пытался обмануть Советское правительство, но это у него не вышло. По поводу него троцкисты поднимали вопрос на Конгрессе защиты культуры в Париже[12]. Им отвечали поэт Тихонов и писатель Илья Эренбург. Виктор Серж живет сейчас в Оренбурге на свободе

и, кажется, работает там. Никаким мучениям, истязаниям и проч., конечно, не подвергался. Все это чушь. Он нам не нужен, и мы его можем отпустить в Европу в любой момент.

РОМЭН РОЛЛАН *(улыбаясь).* Мне говорили, что Оренбург — это какая-то пустыня.

СТАЛИН. Не пустыня, а хороший город. Я вот жил действительно в пустынной ссылке в Туруханском крае 4 года, там морозы 50 — 60 градусов. И ничего, прожил[13].

РОМЭН РОЛЛАН. Я хочу еще поговорить на тему, которая для нас, интеллигенции Западной Европы, и для меня лично является особо значительной: о новом гуманизме, провозвестником которого вы, товарищ Сталин, являетесь, когда вы заявили в своей прекрасной недавней речи, что "наиболее ценным и наиболее решающим капиталом из всех существующих ценностей мира являются люди"[14]. Новый человек и новая культура, от него исходящая. Нет ничего более способного привлечь к целям революции весь мир, как это предложение новых великих путей пролетарского гуманизма, этот синтез сил человеческого духа. Наследство Маркса и Энгельса, интеллектуальная партия, обогащение духа открытий и созидания, наверное, наименее известная область на Западе. И тем не менее этому суждено оказать наибольшее воздействие на народы высокой культуры, как наши. Я счастлив констатировать, что в самое последнее время наша молодая интеллигенция начинает воистину обретать марксизм. Профессора и историки до последнего времени старались держать в тени доктрины Маркса и Энгельса или пытались их дискредитировать. Но сейчас новое течение вырисовывается даже в высших университетских сферах. Появился чрезвычайно интересный сборник речей и докладов под заглавием "При свете марксизма", редактированный проф. Вал-

лон из Сорбонны: основная тема этой книги — это роль марксизма в научной мысли сегодняшнего дня. Если движение это разовьется, — как я надеюсь, — и если мы сумеем таким путем распространить и популяризировать идеи Маркса и Энгельса, это вызовет глубочайшие отклики в идеологии нашей интеллигенции[15].

СТАЛИН. Наша конечная цель, цель марксистов — освободить людей от эксплуатации и угнетения и тем сделать индивидуальность свободной. Капитализм, который опутывает человека эксплуатацией, лишает личность этой свободы. При капитализме более или менее свободными могут стать лишь отдельные, наиболее богатые лица. Большинство людей при капитализме не может пользоваться личной свободой.

РОМЭН РОЛЛАН. Правда, правда.

СТАЛИН. Раз мы снимаем путы эксплуатации, мы тем самым освобождаем личность. Об этом хорошо сказано в книге Энгельса "Анти-Дюринг".

РОМЭН РОЛЛАН. Она, кажется, не переведена на французский язык.

СТАЛИН. Не может быть. Там у Энгельса есть прекрасное выражение. Там сказано, что коммунисты, разбив цепи эксплуатации, должны сделать скачок из царства необходимости в царство свободы[16].

Наша задача освободить индивидуальность, развить ее способности и развить в ней любовь и уважение к труду. Сейчас у нас складывается совершенно новая обстановка, появляется совершенно новый тип человека, тип человека, который уважает и любит труд. У нас лентяев и бездельников ненавидят, на заводах их заворачивают в рогожи и вывозят таким образом. Уважение к труду, трудолюбие, творческая работа, ударничество

вот преобладающий тон нашей жизни. Ударники и ударницы

это те, кого любят и уважают, это те, вокруг кого концентрируется сейчас наша новая жизнь, наша новая культура.

РОМЭН РОЛЛАН. Правильно, очень хорошо.

Мне очень стыдно, что я так долго задержал вас своим присутствием и отнял много времени.

СТАЛИН. Что вы, что вы!

РОМЭН РОЛЛАН. Я благодарю вас за то, что вы дали мне возможность с вами поговорить.

СТАЛИН. Ваша благодарность несколько смущает меня. Благодарят обычно тех, от кого не ждут чего-либо хорошего. Неужели вы думали, что я не способен встретить вас достаточно хорошо.

РОМЭН РОЛЛАН *(встав со стула)*. Я по правде вам скажу,что для меня это совершенно необычно. Я никогда нигде не был так хорошо принят, как здесь.

СТАЛИН. Вы думаете быть у Горького завтра — 29.VI?

РОМЭН РОЛЛАН. Завтра условлено, что Горький приедет в Москву[17]. Мы с ним уедем на его дачу, а позже, может быть, я бы воспользовался вашим предложением побыть тоже на вашей даче.

СТАЛИН *(улыбаясь)*. У меня нет никакой дачи. У нас, у советских лидеров, собственных дач нет вообще. Это просто одна из многих резервных дач, составляюших собственность государства. Это не я вам предлагаю дачу, а предлагает Советское правительство, это предлагают вам: Молотов, Ворошилов, Каганович,я.

Там вам было бы очень спокойно, там нет ни трамваев, ни железных дорог. Вы могли бы там хорошо отдохнуть. Эта дача всегда в вашем распоряжении. И если вы этого желаете, можете пользоваться дачей без опасений, что кого-либо стесняете. Вы будете на физкультурном параде 30.VI?

РОМЭН РОЛЛАН. Да, да, очень хотел бы. Я просил бы предоставить мне эту возможность.

Может быть, вы разрешите надеяться на то, что когда я буду на даче у Горького или на даче, которую вы мне любезно предложили, может быть, я там еще раз увижу вас и смогу побеседовать с вами.

СТАЛИН. Пожалуйста, когда угодно. Я в полном вашем распоряжении и с удовольствием приеду к вам на дачу. А возможность побывать на параде вам будет обеспечена [18].

Переводил разговор т. А. Аросев.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Заголовок документа. Слова "Секретно. Не для печати" и "(Окончательный текст)" написаны И.В. Сталиным красным карандашом.

[2]По данным журнала регистрации лиц, принятых И.В. Сталиным, беседа продолжалась 2 часа. На следующий день в газете "Правда" было помещено сообщение:

"28 июня днем состоялась в служебном кабинете т. Сталина беседа т. Сталина с Ромэн Ролланом. Беседа продолжалась 1 час 40 минут и носила исключительно дружеский характер". Набранные курсивом слова вписаны рукой И.В. Сталина. Р. Роллан 28 июня 1935 г. записал в дневнике: "Беседа начинается в десять минут пятого и кончается без десяти шесть".

[3]Дело Каласа, несправедливо осужденного на смерть в 1762 г., вызвавшее публичные протесты Ф. Вольтера, и дело Дрейфуса, незаконно приговоренного к пожизненному заключению в 1894 г., всколыхнувшее прогрессивную интеллигенцию Франции во главе с Э. Золя и А. Франсом, приводятся Р. Ролланом как примеры действенности общественного мнения.

[4]Имеется в виду принятое в апреле 1935 г. постановление ЦИК СССР о распространении уголовных наказаний для взрослых на детей старше 12 лет.

[5]Международный антивоенный конгресс в Амстердаме состоялся 27 - 29 августа 1932 г. Советская делегация (А. М. Горький, Е. Д. Стасова, Н. М. Шверник - глава делегации и др.) на конгресс не попала из-за того, что некоторым делегатам было отказано во въездных визах в Голландию.

[6]В ноябре 1932 г. заключен советско-французский пакт о ненападении; в мае1935 г. в Париже подписано соглашение между Францией и Советским Союзом о взаимопомощи и обязательствах консультироваться при угрозе нападения третьего государства на одну из сторон.

[7]Ниже приводится первоначальный вариант данной части записи беседы:СТАЛИН. Я рад побеседовать с величайшим мировым писателем.

РОМЭН РОЛЛАН. Мое здоровье не позволило мне раньше осуществить давнишнюю мечту посетить вашу страну, в которой создается поистине большой, совершенно новый мир. То, что вы здесь делаете, имеет грандиозное значение для всего человечества и уже сейчас оказывает влияние на умы народов и интеллигенции. Для нас, для интеллектуальных работников, вы показываете пример — какой надо создавать жизнь, но ваше строительство и все то, что вы делаете, накладывает на вас большую ответственность и обязательства, в особенности перед молодежью.

Вас, СССР, наша интеллигенция, в особенности наша молодежь, знает очень мало и имеет смутное представление о том, что здесь делается. Между тем наши лучшие люди возлагают на вашу страну свои надежды и упования, и мне кажется, что обязанность СССР дать понять себя более отчетливо, более полно, давать друзьям Советского Союза в Европе советы и вести их за собой.

Это, во-первых, и вместе с тем необходимо считаться с особенностями западноевропейской психологии. Я возьму психологию наших французских интеллигентов, которая мне больше всего известна, и нашу французскую молодежь.

Их мышление по преимуществу абстрактно-логическое и слишком рационалистическое. Поэтому многие шаги в политике СССР остаются для них непонятными. Даже ваши посольства и послы никогда не выступают с объяснениями тех или иных шагов Советского правительства. Я возьму несколько примеров, где я считаю, что Советское правительство имело право и все основания действовать так, как оно действовало, но его действия остались недостаточно понятыми в Западной Европе.

Вот, например, такой факт, как осуждение и высылка некоторых очень видных людей, которая производилась недостаточно публично и для наказания которых не были достаточно широко освещены мотивы. К такому типу фактов относится также и факт издания декрета о наказании малолетних, начиная с 12 лет. Этот закон является совершенно непонятным. Тем более что его текст нигде в иностранной прессе не публиковался полностью, а лишь излагался, да и то очень кратко, и была такая тенденция, чтобы его опорочить. По поводу этого декрета я получал со всех сторон массу писем и запросов.

В серии этих фактов я могу также назвать факт меньшего значения, факт второстепенный, например, о высылке Виктора Сержа. Это довольно известный писатель, между мной и им имеется много знакомых, и они все расспрашивают меня - почему он выслан в Оренбург, что он там делает, в каком положении находится и проч. и проч. Я совершенно уверен, что он был достоин этого наказания и твердо убежден, что в данном случае вы действовали совершенно правильно, но нужно было дать объяснение этому факту для массы друзей СССР.

Теперь позвольте мне перейти к вопросу более значительному, а именно к тому положению, которое заняло Советское правительство по вопросу о войне, в особенности заключив союз с Францией. Это внесло большое смятение в умы самых лучших друзей СССР во Франции и в других странах Европы. Положение коммунистической партии в особенности, стало как будто двойственным, и так как все это произошло очень быстро, то даже лучшие друзья СССР оказались дезориентированными. Я лично вполне уверен, что это нужно было сделать и что шаг Советского правительства совершенно правильный, но я опять скажу, что и здесь недостаточно было дано разъяснений. Даже самые искренние друзья СССР и близкие ему люди, например, я сам не имею никаких информации по этому вопросу, а между тем я получаю массу писем и недоуменных обращений ко мне.

Я полагаю, что правительство СССР должно было бы создать около себя какую-нибудь группу товарищей или учреждение, которое специально занималось бы тем, что давало бы разъяснения и толкования политики Советского правительства в самых различных областях. Таким учреждением мог бы быть, например, ВОКС, если придать ему большую политическую заостренность.

СТАЛИН (к *АРОСЕВУ).* Это вы уж от себя добавили?

АРОСЕВ. Нисколько, нисколько. Я сейчас попрошу Ромэн Роллана подтвердить.

РОМЭН РОЛЛАН. Нет, это действительно так я думаю.

Вы меня извините, может быть, я слишком долго говорил и, может быть, возбуждаю вопросы, какие я не должен был бы возбуждать.

СТАЛИН. Нет, нет, пожалуйста. Я очень рад вас слушать, я целиком в вашем распоряжении.

РОМЭН РОЛЛАН. Союз с Францией, я понимаю, в настоящих условиях является совершенно необходимым, но думаю, что такие шаги Советского правительства требуют широкой разъяснительной кампании.

Я должен сказать, что еще 3-4 года тому назад в разговоре с Анри Барбюсом я говорил, что мы, симпатизирующие СССР, должны возражать против войны не безусловно. Мы не должны и не можем

быть сторонниками интегрального пацифизма. Могут быть такие условия, когда нам придется быть за войну. В этом отношении я не совсем доволен теми решениями, которые были приняты на антифашистском конгрессе в Амстердаме, ибо резолюция слишком в общих чертах и слишком неясно говорит о войне. Это производит впечатление именно такого интегрального пацифизма.

Отсутствие достаточно широкой разъяснительной кампании дает возможность сочинять против СССР всевозможные сказки и сплетни. Во Франции, например, совершенно не понимают того, - почему ни Советское правительство, ни его посольства не выступают с опровержениями всевозможных ложных слухов, возводимых на СССР. Я думаю, что на каждый ложный слух нужно немедленно писать опровержение".

(Там же. Л. 1 - 4).

[8]В октябре 1914 г. В. И. Ленин опубликовал манифест "Война и российская социал-демократия", в котором выдвигались лозунги превращения империалистической войны в гражданскую и поражения царского правительства в империалистической войне.

[9]Имеется в виду II Интернационал, основанный в Париже социалистическими партиями в 1889 г. Распался после Октябрьской революции 1917 г. в России.

[10]Здесь и ниже подчеркнуты слова, вписанные Сталиным в первоначальный текст записи беседы.

[11]Далее в первоначальном варианте следует текст: "М. П. Роллан. Это французский писатель, внук Кибальчича, троцкист".

(Там же. Л. 13)

[12]Международный конгресс писателей в защиту культуры, организованный А. Барбюсом и И. Г. Эренбургом, состоялся в Париже 21 - 25 июня.

[13]В туруханской ссылке Сталин находился с июля 1913 г. по март 1917 г.

[14]Приведена цитата из речи Сталина, произнесенной 4 мая 1935 г. в Большом Кремлевском дворце перед выпускниками военных академий Красной Армии: "Из всех ценных капиталов, имеющихся в мире, самым ценным и самым решающим капиталом являются люди, кадры". В этой речи "вождь" выдвинул лозунг: "Кадры решают все".

[15]В первоначальном варианте беседы последний абзац выглядел так:"РОМЭН РОЛЛАН *(явно глубоко переживший то, что сейчас услышал).*

Я еще хотел сказать об одном обстоятельстве, которое для нас, для интеллигенции Западной Европы, а в особенности лично для меня является особо важным, это именно начало того гуманизма, нового гуманизма, первым глашатаем которого являетесь вы, т.Сталин. В вашей недавней речи об отношении к человеку вы как раз сказали то самое слово, которое так необходимо было для западноевропейской интеллигенции, для всех тех, кто вам сочувствует. Надо сказать, к сожалению, что наша интеллигенция очень мало уделяет места в своей идейной работе восприятию идей Маркса и Энгельса. Между тем, идеи Маркса и Энгельса заключают в себе понятие именно того гуманизма, о котором вы говорите. Я очень счастлив констатировать, что именно теперь только наша молодая интеллигенция начинает знакомиться с марксизмом. Ученые люди Западной Европы сознательно держали учение Маркса и Энгельса в тени, сознательно это учение оттирали, всякими способами затирали и даже дискредитировали. В настоящее же время в Париже, например, появляется сборник докладов о научном мышлении и марксизме. Этот сборник издается под руководством проф. Валлона и называется "В свете марксизма". Главной темой этих докладов является именно роль марксизма в научном мышлении. Если

дело пойдет так дальше и если мы сумеем, таким образом, идеи Маркса и Энгельса распространить и популяризировать, то это очень глубоко скажется на идеологии нашей интеллигенции".

(Там же. Л. 13—14).

[16]Рассуждения Ф. Энгельса о "скачке человечества из царства необходимости в царство свободы" см.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 284 - 285.

[17]А. М. Горький в это время находился в Москве; с Р. Ролланом он встретился 29 июня, а на следующий день они переехали в Горки. 3 июля Горки посетили И.В. Сталин, К. Е. Ворошилов, другие советские руководители.

[18]Вместе с А. М. Горьким Р. Роллан присутствовал на Всесоюзном физкультурном параде на Красной площади.

Указатель имен

А р о с е в А. Я. (1890 - 1938) - писатель, с 1934 г. председатель правления Всесоюзного общества культурных связей с заграницей.

Барбюс Анри (1873-1935) - французский писатель и общественный деятель.

Бетховен Людвиг ван (1770-1827) - немецкий композитор, пианист и дирижер.

Валлон Анри (1879-1962) - французский ученый и общественный деятель, профессор Сорбонны.

Ворошилов К. Е. (1881 - 1969) - нарком обороны СССР, член Политбюро ЦК ВКП(б).

Горький (Пешков) А. М. (1868-1936) - писатель.

Дрейфус Альфред (1859-1935) - французский офицер, еврей, приговоренный в 1894 г. по ложному обвинению в шпионаже к пожизненному заключению. В 1899 г. помилован, в 1906 г. реабилитирован.

Зиновьев (Радомысльский)Г. Е. (1883-1936) - партийный *и* государственный деятель, в январе 1935 г. приговорен к 10 годам тюремного заключения, в августе 1936 г. - к расстрелу.

Каганович Л. М. (1893-1991) - нарком путей сообщения СССР, член Политбюро ЦК ВКП(б).

КаласЖан (1698-1762) - негоциант из Тулузы, протестант; ложно обвинен в убийстве своего сына якобы с целью предотвратить его переход в католичество и казнен по приговору парижского парламента. Трехлетняя борьба Вольтера за его посмертную реабилитацию увенчалась успехом.

Каменев (Розенфельд) Л. Б. (1883-1936) - партийный и государственный деятель, в январе 1935 г. приговорен к 5 годам тюремного заключения, в июле — к 10 годам, в августе 1936 г. — к расстрелу.

Киров (К о с т р и к о в) С. М. (1886-1934) - с 1926 г. первый секретарь Ленинградского губкома (обкома) партии, одновременно с 1930 г. член Политбюро, в 1934 г. секретарь ЦК ВКП(б).

Ленин (Ульянов) В. И. (1870—1924) - основатель большевистской партии, с 1917 г. Председатель Совнаркома РСФСР.

Маркс Карл (1818-1883) - основоположник коммунистической идеологии.

Молотов (С к р я б и н) В. М. (1890-1986) - Председатель Совнаркома СССР, член Политбюро ЦК ВКП(б).

Роллан (К у д а ш е в а) М. П. (1895-1985) — поэтесса, переводчица, жена Р. Роллана.

РолланРомен (1866—1944) — французский писатель.

Серж (Кибальчич) В.Л. (1890-1947) - французский писатель, сотрудник Коминтерна, был близок к Г. Е. Зиновьеву и Л. Д. Троцкому. Арестован в 1933 г. После обращения Р. Роллана к Сталину освобожден в 1936 г. и выслан за границу.

Сталин (Джугашвили) И.В. (1878—1953) - Генеральный секретарь ЦК ВКП(б).

ТихоновН.С. (1896-1979) - поэт и писатель.

Троцкий (Бронштейн) Л. Д. (1879-1940) - партийный и государственный деятель, в 1932 г. лишен советского гражданства.

Энгельс Фридрих (1820—1895) - один из основателей коммунистической идеологии.

Эренбург И.Г. (1891-1967) - писатель и общественный деятель.

454

И.В. Сталин. НАШИ ЦЕЛИ

Кто читает "Звезду" и знает ее сотрудников, являющихся также сотрудниками "Правды", тому не трудно понять, в каком направлении будет работать "Правда". Освещать путь русского рабочего движения светом международной социал-демократии, сеять правду среди рабочих о друзьях и врагах рабочего класса, стоять на страже интересов рабочего дела — вот какие цели будет преследовать "Правда".

Ставя такие цели, мы отнюдь не намерены замазывать разногласий, имеющихся среди социал-демократических рабочих. Более того: мы думаем, что мощное и полное жизни движение немыслимо без разногласий, — только на кладбище осуществимо "полное тождество взглядов!" Но это еще не значит, что пунктов расхождения больше, чем пунктов схождения. Далеко нет! Как бы ни расходились передовые рабочие, они не могут забыть, что все они, без различия фракций, — одинаково эксплуатируемы, что все они, без различия фракций, одинаково бесправны. Поэтому "Правда" будет призывать, прежде всего и главным образом, к единству классовой борьбы пролетариата, к единству во что бы то ни стало. Поскольку мы должны быть

455

непримиримы по отношению к врагам, поскольку же требуется от нас уступчивость по отношению друг к другу. Война врагам рабочего движения, мир и дружная работа внутри движения — вот чем будет руководствоваться "Правда" в своей повседневной работе.

Это особенно необходимо подчеркнуть теперь, когда Ленские события и наступающие выборы в IV Думу с исключительной настойчивостью ставят перед рабочими вопрос о необходимости сплотиться в единую классовую организацию...

Вступая в работу, мы знаем, что путь наш усеян терниями. Достаточно вспомнить "Звезду", переносящую кучу конфискаций и "привлечений". Но тернии не страшны, если сочувствие рабочих, окружающее теперь "Правду", будет продолжаться и впредь. В этом сочувствии будет она черпать энергию для борьбы! Мы бы желали, чтобы сочувствие это росло. Мы бы желали, кроме того, чтобы рабочие не ограничивались одним сочувствием, а принимали активное участие в деле ведения нашей газеты. Пусть не говорят рабочие, что писательство для них "непривычная" работа: рабочие-литераторы не падают готовыми с неба, они вырабатываются лишь исподволь, в ходе литературной работы. Нужно только смелее браться за дело: раза два споткнешься, а там и научишься писать...

Итак, дружнее за работу!

Газета "Правда" № 1,

22 апреля 1912 г. Печатается по тексту газеты

Статья без подписи.

456

И.В. Сталин. "ОКРУЖИЛИ МЯ ТЕЛЬЦЫ МНОЗИ ТУЧНЫ"

Большевики дали клич — быть готовым! Вызван он обострением положения и мобилизацией сил контрреволюции, которая хочет напасть на революцию, которая пытается обезглавить революцию, сдав столицу Вильгельму, которая намерена обескровить столицу, выводя из нее революционную армию.

Но революционный клич, данный нашей партией, понят не всеми одинаково.

Рабочие поняли его "по-своему" и стали вооружаться. Они, рабочие, много прозорливее очень многих "умных" и "просвещенных" интеллигентов.

Солдаты от рабочих не отстали. Вчера еще на собрании полковых и ротных комитетов гарнизона громадным большинством постановили они грудью отстаивать революцию и ее вождя, Петроградский Совет, по первому зову которого обязуются они стать под ружье.

Так обстоит дело с рабочими и солдатами. Не то с другими слоями.

457

Буржуазия знает, где раки зимуют. Она взяла да "без лишних слов" выставила пушки у Зимнего дворца, ибо у нее есть свои "прапорщики" и "юнкера", которых, надеемся, история не забудет.

Агенты буржуазии из "Дня" и "Воли народа" открыли против нашей партии поход, "смешивая" большевиков с черными, усиленно допрашивая их о "сроках восстания".

Их подголоски, денщики Керенского, Бинасики и Даны, разразились воззванием, подписанным "ЦИК", призывая не выступать, допрашивая, подобно "Дню" и "Воле народа", о "сроке восстания", приглашая рабочих и солдат пасть ниц перед Кишкиным и Коноваловым.

А перепуганным неврастеникам из "Новой жизни" невмоготу стало, ибо они "не могут больше молчать" и умоляют нас сказать наконец: когда же выступят большевики.

Словом, если не считать рабочих и солдат, то поистине: "окружили мя тельцы мнози тучны", клевеща и донося, угрожая и умоляя, вопрошая и допрашивая.

Наш ответ.

О буржуазии и ее "аппарате": с ними у нас разговор будет особый.

Об агентах и наймитах буржуазии: мы их посылаем к контрразведке, — там они могут "осведомиться", в свою очередь "осведомляя" кого следует: о "дне" и "часе" "выступления", маршрут которого составлен уже провокаторами из "Дня".

О Бинасиках, Данах и прочих денщиках Керенского из Центрального Комитета: "героям", ставшим на сторону правительства Кишкина — Керенского против рабочих, солдат и крестьян, — мы отчета не даем. Но мы постараемся, чтобы они, эти герои штрейкбрехерства, ответили перед съездом Советов, который вчера еще пытались они сорвать, но который сегодня вынуждены они созвать, отступая перед напором Советов.

Что касается неврастеников из "Новой жизни", то мы плохо разбираемся, чего, собственно, хотят они от нас.

Если они хотят узнать о "дне" восстания для того, чтобы заранее мобилизовать силы перепуганных интеллигентов, для своевременного... бегства, скажем, в Финляндию, — то мы можем их только... похвалить, ибо мы "вообще" за мобилизацию сил.

Если они спрашивают о "дне" восстания для того, чтобы успокоить свои "стальные" нервы, то уверяем их, что если бы даже был назначен "день" восстания и если бы большевики сообщили им об этом "на, ухо", то от

458

этого ни на гран не стало бы "легче" нашим неврастеникам: пошли бы новые "вопросы", истерика и пр.

Если же они хотят просто произвести демонстрацию против нас, желая отмежеваться от нашей партии, то мы их можем опять же только похвалить: ибо, во-первых, этот разумный шаг, несомненно, будет зачтен им кем следует после возможных "осложнений" и "неудач"; во-вторых, он внесет ясность в сознание рабочих и солдат, которые поймут наконец, что "Новая жизнь" второй раз (июльские дни!) дезертирует из рядов революции в черную рать Бурцевых — Сувориных. Ну а всякому известно, что мы вообще за ясность.

Но, может быть, они не могут "молчать" потому, что теперь вообще все загоготали в отечественном болоте интеллигентской растерянности? Не этим ли объясняется "нельзя молчать" Горького? Невероятно, но факт. Они сидели и молчали, когда помещики и их прислужники доводили крестьян до отчаяния и голодных "бунтов". Они сидели и молчали, когда капиталисты и их прихвостни готовили рабочим всероссийский локаут и безработицу. Они умели молчать, когда контрреволюция пыталась сдать столицу и вывести оттуда армию. Но эти люди, оказывается, "не могут молчать", когда авангард революции, Петроградский Совет, стал на защиту обманутых рабочих и крестьян! И первое слово, что сказали они, — слово упрека не по адресу контрреволюции, — нет, а по адресу той самой революции, о которой они с увлечением говорят за чашкой чая, но от которой они бегут, как от чумы, в самые ответственные минуты! Разве это не "странно"?

Русская революция ниспровергла немало авторитетов. Ее мощь выражается, между прочим, в том, что она не склонялась перед "громкими именами", брала их на службу либо отбрасывала их в небытие, если они не хотели учиться у нее. Их, этих "громких имен", отвергнутых потом революцией, — целая вереница. Плеханов, Кропоткин, Брешковская, Засулич и вообще все те старые революционеры, которые тем только и замечательны, что они старые. Мы боимся, что лавры этих "столпов" не дают спать Горькому. Мы боимся, что Горького "смертельно" потянуло к ним, в архив.

Что же, вольному воля... Революция не умеет ни жалеть, ни хоронить своих мертвецов...

"Рабочий путь" № 41

20 октября 1917 г.

Статья без подписи

459

И.В. Сталин
ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА РУССКИХ КОММУНИСТОВ

Сила Октябрьской революции состоит, между прочим, в том, что она, в отличие от революций Запада, сплотила вокруг русского пролетариата многомиллионную русскую буржуазию, и прежде всего наиболее мощные и многочисленные ее слои — крестьянство. Тем самым русская буржуазия была изолирована, оставлена без армии, а русский пролетариат превращен в вершителя судеб страны. Без этого русские рабочие не удержали бы власти.

Мир, аграрный переворот и свобода национальностей — таковы три основных момента, собравшие вокруг красного знамени русского пролетариата более чем двадцати национальностей необъятной России.

Говорить здесь о двух первых моментах нет необходимости, о них сказано уже в литературе достаточно, да они к тому же сами говорят за себя, Что касается третьего момента — национальной политики русских коммунистов

460

— то важность его, видимо, не вполне еще осознана. Нелишне будет поэтому сказать здесь о нем несколько слов.

Начать с того, что из 140 миллионов населения РСФСР (исключаются Финляндия, Эстония, Латвия, Литва, Польша) великороссы составляют не более 75 миллионов, остальные же 65 миллионов представляют невеликорусские нации.

Далее, нации эти населяют, главным образом, окраины, пункты, наиболее уязвимые в военном отношении, причем окраины эти изобилуют сырьем, топливом, продовольственными продуктами.

Наконец, окраины эти менее развиты (или вовсе не развиты) в промышленном и военном отношении, чем Центральная Россия, ввиду чего отстоять свое самостоятельное существование без военно-хозяйственной помощи Центральной России они не в силах, так же как Центральная Россия не в состоянии сохранить свою военно-хозяйственную мощь без топливно-сырьевой и продовольственной помощи окраин.

Эти обстоятельства плюс известные положения национальной программы коммунизма определили характер национальной политики русских коммунистов.

Существо этой политики можно выразить в нескольких словах: отказ от всех и всяких "притязаний" и "прав" на области, населенные нерусскими нациями; признание (не на словах, а на деле) за этими нациями права на самостоятельное государственное существование; добровольный военно-хозяйственный союз этих наций с Центральной Россией; помощь отсталым нациям в деле их культурного и хозяйственного развития, без чего так называемое "национальное равноправие" превращается в звук пустой; все это на основе полного раскрепощения крестьян и сосредоточения всей власти в руках трудовых элементов окраинных наций — такова национальная политика русских коммунистов.

Нечего и говорить, что ставшие у власти русские рабочие не завоевали бы себе сочувствия и доверия своих инонациональных товарищей, и прежде всего, угнетенных масс неполноправных наций, если бы они не доказали на деле свою готовность проводить в жизнь такую национальную политику, если бы они не отказались от "права" на Финляндию, если бы они не вывели войска из Северной Персии, если бы они не ликвидировали притязаний русских империалистов на известные районы Монголии и Китая, если бы они не помогали отсталым нациям бывшей

461

Российской империи развить культуру и государственность на родном языке.

Только на основе этого доверия и мог возникнуть тот нерушимый союз народов РСФСР, против которого оказались бессильными все и всякие "дипломатические" ухищрения и тщательно проводившиеся "блокады".

Более того. Русские рабочие не смогли бы победить Колчака, Деникина, Врангеля без такого сочувствия и доверия к себе со стороны угнетенных масс окраин бывшей России.

Не следует забывать, что район действий этих мятежных генералов ограничивался районом окраин, населенных по преимуществу нерусскими нациями, а последние не могли не ненавидеть Колчака, Деникина, Врангеля за их империалистскую и русификаторскую политику. Антанта, вмешавшаяся в дело и поддерживавшая этих генералов, могла опереться лишь на русификаторские элементы окраин. Этим она лишь разожгла ненависть населения окраин к мятежным генералам и углубила его сочувствие к Советской власти.

Это обстоятельство определило внутреннюю слабость тылов Колчака, Деникина, Врангеля, а значит, и слабость их фронтов, т. е., в конце концов, их поражение. Но благие результаты национальной политики русских коммунистов не ограничиваются пределами РСФСР и связанных с ней советских республик. Они, правда косвенно, оказываются также в отношениях соседних стран к РСФСР. Коренное улучшение отношений Турции, Персии, Афганистана, Индии и прочих восточных стран к России, считавшееся раньше страшилищем этих стран, представляет из себя факт, против которого не решается теперь спорить даже такой храбрый политик, как лорд Керзон. Едва ли нужно доказывать, что без систематического проведения внутри РСФСР очерченной выше национальной политики на протяжении четырех лет существования Советской власти упомянутая коренная перемена в отношениях соседних стран к России была бы немыслима.

Таковы, в общем, итоги национальной политики русских коммунистов. Они, эти итоги становятся особенно ясными именно теперь, в четвертую годовщину Советской власти, когда тяжелая война окончена, широкая строительная работа начата и невольно оглядываешься на пройденный путь для того, чтобы охватить его одним взглядом.

"Правда" № 251

6-7 ноября 1921 г.

Подпись: *И. Сталин*

462

ВЫСТУПЛЕНИЕ И.В. СТАЛИНА ПО РАДИО 3 ИЮЛЯ 1941 ГОДА

Товарищи! Граждане!

Братья и сестры!

Бойцы нашей армии и флота!

К вам обращаюсь я, друзья мои!

Вероломное военное нападение гитлеровской Германии на нашу Родину, начатое 22 июня, - продолжается. Несмотря на героическое сопротивление Красной Армии, несмотря на то, что лучшие дивизии врага и лучшие части его авиации уже разбиты и нашли себе могилу на полях сражения, враг продолжает лезть вперед, бросая на фронт новые сил. Гитлеровским войскам удалось захватить Литву, значительную часть Латвии, западную часть Белоруссии, часть Западной Украины. Фашистская авиация расширяет районы действия своих бомбардировщиков, подвергая бомбардировкам Мурманск, Оршу, Могилев, Смоленск, Киев, Одессу, Севастополь. Над нашей Родиной нависла серьезная опасность.

Как могло случиться, что наша славная Красная Армия сдала фашистским войскам ряд наших городов и районов? Неужели немецко-фашистские войска в самом деле являются непобедимыми войсками, как об этом трубят неустанно фашистские хвастливые пропагандисты?

Конечно, нет! История показывает, что непобедимых армий нет и не бывало. Армию Наполеона считали непобедимой, но

463

она была разбита попеременно русскими, английскими, немецкими войсками. Немецкую армию Вильгельма в период первой империалистической войны тоже считали непобедимой армией, но она несколько раз терпела поражения от русских и англофранцузских войск и наконец была разбита англофранцузскими войсками. То же самое нужно сказать о нынешней немецко-фашистской армии Гитлера. Эта армия не встречала еще серьезного сопротивления на континенте Европы. Только на нашей территории встретила она серьезное сопротивление. И если в результате этого сопротивления лучшие дивизии немецко-фашистской армии оказались разбитыми нашей Красной Армией, то это значит, что гитлеровская фашистская армия так же может быть разбита и будет разбита, как были разбиты армии Наполеона и Вильгельма.

Что касается того, что часть нашей территории оказалась все же захваченной немецко-фашистскими войсками, то это объясняется главным образом тем, что война фашистской Германии против СССР началась при выгодных условиях для немецких войск и невыгодных для советских войск. Дело в том, что войска Германии, как страны, ведущей войну, были уже целиком отмобилизованы, и 170 дивизий, брошенных Германией против СССР и придвинутых к границам СССР, находились в состоянии полной готовности, ожидая лишь сигнала для выступления, тогда как советским войскам нужно было еще отмобилизоваться и придвинуться к границам. Немалое значение имело здесь и то обстоятельство, что фашистская Германия неожиданно и вероломно нарушила акт о ненападении, заключенный в 1939 году между ней и СССР, не считаясь с тем, что она будет признана всем миром стороной нападающей. Понятно, что наша миролюбивая страна, не желая брать на себя инициативу нарушения пакта, не могла стать на путь вероломства.

Могут спросить: как могло случиться, что Советское правительство пошло на заключение пакта о ненападении с такими вероломными людьми и извергами, как Гитлер и Риббентроп?Не была ли здесь допущена со стороны Советского правительства ошибка? Конечно, нет! Пакт о ненападении есть пакт о мире между двумя государствами. Именно такой пакт предложила нам Германия в 1939 году. Могло ли Советское правительство отказаться от такого предложения? Я думаю, что ни одно миролюбивое государство не может отказаться от мирного соглашения с соседней державой, если во главе этой державы стоят даже такие изверги и людоеды, как Гитлер и Риббентроп. И это, конечно, при одном непременном условии - если мирное соглашение не задевает ни прямо, ни косвенно территориальной целостности, независимости и чести миролюбивого государства. Как известно, пакт о ненападении между Германией и СССР является именно таким пактом.

Что выиграли мы, заключив с Германией пакт о ненападении? Мы обеспечили нашей стране в течение полутора годов и возможность подготовки своих сил для отпора, если фашистская Германия рискнула бы напасть на нашу страну вопреки пакту. Это определенный выигрыш для нас и проигрыш для фашистской Германии.

464

Что выиграла и что проиграла фашистская Германия, вероломно разорвав пакт и совершив нападение на СССР? Она добилась этим некоторого выигрышного положения для своих войск в течение короткого срока, но она проиграла политически, разоблачив себя в глазах всего мира, как кровавого агрессора. Не может быть сомнения, что этот непродолжительный военный выигрыш для Германии является лишь эпизодом, а громадный политический выигрыш для СССР является серьезным и длительным фактором, на основе которого должны развернуться решительные военные успехи Красной Армии в войне с фашистской Германией.

Вот почему вся наша доблестная армия, весь наш доблестный военно-морской флот, все наши летчики-соколы, все народы нашей страны, все лучшие люди Европы, Америки и Азии, наконец, все лучшие люди Германии — клеймят вероломные действия германских фашистов и сочувственно относятся к

Советскому правительству, одобряют поведение Советского правительства и видят, что наше дело правое, что враг будет разбит, что мы должны победить.

В силу навязанной нам войны наша страна вступила в смертельную схватку со своим злейшим и коварным врагом — германским фашизмом. Наши войска героически сражаются с врагом, вооруженным до зубов танками и авиацией. Красная Армия и Красный Флот, преодолевая многочисленные трудности, самоотверженно бьются за каждую пядь советской земли. В бой вступают главные силы Красной Армии, вооруженные тысячами танков и самолетов. Храбрость воинов Красной Армии — беспримерна. Наш отпор врагу крепнет и растет. Вместе с Красной Армией на защиту Родины подымается весь советский народ.

Что требуется для того, чтобы ликвидировать опасность, нависшую над нашей Родиной, и какие меры нужно принять для того, чтобы разгромить врага?

Прежде всего необходимо, чтобы наши люди, советские люди поняли всю глубину опасности, которая угрожает нашей стране, и отрешились от благодушия, от беспечности, от настроений мирного строительства, вполне понятных в довоенное время, но пагубных в настоящее время, когда война коренным образом изменила положение. Враг жесток и неумолим. Он ставит своей целью захват наших земель, политых нашим потом, захват нашего хлеба и нашей нефти, добытых нашим трудом. Он ставит своей целью восстановление власти помещиков, вос-

становление царизма, разрушение национальной культуры и национальной государственности русских, украинцев, белорусов, литовцев, латышей, эстонцев, узбеков, татар, молдаван, грузин, армян, азербайджанцев и других свободных народов Советского Союза, их онемечение, их превращение в рабов немецких князей и баронов. Дело идет, таким образом, о жизни и смерти Советского государства, о жизни и смерти народов СССР, о том — быть народам Советского Союза свободными или впасть в порабощение. Нужно, чтобы советские люди поняли это и перестали быть беззаботными, чтобы они мобилизовали себя и перестроили всю свою работу на новый, военный лад, не знающий пощады врагу.

Необходимо, далее, чтобы в наших рядах не было места нытикам и трусам, паникерам и дезертирам, чтобы наши люди не знали страха в борьбе и самоотверженно шли на нашу Отечественную освободительную войну против фашистских поработителей. Великий Ленин, создавший наше государство, говорил, что основным качеством советских людей должны быть храбрость, отвага, незнание страха в борьбе, готовность биться вместе с народом против врагов нашей Родины. Необходимо, чтобы это великолепное качество большевика стало достоянием миллионов и миллионов Красной Армии, нашего Красного Флота и всех народов Советского Союза.

Мы должны немедленно перестроить всю нашу работу на военный лад, все подчинив интересам фронта и задачам организации разгрома врага. Народы Советского Союза видят теперь, что германский фашизм неукротим в своей бешеной злобе и ненависти к нашей Родине, обеспечившей всем трудящимся свободный труд и благосостояние. Народы Советского Союза должны подняться на защиту своих прав, своей земли против врага.

Красная Армия, Красный Флот и все граждане Советского Союза должны отстаивать каждую пядь советской земли, драться до последней капли крови за наши города и села, проявлять смелость, инициативу и сметку, свойственные нашему народу.

Мы должны организовать всестороннюю помощь Красной Армии, обеспечить усиленное наполнение ее рядов, обеспечить ее снабжение всем необходимым, организовать быстрое продвижение транспортов с войсками и военными грузами, широкую помощь раненым.

Мы должны укрепить тыл Красной Армии, подчинив интересам этого дела всю свою работу, обеспечить усиленную работу всех предприятий, производить больше винтовок, пулеметов, орудий,

патронов, снарядов, самолетов, организовать охрану заводов, электростанций, телефонной и телеграфной связи, наладить местную противовоздушную оборону.

Мы должны организовать беспощадную борьбу со всякими дезорганизаторами тыла, дезертирами, паникерами, распростра-

466

нителями слухов, уничтожать шпионов, диверсантов, вражеских парашютистов, оказывая во всем этом быстрое содействие нашим истребительным батальонам. Нужно иметь в виду, что враг коварен, хитер, опытен в обмане и распространении ложных слухов. Нужно учитывать все это и не поддаваться на провокации. Нужно немедленно предавать суду Военного трибунала всех тех, кто своим паникерством и трусостью мешают делу обороны, невзирая на лица.

При вынужденном отходе частей Красной Армии нужно угонять весь подвижной железнодорожный состав, не оставлять врагу ни одного паровоза, ни одного вагона, не оставлять противнику ни килограмма хлеба, ни литра горючего. Колхозники должны угонять весь скот. Хлеб сдавать под сохранность государственным органам для вывозки его в тыловые районы. Все ценное имущество, в том числе цветные металлы, хлеб и горючее, которое не может быть вывезено, должно безусловно уничтожаться.

В занятых врагом районах нужно создавать партизанские отряды, конные и пешие, создавать диверсионные группы для борьбы с частями вражеской армии, для разжигания партизанской войны всюду и везде, для взрыва мостов, дорог, порчи телефонной и телеграфной связи, поджога лесов, складов, обозов. В захваченных районах создавать невыносимые условия для врага и всех его пособников, преследовать и уничтожать их на каждом шагу, срывать все их мероприятия.

Войну с фашистской Германией нельзя считать войной обычной. Она является не только войной между двумя армиями. Она является вместе с тем великой войной всего советского народа против немецко-фашистских войск. Целью этой всенародной Отечественной войны против фашистских угнетателей является не только ликвидация опасности, нависшей над нашей страной, но и помощь всем народам Европы, стонущим под игом германского фашизма. В этой освободительной войне мы не будем одинокими. В этой великой войне мы будем иметь верных союзников в лице народов Европы и Америки, в том числе в лице германского народа, порабощенного гитлеровскими заправилами. Наша война за свободу нашего Отечества сольется с борьбой народов Европы и Америки за их независимость, за демократические свободы. Это будет единый фронт народов, стоящих за свободу против порабощения и угрозы порабощения со стороны фашистских армий Гитлера. В этой связи историческое выступление премьера Великобритании г. Черчилля о помощи Советскому Союзу и декларация правительства США о готовности оказать помощь нашей стране, которые могут вызвать лишь чувство благодарности в сердцах народов Советского Союза, — являются вполне понятными и показательными.

467

Товарищи! Наши силы неисчислимы. Зазнавшийся враг должен будет скоро убедиться в этом. Вместе с Красной Армией поднимаются многие тысячи рабочих, колхозников, интеллигенции на войну с напавшим врагом. Поднимутся миллионные массы нашего народа. Трудящиеся Москвы и Ленинграда уже приступили к созданию многотысячного народного ополчения на поддержку Красной Армии. В каждом городе, которому угрожает опасность нашествия врага, мы должны создать такое народное ополчение, поднять на борьбу всех трудящихся, чтобы своей грудью защищать свою свободу, свою честь, свою Родину — в нашей Отечественной войне с германским фашизмом.

В целях быстрой мобилизации всех сил народов СССР, для проведения отпора врагу, вероломно напавшему на нашу Родину, — создан Государственный комитет обороны, в руках которого теперь сосредоточена вся полнота власти в государстве. Государственный комитет обороны приступил к своей работе и призывает весь народ сплотиться вокруг партии Ленина — Сталина, вокруг Советского правительства для самоотверженной поддержки Красной Армии и Красного Флота, для разгрома врага, для победы.

Все наши силы — на поддержку нашей героической Красной Армии, нашего славного Красного Флота!

Все силы народа — на разгром врага!

Вперед, за нашу победу!

468

РЕЧЬ И.В. СТАЛИНАНА ПАРАДЕ КРАСНОЙ АРМИИ 7 НОЯБРЯ 1941 ГОДА НА КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ В МОСКВЕ

Товарищи красноармейцы и краснофлотцы, командиры и политработники, рабочие и работницы, колхозники и колхозницы, работники интеллигентного труда, братья и сестры в тылу нашего врага, временно попавшие под иго немецких разбойников, наши славные партизаны, разрушающие тылы немецких захватчиков!

От имени Советского правительства и нашей большевистской партии приветствую вас и поздравляю с 24-й годовщиной Великой Октябрьской социалистической революции.

Товарищи! В тяжелых условиях приходится праздновать сегодня 24-ю годовщину Октябрьской революции. Вероломное нападение немецких разбойников и навязанная нам война создали угрозу для нашей страны. Мы потеряли временно ряд областей, враг очутился у ворот Ленинграда и Москвы.

Враг рассчитывал на то, что после первого же удара наша армия будет рассеяна, наша страна будет поставлена на колени. Но враг жестоко просчитался. Несмотря на временные неуспехи, наша армия и наш флот геройски отбивают атаки врага на протяжении всего фронта, нанося ему тяжелый урон, а наша страна — вся наша страна, — организовалась в боевой лагерь, чтобы вместе с нашей армией и нашим флотом осуществить разгром немецких захватчиков.

Бывали дни, когда наша страна находилась в еще более тяжелом положении. Вспомните 1918 год, когда мы праздновали

469

первую годовщину Октябрьской революции. Три четверти нашей страны находились в руках иностранных интервентов. Украина, Кавказ, Средняя Азия, Урал, Сибирь, Дальний Восток были временно потеряны нами. У нас не было союзников, у нас не было Красной Армии, — мы ее только начали создавать, — не хватало хлеба, не хватало вооружения, не хватало обмундирования. 14 государств наседали тогда на нашу страну.

Но мы не унывали, не падали духом. В огне войны организовали тогда мы Красную Армию и превратили нашу страну в военный лагерь. Дух великого Ленина вдохновлял нас тогда на войну против интервентов. И что же? Мы разбили интервентов, вернули все потерянные территории и добились победы.

Теперь положение нашей страны куда лучше, чем 23 года назад. Наша страна во много раз богаче теперь и промышленностью, и продовольствием, и сырьем, чем 23 года назад. У нас есть теперь союзники, держащие вместе с нами фронт против немецких захватчиков.

Мы имеем теперь сочувствие и поддержку всех народов Европы, попавших под иго гитлеровской тирании. Мы имеем теперь замечательную армию и замечательный флот, грудью отстаивающие свободу и независимость нашей Родины. У нас нет серьезной нехватки ни в продовольствии, ни в вооружении, ни в обмундировании.

Вся наша страна, все народы нашей страны подпирают нашу армию, наш флот, помогая им разбить захватнические орды немецких фашистов.

Наши людские резервы неисчерпаемы. Дух великого Ленина и его победоносное знамя вдохновляют нас теперь на Отечественную войну так же, как 23 года назад.

Разве можно сомневаться в том, что мы можем и должны победить немецких захватчиков?

Враг не так силен, как изображают его некоторые перепуганные интеллигентики. Не так страшен черт, как его малюют.

Кто может отрицать, что наша Красная Армия не раз обращала в паническое бегство хваленые немецкие войска?

Если судить не по хвастливым заявлениям немецких пропагандистов, а по действительному положению Германии, нетрудно будет понять, что немецко-фашистские захватчики стоят перед катастрофой. В Германии теперь царят голод и обнищание, за 4 месяца войны Германия потеряла 4 с половиной миллиона своих солдат, Германия истекает кровью, ее людские резервы иссякают, дух возмущения овладевает не только народами Европы, подпавшими под иго немецких захватчиков, но и самим германским народом, который не видит конца войны.

Немецкие захватчики напрягают последние силы. Нет сомнения, что Германия не может выдержать долго такого напряжения. Еще несколько месяцев, еще полгода, может быть,

годик, — и гитлеровская Германия должна лопнуть под тяжестью своих преступлений.

Товарищи красноармейцы и краснофлотцы, командиры и политработники, партизаны и партизанки!

На вас смотрит весь мир как на силу, способную уничтожить грабительские полчища немецких захватчиков.

На вас смотрят порабощенные народы Европы, подпавшие под иго немецких захватчиков, как на своих освободителей.

Великая освободительная миссия выпала на вашу долю. Будьте же достойными этой миссии! Война, которую вы ведете, есть война освободительная, война справедливая.

Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков — Александра Невского, Димитрия Донского, Кузьмы Минина, Димитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова!

Пусть осенит вас победоносное знамя великого Ленина!

За полный разгром немецких захватчиков!

Смерть немецким оккупантам!

Да здравствует наша славная Родина, ее свобода, ее независимость!

Под знаменем Ленина — вперед к победе!

ПРИКАЗ НАРОДНОГО КОМИССАРА ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР № 227 28 ИЮЛЯ 1942 ГОДА, г. Москва

Враг бросает на фронт все новые силы и, не считаясь с большими для него потерями, лезет вперед, рвется в глубь Советского Союза, захватывает новые районы, опустошает и разоряет наши города и села, насилует, грабит и убивает советское население. Бои идут в районе Воронежа, на Дону, на юге у ворот Северного Кавказа. Немецкие оккупанты рвутся к Сталинграду, к Волге и хотят любой ценой захватить Кубань, Северный Кавказ с их нефтяными и хлебными богатствами. Враг уже захватил Ворошиловград, Старобельск, Россошь, Купянск, Валуйки, Новочеркасск, Ростов-на-Дону, половину Воронежа. Часть войск Южного фронта, идя за паникерами, оставила Ростов и Новочеркасск без серьезного сопротивления и без приказа Москвы, покрыв свои знамена позором. Население нашей страны, с любовью и уважением относящееся к Красной Армии, начинает разочаровываться в ней, теряет веру в Красную Армию, а многие проклинают Красную Армию за то, что она отдает наш народ под ярмо немецких угнетателей, а сама утекает на восток.

Некоторые неумные люди на фронте утешают себя разговорами о том, что мы можем и дальше отступать на восток, так как у нас много территории, много земли, много населения, и что хлеба у нас всегда будет в избытке. Этим они хотят оправдать свое позор-

ное поведение на фронтах. Но такие разговоры являются насквозь фальшивыми и лживыми, выгодными лишь нашим врагам.

Каждый командир, красноармеец и политработник должны понять, что наши средства небезграничны. Территория Советского государства, — это не пустыня, а люди — рабочие, крестьяне, интеллигенция, наши отцы, матери, жены, братья, дети. Территория СССР, которую захватил и стремится захватить враг, — это хлеб и другие продукты для армии и тыла, металл и топливо для промышленности, фабрики, заводы, снабжающие армию вооружением и боеприпасами, железные дороги. После потери Украины, Белоруссии, Прибалтики, Донбасса и других областей у нас стало намного меньше территории, стало быть, стало намного меньше людей, хлеба, металла, заводов, фабрик. Мы потеряли более 70 миллионов населения, более 800 миллионов пудов хлеба в год и более 10 миллионов тонн металла в год. У нас нет уже теперь преобладания над немцами ни в людских резервах, ни в запасах хлеба. Отступать дальше значит загубить себя и загубить вместе с тем нашу Родину. Каждый новый клочок оставленной нами территории будет всемирно усиливать врага и всемерно ослаблять нашу оборону, нашу Родину.

Поэтому надо в корне пресекать разговоры о том, что мы имеем возможность без конца отступать, что у нас много территории, страна наша велика и богата, населения много, хлеба всегда будет в избытке. Такие разговоры являются вредными, они ослабляют нас и усиливают врага, ибо если не прекратим отступления, останемся без хлеба, без топлива, без металла, без сырья, без фабрик и заводов, без железных дорог.

Из этого следует, что пора кончить отступление.

Ни шагу назад! Таким теперь должен быть наш главный призыв.

Надо упорно, до последней капли крови защищать каждую позицию, каждый метр советской территории, цепляться за каждый клочок советской земли и отстаивать его до последней возможности.

Наша Родина переживает тяжелые дни. Мы должны остановить, а затем отбросить и разгромить врага, чего бы это нам ни стоило. Немцы не так сильны, как это кажется паникерам. Они напрягают последние силы. Выдержать их удар сейчас, в ближайшие несколько месяцев — это значит обеспечить за нами победу.

Можем ли выдержать удар, а потом и отбросить врага на запад? Да, можем, ибо наши фабрики и заводы в тылу работают теперь прекрасно и наш фронт получает все больше и больше самолетов, танков, артиллерии, минометов.

Чего же у нас не хватает?

Не хватает порядка и дисциплины в ротах, батальонах, полках, дивизиях, в танковых частях, в авиаэскадрильях. В этом теперь наш главный недостаток. Мы должны установить в армии стро-

жайший порядок и железную дисциплину, если мы хотим спасти положение и отстоять Родину.

Нельзя терпеть дальше командиров, комиссаров, политработников, части и соединения которых самовольно оставляют боевые позиции. Нельзя терпеть дальше, когда командиры, комиссары, политработники допускают, чтобы несколько паникеров определяли положение на поле боя, чтобы они увлекали в отступление других бойцов и открывали фронт врагу.

Паникеры и трусы должны истребляться на месте.

Отныне железным законом дисциплины для каждого командира, красноармейца, политработника должно являться требование — ни шагу назад без приказа высшего командования.

Командиры роты, батальона, полка, дивизии, соответствующие комиссары и политработники, отступающие с боевой позиции без приказа свыше, являются предателями Родины. С такими командирами и политработниками и поступать надо как с предателями Родины.

Таков призыв нашей Родины.

Выполнить этот призыв — значит отстоять нашу землю, спасти Родину, истребить и победить ненавистного врага.

После своего зимнего отступления под напором Красной Армии, когда в немецких войсках расшаталась дисциплина, немцы для восстановления дисциплины приняли некоторые суровые меру, приведшие к неплохим результатам. Они сформировали более 100 штрафных рот из бойцов, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, поставили их на опасные участки фронта и приказали им искупить кровью свои грехи. Они сформировали, далее, около десятка штрафных батальонов из командиров, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, лишили их орденов, поставили их на еще более опасные участки фронта и приказали им искупить свои грехи. Они сформировали, наконец, специальные отряды заграждения, поставили их позади неустойчивых дивизий и велели им расстреливать на месте паникеров в случае попытки самовольного оставления позиций и в случае попытки сдаться в плен. Как известно, эти меры возымели свое действие, и теперь немецкие войска дерутся лучше, чем они дрались зимой. И вот получается, что немецкие войска имеют хорошую дисциплину, хотя у них нет возвышенной цели защиты своей Родины, а есть лишь одна грабительская цель — покорить чужую страну, а наши войска, имеющие возвышенную цель зашиты своей поруганной Родины, не имеют такой дисциплины и терпят ввиду этого поражение.

Не следует ли нам поучиться в этом деле у наших врагов, как учились в прошлом наши предки у врагов и одерживали потом над ними победу?

Я думаю, что следует.

1. Военным советам фронтов и прежде всего командующим фронтами:

а)безусловно ликвидировать отступательные настроения в войсках и железной рукой пресекать пропаганду о том, что мы можем и должны якобы отступать и дальше на восток, что от такого отступления не будет якобы вреда;

б)безусловно снимать с поста и направлять в Ставку для привлечения к военному суду командующих армиями, допустивших самовольный уход войск с занимаемой позиции без приказа командования фронта;

в)сформировать в пределах фронта от одного до трех (смотря по обстановке) штрафных батальонов (по 800 человек), куда направлять средних и старших командиров и соответствующих политработников всех родов войск, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, и поставить их наболее трудные участки фронта, чтобы дать им возможность искупить кровью свои преступления против Родины.

2.Военным советам армий и прежде всего командующим армиями:

а)безусловно снимать с постов командиров и комиссаров корпусов и дивизий, допустивших самовольный отход войск с занимаемых позиций без приказа командования армии, и направлять их в военный совет фронта для предания военному суду;

б)сформировать в пределах армии 3 — 5 хорошо вооруженных заградительных отрядов (до 200 человек в каждом), поставить их в непосредственном тылу неустойчивых дивизий и обязать их в случае паники и беспорядочного отхода частей дивизии расстреливать на месте паникеров и трусов и тем помочь честным бойцам дивизий выполнить свой долг перед Родиной;

в)сформировать в пределах армии от пяти до десяти (смотря по обстановке) штрафных рот (от 150 до 200 человек в каждой), куда направлять рядовых бойцов и младших командиров, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, и поставить их на трудные участки армии, чтобы дать им возможность искупить кровью свои преступления перед Родиной.

3.Командирам и комиссарам корпусов и дивизий:

а)безусловно снимать с постов командиров и комиссаров полков и батальонов, допустивших самовольный отход частей без приказа командира корпуса или дивизии, отбирать у них ордена и медали и направлять их в военные советы фронта для предания военному суду;

б)оказывать всяческую помощь и поддержку заградительным отрядам армии в деле укрепления порядка и дисциплины в частях.

Приказ прочесть во всех ротах, эскадронах, батареях, эскадрильях, командах, штабах.

Народный комиссар обороны *И. Сталин.*

475

ОБРАЩЕНИЕ И.В. СТАЛИНА К НАРОДУ 9 МАЯ 1945 ГОДА

Товарищи! Соотечественники и соотечественницы!

Наступил великий день победы над Германией. Фашистская Германия, поставленная на колени Красной Армией и войсками наших союзников, признала себя побежденной и объявила безоговорочную капитуляцию.

5 мая был подписан в городе Реймсе предварительный протокол капитуляции. 8 мая представители немецкого главнокомандования в присутствии представителей Верховного Командования союзных войск и Верховного Главнокомандования советских войск подписали в Берлине окончательный акт капитуляции, исполнение которого началось с 24 часов 8 мая.

Зная волчью повадку немецких заправил, считающих договора и соглашения пустой бумажкой, мы не имеем основания верить им на слово. Однако сегодня с утра немецкие войска во исполнение акта капитуляции стали в массовом порядке складывать оружие и сдаваться в плен нашим войскам. Это уже не пустая бумажка. Это действительная капитуляция вооруженных сил Германии. Правда, одна группа немецких войск в районе Чехословакии все еще уклоняется от капитуляции. Но я надеюсь, что Красной Армии удастся привести ее в чувство.

Теперь мы можем с полным основанием заявить, что наступил исторический день окончательного разгрома Германии,

476

день великой победы нашего народа над германским империализмом.

Великие жертвы, принесенные нами во имя свободы и независимости нашей Родины, неисчислимые лишения и страдания, пережитые нашим народом в ходе войны, напряженный труд в тылу и на фронте, отданный на алтарь отечества, — не прошли даром и увенчались полной победой над врагом. Вековая борьба славянских народов за свое существование и свою независимость окончилась победой над немецкими захватчиками и немецкой тиранией.

Отныне над Европой будет развеваться великое знамя свободы народов и мира между народами.

Три года назад Гитлер всенародно заявил, что в его задачи входит расчленение Советского Союза и отрыв от него Кавказа, Украины, Белоруссии, Прибалтики и других областей. Он прямо заявил: "Мы уничтожим Россию, чтобы она больше никогда не смогла подняться". Это было три года назад. Но сумасбродным идеям Гитлера не суждено было сбыться, — ход войны развеял их в прах. На деле получилось нечто прямо противоположное тому, о чем бредили гитлеровцы. Германия разбита наголову. Германские войска капитулируют. Советский Союз торжествует победу, хотя он и не собирается ни расчленять, ни уничтожать Германию.

Товарищи! Великая Отечественная война завершилась нашей полной победой. Период войны в Европе кончился. Начался период мирного развития.

С победой вас, мои дорогие соотечественники и соотечественницы!

Слава нашей героической Красной Армии, отстоявшей независимость нашей Родины и завоевавшей победу над врагом!

Слава нашему великому народу, народу-победителю!

Вечная слава героям, павшим в боях с врагом и отдавшим свою жизнь за свободу и счастье нашего народа!

477

ВЫСТУПЛЕНИЕ ТОВ. И.В. СТАЛИНА НА ПРИЕМЕ В КРЕМЛЕ В ЧЕСТЬ КОМАНДУЮЩИХ ВОЙСКАМИ КРАСНОЙ АРМИИ 24 МАЯ 1945 ГОДА

Товарищи, разрешите мне поднять еще один, последний тост.

Я хотел бы поднять тост за здоровье нашего советского народа, и прежде всего, русского народа. (*Бурные, продолжительные аплодисменты, крики "ура".)*

Я пью прежде всего за здоровье русского народа потому, что он является наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза.

Я поднимаю этот тост за здоровье русского народа потому, что он заслужил в этой войне общее признание, как руководящей силы Советского Союза среди всех народов нашей страны.

Я поднимаю тост за здоровье русского народа не только потому, что он — руководящий народ, но и потому, что у него имеется ясный ум, стойкий характер и терпение.

У нашего правительства было немало ошибок, были у нас моменты отчаянного положения в 1941 — 1942 годах, когда наша армия отступала, покидала родные нам села и города Украины, Белоруссии, Молдавии, Ленинградской области, Прибалтики, Карело-Финской республики, покидала, потому что не было другого выхода. Иной народ мог бы уже сказать правительству: вы не оправдали наших ожиданий, уходите прочь, мы

478

поставим другое правительство, которое заключит мир с Германией и обеспечит нам покой. Но русский народ не пошел на это, ибо он верит в правильность политики своего правительства и пошел на жертвы, чтобы обеспечить разгром Германии. И это доверие русского народа Советскому правительству оказалось той решающей силой, которая обеспечила историческую победу над врагом человечества, — над фашизмом.

Спасибо ему, русскому народу, за это доверие!

За здоровье русского народа! *(Бурные, долго не смолкающие аплодисменты.)*

479

ОБРАЩЕНИЕ И.В.СТАЛИНА К НАРОДУ 2 сентября 1945 года

Товарищи!

Соотечественники и соотечественницы!

Сегодня, 2 сентября, государственные и военные представители Японии подписали акт безоговорочной капитуляции. Разбитая наголову на морях и на суше и окруженная со всех сторон вооруженными силами Объединенных наций, Япония признала себя побежденной и сложила оружие.

Два очага мирового фашизма и мировой агрессии образовались накануне нынешней мировой войны: Германия — на западе и Япония — на востоке. Это они развязали вторую мировую войну. Это они поставили человечество и его цивилизацию на край гибели.

Очаг мировой агрессии на западе был ликвидирован четыре месяца назад, в результате чего Германия оказалась вынужденной капитулировать.

Через четыре месяца после этого был ликвидирован очаг мировой агрессии на востоке, в результате чего Япония, главная союзница Германии, также оказалась вынужденной подписать акт капитуляции.

Это означает, что наступил конец второй мировой войны. Теперь мы можем сказать, что условия, необходимые для мира во всем мире, уже завоеваны.

Следует отметить, что японские захватчики нанесли ущерб не только нашим союзникам — Китаю, Соединенным Штатам

Америки, Великобритании. Они нанесли серьезнейший ущерб также и нашей стране. Поэтому у нас есть еще свой особый счет к Японии.

Свою агрессию против нашей страны Япония начала еще в 1904 году во время русско-японской войны. Как известно, в феврале 1904 года, когда переговоры между Японией и Россией еще продолжались, Япония, воспользовавшись слабостью царского правительства, неожиданно и вероломно, без объявления войны, — напала на нашу страну и атаковала русскую эскадру в районе Порт-Артура, чтобы вывести из строя несколько русских военных кораблей и создать тем самым выгодное положение для своего флота. И она действительно вывела из строя три первоклассных военных корабля России.

Характерно, что через 37 лет после этого Япония в точности повторила этот вероломный прием в отношении Соединенных Штатов Америки, когда она в 1941 году напала на военно-морскую базу Соединенных Штатов Америки в Пирл-Харборе и вывела из строя ряд линейных кораблей этого государства. Как известно, в войне с Японией Россия потерпела тогда поражение. Япония же воспользовалась поражением царской России для того, чтобы отхватить от России Южный Сахалин, утвердиться на Курильских островах и таким образом закрыть на замок для нашей страны на востоке все выходы в океан — следовательно, также все выходы к портам советской Камчатки, советской Чукотки. Было ясно, что Япония ставит себе задачу отторгнуть от России весь ее Дальний Восток.

Но этим не исчерпываются захватнические действия Японии против нашей страны. В 1918 году, после установления советского строя в нашей стране, Япония, воспользовавшись враждебным тогда отношением к Советской стране Англии, Франции, Соединенных Штатов Америки и опираясь на них, — вновь напала на нашу страну, оккупировала Дальний Восток и четыре года терзала наш народ, грабила Советский Дальний Восток.

Но и это не все. В 1936 году Япония вновь напала на нашу страну в районе озера Хасан, около Владивостока, с целью окружить Владивосток, а в следующий год Япония повторила свое нападение уже в другом месте, в районе Монгольской Народной Республики, около Халхин-Гола, с целью прорваться на советскую территорию, перерезать нашу Сибирскую железнодорожную магистраль и отрезать Дальний Восток от России.

Правда, атаки Японии в районе Хасана и Халхин-Гола были ликвидированы советскими войсками с большим позором для японцев. Равным образом была успешно ликвидирована японская военная интервенция 1918 — 1922 годов, и японские оккупанты были выброшены из районов нашего Дальнего Востока. Но поражение русских войск в 1904 году в период русско-японской войны оставило в сознании народа тяжелые воспо-

минания. Оно легло на нашу страну черным пятном. Наш народ верил и ждал, что наступит день, когда Япония будет разбита и пятно будет ликвидировано.

Сорок лет ждали мы, люди старого поколения, этого дня. И вот этот день наступил. Сегодня Япония признала себя побежденной и подписала акт безоговорочной капитуляции.

Это означает, что Южный Сахалин и Курильские острова отойдут к Советскому Союзу и отныне они будут служить не средством отрыва Советского Союза от океана и базой японского нападения на наш

Дальний Восток, а средством прямой связи Советского Союза с океаном и базой обороны нашей страны от японской агрессии.

Наш советский народ не жалел сил и труда во имя победы. Мы пережили тяжелые годы. Но теперь каждый из нас может сказать: мы победили.

Отныне мы можем считать нашу Отчизну избавленной от угрозы немецкого нашествия на западе и японского нашествия на востоке. Наступил долгожданный мир для народов всего мира.

Поздравляю вас, мои дорогие соотечественники и соотечественницы, с великой победой, с успешным окончанием войны, с наступлением мира во всем мире!

Слава вооруженным силам Советского Союза, Соединенных Штатов Америки, Китая и Великобритании, одержавшим победу над Японией!

Слава нашим дальневосточным войскам и Тихоокеанскому военно-морскому флоту, отстоявшим честь и достоинство нашей Родины!

Слава нашему великому народу, народу-победителю! Вечная слава героям, павшим в боях за честь и победу нашей Родины!

Пусть здравствует и процветает наша Родина!

482

РЕЧЬ И.В. СТАЛИНА НА ПРЕДВЫБОРНОМ СОБРАНИИ ИЗБИРАТЕЛЕЙ СТАЛИНСКОГО ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ОКРУГА Г. МОСКВЫ 9 февраля 1946 г.

Товарищи!

Со времени последних выборов в Верховный Совет прошло восемь лет. Это был период, богатый событиями решающего характера. Первые четыре года прошли в напряженной работе советских людей по осуществлению третьей пятилетки. Вторые четыре года обнимают события войны с немецкими и японскими агрессорами, — события второй мировой войны. Несомненно, что война является главным моментом истекшего периода.

Было бы неправильно думать, что вторая мировая война возникла случайно или в результате ошибок тех или иных государственных деятелей, хотя ошибки, безусловно, имели место. На самом деле война возникла как неизбежный результат развития мировых экономических и политических сил на базе современного монополистического капитализма. Марксисты не раз заявляли, что капиталистическая система мирового хозяйства таит в себе элементы общего кризиса и военных столкновений, что ввиду этого развитие мирового капитализма в наше время происходит не в виде плавного и равномерного продвижения вперед, а через кризисы и военные катастрофы. Дело в том, что неравномерность развития капиталистических стран обычно приводит с течением времени к резкому нарушению равновесия внутри мировой системы капитализма, причем та

483

группа капиталистических стран, которая считает себя менее обеспеченной сырьем и рынками сбыта, обычно делает попытки изменить положение и переделить "сферы влияния" в свою пользу — путем применения вооруженной силы. В результате этого возникает раскол капиталистического мира на два враждебных лагеря и война между ними.

Пожалуй, можно было бы избегнуть военные катастрофы, если бы была возможность периодически перераспределять сырье и рынки сбыта между странами сообразно с их экономическим весом — в

порядке принятия согласованных и мирных решений. Но это невозможно осуществить при нынешних капиталистических условиях развития мирового хозяйства.

Таким образом, в результате первого кризиса капиталистической системы мирового хозяйства возникла первая мировая война, в результате же второго кризиса возникла вторая мировая война.

Это не значит, конечно, что вторая мировая война является копией первой. Наоборот, вторая мировая война существенно отличается от первой по своему характеру. Следует иметь в виду, что главные фашистские государства — Германия, Япония, Италия — раньше чем напасть на союзные страны, уничтожили у себя последние остатки буржуазно-демократических свобод, установили у себя жестокий террористический режим, растоптали принцип суверенитета и свободного развития малых стран, объявили политику захвата чужих земель своей собственной политикой и заявили во всеуслышание, что они добиваются мирового господства и распространения фашистского режима во всем мире, причем захватом Чехословакии и центральных районов Китая государства оси показали, что они готовы осуществить свою угрозу насчет порабощения всех свободолюбивых народов. Ввиду этого вторая мировая война против государств оси, в отличие от первой мировой войны, приняла с самого начала характер войны антифашистской, освободительной, одной из задач которой являлось также восстановление демократических свобод. Вступление Советского Союза в войну против государств оси могло лишь усилить, — и действительно усилило, — антифашистский и освободительный характер второй мировой войны.

На этой почве и сложилась антифашистская коалиция Советского Союза, Соединенных Штатов Америки, Великобритании и других свободолюбивых государств, сыгравшая потом решающую роль в деле разгрома вооруженных сил государств оси.

Так обстоит дело с вопросом о происхождении и характере второй мировой войны.

Теперь, пожалуй, все признают, что война действительно не была и не могла быть случайностью в жизни народов, что она превратилась на деле в войну народов за их существование, что

именно поэтому она не могла быть скоротечной, молниеносной.

Что касается нашей страны, то эта война была для нее самой жестокой и тяжелой из всех войн, когда-либо пережитых в истории нашей Родины.

Но война была не только проклятьем. Она была вместе с тем великой школой испытания и проверки всех сил народа. Война обнажила все факты и события в тылу и на фронте, она безжалостно сорвала все покровы и прикрытия, скрывавшие действительное лицо государств, правительств, партий, и выставила их на сцену, без маски, без прикрас, со всеми их недостатками и достоинствами. Война устроила нечто вроде экзамена нашему советскому строю, нашему государству, нашему правительству, нашей коммунистической партии и подвела итоги их работы, как бы говоря нам: вот они, ваши люди и организации, их дела и дни, — разглядите их внимательно и воздайте им по их делам.

В этом одна из положительных сторон войны.

Для нас, избирателей, это обстоятельство имеет большое значение, ибо оно помогает нам быстро и объективно оценить деятельность партии и ее людей и сделать правильные выводы. В другое время пришлось бы изучать выступления и доклады представителей партии, анализировать их, сопоставлять их слова с их делами, подвести итоги и тому подобное. Это требует сложной и трудной работы, причем нет гарантии, что не будут допущены ошибки. Другое дело теперь, когда война окончена, когда война сама проверила работу наших организаций и руководителей и подвела ей итоги. Теперь нам гораздо легче разобраться и прийти к правильным выводам.

Итак, каковы итоги войны?

Существует один главный итог, на основе которого возникли все другие итоги. Этот итог состоит в том, что к исходу войны враги потерпели поражение, а мы вместе с нашими союзниками оказались победителями. Мы окончили войну полной победой над врагами, — в этом главный итог войны. Но это слишком общий итог, и мы не можем поставить здесь точку. Конечно, разбить врагов в такой войне, как вторая мировая война, какой не было еще в истории человечества, это значит добиться всемирно-исторической победы. Все это верно. Но это все же общий итог и мы не можем успокаиваться на этом. Чтобы понять великое историческое значение нашей победы, необходимо разобраться в этом деле более конкретно.

Итак, как нужно понимать нашу победу над врагами, что может означать эта победа с точки зрения состояния и развития, внутренних сил нашей страны?

Наша победа означает прежде всего, что победил наш советский общественный строй, что советский общественный строй с успехом выдержал испытание в огне войны и доказал свою полную жизнеспособность. Как известно, в иностранной печати

не раз высказывались утверждения, что советский общественный строй является "рискованным экспериментом, обреченным на провал, что советский строй представляет "карточный домик", не имеющий корней жизни и навязанный народу органами Чека, что достаточно небольшого толчка извне, чтобы этот "карточный домик" разлетелся в прах.

Теперь мы можем сказать, что война опрокинула все эти утверждения иностранной печати, как беспочвенные. Война показала, что советский общественный строй является подлинно народным строем, выросшим из недр народа и пользующимся его могучей поддержкой, что советский общественный строй является вполне жизнеспособной и устойчивой формой организации общества.

Более того. Теперь речь идет уже не о том, жизнеспособен или нет советский общественный строй, ибо после наглядных уроков войны никто из скептиков не решается больше выступать с сомнениями насчет жизнеспособности советского общественного строя. Теперь речь идет о том, что советский общественный строй оказался более жизнеспособным и устойчивым, чем несоветский общественный строй, что советский общественный строй является лучшей формой организации общества, чем любой несоветский общественный строй.

Наша победа означает, во-вторых, что победил наш советский государственный строй, что наше многонациональное советское государство выдержало все испытания войны и доказало свою жизнеспособность.

Как известно, видные деятели иностранной печати не раз высказывались в том духе, что советское многонациональное государство представляет "искусственное и нежизненное сооружение", что в случае каких-либо осложнений развал Советского Союза является неотвратимым, что Советский Союз ждет судьба Австро-Венгрии.

Теперь мы можем сказать, что война опровергла эти заявления иностранной печати, как лишенные всякого основания. Война показала, что советский многонациональный государственный строй с успехом выдержал испытания, еще больше окреп за время войны и оказался вполне жизнеспособным государственным строем. Эти господа не поняли, что аналогия с Австро-Венгрией несостоятельна, ибо наше многонациональное государство выросло не на буржуазной основе, стимулирующей чувства национального недоверия и национальной вражды, а на советской основе, которая, наоборот, культивирует чувства дружбы и братского сотрудничества между народами нашего государства.

Впрочем, после уроков войны эти господа не решаются больше выступать с отрицанием жизнеспособности советского государственного строя. Теперь речь идет уже не о жизнеспособности советского государственного строя, ибо его жизнеспо-

собность не подлежит сомнению. Теперь речь идет о том, что советский государственный строй оказался образцом многонационального государства, что советский государственный строй представляет такую систему государственной организации, где национальный вопрос и проблемы сотрудничества наций разрешены лучше, чем в любом другом многонациональном государстве.

Наша победа означает, в-третьих, что победили Советские Вооруженные Силы, победила наша Красная Армия, что Красная Армия геройски выдержала все невзгоды войны, наголову разбила армии наших врагов и вышла из войны победительницей. *(Возглас с места: "Под руководством товарища Сталина!" Все встают, бурные, долго не смолкающие аплодисменты, переходящие в овацию.)*

Теперь все признают, как друзья, так и враги, что Красная Армия оказалась на высоте своих великих задач. Но не так обстояло дело шесть лет тому назад, в период перед войной. Как известно, видные деятели иностранной прессы и многие признанные авторитеты военного дела за границей неоднократно заявляли, что состояние Красной Армии внушает большие сомнения, что Красная Армия плохо вооружена и не имеет настоящего командного состава, что ее моральное состояние — ниже всякой критики, что она может быть и пригодна для обороны, но для наступления непригодна, что в случае удара со стороны немецких войск Красная Армия должна развалиться, как "колосс на глиняных ногах". Такие заявления делались не только в Германии, но и во Франции, Англии, Америке.

Теперь мы можем сказать, что война опрокинула все эти заявления, как беспочвенные и смехотворные. Война показала, что Красная Армия является не "колоссом на глиняных ногах", а первоклассной армией нашего времени, имеющей вполне со временное вооружение, опытнейший командный состав и высокие морально-боевые качества. Не нужно забывать, что Красная Армия является той самой армией, которая наголову разбила германскую армию, вчера еще наводившую ужас на армии европейских государств.

Следует заметить, что "критиков" Красной Армии становится все меньше и меньше. Более того, в заграничной прессе все чаще и чаще появляются заметки; отмечающие высокие качества Красной Армии, мастерство ее бойцов и командиров, безупречность ее стратегии и тактики. Это и понятно. После блестящих побед Красной Армии под Москвой и Сталинградом, под Курском и Белгородом, под Киевом и Кировоградом, под Минском и Бобруйском, под Ленинградом и Таллином, под Яссами и Львовом, на Висле и Немане, на Дунае и Одере, под Веной и Берлином, — после всего этого нельзя не признать, что Красная Армия является первоклассной армией, у которой можно было бы поучиться многому. *(Бурные аплодисменты.)*

Так понимаем мы конкретно победу нашей страны над ее врагами.

Таковы в основном итоги войны.

Было бы ошибочно думать, что можно добиться такой исторической победы без предварительной подготовки всей страны к активной обороне. Не менее ошибочно было бы полагать, что такую подготовку можно провести в короткий срок, в течение каких-либо трех-четырех лет. Еще более ошибочно было бы утверждать, что мы добились победы благодаря лишь храбрости наших войск. Без храбрости, конечно, невозможно добиться победы. Но одной лишь храбрости недостаточно для того, чтобы одолеть врага, имеющего многочисленную армию, первоклассное вооружение, хорошо обученные офицерские кадры и неплохо поставленное снабжение. Чтобы принять удар такого врага, дать ему отпор, а потом нанести ему полное поражение, для этого необходимо было иметь, кроме беспримерной храбрости наших войск, вполне современное вооружение, и притом в достаточном количестве, и хорошо поставленное снабжение — тоже в достаточных размерах. Но для этого необходимо было иметь, и притом в достаточном количестве, такие элементарные вещи, как: металл — для производства вооружения, снаряжения, оборудования для предприятий; топливо для поддержания работы предприятий и транспорта; хлопок — для производства обмундирования; хлеб - для снабжения армии.

Можно ли утверждать, что перед вступлением во вторую мировую войну наша страна уже располагала минимально необходимыми материальными возможностями, потребными для того, чтобы удовлетворить в основном эти нужды? Я думаю, что можно утверждать. На подготовку этого грандиозного дела понадобилось осуществление трех пятилетних планов развития народного хозяйства. Именно эти три пятилетки помогли нам создать эти материальные возможности. Во всяком случае положение нашей страны в этом отношении перед второй мировой войной, в 1940 году, было в несколько раз лучше, чем перед первой мировой войной, в 1913 году.

Какими материальными возможностями располагала наша страна перед второй мировой войной? Чтобы помочь вам разобраться в этом деле, мне придется изложить здесь краткий отчет о деятельности коммунистической партии в области подготовки нашей страны к активной обороне.

Если взять данные за 1940 год, — канун второй мировой войны, — и сравнить их с данными за 1913 год, — канун первой мировой войны, — то мы получим такую картину.

В течение 1913 года в нашей стране было произведено 4 миллиона 220 тысяч тонн чугуна, 4 миллиона 230 тысяч тонн стали, 29 миллионов тонн угля, 9 миллионов тонн нефти, 21 миллион 600 тысяч тонн товарного зерна, 740 тысяч тонн хлопка-сырца.

488

Таковы были материальные возможности нашей страны, с которыми она вступила в первую мировую войну. Это была экономическая база старой России, которая могла быть использована для ведения войны.

Что касается 1940 года, то в течение этого года в нашей стране было произведено 15 миллионов тонн угля, т. е. почти в 4 раза больше, чем в 1913 году; 18 миллионов 300 тысяч тонн стали, т. е. в 4 с половиной раза больше, чем в 1913 году; 166 миллионов тонн угля, т. е. в 6 с половиной раз больше, чем в 1913 году; 31 миллион тонн нефти, т. е. в 3 с половиной раза больше, чем в 1913 году; 38 миллионов 300 тысяч тонн товарного зерна, т. е. на 17 миллионов тонн больше, чем в 1913 году; 2 миллиона 700 тысяч тонн хлопка-сырца, т. е. в 3 с половиной раза больше, чем в 1913 году.

Таковы были материальные возможности нашей страны, с которыми она вступила во вторую мировую войну. Это была экономическая база Советского Союза, которая могла быть использована для ведения войны.

Разница, как видите, колоссальная.

Такой небывалый рост производства нельзя считать простым и обычным развитием страны от отсталости к прогрессу. Это был скачок, при помощи которого наша Родина превратилась из отсталой страны в передовую, из аграрной — в индустриальную.

Это историческое превращение было проделано в течение трех пятилеток, начиная с 1928 года, — с первого года первой пятилетки. До этого времени нам пришлось заниматься восстановлением разрушенной промышленности и залечиванием ран, полученных в результате первой мировой войны и гражданской войны. Если при этом принять во внимание то обстоятельство, что первая пятилетка была выполнена в течение 4 лет, а осуществление третьей пятилетки было прервано войной на четвертом году ее исполнения, то выходит, что на превращение нашей страны из аграрной в индустриальную понадобилось всего около 13 лет.

Нельзя не признать, что тринадцатилетний срок является невероятно коротким сроком для осуществления такого грандиозного дела.

Этим, собственно, и объясняется, что опубликование этих цифр вызвало в свое время в иностранной печати бурю разноголосицы. Друзья решили, что произошло "чудо". Недоброжелатели же объявили, что пятилетки являются "большевистской пропагандой" и "фокусами Чека". Но так как чудес на свете

не бывает, а Чека не так сильна, чтобы отменить законы общественного развития, то "общественному мнению" за границей пришлось примириться с фактами.

489

При помощи какой политики удалось коммунистической партии обеспечить эти материальные возможности в стране в такой короткий срок?

Прежде всего при помощи советской политики индустриализации страны.

Советский метод индустриализации страны коренным образом отличается от капиталистического метода индустриализации. В капиталистических странах индустриализация обычно начинается с легкой промышленности. Так как в легкой промышленности требуется меньше вложений и капитал оборачивается быстрее, причем получение прибыли является более легким делом, чем в тяжелой промышленности, то легкая промышленность становится там первым объектом индустриализации. Только по истечении длительного срока, в течение которого легкая промышленность накопляет прибыли и сосредоточивает их в банках, только после этого наступает очередь тяжелой промышленности и начинается постепенная перекачка накоплений в тяжелую индустрию для того, чтобы создать условия для ее развертывания. Но это - процесс длительный, требующий большого срока в несколько десятилетий, в течение которого приходится ждать развития легкой промышленности и прозябать без тяжелой промышленности. Понятно, что коммунистическая партия не могла стать на этот путь. Партия знала, что война надвигается, что оборонять страну без тяжелой индустрии невозможно, что нужно поскорее взяться за развитие тяжелой индустрии, что опоздать в этом деле — значит проиграть. Партия помнила слова Ленина о том, что без тяжелой индустрии невозможно отстоять независимость страны, что без нее может погибнуть советский строй. Поэтому коммунистическая партия нашей страны отвергла "обычный" путь индустриализации и начала дело индустриализации страны с развертывания тяжелой индустрии. Это было очень трудно, но преодолимо. Большую помощь оказала в этом деле национализация промышленности и банков, давшая возможность быстрого сбора и перекачки средств в тяжелую индустрию.

Не может быть сомнений, что без этого невозможно было бы добиться превращения нашей страны в индустриальную страну в такой короткий срок.

Во-вторых, при помощи политики коллективизации сельского хозяйства.

Чтобы покончить с нашей отсталостью в области сельского хозяйства и дать стране побольше товарного хлеба, побольше хлопка и т. д., необходимо было перейти от мелкого крестьянского хозяйства к крупному хозяйству, ибо только крупное хозяйство имеет возможность применить новую технику, использовать все агрономические достижения и дать побольше товарной продукции. Но крупное хозяйство бывает двоякое, капиталистическое и коллективное. Коммунистическая партия

490

не могла стать на капиталистический путь развития сельского хозяйства не только в силу принципиальных соображений, но и потому, что он предполагает слишком длительный путь развития и требует предварительного разорения крестьян, превращения их в батраков. Поэтому коммунистическая партия стала на путь коллективизации сельского хозяйства, на путь укрупнения сельского хозяйства путем объединения крестьянских хозяйств в колхозы. Метод коллективизации оказался в высшей степени прогрессивным методом не только потому, что он не требовал разорения крестьян, но и особенно потому, что он дал возможность в течение нескольких лет покрыть всю страну крупными коллективными хозяйствами, имеющими возможность применить новую технику, использовать все агрономические достижения и дать стране побольше товарной продукции. Нет сомнения, что без политики коллективизации мы не смогли бы покончить в такой короткий срок с вековой отсталостью нашего сельского хозяйства.

Нельзя сказать, чтобы политика партии не встречала противодействия. Не только отсталые люди, всегда отмахивающиеся от всего нового, но и многие видные члены партии систематически тянули партию назад и старались всяческими способами стащить ее на "обычный" капиталистический путь развития. Все антипартийные махинации троцкистов и правых, вся их "работа" по части саботажа мероприятий нашего правительства преследовали одну цель: сорвать политику партии и затормозить дело индустриализации и коллективизации. Но партия не поддавалась ни угрозам одних, ни воплям других и уверенно шла вперед, несмотря ни на что. Заслуга партии состоит в том, что она не приспосабливалась к отсталым, не боялась идти против течения и все время сохраняла за собой позицию ведущей силы. Не может быть сомнения, что без такой стойкости и выдержки коммунистическая партия не смогла бы отстоять политику индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства.

Сумела ли коммунистическая партия правильно использовать созданные таким образом материальные возможности для того, чтобы развернуть военное производство и снабжать Красную Армию необходимым вооружением?

Я думаю, что она сумела это сделать, и притом сумела с наибольшим успехом.

Если не считать первого года войны, когда эвакуация промышленности на восток затормозила дело разворота военного производства, то в течение остальных трех лет войны партия сумела добиться таких успехов, которые дали ей возможность не только снабжать фронт в достаточном количестве артиллерией, пулеметами, винтовками, самолетами, танками, боеприпасами, но и накоплять резервы. При этом известно, что наше

вооружение по качеству не только не уступало немецкому, но в общем даже превосходило его.

Известно, что наша танковая промышленность в течение последних трех лет войны производила ежегодно в среднем более 30 тысяч танков, самоходок, бронемашин. *(Бурные аплодисменты.)*

Известно далее, что наша авиационная промышленность производила за тот же период ежегодно до 40 тысяч самолетов. *(Бурные аплодисменты.)*

Известно также, что наша артиллерийская промышленность производила за тот же период ежегодно до 120 тысяч орудий всех калибров *(бурные аплодисменты),* до 450 тысяч ручных и станковых пулеметов *(бурные аплодисменты),* свыше 3 миллионов винтовок *(аплодисменты)* и около 2 миллионов автоматов *(аплодисменты).*

Известно, наконец, что наша минометная промышленность за период 1942 - 1944 годов производила ежегодно в среднем до 100 тысяч минометов. *(Бурные аплодисменты.)*

Понятно, что одновременно с этим производилось соответствующее количество артиллерийских снарядов, разного рода мин, авиационных бомб, винтовочных и пулеметных патронов.

Известно, например, что в одном только 1944 году было произведено свыше 240 миллионов снарядов, бомб и мин *(аплодисменты)* и 7 миллиардов 400 миллионов патронов. *(Бурные аплодисменты.)*

Такова в общем картина снабжения Красной Армии вооружением и боеприпасами.

Как видите, она не похожа на ту картину, которую представляло снабжение нашей армии в период первой мировой войны, когда фронт испытывал хронический недостаток в артиллерии и снарядах, когда армия воевала без танков и авиации, когда на каждую тройку солдат выдавалась одна винтовка. Что касается снабжения Красной Армии продовольствием и обмундированием, то всем известно, что фронт не только не испытывал в этом отношении какого-либо недостатка, но имел даже при себе необходимые резервы.

Так обстоит дело с работой коммунистической партии нашей страны в период до начала войны и в течение самой войны.

Теперь несколько слов насчет планов работы коммунистической партии на ближайшее будущее. Как известно, эти планы изложены в новом пятилетнем плане, который должен быть утвержден в ближайшее время. Основные задачи нового пятилетнего плана состоят в том, чтобы восстановить пострадавшие районы страны, восстановить довоенный уровень промышленности и сельского хозяйства и затем превзойти этот уровень в более или менее значительных размерах. Не говоря уже о том, что в ближайшее время будет отменена карточная система *(бурные, продолжительные аплодисменты),* особое вни-

492

мание будет обращено на расширение производства предметов широкого потребления, на поднятие жизненного уровня трудящихся путем последовательного снижения цен на все товары *(бурные, продолжительные аплодисменты)* и на широкое строительство всякого рода научно-исследовательских институтов *(аплодисменты),* могущих дать возможность науке развернуть свои силы. *(Бурные аплодисменты.)*

Я не сомневаюсь, что если окажем должную помощь нашим ученым, они сумеют не только догнать, но и превзойти в ближайшее время достижения науки за пределами нашей страны. *(Продолжительные аплодисменты.)*

Что касается планов на более длительный период, то партия намерена организовать новый мощный подъем народного хозяйства, который дал бы нам возможность поднять уровень нашей промышленности, например, втрое по сравнению с довоенным уровнем. Нам нужно добиться того, чтобы наша промышленность могла производить ежегодно до 50 миллионов тонн чугуна *(продолжительные аплодисменты),* до 60 миллионов тонн стали *(продолжительные аплодисменты),* до 500 миллионов тонн угля *(продолжительные аплодисменты),* до 60 миллионов тонн нефти *(продолжительные аплодисменты).* Только при этом уровне можно считать, что наша Родина будет гарантирована от всяких случайностей. *(Бурные аплодисменты.)* На это уйдет, пожалуй, три новые пятилетки, если не больше. Но это дело можно сделать, и мы должны его сделать. *(Бурные аплодисменты.)*

Таков мой краткий отчет о деятельности коммунистической партии в недавнем прошлом и о планах ее работы на будущее время. *(Бурные, продолжительные аплодисменты.)*

Ваше дело судить, насколько правильно работала и работает партия *(аплодисменты)* и не могла ли она работать лучше. *(Смех, аплодисменты.)*

Говорят, что победителей не судят *(смех, аплодисменты),* что их не следует критиковать, не следует проверять. Это неверно. Победителей можно и нужно судить *(смех, аплодисменты).* Можно и нужно критиковать и проверять. Это полезно не только для дела, но и для самих победителей *(смех, аплодисменты):* меньше будет зазнайства, больше будет скромности. *(Смех, аплодисменты.)* Я считаю, что избирательная кампания есть суд избирателей над коммунистической партией, как над партией правящей. Результаты же выборов будут означать приговор избирателей. *(Смех, аплодисменты.)* Не много стоила бы коммунистическая партия нашей страны, если бы она боялась критики, проверки. Коммунистическая партия готова принять приговор избирателей. *(Бурные аплодисменты.)*

В избирательной борьбе коммунистическая партия выступает не одна. Она идет на выборы в блоке с беспартийными. В былые времена коммунисты относились к беспартийным и к бес-

493

партийности с некоторым недоверием. Объясняется это тем, что флагом беспартийности нередко прикрывались различные буржуазные группы, которым невыгодно было выступать перед избирателями

без маски. Так было в прошлом. Но теперь у нас другие времена. Беспартийных отделяет теперь от буржуазии барьер, называемый советским общественным строем. Этот же барьер объединяет беспартийных с коммунистами в один общий коллектив советских людей. Живя в общем коллективе, они вместе боролись за укрепление могущества нашей страны, вместе воевали и проливали кровь на фронтах во имя свободы и величия нашей Родины, вместе ковали и выковывали победу над врагами нашей страны. Разница между ними лишь в том, что одни состоят в партии, а другие нет. Но эта разница формальная. Важно то, что и те и другие творят одно общее дело. Поэтому блок коммунистов и беспартийных является естественным и жизненным делом. *{Бурные, продолжительные аплодисменты.)*

В заключение позвольте выразить вам благодарность за доверие, которое вы оказали мне *(продолжительные, долго не смолкающие аплодисменты. Возглас с места: "Великому полководцу всех побед, товарищу Сталину, ура!'),* выдвинув мою кандидатуру в депутаты Верховного Совета. Можете не сомневаться, что я постараюсь оправдать ваше доверие. *(Все встают. Бурные, долго не смолкающие аплодисменты, переходящие в овацию. Из разных концов зала раздаются возгласы: "Да здравствует великий Сталин, ура!", "Великому вождю народов, ура!", "Слава великому Сталину!", "Да здравствует товарищ Сталин всенародный кандидат!", "Творцу всех наших побед товарищу Сталину — слава!).*

РЕЧЬ И.В. СТАЛИНА НА XIX СЪЕЗДЕ ПАРТИИ

14 октября 1952 года

(Появление на трибуне товарища Сталина делегаты встреча ют бурными, долго не смолкающими аплодисментами, переходящими в овацию. Возгласы: "Товарищу Сталину — ура", "Да здравствует товарищ Сталин!", "Слава великому Сталину!".)

Товарищи!

Разрешите выразить благодарность от имени нашего съезда всем братским партиям и группам, представители которых почтили наш съезд своим присутствием или которые прислали съезду приветственные обращения, — за дружеские приветствия, за пожелания успехов, за доверие. *(Бурные, продолжительные аплодисменты, переходящие в овацию.)*

Для нас особенно ценно это доверие, которое означает готовность поддержать нашу партию в ее борьбе за светлое будущее народов, в ее борьбе против войны, в ее борьбе за сохранение мира. *(Бурные, продолжительные аплодисменты.)*

Было бы ошибочно думать, что каша партия, ставшая могущественной силой, не нуждается больше в поддержке. Это неверно. Наша партия и наша страна всегда нуждались и будут нуждаться в доверии, в сочувствии и в поддержке братских народов за рубежом.

Особенность этой поддержки состоит в том, что всякая поддержка миролюбивых стремлений нашей партии со стороны любой братской партии означает вместе с тем поддержку своего

собственного народа в его борьбе за сохранение мира. Когда английские рабочие в 1918 — 1919 годах, во время вооруженного нападения английской буржуазии на Советский Союз организовали борьбу против войны под лозунгом "Руки прочь от России", то это была поддержка, поддержка прежде всего борьбы своего народа за мир, а потом и поддержка Советского Союза. Когда товарищ Торез или товарищ Тольятти заявляют, что их народы не будут воевать против народов Советского Союза *(бурные аплодисменты),* то это есть поддержка, прежде всего поддержка рабочих и крестьян Франции и Италии, борющихся за мир, а потом и поддержка миролюбивых стремлений Советского Союза. Эта особенность

взаимной поддержки объясняется тем, что интересы нашей партии не только не противоречат, а, наоборот, сливаются с интересами миролюбивых народов. *(Бурные аплодисменты.)* Что же касается Советского Союза, то его интересы вообще неотделимы от дела мира во всем мире.

Понятно, что наша партия не может оставаться в долгу у братских партий и она сама должна в свою очередь оказывать им поддержку, а также их народам в их борьбе за освобождение, в их борьбе за сохранение мира. Как известно, она именно так и поступает. *(Бурные аплодисменты.)* После взятия власти нашей партией в 1917 году и после того, как партия предприняла реальные меры по ликвидации капиталистического и помещичьего гнета, представители братских партий, восхищаясь отвагой и успехами нашей партии, присвоили ей звание "Ударной бригады" мирового революционного и рабочего движения. Этим они выражали надежду, что успехи "Ударной бригады" облегчат положение народам, томящимся под гнетом капитализма. Я думаю, что наша партия оправдала эти надежды, особенно в период второй мировой войны, когда Советский Союз, разгромив немецкую и японскую фашистскую тиранию, избавил народы Европы и Азии от угрозы фашистского рабства. *(Бурные аплодисменты.)*

Конечно, очень трудно было выполнять эту почетную роль, пока "Ударная бригада" была одна-единственная и пока приходилось ей выполнять эту передовую роль почти в одиночестве. Но это было. Теперь — другое дело. Теперь, когда от Китая и Кореи до Чехословакии и Венгрии появились новые "Ударные бригады" в лице народно-демократических стран, — теперь нашей партии легче стало бороться, да и работа пошла веселее. *(Бурные, продолжительные аплодисменты.)*

Особого внимания заслуживают те коммунистические, демократические или рабоче-крестьянские партии, которые еще не пришли к власти и которые продолжают работать под пятой буржуазных драконовских законов. Им, конечно, труднее работать. Однако им не столь трудно работать, как было трудно нам, русским коммунистам, в период царизма, когда малейшее движение вперед объявлялось тягчайшим преступлением. Одна-

ко русские коммунисты выстояли, не испугались трудностей и добились победы. То же самое будет с этими партиями.

Почему все же не столь трудно будет работать этим партиям в сравнении с русскими коммунистами царского периода?

Потому, во-первых, что они имеют перед глазами такие примеры борьбы и успехов, какие имеются в Советском Союзе и народно-демократических странах. Следовательно, они могут учиться на ошибках и успехах этих стран и тем облегчить свою работу.

Потому, во-вторых, что сама буржуазия, — главный враг освободительного движения, — стала другой, изменилась серьезным образом, стала более реакционной, потеряла связи с народом и тем ослабила себя. Понятно, что это обстоятельство должно также облегчить работу революционных и демократических партий. *(Бурные аплодисменты.)*

Раньше буржуазия позволяла себе либеральничать, отстаивала буржуазно-демократические свободы и тем создавала себе популярность в народе. Теперь от либерализма не осталось и следа. Нет больше так называемой "свободы личности", права личности признаются теперь только за теми, у которых есть капитал, а все прочие граждане считаются сырым человеческим материалом, пригодным лишь для эксплуатации. Растоптан принцип равноправия людей и наций, он заменен принципом полноправия эксплуататорского меньшинства и бесправия эксплуатируемого большинства граждан. Знамя буржуазно-демократических свобод выброшено за борт. Я думаю, что это знамя придется поднять вам, представителям коммунистических и демократических партий, и понести вперед, если хотите собрать вокруг себя большинство народа. Больше некому его поднять. *(Бурные аплодисменты.)*

Раньше буржуазия считалась главой нации, она отстаивала права и независимость нации, ставя их "превыше всего". Теперь не осталось и следа от "национального принципа". Теперь буржуазия продает

права и независимость нации за доллары. Знамя национальной независимости и национального суверенитета выброшено за борт. Нет сомнения, что это знамя придется поднять вам, представителям коммунистических и демократических партий, и понести его вперед, если хотите быть патриотами своей страны, если хотите стать руководящей силой нации. Его некому больше поднять. *(Бурные аплодисменты.)*

Так обстоит дело в настоящее время.

Понятно, что все эти обстоятельства должны облегчить работу коммунистических и демократических партий, не пришедших еще к власти.

Следовательно, есть все основания рассчитывать на успехи и победу братских партий в странах господства капитала. *(Бурные аплодисменты.)*

497

Да здравствуют наши братские партии! *(Продолжительные аплодисменты.)*

Пусть живут и здравствуют руководители братских партий! *(Продолжительные аплодисменты.)*

Да здравствует мир между народами! *(Продолжительные аплодисменты.)*

Долой поджигателей войны! *(Все встают. Бурные, долго не смолкающие аплодисменты, переходящие в овацию. Возгласы: "Да здравствует товарищ Сталин!", "Товарищу Сталину — ура!", "Да здравствует великий вождь трудящихся мира товарищ Сталин!","Великому Сталину — ура!", Да здравствует мир между народами!". Возгласы: "Ура".)*

498

Юрий Смирнов. СТАЛИН И АТОМНАЯ БОМБА

Весной 1942 г., основываясь на агентурной информации, Л.П.Берия впервые сообщил Сталину о развернувшихся на западе работах по созданию атомной бомбы.

За несколько месяцев до этого, с конца 1941 г., 28-летний курсант Военно-воздушной академии, уже тогда известный физик и будущий академик Г.Н. Флеров обратился с письмами сначала к И.В. Курчатову, а затем к уполномоченному Государственного комитета обороны (ГКО) по науке СВ. Кафтанову, убеждая их в необходимости развернуть в стране работы по делению урана. Более того, уже находясь в армии, он в апреле 1942 г. пишет непосредственно И.В. Сталину. Примечательно, с какой страстью Флеров отстаивал свою позицию: "Во всех иностранных журналах полное отсутствие каких-либо работ по этому вопросу. Это молчание не есть результат отсутствия работы... Словом, наложена печать молчания, и это-то является наилучшим показателем того, какая кипучая работа идет сейчас за границей... Нам всем необходимо продолжить работу над ураном".

В письме Сталину Флеров подчеркивал: "Единственное, что делает урановые проекты фантастическими — это слишком большая перспективность в случае удачного решения задачи... В военной технике произойдет самая настоящая революция... Если в отдельных областях ядерной физики нам удалось подняться до уровня иностранных ученых и кое-где даже их опередить, то сейчас мы совершаем большую ошибку, добровольно сдавая завоеванные позиции"

499

Письма Г.Н. Флерова сыграли свою роль. Как и информация, почерпнутая из записной книжки убитого партизанами немецкого офицера, в которой содержались схемы ядерных превращений урана и записи, наводившие на мысль о работах в Германии по созданию сверхоружия. В результате весной 1942г. за

подписью С.В. Кафтанова и академика А.Ф. Иоффе в ГКО страны было направлено предложение о необходимости создания научного центра по проблеме ядерного оружия.

Много лет спустя Кафтанов вспоминал: "Докладывая вопрос на ГКО, я отстаивал наше предложение. Я говорил: конечно, риск есть. Мы рискуем десятком или даже сотней миллионов рублей... Если мы не пойдем на этот риск, мы рискуем гораздо большим: мы можем оказаться безоружными перед лицом врага, овладевшего атомным оружием. Сталин походил, походил и сказал: "Надо делать". Флеров оказался инициатором принятого теперь решения".

11 февраля 1943 г. ГКО принял специальное решение об организации научно-исследовательских работ по использованию атомной энергии. Их руководителем был назначен И.В. Курчатов. Вначале общее руководство советским атомным проектом осуществлял В.М. Молотов. Затем с августа 1945 г. его сменил Л.П. Берия...

Хотя работы по советскому атомному проекту начались, их организация на первом этапе, в годы войны, не удовлетворяла Курчатова. Не случайно 29 сентября 1944 г. он писал Берии: "В письме т. М.Г. Первухина и моем на Ваше имя мы сообщали о состоянии работ по проблеме урана и их колоссальном развитии за границей. ...Вокруг этой проблемы за границей создана невиданная по масштабу в истории мировой науки концентрация научных и инженерно-технических сил, уже добившихся ценнейших результатов.

У нас же, несмотря на большой сдвиг в развитии работ по урану в 1943 — 1944 гг., положение дел остается совершенно неудовлетворительным ...

Зная Вашу исключительно большую занятость, я все же, ввиду исторического значения проблемы урана, решился побеспокоить Вас и просить Вас дать указания о такой организации работ, которая бы соответствовала возможностям и значению нашего Великого Государства в мировой культуре".

Следующее по времени упоминание о Сталине в связи с атомным проектом принадлежит Г.К. Жукову. В своей книге "Воспоминания и размышления", рассказывая о работе Потсдамской конференции летом 1945 г., он отметил: в ходе конференции глава американской делегации президент США Г. Трумэн, очевидно, с целью политического шантажа однажды пытался произвести на И.В. Сталина психологическую атаку.

"Не помню точно какого числа, после заседания глав правительств Г. Трумэн сообщил И.В. Сталину о наличии у США

бомбы необычайно большой силы, не назвав ее атомным оружием.

В момент этой информации, как потом писали за рубежом, У. Черчилль впился глазами в лицо И.В. Сталина, наблюдая за его реакцией. Но тот ничем не выдал своих чувств, сделав вид, будто ничего не нашел в словах Г. Трумэна. Как Черчилль, так и многие другие англо-американские авторы считали впоследствии, что, вероятно, И.В. Сталин действительно не понял значения сделанного ему сообщения.

На самом деле, вернувшись с заседания, И.В. Сталин в моем присутствии рассказал В.М. Молотову о состоявшемся разговоре с Г. Трумэном. В. М. Молотов тут же сказал:

—Цену себе набивают.И.В. Сталин рассмеялся:

—Пусть набивают. Надо будет переговорить с Курчатовым об ускорении нашей работы.

Я понял, что речь шла об атомной бомбе".

Без сомнения, поворотный момент в истории советского

атомного проекта наступил, когда 6 августа 1945 г. американцы сбросили над Хиросимой свою первую атомную бомбу. Для советского руководства пришло время решительных действий.

Интересный факт отметила Светлана Аллилуева — дочь Сталина: "... Отца я увидела снова лишь в августе, — когда он возвратился с Потсдамской конференции. Я помню, что в тот день, когда я была у него, — пришли обычные его посетители и сказали, что американцы сбросили в Японии первую атомную бомбу... Все были заняты этим сообщением и отец не особенно внимательно разговаривал со мной. А у меня были такие важные— для меня — новости. Родился сын! Ему уже три месяца и назвали его Иосиф... Какое значение могли иметь подобные мелочи в ряду мировых событий, — это было просто никому не интересно..."

Уже через несколько дней после американских атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки последовали крупные организационные решения в интересах советского атомного проекта. А пять месяцев спустя, 25 января 1946 г., Сталин лично встречается с Курчатовым и, демонстрируя свое полное доверие, предоставляет ему своеобразный карт-бланш.

Из приводимой ниже записи об этой встрече 43-летнего Игоря Васильевича видно, что от него не ускользнуло, как выглядит кабинет Сталина. Он обратил внимание на "печи изразцовые, прекрасный портрет Ильича и портреты полководцев". Поэтому с определенной степенью достоверности можно говорить о свежести впечатлений и что, всего скорей, Курчатов в кабинете Сталина был впервые.

Записи Игоря Васильевича с большим трудом поддаются расшифровке. По этой причине в публикуемом тексте сделаны отдельные небольшие пропуски, а сомнительные, неодно-

значные варианты конкретных слов отмечены вопросительными знаками. Обращает на себя внимание и форма записи: строгая, деловая, без каких-либо оценок, фактически официальная, констатирующая. Да Игорь Васильевич и не мог себе позволить что-либо иное. Он знал, под каким контролем каждый его шаг и не мог подвергать даже малейшему риску огромное дело, которое он возглавлял.

Прежде чем привести запись, необходимо остановиться на ряде важных обстоятельств.

Решением Государственного комитета обороны СССР от 20 августа 1945 г. при ГКО был создан Специальный (Особый) комитет под председательством Берии. На Комитет возлагалась задача создания атомной промышленности в стране и создания атомного оружия. Накануне Сталин вызвал к себе наркома боеприпасов — одного из будущих руководителей атомной промышленности СССР Б.Л. Ванникова. Вспоминая об этом разговоре, Ванников отметил: "Сталин вкратце остановился на атомной политике США и затем повел разговор об организации работ по использованию атомной энергии и созданию атомной бомбы у нас в СССР". Сталин упомянул о предложении Берии возложить все руководство на НКВД и сказал: "Такое предложение заслуживает внимания. В НКВД имеются крупные строительные и монтажные организации, которые располагают значительной армией строительных рабочих, хорошими квалифицированными специалистами, руководителями. НКВД также располагает разветвленной сетью местных органов, а также сетью организаций на железной дороге и на водном транспорте".

Однако затем, видимо, учитывая и соображения Ванникова, Сталин посчитал, что наилучший вариант — выйти за рамки НКВД и создать Специальный комитет, который "должен находиться под контролем ЦК и работа его должна быть строго засекречена... Комитет должен быть наделен особыми полномочиями".

Заместителем председателя Специального комитета был назначен Ванников, а его членами стали Г.М. Маленков (секретарь ЦК ВКП(б)), Н.А. Вознесенский (председатель Госплана), А.П. Завенягин, М.Г. Первухин, А.Ф. Иоффе, П.Л. Капица, И.В. Курчатов. Секретарем и членом комитета стал В. А. Махнев.

Настаивая на включении в комитет Маленкова, Сталин подчеркнул: "Это дело должна поднять вся партия, Маленков — секретарь ЦК, он подключит местные партийные организации".

Одновременно с организацией Специального комитета был сформирован Ученый (Технический) совет по атомной энергии, в который по предложению Берии вошли А.Ф. Иоффе, П.Л.Капица, И.В. Курчатов, А.И. Алиханов, И.К. Кикоин, Ю.Б. Харитон, Б.Л. Ванников, А.П. Завенягин и В.А. Махнев. При этом Сталин рассуждал так: "Давайте назначим председателем Учено-

го совета тов. Ванникова, у него получится хорошо, его будут слушаться и Иоффе и Капица, а если не будут — у него рука крепкая; к тому же он известен в нашей стране, его знают специалисты промышленности и военые".

Наконец, на основании постановления ГКО от 20 августа 1945 г. вскоре было образовано и Первое главное управление при Совете Народных Комиссаров СССР, которое также возглавил Б. Л. Ванников.

Смысл некоторых замечаний в записи И.В. Курчатова о встрече со Сталиным 25 января 1946 г. и указаний Сталина становится особенно понятным, если вспомнить, какие события развернулись с участием академика П. Л. Капицы после первых заседаний Специального комитета и Ученого совета, членом которых он состоял.

Петр Леонидович Капица — человек независимых взглядов, не боявшийся войти в острый конфликт даже с Берией, 3 октября 1945 г., то есть уже через полтора месяца после создания Специального комитета и Ученого совета, обратился с личным письмом к Сталину. В нем он, в частности, написал, что "товарища Берия мало заботит репутация наших ученых (твое, дескать, дело изобретать, исследовать, а зачем тебе репутация). Теперь, столкнувшись с тов. Берия по Особому комитету, я особенно ясно почувствовал недопустимость его отношения к ученым". И далее:

"...уже пора товарищам типа тов. Берия начинать учиться уважению к ученым. Все это заставляет меня ясно почувствовать, что пока еще не настало время в нашей стране для тесного и плодотворного сотрудничества политических сил с учеными".

25 ноября 1945 г. ПЛ. Капица написал Сталину о своей настоятельной просьбе освободить его "от участия в Особом комитете и Техническом Совете". В своем пространном письме он мотивировал просьбу тем, что "товарищи Берия, Маленков, Вознесенский ведут себя в Особом Комитете как сверхчеловеки. В особенности тов. Берия... У тов. Берия основная слабость в том, что дирижер должен не только махать палочкой, но и понимать партитуру. С этим у Берия слабо... Товарищ Ванников и другие из Техсовета мне напоминают того гражданина из анекдота, который, не веря врачам, пил в Ессентуках все минеральные воды подряд в надежде, что одна из них поможет". Капица в этом письме утверждал: "В организации работы по атомной бомбе, мне кажется, есть много ненормального. Во всяком случае, то, что делается сейчас, не есть кратчайший и наиболее дешевый путь к ее созданию... Но если стремиться к быстрому успеху, то всегда путь к победе будет связан с риском и с концентрацией удара главных сил по весьма ограниченному и хорошо выбранному направлению. По этим вопросам у меня нет согласия с товарищами... Единственный путь тут — единолич

ное решение, как у главнокомандующего, и более узкий военный совет".

Вопросы, поставленные Капицей в названных письмах, как мы увидим из записи Курчатова, в той или иной степени и, видимо, не случайно, затрагивались Сталиным во время встречи 25 января 1946 г. Поэтому интересно проследить, какие именно указания дал Сталин Игорю Васильевичу. И обратим внимание, что Сталин в разговоре с Курчатовым сам заговорил о Капице, а 4 апреля 1946 г. сообщил Петру Леонидовичу: "Тов. Капица! Все Ваши письма получил. В письмах много поучительного — думаю как-нибудь встретиться с Вами и побеседовать о них..."

Однако Сталин и Капица так никогда и не встретились. Уже 21 декабря 1945 г. Капица был освобожден от работы в Спецкомитете и Техническом совете, а осенью 1946 г. он был снят со всех занимаемых должностей, попав в опалу.

Игорь Васильевич в своих записях ничего не говорит о том, как выглядел Сталин во время их встречи. Но его дочь Светлана свидетельствует: "Когда война кончилась, он (отец) заболел. У него сразу был такой спад. Ему было уже 66 лет. Он очень болел в 46 году... И болел долго и трудно. Сказались напряжение и усталость военных лет и возраст... Летом 1946 года он уехал на юг — впервые после 1937 года".

Никаких свидетельств не оставил Игорь Васильевич и о мотивах состоявшейся встречи со Сталиным. Хотя, как видим, действия и позиция П. Л. Капицы, как и его разыгравшийся конфликт с Берией, по меньшей мере пусть косвенно, но могли способствовать осуществлению такой встречи.

Игорь Васильевич не упоминает, как проходила сама встреча. Но мы можем представить себе, благодаря, например, рассказу Константина Симонова, который вместе с А. Фадеевым и Б. Горбатовым 13 мая 1947 года впервые оказался в кабинете Сталина. Вряд ли за год с небольшим в чем-то существенном изменился общий рисунок подобных встреч. Встреча, которую описал Симонов, проходила с участием Молотова и Жданова и началась в седьмом часу вечера: "...В приемную вошел Поскребышев и пригласил нас. Мы прошли еще через одну комнату и открыли дверь в третью. Это был большой кабинет, отделанный светлым деревом, с двумя дверями — той, в которую мы вошли, и второй дверью в самой глубине кабинета слева. Справа, тоже в глубине, вдали от двери стоял письменный стол, а слева вдоль стены еще один стол — довольно длинный, человек на двадцать — для заседаний.

Во главе этого стола, на дальнем конце его, сидел Сталин, рядом с ним Молотов, рядом с Молотовым Жданов. Они поднялись навстречу. Лицо у Сталина было серьезное, без улыбки. Он деловито протянул каждому из нас руку и пошел обратно к столу, Молотов приветливо поздоровался...

После этого мы все трое — Фадеев, Горбатов и я — сели рядом по одну сторону стола, Молотов и Жданов сели напротив нас, но не совсем напротив, а чуть поодаль, ближе к сидевшему во главе стола Сталину...

Сталин...в начале беседы больше стоял, чем сидел, или делал несколько шагов взад и вперед позади его же стула или кресла... Сталин, как всегда, говорил очень неторопливо, иногда повторял сказанное, останавливался, думал, прохаживался". Он был одет "в серого цвета китель, в серые брюки навыпуск. Курил кривую трубку. Впрочем, курил мало. Зажигал ее, затягивался один раз, потом через несколько минут опять зажигал, опять затягивался, и она снова гасла, но он почти все время держал ее в руке. Иногда он, подойдя к своему стулу, заложив за спинку большие пальцы, легонько барабанил по стулу остальными. Во время беседы он часто улыбался".

Обратимся теперь к тексту записи беседы, сделанной И.В.Курчатовым, по-видимому, сразу после встречи со Сталиным, под свежим впечатлением. Этот листок с быстрым, почти стенографическим почерком Игорь Васильевич до конца дней хранил в своем личном сейфе.

"25 января 1946 года.

Беседа продолжалась приблизительно один час с 7.30 до 8.30 вечера. Присутствовали т. Сталин, т. Молотов, т. Берия.

Основные впечатления от беседы. Большая любовь т. Сталина к России и В.ИЛенину, о котором он говорил в связи с его большой надеждой на развитие науки в нашей стране. [...]

Во взглядах на будущее развитие работ т. Сталин сказал, что не стоит заниматься мелкими работами, а необходимо вести их широко, с русским размахом, что в этом отношении будет оказана самая широкая всемерная помощь.

Т. Сталин сказал, что не нужно искать более дешевых путей, что не нужно [?] работу, что нужно вести работу быстро и в грубых основных формах. [...]

По отношению к ученым т. Сталин был озабочен мыслью, как бы облегчить и помочь им в материально-бытовом положении. И в премиях за большие дела, например, за решение нашей проблемы. Он сказал, что наши ученые очень скромны, и они никогда не замечают, что живут плохо — это уже плохо, и хотя, он говорит, наше государство и сильно пострадало, но всегда можно обеспечить, чтобы (несколько? тысяч?) человек жило на славу, [?] свои дачи, чтобы человек мог отдохнуть, чтобы была машина.

В работе т. Сталин говорил — что надо идти решительно со вложением решительно всех средств, но по основным направлениям.

Надо также всемерно использовать Германию, в которой есть и люди, и оборудование, и опыт, и заводы. Т. Сталин ин-

тересовался работой немецких ученых и той пользой, которую они нам принесли [1] .

Из беседы с т. Сталиным было ясно, что ему отчетливо

представляются трудности, связанные с получением (наших?)

первых агрегатов, хотя бы с малой производительностью, т.к.

(сказал?) увеличения производительности можно достигнуть

увеличением числа агрегатов. Труден лишь первый шаг, и он

является основным достижением.

(Затем?) были заданы вопросы об Иоффе, Алиханове, Капице и Вавилове и целесообразности работы Капицы.

Было выражено (мнение?) на кого (они?) работают и на что направлена их деятельность — на благо Родине или нет.

Было предложено написать о мероприятиях, которые были бы необходимы, чтобы ускорить работу, все, что нужно. Кого, бы из ученых следовало еще привлечь к работе.

Систему премий.

Обстановка кабинета указывает на (оригинальность?) и (?) ее хозяина. Печи изразцовые, прекрасный портрет Ильича и портреты полководцев.

Космические лучи и циклотрон..."

Заключительные слова записи Игоря Васильевича, к сожалению, не поддаются однозначной расшифровке.

...Со дня встречи Сталина с Курчатовым 25 января 1946 г. до пуска первого советского опытного уран-графитового реактора 25 декабря 1946 г. оставалось ровно 11 месяцев. До взрыва первой советской атомной бомбы 29 августа 1949 г. оставалось еще долгих и очень трудных 3 года и 7 месяцев.

По существу, в ходе беседы Сталин наделил И.В. Курчатова особыми полномочиями.

Вне всякого сомнения, Сталин понимал (это хорошо видно из записи беседы), что создание собственной атомной бомбы становится важнейшим делом для государства. Поэтому были развернуты такие мобилизационные мероприятия, которые только и были под силу мощной партийно-государственной системе, подчиненной единой воле и жесткому контролю. Той централизованной диктаторской машине управления, которая господствовала в СССР.

Для решения беспрецедентной задачи были привлечены лучшие силы промышленности, конструкторских бюро, иссле-

1 Один из наиболее видных немецких специалистов, работавших в СССР, Макс Штеенбек так суммировал вклад своих соотечественников в советский атомный проект: "Западная пропаганда... при каждом удобном случае утверждала, что советскую атомную бомбу создали якобы немецкие ученые. Абсолютная чепуха! Конечно, мы сыграли определенную роль в разработке ядерной темы, но наша задача никогда не выходила за те границы, где освоение энергии четко переходит от мирного применения к использованию в военных целях".

довательских институтов, все звенья партийных органов и управления, лучшие руководители и специалисты.

С другой стороны, создание атомной бомбы в СССР пришлось на период обострившегося с лета 1946 г. опаснейшего противостояния между СССР и США, когда война между бывшими союзниками могла начаться в любой момент.

Это было время, когда наша страна только что вышла из опустошительной кровавой войны с фашизмом. Сталин знал о жертвах и лишениях своих соотечественников не только по сводкам. Его дочь Светлана вспоминала, что летом 1946 г. он поехал на юг на машине: "Огромная процессия протянулась по плохим тогда еще дорогам... Останавливались в городах, ночевали у секретарей обкомов, райкомов. Отцу хотелось посмотреть своими глазами, как живут люди, — а кругом была послевоенная разруха...Он нервничал, видя, что люди живут еще в землянках, что кругом еще одни развалины".

В те же годы, еще до взрыва первой советской атомной бомбы (как, впрочем, и позднее), Сталин продолжил свое безжалостное давление на общество, не щадя ни своих партийных единомышленников, ни ученых, ни еще совсем недавних национальных кумиров. Заподозрив в подготовке заговора, он в июне 1946 г. высылает Г.К. Жукова в Одессу. По нелепому навету лично лишает воинского звания генерал-лейтенанта легендарного папанинца Е.К. Федорова и в августе 1947 г., разжаловав в рядовые, снимает его с должности. К началу 1949 г. раскручивается сфабрикованное "ленинградское дело", завершившееся трагической развязкой.

Гнетущую атмосферу в стране усиливали печально знаменитые репрессивные постановления Центрального Комитета ВКП(б) в области литературы, театра, кино (1946 г.) и даже музыки (1948 г.). Были проведены разгромные "дискуссии" по вопросам философии (1947 г.) и по так называемому космополитизму в науке (1948 - 1949 гг.). Общеизвестна трагическая участь советской генетики, судьба которой была решена в августе 1948 г...

В этих условиях быстрое создание атомной бомбы в нашей стране, завершившееся успешным испытанием 29 августа 1949 г., было не только триумфом, но и подвигом. При этом роль Игоря Васильевича Курчатова, его ближайших сподвижников была одной из самых решающих

ОБ АВТОРАХ ЭТОЙ КНИГИ

Владиславом Ивановичем КАРДАШОВЫМ и Сергеем Николаевичем СЕМАНОВЫМ ранее созданы историко-биографические произведения об известных деятелях России: канцлере Горчакове, Александре Ульянове, Несторе Махно, Клименте Ворошилове, маршале Рокоссовском, Юрии Андропове. Все эти работы вышли несколькими изданиями, переведены на иностранные языки.

508

509

ББК 63(3)2 СИ

СИ. Семенов, В. И. Кардатов

ИОСИФ СТАЛИН: ЖИЗНЬ И НАСЛЕДИЕ

ДОКУМЕНТЫ

Юрий Смирнов

СТАЛИН И АТОМНАЯ БОМБА

С11 СТАЛИН. - М.: Новатор, 1997. - 528; ил. -(“РОСС”—

“Российские судьбы”).

ISBN 5-85862-057-4 ISBN 5-85862-096-5

Наиболее полная и по возможности объективная книга об И.В. Сталине, стоявшем во главе нашего государства почти три десятилетия.

ББК 63(3)2

ISBN 5-85862-057-4 ISBN 5-85862-096-5

Директор издательства *В.И. КОСОВ*

Главный редактор *Т. А. Соколова*

Контрольный редактор *И. Д. Носков*

Разработка оформления серии *В. Я. Кауфман*

Корректор С. *В. Мироновская*

Технический редактор *М. А. Шуйская*

Ответственные за выпуск *И.Л. Августинов, Н.С. Стругова* Компьютерная верстка *Д.Н. Пищулин*

В. И. Кардашов, С.Н. Семанов.

© Новатор, 1997

Сдано в набор 5.10.96. Подписано в печать 3.02.97. Формат 60Х90 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Усл. п. л. 34. Уч.-изд. л, 31,22. Тираж 5000 экз. Заказ № 6059. Изд. № 106.

ЛР № 0711146 от 17.03.93 г.

Издательство "Новатор". 113152, Москва, Загородное шоссе, д.8, корп.7 По вопросам приобретения книг обращаться по телефонам:

952-72-80; 958-07-66. Факс 952-86-90. Осуществляем почтовую рассылку книг. Высылаем бесплатный каталог. Отдел почтовой экспедиции: тел./факс 952-86-90.

Отпечатано с оригинал-макета на Смоленском полиграфическом комбинате Государственного комитета Российской Федерации по печати. 214020, г. Смоленск, ул. Смольянинова, 1.

Качество воспроизведения текста соответствует качеству представленного оригинал-макета.

Размещено в Библиотеке думающего о России
www.patriotica.ru